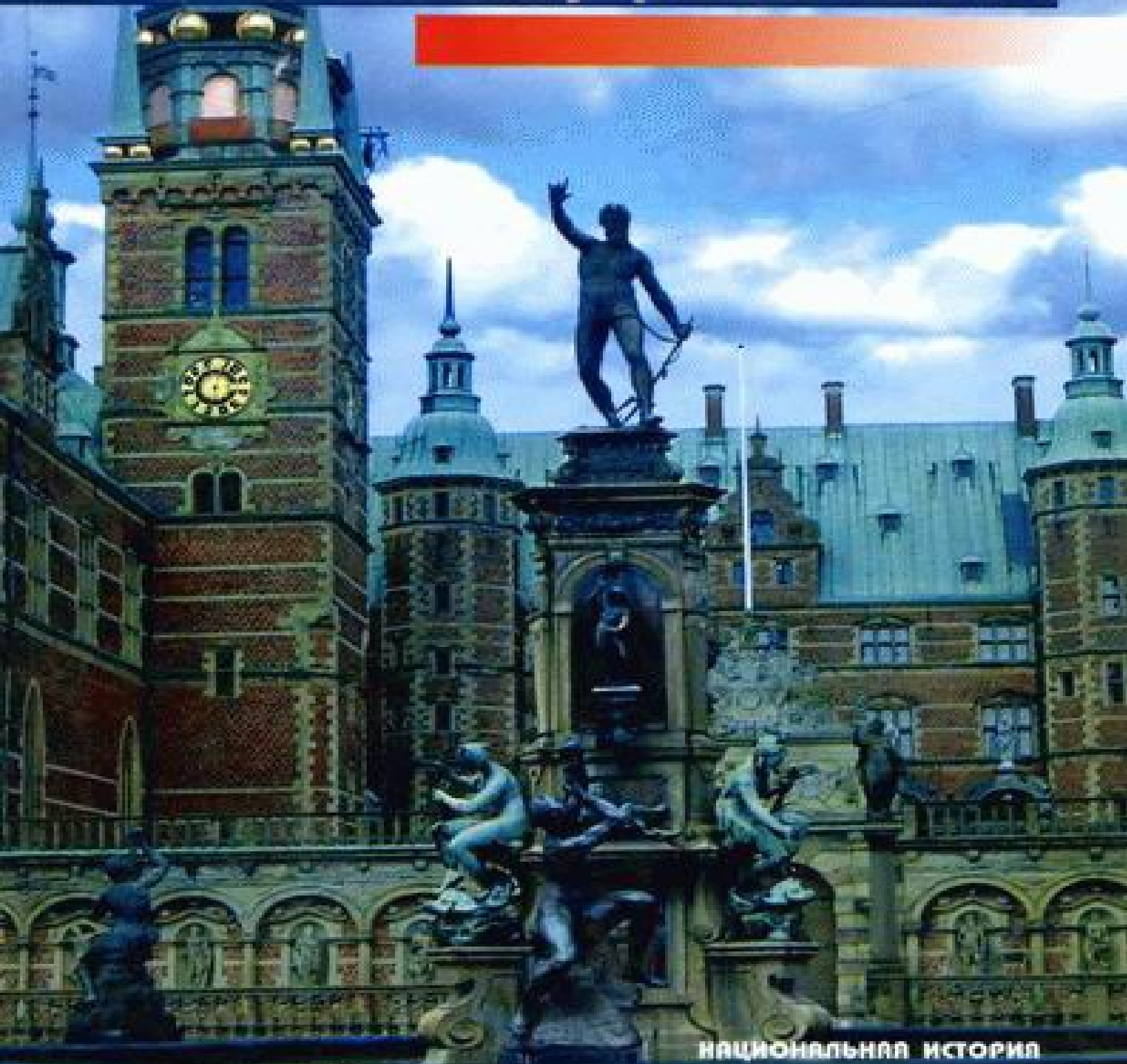

ИСТОРИЯ ДАНИИ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Annotation

История Дании, охватывающая огромный период времени со времен викингов и до начала XXI в., написана ведущими датскими историками. На русском языке публикуется впервые. Одно это делает выход книги в свет настоящим событием в отечественной историографии. Россию и Данию связывают века взаимоотношений и многие людские судьбы, стоит вспомнить имена Витуса Беринга, императрицы Марии Федоровны и многие другие. И нельзя забывать, что царь Петр именно в союзе с Данией прорубал «окно в Европу». В то же время история Дании, когда-то великой европейской державы, в современной России известна мало. Книга, выходящая в свет в серии «Национальная история», устраняет этот пробел. В ней рассмотрены основные этапы становления датской государственности и гражданского общества, проблемы социально-экономического развития, различные аспекты внешней политики. Книга адресована всем, кто изучает и преподаёт европейскую историю.

- [Хельге Палудан, Эрик Ульсиг, Карстен Порскрог Расмуссен, Герца Бонцеруп, Эрик Странге Петерсен, Хеннинг Поульсен, Серен Хейн Расмуссен](#)
 -
 - [Приветствие Чрезвычайного и Полномочного Посла Королевства Дания в Российской Федерации Пера Карлсена](#)
 - [ДАНИЯ ДО 1332 года](#)
 - [Глава 1](#)
 - [История Дании. Проблема Саксона](#)
 - [Даны. Переселенцы, не имевшие государства](#)
 - [Короли из Гудме и короли германцев](#)
 - [Корабль викингов. Новый инструмент власти](#)
 - [Экономика викингов](#)
 - [Датский язык. Им пользовались многие](#)
 - [Кульминация и стагнация](#)
 - [Представления о мире и политика](#)
 - [Глава 2](#)

- [Церковь и королевская власть](#)
 - [Рост. Новации XII столетия](#)
 - [Города. Как одуванчики в мае...](#)
 - [По обоюдной милости. Церковь и король в XII в.](#)
 - [Родовая знать в XII в.](#)
 - [Монархия Вальдемаров](#)
 - [Функции церкви](#)
 - [Церковь. Власть и культура](#)
- [Глава 3](#)
 - [Конфликт между властями](#)
 - [Внешняя политика как сфера компетенции короля](#)
 - [Королевская внутренняя политика — до драмы в Финнерупе](#)
 - [После Финнерупа. Четыре убитых короля и выпавший из кареты принц](#)
 - [Кризис аристократии.](#)
 - [Демографический кризис](#)
 - [Резюме](#)
- [ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ \(1340-1523\)](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Политические события 1332-1375 гг.](#)
 - [Монархия Вальдемара](#)
 - [Маргрете и Кальмарская уния \(1375-1412\)](#)
 - [Монархия королевы Маргрете](#)
 - [Эрик Померанский \(1412-1439\).](#)
 - [Королевская власть и аристократия](#)
 - [Сокращение численности населения и аграрный кризис](#)
 - [Торговые города и сконские ярмарки](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Северная уния](#)
 - [Шлезвиг-Гольштейн](#)
 - [Король и дворянство](#)
 - [Кристиан II \(1513-1523\)](#)
 - [Падение короля](#)
 - [Глава 6](#)

-
- [Королевская власть](#)
- [Крестьянское сословие](#)
- [Крестьянин и помещик](#)
- [Города](#)
- [Торговля](#)
- [Привилегированные сословия](#)
- [Церковь](#)
- [Дворянство](#)
- [Жизнь и смерть](#)
- [Резюме](#)
- [НОВОЕ ВРЕМЯ \(1523-1720\)](#)
 - [Глава 7](#)
 -
 - [Лютеранство](#)
 - [«Графская распря»](#)
 - [Арест епископов и Реформация](#)
 - [Церковь и религия после Реформации](#)
 - [Глава 8](#)
 -
 - [Аграрное общество в XVI в.](#)
 - [Крестьянское сословие](#)
 - [Дворянство](#)
 - [Торговые города и бюргерство](#)
 - [Политическая система в XVI в.](#)
 - [Государственный совет и органы центральной администрации](#)
 - [Органы местной администрации и правосудия](#)
 - [Государственные финансы](#)
 - [Норвегия и провинции](#)
 - [Герцогства](#)
 - [Глава 9](#)
 -
 - [Первые войны со Швецией](#)
 - [Тридцатилетняя война](#)
 - [Войны эпохи Карла Густава](#)
 - [Реванш или выживание](#)

- [Глава 10](#)
 -
 - [Датское домениальное государство в годы войн](#)
 - [Борьба за создание военного государства](#)
 - [Последние годы правления государственного совета](#)
 - [Государственный переворот](#)
 - [Политическая власть](#)
 - [Органы управления](#)
 - [Армия](#)
 - [Налоги](#)
 - [Меркантилизм](#)
 - [Кризис сельского хозяйства и развитие поместной системы](#)
 - [Провинциальные города и столица](#)
 - [Элита](#)
 - [Культура в эпоху абсолютизма](#)
 - [Резюме](#)
- [АБСОЛЮТИЗМ И РЕФОРМЫ \(1720-1848\)](#)
 - [Глава 11](#)
 -
 - [Сельское общество до начала реформ](#)
 - [Города](#)
 - [Духовная жизнь общества](#)
 - [Глава 12](#)
 -
 - [Бюрократия](#)
 - [Правительства в период с 1720 по 1848 г.](#)
 - [Органы местного управления](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Аграрные реформы](#)
 - [Пять фаз реформ](#)
 - [Экономическая политика](#)
 - [Здравоохранение](#)
 - [Школьное образование](#)
 - [Призрение бедных](#)
 - [Духовная жизнь общества и общественное мнение](#)
 - [Глава 14](#)

- [Внешняя политика до 90-х годов XVIII столетия](#)
 - [Вопросы международной торговли и международной политики в период до 1814 г.](#)
 - [Венский конгресс](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Сельское хозяйство](#)
 - [Новые религиозные движения](#)
 - [Предпринимательство в городах](#)
 - [Оживление политической активности](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Абсолютизм — формальный и неформальный — до и после 1848 г.](#)
 - [Резюме](#)
- [ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ \(1848-1914\)](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Причины падения абсолютизма](#)
 - [Март 1848 года. Революционные события в Копенгагене и Киле](#)
 - [Трехлетняя война 1848-1850 гг.](#)
 - [Июньская конституция и демократические реформы](#)
 - [Европейское влияние и развитие событий в 50-х годах XIX столетия](#)
 - [Редакция Конституции ноября 1863 г.](#)
 - [Война 1864 г. и Венский мир](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Физико-географическая, демографическая и экономическая характеристика Датского королевства](#)
 - [Динамика народонаселения](#)
 - [Динамика структуры занятости населения](#)
 - [Сельскохозяйственный сектор](#)
 - [Городские отрасли экономики](#)
 - [Социальный вопрос](#)
 - [Социалистическое рабочее движение](#)
 - [Организация экономической жизни](#)
 - [Глава 19](#)

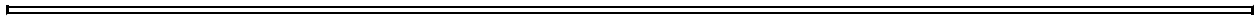
- [Редакция Основного закона от 28 июля 1866 г.](#)
 - [Период реформ, правительство Фрийса](#)
 - [Выборы в фолькетинг](#)
 - [Политические партии](#)
 - [Конституционная борьба](#)
 - [Смена системы в 1901 г.](#)
 - [Развитие событий до начала первой мировой войны](#)
 - [Местное самоуправление](#)
 - [Общественные движения\[51\]](#)
 - [Заморские территории Дании](#)
 - [Резюме](#)
- [ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ \(1914-1945\)](#)
 - [Глава 20](#)
 -
 - [Границы государства](#)
 - [Воссоединение с Северным Шлезвигом в 1920 г.](#)
 - [Партии и правительство](#)
 - [Новая июньская Конституция 1915 г.](#)
 - [Пасхальный кризис 1920 г.](#)
 - [Внешняя и оборонная политика](#)
 - [Проблема беженцев](#)
 - [Структура занятости и рынок труда](#)
 - [Развитие народного хозяйства в 1914-1931 гг.](#)
 - [Кризис 30-х годов](#)
 - [Социальная реформа 1933 г.](#)
 - [Условия жизни семьи](#)
 - [Жилье и транспорт](#)
 - [Культура и досуг](#)
 - [Глава 21](#)
 -
 - [Первая суровая зима](#)
 - [9 апреля 1940 г.](#)
 - [Статус Дании](#)
 - [Деятельность правительства](#)
 - [Приспособление к условиям оккупации 1940 г.](#)
 - [Война Германии с Россией. 1941 год](#)
 - [«Телеграммный кризис» 1942 г.](#)

- [Экономика и условия жизни населения](#)
 - [29 августа 1943 г.](#)
 - [Акция по спасению евреев в октябре 1943 г.](#)
 - [Период террора](#)
 - [Движение Сопротивления](#)
 - [УСО](#)
 - [Совет свободы](#)
 - [Значение движения Сопротивления](#)
 - [Судебные процессы против лиц, совершивших военные преступления](#)
 - [Резюме](#)
- [ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД \(1945-1973\)](#)
 - [Глава 22](#)
 -
 - [Нормализация общественной жизни после оккупации](#)
 - [Экономическая политика в трудный восстановительный период](#)
 - [Помощь по плану Маршалла](#)
 - [Север или НАТО?](#)
 - [Дания в условиях «холодной войны»](#)
 - [Политика НАТО](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Экономические идеи](#)
 - [Жизнь в 50-х годах](#)
 - [Государство благосостояния](#)
 - [Проблемы управления](#)
 - [Благоприятная экономическая конъюнктура](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Конституция 1953 г.](#)
 - [Политические перемены 60-х годов](#)
 - [Новые условия жизни в 60-х годах](#)
 - [Женское движение](#)
 - [Вступление в ЕЭС](#)
 - [Резюме](#)
- [ДАНИЯ ПОСЛЕ 1973 года](#)
 - [Глава 25](#)
 -

- [Возврат к кризисам](#)
- [Партийная политика претерпевает изменения](#)
- [Начало дебатов по окружающей среде](#)
- [Атомная энергия или другие источники энергии?](#)
- [Развитие Гренландии](#)
- [Глава 26](#)
 - [Новые экономические идеи](#)
 - [Экономическая политика в 80-х годах](#)
 - [Шумиха на новом витке «холодной войны»](#)
 - [Договор о Едином европейском акте 1986 г.](#)
 - [После окончания «холодной войны»](#)
 - [На пути в Европейский союз](#)
 - [«Тамильское дело»](#)
- [Глава 27](#)
 - [Правительства Ньюрупа](#)
 - [Фарерская проблема](#)
 - [Политика по отношению к иностранцам](#)
 - [Окружающая среда и экологическое мышление](#)
 - [Развитие средств массовой информации](#)
 - [Изменение условий политической жизни](#)
 - [Правительство либералов и консерваторов](#)
 - [Новые технологии](#)
 - [Резюме](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
 - [Приложение 1](#)
 - [Приложение 2](#)
 - [Приложение 3](#)
 - [Приложение 4](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

**Хельге Палудан, Эрик Ульсиг, Карстен
Порскрог Расмуссен, Герца Бонцеруп,
Эрик Странге Петерсен, Хеннинг
Поульсен, Серен Хейн Расмуссен
Под редакцией Стена Буска и Хеннинга
Поульсена
История Дании**

**ВЕСЬ
МИР**
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕСЬ МИР»

Москва. 2007

© Aarhus Universitetsforlag, 2002

DANMARKS HISTORIE I GRUNDTRÆK

Helge Paludan, Erik Ulsig,

Carsten Porskrog Rasmussen, Gerda Bonderup,

Erik Strange Petersen,

Henning Poulsen, Søren Hein Rasmussen

Redaktion: Steen Busck, Henning Poulsen

Издательство «Весь Мир» благодарит доктора Торкильда Кэргора за рекомендации и помощь при подготовке русского издания

Содействие и поддержку при подготовке настоящего издания оказало посольство Королевства Дания в Российской Федерации

Издание осуществлено при поддержке компании Ново Нордиск А/С (Дания)

На первой стороне обложки: внутренний двор замка Фредериксборг (XVI —XVII вв.), бывшей летней резиденции датских королей, где в настоящее время располагается Музей национальной истории

Приветствие Чрезвычайного и Полномочного Посла Королевства Дания в Российской Федерации Пера Карлсена

В современном мире все страны соединены множеством самых разнообразных связей. И эта взаимная зависимость делает наш мир тем прочнее, чем глубже народы осознают ее как взаимную выгоду и взаимное преимущество.

Народы Дании и России многое связывает в прошлом и настоящем. История отношений между нашими странами восходит к периоду возникновения в них государственности, ко времени викингов и Древней Руси. Дстойное место в ней занимает союз двух стран в событиях, позволивших царю Петру открыть «окно в Европу». С тех пор наши государства — соседи на Балтике. В длинном перечне общих событий и имен выделяется имя великого мореплавателя Витуса Беринга, которым в равной степени гордятся и датчане, и русские. В этом же ряду и императрица Марии Федоровна, принцесса Дагмар, чье имя, наконец, начертано на саркофаге усыпальницы Петропавловского собора в Санкт-Петербурге.

Эти события и люди — наше общее достояние. Но хорошо ли мы знаем друг друга? Наверное, меньше, чем хотелось бы. Тем более что каждый народ, каждая страна постоянно открывают сами себя заново, с каждым новым поколением. И совсем неплохо, когда результатами такого «открытия» мы делимся со своими соседями. Это делает нас ближе, понятнее, потому что какими бы тесными ни были наши связи, как интенсивно бы мы ни взаимодействовали, мы не становимся при этом одинаковыми. Хорошо, когда различия порождают интерес друг к другу, любознательность, даже любопытство. Это ведет к доброжелательному пониманию, о чем в своем интервью в сентябре 2006 г. российскому телевидению говорила Королева Дании Маргрете II.

Датское общество счастливо сочетает в себе открытость миру и цельность национальной идентичности. И датчане всегда рады тому, когда их прошлое и настоящее становится объектом интереса со стороны. Книга об истории Дании, написанная коллективом датских историков и изданная издательством Орхусского университета, дает такую возможность. Впервые история моей страны издается в России в переводе с датского.

Появление новой книги по истории Дании, тем более написанной датскими исследователями, поможет понять различия в наших оценках и подходах.

Я искренне рад, что российский читатель сможет узнать из первых уст, какой история Дании представляется самим датчанам, какова их историческая память и историческое самосознание. Я уверен, что это еще больше нас сблизит, и эта уверенность радует меня и как датчанина, и как посла Дании в России.

Октябрь 2006 г.

ДАНИЯ ДО 1332 года
Хельге Палудан

Глава 1

До появления государства

История Дании. Проблема Саксона

Около 800 лет назад ученый с острова Зеландия Саксон Грамматик написал более обстоятельную, чем у его предшественников, историю Дании, где на первой странице заявил, что датчане ведут родословную от Дана и Ангеля. Касаясь этой проблемы, Саксон, как настоящий исследователь, выступил против заблуждений одного из коллег. В частности, он решительно отклонил утверждение франкского историка Дудона о том, что датчане ведут происхождение от греков.

Датчане не греки. И эту истину Саксон хотел раз и навсегда утвердить в умах немногочисленной элиты грамотных людей в тогдашней Европе. Кроме того, он собирался поведать о деяниях предков датчан на латыни, которая была рабочим языком образованных людей того времени, и таким образом объяснить, кто же такие датчане.

Об этом пойдет речь и в нашей книге.

Задачу написать датскую историю Саксон целиком взял на себя, тогда как книга, которую вы держите в руках (и это характерно для датской историографии рубежа II —III тысячелетий), подготовлена семью авторами и редактором, и каждый из них имеет собственное мнение по многим рассматриваемым вопросам. Большое число историков, создававших книгу, объясняется профессиональными требованиями к авторам, на что обращал внимание еще Саксон.

Во-первых, нелегкой задачей является поиск документов. Позднейшие критики упрекали Саксона в слишком легком отношении к данной стороне дела, хотя для своего времени историк проявил внушающую уважение дотошность в привлечении источников, разъясняя при этом читателю, каким образом он работал. Теперь же, вследствие обилия накопившихся со времен Саксона свидетельств многих поколений датчан, поиск и отбор документов требуют специальных знаний.

Во-вторых, незадолго до рождения Саксона датчане приняли христианство, которое, по его мнению, потребовало умения писать и овладения латынью. Однако, как замечает Саксон, после официального перехода в новую веру как с набожностью, так и с латынью дело далеко не сразу пошло на лад. Историк видел в своем труде первое произведение, написанное на латинском языке и ставшее документальным свидетельством приобщения по крайней мере одного датчанина к языку и понятиям культурных народов, исповедующих христианство. Знание латыни для нынешних историков не столь обязательно. Сегодня никто не требует от них писать книги на латыни, и университетский диплом по истории можно получить, не владея этим языком. Так что в данном отношении требования стали менее жесткими. Саксон же был взыскателен к своим познаниям в латинском, поскольку хотел показать коллегам из других стран, что он одновременно и датчанин, и европеец.

Таким образом, Саксон поставил перед самыми маститыми филологами задачу ознакомить датчан с его сочинениями посредством переводов. При этом надо сделать выбор: попытаться передать текст на датском языке рубежа XII — XIII вв., в котором бы использовались термины европейского академического языка той эпохи, или же на датском народном языке, на котором, должно быть, и говорил сам Саксон.

Ответ на этот вопрос непрост, но имеет существенное значение, потому что безупречное владение языком составляло важную сторону идеала учености во времена Саксона. К тому же он хотел соответствовать и определенным требованиям, относившимся к содержанию его работ. За образец историк взял труды английского историка Беда Достопочтенного, который писал о бритах и о том, как изменилось название их страны после завоевания ее пришедшими с территории Дании англами. Беда, который мимоходом превратил датскую королевскую династию в предков английской, являлся историком, на авторитет которого Саксон безоговорочно полагался. «Хотя Беда был духовного звания, он считал своим долгом, помимо божественных предметов, писать также и об истории своего отечества, поскольку полагал обязанностью христианского писателя в такой же мере поведать о подвигах предков, как и о том, что относилось к религии», — разъяснял Саксон.

Точка зрения Беды послужила опорой для Саксона в решении одной проблемы, связанной с содержательным аспектом. Он видел свою задачу в том, чтобы документально подтвердить принадлежность датчан к христианским народам Европы. Вместе с тем историк явно предпочитал рассказывать о подвигах предков-язычников в те времена, когда воины были воинами и королевским дочерям это нравилось. Ссылаясь на авторитет Беды, Саксон отдает предпочтение свободному рассказу об их деяниях и лишь к концу своего труда пытается придать мужеству предков и набожности современных ему датчан некую возвышенную целостность. Едва ли можно признать такую попытку удачной и, уж во всяком случае, нельзя утверждать, что Саксон нашел окончательное решение этой проблемы.

Вероятно, его и нельзя было найти. Ибо задача, которую Саксон поставил перед собой, предполагала изображение событий с двух взаимоисключающих исходных позиций. Требование набожности, характерное для времен Саксона, предполагало, что он должен был возвыситься над только что обретшей христианскую веру Данией и дать ответ на вопрос, достигли ли датчане уровня других европейцев-христиан. Другая сторона той же задачи предполагала, что историк, исходя из сохранившихся в устных преданиях легенд о данах, должен был изобразить их как народ исключительный, самостоятельно творивший свою историю. По сути, Саксон взялся показать, как датчане своими усилиями обрели самобытность и как они сменили ее на самобытность новую, черты которой явились извне. В нашей книге найдут отражение оба подхода.

В трех следующих главах мы сначала увидим, как из весьма свободной игры случайностей в жизни и политике членов королевских династий эпохи викингов выкристаллизовалось нечто, чему суждено было в дальнейшем стать Датским королевством. Будет прослежен процесс упрочения государственных структур вплоть до 30-х годов XIV в., когда государство оказалось в кризисной ситуации, угрожавшей, казалось, самому его существованию. Автор не скрывает, что наиболее плодотворным считает культурно-сравнительный подход, и, учитывая целостный характер книги, попытается представить датское средневековое общество выросшим в значительной степени из собственных корней.

Даны. Переселенцы, не имевшие государства

Сегодня «Дания» — это прежде всего название государства. У Дании, как и у других государств, есть свое прошлое, и его историю можно изложить.

Сказанное не значит, однако, что слова «история Дании» относятся лишь к истории государства. Во-первых, заметим, что на желтых страницах современного телефонного справочника понятие «Дания» включает, например, услуги, предлагаемые и кредитным обществом, и кассой больничного страхования, и похоронным бюро. Во-вторых, если значение данных бесполезных учреждений понятно, то до сих пор нет единого мнения, что же в современном датском языке следует понимать под словом «государство». В связи с этим возникает интересный вопрос, в каком значении слово «Дания» появляется в исторических источниках.

Данное понятие, впервые встречаясь в сохранившемся до наших дней тексте, явным образом указывает на определенную местность, соседствовавшую с другими территориями, и, во всяком случае, не означает какого-либо государства. Древнейшие письменные свидетельства о местности, носящей имя «Дания», можно найти в описании путешествия по берегам Балтийского моря, которое в 90-х годах IX в. совершил англосаксонский мореплаватель Вульфстан. Гораздо раньше появляется прилагательное «датский» и существительное «даны». Уже в середине VI в. остготский историк Иордан и византийский историк Прокопии говорят о скандинавском народе — герулах, кочевавших по Европе после изгнания их племенем данов из прежних мест обитания далеко на севере. Согласно Иордану, даны были «выходцами из свеев». Общим для этих свидетельств является интерес к герулам, которые на протяжении примерно двух сотен лет предлагали услуги в качестве наемников римлянам, в то время как даны для обоих историков — это народ, проживавший значительно дальше. Как в тот момент сами даны называли место своего обитания, мы не знаем; не так уж много известно из письменных источников и о географическом положении этого края.

Приходится довольствоваться предположением, что когда примерно около 400 г. Римская империя рухнула, даны, как и другие неримские народы, жившие в империи и за ее пределами, вернулись к

своему традиционному образу жизни. Они снова стали часто менять место обитания, ведя постоянную борьбу за обладание ресурсами той или иной территории. Люди по всей Европе к северу от Альп являлись, по современным понятиям, мигрантами.

И в этом не было ничего необычайного. С биологической точки зрения история человека в Европе и Азии начинается с того, что вид *homo sapiens*, появившийся в Африке и проведший там большую часть времени своего существования на Земле, около 100 тыс. лет назад пересекает Суэцкий перешеек. После этого людям приходится вести кочевое существование, так как климат и другие природные условия в новых местах обитания сильно отличаются от тех, к которым данный вид приспособился за многие тысячелетия. По богатым материалам археологических раскопок мы знаем, что с конца последнего ледникового периода (примерно 13 тыс. лет назад) люди двигались и по территории современной Дании. Отказ более или менее крупных групп населения от кочевого образа жизни связан с переходом к земледелию только в некоторых районах с быстро развивавшейся культурой, таких, как греко-римские поселения на побережье Средиземного моря. За пределами Римской империи в период ее формирования и расцвета переселение народов носило постоянный характер. Примерно в середине I тысячелетия н.э. просвещенные люди в отличавшейся высоким уровнем культуры Восточной Римской (Византийской) империи полагали, что часть племен, которые пытались в постоянных схватках с соседями обеспечить себе существование в Северной Европе, назывались данами. Мы можем констатировать, что появление этого названия в письменных источниках приходится на переходную, как она обозначается у археологов, эпоху от позднего римского к раннему германскому железному веку.

Таким образом, появлением данов естественным образом объясняется ряд интересных находок, которые свидетельствуют о кровопролитных сражениях, особенно в Восточной Ютландии. Эти находки включают значительное количество тщательно разрубленного на куски оружия, которое было захоронено в болотах и несло на себе отчетливые следы применения в бою. Большие захоронения принесенных в жертву военных трофеев располагаются на расстоянии 40 — 60 км друг от друга вдоль восточного побережья Ютландии, от Иллерупа близ города Сканнерборга до Сли-ена (Slien)^[1] на юге, а

также на острове Фюн возле городов Ассенс и Оденсе. В речной долине близ Иллерупа к настоящему времени найдено 15 тыс. предметов древности; в подавляющем большинстве они относятся к III в. н.э., остальные — к V и VI столетиям.

В сражениях, от которых осталось найденное оружие, борьба явно велась с целью полного истребления войска противника и захвата всего его оружия. Вовсе не обязательно, что на протяжении всего этого продолжительного периода терпевшие поражения войска являлись из одних и тех же мест. Однако, поскольку и находки оружия, и остатки новых оборонительных сооружений датируются одним временем (около 200 г. н.э.), возникает обоснованное предположение об их общем происхождении.

Войска, оружие которых захватывалось и уничтожалось в честь богов, имели, несомненно, германское происхождение, но организованы и вооружены они были по римскому образцу. Такие сражения являлись уделом верхушки воинского сословия.

К этим данным археологических раскопок следует присовокупить и рассказ вышеупомянутого греко-византийского историка Прокопия о германском племени герулов, передвигавшемся во время своих скитаний по Скандинавскому полуострову путем, который проходил через «земли данов к морю». Если такие представления правильны, это означает, что даны в начале VI в. контролировали по меньшей мере южную часть полуострова Ютландия.

Следовательно, между 200 и 500 гг. н.э. даны обосновались не только на острове Зеландия, где, как считают, найдены древнейшие остатки их поселений, но также на острове Фюн и в Южной Ютландии. Вполне естественно было бы рассматривать принесенное в жертву оружие как свидетельство битв, которые, видимо, происходили в начале VI в. между данами и ютами — двумя исторически известными народностями, чьи земли находились в сфере интересов франкских королей и поэтому упоминались во франкских источниках.

Похоже, что на протяжении V — VI столетий во многих местах Европы возникали не особенно устойчивые политические образования или маленькие княжества, возглавлявшиеся вождями, которые вели постоянную борьбу с другими племенами. Их население составляло, согласно принятой терминологии, племя или народ. Результаты археологических раскопок истолковываются ныне так, что подобные

образования возникали и на территории нынешней Дании.

Довольно трудно дать содержательное и точное определение упомянутым образованиям; в частности, выглядело бы анахронизмом называть их государствами. Это связано с тем, что представление о государстве как об объединении людей, живущих на отграниченной территории, где единое политическое руководство осуществляет суверенитет, впервые возникло в XVI — XVII столетиях. За тысячу лет до этого государств в таком понимании не существовало; однако как раз примерно в это время, видимо с востока, племя данов вторглось в тот район, где выход из Балтийского моря в Северное частично закрыт большим полуостровом и множеством островов.

Короли из Гудме и короли германцев

Ничего не зная о конституционном устройстве известных нам по археологическим находкам обществ, часть которых с определенной долей вероятности относилась к данам, мы решили применить к этим обществам понятие «королевство», тоже не вполне соответствующее образованиям того времени. Наибольшими сведениями в настоящее время мы располагаем о королевстве, центр которого находился в окрестностях местечка Гудме на острове Фюн, у побережья пролива Большой Бельт. На полях вокруг Гудме в течение последних ста с половиной лет было обнаружено около десятка украшений из чистого золота общим весом более 9 килограммов. Там же просматриваются контуры деревянного дворца длиной 47 м и с максимальной шириной в промежутке между изогнутыми стенами в 10 метров. Дворец считается резиденцией хёв-динга (вождя) или короля, власть которого едва ли распространялась далее Восточного Фюна.

Вопрос, были ли властители из Гудме данами, видимо, так и останется невыясненным, поскольку на этот счет нет никаких письменных свидетельств. Приходится лишь констатировать, что даны формируются как одно из германских племен железного века и что их властителей отличают характерные черты германских королей, о которых мы знаем больше благодаря значительному числу письменных источников.

Мир германских королей — это Европа, охваченная переселениями

народов, длившимися несколько столетий после падения Римской империи, в крушение которой внесли свой вклад их предки. Как уже упоминалось, в V—VI вв. германские племена пришли в движение, однако в нем редко участвовало все племя. Часть его пыталась устроить свою жизнь на прежнем месте. К перемещавшимся племенам присоединялись другие, так что переселения вели к смешению различных германских народов.

Большие группы людей из поселений, где жили германцы, оставляли возделывание принадлежавшей роду земли, чтобы под началом представителей знати отправиться в завоевательные походы. Человек, возглавлявший подобное предприятие, часто называл себя королем. Численность его подданных могла быстро возрасти или сократиться в зависимости от способности правителя выиграть битву и завладеть добычей. Урожай с земель, возделывавшихся германцами, был недостаточен для обеспечения уровня существования, к которому стремились кочующие народы и их вожди. Как следствие — разбой и грабеж превращались в необходимое условие жизни такого общества. Поэтому королей германцев и военную знать связывала целая сеть личных отношений и союзов, менявшихся вместе с военной удачей, которую они были вынуждены постоянно искать.

В этом мире воинов сформировалась особая ментальность: решающее значение стали иметь верность господину и его щедрость при раздаче даров. Они связывали дарителя и получателей в единую общность, сплачивали само общество. Король, не имевший возможности раздавать дары, терял власть, богатство же для дарений можно было приобрести только с помощью грабежа.

Вот такого рода экономика, которая была весьма рискованным делом для всех в нее вовлеченных, и стали определяющим фактором политической жизни Европы после IV в. Ибо предпосылку для грабежа и перераспределения награбленного составляло, конечно, наличие в базовом производстве прибыли, которую можно было отнять. Для Северной Европы подобная форма существования достигла высшей точки лишь в VII—VIII вв., когда там изменилась технология власти.

Германскому племени франков удалось выработать тактику ведения сухопутной войны, которая основывалась, в частности, на использовании рыцарского войска, имевшего превосходство над войсками соседей. В VIII столетии франки подчинили себе другие

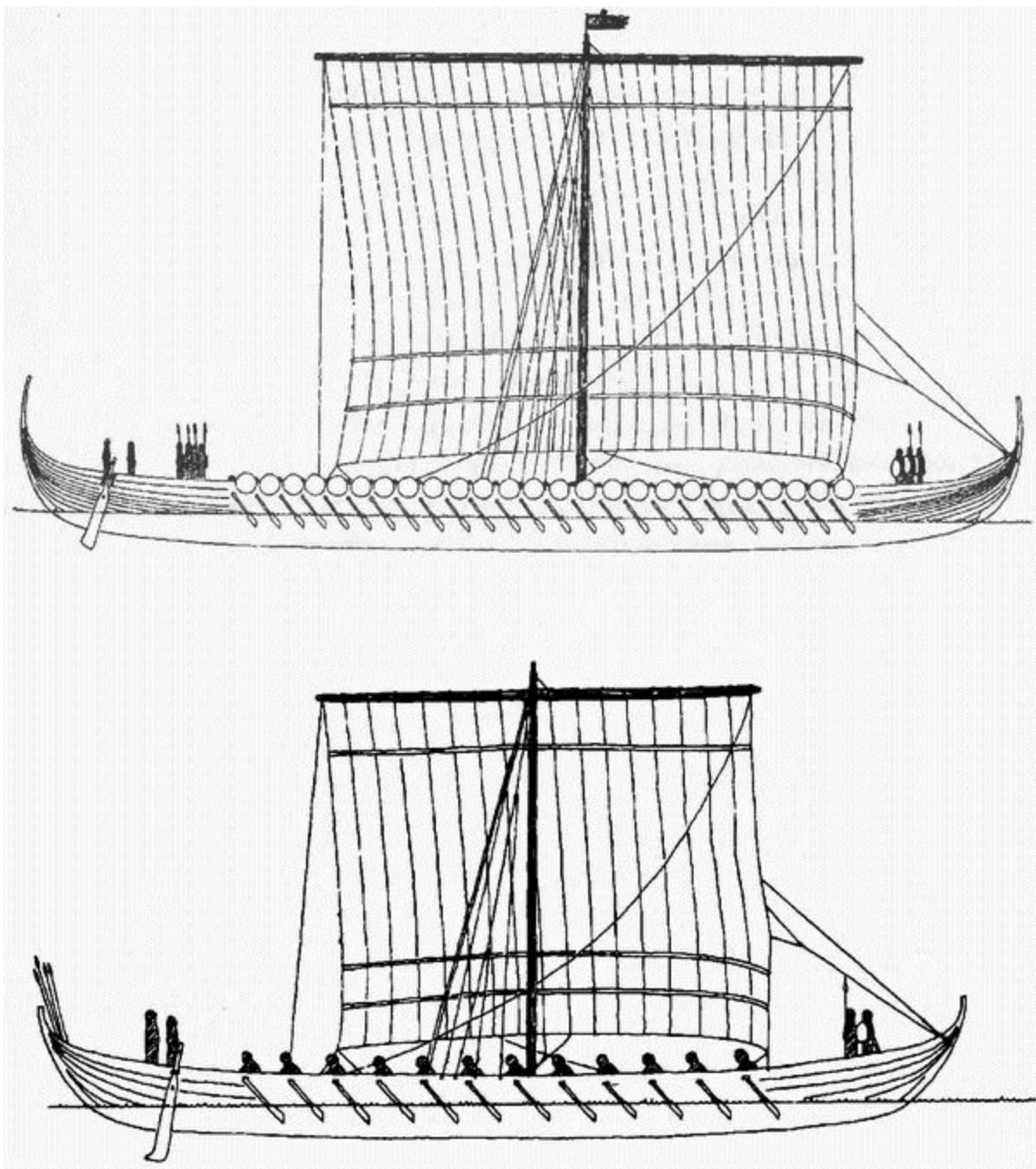
племена, и в ходе продолжавшихся 20 лет войн им удалось, наконец, подчинить саксов в Северной Германии, так что северная граница франкского государства совпала с южной границей обитания данов.

После этого, около 800 г., король франков Карл Великий смог назвать себя властителем большей части Европы. Даны, должно быть, тщательно следили за тем, как ведут себя франки, и поэтому, видимо, попытались в 737 г. заблокировать подходы к своей территории с юга путем возведения системы валов, известной как Даневирке и перегораживавшей южную оконечность полуострова Ютландия. Археологи, работавшие на остатках Даневирке, считают, что сооружение подобной системы валов требовало выполнения большого объема земляных работ, для осуществления которых необходимо было планирование, а также способность и воля к сотрудничеству. Ученые полагают, что организатором этой работы был король, обладавший значительно более солидной основой власти, чем короли из Гудме.

Таким образом, сам факт существования угрозы со стороны франков мог стимулировать создание нового, более крупного королевства. Появился и еще один фактор, повлиявший на то, что время небольших королевств в VII — VIII вв. подходило к концу: когда корабли улучшенного типа стали важнейшим средством передвижения вдоль северного побережья континента, появились совершенно новые возможности для общения людей на больших расстояниях.

Корабль викингов. Новый инструмент власти

Новая техника в судостроении возникла в связи с началом использования жителями северных районов паруса. В период малых королевств кораблестроители сконструировали узкое гребное судно, которое идеально подходило для плавания вдоль побережья, во фьордах, в тесном водном пространстве. Теперь они изменили форму корпуса судов так, что, не утратив в целом маневренности гребного судна, новый корабль благодаря большей ширине и осадке мог передвигаться с помощью паруса и в открытом море. В течение всего IX в. такое судно совершенствовалось, постепенно превратившись в атрибут власти того времени — парусный корабль скандинавских викингов.

Реконструкция кораблей викингов, обнаруженных у местечка Скуллелев в Роскилле-фьорде в 1962 г.: военный корабль длиной 29 м, построенный из дуба, и торговое судно из норвежской сосны, которое могло взять на борт груз весом 24 тонны. (Музей викингов «Викингехаллен» в Роскилле)

Однако плавание напрямую вдоль северного побережья Европы, от Атлантического океана до восточной оконечности Финского залива, было невозможным. Приходилось следовать опасным маршрутом к северу от преграждавшего путь полуострова Ютландия вдоль вытянутого, протяженного побережья страны, получившей красноречивое название Nordvegr^[2] («северный путь»). Поэтому вначале западноевропейским торговцам, использовавшим в VIII столетии усовершенствованные корабли для участвовавших частых плаваний между континентом и Британскими островами, было трудно добраться до стран, расположенных на побережье Балтийского моря. Даны же, напротив, укрепившись на морском побережье, во фьордах Ютландии, могли попытаться счастья в торговых или грабительских походах на запад. В 90-х годах VIII в. нападения скандинавских морских разбойников на монастыри и иные объекты стали настолько серьезным бедствием, что франкские и английские короли были вынуждены наладить оборону. На какое-то время им удалось притормозить натиск морских разбойников; однако приблизительно с 830 г. набеги возобновились с новой силой и достигли размаха, который, казалось, невозможно было сдержать. Теперь викинги поднимались на своих кораблях вверх по рекам, опустошая все вокруг и возвращаясь с богатой добычей. В 834 г. они атаковали большой торговый город Дорестада в нижнем течении Рейна, а в следующем десятилетии их нападению подверглись также Париж на реке Сене и Лондон — на Темзе. По-видимому, жители всех городов и монастырей готовы были дорого заплатить, чтобы откупиться от завоевателей. Они убедились в том, что корабли северян превосходили своей мощностью оружие франкских властей.

Так продолжалось в течение всего IX столетия. Однако после 900 г. возможности викингов приносить добычу из Западной Европы уменьшились. Франкские и английские князья поняли, что викингам нелегко дается взятие укрепленных городов; кроме того, они прибегли и к еще одной уловке — жалованию наиболее влиятельным хёвдингам земель в устьях рек в ленное владение взамен на обещание, что те не будут допускать прохода других кораблей вверх по течению. С конца IX в. викинги предпочитали искать счастья у русских берегов — они отправлялись через Балтийское море к русским рекам, которые представляли в то время особый интерес, потому что в располагавшиеся

на их берегах страны поступало много серебра из новых месторождений в Средней Азии.

Однако короли по обе стороны Скагеррака в X в. были заняты помыслами о стране, лежавшей по другую сторону их собственных владений. Некоторые из них делали ставку на превращение разделявшего эти земли пролива во внутреннее море в датско-норвежском королевстве и вели поэтому многочисленные морские войны с соперниками.

Экономика викингов

Войны были неизбежным следствием такого общественного устройства, при котором господствующий класс составляли воины; с одной стороны, они считали ниже своего достоинства принимать участие в производительном труде, с другой — они были слишком многочисленны, чтобы местные общества могли прокормить их. Для высшего класса ежегодные грабительские походы стали образом жизни.

Почти у всех германских народностей рано или поздно появлялся героический жанр литературы, где в драматической форме превозносились военные подвиги предков. Суровая реальность, стоявшая за этими захватывающими повествованиями, заключалась в том, что они были необходимы для идеологического воспитания молодых людей из того класса, который не снисходил до участия в производстве продуктов питания и предпочитал отнимать у соседей плоды их труда. Данное обстоятельство, по-видимому, включает в себе также объяснение того, что численность населения, увеличивавшаяся медленными темпами в эпоху викингов, пошла в бурный рост, как только эта эпоха закончилась. При существовавшей у германцев экономике, основанной на престиже и раздаче даров, расширение площади возделываемых земель не считалось естественным путем выхода из ситуации, когда возникала нехватка продуктов питания.

Во всяком случае, данные археологических раскопок в ряде датских деревень свидетельствуют о том, что до начала XI в. размеры деревень сохранялись на постоянном уровне. Точно так же анализ пыльцы растений, оседавшей в болотах, показывает, что численность древесных лесных растений стала сокращаться по сравнению с

численностью растений на возделывавшихся полях. Однако это произошло не ранее XI столетия.

Короли были в целом бессильны по отношению к высшему классу, рассматривавшему войну как образ жизни, поскольку корабли, из которых составлялся флот, по большей части принадлежали вельможам из провинций и лишь в малой степени королям. Знать предоставляла свои услуги государю и возглавлявшемуся им флоту лишь тогда, когда видела в этом для себя выгоду. Поэтому для королей всегда существовал риск, что они потеряют опору, как только их власть перестанет подкрепляться страхом перед общим врагом или объединяющей перспективой захвата военной добычи. Король в обществе викингов, подобно современному профессиональному тренеру, зависел от того, одерживает ли его команда победы. Если королю не улыбалась удача, он мог быстро лишиться поддержки. Ведь команды кораблей разбегались так же быстро, как и набирались.

Видимо, поэтому у франкских авторов, описывавших переговоры между Карлом Великим и данами, сложилось впечатление, что у последних нередко в одно и то же время было несколько королей и что претенденты на трон, располагавшие собственными кораблями и ссылавшиеся на свою принадлежность к королевскому роду, постоянно бросали вызов королям, занимавшим престол.

Корабли, однако, могли приносить прибыль различным образом. Иностранные историки дают понять, что датские короли в IX в. открыли новый выгодный источник дохода: пошлины с купцов, перевозивших товары морским путем. С VIII столетия морская торговля между странами, располагавшимися на берегах Северного моря, получила широкое развитие. Рост обмена товарами затронул также Фризию, которая представляла собой в то время богатую, единую пограничную территорию, простиравшуюся сплошной полосой от устья Рейна до реки Риббе. Новым для того времени стало появление торговой площади на северном берегу этой реки, как раз напротив центра нынешнего города Риббе. Археологические раскопки свидетельствуют о том, что вначале речь шла о рыночной площади, на которую в летний сезон являлись торговцы и ремесленники. За сто лет это место превратилось в город, где король вскоре после 820 г. разрешил миссионеру Ансгару из Гамбурга проповедовать христианское учение. В начале IX в. король, с явной целью обложить торговцев налогами, основал новый и еще более

крупный торговый город на восточном побережье Южной Ютландии, в глубине узкого фьорда Слиен. Тем самым он создал Рибе мощного конкурента. Тем не менее вскоре оба города — и Рибе, и его соперник, получивший название Хедебю, начали процветать.

В Ютландии появился новый тип поселения, в котором не все жители видели в занятиях земледелием или в военных походах источники для получения дохода. Таким поселением стал город (stad).

Датский язык. Им пользовались многие

Мы не знаем, как велики были королевства, при которых в VIII столетии возводился оборонительный вал Даневирке и началось строительство города Рибе на королевской земле. Несомненно лишь то, что территория, где находились королевства данов, всегда была меньше области распространения датского языка.

«Датский» язык (dansk tunge) — так называли его в XI в., — под тем же наименованием фигурировавший в XIII столетии у исландского историка Снорри Стурлуссона, имел хождение на территории от Великого Новгорода на востоке до поселений северян в Гренландии на западе и от заполярного мыса Нордкап на севере до реки Эйдер на юге.

Область распространения этого языка, судя по всему, никогда не представляла собой некое политическое образование, находившееся под общим управлением. Сказанное было связано с тем, что даже при наличии усовершенствованных кораблей трудно было совершать в данном районе быстрые перемещения, которые позволяли бы держать под контролем местных правителей. Таким образом, зона распространения языка данов не совпадала с территорией, находившейся под властью их королей.

То же можно сказать и о названии «Дания» (Danmark). Мы уже отмечали, что оно появилось лишь около 890 г. и вряд ли в то время означало название королевства. По мнению филологов, окончание слова — mark, скорее всего, означало пограничную область. Сравнивая с самыми давними упоминаниями названия «даны», можно предположить, что главным районом расселения данов в IX — X вв. была Ютландия, в то время как острова и провинция Сконе представляли собой пограничные области. Однако это предположение,

как и любое толкование скудных сведений источника, можно оспорить. Но в любом случае представление о существовании уже в VIII столетии Дании, соответствующей современному королевству, следует рассматривать как безосновательное. Область распространения языка обозначала границы не государства, а скорее культуры.

Вообще, современный читатель должен проявлять осторожность и не поддаваться искушению оперировать представлениями о государствах, оторванными от реалий той эпохи. Ведь тогда не существовало готовых проектов создания единого северного государства или трех суверенных королевств, которые только и ждали своего осуществления. Напротив, в середине IX в., по-видимому, наступил новый период раздробленности после того сосредоточения власти в Ютландии, которое, как представляется, было характерно для времен Карла Великого. Немецкий историк Адам Бременский слышал в XI в. рассказ о том, как в середине IX столетия произошло вторжение шведских викингов, а затем вскоре и викингов из Нортмании (Nortmannia). Трудно сказать, подразумевается ли под последним названием Нормандия или Норвегия, да и надежность приводимых данных невелика. Однако они могут рассматриваться как свидетельство того, что вожди викингов в IX в. рассматривали весь район распространения датского языка как арену для летних походов. Один из потомков нортманнских королей носил имя Харальд; в середине X в. он был королем в государстве с центром в городке Еллинг, расположенном к западу от нынешнего ютландского города Вайле. Этот викинг остался в памяти потомков как Харальд Синезубый. Он позаботился и о своей посмертной славе, установив в Еллинге камень с руническим письмом, который и по сей день стоит на кладбище этого города. Надпись на камне в переводе на современный язык звучит так: «Король Харальд воздвиг этот памятник в честь своего отца Горма и своей матери Тюры, это тот Харальд, который подчинил себе всю Данию и Норвегию и обратил данов в христианство».

Харальд и его отец Горм, который поставил в Еллинге камень меньшего размера в честь своей жены Тюры, первыми из известных нам данов употребили название «Дания» (Danmark). Приведенную выше надпись можно толковать по-разному; если под словом «Дания» в этот момент все еще подразумевались острова и провинция Сконе, то король Харальд утверждает, что он добился включения упомянутых

территорий в свое королевство.

Харальд утверждает также, что он завоевал Норвегию. Следовательно, король из Еллингга стремился стать властителем по обе стороны пролива Скагеррак. В стратегически важных пунктах в Ютландии, на островах и, может быть, в Сконе в 80-х годах X в. было сооружено по крайней мере четыре замка круглой в плане формы, которые часто называют замками треллеборгского типа, по названию первого из них, расположенного в Треллеборге на острове Зеландия. Из трех остальных замков один оказался почти целиком погребенным под холмом Ноннебаккен в городе Оденсе. Ютландские сооружения упомянутого типа — это Фюркат к западу от современного ютдандского города Хобро и самый крупный из этих замков — замок Аггерсборг в заливе Лимфьорд, который во времена викингов был открыт для прохода кораблей в Северное море, а также через канал — в залив Яммер-Бугт.

Замки треллеборгского типа были и все еще остаются во многих отношениях загадкой для археологов, которые констатировали, что создатель этих сооружений пользовался услугами людей, имевших достаточные инженерные знания для организации строительных работ с участием большого числа работников. К тому же работы выполнены с такой точностью измерений, которая не имела аналогов в Северной Европе того времени. Сооружение замка Треллеборг датируется с помощью дендрохронологического метода 980 — 981 гг. Считается, что примерно в одно время с Треллеборгом были построены три остальные сооружения, а также деревянный мост, ведущий через заболоченную долину реки Вайле возле реки Равнинг к излюбленному месту пребывания королей в Еллингге. Как нам кажется, эти постройки — свидетельство большого авторитета короля. Им, учитывая полученную теперь точную датировку постройки Треллеборга, мог быть только Харальд Синезубый.

Для того чтобы понять, что же представляли собой эти замки, надо иметь в виду, что их обитателей явно отличал высокий по тем временам уровень жизни. Многочисленные обломки керамики, найденные при раскопках на месте расположения замков, содержат в процентном отношении значительно более высокую долю благородного поделочного камня, чем керамика из раскопок укрепленного поселения викингов в Орхусе. Следует добавить, что тип постройки, характерный

для замков в Треллеборге, обнаруживается и при раскопках ряда деревень, относящихся к тому периоду, и является при этом жилым домом наиболее внушительного вида. Здания в замках, обнесенных кольцевым валом, судя по всему, задумывались как жилища, в которых военная знать и ее челядь могли чувствовать себя в безопасности. Поскольку речь здесь явно идет о военных сооружениях, уместно предположить, что они предназначались в первую очередь для молодых людей из высших слоев общества, а не для престарелых правителей.

Сооружение замков по времени совпадает с неоднократными попытками германских императоров подчинить себе королей данов под предлогом обращения их в христианство. Можно предположить — хотя об этом не упоминается в письменных источниках, — что эти события так или иначе связаны со строительством кольцеобразных замков. Но каким образом? Служили ли замки для защиты данов, возглавлявшихся королем и аристократами, от германской угрозы? Или же король, привлекая сыновей местных правителей для нужд обороны, пытался тем самым удержать последних под своим контролем? В таком случае молодые горячие головы вознаградили себя, предаваясь роскоши и тем самым давая понять, что они стоят вровень с королем. Многого можно домыслить: ведь каждый историк, выбирая свое толкование проблемы, будет руководствоваться собственным целостным представлением об общественной структуре того времени.

Во всяком случае, Харальд Синезубый отвел угрозу извне, заявив, что он и все даны отныне христиане. Возможно, король при этом сам распорядился упразднить такую дорогостоящую вещь, как содержание замков.

А может быть, сплочение аристократии и ее военного руководителя — короля — порушилось, как только исчезла внешняя угроза? Власть в конце X в. была все еще довольно зыбкой субстанцией, ведь положение королей викингов зависело от того, насколько они были удачливыми в военных делах.

Их авторитет, вероятно, был особенно связан с тем, что организация походов викингов и руководство отрядами кораблей стали теперь монополией короля. Письменные источники, особенно английские, свидетельствуют: для того чтобы успешно провести поход и вернуться с добычей, эти отряды должны были состоять из нескольких сотен кораблей. Свен Вилобородый, сын и преемник

Харальда Синезубого, включил в свой флот корабли всего Севера, прежде чем в 1013 г. он напал на Англию, и ему удалось завоевать ее. И все-таки Свен Вилобородый встречал сопротивление со стороны некоторых норвежских вождей викингов, ставивших перед собой более значимые цели, нежели обладание королевством в примерных размерах нынешней Норвегии.

Походы викингов в Англию следует, видимо, рассматривать не как признак стремления к созданию единого северного королевства или как начальную стадию развития более поздних королевств, а скорее как характерное проявление единой политической культуры на территории распространения датского языка. Это был мир, для которого были характерны постоянные колебания, в том числе вызванные существовавшими в обществе противоречиями. Такие схватки в мире викингов представляли собой борьбу между морскими государствами, для правителей которых территориальные границы не значили ничего, в то время как добыча, состоявшая из награбленных ценностей или денег, выплачиваемых за покровительство, значила все. Эта особая форма политики могла мгновенно создавать крупные государства, которые основывались и существовали как единое целое в течение определенного времени с помощью передовой военной техники. Однако речь по-прежнему шла о королевстве, целиком основанном на личной власти, ибо, как ни важно было в IX и X вв. иметь хороший корабль, столь же необходимой являлась харизматическая личность воина-руководителя в морской войне. Общества викингов стали высшей формой, которой достигли в своем развитии королевства германцев.

Кульминация и стагнация

Наиболее удачливый из всех вождей викингов — Свен Вилобородый умер в 1014 г., как раз после завоевания Англии. Его сын Кнуд Великий в течение нескольких лет объединил в крупную державу или империю морские государства, правители которых так боялись его кораблей. В начале 30-х годов XI столетия Кнуд был королем на землях нынешних Англии, Дании, Норвегии и части Швеции. Однако по-прежнему речь шла о морском государстве, а после смерти монарха в 1035 г. империя распалась. В XI в. постоянное колебание от

территориальной экспансии к сокращению земель застыло на некой более или менее случайной стадии.

Вопреки намерениям правителей имевшиеся в тот момент государственные образования и далее продолжали существовать в географических пределах, выпавших на их долю. Свен Эстридсен и Кнуд Святой в Дании и Харальд Суровый в Норвегии вели непрестанную борьбу за то, чтобы стать имперскими властителями наподобие Кнуда Великого, но так и не преуспели в том. Норвежец Магнус Добрый (1042— 1047) оставался на протяжении более чем 300 лет последним королем, правившим как в Норвегии, так и в Дании. После его внезапной смерти размеры Дании и Норвегии как государств сами собой установились в более или менее устойчивых пределах.

Гибель Магнуса, как повествует около 1200 г. Саксон, была вызвана не его врагами, а зайцем, который напугал королевского коня, да так, что государь выпал из седла и насмерть разбился о пень! Если верить Саксону, то зайца нужно рассматривать как первопричину основания возникших впоследствии национальных государств Дании и Норвегии. Швеция, следуя примеру этих двух стран, обрела подобное качество несколько позднее.

С 1047 г., когда Свен Эстридсен стал королем в датской части государства своего предшественника, можно бесспорно говорить о Королевстве Дания со своей особой историей.

Представления о мире и политика

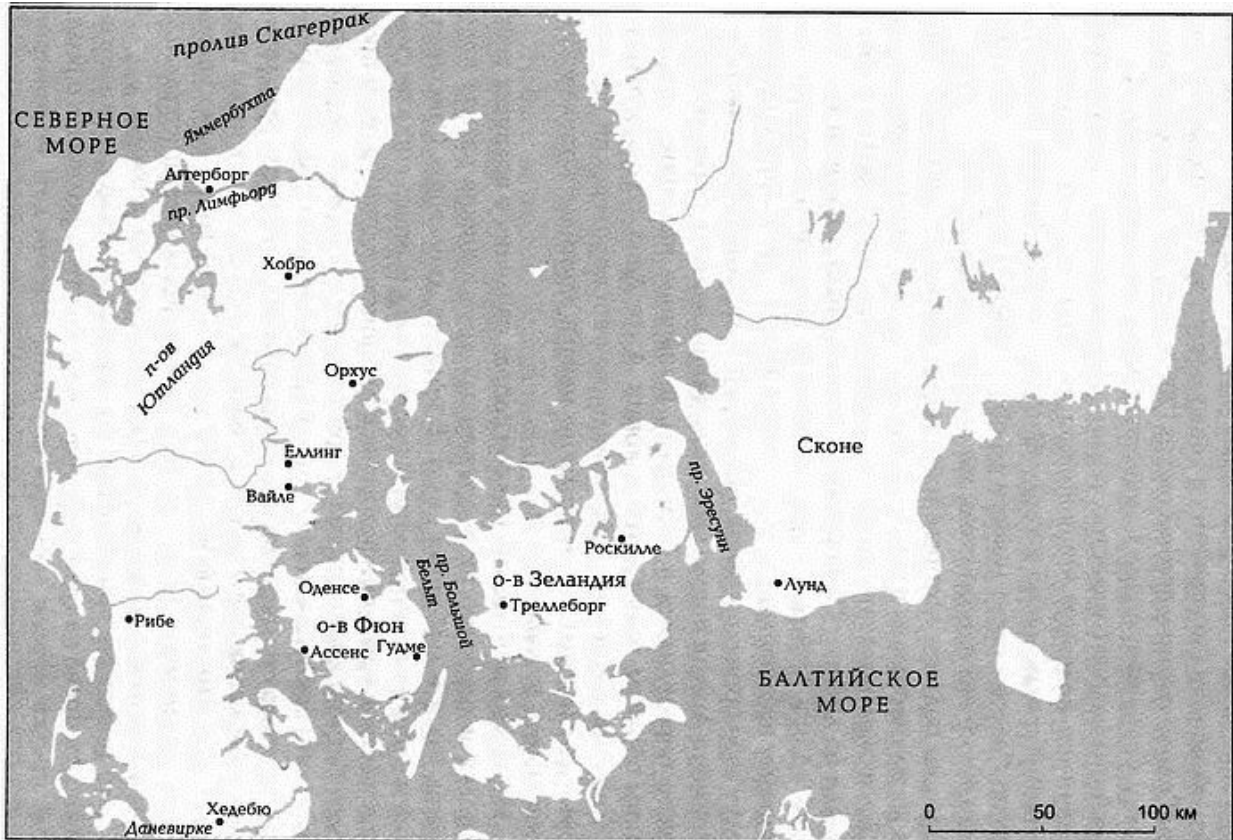
Представления скандинавов — жителей побережья о мире, в котором они обитали, их космология соответствовали героическому образу жизни викингов. Верхние слои их общества гордились тем, что обладали «свободой» (frelse)^[3], той свободой, которая была связана с их статусом совладельцев наследуемой земли, принадлежащей роду, с аллодом — родовым именем. Существование одаля (odel)^[4] приводило к возникновению неразрывной связи между родом и его землей. Только члены рода получали участки этой земли для возделывания. Род заботился о своих членах. Предводители рода решали, как его земля должна распределяться между родственниками для ее обработки. Кроме того, — и это было почти столь же важно в обществе, которому была

неведома полиция, — род защищал, при необходимости с оружием в руках, своих членов и обеспечивал им покровительство на тингах^[5]. Человека без рода ждала жалкая судьба — как раба, который не принадлежал ни к какому роду, являясь бесправной собственностью других. Если владельцу раба приходила в голову мысль отпустить последнего на свободу, он должен был строго в соответствии с установленными правилами принять вольноотпущенника в свой собственный род.

Природа, с которой соприкасались в своих дальних морских странствиях воинственные молодые даны, была обиталищем духов и асов (так в древнескандинавской мифологии назывались многочисленные соперничающие между собой боги). Хёвдинги и другие лица, обладавшие особыми магическими способностями, могли вступать в переговоры с этими существами из скрытого мира, который представлялся столь же реальным, как и мир видимый.

Набеги викингов, осуществлявшиеся на кораблях, прекратились в начале X в., прежде всего потому, что в Нормандии и Англии у власти находились сильные правители, обладавшие, как оказалось, военным превосходством над датчанами и норвежцами. Вследствие этого правящая верхушка северян, побывавшая в Англии и на континенте, все более склонялась к преобразованиям родного края по примеру зарубежных стран, которые представляли в их сознании как весьма богатые.

Предпосылкой таких преобразований, однако, было овладение миром представлений состоятельных соседей. Сделать это можно было, усвоив прежде всего их верования. Они отличались от традиционных религиозных систем своим монотеизмом; но сказанное едва ли означает, что духи и асы должны были исчезнуть из жизни северян буквально на следующий день.

Дания в XI-XII вв.

Из многих источников Саксон собрал сведения о подвигах этих королей и особенно их вооруженных дружинников как на поле брани, так и в любовных делах. В мотивах, двигавших Саксоном, просматривается определенная ностальгия: в момент, когда на смену повествованию о мифологическом происхождении датчан приходят библейские рассказы новой религии, он стремится сделать так, чтобы самоуважение прошлых времен не было предано забвению. Увязать его многочисленные рассказы с данными археологических раскопок нет никакой возможности. Саксон всячески подчеркивает, что миролюбивый король Фроде III жил в одно время с Христом, из чего следует, что историк представляет описываемые события на протяжении более чем тысячелетнего периода.

Это может восприниматься как важное подтверждение легитимности права на трон находящегося у власти королевского рода: ведь предки короля занимали его более тысячи лет! Изложение Саксона изобилует примерами того, что отступление королевского дома от своих наследственных прав приводит к беде. Так, непростительным

недостатком упавшего с коня короля Магнуса является то, что он не принадлежал к королевскому роду и был к тому же норвежцем. Рассказы Саксона, конечно же, недостоверны, однако уже то, что в тогдашнем обществе вокруг вопроса о происхождении датчан выросла столь богатая мифология, представляет самостоятельный интерес, если не сказать больше.

Может вызвать удивление, что оказалось возможным внедрить новые религиозные представления в культуру со столь развитой системой представлений о собственном происхождении. Между тем европейское христианство было в некотором роде редким явлением среди религий мира, поскольку оно создало вокруг своего монотеистического учения организацию, предполагавшую, что человеческие сообщества имеют два вида руководства — духовное и светское. Такой порядок, при котором насаждением нового вероучения занималось особое духовное руководство, называемое церковью, не делал необходимым резкий разрыв со старой идеологией светского правящего класса. Этот порядок с двойным подчинением оказался весьма эффективным в других местах. Запечатленное на камне в Еллингге заявление о том, что король Харальд обратил датчан в христианство, свидетельствует о начавшемся в X в. сближении с этой европейской политической системой; его можно понимать и так: «Мы люди современные».

Надпись на камне повествует также о том, что Харальд обеспечил себе традиционный королевский титул как в Дании, так и в Норвегии. Может быть, употребляемое им слово «даны» все еще относится ко всем, кто говорит на датском языке. Многие по-прежнему представлялось весьма зыбким в начале II тысячелетия. Датскоязычная культура еще продолжала существовать. Однако в качестве политической формы она уже испускала дух.

Глава 2

На пути к государству. Новые идеалы

Церковь и королевская власть

Около 1070 г. церковный деятель из Северной Германии Адам Бременский излагал на латыни историю архиепископов Гамбурга-Бремена. Адам задался целью показать, сколь велики были заслуги его архиепископства в распространении христианства среди языческих народов. В заключение работы Адам рассказывает о современной ему Дании, по которой автору довелось поехать, а также о беседах с королем Свеном Эстридсеном, предоставившим ценные сведения о своих родителях. Даны — один из тех народов, обращение которых в христианство архиепископский престол в Гамбурге ставил себе в заслугу. Однако миссию эту еще нельзя было считать до конца выполненной, и поэтому непосредственно добытые Адамом сведения о стране имели большое значение для его начальства. Особенно требовались изменения условий экономического обеспечения церкви. «Крещение и конфирмация, венчание у алтаря и венчание у священника — почти за все это у датчан приходится дорого платить, — пишет Адам, — и я думаю, что причина здесь заключается в жадности священников, а все потому, что этот варварский народ еще не научился отдавать церкви десятину. Именно поэтому с них взимают плату за все те церковные действия, которые следовало бы совершать бесплатно. Ведь даже за визит священника к больному и за похороны приходится платить деньги...» Позиция Адама и архиепископства ясна: оплата церковных услуг их получателями — признак варварства; добропорядочные же христиане предпочитают постоянную плату в виде десятины, то есть десятой части всего урожая, который собирают крестьяне.

Адам был вдумчивым наблюдателем, и мы осмеливаемся полагать, что его анализ положения дел в Северной Германии и в Дании отражает действительность, складывавшуюся в начале II тысячелетия. Адам не

скрывает отрицательного отношения к образу жизни в областях, являвшихся объектом миссионерской деятельности архиепископства: там все еще было полно людей, склонных к грабежу и разбою.

При этом подобную деятельность вводили в рамки упорядоченной системы, когда король получал проценты со всего грабежа на Балтийском море. «Зеландия чрезвычайно богата золотом, которое накапливается населением благодаря грабительским морским походам. А морские разбойники, называющие себя викингами, платят дань королю данов за разрешение поживиться имуществом варваров, которые во множестве населяют побережье этого моря. Случается, что они злоупотребляют полученным разрешением, обращая его против жителей собственной страны».

Главная цель архиепископов — начальников Адама — заключается в обращении в христианство этих варваров, которые затем будут платить десятину и содержать священников. Достижение такой цели — дело нескорое. Миссионерская деятельность гамбургской церкви среди славянских языческих племен в северогерманских областях проходит, согласно содержащемуся у Адама описанию, чаще всего четыре стадии: 1) язычников подчиняют военной силой при содействии принявшего христианство князя; 2) церковь молится за побежденных; 3) церковь крестит покорных; 4) принявшие крещение в конце концов проявляют готовность платить желанную десятину.

Таким образом, и архиепископ в Гамбурге, и король на острове Зеландия хотят завести порядок, при котором они получали бы постоянную дань вместо платы за услуги. Однако ни одна сторона еще не может воспользоваться подобным средством получения доли в доходах, создававшихся трудом данов. Поэтому служители церкви морально угнетены необходимостью постоянно думать о деньгах, а использование королем викингов для взимания дани — дорогостоящее решение, потому что эти числящиеся на официальной службе морские разбойники не могут отказать себе в удовольствии пограбить и собственных подданных короля.

К тому же викинги, занимавшиеся грабежом, имели привычку обирать свои жертвы до нитки, так что могло пройти много времени, прежде чем удавалось вновь наладить производство. Поэтому для взимания платежей, причитавшихся королю, лучшим способом было использовать чиновников.

Налог можно рассматривать как форму регулярно совершавшегося грабежа, который, однако, оставлял нетронутым производственный механизм. Получение налога обуславливалось наличием действенной власти над налогоплательщиками, которые наверняка знали, что сборщик налогов придет и на следующий год, и поэтому заботились о том, чтобы у них было что взять.

Попытка норвежских и датских королей викингов создать королевство, включавшее земли по обе стороны пролива Скагеррак, оказалась во второй половине XI в. непосильным делом. Становилось очевидным, что никто не обладал такой военно-морской мощью, которая позволила бы взимать налоги как на норвежской, так и на датской стороне. Короли, вынужденные оставить мечту стать правителями военно-морской империи по образцу Кнуда Великого, сделали вместо этого ставку на создание такого королевства, которое ввело бы постоянные налоги в систему на более ограниченной территории.

Королевская власть опиралась на давнюю традицию в зоне распространения датского языка, но основа этой власти становилась шаткой, как только ей приходилось санкционировать попытку урвать что-то за счет самого производственного механизма на своей территории. Таковое, однако же, легко могло происходить вследствие того, что мужская часть молодежи в государствах морского типа воспитывалась в привычке к войне как образу жизни.

Чтобы преодолеть разрушительные последствия этого явления, нужно было заменить присущий господствующему классу идеал воина другим, в основе которого лежали бы мир и возможность спокойно трудиться. Адам и его архиепископ обратились к монархии в Дании с предложением оказать содействие в организации нового аппарата власти, способного к поддержанию мира. И это предложение было принято. Монархия и церковь вступили в сотрудничество с целью введения доселе неизвестной формы властвования, которую можно охарактеризовать как начало государственности.

Вопрос о том, какую роль играли, соответственно, королевская власть и церковь в связи с обращением северных стран в христианство, являлся и является предметом больших дискуссий среди историков этих стран. Одно направление исследований, которое склонно трактовать развитие северных стран как результат деятельности внутренних

факторов, придает смене религии довольно ограниченное значение. Его представители считают, что доминирующим социальным слоем в обществах викингов был класс свободных и равных крестьян-собственников, сплачивавшихся вокруг королевской власти, корни которой уходили далеко в глубь национального прошлого. И если такие люди, гордившиеся своим наследием, в один прекрасный день по собственной воле решали стать христианами, то это вовсе не означало, что они тут же отказывались от старых представлений.

С другой стороны, культурно-сравнительная школа рассматривает церковь и христианство как внешние импульсы, которые имеют решающее значение в определении общего направления развития на Севере. Эта школа предостерегает против тенденции делать особый упор на не столь уж выраженные местные различия в развитии Норвегии, Швеции и Дании. Она придает большое значение тем предпосылкам развития государств Северной Европы, которые заключаются в общей культуре и единообразных чертах христианского воздействия. Представители этой научной школы считают, что общественным слоем, оказавшимся в проигрыше в ходе процесса христианизации, стала военная аристократия периода викингов, влияние которой уменьшилось по сравнению с влиянием как новой королевской власти, так и особенно появившегося института — церкви. Дискуссия по этой проблематике отнюдь не закончена.

Своеобразие новой власти заключалось в том, что она была, можно сказать, двуглавой. Королевская и церковная власть занимали каждая свое место в этой модели, и притом таким образом, что они не могли мыслиться друг без друга. В этом отношении существовало единство мнений. Проблемы же связаны не в последнюю очередь с оценкой последствий такого положения для отдельных слоев общества.

Рост. Новации XII столетия

В начале XII в. на глазах у всего датского общества появилось два нововведения — здания церквей и монастыри. Важно понимать, что монастыри и церкви в ту пору были центрами модернизации, а не квартирами для проживания далеких от мира сего набожных личностей. Преобразовательную функцию они могли выполнять потому, что

входили в европейскую сеть бюрократии римских пап и орденское управление монастырями.

Монастыри и церкви в новообращенной в христианство Дании, как уже упоминалось, стали ведущей силой, обеспечивавшей экономический рост, который, в свою очередь, породил возможность демографического роста, продолжавшегося до середины XIV столетия. Именно церковь, а не королевская власть располагала необходимым аппаратом для модернизации, так что жителям королевства приходилось в придачу усваивать и всю христианскую культуру. Церковь, которая начала приобретать земельные владения в Дании где-то в XI в., а в XII в. делала это в массовом масштабе, привыкла управлять своими земельными владениями не так, как это традиционно практиковалось в деревнях — на земле, принадлежавшей роду и входившей в одаль. В течение столетий после Карла Великого порядок, предусматривавший назначение управителя крупного хозяйства (он обозначался латинским термином *villicus*), распространился из Северной Франции через Рейн в Западную и Северную Германию. Около 1300 г. такая система, именовавшаяся *villikation*, была типичной для крупных церковных землевладений в Дании. Напрашивается мысль, что это стало выражением значительных перемен, происшедших неведомым нам образом в датских деревнях в течение XII и XIII столетий.

Церковь, вероятно, включилась в крупные реформы в области сельского хозяйства и заняла в них центральное место. В этом свете следует рассматривать так называемую смену верований населения, перешедшего от язычества к христианству.

В XII в. монастыри бенедиктинцев, прémonстрантов и особенно цистерцианцев возвели религиозную жизнь в Дании на невиданный до тех пор уровень; датские руководители этих орденов обменивались идеями с ведущими умами Европы. Однако монастыри этих орденов, как весьма удачно выразился историк Эрик Аруп, были к тому же и сельскохозяйственными академиями. Новые специальные знания, которыми обладала церковь, легли в основу серьезной модернизации датского аграрного общества, производственные возможности которого росли из десятилетия в десятилетие. Это происходило потому, что культурные заимствования с юга включали такие вещи, как знакомство с полезной системой трехполья, при которой сельскохозяйственные

земли каждый третий год оставлялись под паром. Кроме того, появились усовершенствованные плуги, с помощью которых можно было расширить обрабатываемые площади на возникавших в большом количестве хуторах. Наконец, датчане научились использовать силы природы, строя водяные мельницы на больших и малых реках.

А вот изменения в интеллектуальных представлениях отдельного человека, пожалуй, преувеличивать не стоит. Современные миссионеры утверждают, что такие значимые перемены в верованиях, как переход от многобожия к христианскому монотеизму, требуют смены нескольких поколений. Трудно сказать, многие ли тогда осознавали эту перемену. Монотеизм представлялся важным для теологов. Народ же на протяжении всего средневековья имел возможность исповедовать некий суррогат многобожия в форме поклонения святым. И не было большой беды в том, что священник при совершении ритуалов представлял себе одно, а люди — нечто иное.

Примерно к 1300 г. датское сельское общество достигло пика в росте населения, общей площади земель под плугом и размере сельскохозяйственного производства, хотя мы и не можем привести соответствующие цифры.

В то же время не подлежит сомнению, что единицей, в рамках которой происходил крупный рост производства, была именно деревня. Средневековая деревня — это не только совокупность жилых строений, но и сообщество, представлявшее собой единый производственный организм. Деревня функционировала как сообщество земледельцев, которые работали сообща в рамках системы самоуправления, называемой сельской общиной. Из времен средневековья до нас не дошли принимавшиеся в ней решения, однако принято считать, что они скрываются за формулировками сельских законов, регулировавших правовые отношения в деревнях. Кроме того, из-за умолчания законов о структуре деревни историки-аграрники заключают, что она, пожалуй, была «нормальной формой поселения и в период до правления Вальдемаров». По мнению сторонников этой точки зрения, единственное крупное изменение в традиционном устройстве деревень состояло в том, что в течение столетия после смерти Вальдемара Победителя большое число крестьян — собственников земли по причинам, связанным с техникой взимания налогов, отказались от своего права собственности на крупные хозяйства. Их функции и права

в сельской общине, несмотря на это формальное изменение статуса, остались неизменными. Землевладельцы из числа церковников и христианский приход пытались приобщиться к участию в принятии решений в деревнях, однако им нелегко было этого добиться, поскольку они воспринимались как чужеродные элементы. Считается, что решение о переходе в христианство и тем самым о последующем строительстве церкви принималось самими крестьянами.

Как бы ни обстояло дело на этот счет в деталях, не нашедших достаточного освещения в источниках, жители датских деревень добились под руководством институтов власти роста производства, сделав свой труд более квалифицированным и эффективным.

Города. Как одуванчики в мае...

Важная предпосылка роста производства заключалась в возможности сбыта. В течение XII в. старые города, служившие местом пребывания епископов и сборщиков королевских податей, похоже, во все большей степени стали включать в состав своих жителей лиц, которые сами занимались сбытом товаров. Старые города росли, а вскоре стали появляться и новые. В начале XIII столетия много новых городов было основано на побережье Балтийского моря. Основой для этого явилась новая структура общества, в которой город являлся необходимым элементом. В нем избыток сельскохозяйственной продукции, производившейся в хозяйствах новых землевладельцев, мог быть обменен на товары и услуги, которые нельзя было получить непосредственно в сельской местности. Город и городская форма жизни в большей степени способствовали тому, что Дания стала соответствовать новейшим тенденциям развития. В XI в., когда фактически все жили в сельской местности, производство было исключительно сельскохозяйственным, а богатство заключалось в земельной собственности, города, где богатство измерялось деньгами, представляли чем-то новым и неизвестным. Поэтому, когда королевская власть и особенно церковь в XII столетии связали свою судьбу с городами, это был смелый шаг в направлении признания новейших веяний. Города с их церквями стали центрами модернизации, и это имело далеко идущие последствия, потому что деятельность церквей в

городах была гораздо более широкой, чем просто религиозная жизнь в современном понимании.

В последние десятилетия ранняя история датских городов все явственнее предстает в новом свете. Этим мы обязаны археологическим исследованиям. Датские археологи, производившие раскопки вместе со шведскими коллегами в городах бывшей датской провинции Сконе, сделали неожиданные открытия в момент, когда историческая наука, казалось, уже не ждала появления новых важных письменных источников. Однако как шведские, так и датские археологи уже в течение 80-х годов XX в. провели большую работу, чтобы с помощью скоординированных проектов по изучению средневековых городов дать толкование многочисленным новым наблюдениям. Главным результатом стало изменившееся представление о фазах средневековой истории городов. Согласно новому представлению, отчетливее всего выраженному в работах сконских археологов, характерный средневековый город возник в старом обществе как новая структура, важнейшая функция которой вплоть до примерно 1150 г. заключалась в том, чтобы служить местом, откуда исходило королевское владычество; так, например, королевская монета изготавливалась мастерами-чеканщиками в таком городе. Некоторый скромный излишек сельскохозяйственной продукции, производившейся в округе, должно быть, доставлялся в центральное поселение, где он в основном потреблялся на месте или перераспределялся в прилегающем районе. В той мере, в какой шла торговля продуктами, она подчинялась верховному лицу в городе, то есть, как правило, королю. Купцы же в ту пору обычно вели разъездную торговлю и состояли на службе у того или иного господина.

В середине XII в., однако, возникло некое новое явление, когда жители городов начали торговать товарами по собственной инициативе, а не под руководством короля или его представителей. Тем самым был открыт путь для перехода к сознающему самое себя городу, у которого были собственные интересы, необязательно совпадающие с интересами его властителя. Когда, параллельно с этим, достигла полного развития социальная структура, при которой крестьяне сдавали излишек своей продукции землевладельцу или королю, города, занимавшиеся сбытом этого излишка, стали возникать в течение XII столетия во множестве, словно одуванчики в мае. Похоже, новые города почти все

располагались на королевских землях и поэтому должны были платить королю ежегодную подать.

Городское существование превратилось в нечто особое, отличавшееся от жизни на селе. Есть основания полагать, что в числе тех многочисленных элементов нового, которые появились в стране в XII в., было также представление о различии между «городскими» и «сельскими» жителями. И притом в такой форме, что у городских жителей создавалось мнение о своей передовой роли, проявлявшейся в способности вести дела в духе нового времени. Высшими выразителями требований нового времени, заключавшихся в многообразных переменах, были представители европейской церкви в Дании.

Однако в XIII в. обретшие самостоятельность жители городов, которые уже не считали, что их интересы во всем совпадают с интересами властителя города, стали ощущать потребность в проведении формализованных переговоров с этим властителем или с другими представителями сильных мира сего. По немецкому образцу в некоторых городах возник — нам неизвестно как — совет, который стал представлять сообщество горожан перед окружающим миром. В течение XIII столетия все города добились в качестве особой королевской привилегии права иметь собственный набор правил; различия между ними были невелики, однако все же существовали, так что каждый город в королевстве, будь то большой или маленький, имел свой вариант, который обозначался как правовой кодекс данного города.

На южной стороне Балтийского моря новые города были немецкими; однако деньги не спрашивают о национальности, и города становятся важным элементом в игре вокруг водных путей европейского Севера.

По обоюдной милости. Церковь и король в XII в.

Датчане приобщились к христианской церкви в тот момент, когда она более явно, нежели прежде, стала представлять как папская церковь. Новообращенные христиане столкнулись с церковной властной структурой в ее более резко очерченной форме, сложившейся в XI в. и получившей название григорианской, по имени папы Григория VII

(1073-1085).

Григорианцы выступили с острой критикой положения дел, сложившегося в церковном руководстве. Одиннадцатое столетие характеризовалось децентрализацией политической власти по всей Европе. Григорий успешно противостоял этой тенденции. Проводя внутреннюю централизацию церковного аппарата, он выступал против любого светского влияния надела церкви. Наибольшее внимание привлекла начатая им борьба за право церкви единолично решать все вопросы избрания и назначения на церковные должности. Эта так называемая борьба за инвеституру завершилась, наконец, заключением в 1122 г. Вормского конкордата, в соответствии с которым церковь добилась признания того, что епископы должны избираться духовенством без вмешательства со стороны князей. Этот порядок пришел и в Данию, где он, мягко говоря, оставался нереализованным при выборах епископов вплоть до середины XIII столетия.

Григорианские идеи служили целям исключительно практическим, и их последствия выражались больше в виде укрепления церковной структуры и влияния папы, чем в форме развития теологии. Григорианская эффективность распространялась вместе с внутренним административным аппаратом церкви по всей Европе. В Дании она породила впечатление, что церковь, присутствие которой в повседневной жизни страны стало фактом, в делах практических, похоже, стояла на пару шагов впереди других институтов. Численность населения теперь росла, и потребность в мерах по повышению эффективности стала огромной. Нововведения, в претворении которых в жизнь страны церковь занимала приоритетное положение, вызвали в период приблизительно с 1040 по 1340 г. колоссальный экономический рост, который сопровождался постоянным приростом населения.

Королевская власть также извлекала пользу из высокой действенности церковного административного аппарата после его появления в стране, в частности путем назначения на свою службу людей, получивших церковное образование. Главной причиной, в силу которой церковь была впереди королевского правительственного аппарата, было письменное делопроизводство. Таким образом, королевская власть усвоила разработанную церковью технологию власти и впоследствии смогла с успехом осуществить также и свою культурную революцию. Так две ветви власти выросли почти из ничего

в структуру, которая руководила частью производства на сельскохозяйственных угодьях страны, а также распределяла, перераспределяла и потребляла производимую продукцию.

У датских королей была еще одна причина, для того чтобы благожелательно относиться к папской церкви. Дело в том, что немецкие императоры/короли были главными противниками и тех и других, а всегда полезно иметь дружественного союзника в тылу противника. Так что с 1047 г. церковь встречала со стороны датских королей понимание выбора ею новых путей, если старый образ действий оказывался непригодным.

А он действительно оказался таковым для Свена Эстридсена, который вооружился с целью захватить как Норвегию, так и Англию. Однако эта попытка короля окончилась полной неудачей. Похоже, что его наиболее выдающаяся черта как воина заключалась в способности проигрывать битвы, в которых он участвовал, и при этом избегать гибели. Может быть, именно это отсутствие свойственной викингам харизмы явилось причиной того, что королевские отпрыски и вожди аристократии сочли Свена неопасным и позволили ему править в течение 29 лет.

В конечном счете Свен Эстридсен все же извлек выгоду из своего длительного правления (1047—1076), в течение которого он удерживал власть не только оружием, но и другими средствами. Король согласился с предложением северогерманского архиепископа и начал укрепление института церкви. Раз уж не удалось стать правителем империи, выходящей за пределы Дании, то он попытался стать одной из двух частей эффективной власти у себя дома, в своем королевстве.

Концептуальные основы сотрудничества между новой церковью и монархией в ее новом образе складывались при Свене Эстридсене, и эта линия была продолжена при пяти из его многочисленных сыновей, которые занимали королевский трон после него. Одним из первых дел церкви стало распространение на всю страну ее организационной структуры в виде епархий, возглавлявшихся епископами, резиденции которых размещались в городах. Эти епископальные города стали центрами церковного управления; все они оснащались внушительного вида соборами, которые сооружались при поддержке короля. Наряду с этим, зримым свидетельством нового положения вещей стали большие и малые здания Церквей в деревнях по всему королевству. Папский

престол вступил в переписку с Харальдом Хеном, первым из сыновей Свена, в отношении предложения, которое, похоже, касалось создания самостоятельной церковной провинции в Дании. Внутри страны много хлопот королям доставляли их многочисленные братья, столь же амбициозные, как всегда была амбициозна молодежь из военного сословия. Поэтому родовая аристократия могла выдвигать условия в отношении выбора короля на общих собраниях, которые проводились накануне выборов с участием представителей высшего класса из всех составных частей королевства.

Харальд Хен (1076— 1080) перед своим избранием на королевский престол, видимо, поставил рекорд по части предвыборных обещаний: он собирался сохранить старые законы и не издавать никаких новых. Его брата и преемника Кнуда Святого (1080 — 1086) обвиняли в том, что он издал новый закон и ввел новый налог. Против Кнуда тогда даже подняли восстание, которое стоило ему жизни. Наши в целом скудные источники дают понять, что короли испытывали более значительные трудности с введением новшеств, чем церковь. Так, если судить по писаниям историков Саксона и Эльнота, вечной проблемой для королей было содержание флота и корабельных экипажей. Командующему военным флотом приходилось грабить либо собирать дань, чтобы иметь возможность в течение длительного времени кормить людей, состоявших в его подчинении. Недовольные экипажи кораблей были готовы разжечь пламя очередного мятежа, который мог перекинуться и в среду аристократов.

Самое сильное преимущество королей в их взаимоотношениях с привычной к военным схваткам аристократией заключалось в том, что последняя была расколота на взаимно враждующие роды и группировки. Во всяком случае, раскол в среде аристократии является самым естественным объяснением несовпадения оценок магнатов и королей в целом ряде исторических трудов, сочиненных представителями господствующего класса в XII столетии. Роскильская хроника, появившаяся около 1000 г., хвалебно отзывается о тех, кого около 1200 г. подвергал критике Саксон Грамматик, и наоборот. Согласно этой хронике, король Олаф Голод (1086 — 1095) не может нести ответственность за то, что на период его правления выпали неурожайные годы, и в то же время в ней говорится, что король Эрик Добрый (1095— 1103) придумал несправедливые законы. У еще одного

историка, Свена Аггесена, писавшего сочинения в одно время с Саксоном, были собственные герои, что явным образом связано с его принадлежностью к могущественному роду, гордившемуся традициями и деяниями предков.

Новый общественный строй, похоже, удачно сочетался с таким порядком, при котором каждый из ведущих аристократических родов получил свое, когда папа в 1103 г. сделал Лунд резиденцией архиепископа в датской церковной провинции и возвел епископа Ассера, как раз из рода Свена Аггесена, в сан архиепископа. В Гамбург-Бременском архиепископстве это вызвало бурное, но бесполезное негодование. Архиепископ Ассер отныне стал олицетворять собой в данной церковной провинции духовную власть, стоявшую вровень со светской властью в лице короля Нильса (1104—1134). Престиж новой власти подкреплялся еще и тем, что датская церковь получила согласие папы на канонизацию датского святого, каковым стал не кто иной, как убитый в 1086 г. брат короля Кнуд.

Напряженность, возникавшая при столкновении старого и нового в обществе, становилась источником многочисленных небольших конфликтов. Архиепископ Ассер рассчитывал вначале на то, что самым надежным покровителем церкви может стать король, чьи предшественники усердно потрудились ради получения им нынешнего престижного титула. Король Нильс, в свою очередь, стал называть себя королем милостью Божьей.

Родовая знать в XII в.

Около 1130 г. сотрудничество между королем и архиепископом расстроилось в связи с интригами Гамбургского архиепископства против соперника, обосновавшегося в Лунде. Тогда датский архиепископ решил показать силу, и королевская власть в лице Нильса была потрясена, когда Ассер поддержал банду мятежников, возглавлявшуюся претендентом на престол Эриком Памятливым. В результате в 1134 г. они одержали полную победу в битве при Фодевиге в Сконе. Многие руководители партии короля пали жертвами этого мятежа, и в их числе сын и соправитель короля Нильса — Магнус и пять епископов. Последнее обстоятельство красноречиво говорит о том,

что епископы, несмотря на все благие намерения церкви выступить в роли примиряющей силы, по-прежнему принадлежали к воинственному высшему классу и, само собой разумеется, принимали личное участие в тех распрях, которые то и дело возникали тогда при принятии политических решений.

Когда король, церковь и аристократы ссорились из-за земельных владений, обделенные и недовольные всегда имели возможность сблизиться с претендентом на трон, то есть с членом королевской семьи, обещавшим опираться на глав знатных родов, в данный момент не пользовавшихся фавором правящего монарха. Распри между претендентами на трон превратились в XII столетии в своего рода политическую культуру, в открытую всеобщему взору сцену, на которой сталкивались имевшие место в обществе противоречия. Постоянная конкуренция между знатными родами давала епископам и королям возможность осуществлять политику «разделяй и властвуй» по отношению к аристократии. Играло свою роль и то, что местничество, проявлявшееся отдельными провинциями в составе королевства, по-прежнему оставалось реальностью. Жители Ютландии, Зеландии и Сконе составляли в каждом случае отдельную страну со своим местным правом и относились друг к другу с большим недоверием. Часты были и столкновения.

Силы аристократических родов были неравными. Один из них представлялся столь могущественным, что считалось естественным назначать архиепископа именно из его рядов; и совершенно бесспорно, что из одного-единственного рода, занимавшего особое положение, должен был происходить король. Однако этот род являлся таким же собственником земли, как и все остальные, а старшие и законнорожденные сыновья не имели преимущественного права на трон. И все же в первые три десятилетия XII в. церковь и король нашли в лице друг друга такого партнера и покровителя, что им не мог противостоять никакой альянс магнатов.

Архиепископский престол утвердил в 1134 г. свою независимость по отношению как к немецкому конкуренту, так и королю. С тех пор короли и претенденты на престол проявляли чрезвычайную осторожность в обращении с епископами. Епископ мог ведь вступить в союз с мятежниками и выиграть.

Так Ассер преуспел в 1134 г. Его влияние, однако, не было

настолько сильным, чтобы помешать аристократическим группировкам продолжать междоусобную борьбу. Из фигур, возглавлявших знатные роды, вновь и вновь возникали претенденты на королевский трон, которые могли содержать собственную дружину, однако не были достаточно сильны, чтобы одолеть противника на долгое время. Следствием этого стали продолжавшиеся в течение 26 лет, начиная с 1131 г., междоусобные войны, в ходе которых возникали альянсы с переменным составом. Дело выглядело так, что королевская власть уже не в состоянии была функционировать на двуглавой основе.

Казалось, что церкви было легче справиться с этой ситуацией, чем королевской власти. Когда в 1137 г. Ассер умер и место последнего занял его племянник Эскиль, авторитет архиепископа по-прежнему оставался достаточным, для того чтобы предотвратить серьезные столкновения внутри церкви. В то время как ни одному претенденту на трон не удавалось утвердить за собой единоличное право на королевскую власть, в каждой епархии по-прежнему оставался только один епископ. Гражданская война достигла своей кульминации в 1157 г., когда у власти одновременно находились целых три короля-соправителя.

Архиепископу Эскилю долго удавалось лавировать в политическом фарватере, который заполняли амбициозные претенденты на королевский трон. Он был заинтересован в том, чтобы король тратил силы на политику местного значения, тогда как он сам вместе со своей церковью устанавливал контакты с такими культурными центрами XII в., как Рим и Франция.

В 1157 г. два человека, еще не достигшие тридцати лет, обнаружили умение вести дела в датской политике. Один из них — король Вальдемар, которому повезло в том отношении, что оба его соправителя были убиты во время гражданской войны; второй — житель Зеландии Абсалон из рода Виде, недавно возвратившийся на родину после нескольких лет учебы во Франции. На его счастье, в это время умер епископ в Роскилле. Двое молодых людей воспользовались представившимся шансом. Вместе они решили захватить всю власть, как королевскую, так и церковную, и на первом этапе добились избрания Абсалона, принадлежавшего к роду Виде, епископом в Роскилле, хотя тот и не достиг канонического возраста. Затем, после смерти соперников, Вальдемар и Абсалон установили тщательное

наблюдение за всеми младшими членами монаршего рода и безжалостно обрушились на тех, кого можно было заподозрить в намерении претендовать на трон и бросить вызов единоличному королевскому титулу Вальдемара. Аристократия, которая, видимо, растратила силы в междоусобных войнах, оказалась не в состоянии выдвинуть фигуры, способные стать во главе мятежа.

Аристократические роды к концу XII в. оказались ослабленными; на этом фоне оказалось возможным возобновить сотрудничество двух властных сил и завершить процесс государственного строительства.

Монархия Вальдемаров

С окончанием междоусобных войн изменилась и роль королевской власти в обществе.

В ряде исторических исследований с того момента, как Вальдемар I (1157 — 1182) стал единоличным королем, его не без оснований называют Вальдемаром Великим. Угрозу со стороны претендентов на королевский престол он отвел с помощью стратегии, заключавшейся во введении действительной передачи трона по наследству. Она была победно осуществлена в Рингстеде в 1170 г. Последовательно проводя в отношениях с Абсаломом линию «ты мне, я тебе», Вальдемару и его сыну Кнуду VI (1182—1202) удалось привести королевскую власть на вершину успеха, избежав при этом столкновения с церковью.

Как и церковь, королевская власть расширяла сферу своих судебных полномочий и на деле присваивала законодательную власть. Она увеличила собственные доходы, получаемые за счет судебных штрафов, и превратила обязанность населения обеспечивать королю постой и «кормление» в постоянно взимаемый налог. Старые системы, однако, с трудом поддавались обновлению, и классическая обязанность воинов участвовать в прибыльных морских походах только по прошествии нескольких десятилетий XIII в. превратилась в военный налог. Происхождение этого налога, как и многое другое, является спорным. Некоторые считают, что он, как и институт королевской власти в Дании, имел давнюю историю и выражался в виде повинности нести действительную воинскую службу; по мнению других, это было нововведением времен Вальдемаров, скопированным по европейскому

образцу.

Как бы там ни было, старый военный распорядок, лежавший в основе административного деления страны на округа (херреды), при Вальдемарах стал более эффективным. Теперь впервые возникло обозначение «человек господина» (herremand)^[6]. Это обозначение относилось к человеку, который обязан «во всеоружии» явиться на военную службу, когда король призовет его. Он получал вознаграждение в виде денежного жалованья, а также в виде освобождения от налогов на землю, которой он владел, поскольку рисковал своей жизнью за короля.

Самым важным из всех военных нововведений, однако, было сооружение постоянных крепостей, которые после исчезновения замков треллеборгского типа стали в Дании редкостью. После того как Вальдемар Великий стал единоличным королем, он сам и его наиболее верные союзники из рода Виде возвели несколько оборонительных крепостей из нового материала — кирпича; крепости располагались прежде всего вдоль побережий проливов Большой Бельт и Эресунн. Так, епископ Абсалон приказал построить возле укрепленного рыбацкого поселка на востоке Зеландии крепость, которая в скором времени превратилась в город Копенгаген, а его брат Эсберн Снаре соорудил на противоположной стороне Зеландии внушительную крепость Калуннборг, где естественные склоны, городская стена, здания замков и похожая на крепость церковь создали единый величественный ансамбль. С именем короля Вальдемара связано и укрепление системы оборонительных валов Даневирке путем возведения стены из кирпича. Эти крепости были почти неприступными. Однако содержание крепостей, как и другого нового средства ведения войны в XIII в. — войска из закованных в броню рыцарей (мелкие северогерманские князья предоставляли его в пользование за плату), обходилось дорого.

Неудивительно, что при Вальдемаре Победителе (1202—1241) появился новый налог (stud^[7]), который уплачивался овсом, особенно потребным для корма лошадям. Перед этим был введен дополнительный военный налог (kvoersoede). Налоговое ведомство, таким образом, проявляло большую изобретательность в условиях, когда расходы на государственное управление постоянно возрастали. Из королевской канцелярии до нас дошло переплетенное собрание рукописей, по всей вероятности представляющих собой списки (они

относятся примерно к 1231 г.), различным образом использовавшиеся при взимании податей. Нет никаких сведений о том, какой смысл вкладывался в собрание этих рукописей под названием «Земельная книга короля Вальдемара». Но, во всяком случае, «Книга» является выражением чрезвычайного тщания, с которым относился к делу штат сотрудников, обеспечивавших поступление доходов в казну новой королевской власти.

С другой стороны, у короля имелся наилучший, казавшийся неисчерпаемым источник налогов. Суть дела заключалась в том, что ежегодно в конце лета на королевской земле возле юго-западной оконечности провинции Сконе проводилась сельдяная ярмарка, потому что сельдь именно в этом месте подходила косяками так близко к берегу, что ее можно было ловить руками. Сконская ярмарка привлекала покупателей соленой сельди со всей Северо-Западной Европы и из региона Балтийского моря. Бесспорно, самым значительным из торговых городов, граждане которых получали на территории ярмарки отгороженные участки для компактного там проживания, являлся Любек, поставлявший необходимую для засолки сельди соль. Вскоре Сконе стала местом сбыта всякого рода товаров, и король из своего расположенного неподалеку замка гарантировал для участников ярмарки мир, получая в обмен на покровительство подати, далеко превосходившие то, что его предшественники в дни Адама Бременского могли выжать из торговли, которая велась через Балтийское море и Датские проливы.

Функции церкви

К счастью для короля Вальдемара, в 1157 г. погиб сначала король Кнуд, убитый в ходе так называемого «Кровавого пира» в Роскилле, а затем и король Свен в битве при Грате Хеде. После этого задачей первостепенной важности для молодого государя стало обеспечение своему союзнику епископу Абсалону соответствующего влияния в церкви. Главным препятствием было положение архиепископа Эскиля. Однако шаг за шагом эти двое смогли вывести старого архиепископа из игры.

На церковном празднестве в Рингстеде в 1170 г. торжественно

отмечалось причисление папой к лику святых Кнуда Лаварда, отца короля Вальдемара. Архиепископ Эскиль, известный как сторонник григорианских церковных идеалов, прежде вступал против возвеличивания подобным образом власти короля и правящей линии королевской семьи. На церемонии в Рингстеде ему пришлось руководить помещением останков нового святого в роскошный ларец, а затем короновать семилетнего Кнуда, сына Вальдемара, в качестве соправителя отца и тем самым признать за королем право заранее назначать преемника. Абсалон, оказывая поддержку такой политике, внес свой вклад в общее с королем дело. В 1178 г. все это обернулось для него исключительной выгодой: при поддержке со стороны короля он не только был назначен архиепископом Лундским, но и, вопреки всем церковным правилам, получил разрешение папы сохранить за собой епископский престол в Роскилле.

Взаимная солидарность между епископской и королевской властью тем самым достигла предельной степени. Проблема престолонаследия — вопрос о том, кто придет на смену нынешнему обладателю высшего властного титула, — равным образом нелегко поддавалась решению как в рамках института королевской власти, так и в церкви. В 1191 г. Абсалон добровольно ушел с должности епископа в Роскилле, уступив место молодому клирику из знатного рода Виде. Казалось, Абсалон и Вальдемар были близки к решению проблемы наследования светской и церковной власти.

Полная победа Абсалона над противниками рода Виде в среде аристократии, над врагами короля из числа членов королевской семьи и над своими собственными идеологическими противниками среди церковников увенчала процесс модернизации общества, осуществлявшейся церковью. Христианское Евангелие вело речь о пути в мир иной; однако оно накладывало свою печать также и на жизнь в этом мире.

Церковь. Власть и культура

В течение столетий, ознаменованных влиянием григорианства, церковь использовала свою новообретенную власть для того, чтобы оказывать влияние на процесс преобразований общества в разных

странах. Верховный правитель датского государства в XII в. был еще во многих отношениях королем германского типа, от которого подданные ожидали щедрости. Это явствует, в частности, из небольшой истории, входящей в обширное жизнеописание пробста Къеля из Виборга, которое служило обоснованием ходатайства о его причислении к лику святых.

Согласно этому рассказу, Къель в разгар гражданской войны встретился в Лунде с королем Свеном и уговаривал последнего помириться с его соперником Кнудом. Но это не заставило двух драчунов умерить свой воинственный пыл. При отъезде Къеля из Лунда государь в качестве почетного дара преподнес пробсту золотое кольцо и несколько золотых монет. Как только Къель добрался до гавани, он отдал кольцо нищему в лохмотьях, а монеты разменял на мелкие деньги и раздал их бедным. Мораль истории заключается в том, что Свен жалуется своими дарами, как это было принято у королей в старые времена, а Къель принимает дары, как подобает служителю папской церкви. Так это, очевидно, и было воспринято, потому что в 1188 г. папа дал согласие на канонизацию в качестве святого пробста Къеля, скончавшийся незадолго до этого. И с тех пор церковь в Виборге могла разъяснять прихожанам, что идеалы Къеля предпочтительнее, чем идеалы короля Свена.

Этот эпизод может также служить иллюстрацией того, каким образом папская власть в средние века являлась реальностью повседневной жизни. Вероятно, в Виборге возникла потребность иметь местного святого, однако было отнюдь не достаточно получить в этом деле поддержку со стороны местного епископа. Причисление к лику святых являлось делом папы и осуществлялось централизованно из Рима. Поэтому Къель не мог стать святым в Виборге, пока этого не одобрил Рим. Серьезность проблемы почувствовали в Орхусе, где епископ только в XIII в. попытался добиться канонизации местного святого Нильса, однако запрошенное одобрение так и не было получено. Такие черты эпохи свидетельствуют, что двойное руководство и наличие водораздела между религиозным и светским обществом с их различиями в руководстве и организации составляло основополагающую характеристику общественного строя в западном христианском мире. Светская власть не могла выносить решения по таким делам, как канонизация святых. В XII и XIII вв. из двух ветвей

власти церковь была в культурном отношении более развитой и оставалась такой вплоть до начала XIV столетия. Это было в большой степени связано с международными контактами, которые она поддерживала, опираясь на владение международным языком — латынью. Представляемая церковью официальная картина мира, где история, согласно постулату отца церкви Августина, разыгрывается как тысячелетняя борьба между злом и добром, около 1120 г. была использована применительно к датским условиям в историческом повествовании о короле Свене Эстридсене и его сыновьях, принадлежащем перу родившегося в Англии историка Эльнота.

Владение латынью позволило церкви также целиком взять на себя формализованное преподавание в школах, которые с начала XII в. были привязаны к соборам. Церковь имела свои суды, в которых должны были рассматриваться все дела, касавшиеся ее собственных священнослужителей и которые также имели монопольное право вершить суд по так называемым духовным делам — весьма гибкое понятие, охватывавшее, во всяком случае, проступки против половой морали. К тому же церковь занималась такими важными общественными делами, как призрение бедных, уход за больными и их лечение, в особенности после того, как два нищенствующих монашеских ордена, францисканцы и доминиканцы, в начале XIII в. начали обосновываться в датских городах. Можно утверждать, что церковь XIII столетия в совокупности со своим партнером в лице королевской власти в полной мере приобрела очертания того института, который в обществе более позднего времени стал называться государством.

Во времена Вальдемаров имелось много точек соприкосновения между стародавними датскими представлениями и современным церковным мышлением. Один из примеров этого мы видим в упоминавшемся выше большом труде историка Саксона о деяниях датчан.

В правовых вопросах чрезвычайно важно было найти баланс между церковным и традиционным датским правом. Поэтому в ходе поисков приемлемых компромиссов в XIII столетии в качестве связующего звена зафиксировали в письменном виде бывшее в ходу реформированное обычное право отдельных частей страны. «Сконское право» и «Зеландское право» были записаны в порядке частной инициативы.

«Ютландское право» было отредактировано от имени короля; видимо, это сделал епископ Виборга Гуннер, а издал король Вальдемар Победитель в год его смерти (1241). Наряду с этим «Сконское право» было издано на латыни архиепископом Андерсом Сунесеном. В своем пересказе архиепископ недвусмысленно указывает, что существуют нерешенные юридические проблемы, в особенности вокруг представлений церкви и датских специалистов в области права относительно понятия собственности. Такие комментарии со стороны ученого датского архиепископа подчеркивают, что правовые кодексы отдельных частей Дании являлись выражением единой общей преобразовательной деятельности. Они (кодексы) должны были пониматься как своего рода руководство для использования обществом с новыми структурами власти.

Юридическими сочинениями Андерс Сунесен содействовал вхождению Дании в ряд европейских обществ. Он также показал свое знание интернациональной церковной культуры, написав на латыни поэму «Гексамерон» о шести днях творения, где излагал собственные представления о мире.

Из этого произведения явствует, что Андерс Сунесен, как датский иерарх церкви, активно участвовал в одной из самых успешных за все времена культурных акций церкви, а именно в ее борьбе за влияние на семейную жизнь. Повсюду, куда вторгалась церковь, она по многим причинам приходила в столкновение с местными правилами о том, как людям следует жить вместе, расходиться и, что немаловажно, наследовать друг другу. Последнее являлось особенно серьезным делом, потому что здесь таилась угроза дарам, преподносимым церкви. Так, из Дании XII в. до нас дошли некоторые документы, из которых явствует, что пережившие покойного родственники оспаривали право монастырей на землю, которую новопреставившийся подарил ради спасения их душ.

Позиция церкви заключалась в том, что повсюду в христианском мире должны царить единообразные правила по решению подобных вопросов. В XII в. папский престол начал вести наступательную кампанию с целью добиться от прихожан отчета о своей сексуальной жизни перед священником. Инструментом служило придание браку священного характера. Ибо если брак священен, то нарушение правил, касающихся брака, подлежит разбирательству в церковных судах. А

правил было предостаточно: в церковной версии брак должен быть моногамным, нерасторжимым и добровольным. Последнее означало, что никого нельзя принуждать вступать в брак по сговору других лиц. А поскольку церковь присвоила себе монопольное право на заключение браков, принцип добровольности означал обеспечение как права молодых женщин на свободный выбор первого супруга, так и права вдов на возможное преподнесение их имущества в дар церкви вместо вступления в новый брак. Оба явления привели к столкновению между интересами церкви и интересами знатных родов, владевших земельными угодьями. Идеология церкви, однако, заключала в себе ответ на данный вопрос: семейная жизнь важнее жизни в рамках рода. Хорошая жизнь — это семейная жизнь, а семейная жизнь создается сообща мужчиной и женщиной. Средства для достижения этого простые — дети и любовь. Андерс Сунесен высказывается в «Гексамероне» вполне в духе папской политики и объясняет, что дети — это чудесно и родители должны любить детей. Это была набожность, которую нетрудно было понять.

Какие бы мотивы ни стояли за развернутой со стороны церкви кампанией, она означала идеализацию базовой семьи как образа жизни. Подобная позиция стала краеугольным камнем в учении римской церкви о воздействии веры на повседневную жизнь; так остается и при нынешнем папе. Независимо от того, какие цели стояли за этим, церковь, если ей удавалось подобным образом вмешиваться в интимную эмоциональную жизнь верующих, становилась таким властителем душ людей, каким не могла стать королевская власть.

Глава 3

Средневековое государство. Пределы роста

Конфликт между властями

Организм, создававшийся обоюдными усилиями церкви и короля, принял в середине XIII в. вид государства, в котором, по мнению обеих сторон, ими осуществлялись важные функции, направленные на благо их густонаселенной страны. Это требовало значительных расходов и служило оправданием отчуждения существенной части продукта, создававшегося в общественном производстве, в пользу властей. В странах, окружавших датских королей, вопросы, представляющие общий интерес, обсуждались князьями с представительными органами аристократии. В Дании такой орган был введен в форме учреждения, именуемого «данехоф»^[11] и состоявшего из «лучших людей королевства». В XIII в. он стал приобретать все возрастающее значение как инстанция, которая могла дать королю согласие на введение новых налогов или отказать ему в этом. Церкви, как казалось, удалось упрочить свое финансовое положение. Она заботилась о больных и бедных. Членам своей «семьи» (*familia*) она предоставляла физическую защиту в этой жизни в качестве господина в родном для каждого человека приходе. В своих владениях церковь упразднила фиктивное представление о земельных магнатах как о более именитых родственниках, имевших равный статус с теми, кто занимался обработкой земли. Вместо этого она ввела идею «семьи», которую возглавлял землевладелец, предоставлявший ей взамен свое покровительство. Церковь ввела это покровительство по отношению к «семье», а светские владельцы поместий последовали ее примеру.

Историки временами задавались вопросом, откуда церковь черпала свою власть. Ответ прост: прежде всего она использовала возможность угрожать людям адом. Страх оказаться там заставлял всех бояться гнева церкви и вынуждал земледельцев платить десятину, а собственников земли — на смертном одре делать распоряжения о передаче земельных владений в дар церкви. Самое верное, что могла сделать церковь для сохранения и расширения своих доходов, — это поддерживать страх

людей перед адом.

Монархия, которая, по идее, должна была обеспечивать в обществе мир и справедливость, несла более значительные расходы, чем церковь. Обе ветви власти отличались теперь большой заносчивостью. К 1250 г. они сочли свои позиции настолько укрепившимися, что стали испытывать на прочность разделявшие их границы влияния. В период между 1250 и 1320 гг. это стало причиной трех нашумевших конфликтов между архиепископом и королем.

Однако не следует заблуждаться и рассматривать эти так называемые церковные баталии как некие войны на уничтожение. Каждая из сторон признавала право другой стороны на существование и стремилась лишь оттеснить партнера на второй план. Обе они могли в этом контексте опереться на заграничные идеи. На датских епископов и высокопоставленных иерархов церкви сильное впечатление оказало разработанное юристами папского престола учение о папе как о заместителе Бога на земле, которое основывалось на принятии папой на себя королевского достоинства Христа и на восстановлении тем самым прямой власти Бога над людьми. А затем папа наделил частью своей власти светских князей, оставаясь, однако, в принципе их главой. Держава архиепископа в большей степени, чем держава короля, имела свое четко определенное место в надгосударственном едином целом. Никто не оспаривал того, что все подданные короля были одновременно и подданными папской империи. Еще в XIV в. датские епископы извлекали выгоду из этого положения; позднее дело приняло другой оборот.

Главным предметом противостояния стал вопрос о юрисдикции, праве вершить суд в различных сферах жизни общества. Обе стороны стремились при этом к экспансии, в чем наилучшим образом преуспевала церковь; люди охотно обращались в церковные суды, поскольку судопроизводство по каноническим правилам предусматривало, в частности, фактическую оценку приводимых доказательств. Дела о выплате долгов особенно часто выносились на рассмотрение церковных судов, которые были в состоянии предоставить кредиторам наилучшее содействие во взыскании денег с нерадивых должников. Церковь могла утверждать, что долговые отношения входили в сферу ее компетенции, потому что обязательство выплаты долга иногда подкреплялось клятвой, а нарушение клятвы

являлось святотатством. Как королевские суды, так и традиционные херредстинги (судебные окружные собрания в херредах), должно быть, ощущали в XIII в. конкуренцию со стороны развивавшейся церковной системы судопроизводства.

Весьма основательной была внутренняя организация церкви, солидную основу которой создавало получение доходов. Это не ускользнуло от внимания королей, и с их стороны предпринимались попытки присвоить текущие доходы церкви. Предпочтительными выступали два способа — конфискация церковных имений и конфискация десятины. Последняя практиковалась с согласия церкви или без оногo в конце правления Эрика Менведа, вплоть до 1319 г. Это происходило настолько регулярно, что в манифест (хондфестнинг)^[12], вырванный церковью в 1320 г. у нового короля Кристофера II, было внесено добавление, гласившее, что впредь десятина может передаваться королю только в обмен на гарантии, подлежащие одобрению представителями церкви.

Экономическое благополучие церкви давало епископам возможность окружать себя многочисленным штатом, включая вооруженных людей. Кроме того, архиепископ Лундский и епископ Роскильский имели собственные крепости; это может объяснить, почему ютландские епископы в ходе всех трех церковных баталий проявляли существенно меньшую склонность к конфликтам, чем архиепископы. Все три тогдашних архиепископа: Якоб Эрландсен, Йене Гранд и Эсгер Юль — вынуждены были покинуть Данию и проживать за ее пределами по нескольку лет (первым двум из них пришлось это сделать после того, как они, соответственно в 1259 и 1290 гг., были подвергнуты королем тюремному заключению).

Церковные баталии можно проследить в мельчайших подробностях, так как ход их являлся предметом разбирательства в папском суде, акты которого сохранились. Они не привели, однако, к какому-либо однозначному осуждению датских королей и, следовательно, нисколько не прояснили отношения между церковью и королем. Церковь все это пережила без особых проблем. Для монархии же церковные баталии имели то серьезное последствие, что архиепископы оказались на стороне врага в момент, когда отношения королевской власти со светской аристократией в те же самые десятилетия стали более чем напряженными.

Внешняя политика как сфера компетенции короля

Короли государства, простиравшегося между Северным и Балтийским морями, все время вынуждены были решать ответственную задачу защиты своих подданных от посягательств врагов, которые вождеденно взирали на этот привлекательный район. Напряженность в отношениях с соседями, жившими как на территории нынешней Германии, так и в Скандинавии, была постоянным явлением в XII — XIII столетиях, в особенности в связи с давней традицией, в соответствии с которой короли прибрежных государств облагали пошлинами торговое судоходство на прилегающих морских путях. В XII в. славянские князья из района, лежащего к югу от Балтийского моря, конкурировали с датчанами в борьбе за господство на море; во время датских междоусобных войн венды, как тогда часто называли славян, предпринимали успешные грабительские походы в Данию.

Военная фортуна повернулась лицом к датчанам, когда Вальдемар Великий и Абсалон, используя флот военных кораблей, вторглись в районы к югу от Балтийского моря и подвергли их разграблению. В 1169 г. в ходе одного из этих походов, которые церковь благословила как крестовые, удалось захватить остров Рюген, языческие жители которого были насильственно обращены в христианскую веру и подчинены Роскильскому епископству.

В последующие десятилетия датчане довольно успешно проводили политику экспансии в отношении Северной Германии. Главными их противниками выступали графы Голштинские; с датской стороны центром силы был Шлезвиг, постоянно представлявшийся как герцогство, которым владел один из младших членов королевской семьи. Так, в 90-х годах XII в. оно предназначалось для младшего брата короля Кнуда VI и наследника престола Вальдемара. Шлезвиг продолжал оставаться наследным леном, и усилия датских королей, направленные на то, чтобы обеспечить себе господство над ним, стали одним из главных пунктов датской внешней политики последующих столетий. Одновременно со своим вступлением на трон в 1202 г. Вальдемар, теперь именовавшийся Вальдемаром II (Победителем), одержал крупную военную победу над голштинцами. На рубеже XII и

XIII столетий. Дания была явно сильнейшей военной державой в западной части Балтийского моря и получала мзду за покровительство от многих князьков и от города Любека.

В 1219 г. датский король и архиепископ захватили языческую Эстляндию, лежавшую на восточном побережье Балтийского моря. Это завоевание оказывало влияние на ход событий в последующие 150 лет, поскольку желание сохранить власть в этой отдаленной стране меняло стратегию датских королей. Напротив, датскому господству над Гольштейном и его соседями пришел конец, когда в 20-х годах XIII в. противники короля^[13] сначала похитили Вальдемара и его сына на острове Люэ, а затем, получив от Дании выкуп, нанесли освобожденному королю военное поражение при Борнхёведе в Гольштейне.

Дания никогда не теряла интереса к Норвегии; а норвежский король, со своей стороны, около 1300 г. вступил в союз с группой взбунтовавшихся датских магнатов, в распоряжении которых находилась крепость на острове Йельм к востоку от Дьюрсланна и крепость Варберг в Халланде. Он был заинтересован в том, чтобы лишить датского короля контроля над судоходством через Каттегат. Группу бунтовщиков по приговору суда признали виновной в убийстве короля Эрика Глиппинга в 1286 г. в местечке Финнеруп близ Виборга. Вполне возможно — хотя на этот счет имеются лишь скудные сведения в источниках, — что убийство было связано с противоречиями интересов, связанных с контролем над судоходством.

В целом на взаимоотношения между странами в районе Балтийского моря в XIII в. накладывали свой отпечаток значительные демографические и экономические изменения, происходившие в этот период. Фактором решающего значения стал мощный натиск германских народов в восточном направлении. Значительно возросшая численность населения и рост урожая зерновых в районе к югу от Балтийского моря создали основу для появления большого числа новых городов. Развивавшаяся балтийская торговля и тот факт, что преобладающую роль в ней после 1200 г. играли немецкие города, оказывали определяющее влияние на политику как малых, так и крупных прибрежных государств на протяжении ряда столетий.

Северная Германия в течение XIII в. раскололась на маленькие княжества, большинство из которых по размерам далеко уступало

датскому королевству. Они пользовались реальным суверенитетом, потому что германские императоры больше не в состоянии были удерживать власть в этом районе. Данное обстоятельство повлияло на внешнюю политику датских королей в двух отношениях. Во-первых, от своих северогерманских соседей датские короли узнали о постулате феодального права, согласно которому младшие сыновья князей имели право наследования частей отцовского княжества. Во-вторых, датские короли получили подтверждение своему старому опыту, из которого следовало, что наилучшим источником доходов в данном районе было обложение пошлинами морской торговли. Внешняя политика датских королей следовала тогда по двум главным линиям: с одной стороны, династическая линия, нацеленная на обеспечение безопасности господствующей княжеской ветви от наследственных притязаний алчных родственников; с другой стороны, торгово-политическая линия, преследовавшая цель установления господства над торговлей наиболее прибыльных городов.

Королевская внутренняя политика — до драмы в Финнерупе

Внутренняя политика после 1241 г. формировалась под влиянием все возраставшего сопротивления королю со стороны недовольных магнатов. В числе самых могущественных из них были члены королевского рода. В 1232 г. Вальдемар Победитель передал в соответствии с феодальным правом ряд пограничных провинций: Южную Ютландию, Лолланн, Блекинге и Халланд — своим младшим сыновьям в качестве герцогств и графств. По замыслу короля они должны были охранять границы государства, однако вместо этого названные княжеские лены стали опорными пунктами для борьбы за власть, которую герцоги и графы повели против короля. Это в особенности касалось Южной Ютландии, где обосновавшиеся там представители рода герцога Абея на протяжении многих поколений выступали в качестве закоренелых противников датского короля.

Для короля было важно постоянно обеспечивать военное превосходство над подобными противниками. Монархия стала все больше пользоваться таким необходимым, но дорогим оружием, как

рыцарское войско и крепости. После смерти Вальдемара Победителя в 1241 г. его преемники в течение 90 лет боролись за установление равновесия между расходами королевской власти и ее основанными на традиции доходами. При Эрике Менведе (1286—1319) королевская власть начала бороться с нехваткой финансовых средств путем передачи части входящих в государство ленов в залог на ограниченный период.

Эта рискованная политика привела в 20-х годах XIV в. к вызванному долгами распаду государства на ленные владения, отданные в залог. В период с 1241 по 1330 г. происходило постепенное крушение королевской власти под гнетом растущих трудностей, вызванных антагонизмом с церковью, с владельцами новых княжеских ленов, с князьями других стран и с землевладельцами собственной страны.

Политические возможности, которые аристократия могла использовать в своем противостоянии королю, были связаны прежде всего с постоянно возникавшей проблемой престолонаследия, процедурой занятия освободившегося трона. Вальдемарыт нашли собственное решение проблемы, состоявшей в том, что трон хотя и переходил по наследству в рамках королевского рода, но не обязательно от отца к сыну. Решение заключалось в том, что они провозглашали старшего сына короля престолонаследником и соправителем уже при жизни отца. После смерти Вальдемара Победителя короли пытались на протяжении столетия продолжать такую практику, но с переменным успехом. Это было связано с тем, что смерть короля в ряде случаев наступала внезапно.

Сын Вальдемара Победителя — Вальдемар Младший был провозглашен преемником и соправителем короля, однако умер в результате несчастного случая от случайного выстрела, когда отец был еще жив. Тогда преемником провозгласили следующего по старшинству сына, который и вступил на трон после смерти Вальдемара Победителя. Он значится в списке датских королей как Эрик IV Плугпеннинг^[14] (1241 — 1250). Эрик умер, не оставив после себя сыновей, и, видимо, был убит по наущению брата, герцога Абеля. Задуманный Абедем переворот удался, он был избран королем, однако уже в 1252 г. погиб при попытке подчинить себе фриз в Западном Шлезвиге. В этот момент сын Абеля, хотя и провозглашенный престолонаследником,

находился в Германии, где архиепископ Кёльнский сделал его своим пленником с целью получить выкуп от отца. Тем временем еще один сын Вальдемара Победителя, Кристофер, использовал свой шанс и добился провозглашения себя королем. Его правление закончилось, когда он внезапно заболел и умер в 1259 г.; если верить свидетельствам его вдовы-королевы и ее ближайших советников, он был отравлен за ужином сторонниками архиепископа Якоба Эрландсена.

Эти нарушения передачи трона по наследству от отца к сыну, возникавшие в результате убийства правящего короля, должны были служить правящей ветви королевской семьи серьезным напоминанием о необходимости всегда быть в хороших отношениях с ведущими магнатами, чтобы те поддержали выбор и провозглашение наследника трона. Кристоферу I (1252— 1259) тоже удалось провозгласить своего сына, Эрика Глиппинга (1259— 1286), наследником престола. Однако Эрик Глиппинг после насыщенного конфликтами правления, был убит в Финнерупе в ноябре 1286 г. Имена злодеев остались неизвестны, но незадолго до убийства произошло политическое столкновение между правительством короля и группой аристократов, объединившихся вокруг крупного помещика Стига Андерсена. На заседании данехофа в 1276 г. он выступил против провозглашения двухлетнего сына короля наследником престола.

В 1276 г. Андерсен фактически потерпел поражение; однако отношения между магнатами-оппозиционерами и правительством короля-ребенка, по всей видимости, изменились в начале 80-х годов XIII в. В 1282 г. король был вынужден издать манифест^[15], в котором дал согласие на ежегодный созыв данехофа и обещал прекратить вмешательство королевской власти в систему судопроизводства. К тому же несколько членов королевского дома, а среди них были породнившиеся через брак со скандинавскими и немецкими княжескими домами, выдвинули претензии на наследство, которое они хотели получить в виде коронного поместья. Известный своим сутяжничеством герцог Вальдемар Шлезвигский первым добился такого решения в 1284 г., в то время как окончательное соглашение с норвежским королем по поводу запутанных требований нескольких принцесс датского происхождения было отложено до лучших времен. К моменту внезапной смерти короля в 1286 г. этот вопрос фактически зашел в тупик.

Исследователями предпринимались попытки установить, кто и какие точки зрения отстаивал в окружении короля. Сделать это, однако, оказалось нелегко. Пришлось отказаться от попыток трактовать события 80-х годов XIII в. как борьбу между политическими партиями в современном смысле, хотя подобные подходы и сыграли большую роль, с тех пор как видный датский историк Эрик Аруп первым предложил в 1925 г. такую трактовку. Можно, однако, считать доказанным, что Стиг Андерсен после издания манифеста в 1282 г. вошел в число королевских советников.

После Финнерупа. Четыре убитых короля и выпавший из кареты принц

Убийство короля в Финнерупе круто изменило положение Стига Андерсена. На Троицу 1287 г. девять вельмож, в числе которых были Якоб, граф Северо-Халландский, и Стиг Андерсен, на заседании данехофа в Ньюборге были признаны виновными в убийстве и изгнаны из страны. Источники дают такую скудную информацию на этот счет, что окончательных доказательств виновности, видимо, никогда не удастся отыскать. Имеется, однако, большое число косвенных улик против обвиняемых. Были ли они виновны в убийстве короля или нет, но вели обвиняемые себя так, словно совершили это убийство.

Так, по всей видимости, еще до вынесения приговора указанные девять человек нанесли визит норвежскому королю. Минули столетия, и летом 1999 г. были предприняты археологические раскопки на острове Йельм. Судя по заявлению их руководителя прессе, раскопки подтвердили, что укрепления на острове были сооружены в период около 1290 га. Речь идет о поспешно сооруженных укреплениях из земли и дерева, которые, похоже, тут же стали использоваться, кроме всего прочего, фальшивомонетчиками для своего промысла. Эти укрепления, по всей видимости, были сожжены по прошествии двух десятилетий. Есть все основания считать результаты археологических изысканий дополнительным подтверждением того, что Стиг Андерсен и другие изгнанники перешли на сторону норвежского короля, чтобы установить контроль над судоходством через Каттегат. Противоположная сторона, несомненно, рассматривала такой образ

жизни как чистое пиратство.

В отличие от своих ближайших предшественников король Эрик Менвед (1286— 1319) умер естественной смертью, не оставив, однако, после себя потомков мужского пола. В более поздних преданиях утверждалось, что у короля было несколько сыновей, которые умерли в детском возрасте, причем самый младший из них — потому, что королева Ингеборг, дочь шведского короля, выронила младенца из кареты.

Таким прихотям судьбы не могла противостоять никакая политическая стратегия. Эрику Менведу пришлось примириться с тем, что ближайшим наследником трона в последние годы правления был брат, герцог Кристофер, его заклятый враг, который в течение многих лет вел против Эрика войну и в 1313 г. поддержал крупное восстание ютландских помещиков и крестьян против короля.

Все это должно было послужить напоминанием амбициозным представителям датского королевского рода о непредсказуемости мира сего, и в особенности о той реальности, что убийство наиболее частая причина смерти в профессии под названием «датский король». Недовольство подданных, однако, можно было предотвратить с помощью политических средств. Соперничая с потомком короля Абея, герцогом Эриком Шлезвигским, герцог Кристофер предпочел в 1320 г. заплатить высокую цену за провозглашение себя новым королем.

Для Кристофера II вступление на трон было удачным, хотя бы потому, что и он избежал участи быть убитым. По сей день убийству в Финнерупе суждено стать последним убийством главы датского государства. Почти во всем остальном нахождение у власти принесло Кристоферу разочарование. Ценой, которую ему пришлось заплатить за избрание, был подписанный тогда же манифест, в котором новый король по всем спорным пунктам тогдашней политики пошел навстречу аристократии.

Так, магнаты добились того, что королевская система судопроизводства была поставлена под их контроль путем введения определенной последовательности инстанций, которой обязан подчиняться и королевский суд. В то время как высшей инстанцией должен был стать данехоф, королевскому суду отводилась роль второй по рангу инстанции. Кроме того, король гарантировал, что в своей практике судопроизводства он будет уважать все еще сохранившиеся

различия в законах трех составных частей страны^[16]. Что касается обязанностей помещиков в случае военных действий, то в манифест была внесена существенная оговорка: никто более не обязывался участвовать в военных действиях за пределами государства. Наконец, финансы королевской власти были существенно ослаблены специальным запретом на множество пошлин, введенных в период правления Эрика Менведа.

Королевский замок возле бухты Кале, сооруженный в начале двадцатых годов XIV в. для защиты от «строптивности» ютландцев. (Фото: Торкиль Бальслев)

Кроме того, предусматривалось, что несколько крепостей, сооруженных по распоряжению Эрика Менведа на Ютландии с целью контроля над населением после большого восстания 1313 г., будут скрыты. В отношении управления страной говорилось, что король не должен издавать новые законы без их одобрения на государственном собрании, которое теперь снова должно было созываться каждый год в

Нюборге.

Королевская власть, prerogatives которой были определены подобным образом, стала бы существенно более скромным фактором в жизни общества, чем та почти самодержавная власть, которой обладал Эрик Менвед в последние годы своего правления и которую он унаследовал у Вальдемаров. Но даже и в таких рамках она едва ли была способна функционировать, потому что кандидат на трон Кристофер в одном из параграфов дал обещание, что он «выплатит весь заведомый и подтверждаемый приемлемыми доказательствами долг, который ныне покойный король имел перед жителями государства; а тот залог, который сделан в обеспечение долга, будет сохраняться до полной его выплаты, за исключением тех крепостей, которые должны быть скрыты».

Монархия, установленная при коронации Кристофера II на ландстинге в Виборге в 1320 г., видимо, с самого начала заключала в себе зародыш своего крушения. К тому же тот человек, на долю которого выпало управлять государством, стоящим на грани банкротства, вскоре проявил себя как, мягко говоря, неподходящий для такой роли. Как и его брат, Кристофер пытался проводить активную внешнюю политику в Северной Германии и потребовал установить дополнительные налоги для финансирования этого предприятия. Часть аристократии после этого раскаялась в своей поддержке Кристофера и вместо этого встала на сторону потомков короля Абея, составлявших герцогский род в Шлезвиге. Они заключили союз с одним из крупных кредиторов короля, голштинским графом Герхардом Рендсбургским, который после смерти герцога Эрика в 1325 г. являлся опекуном его десятилетнего сына Вальдемара.

В 1326 г. они провозгласили Кристофера смещенным с трона, а ребенка-герцога — избранным вместо него на королевский трон. В качестве жеста доброй воли по отношению к датской аристократии малолетний король издал манифест, который представлял собой повторение манифеста его предшественника от 1320 г., но с многочисленными детальными поправками в сторону ужесточения. Одновременно граф Герхард, видимо (удовлетворительных данных об источнике этих сведений не сохранилось), воспользовался случаем, чтобы в собственных интересах добавить формулировку, согласно которой «герцогство Южная Ютландия не может быть объединено и слито с Данией как государством и короной, так чтобы над ними был

единый правитель». Это положение едва ли имело большое значение в 1326 г., однако позже оно под названием Constitutio Valdemariana («Установление Вальдемара») было вовлечено в политическую игру вокруг Южной Ютландии.

Теперь граф Герхард должен был править от имени своего опекаемого, однако ему не удалось справиться со своими голштинскими сокредиторами. После вооруженного восстания мелкопоместных дворян в Ютландии граф в 1330 г. договорился с Кристофером II о сложном компромиссе, который предусматривал лишение малолетнего короля трона и повторное воцарение Кристофера. Последний устроил себе после этого резиденцию в Сканнерборге, однако в 1331 г. он потерпел окончательное поражение в битве при Даневирке после безуспешной попытки повести войско против графа Герхарда. Кристофер после этого обосновался в Сакскёбинге на острове Лолланн. Здесь он умер в 1332 г. естественной смертью. Состояние упадка, до которого довел королевство своим правлением Кристофер, проявилось в том, как повернулись дела после смерти короля, а именно: ничего не произошло. Никто из аристократов не считал нужным позаботиться об избрании нового короля после Кристофера.

Его сын обрел королевский титул спустя восемь лет. Но заслуги отца в этом не было.

Кризис аристократии.

Необходимость деперсонализации власти

Развитие королевской власти характеризовалось в XIII в. потерей сугубо личного ее характера и превращением в сущности в государственную власть. Особенно это ощутила на себе третья сила в управлении страной — аристократия, которая хотя и содействовала росту и имела там свою долю, но лишь в такой форме, которая подталкивала к подчинению властям и взаимодействию с ними. Класс аристократии (магнатов) мог во времена Вальдемаров функционировать совместно с двуглавым государством, а не против него.

В XIII в. происходило превращение аристократии из элиты родового общества в феодальный дворянский класс в том понимании, что на смену скандинавской системе защиты, когда потребность в ней

индивидуума обеспечивалась родом, к которому он принадлежал, пришел такой порядок, при котором помещик предоставлял крестьянину в деревне защиту, необходимую тому, как хлеб насущный.

В одном из положений общегосударственного закона, принятия которого добился Эрик Менвед на данехофе в 1304 г., под угрозой суровых наказаний было запрещено кому-либо брать под защиту своих родственников, за исключением случаев болезни. В старой системе дело обстояло таким образом, что убийство родственника или причинение ему иного ущерба могло стать для его покровителей источником дохода, который мог быть реализован, если удавалось заставить обидчика или его род выплатить возмещение. В той системе, которая была провозглашена в предисловии к «Ютландскому праву» в 1241 г., предусматривалось, что в будущем штрафы будут выплачиваться главным образом королю. Однако на практике дело обстояло иначе: административные акты периода 1241 — 1304 гг. со всей очевидностью свидетельствуют, что короли передавали право на взимание штрафов крупным землевладельцам, у которых работали лица, совершившие преступление. Так место прежних родов заняли светские и церковные владельцы поместий, а не королевская власть.

Во внутренних делах короли стремились к централизации управления; это проявлялось, в частности, в игнорировании ими различий между сконским, зеландским и ютландским правом при рассмотрении дел на заседаниях королевского суда. Для противников королевской власти, напротив, делом принципа стал партикуляризм отдельных частей страны. Это явствует из той программы правления, которую аристократы на выборах короля в 1320 и 1326 гг. заставили принимать новоизбранного монарха.

В 1332 г. умер король Кристофер II, который к тому времени, по-видимому, оставался королем только у себя дома в Сакскёбинге, после того как он раздал свое государство, лен за леном, в залог кредиторам, прежде всего мелким северогерманским князьям. Датские аристократы давно уже держали королевскую власть на голодном пайке, отказывая ей в праве вводить новые налоги, однако в выигрыше оказались в первую очередь их немецкие собратья по сословию. Никто не счел в 1332 г. необходимым избрать нового короля. В том же 1332 г. Сконе была включена в состав шведского королевства при поддержке со стороны архиепископа Карла и сконской знати.

Недоброжелательство аристократов, если оно было достаточно сильным, могло привести королевскую власть на край экономической пропасти и даже столкнуть ее туда, как это произошло в 20-х годах XIV столетия. Государственное единство оказалось в этой ситуации до такой степени зыбким, что стало возможным без особых усилий поделить королевство на его три первоначальные составные части: Ютландию, острова и Сконе. За восемь лет, проведенных без короля, аристократы поняли, что дело принимает серьезный оборот, когда стало происходить дальнейшее дробление этих земель на замковые лены, принадлежащие своенравным ленсманам.

Тогда стало очевидным, что королевство германского типа превратилось в европейское средневековое государство. В таких государствах все время происходили характерные колебания между периодами силы и слабости князей и знати соответственно. Однако обойтись без некоторых функций государства, выступающего в качестве гаранта безопасности своих граждан, было нельзя. Местные вожди родов уже больше не могли, как это было еще в XII в., вершить правосудие в своих родных краях, если власти оказывались слабы. Эгоизм держателей заложенных земель вызвал в Дании, пожалуй, еще больший хаос, чем действия Кристофера II.

Некоторые вельможи осознали тогда, что, хотя им и трудно было ужиться с Кристофером II, еще хуже жить без короля. Когда не было короля, не существовало и совета при нем, и никто не мог созвать данехоф. Мы можем прочесть в одном документе, датированном 1339 г., что «Магнус, король земли Сконе», сам «заседал в королевском суде» перед своим замком Хельсингборг. Пусть королевская власть и превратилась в учреждение, но все же это было учреждение от имени короля.

В Ютландии и на острове Зеландия, однако, не могли назвать имя нового короля; это было бы непрактичным, в частности, для тех людей, которые, подобно голштинским держателям закладов, рассчитывали на возврат денег, данных в займы датской короне.

Дополнительно повороту в развитии событий способствовал такой новый фактор власти, как торговые города. Когда король Кристофер II умер, завершив свое шаткое правление, в одном из главных немецких городов — Любеке считали, что нет нужды иметь одного и того же короля по обе стороны пролива Эресунн. В конце 30-х годов XIV в.

руководство города передумало и решило, что все же было бы полезным иметь одного общего датского короля, который контролировал бы крупнейший актив Дании — сконские ярмарки. Поэтому купцы в Любеке оказали в 1340 г. поддержку выдвижению кандидата на трон.

И все-таки было сомнительно, что датская держава будет когда-либо снова собрана воедино под властью короля в тех границах, которые она имела со времени, когда Магнус Добрый упал с коня. То, что присоединение земли Сконе к Швеции было аннулировано и отложено на 300 лет, отнюдь не являлось чем-то само собой разумеющимся, а объяснялось своеобразием личности вступающего на престол короля.

Демографический кризис

Помимо Любека избранию нового короля на датский престол оказали поддержку некоторые голштинские держатели заложенных датских ленов, предпочитавшие вернуть отданные под залог деньги, а также епископ из города Орхуса.

Политические перспективы того, что молодому человеку удастся возродить датское королевство в Европе, где княжества появлялись и исчезали, представлялись совсем нерадужными. К тому же основой всей деятельности церкви и королевской власти на протяжении 300 лет был продолжительный рост сельскохозяйственного производства. С середины XIV столетия и в этом отношении условия изменились.

То, каким будет правление в средневековом государстве на выходе из Балтийского моря, в дальнейшем должно было зависеть от способности его сельского сообщества поддерживать сельскохозяйственное производство, а в краткосрочной перспективе, в 1340 г., — от политических способностей юнкера Вальдемара Кристоферсена.

Резюме

Выход из Балтийского моря в Северное частично перекрыт

полуостровом Сконе, полуостровом Ютландия и многочисленными островами. В эпоху Великого переселения народов после начавшегося распада Римской империи в этот район вторглись кочевавшие германские народности. Мы проследили развитие здесь вплоть до становления государства.

Начиная с III в. н.э. в ряде мест на востоке Ютландии и на Фюне шли ожесточенные сражения между вторгшимися племенами и местным населением; после этих битв победители захоронили в болотах большое количество оружия. Одна из вторгшихся народностей, по всей видимости, была идентична данам, о которых в VI в. встречаются упоминания у европейских писателей. Считается, что они пришли с востока и в районе выхода из Балтийского моря вступили в столкновение с ютами. Судя по данным археологии, в политическом отношении в тот момент район был поделен на несколько небольших, но довольно богатых королевств.

Власть в этом районе, с учетом его географической структуры, поддерживалась с помощью кораблей, плававших вдоль побережий и по крупным водным путям. В VIII в. местный тип судна в районе, охватывающем также части нынешних Норвегии и Швеции, был усовершенствован и превращен в скандинавский парусный корабль викингов, способный совершать плавание в открытом море. Этот прогресс в военно-технической области создал основу для грабительских и завоевательных походов из данного района в Западную Европу и Британию. В результате этого известное на континенте германское королевство кочевников превратилось в морское королевство. Данный скандинавский аппарат власти был непостоянен по своей форме и основывался в большей степени на владении флотом, чем на владении землей. Руководство выпадало на долю харизматических вождей аристократической молодежи, воспитанной для ведения войны. Со смертью Кнуда Великого в 1035 г. самое крупное морское королевство распалось.

Одна из сохранившихся частей этого королевства стала Королевством Дания. В течение последующих 300 лет его население создало материальную основу для нового политического развития. В его ходе характерное для периода викингов и основанное на личности вождя королевство постепенно превратилось в институт с правительственным аппаратом.

С середины XI в. происходит формирование европейского государства со структурами власти, в основе которых была власть взаимно зависящих друг от друга короля и церкви. Используя географическое положение страны, лежащей у западной оконечности Балтийского моря, датские правители стремились превратить Данию в великую державу этого региона. Однако она никогда не была долговечной. В конце XIII в. расходы, связанные с внешней политикой, стали одной из главных причин недовольства аристократии королевской властью. Эта власть продемонстрировала свою силу внутри страны, после того как в 1286 г. в Дании в последний раз был убит король и когда регенты при несовершеннолетнем государе твердой рукой подавили своих противников. Но силы этой уже не было, когда в 1332 г. после смерти короля был предпринят политический эксперимент, заключавшийся в отказе от выборов нового монарха.

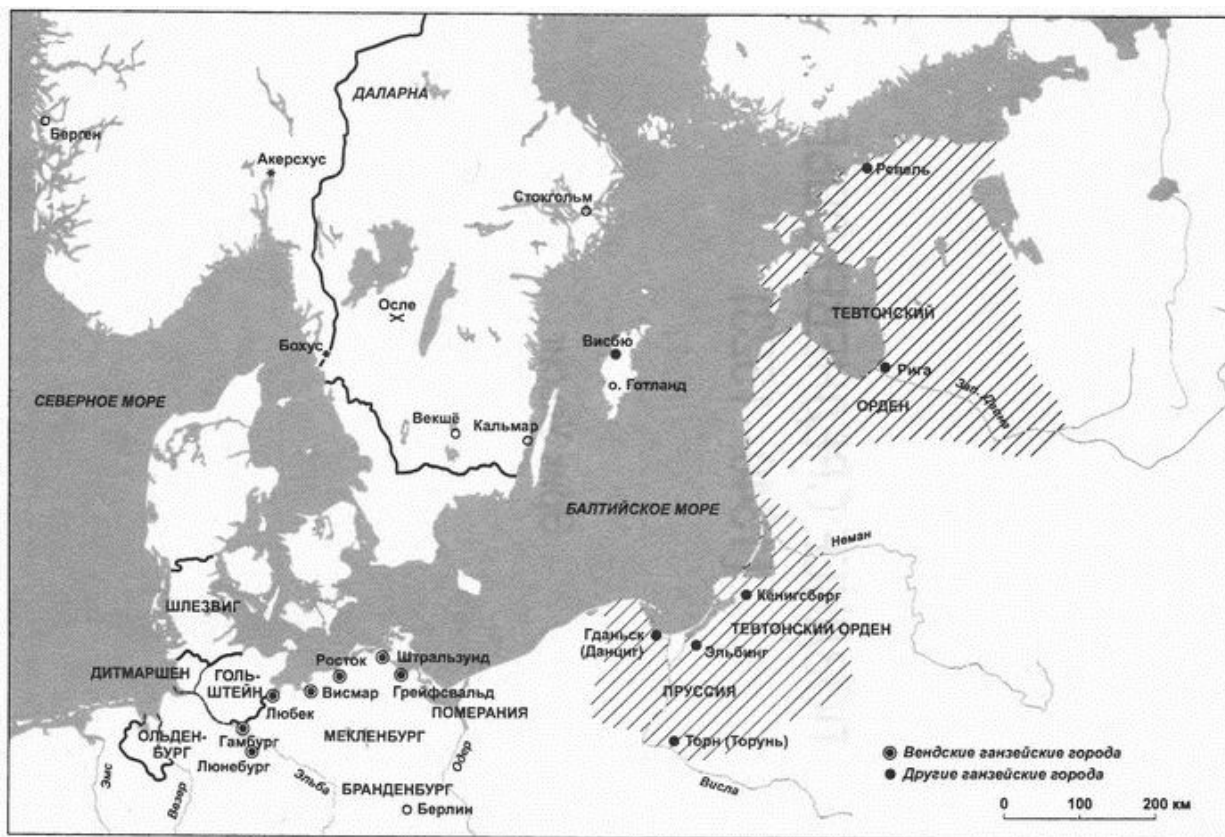
Кризис королевской власти в период около 1330 г. совпал с глубокими изменениями как в политической, так и в материальной основе государства. Однако к тому времени стало ясно, что без государства не обойтись.

**ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (1340-
1523)**

Эрик Ульсиг

Глава 4

Вальдемар Аттердаг, Маргрете и Эрик Померанский (1340-1439)

Север и бассейн Балтийского моря около 1400 г.

Беспокойный и хаотичный период, начавшийся в 1320 г., завершился полным политическим крахом. Когда в 1332 г. умер Кристофер, вся страна была отдана в заклад голштинским графам Герхарду (по-датски Герт) и Иоганну, а в период с 1332 по 1340 г. в Дании не было короля. Поскольку государство строилось вокруг королевской власти, это означало, что государство прекратило свое существование или, во всяком случае, перестало функционировать. Учреждения, которые были связаны с королем, — совет и данехоф, да и

само дворянство, как привилегированное служилое сословие, исчезли. Лишь церковная организация с архиепископом и епископами продолжала функционировать.

Политические события 1332-1375 гг.

Уже в 1332 г. жители Сконе оценили последствия развала государства и обратились к королю Швеции и Норвегии Магнусу, который выплатил залоговую сумму за Сконе графу Иоганну Голштинскому и его людям. Магнус был признан королем Сконе, а архиепископ и дворянство пошли к нему на службу. Совершенно иначе обстояло дело в остальных частях Дании. Господство голштинских графов распространялось на военную и финансовую сферы. Герт всегда называл себя только графом Гольштейна, в то время как Иоганн в некоторых случаях — когда он находился на Зеландии — добавлял к своему графскому титулу и титул главы Зеландии. Различные районы, такие, как Лангеланн, Мён, Северная Зеландия и Самсё, принадлежали менее крупным держателям закладов. Упомянутым графам пришлось посадить субдержателей во многие из находившихся у них в закладе королевские замки. В период господства голштинских графов продолжали функционировать ландстинги, херредстинги и церковная организация, однако характерно, что епископы и помещики, за малым исключением, не поступали на службу к графам. Последние лишь частично обеспечивали спокойствие и порядок, и им или назначенным ими комендантам замков и субдержателям закладов доставались все королевские доходы.

В 1334 г. граф Герт пресек попытку юнкера Отто, старшего сына Кристофера II, стать датским королем, однако около 1338 г. ему, по всей видимости, стало ясно, что существующее положение не могло сохраняться бесконечно долго. В Северной Германии стал проявлять себя Вальдемар, младший брат юнкера Отто; с ним заодно были епископ Орхуса и некоторые датские дворяне. Вальдемар вступил в переговоры со своим шурином маркграфом Бранденбургским и — в качестве векселя на будущее — предоставил привилегии двум ганзейским городам. Год спустя граф Герт поссорился с южноютландским герцогом Вальдемаром и ютландскими помещиками.

Складывавшаяся ситуация все-таки заставила его начать переговоры с герцогом с целью выбраться из беспокойной Северной Ютландии, однако в ночь на 1 апреля 1340 г. в результате дерзкой вылазки ютландскому дворянину Нильсу Эббесену и его людям удалось убить графа Герта в Раннерсе.

Сыновьям графа пришлось теперь вести переговоры сначала в Шпандау (земля Бранденбург), а затем в Любеке с претендентом на трон Вальдемаром и признать его в качестве короля в Ютландии и на Зеландии. Соглашение обеспечивало королю необходимые средства для выкупа заложенной земли, поскольку он в качестве начального капитала получил самую северную часть Ютландии и право на все дополнительные налоги, взимаемые с Ютландии и Зеландии. В качестве процентов по долгам короны держателям закладов теперь пришлось довольствоваться обычными королевскими доходами, то есть податями, взимаемыми с крестьян-собственников и крестьян-фермеров (арендаторов) на королевских землях, а также с городов. Приход Вальдемара к власти в качестве датского короля следует характеризовать как нечто необычное, поскольку это стало результатом исключительно межкняжеского соглашения. Правда, позднее Вальдемар был официально провозглашен королем на ландстинге в Выборге.

Сороковые годы XIV в. показали, что Дания была достаточно богата, для того чтобы король Вальдемар смог расплатиться с частью держателей закладов и даже вести войну на Зеландии против строптивых держателей или субдержателей. Вдобавок удалось отнять у графа Иоганна Лолланн, а у сыновей графа Герта — больше половины Фюна: районы, которые они рассчитывали сохранить за собой. В основе успеха лежала способность и готовность населения платить необходимые налоги. Однако после объединения преобладающей части государства и эпидемии чумы (которую называли «Черной смертью») в 1350 г. желание платить дополнительные налоги быстро исчезло. Сотрудничество между королем и ютландским дворянством было поколеблено; на смену ему в 1351 — 1353 гг. пришел союз, заключенный между сыновьями графа Герта и ведущими ютландскими дворянами, иные из которых принадлежали к узкому кругу советников короля.

Эта политическая ситуация повторилась в 1357 и 1368 гг. Если отвлечься от роли голштинцев в этих делах, то едва ли можно

сомневаться, что в обоих случаях мятеж ютландцев в значительной степени был спровоцирован аппетитами короля в отношении дворянских имений.

Естественно, важной целью политики Вальдемара было также возвращение под свою власть Сконе. В 1343 г. ему пришлось недвусмысленно заявить королю Магнусу об отказе от всех притязаний на эту землю, однако в 1360 г. политическая ситуация в Швеции напоминала датскую 40 лет назад. Вальдемар действовал быстро и бесцеремонно. Он достиг компромисса с ютландцами и голштинцами, и провинция Сконе была завоевана, причем шведы не получили ни гроша из залоговой суммы. Годом позже датский король завоевал номинально шведский, а фактически полусамостоятельный остров Готланд с ганзейским городом Висбю.

Королевские замки, резиденции и крепости около 1375 г.

Эта агрессия и крутые действия Вальдемара по использованию королевских прав в отношении сконских ярмарок заставили 11 ганзейских городов предпринять с помощью своего флота нападение (хотя и неудачное) на датчан в проливе Эресунн. Для ганзейских

городов во главе с Любеком эти ярмарки, особенно в XIV в., имели жизненно важное значение. В то время как государственный совет занимался налаживанием мирных переговоров, король отправился в Авиньон, где получил согласие папы римского на установление большего контроля над датской церковью.

Провокационная политика короля, выразившаяся в том, что он уже в 1362 г. именовал себя королем не только датчан и вендов, но также и готов, привела, однако, к тому, что постепенно сформировалась мощная коалиция его врагов. Она включала в себя прежде всего огромный Ганзейский союз городов на пространстве от Руси до Кёльна и Нидерландов, герцога Мекленбургского и его сына Альбрехта (который в 1363 г. стал шведским королем после нанесенного Магнусу Вальдемаром поражения), а также голштинцев, южноютландского герцога и цвет ютландского дворянства. Повсюду в Дании высились прочные королевские крепости под командой лояльных комендантов, однако ганзейцы захватили королевские замки на побережье Эресунна, и когда в 1370 г. с ними был заключен Штральзундский мир, они получили на 15 лет господство над западной частью провинции Сконе, а тем самым и возделенный контроль над сконскими ярмарками.

Остальные противники Вальдемара, оставшись в одиночестве, оказались не в силах продолжать войну и вынуждены были заключить мир, не добившись существенных уступок. Дворянство же Ютландии понесло серьезный урон от конфискаций собственности.

Монархия Вальдемара

Монархия Вальдемара Аттердага уцелела в схватке с большой коалицией, хотя и вышла из этой схватки ослабленной. Причина заключалась в финансовой, административной, военной и политической силе страны, которая почти по всем показателям превосходила ее прежнее состояние. Финансовая и политическая мощь в 40-х годах XIV в. предопределялась, как уже сказано, общими политическими целями, заключавшимися в освобождении от чужеземцев. Нам не так уж много известно о том, как функционировали финансы в дальнейшем, однако дополнительные налоги были уменьшены. Деньги, пошедшие на выкуп отданной в заклад земли, в основном уже были выплачены, однако

военные расходы по-прежнему отягощали казну, хотя и делались всякого рода попытки исправить положение дел. Удалось создать чрезвычайно мощную систему обороны, которая состояла из густой сети крепостей, размещенных Вальдемаром почти по всей стране, а также включала обеспечение всем населением кораблей припасами, рабочей силой и экипажами. Гарнизоны крепостей составлялись из оплачиваемого персонала, а вокруг зеландских замков король скупал имения, чтобы обеспечить их провизией. Многочисленные случаи скупки или конфискации им дворянских поместий в Ютландии преследовали прежде всего политическую цель — подрезать крылья ютландскому дворянству, однако бремя принудительных работ и военных расходов ложилось в первую очередь на жителей Зеландии.

Решающее значение имело то, что королевской власти удалось создать самодостаточную военную и административную систему, ядро которой составляли дворцы с их управителями, — систему, которая смогла выстоять в течение всего средневековья.

Для политики Вальдемара характерно то, что управители замков на острове Зеландия, являвшемся ключевым районом его власти, в 50-х годах XIV столетия в большинстве своем были весьма неродовитыми дворянами, иногда даже и не дворянами вообще, а позднее также и выходцами из немецкого дворянства. Их лояльность была безупречной. Верховный судья Зеландии как части королевства назначался королем, а королевский суд представлял собой важный инструмент устрашения ютландцев. На данехофах 1354 и 1360 гг., после первых двух ютландских мятежей, Вальдемар делал упор на то, что Дания является правовым государством, однако в 1368 г. ютландское дворянство еще раз показало, что оно не согласно с представлением короля о праве.

Тем не менее одна из главных черт правления Вальдемара состояла в том, что ему удалось создать в широком масштабе эффективное взаимодействие между монархом и аристократией. Церковь сотрудничала с королем, и избрание епископов во всех случаях происходило с его согласия или де-факто производилось им самим. Несмотря на дворянскую фронду в Ютландии, преобладающая часть дворянства следовала за королем. Важным делом было превращение королевского совета в государственный, который, в частности, включал всех наиболее видных управителей замков. Во время большого путешествия Вальдемара в Авиньон в 1364 г. совет успешно провел

переговоры с ганзейцами о заключении мира. В 1368— 1372 гг. он мог позволить себе находиться за пределами страны, надеясь, видимо, за спиной своих врагов в Северной Германии заключить союзы, в то время как главный управитель государства Хеннинг Подебуск и государственный совет вели войну и заключали мир с ганзейцами.

Маргрете и Кальмарская уния (1375-1412)

Когда в 1375 г. Вальдемар умер, возникла проблема, заключающаяся в том, что король не оставил после себя сыновей. Его старшая дочь Ингеборг была выдана замуж за представителя мекленбургской герцогской династии; она умерла приблизительно в 1370 г., оставив после себя сына. Младшая дочь Вальдемара Маргрете была замужем за норвежским королем Хоконом (сын короля Швеции Магнуса); у них был сын Олаф. Столь трудное в политическом отношении дело, как избрание короля, было решено следующим образом: наиболее видные члены государственного совета из датчан, а также те члены государственного совета из немцев, которые были женаты на датчанках, немедленно связались с Маргрете. После этого ее малолетний сын был избран королем и, вместе с Маргрете, поставил свое имя под манифестом. Избрание короля не осталось чисто датским внутренним делом. Правда, ганзейцы молчаливо согласились с избранием Олафа, однако мекленбуржцы, конечно, с этим не согласились, а за ними последовали и некоторые из немецких управителей замков, назначенные в свое время Вальдемаром. Им пришлось вследствие этого покинуть страну. Правительству удалось достичь *modus vivendi* с ютландцами, отказавшись от некоторых приобретений земельной собственности, сделанных Вальдемаром.

В отличие от положения, сложившегося в Дании и Швеции, в Норвегии королевский титул переходил по наследству, так что после смерти Хокона Олаф унаследовал норвежский трон. В результате возникла датско-норвежская государственная общность (уния), которой суждено было просуществовать в течение более чем 400 лет.

В Южной Ютландии последний герцог из рода Абеля умер в 1374 г., и голштинцы воспользовались в 1376 г. этой ситуацией, чтобы обеспечить полный контроль над герцогством. Вообще, нужно сказать,

что в течение многих лет Маргрете как правительница располагала слабыми позициями по отношению к дворянству и иностранным государствам. Однако, после того как ганзейцы в 1385 г. отказались от притязаний на замки в Сконе, а граф Герхард Голштинский в 1386 г. признал, что Шлезвиг находится в его владении как лен, полученный от датского короля, положение королевы укрепилось. Были начаты переговоры между Маргрете и шведской аристократией, повздорившей с Альбрехтом Мекленбургским, которого сама же аристократия призвала в 1363 г. на престол. Однако в 1387 г. Олаф, «прямой наследник шведского престола», умер в возрасте всего лишь семнадцати лет. Ни отец Олафа, норвежский король Хокон, ни его дед король Магнус (умер в 1374 г.) никогда не забывали о своих претензиях на шведский трон. После смерти Олафа Маргрете действовала незамедлительно. Всего лишь неделю спустя она была избрана опекуном, «полномочной госпожой и хозяйкой» в Дании, а вскоре после этого и в Норвегии. Ее пятилетний внучатый племянник (сын дочери ее сестры) Эрик Померанский был выдвинут кандидатом на роль будущего короля в обеих странах, а в марте 1381 г. был заключен союз между шведскими магнатами и Маргрете. В ходе военной схватки, происшедшей при местечке Осле в провинции Вестеръётланд 24 февраля 1389 г., скандинавские войска (во главе которых, правда, стоял немец) одержали победу над немецкими войсками Альбрехта. Король был взят в плен и находился в тюрьме до 1395 года. В 1396 г. Эрик Померанский был провозглашен королем в Дании и Швеции, в то время как норвежцы давно уже провозгласили и короновали его. На съезде, состоявшемся в июле 1397 г. в Кальмаре, он был коронован в качестве короля всех трех государств.

В Кальмаре были составлены два документа, так называемые коронационная грамота и грамота об унии. Первая представляет собой красиво оформленную, внушительную грамоту на пергаменте, вторая — неряшливого вида листок бумаги, на котором даже не все из тех, от чьего имени она была оформлена, поставили свои подписи. В коронационной грамоте, которую увенчали 67 подписей (стоявшие без очереди по национальному признаку), подписавшиеся в торжественных выражениях обещают Эрику свою верность и благодарят Маргрете за ее деяния. В то же время в грамоте об унии, составителями которой были всего лишь 17 человек, принадлежавшие к

узкому кругу приближенных королевы, были сформулированы некоторые планы относительно будущего этого союза.

Скандинавская уния отчасти явилась результатом династических случайностей. Олаф был последним представителем мужской линии в шведском королевском доме, его мать принадлежала к датскому королевскому дому, а бабушка по отцовской линии — к норвежскому королевскому дому. Мекленбургский княжеский дом, однако же, тоже мог обосновать свои претензии на трон во всех трех государствах. Однако и датская, и норвежская, и шведская аристократия избрала — в разное время — скандинавский вариант. Среди тех, кто «подыграл» скандинавам, следует упомянуть ганзейские города и государство Немецкого (Тевтонского) ордена в Пруссии. Наконец, нелишне отметить, что Маргрете обладала недюжинным политическим талантом.

Монархия королевы Маргрете

Отношения королевы с датским дворянством с течением времени менялись. В 1376 г. ей пришлось пойти на большие уступки; так, были полностью прекращены или аннулированы конфискации земель ютландского дворянства, произведенные Вальдемаром в более или менее замаскированной форме в последние годы его жизни. Однако, за одним-единственным исключением, ютландское дворянство на протяжении многолетнего начального периода не играло никакой роли в государственном правлении. Королева приняла по наследству состоявшее из зеландских дворян ядро государственного совета, действовавшего при Вальдемаре, в котором Хеннинг Подебуск занимал должность дроста^[17].

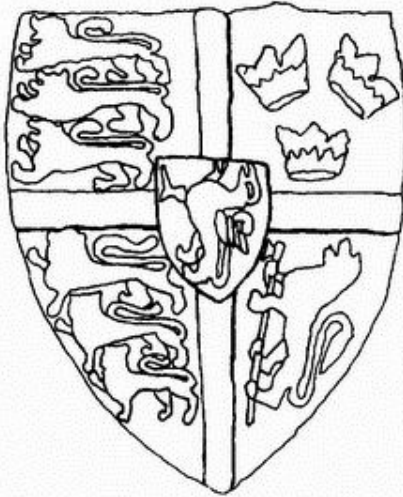
Со временем Маргрете вновь прибрала к рукам некоторые из последних земельных приобретений отца в Ютландии, однако она не оставила их за собой, а передала их в дар церковным учреждениям, монастырям, соборным капитулам и епископствам. Последнее заслуживает особого внимания, ибо если дары монастырям и соборам служили благим религиозным целям, то пожалование даров епископам определялось тем обстоятельством, что последние играли решающую роль в качестве опоры ее политики. Особенность при передаче земельных владений заключалась в том, что королева приказала скрыть

существовавшие крепости и укрепления. Как и Вальдемар, она держала под своим контролем важнейшие назначения на церковные должности. Королева добилась избрания своего близкого подручного Педера Йенсена Лодехата на должность епископа в епархиях Векшё, Орхуса и Роскилле. В 1376 г. государственный совет позаботился о назначениях на высшие должности. Однако, когда в 1380 г. умер маршал^[18], в 1383 г. был смещен гэлькер, наместник и управитель земли Сконе (и сконских ярмарок), а в 1387 г. умер дрост Хеннинг Подебуск, Маргрете предпочла оставить упомянутые должности незанятыми и осуществляла правление уже через своего хофмейстера. С точки зрения короны, с этими должностями были связаны слишком большая власть и престиж.

В 1396 г. как в Швеции, так и в Дании были изданы распоряжения, направленные на сокращение имений или редукцию, то есть на восстановление королевских прав на земельную собственность за счет дворянства и других слоев. Во главу угла ставилось обеспечение устойчивости хозяйства земледельца-собственника, что являлось продолжением политики, проводившейся ранее Вальдемаром и Магнусом Эрикссоном^[19]. Корона хотела помешать в дальнейшем переходу хозяйства крестьян-собственников в руки дворянства и по мере возможностей отнимала у дворян то, чем они ранее завладели. Дело в том, что из-за широкого иммунитета дворянства, выразившегося в освобождении от уплаты налогов, переход крестьянских хозяйств во владение дворянства лишало корону налогов, взимавшихся с крестьянина-собственника. Затем было издано распоряжение о проведении всеобщего расследования: какие из коронных земель оказались утрачены короной. В Швеции дело дошло до последовательной и широкой по масштабам редукции дворянских земель; в Дании же Маргрете использовала разнообразные методы, ссылаясь часто на права короля Вальдемара, но на острове Зеландия она прибегала также и к регулярной скупке имений.

Указами, изданными в 1396 г., королева недвусмысленно запретила дворянству возводить любые новые укрепления. В течение беспокойного XIV столетия любой, кому это было по силам, мог превратить свое жилище в крепость. Согласно более позднему свидетельству, поместье Нёрлунд в округе Химмерланд было «превращено из поместья в разбойничий притон, и поэтому королева Маргрете распорядилась его снести». Однако в Восточной Ютландии

родовитые дворяне располагали поместьями настолько хорошо укрепленными, что некоторые источники обозначают их как крепости. В 1339 г. они создавали проблемы для графа Герта, а в 1359 г. — для Вальдемара. В 1383 г. Маргрете самой пришлось захватывать силой Туресторпсё — крепость смещенного гэлькера земли Сконе. Запрет на создание укреплений отражает новообетенную силу королевской власти.

Фронтон кафедры в местечке Киркебё, Фарерские острова, около 1400 г.

Уния распространилась и на норвежские колонии — Фарерские острова, Исландию и Гренландию. Над рельефным изображением матери Иисуса Марии и матери Иоанна Крестителя Елизаветы можно видеть герб унии, в который включены гербы, объединенных ею государств. Очень многие фарерские крестьяне в период позднего средневековья были фестерами (арендаторами) епископа, имевшего резиденцию в Киркебё. После Реформации епископство было упразднено, и крестьяне в качестве крестьян короля (арендаторов королевских земель) стали своего рода высшим классом в фарерском крестьянском обществе (Национальный музей).

Государственный совет, который столь эффективно функционировал в трёх случаях, когда в стране не было короля, не получил возможности проявить себя во всем блеске при королеве Маргрете. Но он продолжал существовать, и с течением времени его значение выросло, после того как в 90-х годах XIV в. в него вошли представители ютландской знати. При Маргрете совет в гораздо большей степени, чем раньше, стал представительным органом датской аристократии. О его положении свидетельствует, в частности, документ 1410г., касающийся одного южноютландского замка. В письме констатируется, что в случае смерти Маргрете и Эрика замок поступает в распоряжение государственного совета. Однако о политическом весе Маргрете говорит то, что только после ее смерти дворянство стало высказывать недовольство обращением с ним королевы.

Период правления Маргрете, сопровождавшийся неоднократными эпидемиями чумы, в экономическом отношении был суровым временем, о чем можно судить по большому количеству пришедших в запустение хозяйств. Поэтому свидетельством политического и административного таланта королевы следует считать укрепление финансовой системы королевства. В первое десятилетие многие из доходов короны были отданы в залог, а Ганза подмяла под себя западную часть Сконе, хотя королевская власть и получала часть поступающих оттуда доходов. Однако позднее у Маргрете появились солидные ликвидные средства, что проявилось в выкупе заложенного имущества и скупке имений, а также в том, что она могла позволить себе тратить большие суммы на нужды внешней политики. Одна из главных причин ее успеха заключалась, вероятно, в том, что военные расходы были ограниченными; другая — в том, что существовал действенный контроль над фогтами^[20]. По мере того как королева прибирала к рукам все больше дворянских имений, ее доходы росли. И хотя земельная собственность короны не стала слишком крупной, ее размеры, благодаря общим усилиям Вальдемара и Маргрете, почти удвоились, а положение облагавшихся налогами хозяйств, принадлежавших крестьянам-собственникам, стабилизировалось. В общей сложности корона контролировала около четверти имевшейся в государстве земли.

Эрик Померанский (1412-1439).

Южная Ютландия, ганзейцы и Швеция

Смерть королевы Маргрете в 1412 г. знаменовала собой смену политического стиля. Эрик, правда, уже являлся королем в течение многих лет, однако решающее слово было за его приемной матерью, королевой. Наиболее заметное изменение произошло в политике короны в отношении земельных владений; оно проявилось в том, что приобретение короной дворянских земельных владений полностью прекратилось как в Дании, так и в Швеции. Зато после смерти епископа Педера Йенсена Лодехата Эрик в 1417г. отобрал у Роскильского епископства Копенгаген, сославшись на то, что Вальдемар Аттердаг владел этой крепостью и городом. Период правления короля прошел под знаком трех политических проблем, выразившихся в его попытках обеспечить обладание Южной Ютландией/Шлезвигом, наладить отношения с ганзейцами и отношения в рамках унии со Швецией. С течением времени эти три проблемы взаимно пересеклись и в конечном счете привели к падению короля.

После того как Герхард, граф Голштинский и герцог Шлезвигский, в 1404 г. пал в сражении с жителями Дитмаршена^[21], Маргрете усилила проникновение в это герцогство, что в конце концов привело к военной конфронтации. В 1413 г. Эрик на специально созванном для этого данехофе добился вынесения судебного решения, гласившего, что голштинские графы нарушили условия ленного совладения Шлезвигом, поскольку они вели войну против ленсхерре^[22]. Они, конечно же, не согласились с этим решением, хотя король и добился его подтверждения со стороны немецкого императора Сигизмунда. Вслед за возобновившейся войной в 1424 г. последовал новый судебный процесс, когда дело было вынесено на суд императора. На сей раз Эрик выступил с утверждением, что в Дании вообще не существует наследственного права на лен, и его позиция и в этот раз была положена в основу решения. Учитывая его престиж как короля унии и личное присутствие в Будапеште, где было вынесено судебное решение, вполне естественно, что Эрик выиграл судебное дело. Тем временем война продолжалась, и голштинцы получили поддержку со стороны Любека и других ганзейских городов. Наконец, в 1432 г. было заключено перемирие, после того как король потерял почти все герцогство.

Вскоре после 1412 г. Эрик предоставил ряд привилегий городам в

Сконе и на острове Фюн, а в 1422 г. — и Копенгагену. В соответствии с этими привилегиями иностранным купцам запрещалось покупать земли, то есть торговать с датскими крестьянами за пределами торговых городов и сконских ярмарок. Это было дальнейшее развитие сконской политики Магнуса и Вальдемара. Однако еще большее раздражение у ганзейцев вызывала денежная политика короля, введение Эресуннской пошлины^[23] и его отказ подтвердить их привилегии в Скандинавских странах. Однако прусским и вендским городам не удалось совместно выстоять против короля, и после блокады и морской битвы дело и здесь закончилось перемирием 1423 г.

В своей политике по отношению к унии Эрик продолжил и ужесточил линию, определившуюся еще при королеве Маргрете. Она заключалась в том, что власть по мере возможности сосредотачивалась вокруг него самого и его центрального органа правления — правительственной канцелярии. Таким образом Дания приобретала главенствующие позиции, и после 1405 г. король, например, ни разу не побывал в Норвегии. В администрации шведских ленов все чаще использовались датские и немецкие фогты; аналогичным образом обстояло дело в отношении важнейших норвежских замков — Бохуса и Акерсхуса. В датских замках за пределами Ютландии оказались весьма слабо представленными верхние слои дворянства. Соборы государственного совета в широком составе проводились редко. Когда же они проводились, в издававшихся по этому поводу документах датчане, шведы и немногочисленные норвежские представители перечислялись в последовательности не по национальному признаку, а по их рангу или времени службы, как это было на Кальмарском съезде в 1397 г. Как правило, король довольствовался совещаниями с небольшим числом членов совета.

Война против голштинцев и ганзейцев привела к обложению шведских крестьян большими налогами, взиманием которых занимались иностранные фогты, и в 1434 г. в провинции Даларна вспыхнуло восстание работавших на рудниках крестьян во главе с незнатным дворянином Энгельбректом Энгельбректссоном. Вскоре восставших поддержал государственный совет Швеции, направивший королю послание с уведомлением о своем отказе от присяги на верность. На встрече в Кальмаре в 1436 г. шведский и датский государственные советы, а также вендские ганзейские города сумели

договориться. Участвовавшие в переговорах ганзейские города (но не другие) получили освобождение от Эресуннской пошлины, а шведы — обещание, что главами всех замков и ленов будут назначаться лица местного происхождения, притом по согласованию с членами совета. Тем самым государственные советы были поставлены в один ряд с королевской властью, подобно тому как соборное движение в то время поставило церковный собор в один ряд с папой^[24]. На смену централизованной унии пришла более рыхлая личная уния.

На деле король не собирался следовать принятым в Кальмаре решениям — «не такое государство он принял от королевы Маргрете». Эрик назначил своего двоюродного брата Богислава, которого он уже задолго до этого назвал своим преемником, управителем ряда замков на Фюне и Лолланне, однако сам уединился на Готланде. Оказавшись перед лицом угрозы крестьянского восстания, большинство датского государственного совета в 1438 г. попросило племянника Эрика, Кристофера Баварского, которого совет рассматривал в качестве королевского наследника, прибыть в Данию и стать регентом. Годом позже это большинство отказало королю в «совете, войске и служении» и предоставило графу Адольфу Голштинскому ту часть Шлезвига, которой он еще не обладал. Политика Эрика Померанского потерпела полный крах.

Королевская власть и аристократия

Сдвиг в балансе сил между королевской властью и аристократией, происшедший в 1436—1439 гг., сыграл решающую роль в датской и в определенной степени шведской политической истории. Он поставил государственный совет в такое положение, которое тот сохранял вплоть до введения абсолютистских порядков в 1660 г. Когда в стране не было короля, королевский совет выступал в качестве носителя суверенитета. Кроме того, совет держал в своих руках управление замками и мог при выборах очередного монарха добиться от него манифеста с зафиксированными правами королевского совета. Правда, Кристоферу не пришлось подписывать такой документ — в сложившейся на тот момент ситуации компетенция совета, видимо, и так была вполне ясна. Однако следующий король, Кристиан I, подписал в 1448 г. временный

манифест, в котором речь шла об отношениях между государем и государственным советом. Особый интерес представляют два положения этого документа. Одно из них касалось назначения на посты управителей замков, ленсманов, как их называют датские и шведские историки, когда они пишут о событиях XV и XVI столетий. Назначение должно было происходить «по согласованию с государственным советом». Второе положение касалось использования монархом лиц иностранного происхождения в государственном управлении. Это были как раз те пункты, которые стали предметом раздоров между королем Эриком и его советом в последние годы правления короля.

Если вернуться назад, к временам короля Вальдемара Аттердага, то очевидно, что с тех пор произошли существенные изменения. Ютландское дворянство не раз поднимало восстания против Вальдемара; при Маргрете оно стало дисциплинированным, но лишь постепенно дворянство начало играть более или менее значительную роль в государственном управлении. При Эрике же ютландская дворянская знать постепенно добилась положения доминирующей фракции в государственном совете, и именно она выступила с инициативой смещения короля с трона — чему, несомненно, весьма способствовал тот факт, что государь, по сути дела, объявил забастовку. Государственная власть приобрела более широкую основу, теперь она была представлена королем и его советом.

Сокращение численности населения и аграрный кризис

В 1340 г. Дания представляла собой густонаселенную страну. Сельские церкви, разбросанные сегодня по всему королевству, уже тогда находились на своих местах и стояли там пару сотен лет; их было меньше в поросшей вереском Ютландии и в лесных районах Сконе, где они располагались поближе к лучшим земельным угодьям. Во второй половине XIV в. Дания, как и другие государства, пережила резкое сокращение численности населения, которое исследователями часто обозначается как аграрный кризис времен позднего средневековья, потому что последствия этого сокращения наиболее отчетливо проявились в аграрном секторе, в частности в форме заброшенных хозяйств. Признаки кризиса, которые можно было наблюдать в городах,

большинство исследователей воспринимают как следствие проблем, возникших в сельской местности, где проживало 90% населения, а в Дании еще больше. В течение многих лет большинство ученых считало, что кризис начался значительно раньше первой эпидемии «черной смерти», которая в 1348—1350 гг. обрушилась на Европу. Результаты исследований, проведенных в Англии, свидетельствуют, что почти все ученые были склонны вслед за Мальтусом считать кризис в принципе экологическим кризисом, который начался уже около 1300 г. и был вызван перенаселением, к которому добавились эпидемии чумы, что привело к уменьшению уже сокращавшегося населения. Сегодня главный упор делается на смертоносных эпидемиях. Указывают на то, что болезнь возвращалась примерно через каждые десять лет, хотя наибольшее число умерших пришлось на годы первой эпидемии. Только после 1370 г., когда численность населения сократилась наполовину, всерьез дали о себе знать социальные последствия этого явления в Англии. В Дании такие признаки кризиса, как заброшенные хозяйства и снижение земельной ренты с тех дворов, которые еще продолжали вести хозяйство, проявились существенным образом тоже только в 70-х годах XIV столетия.

Запустение в Дании достигло высшей точки примерно к 1400 г., однако уже в конце 70-х годов XIV в. при операциях дворян с купчими и закладными бумагами стало почти правилом указывать, что собственность передается «с заселенными и заброшенными» угодьями. В то же самое время несколько монастырей на Зеландии заключили соглашения с дворянами — владельцами больших поместий, например с Хеннингом Подебуском, о восстановлении их заброшенных угодий, а реестр землевладений округа Одсхерред, относящийся к 80-м годам XIV столетия, свидетельствует, что и королевские земли переживали не лучшие времена. Нехватка населения означала, что крестьянам труднее давались обработка земли и уплата податей, однако они, несомненно, использовали проблему запустения хозяйств и для того, чтобы оказывать давление на владельцев земли. Сильная угроза, которую мог пустить в ход крестьянин, заключалась в том, что он мог арендовать землю у другого землевладельца на более выгодных условиях, то есть добиться снижения арендной платы за нее. На протяжении не поддающегося точной датировке периода, который охватывал разное время от местности к местности и от поместья к поместью, произошло

сокращение арендной платы за землю примерно наполовину. Другие подати, взимавшиеся с крестьян, правда, не сократились. Однако, поскольку арендная плата за землю была, безусловно, самой важной из выплат, землевладельцы чувствовали себя крайне ущемленными.

Их естественной реакцией было удержать крестьян. Государственный совет в ответе на запрос, который датируется 1377 годом, заявил, что крестьяне могут свободно расторгать арендное соглашение и отправляться куда пожелают. Однако в законе, изданном в 1396 г., фигурирует выплата за право отказаться от аренды, и Маргрете потребовала от крестьян-собственников позаботиться о заселении своих дворов, с тем чтобы они могли уплачивать налоги. Если крестьянин умирал, один из наследников, даже если он успел стать горожанином в Копенгагене, должен был взять на себя ведение хозяйства.

Во время кризиса во многих деревнях, где господствовала характерная для позднего средневековья система поместий, происходила перестройка системы землепользования, последствия которой дают себя знать вплоть до нашего времени. Уже в 70-х годах XIV в. в имении роскильского епископа было много опустевших батрацких дворов, а пару десятилетий спустя большинство таких дворов по всей стране вовсе исчезло — батраки либо вымерли от чумы, либо взяли землю в аренду, либо переселились в город. Функция полукрепостных батраков в сельскохозяйственном обществе заключалась в том, чтобы обеспечивать рабочую силу — наемную или в виде барщины — крупным помещичьим хозяйствам и хозяйствам зажиточных крестьян-арендаторов. Поэтому эти хозяйства оказались в затруднительном положении. Крупные землевладельцы вынуждены были сокращать число своих поместий, а хозяйства зажиточных крестьян-арендаторов приходилось делить на хозяйства меньшего размера, сдававшиеся мелким арендаторам. В результате по прошествии времени размеры хозяйств в значительной степени выровнялись; постепенно возникло то, что позднее стало восприниматься как типичное датское фермерское хозяйство.

Если посмотреть на это под другим углом зрения, то речь шла об изменении поместной системы. Около 1300 г. ее становой хребет составляли крестьяне-арендаторы. Они представляли собственника, использовали дешевую рабочую силу полукрепостных батраков и могли

выплачивать большие арендные платежи. В XV в. владелец поместья превратился в рантье. Он получал постоянные платежи от своих крестьян-арендаторов и устранился от ведения земледельческого хозяйства. Такое развитие в Дании явно было следствием падения численности населения. Однако нечто подобное (модернизация) произошло в центральной части Западной Европы уже в XII столетии, в период быстрого роста народонаселения и стремительного экономического развития.

В то время как крестьянское сословие, пожалуй, выиграло от кризиса, этого нельзя было сказать о владельцах поместий, особенно из числа дворян. Численность низшего дворянства сильно уменьшилась в ходе этого процесса, продолжавшегося в течение всего позднего средневековья. Да и среди высшего дворянства были лица, оказавшиеся в экономически трудном положении именно во второй половине XIV в., когда крупные дворянские поместья отдавались в залог или продавались, в конечном счете, часто доставаясь королеве Маргрете или — на Зеландии — епископу Роскильскому, которые располагали столь значительными ресурсами, что могли справиться с ситуацией. Как уже упоминалось, в числе тех, на кого обрушились трудности, были и монастыри, и случалось, что церковные иерархи или учреждения, например при соборах, оказывались не в состоянии обеспечить себе доходы, достаточные для покрытия текущих нужд. Здесь проблемы часто решались путем слияния нескольких должностей в одну.

Сведения о численности населения Дании в средние века отсутствуют, однако, основываясь на документах о заселенности, включая количество церквей, на разрозненных сведениях о количестве дворов, на списке налогоплательщиков в земле Халланд примерно в 1240 г., можно ориентировочно установить численность населения страны. Поэтому мы полагаем исходить из того, что до эпидемии чумы в королевстве проживало около 900 тыс. человек (имеется в виду без Южной Ютландии), что примерно соответствует численности населения Швеции и Норвегии вместе взятых. Насколько значительным было сокращение после 1350 г., неизвестно, однако в Англии, как уже упоминалось, население сократилось наполовину.

Торговые города и сконские ярмарки

На большей части территории Дании, исключая Южную Ютландию, были разбросаны торговые города, общая численность которых достигала примерно семидесяти. В большинстве случаев они были весьма невелики, насчитывая лишь по несколько сот жителей. В слабозаселенных районах Ютландии, покрытых вересковыми пустошами, и в лесистой внутренней части Сконе вообще не было городов, а к северу от залива Лимфьорд находился только город Йёрринг и примерно с 1414 г. также город Скаген. Однако на Зеландии и Фюне лишь немногие крестьяне жили на расстоянии более 15 км от площади ближайшего города. Многие города возникли в результате определенного разделения труда между городом и деревней. Крестьяне снабжали город продуктами питания и покупали такие товары, как железо и соль, а также такие ремесленные изделия, как обувь, или же получали наличные деньги, которые, в частности, шли на уплату дополнительных налогов короне. В противоположность другим странам Западной Европы, где денежные расчеты утвердились уже давно, ибо города там играли большую роль, в Дании арендная плата за землю почти повсюду выплачивалась натурой, как правило зерном. За редким исключением, датские города были прибрежными. Морской транспорт являлся самой удобной формой сообщения, и торговые связи с европейским внешним миром осуществлялись по морю.

Сконские ярмарки, которые проводились с 15 августа по 29 сентября или 9 октября, представляли собой особое место для товарообмена. Главную роль играл при этом огромный улов осенней сельди в проливе Эресунн. Согласно ганзейским таможенным ведомостям за 1368 г. и 1398—1400 гг., Любек получал ежегодно до 100 тыс. бочек соленой сельди, а общий экспорт со сконских ярмарок, возможно, доходил до 300 тыс. бочек. Такой рыбный промысел, крупный даже по нынешним меркам, сулил деньги многим людям из датского крестьянского и городского населения, принимавшего участие в ярмарках (мужчины трудились там в качестве рыбаков, женщины как работницы на засолке). Этот промысел предоставлял экспортные таможенные пошлины хозяину ярмарок, который обеспечивал мир в месте их проведения (все средневековые пошлины были экспортными). Рыбный промысел, конечно же, давал особенно хорошую прибыль ганзейским купцам во главе с любекцами, которые финансировали все предприятие, поставляли бочки и соль и экспортировали сельдь далее в

Европу.

Сконские ярмарки одновременно представляли собой международный рынок для обмена всевозможными товарами. Здесь встречались голландцы и англичане с купцами из Пруссии и Прибалтики, здесь же иностранные купцы торговали с датчанами. Немецкие купцы пытались расширить право свободного ведения торговли, скупая сельскохозяйственные продукты в близлежащих районах, однако в привилегии, выданной королем Магнусом городу Мальме в 1353 г., заезжим купцам было запрещено производить скупку товаров на селе. Когда власть в Сконе перешла в 1360 г. К Вальдемару, эта привилегия была подтверждена, а год спустя распространена также на города Лунд и Хальмстад. Только на сконских ярмарках (которые помимо местечка Сконеэрет включали также датский Драгер и Мальме) и на ежегодных свободных рынках в городах иностранным купцам разрешалось напрямую вести торговые дела с датскими крестьянами. Эту политику продолжил Эрик Померанский. Она была нацелена одновременно на защиту интересов городов и получение дополнительных доходов в королевскую казну.

Вторая половина XIV в. была, по-видимому, временем наибольшего расцвета сконских ярмарок, однако она же заключала в себе зародыш их будущего упадка. Интерес англичан и голландцев к этим ярмаркам стал ослабевать, поскольку они предпочитали отправляться напрямик в Пруссию, где стали закупать все больше и больше зерна. Один историк высказал мнение, что северогерманские, так называемые вендские, города в 1384 г. сами способствовали подобному развитию, преградив выходцам из западноевропейских стран доступ на сконские ярмарки, которые находились под контролем ганзейских городов с 1370 г. Однако более обоснованным представляется сравнение с ярмарками в провинции Шампань во Франции, вынужденными свернуть свою деятельность перед лицом конкуренции со стороны купцов, использовавших морской путь из Италии в прибрежные районы пролива Ла-Манш, в особенности во Фландрию. Происходило развитие дальних морских путей, и торговля с отдаленными странами во все большей степени включала товары массового спроса, а не только предметы роскоши. Импорт зерна в Западную Европу стал выражением определенной специализации производства по регионам — зерно покупали там, где оно стоило

дешевле. Эрик Померанский, как уже упоминалось, обложил судоходство через пролив Эресунн пошлиной (так называемая Эресуннская пошлина).

Если ограничить обзор районом пролива Эресунн, то трудно обнаружить признаки какого-либо кризиса, в то время как датские города в целом были охвачены стагнацией.

Глава 5

Король и его совет (1440-1523)

Северная уния

Кристоферу Баварскому удалось в 1440 — 1442 гг. стать королем во всех трех Скандинавских странах. Это произошло не на основе общего решения, а в результате политических контактов с отдельными государствами. В Дании в 1441 г. в районе к северу от Лимфьорда вспыхнуло крупное крестьянское восстание, направленное против дворянства и королевских ленсманов. Крестьяне нанесли дворянам настоящее военное поражение, однако затем верх одержал король, который еще в Германии приобрел опыт сражений с гуситами. В Норвегии тоже вспыхивали крестьянские волнения. Поражение Эрика и смена монарха повлекли за собой значительные изменения в составе ленсманов в Дании и Швеции в пользу членов государственного совета и других знатных дворян. В отношениях с ганзейцами была продолжена политика, ранее проводившаяся Эриком, — делались попытки ограничить их привилегии, хотя и без заметного успеха. Ведь при смещении Эрика датский государственный совет тоже вступил в союз с вендскими ганзейскими городами и даже оказал им в 1440 г. поддержку в войне с голландцами, целью которой было закрыть им доступ в Балтийское море. В 1447 г. Кристофер отвернулся от норвежцев, не поддержав их попытки ограничить особые права ганзейцев.

После скоропостижной смерти Кристофера в самом начале 1448 г. остался открытым вопрос о престолонаследии. В результате единое королевское правление распалось. В Швеции королем избрали дворянина Карла Кнутссона; в 1438— 1440 гг. он был регентом и после отстранения от должности получил в качестве пенсии Финляндию. Датский государственный совет обратился к графу Адольфу Голштинскому, бывшему с 1440 г. также законным герцогом Шлезвигским. От него последовал вежливый отказ, однако он указал на своего племянника (сына сестры), графа Кристиана Ольденбургского,

который стал вскоре датским, а также, соперничая с Карлом, и норвежским королем. Тут же между обоими государями возникли распри по поводу Готланда, где по-прежнему властвовал Эрик Померанский. В итоге победа осталась за датчанами, и Эрик уехал домой, в свое герцогство в Померании.

Тем временем идея унии продолжала жить. В мае 1450 г. в Хальмстаде состоялась встреча, на которой 12 датских и 12 шведских членов государственных советов^[25] обязали обе страны и далее придерживаться унии, несмотря на временное прекращение единого королевского правления. Позже в том же году в Бергене датский и норвежский государственные советы заключили соответствующий договор. Эти два документа свидетельствуют о том прочном положении, которое занимали государственные советы, а также о том, что господствующий класс в северных странах считал себя спаянным, чему, несомненно, способствовали многочисленные брачные связи, а следовательно, и связи по линии земельной собственности между обеими странами. В то время как датско-норвежская уния продержалась на протяжении столетий (причем Норвегия занимала в ней все более подчиненное положение), в широких кругах Швеции датское господство, являвшееся — несмотря на все заверения в равноправии — фактом, воспринималось как неприемлемое.

В 1457 г. Кристиану удалось стать королем Швеции, однако уже спустя семь-восемь лет его трон зашатался. Соперничавшие знатные дворянские роды придерживались противоположных, хотя и довольно-таки непостоянных взглядов на унию. Когда Ивер Аксельсен из сконского рода Тоттов в 1466 г. сыграл свадьбу с дочерью Карла Кнутссона Магдаленой, а брат Ивера Эрик стал шведским регентом, Кристиан конфисковал датские поместья и лены Аксельсенов, и год спустя Карл снова стал королем Швеции.

В отличие от шведского дворянства жители Стокгольма и крестьяне, пользовавшиеся гораздо большей свободой (особенно в горно-рудной провинции Даларна и прилегавших местностях), чем это было заведено в Дании, довольно последовательно выступали противниками унии. Когда Кристиан после смерти Карла приехал в Швецию, он в 1471 г. потерпел поражение в сражении при Брункеберге возле Стокгольма от племянника Карла, Стена Стуре, и армии, состоявшей из крестьян. Этой битве суждено было сыграть

значительную роль в укреплении шведского самосознания.

Битва при Брункеберге, однако, еще не означала конца идеи унии. Хотя партия сторонников унии бесспорно оказалась после этого в оборонительной позиции, Стен Стуре и шведский государственный совет согласились с тем, что король Кристиан и королева Доротея, а также их сын Ханс имеют определенные законные права на Швецию, и время от времени между сторонами велись переговоры. Стен Стуре удовлетворился положением регента и не пытался достичь королевского титула, однако де-факто он установил собственную монархию. В 1497 г. преемник Кристиана король Ханс, недовольный проводившейся со шведской стороны тактикой проволочек, потерял, наконец, терпение; его войска разбили крестьянскую армию далекарлийцев^[26] после чего он был провозглашен шведским королем. Однако уже в 1501 г. Хансу вновь пришлось убраться из Швеции. Позже еще один датский король, Кристиан II, попытался взять реванш.

Шлезвиг-Гольштейн

Когда герцог Адольф в 1448 г. рекомендовал своего племянника Кристиана на датский трон, то заставил его дать обещание никогда не включать Шлезвиг в состав датского королевства. Это было подтверждением другого обещания, содержавшегося в документе *Constitutio Valdemariana* от 1326 года. Когда в 1459 г. Адольф умер, не оставив после себя детей, наследниками Шлезвига стали Кристиан и его братья, а наследником Гольштейна — граф Шауэнбургский. В этой ситуации обладавшее крепкой организацией шлезвиг-гольштинское дворянство, так называемое рыцарство, избрало Кристиана герцогом Шлезвигским и графом Гольштинским, хотя оно, собственно, не имело никакого права выбирать. По соглашению, заключенному в Риббе в 1460 г., Кристиан вновь подтвердил положение 1326 г. и все права рыцарства, добавив к ним некоторые новые. Позже, в XIX столетии, в ходе споров вокруг Южной Ютландии особенно знаменитым стало замечание о том, что эти две территории (Шлезвиг и Гольштейн) должны были оставаться *ewich tosamende ungedelt* («навсегда нераздельно вместе»). Рыцарство выступило поручителем в отношении больших денежных сумм, которыми Кристиан должен был ублажить других

наследников.

Финансы Кристиана скоро пришли в состояние полного хаоса; поручителям пришлось раскошелиться, а его брат Герхард выдвинул претензии на наследство. Финансовое положение Кристиана как датского и норвежского короля было немногим лучше. Когда он не смог оплатить приданое одной из своих дочерей, которая вышла замуж за шотландского короля, Кристиан вынужден был официально передать зятю в качестве залога Оркнейские и Шетландские острова. Войны в Швеции и дорогостоящие заграничные поездки в Италию и Рим заставили короля залезть в большие долги. Однако рыцарство в Шлезвиг-Гольштейне поддерживало Кристиана в его сопротивлении притязаниям Герхарда, а королева Доротeya взяла на себя управление его финансами в герцогствах (император к тому времени повысил ранг Гольштейна до герцогства). В 1487 г., спустя несколько лет после смерти Кристиана, весь долг был выплачен.

После смерти короля в 1481 г. совет и рыцарство Шлезвиг-Гольштейна вынуждены были признать, что как Ханс, который был признан престолонаследником во всех трех скандинавских странах, так и его младший брат Фредерик имели законное право наследования, и оба они были избраны герцогами. В 1490 г. управление ленами было даже поделено между ними. Существовало, однако, обстоятельство, в отношении которого оба герцога и дворянство обоих герцогств придерживались единого мнения: необходимо подавить Дитмаршен, свободную республику зажиточного крестьянства. В феврале 1500 г. большая армия, возглавлявшаяся наемными немецкими войсками, к которой присоединились и некоторые датские дворяне, вторглась в эту низменную болотистую страну, однако потерпела там сокрушительное поражение.

Король и дворянство

Схватка между Кристианом и Аксельсенами в 1466— 1467 гг. привела к тому, что король предпринял пересмотр своих отношений со знатными дворянскими родами, господствовавшими с 1439 г. в государственном совете и управлении ленами. Он заменил некоторых ленсманов и назначил многих новых лиц в состав совета. В проведении

этой акции государь искал поддержки на собраниях ландстингов с участием как дворянства, так и представителей торговых городов и округов, то есть крестьян. В конце концов в городе Калуннборге было созвано заседание сословного ригсдага. Отданные в залог лены (представлявшие собой фактически даровой залог, то есть они были отданы ленсману в обмен на денежную сумму, которую он никогда не ссужал короне) были отобраны, а все другие отданные в залог лены были обложены высоким единовременным налогом. В течение 1469—1470 гг. Кристиан смягчил свою политику, однако господство старых дворянских родов в управлении ленами и в государственном совете было сломлено. Король добился улучшения финансового положения и полной поддержки своей политики в отношении Швеции — политики, которая потерпела крушение два года спустя при Брункеберге.

Когда Кристиан умер в 1481 г., сложилась, как уже упоминалось, такая ситуация, что его сын Ханс был одобрен в качестве престолонаследника во всех трех Скандинавских странах. Это повлекло за собой чрезвычайно длительные переговоры, потому что как вдовствующая королева и Ханс, так и датский государственный совет пытались добиться от Стена Стуре согласия на то, чтобы Ханс стал королем также и в Швеции. Добиться этого не удалось, и в результате он только в 1483 г. смог поставить свое имя под датско-норвежским манифестом и короноваться на престол. Длительный и несколько неопределенный период переговоров не пошел на пользу королю. Во всяком случае, случилось так, что в манифест пришлось включить некоторые весьма существенные ограничения свободы действий монарха, которые можно было интерпретировать как вердикт, вынесенный государственным советом в отношении правления короля Кристиана после 1466 г. Особое внимание в манифесте было уделено управлению ленами. Королю Хансу пришлось взять обязательство не назначать и не смещать ленсманов иначе как по согласованию с членами совета соответствующей части страны и не отдавать лены и торговые города в залог без согласования с советом, собранным в полном составе. Король должен был управлять государством, опираясь на достойных людей своей страны, и «вообще не ущемлять их никоим образом»; дворянство не желало видеть лиц бюргерского сословия на ответственных постах в администрации. Вторым главным пунктом для церкви и дворянства являлись сословные привилегии. Требования

церкви, правда, не содержали ничего нового, зато это новое было в требованиях дворянства. Король вынужден был обещать, что ни он сам, ни люди, не имеющие иммунитета от налогов, не будут покупать или брать в залог дворянские имения, и дал согласие на то, чтобы епископы и дворянство обносили укреплениями свои усадьбы «на пользу и благо государства». На практике эти две королевские уступки, однако, не имели значения. Корона после смерти Маргрете фактически уважала права дворян на их владения, а сооружение дворянами крепостей теперь, с развитием огнестрельного оружия, едва ли могло стать проблемой для королевской власти.

Манифест ясно указывал на предмет трений между монархом и заседавшей в государственном совете аристократией; документ представлял собой попытку как-то ограничить свободу властных функций короля. Однако действительность оказалась иной, когда Ханс приступил к исполнению своих обязанностей. Ведь не кто иной, как государь, назначал ленсманов, главных судей частей страны, вершивших дела на трех-четырёх ландстингах, и ригскацлера (руководитель королевского суда); именно король фактически назначал епископов, зачастую из числа бывших чиновников государственной канцелярии, а канцелярия — правительственная администрация — с течением времени существенно разрослась. Правда, на получение дополнительных налогов, необходимых для любого крупного политического мероприятия, как, например, для свадьбы в королевской семье или войны со шведами, нужно было согласие государственного совета или местных органов власти, однако такие налоги вводились почти каждый второй год при Кристиане I. При Хансе они были непременным условием использования немецких ландскнехтов как в Швеции в 1497 г., так и в Дитмаршене в 1500 г. Кстати, во время войны с Любеком в 1510—1512 гг. король Ханс развернул настоящую программу строительства военного флота.

Некоторые события более позднего периода правления короля могут служить свидетельством монаршей беззастенчивости и властолюбия, ставших прелюдией политики Кристиана II. Драма в треугольнике «король — архиепископ Биргер Гуннерсен — ригсгоф-мейстер Поуль Лаксманн» закончилась в 1502 г., когда последний был убит в районе Хойбро в Копенгагене двумя дворянами. Если государь и не стоял за этим убийством, то он, во всяком случае, воспользовался им

для того, чтобы добиться осуждения Поуля Лаксманна, богатейшего дворянина страны, по обвинению в государственной измене (в связи с поражением в Швеции в 1501 — 1502 гг.) и конфисковать всю его собственность. Она была позже продана архиепископу и нескольким дворянам. В Ютландии Ханс назначил Нильса Клементсена, человека недворянского происхождения, на пост главного судьи этой части страны, а позднее также на посты ленсмана замка Кале и члена государственного совета, что было явным нарушением положений манифеста. Для управления Норвегией он послал в 1596 г. наследника престола Кристиана в эту страну в качестве вице-короля. Ханс был самовластным правителем, наказывал церковь, дворянство и крестьян и назначал на высшие посты датчан.

Кристиан II (1513-1523)

Переговоры о манифесте Кристиана в 1513 г. показали, что государственный совет сильно раздражен политикой Ханса и с недоверием относится к новому королю. Важнейшее изменение манифеста касалось дворянства, привилегии которого были расширены. Нильс Клементсен вынужден был расстаться со своими высокими званиями, а возведение в дворянское достоинство впредь могло производиться лишь с согласия совета.

Кристиан заключил чрезвычайно выгодный брак с Элизабет, внучкой немецкого императора Максимилиана Габсбургского и Австрийского (умер в 1519 г.) и сестрой Карла, будущего испанского короля и наследника престолов Австрии, Бургундии и Нидерландов.

Необычную роль довелось сыграть любовнице короля, Дюевеке, и ее матери, Сигбрит Виллумсдаттер^[27], вдове нидерландского купца, с которой государь встретился в Бергене. Когда Дюевеке скоропостижно умерла в 1517 г., Кристиан явно подозревал своего управляющего дворца в Копенгагене в ее убийстве; во всяком случае, король выдвинул против него обвинение, содержания которого мы, к сожалению, не знаем. Когда государственный совет оправдал управляющего, Кристиан добился осуждения его на смерть по приговору одного из местных судов. Этот эпизод внес раздор в отношения между королем и дворянскими кругами.

Кристиан II стремился к повсеместному укреплению королевской власти и расширению своего господства. Прежде всего это касалось Швеции. После продолжавшихся около двух лет нападений с моря, направленных в первую очередь против Стокгольма, королю удалось в 1520 г. с помощью большой армии, состоявшей из немецких наемников, завоевать всю страну. Правитель страны Стен Стуре (младший) пал в одном из сражений, а его сторонники в Стокгольме сдались в обмен на обещание амнистии. Пару месяцев спустя Кристиан, вопреки договоренностям, был провозглашен и коронован в качестве наследного короля Швеции. За этим последовала расправа с противниками. Стен Стуре и его люди одно время держали в тюрьме шведского архиепископа Густава Тролле, и теперь последний потребовал удовлетворения. Судебное дело против сторонников прежнего режима закончилось вынесением приговора по обвинению в ереси, а карой за такое прегрешение была определена смертная казнь. Кроме обвиняемых были казнены и многие другие; общее число казненных составило 82 человека. Среди них были два епископа, несколько дворян — членов государственного совета, много других дворян и вся верхушка стокгольмского бюргерства. Но «Стокгольмская кровавая баня», к которой в ходе коронационной поездки короля по стране добавилось еще несколько казненных, стала и предвестником безуспешности попыток датских королей установить господство над Швецией. Под руководством дворянина Густава Вазы сначала подняли восстание далекарлинцы, а вскоре к ним присоединились крестьяне и дворянство по всей стране.

В те же самые годы много нового произошло и в Дании. Кристиан хотел добиться устранения беспорядка в церкви, одновременно желая укрепить режим королевской власти. Судьба архиепископского престола после смерти достопочтенного Биргера Гуннерсена в 1519 г. дает нам отталкивающий пример монаршего произвола. Дело кончилось тем, что король сначала сделал архиепископом вестфальца Дидрика Слагхека, который ранее принял активное участие в «Стокгольмской кровавой бане», чтобы затем, спустя всего лишь два месяца, казнить его за подлог в связи с выплатой жалования наемным войскам.

На свет появились два обширных законодательных акта, крупнейшие со времени издания «Ютландского права». Городское уложение (Byloven) стало продолжением покровительственной линии

короля по отношению к городам, однако оно предусматривало значительное усиление позиций городского фогта, в то же время Земское уложение (Landloven) было нацелено на укрепление правового положения крестьян. Эти законы в ряде пунктов означали вмешательство в церковные дела: так, запрещалось обращаться с апелляцией по судебным делам в Рим, «дабы золото и деньги могли оставаться в нашем государстве».

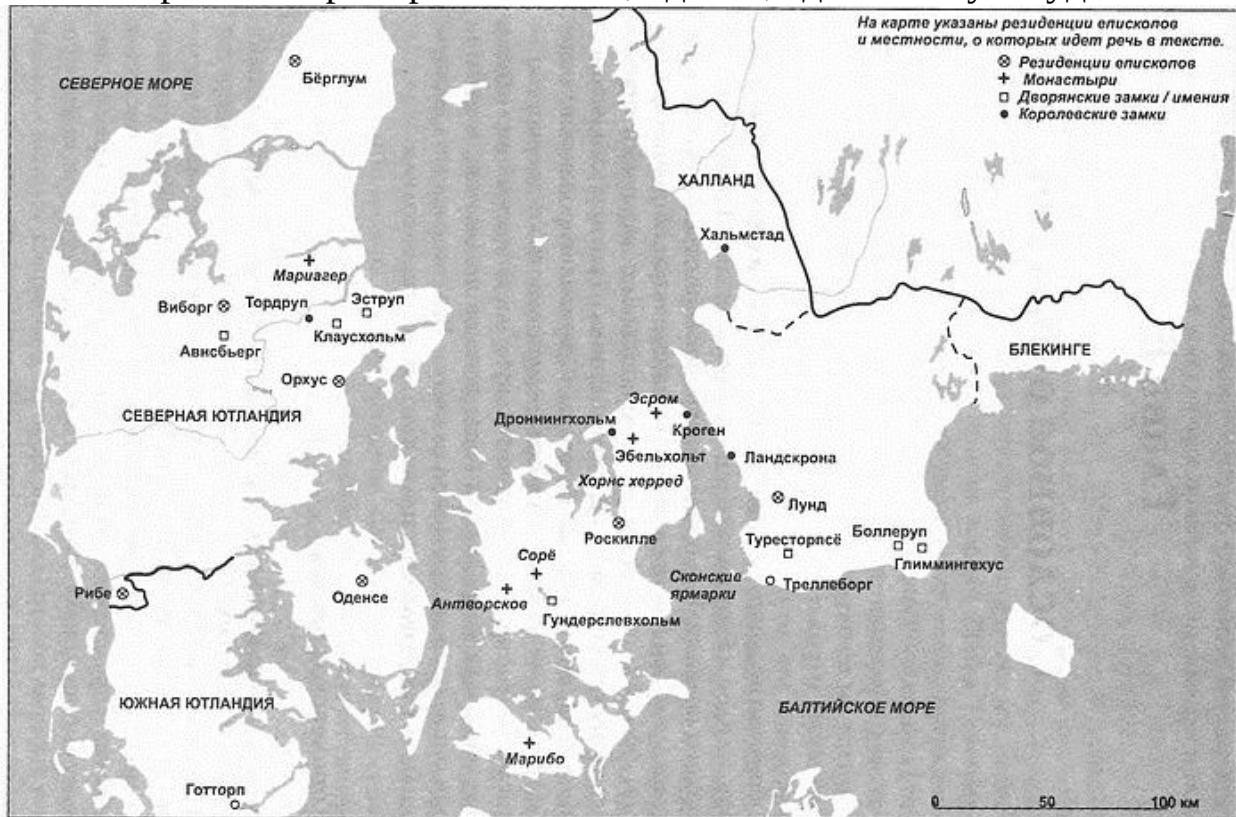
Королевская торговая политика была благосклонна к голландцам и ставила палки в колеса вендским ганзейским городам, хотя Кристиан в то же время требовал от них поддерживать его политику в отношении Швеции. Вдобавок недовольство у этих городов вызывали планы государя создать торговую компанию, которая должна была сконцентрировать важнейшую экспортную торговлю в Копенгагене, Мальме и Стокгольме, откуда товары должны были идти на запад, в Нидерланды.

В вопросах управления ленами король с 1520 г. проводил политику, вступающую в явное противоречие с положениями манифеста. Так, бывший таможенник, занимавшийся взиманием Эресуннской пошлины в Хельсингёре, стал ленсманом в Ольборге, превращенном после расширения его границ в крупнейший лен страны. В Копенгагене и Вордингборге тоже сидели ленсмены бюргерского происхождения.

Ясно, что сам король был движущей силой проводившегося им политического курса, однако за ним или рядом с ним стояли способные люди. Сигбрит (Виллумсдаттер) являла собой своего рода премьер-министра, а после смерти Дювеке Кристиан все больше привязывался к ней. Сигбрит обладала большим опытом и знаниями во многих областях, однако, будучи женщиной бюргерского происхождения, да еще и иностранкой, вызывала у многих неприязнь. Одним из главных советников был также известный своей ученостью Ханс Миккельсен, бургомистр города Мальме; в частности, именно он считается автором новых законов. Вообще, король поддерживал плодотворное сотрудничество с несколькими лицами из высшей аристократии, включая пару епископов и богатейшего помещика страны Могенса Гойе, который принимал участие в реализации Земского уложения. В то же время не стоит удивляться тому, что и враги постепенно собирали свои силы.

Падение короля

В 1523 году Кристиан II был свергнут союзом почти тех же людей, которые в свое время лишили власти короля Эрика Померанского. Он включал противников государя в Любеке и других ганзейских городах, шведских мятежников, герцога Фредерика Готторпского (дядя короля со стороны отца) и ютландскую аристократию. Новым было, однако, то, что к аристократии на этот раз присоединились отягощенные налогами крестьяне и бюргеры. Решающим фактором в успехе восстания стало то, что епископы и дворянство, как и их предки в 1438 — 1439 гг., имели наготове нового монарха, в данном случае герцога Фредерика, до того, как они послали правящему королю свои грамоты об отказе служить ему. Кристиан, Сигбрит и Ханс Миккельсен покинули страну и отплыли в Нидерланды; Копенгаген же и Мальме — два города, которые действительно имели выгоду от правления Кристиана, держались еще три четверти года, ожидая, что с помощью своего могущественного свояка король наберет армию. Этого, однако, сделать ему не удалось.

Дания в позднем средневековье

Можно утверждать, что политика Кристиана предвосхищала будущее, утверждая укрепление королевской власти, контроль над церковью, сотрудничество с бюргерским сословием и налаживание отношений с Нидерландами, однако ее практическое проведение характеризовалось бесцеремонностью и отсутствием у короля чувства реальности, что и привело, в конце концов, его к падению.

Шестого июня 1523 г. в Швеции был провозглашен королем Густав Ваза.

Глава 6

Сословное общество

Общество позднего средневековья включало в себя четыре сословия, каждое из которых обладало собственными функциями, статусом и правами. Как почти все европейские страны, Дания представляла в своей основе сельскохозяйственное общество, в котором 90 — 95% населения были крестьянами, занятыми прежде всего производством продуктов питания. Три других сословия: проживавшие в городах бюргеры и привилегированные, освобожденные от налогов сословия — духовенство и дворянство — численно составляли незначительную часть населения, однако они занимали несравненно более важное положение, и именно они определяли направление развития. Все эти сословия, однако, жили за счет труда крестьян и того, что те производили.

Королевская власть

Король был властителем государства, а королевская власть — центральным учреждением, вокруг которого строилось это государство. В противоположность тому, что имело место в более ранние времена, в XV в. существовало и другое учреждение общегосударственного масштаба — государственный совет, состоявший из епископов, аббатов и представителей знати, а также нескольких дворян по личному выбору короля. Начиная с середины этого столетия именно совет выбирал нового монарха, включая в манифест условия королевского правления. Однако, когда избранный на престол правитель приступал к своим обязанностям, в его руках оказывалась реальная власть, а члены совета, ленсманы и другие представители знати становились подчиненными ему людьми. И именно он располагал таким орудием, как канцелярия, то есть правительственная администрация. В политике, касавшейся вопросов унии, государственный совет играл самостоятельную роль с

1436 г., когда потерпел крах Эрик Померанский, и до крушения в 1501 — 1502 гг. политики короля Ханса. Отношения с ганзейскими городами также представляли интерес для совета. Напротив, внутренним положением в Шлезвиге и Гольштейне он не занимался. И когда Кристиан I выдал свою дочь за шотландского короля (что стоило Норвегии Оркнейских островов) и совершил пышную поездку по Италии и к римскому престолу, это считалось его делом.

Король назначал ленсманов и имел возможность оказывать существенное влияние при выборах епископов, однако, как только последние вступали в свои должности, они начинали преследовать собственные интересы или интересы своих ведомств. Примером столкновения интересов короля и аристократии, органически присущего системе, может служить кризис 1466—1469 гг., когда Кристиан I повел наступление против клики знатных дворянских родов, которая после смещения Эрика Померанского держала в своих руках управление половиной датских замковых ленов. Часть замков была отдана епископам, другая — представителям знатного дворянства или менее родовитым дворянам, и в состав государственного совета был введен ряд новых лиц. Любекская хроника уверенно сообщает: «Король Кристиан изгнал многих хороших людей^[28] из их замков. И в этом деле епископы и некоторые дворяне, а также в целом гарнизоны замков стояли на его стороне. И некоторые из этих замков король оставил себе, а некоторые отдал другим хорошим людям».

Помимо примерно 40 замковых ленов и некоторого числа самостоятельных ленных пожалований, в частности в форме сотенных округов — херредов в Ютландии, имелись отдельные небольшие — поместные — лены, которые состояли из группы сдававшихся в аренду дворов с дополнительным включением иногда и центральной королевской усадьбы.

Из вышесказанного должно быть ясно, сколь важным делом являлось управление ленами. Ленсман взимал составлявшие доход королевской казны подати с крестьян — арендаторов коронной земли и с крестьян-собственников, составлявших вместе примерно четверть крестьянских дворов в стране. Он осуществлял административные функции в своем лене и следил за соблюдением законов его жителями, а на собраниях сотенных округов (херредстингах) заседали назначенные им фогты. Ленсман же взимал причитающиеся королю штрафы, хотя на

деле сложилось так, что привилегированные сословия располагали почти полной административной властью над своими крестьянами. Часто вводившиеся дополнительные налоги, которыми облагались все крестьяне, как правило, взимались ленсманом в соответствии с особыми переписями лиц, подлежащих налогообложению. Многие торговые города отдавались королем в ленное владение другим лицам, наиболее важным следствием чего было взимание ленсманом городского налога.

Вальдемар Аттердаг. Фреска в церкви Св. Петра в Нестведе

Вальдемар представлен как воин в полном военном и сословном убранстве дворянина. Он облачен в кольчугу, на руках боевые рукавицы, на ногах кольчужные штаны, наколенники и пластины для защиты голени; все это дополняется шпорами, мечом, кинжалом и

короткой булавой. Корона надета поверх заостренного кверху шлема с удлиненной задней частью, защищающей затылок и уши. Перед ним находятся герб и горшковидный шлем, украшенный наметом, короной, навершием в виде рогов и павлиньими перьями. Надпись гласит: «В 1375 г., за день до праздника св. Криспина — не забывайте об этом — умер король Вальдемар. Он почил во Христе».

Кристиан II

Портрет маслом кисти Михеля Ситтова (Michel Sittow), родившегося в Эстонии и получившего образование в Брюгге. Это полотно является образцом ренессансного искусства и представляет собой портрет, который, вероятно, был послан будущей жене короля в Брюссель, с тем чтобы Элизабет и ее семья смогли увидеть, как он выглядит. Имеется 7 — 8 других портретов короля, в том числе

написанные такими знаменитыми художниками, как Альбрехт Дюрер и Лукас Кранах. (Фото: Государственный Музей Искусств)

Лены предоставлялись на различных условиях. Любекская хроника при описании событий проводила различие между теми замками, которые Кристиан оставлял для себя и, теми, которые он передавал «хорошим людям». Первые относились, если пользоваться терминологией того времени, к «кладовой» короля или королевы^[29]; ленсманом здесь были лица из незнатного дворянства, которые должны были держать перед государем отчет в доходах и расходах и получали постоянное жалованье. Немногочисленные казенные лены находились на Зеландии и Фюне. Другие лены были служебными ленами; это значило, что ленсман должен был содержать в замке крепостной гарнизон и предоставлять его в распоряжение короля, когда возникала такая необходимость, и вообще различным образом служить государю. От таких ленов последний получал лишь весьма скромные доходы, а бывало, и вообще не получал никаких явственных доходов. Отдельные лены отдавались в залог; тем самым ленсман освобождался от обязанности выставлять солдат, и король получал с таких ленов лишь дополнительно вводившиеся налоги. В 1466 и 1468 гг. Кристиану I удалось добиться от ленсманов в заложенных ленах уплаты особого налога.

Канцлер Фредерика I, пожалуй, дал более или менее правильную прикидочную оценку наличных доходов короля в период правления Ханса I. Примерно половину их составляли доходы от ленов, остальная часть доходов складывалась из поступлений от сконских ярмарок, Эресуннской пошлины, городских налогов, штрафов и акцизов (налоги на вино и немецкое пиво) и штрафов, взимаемых по решению королевского суда. Один-единственный дополнительный налог приносил больше, чем все постоянные доходы, потому что налогом облагались и крестьяне, работавшие у привилегированных землевладельцев, и с этого налога не делалось отчислений на нужды администрации замков.

По некоторым спискам из государственной канцелярии можно судить, сколько человек управители замков, епископы, монастыри и города должны были выставить в случае войны. За ленсманом Калуннборга значились 70 или 80 человек, за епископом Роскильским

— 100, монастыри в Антверкове и Соре должны были выставить по 24 человека каждый, а Копенгаген — 100 или 120. Торговые города выставляли столько же людей, сколько остальные три группы вместе. Все четыре группы, кроме того, должны были предоставлять корабли для перевозок или иного рода военных приготовлений. Помещики обязывались выставлять солдат из числа своей челяди. Для отдельных военных походов короли все чаще прибегали к услугам наемных немецких ландскнехтов.

Королевская власть представляла собой европейское учреждение своеобразного характера. Это была государственная власть в зародыше. Монаршим достоинством обладал один-единственный род. У него имелась своя идеология, и в силу этого власть представлялась дарованной милостью Божьей. Классы, составлявшие ядро общества, нуждались в королевской власти, ибо альтернативой был политический хаос. Однако, несмотря на все плодотворное сотрудничество между королевской властью и привилегированными сословиями, они конкурировали между собой по вопросу о том, сколько кому достанется от податей, взимаемых с населения.

Крестьянское сословие

Сельское население включало прежде всего крестьян и их семьи, которые имели свой двор. Количество дворов, если не считать периферийные части страны, было, насколько известно, практически неизменным в XV—XVII столетиях. Хотя численность прочих групп после резкого сокращения населения была меньше, чем прежде или потом, по-прежнему сохранялось, конечно, некоторое количество слуг и хусманов (безземельных крестьян). Изданный в 1446 г. закон «Условия для Лолланна» (Lollands Vilkar) шел навстречу пожеланиям крестьян об установлении для батраков определенных постоянных дней для перехода от одного хозяина к другому, в частности чтобы помешать им бросать работу для ухода на сезонный рыболовный промысел. Немалое число крестьянских дворов были столь внушительных размеров, что им помимо членов семьи требовалась дополнительная рабочая сила. В то же время нет сомнения в том, что численность прослойки хусманов^[30] (husmand) в XV в. упала до низшей точки, а так как старая прослойка

полукрепостных батраков исчезла, то резерва рабочей силы не стало.

Типичный, довольно крупный датский крестьянский двор сформировался в период после 1350 г., когда сокращалась численность населения, но, возможно, вначале многие дворы были вынуждены отказаться от возделывания всей своей земли. В этом случае резкое снижение арендной платы за землю после примерно 1370 г. было вызвано как неспособностью крестьян уплачивать прежнюю арендную плату, так и малым числом крестьян, готовых взять помещичью землю в аренду. Но когда вновь возросло число рабочих рук, низкая арендная плата наверняка была на пользу крестьянам.

В большей части Дании крестьяне жили деревнями. Мы мало знаем о развитии деревенской общности, однако такая общность (в позднейшем понимании этого слова) едва ли могла существовать до аграрного кризиса в большинстве деревень, состоявших из одного или нескольких крупных дворов и значительного числа совсем маленьких хозяйств и/или домов, в которых проживали полукрепостные батраки. Только после перестройки системы землепользования подобные поселения могли стать деревенскими общинами в собственном смысле слова. Раздробленность была характерна в XV столетии в особенности для дворянских владений. Как правило, несколько помещиков имели собственность в том или ином отдельном поселении, вследствие чего помещику, по-видимому, было трудно вмешиваться в течение деревенской жизни. Да помещика и не интересовало возделывание земли и ведение хозяйства в крестьянских дворах. Он хотел лишь, чтобы уплачивались подати и чтобы дворовые строения, владельцем которых он обычно являлся, поддерживались в хорошем состоянии и были в порядке, когда арендатор (фестер) уходил по окончании срока аренды. В то же время закон «Условия для Лолланна» и закон от 1473 г. «Положения Фюне» (Fyns Vedtoegt) показывают, что помещики считали важным делом сохранение леса. Поэтому они запрещали держать крестьянских коз иначе как на огороженном участке и заставляли крестьян строить свои дома на фундаменте из неотесанных камней, чтобы уменьшить потребление делового леса.

Крестьянин и помещик

Помимо земельной арендной платы крестьянин уплачивал владельцу земли различные подати, бывшие или, во всяком случае, воспринимавшиеся как следствие зависимости крестьянина от землевладельца, который являлся его хозяином и обеспечивал ему охрану, то есть предоставлял юридическую, а при необходимости и физическую защиту в обществе, где отсутствовала полиция. Размеры этих податей различались в зависимости от местности и формы собственности. В развитой форме они включали небольшую денежную подать, подать натурой в виде баранины и птицы, иногда откорма теленка и, наконец, деньги, выплачивавшиеся «за работу», то есть взамен барщины. В период позднего средневековья крестьянин также уплачивал подать «за постой», как компенсацию за право хозяина на угощение, когда он или его фогт являлся с визитом. Все подати обосновывались либо правом, либо обязанностью. Подати отдельных дворов в той форме, которая сложилась примерно к 1500 г., можно найти в неизменном виде в кадастре земельной арендной платы от 1664 г. По прошествии эпохи средневековья только некоторым дворянам-помещикам, занявшимся вывозом скота, удалось возложить на крестьян ощутимое бремя зимнего откорма помещичьих быков.

В XV в., когда наступили лучшие времена, подати едва ли особенно отягощали крестьян, хотя доходность сельского хозяйства оставалась низкой. Налоговые списки времен короля Кристиана II свидетельствуют о том, что крестьяне на острове Зеландия были богаты скотом и серебром. Человеку же из знатных дворян, хотевшему жить на приличествующем его сословию уровне, требовалось иметь большое число крестьян-арендаторов или жирный лен, полученный от короля. Олуф Стигсен — хозяин имения Боллеруп в земле Сконе был владельцем 400 сдававшихся в аренду дворов. Около 1500 г. он возвел в своей усадьбе сохранившееся и по сей день великолепное главное здание, а затем с размахом отпраздновал свадьбу дочери. Чтобы собрать для этого необходимые средства, ему пришлось в 1493 — 1504 гг. заложить 50 из 400 своих дворов.

В соответствии с манифестом, подписанным Кристофером II в 1320 г., дворяне взимали с членов своего «семейства» (*familia*) штрафы в размере трех и девяти марок, которые, собственно, причитались королю. Правда, понятие *familia* в 1320 г. включало, видимо, не всех крестьян, работавших у дворян, однако вскоре право хозяина распространилось и

на остальных. В ходе переговоров между тремя северными странами (1483) по поводу манифеста короля Ханса шведское духовенство и дворянство выступили с требованием закрепления за ними права «быть королем над своими собственными крестьянами» (фестерами). А вскоре и датскому дворянству удалось добиться удовлетворения такого же требования. Некоторые дворяне получили уже во второй половине XV в., как особую привилегию, право взимания королевских штрафов в размере 40 марок, а в соответствии с манифестом Кристиана II от 1513 г. все дворянство получило право на все королевские штрафы, включая откупной штраф. Так дворяне-помещики стали выступать, как это уже давно делали епископы, прелаты и соборы, в качестве промежуточного звена между королем и крестьянином. Следующий логический шаг был сделан в манифесте 1523 г. Фредерика I, в соответствии с которым дворянство получало все королевские права^[31] над своими крестьянами. Они включали полную полицейскую (но не судебную) власть и право обвинять и наказывать.

На Зеландии обязательства помещиков в отношении крестьян привели в 90-х годах XV столетия к появлению института, названного первоначально «ворнедскаб» (vornedskab), а позже «стаунсбонд» (stavnsband). Фактически речь шла о полукрепостной зависимости, при которой крестьянам вменялось в обязанность проживать в том поместье, где они родились. В соответствии с правовыми кодексами отдельных земель арендные отношения могли свободно расторгаться обеими сторонами, что подтвердил государственный совет в 1377 г. — в то время, когда ощущалась нехватка крестьян. Эти законоположения дали повод историкам в дальнейшем предположить, что тогда еще имели место короткие сроки аренды; на практике же обе стороны, по всей видимости, были заинтересованы в аренде на длительный срок, однако по закону имели право угрожать расторжением соглашения. Теперь же крестьяне лишались этой возможности, в то время как ничто не мешало помещику передать свои права на крестьянского сына (с согласия последнего?) другому помещику; в документах такая сделка беззастенчиво называется «продажей». Правда, Кристиан II прекратил подобную практику, вытекавшую из полукрепостного состояния. Когда мы размышляем о том, почему такая полукрепостная зависимость установилась только на Зеландии, нужно учесть некоторые характерные особенности этой части страны. Она представляла собой центр

королевской власти; на Зеландии было гораздо больше церковных поместий, чем в других частях страны; там было мало крестьян-собственников, а система поместий, насколько позволяют судить источники, издавна была хорошо развита. Королевская власть и господствующие сословия имели прочные позиции на Зеландии, крестьянские восстания в период позднего средневековья происходили только в Ютландии и С-коне. В целом на завершающем этапе средневековья как в Дании, так и в части Европы, лежащей к востоку от Эльбы, невиданно расширились права помещиков, и им были переданы полномочия центральной власти. Как в Польше, так и в Чехии крестьяне стали крепостными. В Мекленбурге права помещиков расширились за счет предоставления им отдельных привилегий, однако большинство их, кроме того, получило право *Nochgericht*^[32], что подразумевало право вершить судебную власть.

Города

Как уже отмечалось, города были многочисленными и небольшими по размерам, однако их значение на протяжении XV в. возрастало. Около 1500 г. и в таких местах, как северная оконечность Ютландии, где ранее довольствовались более или менее законными гаванями, стали появляться официально признанные города: Тистед, Нибе, Сэбю. Наиболее бурное развитие происходило в районе пролива Эресунн, представлявшего собой международный водный путь. Эрик Померанский в 1417 г. отобрал у roskildeского епископа Копенгаген, основал город Ландскруна и построил возле Хельсингёра сильную крепость Кроген, стены которой составляют часть нынешнего замка Кронборг. Особое значение в последующие времена приобрела Эресуннская пошлина, которая обеспечивала королю доходы от прохода через пролив все большего числа кораблей. Однако вендским^[33] городам удалось избежать уплаты этой пошлины.

На протяжении всего рассматриваемого периода королевская власть пыталась поддерживать сосредоточение торговли в городах, однако она не могла помешать дворянству и епископам свободно торговать с немецкими купцами «для нужд хозяйства и стола» или воспрепятствовать крестьянам с островов Тосинге, Лангеланн и

Лолланн плавать в Германию на собственных судах. Прежде всего королевская власть и города противились торговле немецких и других купцов на селе, в обход городов, и в определенной степени эта политика была успешной. Напротив, на сконских и других ежегодных городских ярмарках, проводившихся в большинстве своем в городах, торговля была свободной. В целом усилия направлялись на ограничение привилегий ганзейцев не только в городах, но также на сконских ярмарках, а также в Бергене, где они пользовались широкой автономией. Но слишком велика была зависимость от торговли с Любеком и другими вендскими городами и от их поддержки королевской политики в шведских делах, чтобы из этого могло что-то получиться. К 1510 г. любекцам надоело поддерживать короля Ханса против шведов; они объявили ему войну и получили тем самым давно желанную возможность закрыть своим конкурентам, голландцам, доступ в Балтийское море. Война, однако, не стала для Любека и других вендских городов победоносной, хотя они и добились подтверждения своих привилегий.

Города зависели от регулярного подвоза продовольствия. Раз в неделю, в базарный день, крестьяне и бюргеры торговали друг с другом. Бюргеры были городскими купцами и ремесленниками, и их политика заключалась в том, чтобы обеспечить себе, насколько возможно, преимущественные права торговли на рыночной площади и заставить крестьян идти со своими товарами на городской рынок, а не торговать с иностранными купцами в незаконных гаванях. Наряду с бюргерами в городе проживало определенное количество людей и других категорий: ремесленных и торговых подмастерьев, кучеров, прислуги и рабочих, не говоря уже о проститутках и нищих. Важно, однако, отметить, что и в Дании города были центрами не только торговли и ремесел, но и потребления. В городах, являвшихся центрами епархий, было особенно много духовенства; там находился епископ со всем своим административным аппаратом, каноники и другие священники, монашки и нищенствующие монахи, а также госпитали. В некоторых городах, например в Выборге, Оденсе, Копенгагене и Мальме, располагались дворянские поместья. Значение потребителей для городов можно проиллюстрировать тем, что вокруг обоих больших монастырей ордена Св. Биргитты — Марибо и Мариагера выросли торговые города.

Королевскую власть в городе представлял городской фогт. Его роль как начальствующей инстанции была в XV в. сильно ограничена бургомистрами и членами городских советов, однако он взимал от имени короля городской налог (которым облагался город, а не отдельные его жители) и выносил судебные решения вместе с городским советом на городском тинге. Бургомистры и члены городских советов рекрутировались из состоятельных купеческих семей, а ремесленники, как и в большинстве других стран, были отстранены от этого. Зато они были хорошо организованы в цехи, которые обеспечивали себе монополию на занятие своим видом трудовой деятельности и издавали детальные правила относительно порядка его осуществления. Контроль над расценками их труда осуществлял, однако, городской совет. Купцы составляли высший городской класс. Они завозили извне разные товары: соль и пчелиный воск (для свечей), сталь и железо, металлические изделия и одежду, пиво и вино, хмель и специи и т. д. Импортируемые товары сбывались как привилегированным слоям, так и крестьянам. В более ограниченном объеме купцы занимались и экспортом сельскохозяйственных товаров.

Торговля

Сконские ярмарки, которые в XIII и XIV вв. представляли собой международный рынок для всякого рода товаров, в XV в. ограничивались всего лишь торговлей сельдью. Голландцы проходили мимо на своих кораблях, закупаая зерно в Пруссии, прежде всего в Данциге; прусские купцы совершали плавания в обратном направлении, а товарообмен между вендскими городами и датскими купцами проходил по большей части в датских городах. Из города Рибе шло, как и прежде, оживленное транспортное сообщение с Западной Европой. Прямые связи по морю в направлении восток-запад подрывали положение Любека. В XIV в. основная часть торговли между Северным и Балтийским морями шла из Фландрии, североевропейского торгового и промышленного центра, по линии Гамбург — Любек в страны Балтийского моря. В 1392 г. был даже построен канал между реками Эльба и Траве. Весьма досаждало жителям Любека на протяжении XV в. постоянное вторжение на рынок голландцев, в частности с

французской морской солью, которая именовалась *baisalt* и которая соперничала с люнебургской солью и собственным любекским импортом французской соли. Голландская одежда конкурировала с фламандской. Любекцы реагировали на это неоднократными попытками закрыть голландцам доступ в Балтийское море.

Экспорт из Дании с давних времен состоял из сельди, которой торговали на сконских ярмарках, и лошадей, в частности из Риббе. Важной статьей было также масло, особенно из районов Сконе и Халланда и с южных островов, а в период позднего средневековья также шкуры и кожа, говядина и свинина. Условием развития подобного экспорта, как и экспорта сельди, являлась засолка. В течение XV в. большое значение приобрел экспорт живого скота, то есть быков, которых перегоняли наземным путем из Ютландии в немецкие города. Перегон скота происходил осенью, до того как наступала пора осеннего забоя или зимнего стойлового содержания. В течение первых двух десятилетий XVI в. экспортировать животных стали по преимуществу весной, что предполагало откорм и поэтому обуславливало более высокую цену. После этого быков отгоняли на летний выпас и откорм в низинные районы к западу от Эльбы, чтобы затем сбыть скотину на рынке Нидерландов. Основой развития торговли быками стало, с одной стороны, то, что в XV в., с учетом сокращения численности населения, уменьшилась потребность в зерне и тем самым расширилась возможность для мясного производства — потребление мяса в Северной Европе в период около 1500 г. было очень высоким; с другой стороны, сыграли свою роль такие факторы, как рост городов в Нидерландах и, наконец, развитие дальних маршрутов перевозки массовых товаров — леса и зерна из района Балтийского моря и быков из Венгрии, Польши и Дании в Нидерланды и города Рейнской области.

Все, включая священников, крестьян и немецких скупщиков, пустились в торговлю быками, но постепенно к этому успешно подключились и датские купцы. Весьма большая доля или даже преобладающая часть сельскохозяйственного экспорта шла в обход городов. Экспорт, осуществлявшийся ленсманам, дворянами и епископами, состоял прежде всего из того, что выплачивали натурой крестьяне в качестве арендной платы за землю.

Привилегированные сословия

Духовенство и дворянство занимали привилегированное положение. Служители церкви могли привлекаться к судебной ответственности только церковным судом и освобождались от военной службы, однако в целом привилегии этих двух сословий были связаны с их обладанием собственностью и их налоговым иммунитетом. К тому же они располагали рядом привилегий, касавшихся юрисдикции над крестьянами, работавшими на их землях. Освобождение от чрезвычайных налогов распространялось, однако, только на их главные усадьбы, а в конце рассматриваемого периода также на тех немногочисленных крестьян, которые не выплачивали арендную плату, а отработывали барщину на центральной усадьбе.

Церковь

Задачей всех лиц духовного звания было служение Богу, однако имелось одно весьма важное различие между духовенством, жившим в миру, — священниками, которые служили в светском обществе (но соблюдали безбрачие), и духовенством, которое жило в монастырях. Священники совершали обряды причащения, крещения, вечернюю службу, отпущение грехов и т. д., то есть те действия, через которые Божья благодать нисходила на людей. Без них не могло быть спасения в потустороннем мире. В большинстве орденов в каждом монастыре лишь один — два его обитателя были посвящены в духовный сан, позволявший совершать таинство причащения. Женским монастырям приходилось иметь прикрепленных к ним священников, совершавших причащение. Монахи и монахини вели особо благочестивый образ жизни, сосредоточенный на служении Богу, чтобы спасти собственные души и души людей, обитавших за пределами монастырей. Они оставляли мирскую жизнь и переставали быть наследниками рода, который покинули.

Так было повсюду в римско-католической Европе. И в Дании, как и в других местах, духовная служба требовала доходов, поступавших прежде всего от церковных земельных владений. Поэтому датская церковь к концу эпохи средневековья имела в собственности по

меньшей мере 35% земельных угодий страны. Самыми богатыми были епископства, однако налицо разрыв от 2500 или более дворов у епископа Роскильского до примерно 600 — у епископа Виборга. Самым богатым монастырем был монастырь в Соре, владевший примерно 625 дворами, в то время как число дворов у других монастырей было несколько меньше ста. Женские монастыри использовались дворянством и, по всей видимости, бюргерством, для того чтобы пристроить не вышедших замуж дочерей, которых отправляли в обитель с небольшим приданым. Монастыри ордена Св. Биргитты за счет этого стали весьма богатыми. Чтобы содержать монастырь, нужно было иметь много крестьян, потому что крестьяне выплачивали весьма скромные подати. Однако те, может быть, 25 монахов, что жили в монастыре в Соре, были хорошо обеспечены, при монастыре имелся штат свыше 100 человек, а аббат заседал в государственном совете и жил как вельможа.

Состав духовенства был неоднородным. Монастырское духовенство было представлено, с одной стороны, монахами из старых мужских монастырей во главе с монастырем в Соре, а с другой — выходцами из монастырей нищенствующих орденов в городах, которые не имели земельной собственности. Среди духовенства, жившего и служившего в миру, были епископы, прелаты при соборах, обычные каноники, приходские священники и, наконец, многочисленные викарии при часовнях и алтарях в крупных церквях. Их связывало полученное ими, хотя и различное, духовное образование и их общее дело. Отчасти их объединяли и привилегии, но они, бесспорно, экономически не принадлежали к одному и тому же классу.

Совершенно особым образом поступала церковь для привлечения в свои ряды новых священнослужителей, поскольку все они были выходцами из светского общества, за исключением тех сыновей священников, которым приходилось получать от папы римского специальное разрешение на занятие духовной должности в качестве исключения из правила, не разрешавшего сыну следовать по стопам отца. Новые служители культа происходили из различных слоев общества. Так, каноники соборов происходили из бюргеров и дворянства, сельские священники по большей части из крестьянского сословия, если сыновьям крестьян удавалось попасть в латинскую школу. Какой-то совершенно четкой системы не существовало. Биргер

Гуннерсен, являвшийся архиепископом в 1497 — 1519 гг., был сыном звонаря и дьячка в Халланде, а его современник епископ Оденсе — сыном сельского башмачника в Химмерланде. За назначениями их обоим стоял король Ханс; Биргер Гуннерсен, например, заслужил свое назначение тем, что достойно проявил себя в качестве начальника канцелярии вдовствующей королевы.

Образование священников начиналось с учебы в соборных школах и с участия в повседневной литургической жизни соборов. Отдельные лица, во всяком случае те, кто становился каноником, продолжали образование в одном из многочисленных северогерманских университетов, а после 1479 г. и в Копенгагенском университете.

Епископ вел богослужения в своем соборе, заботился об образовании священников, посвящал их в сан и посещал с инспекциями. Наряду с земельными владениями, принадлежавшими епископству, он получал свою третью часть десятины, если только она не уходила на дарения монастырям или собственному собору епископа и каноникам. В дополнение к своей церковной роли епископы играли важную политическую роль в качестве членов государственного совета, где они по степени старшинства стояли выше дворянства. Епископа титуловали «Ваша милость».

Центральным элементом богослужения в церкви было совершавшееся в ходе мессы символическое вкушение плоти и крови Христовой. Латеранский собор в 1215 г. постановил, что речь шла о реальном превращении хлеба и вина в плоть и кровь Иисуса Христа. В период позднего средневековья все большее распространение получали панихиды по усопшим, находящимся в чистилище, и мессы в честь Девы Марии и популярных святых, например Себастьяна, у которого искали защиты от чумы. Эти мессы служили священники-викарии с устанавливавшихся для этой цели боковых алтарей; в Лундском соборе было около 60 таких алтарей. Короли, епископы и знатные дворяне даже сооружали часовни, в которых ежедневно служились мессы. К Роскильскому собору было пристроено около десятка часовен, самой крупной и самой красивой из которых, как это можно видеть и сегодня, была часовня Волхвов, сооруженная по распоряжению Кристиана I. Финансирование месс происходило через передачу церкви необходимого имущества. Таким способом церковь приращивала свое состояние в XV столетии. Подавляющее большинство людей, конечно,

не могли себе позволить заказать богослужение, однако многочисленные гильдии в городах и на селе оказывались в состоянии решить эту задачу для своих членов.

Приходские священники в конечном счете несли главное бремя в деятельности церкви, однако они занимали низкое положение в церковной иерархии. А получаемое ими вознаграждение — освобожденный от налогов дом священника и третья часть приходившиеся на долю прихода десятины — было относительно скромным. Крупные монастыри и соборные капитулы на раннем этапе подчинили себе часть сельских церквей, вследствие чего работу священника чаще всего осуществлял низкооплачиваемый священник-викарий. Это явление, однако, не получило в Дании особенно большого распространения в отличие, например, от Англии, где the vicar со временем стал синонимом «приходского священника». Иногда король вознаграждал секретарей своей канцелярии, отдавая им приходские церкви, в отношении которых он имел право патроната, после чего там тоже назначался викарий.

Многие приходские священники имели в своем подчинении несколько приходов, что, по-видимому, было следствием сокращения численности населения. При соборах уменьшение доходов (снижение арендной платы за землю) приводило к совмещению должностей, хотя, конечно, такое положение, когда высокопоставленные иерархи могли занимать должности каноников при нескольких соборах, строго говоря, считалось дурным тоном.

Дворянство

Несмотря на все различия, дворянство в XV в. оставалось в основе своей тем же классом, что и в XII столетии. С одной стороны, это было сословие, власть и богатство которого основывались на его праве собственности на землю, а с другой — оно квалифицировалось как дворянство в силу своей службы монарху. Владение собственной землей давало дворянству самостоятельность по отношению к королевской власти — самостоятельность, которой церковь не располагала, во всяком случае, в период позднего средневековья. Дворянство объединяло в себе помещичью власть, политическую

деятельность и способность к ведению войн. Это был властвующий класс — вместе с королем или против него.

Учитывая значение дворянства или, может быть, потому, что это значение было столь очевидным, титулование и формальности представляются несколько нечеткими. Дворянин титуловался как оруженосец^[34] и опознавался по гербу на щите и на печати, однако некоторые дворяне посвящались в рыцарство королем и тем самым становились рыцарями и господами. Строго говоря, общего названия для оруженосцев и рыцарей не существовало, и только в XVI в. немецкое слово *adel* («дворянство») утвердилось в языке (это произошло одновременно с исчезновением посвящения в рыцари). Дворяне придерживались тех же обычаев в отношении имен, что и остальная часть общества, — человек нарекался тем именем, которое давалось ему при крещении; к этому имени, для более точной идентификации, добавлялось отчество или в некоторых случаях личное прозвище (родовое имя). Так, четыре поколения могущественного ютландского рода Гюлленстьерне звались попеременно Эрик Нильсен и Нильс Эриксен. Только после того, как король Фредерик в 1526 г. приказал дворянству принять родовые имена, члены рода Гюлленстьерне^[35] приняли это имя, соответствующее их гербу.

Сильно развитым было понятие чести, и средство защиты своей чести дворянин видел в борьбе, «распре», причем в XIV в. такую распрю он мог затеять с кем угодно, даже с князем или королем. Совершенное Нильсом Эббесеном убийство графа Герта рассматривалось как распря, так что в 1351 г., когда ютландцы и голштинцы заключили союз против Вальдемара Аттердага, его семья выплатила «покаянную» сыновьям графа. Когда люди Вальдемара в 1355 г. убили ютландского дворянина, родственники и друзья убитого известили специальным письмом, что они отказываются от ведения «распри» с королем и его людьми, наверняка после того, как за убийство была выплачена компенсация. В XV в. и, во всяком случае, в XVI в. королевская власть превратилась в слишком мощное учреждение государства, чтобы речь могла идти о такой частной ссоре между дворянином и государем, но еще в 1467 г. Ивер Аксельсен с Готланда мог послать королю Кристиану письмо с извещением об отказе служить ему.

В 1405 г. назревал серьезный конфликт между двумя ютландскими

дворянскими родами. Йене Нильсен из Авнсбьерга, главный судья Ютландии (!), убил Йенса Йенсена из Клаусхольма. Последний был сыном могущественного Йенса Андерсена (Брока) из Эструпа, и в дело с целью добиться примирения вмешались как королева Маргрете, так и Эрик Померанский. Это очень дорого обошлось Йенсу Нильсену. Он вынужден был обещать провести целый ряд заупокойных месс и устроить проведение паломничеств (этим профессионально занимались определенные люди) во спасение души Йенса Йенсена, и ему пришлось обещать, что он сам вместе с 200 рыцарями и оруженосцами попросит у Йенса Андерсена и его внуков прощения со словами: «Да будь я самым лучшим и могущественным рыцарем в Дании, я все равно принял бы на себя такое искупление». Род Броков защитил свою честь, а Маргрете обеспечила мир.

Как уже указывалось, Маргрете в 1396 г. запретила дворянам сооружать укрепления вокруг своих усадеб, и, по всей видимости, этот запрет соблюдался, однако запретить дворянам и, если уж на то пошло, крестьянам-собственникам осуществлять их право «распри» король был не в силах. Правда, жертвами в XV в. становились, как правило, люди из дворянской челяди и их помощники или замешанные в деле крестьяне-арендаторы.

Дворянство представляло собой неоднородное сословие. Правда, в его рядах не было никаких формальных различий, однако в экономическом и социальном отношении различия были весьма значительны. В период около 1500 г. нам известны дворянские супружеские пары, которые имели в своей собственности 400, 500, 800 крестьянских дворов и которые, разумеется, заседали в государственном совете или занимали прибыльные должности ленсманов. На противоположном полюсе находились люди из низшего дворянства самого скромного ранга, у которых было немножко земли, может быть пара дворов, и поэтому они жили надеждой поступить на службу к епископу, знатному дворянину или в один из крупных монастырей. Граница между этим низшим дворянством и крестьянами-собственниками или купцами легко могла оказаться зыбкой, и многие из числа мелкопоместных дворян вынуждены были отказаться от дворянского титула, поскольку они не в состоянии были выполнить обязательство о несении военной службы. С другой стороны, епископы и знатные дворяне часто содействовали получению дворянского титула

своими верными соратниками или фогтами на основе королевского указа, хотя шансы на то, что такой новоиспеченный дворянский род сохранит этот титул, были не особенно велики. В общем и целом в XV в. происходило сильное сокращение численности низшего дворянства. Глубинная причина этого коренилась в падении доходов от земельной собственности, а также в том, что дворяне по указу королевы Маргрете от 1396 г. не имели никакой возможности даже с помощью брака обзавестись собственным имением в качестве свободной от налогов собственности.

Существовали дворянские роды, такие, как Росенкранцы, Гюлленстьерне, Тотты (все тогда еще без родового имени) и Броки, которые на протяжении всего периода позднего средневековья удерживались наверху, однако в целом социальная подвижность внутри этого сословия была довольно велика. Некоторые люди из не слишком знатного дворянства, оказавшись в фаворе у короля, продвигались наверх в качестве ленсманов или выполняя другую королевскую службу, однако решающим фактором было наследство и брак. В соответствии с правилами наследования каждый сын получал приходящуюся на каждого брата долю, а каждая дочь — половину таковой. Если ребенок был единственным наследником, ему доставалось все, и он становился выгодной партией, однако, если наследников было много, собственность могла оказаться совершенно раздробленной. Хорошая дворянская семья (например, имевшая в своей собственности 100 дворов) с пятью — шестью детьми, пережившими родителей, рисковала потерпеть социальный крах, если только родители не позаботились об удачных браках для детей или о поступлении некоторых из них на церковную службу. Сколько окажется наследников, было делом Божьего промысла, тут все зависело от того, какой «урожай» соберет смерть среди детей и подростков. Супруги не наследовали друг другу. Если в браке не оставалось детей (или внуков), переживших родителей, земля возвращалась роду, из которого происходили муж и жена.

Если смотреть в более широкой перспективе, то история отдельных родов, разумеется, не имеет существенного значения. Однако, насколько можно судить, численное сокращение затронуло не только самую скромную часть мелкопоместного дворянства, но и остальное дворянство. Поскольку мы не знаем численности дворян, положение дел

можно оценить лишь по тому обстоятельству, что наиболее могущественные дворяне в период около 1500 г. имели в своей собственности больше крестьянских дворов, чем наиболее видные дворяне за сто лет до этого. Прирост числа их имений наверняка лишь в ограниченной степени объяснялся покупкой собственности у собратьев по сословию; чаще всего оно было результатом получения наследства и браков. Вообще же неудивительно, что численность дворянства сокращалась, если принять во внимание общее сокращение численности населения в большей части Северной Европы в течение столетия, последовавшего за эпидемией чумы. Приращение имений служило высшему дворянству компенсацией за сокращение объема взимавшихся с крестьян податей.

Дворянство находилось на службе у короля. Оно было обязано нести военную и другую службу, являться по вызову государя по тому или иному поводу и заседать в различных комиссиях, создававшихся для конкретных случаев. В качестве ленсманов — а хороший лен, приносящий власть и доходы, был желанным приобретением — дворяне занимались местным управлением и обеспечением обороны государства. В государственном совете и на лучших ленах господствовала дворянская знать; как уже отмечалось, здесь мы имеем дело с противоречиями в отношениях между королевской властью и аристократией. Примером знатного дворянина может служить Аксель Лагесен (Брок). Он владел поместьем Клаусхольм возле Раннерса и поместьем Гуннерслевсхольм возле Нестведа помимо еще двух поместий соответственно в Ютландии и на Зеландии, имея в общей сложности 600 сдававшихся в аренду крестьянам дворов. Аксель Лагесен был королевским ленсманом в усадьбе Тордруп поблизости от Раннерса и благодаря этому имел сильные позиции в этой округе, однако не пренебрегал и менее крупными монастырскими ленами на севере Зеландии. Монастырь Эсром в 1465 г. предоставил Акселю в ленное владение четыре деревни на севере Зеландии с 35 дворами в знак благодарности за то, что он подарил монастырю один-единственный двор, а в 1488 г. получил в аренду шесть дворов на юге Зеландии от женского монастыря Св. Агнете в Роскилле. Господин Аксель, естественно, заседал в государственном совете, где всегда был хорошей опорой королю. Вообще же он не играл никакой политической роли.

К концу периода средневековья значение дворянства в военной

сфере пошло на убыль, а его способность к независимому ведению военных дел была ослаблена. В XV в. господские усадьбы уже не имели настоящих укреплений, а развитие боевых приемов пехоты привело к тому, что дворяне не могли дать отпор хорошо организованному крестьянскому восстанию, что проявилось как в 1441 г., так и позднее, в 1534 г., во время «Графской распри». Основное ядро войск короля и герцога в Швеции в 1497 г. и в Дитмаршене в 1500 г. составляли немецкие ландскнехты. Однако каждый дворянин все еще владел мечом.

В XIV столетии все дворяне, которым это было по силам, укрепляли свои усадьбы. Свидетельством тому являются многочисленные валы по всей стране, существующие и по сей день, хотя нужно иметь в виду, что не все они служили крепостными сооружениями в одно и то же время. Часто речь шла о двух возвышениях, из которых одно было поменьше, но с высокой башней из камня или дерева, а другое — покрупнее, с жилыми и хозяйственными фахверковыми постройками. В XV в. господские усадьбы располагались уже на четырехугольном возвышении, окруженном рвом, но других укреплений не было. Главный дом с течением времени стали часто возводить из камня или кирпича. Он имел скромные размеры, однако отдельные дворяне демонстрировали свою власть и умение, сооружая каменные здания с двумя или тремя крыльями (например, Клаусхольм) или простой дом из четырех этажей, из каковых наиболее известным и лучше всего сохранившимся является Глиммингехус. Скромная часть мелкопоместного дворянства едва ли имела для проживания нечто большее, чем хороший крестьянский двор с соломенной крышей.

Хозяевам некоторых больших поместий, таким, как, например, Клаусхольм Акселя Лагесена, принадлежали многочисленные крестьяне из местной округи, работавшие на барщине, однако большие поля при главной усадьбе и крестьяне на барщине не были характерной чертой датских дворянских поместий. Даже при господских усадьбах хорошей постройки сдававшиеся в аренду земельные участки были по большей части раздроблены и рассеяны по широкой округе и даже находились в отдаленных районах, что являлось результатом случайного наследования имений. Возделываемая крестьянами земля представляла собой, безусловно, важнейший источник дохода, но если речь не шла о необходимости обеспечить труд на барщине, то было само по себе

безразлично, где находились крестьянские участки, и они оставались там, где оказались в результате смены наследователя.

Жизнь и смерть

Существование в средние века было ненадежным. Имелись основания помнить о том, что «нет ничего более определенного, чем смерть, и нет ничего более неопределенного, чем смертный час». Люди страшились скоропостижной смерти, когда человек не успевал подвести итоги своей жизни перед Богом и людьми. Прежде чем отправиться на войну или пуститься в опасное путешествие, были все основания исповедаться и сообщить свою последнюю волю. В церквах фрески напоминали прихожанам о Судном дне, когда спасшиеся вознесутся на небо, а осужденные будут низвергнуты в ад на вечные муки. А до Судного дня предстояло пребывание в чистилище. Его срок мог быть сокращен добрыми деяниями и покаянием, и многое можно было заслужить, принеся дары монастырям, где монахи или монахини вели чистую жизнь, или заказывая богослужения в честь Девы Марии и святых. Устраивались специальные богослужения во спасение души, когда священник молился за устроителя и его род. Это могло вылиться в проведение ежедневных месс во спасение души (за исключением воскресений и праздников) и одного большого богослужения раз в год.

Фрески, которые сохранились в чрезвычайно большом количестве в сельских церквах, с их житиями святых и другими возвышающими душу сюжетами создавались для поучения прихожан, однако центральное место в церквах занимали изображения страданий Христа и его смерти во имя спасения людей. Такие изображения делались на досках алтаря. Самые крупные и лучшие из них — это картина работы Бернта Нотке на алтарной доске в Орхусском соборе (около 1480 г.), работа Клауса Берга в церкви францисканцев в Оденсе (около 1513 г.) и большие распятия для мирян, которые в ту пору располагались в промежутке между хорами и нефом, а теперь перемещены на одну из стен.

Церковное искусство периода позднего средневековья, письма с заказами на проведение богослужений, завещания и большие средства, которые поступали в церковную казну, свидетельствуют о чрезвычайно

большом значении христианства и церкви. Однако эти исторические источники отражают, разумеется, не всю действительность. Если взять другую большую группу источников — многочисленные документы на право владения землей (купчие, закладные, судебные свидетельства), создается впечатление, что существование, во всяком случае, дворянства вращалось вокруг того, как заполучить или обеспечить владение землей. И наконец, политические документы, — они, разумеется, касаются политики и войны.

Когда видный датский историк Кристиан Эрслев вознамерился дать описание жизни дворянства в XII и XIV вв., он использовал народные песни, понимая при этом, что мир этих песен отражает лишь некоторые стороны дворянской жизни. Перед ним предстала ментальность, для которой были характерны разгул страстей, щепетильная забота о своих правах и чести, столь необходимая для того, чтобы ограничить произвол со стороны короля. Христианство не оставило глубоких следов. «Когда слышишь, как жена перед Богом всевышним призывает мужа к кровной мести, начинаешь понимать, сколь поверхностным является господство церкви». Эта картина, которую рисует одна из народных песен, не лишена наблюдательности, однако нужно помнить, что здесь речь идет о художественном вымысле и что тексты песен, к сожалению, были записаны только во второй половине XVI столетия.

Отдельные случайные источники проливают свет на средневековую жизнь. Младшая Зеландская хроника (Yngre Sjdellandske Kronike) повествует в части, относящейся к 1357 г.: «В тот год на Зеландии случилось нечто странное. Рождественским вечером к одному крестьянину в деревне явилось привидение и попросило дать ему приют. Оно поселилось в печи у этого человека с молодой женщиной, которую можно было видеть, но само привидение оставалось невидимым. Оно говорило по-датски и по-латыни и сказало, что оно родилось в Треллеборге и ходило в школу в Роскилле. Оно оставалось там, ело и пило, предпочитая употреблять в пищу яйца. Оно разговаривало со всяким проходящим в дом, часто ходило на крестьянские пирушки и рассказывало своему хозяину, что там происходило... То, что привидению подносили, женщина принимала и использовала для его пропитания. Однако крестьянин, которому надоел постоянный приток любопытных в его дом, посадил женщину на телегу и отвез ее в субботу после Масленицы в Копенгаген. А Педер

Йордансен — так называло себя привидение — последовал за ними». Этот короткий, но точный рассказ дает некоторое представление о крестьянской жизни, городах, школьной учебе и мошенничестве.

А вообще самым лучшим источником являются завещания. Выбранные здесь два образчика рисуют картину двух более или менее различных типов обстановки, в которой жили дворянин и связанный с крестьянской средой бюргер, и дают представление об окружавших членах их семей и людях из прислуги. Общим для них, конечно, было то, что они не забывали о церкви и бедных.

Рыцарь Андерс Нильсен, проживавший в Дроннингхольме у озера Арресё, написал 14 октября 1447 г. завещание. Прежде всего, он позаботился о больших монастырях Северной Зеландии, Эсруме (где его должны были похоронить) и Эбельхольте; затем о своей супруге, своей сестре и roskildeвском епископе Йенсе, которые стали исполнителями завещания. Далее идут Роскильский собор, три сельские церкви и монастырь Марибо, его братья и сестры (которые были его наследниками), дети его сестры и их супруги, один каноник из Роскилле, священник и пара госпиталей в Копенгагене, сосед, приходский священник, приемный сын, челядь, прислуга, некоторые не поддающиеся опознанию лица и, наконец, бедные. Жена завещателя получила самую крупную долю — ей он завещал половину своей доли в их совместном имуществе (исключая, однако, земельную собственность). Церковные учреждения получили свою долю в виде денег, в то время как наследники из дворянского сословия получили серебряные чаши и тому подобные предметы; правда, его «дорогой сосед» получил золотое кольцо, а его сестра и епископ Йене — даже и то и другое. Короля Кристофера завещатель скромно одарил серебряным кубком — Андерс был одним из доверенных лиц Эрика Померанского, однако не пользовался реальным влиянием после 1439 года. Приемный сын получил кое-какую заложенную земельную собственность в округе Хорнскерред. Некоторые из его помощников и работавших у него по найму получили лошадей или деньги; его паж получил его латы, паж его жены получил и его латы, и лошадь. Двое мужчин, статус которых из завещания неясен, но которые, должно быть, состояли у него на службе, получили его корабль. Одной из служанок его жены была завещана довольно крупная сумма денег, вторая получила его сюртук багряно-красного цвета, но без серебряных

пуговиц. Шуба из лисьих шкур и пурпурная мантия достались двум из его предполагаемых помощников, в то время как остальная часть его гардероба была отписана церкви, двум большим монастырям и собору. Особое внимание Андерс уделил той сельской церкви, в которой он был крещен. От упомянутого выше сюртука багряно-красного цвета церковь получила серебряные пуговицы, чтобы употребить их на изготовление чаши или дароносицы. Монастырь Марибо получил партию железа, госпиталя и бедные — зерно и свинину.

Андерс Нильсен ранее был высокопоставленным военным чиновником в Копенгагене, позднее ленсманом в Швеции, где он женился на шведке, заседал в государственном совете, но происходил он из зеландской мелкопоместной дворянской семьи. Андерс родился в Херлеве, деревне, которую его отец получил в ленное владение от монастыря Эсром, и умер в Дроннингхольме, который его отец получил в залог от королевы Маргрете. Где находились частные земельные владения семьи, неизвестно. Однако не похоже, чтобы он передал монастырю Эсром земельную собственность как покрытие расходов на похороны, ограничившись крупным денежным даром.

Завещание из Роскилле, датированное 1489 г., проливает свет на жизнь в среде бюргеров. Нильс Йенсен завещал каменный сельский дом, принадлежавший ему и жене (разумеется, с ее согласия), одному из алтарей собора, оставил по бочке пива каждому из женских монастырей города, а также пиво и другие съестные припасы учащимся и беднякам, которым, кроме того, была предоставлена возможность посетить баню. Завещатель был родом из прихода Скуллелев в округе Хорнскерред, а его брат был там крестьянином-арендатором, сестра же была замужем за крестьянином на Лолланне. Эти двое были его наследниками, однако от более раннего брака у него был сын, который, должно быть, отделился, когда он в 1483 г. женился на Барбаре. Мы, конечно, не знаем объема его движимого имущества, половина которого принадлежала его жене (поскольку движимое имущество считалось совместной собственностью). Неизвестно и то, сколько получили наследники, однако завещание сообщает, чем Нильс Йенсен считал возможным самостоятельно распорядиться помимо дорогого каменного дома. Речь шла о его военном снаряжении, его одежде, трех серебряных ложках, некоторых предметах домашней обстановки, небольшой сумме денег, но прежде всего о быках и другом скоте. Сын получил пару

быков из числа самых лучших, одну серебряную ложку, самую лучшую одежду завещателя, его меч и арбалет, в то время как его латы отошли брату, а другой меч и капюшон из лучшей материи — его помощнику. Дорогой родственник в Ерси (возле Кёге) и сестра получили каждый по серебряной ложке, племянник и племянница — по паре быков, а племянница еще и набор постельного белья. Церкви, где он крестился, двум служанкам, приходскому священнику и дьячку были оставлены или небольшая сумма денег, или бык, монастырю францисканцев, где его должны были похоронить, — несколько более значительная сумма денег, которая, однако, составляла всего лишь 2% того, что Андерс Нильсен в 1447 г. оставил монастырю Эсром. Самый крупный капитал по завещанию причитался его жене: помимо различного домашнего имущества две лошади, четыре быка и две коровы. Нильс Йенсен был родом из сельской местности, и данное завещание является хорошим свидетельством подвижности в крестьянском обществе, однако он наверняка не был собственником земли. Об одном из быков мы узнаем, что он содержался у мельника в Корнерупе, о паре других — что они находились во Флёнге (в обоих случаях это деревни в окрестностях города Роскилле). Быки, надо полагать, были либо сданы в аренду, либо поставлены на откорм в указанных местах, однако и другие быки, упомянутые в завещании, явно не могли содержаться в городе. В той или иной форме Нильс Йенсен, должно быть, занимался торговлей быками.

Датский период позднего средневековья характеризуется весьма сильным немецким влиянием. Любек и другие ганзейские города играли доминирующую роль. Это касалось их купцов, которые держали в своих руках торговлю, резчиков по дереву, таких, как Бернт Нотке и Клаус Берг. Церковная архитектура носила на себе отпечаток северогерманской готики, а датское духовенство проходило обучение в северогерманских университетах. Имела место сильная иммиграция дворянства из Гольштейна и Мекленбурга и купцов из ганзейских городов. Иммиграция и обычное общение носили столь широкий характер, что датский язык испытал на себе влияние немецкого в такой степени, в какой ни до, ни после на него не оказывал влияние никакой другой язык. Например, современные датские слова, начинающиеся с *be-* или *for-*, заимствованы в период позднего средневековья из нижнегерманского (северогерманского) говора. Процесс облегчался тем,

что нижненемецкий говор стоит несколько ближе к датскому, чем верхненемецкий язык, который приобрел столь важное значение после Реформации. В то же время нижненемецкий язык существовал в хорошо развитой письменной форме и был языком общения во всем районе Балтийского моря.

Резюме

Датское общество строилось вокруг королевской власти, а епископы и дворянство составляли элиту, выступавшую в качестве носителя власти, находившегося в союзе с королем или выступавшего против него. Историки ранее рассматривали отношения между королевской властью и аристократией как отношения, отмеченные противоречиями, и действительно между ними существовала конкуренция в отношении того, кому какая доля податей, взимавшихся с населения, достанется. Однако они не могли обойтись друг без друга, и как в 1439, так и в 1523 г. у аристократии был наготове новый король, когда старого монарха лишали трона. Альтернативой был бы политический хаос, как в 1332 г. Однако в ряде областей происходило важное развитие. Вокруг короля и рядом с ним возник государственный совет, который со временем превратился в действительно представительный орган аристократии; благодаря этому основа государственной власти оказалась достаточно широкой. Увеличение прав дворян-помещиков по отношению к их крестьянам ничего не меняло в этом отношении. Дееспособность королевской власти возрастала по мере роста центральной администрации (канцелярии), применения наемных войск и огнестрельного оружия. В XV в. закончилось то время, когда дворяне и епископы располагали сколько-нибудь действенными укреплениями в виде замков.

Самые важные социальные изменения в период позднего средневековья происходили в среде крестьянского сословия, где прослойка хусманов и самые мелкие крестьянские хозяйства исчезли, в то время как наиболее крупные были разделены на части. Это означало, что крестьянское сословие стало более однородным. Дания обрела тот облик преимущественно крестьянской страны, который она в общем и целом сохранила вплоть до сельскохозяйственных реформ,

осуществленных около 1788 г. с крестьянскими дворами, объединенными в деревенские общины. Причиной, содействовавшей такому развитию, было резкое сокращение численности населения, вызванное «черной смертью» и последующими другими эпидемиями чумы. Одновременно в стране становилось все меньше дворян, прежде всего из-за сильного уменьшения численности мелкопоместного дворянства. Следствием этого стало превращение последнего в более аристократический класс.

После того как в 1523 г. окончательно потерпели крушение попытки датских королей установить господство над Швецией, страна датских королей приобрела те размеры, которые она сохраняла вплоть до 1814 г.: королевство охватывало Данию, Норвегию и герцогства Шлезвиг и Гольштейн. При этом были утрачены в пользу шведских королей земли провинции Сконе, а также Бохуслен и другие норвежские провинции.

В культурном отношении Дания в течение позднего средневековья превратилась в своего рода немецкую провинцию, и такое положение сохранялось вплоть до XIX столетия.

НОВОЕ ВРЕМЯ (1523-1720)
Карстен Порскрог Расмуссен

Глава 7

Реформация

Реформация считается одной из важнейших вех в истории Дании, знаменующих собой конец средневековья и начало нового времени. Характер этого перелома определялся быстротой, с которой разворачивались события. С тех пор как, согласно свидетельствам, в Дании появились первые лютеранские проповедники, и до полного торжества идей Реформации в стране прошло всего двенадцать лет.

Казалось, что к 1523 г. церкви и дворянству удалось восстановить утраченный было контроль над обществом. По инициативе части епископов и высших аристократов был свергнут король Кристиан II и возведен на престол Фредерик I. В 1523—1524 гг. был принят ряд решений, укреплявших политические позиции дворянства и церкви и усиливавших их власть над крестьянами. И то и другое отвечало общим интересам епископов и дворянства.

Еще более укрепляло их положение то, что в 1523 г. во главе всех епископатов, за исключением одного, стояли дворяне, да и этот последний к 1529 г. также возглавил представитель аристократии. Для представителей знати путь к сану епископа лежал не через богословское образование и будни священника, а через изучение юриспруденции и службу в королевской канцелярии. Так, решающими условиями при избрании высших чинов духовенства были вполне мирские требования к кандидатам. Подобная ситуация была характерна для большей части католической Европы, однако именно к этому времени она стала подвергаться широкой критике в ряде стран. Множество критических замечаний исходило от самих представителей духовенства. Теологи-реформаторы выступали, как правило, не против светской власти церкви как таковой, а против злоупотреблений ею, а также против того, что епископов и настоятелей монастырей больше заботили дела мирские, нежели духовные. В Дании наиболее заметным представителем такой внутрицерковной критики был монах-кармелит Поуль Хельгесен, чьи резкие выступления находили определенный отклик среди мыслящей части представителей духовенства. Между тем

и в широких кругах священнослужителей зрело недовольство официальной церковью и ее светской деятельностью. Центральным объектом критики была процветавшая в эти годы торговля индульгенциями. Некоторые критики делали упор на то, что с точки зрения богословия неприемлемо позволять грешникам покупать себе прощение всех грехов, другие видели в продаже индульгенций прежде всего свидетельство жадности церкви.

В Германии в 1517 г. Лютер опубликовал свои 95 тезисов, что положило начало быстро развивающемуся народному движению протеста. В Дании же оно еще не имело к тому времени такой прочной основы, — идеи лютеранства лишь в 1522 г. достигли Хузума в Южной Ютландии. Свидетельством информированности о ситуации в мире служит тот факт, что под давлением епископов Фредерик I включил в подписанный им манифест новый параграф о том, что король не должен позволять «никаким еретикам, ученикам Лютера, либо прочим» проповедовать против нынешней церкви и ее учения. Тех же, кто нарушит данный запрет, король обещал лишать имущества и казнить.

Вскоре худшие опасения епископов, похоже, начали сбываться, в то время как королевские обещания не оправдались. В 1525 г. в различных частях Ютландии крестьяне отказывались платить десятину епископу, а Поуль Хельгесен писал в своих заметках, что в 1526 г. «яд лютеранства проник во все уголки Ютландии». К этому времени лютеранские проповедники действовали уже по всей стране. Многие из них в прошлом были монахами и священниками, которые покинули свои монастыри и приходы и стали народными проповедниками вне официальной церковной иерархии. Развитие книгопечатания содействовало более быстрому, нежели ранее, распространению критических идей.

Лютеранство

Лютеранские проповедники ратовали за иное, нежели у католической церкви, понимание христианской религии. По их убеждению, спасение души достигалось не добрыми деяниями и тем более не такими суррогатами, как восковые свечи или индульгенции. Из их теорий следовало, что человек рождается грешником и может лишь

истово верить в Господа, всецело уповая на Его милость. Полностью отказывались они и от поклонения причисленным к лику святых. Основой веры, заявляли они, должна служить лишь Библия, а не вся последующая церковная традиция. Прямое дело священнослужителей — выступать с проповедями, а не заниматься мирскими делами. Целибат, как считали лютеране, не имел никакого религиозного обоснования. Богатство церкви вновь и вновь подвергалось ожесточенным нападкам, и это, в свою очередь, не могло не вызвать сочувствия у населения, большая часть которого платила церкви десятину, а более чем каждый третий к тому же и арендную плату за землю либо за жилье.

Тем не менее среди самих проповедников существовали серьезные различия. Некоторые из них действительно отрицали весь современный общественный порядок и считали, что церковью должен управлять народ. Прочие, и среди них Хакс Таусен, выступали, как и сам Лютер, против светской власти церкви, однако отнюдь не против светской власти как таковой. Наоборот, они полагали, что в своих мирских делах церковь должна подчиняться государю, равно как призывали к покорности ему остальных подданных.

Особых успехов лютеранские проповедники добились в крупных городах, таких, как Виборг, Ольборг, Копенгаген и Мальме. Здесь им удавалось заечь своими идеями широкие народные массы, слабо контролировавшиеся аристократией и духовенством. В 1528—1530 гг. горожане и члены городских муниципалитетов воплотили здесь в жизнь основные идеи Реформации. Католическое духовенство было частично изгнано, многие церкви закрыты, крупнейшие из них были заняты проповедниками лютеранства.

По всей стране происходили беспорядки. В 1525 г. разразилось крестьянское восстание в Сконе, в 1531 г. едва не вспыхнул мятеж в Ютландии. Лишь вмешательство наиболее авторитетного из представителей аристократии того времени, Могенса Гойе, и его многочисленных сторонников из числа богатых крестьян и мелкого дворянства не позволило ему разгореться. В целом контроль аристократов и епископов в сельской местности был гораздо сильнее, чем в городах.

Опасаясь дальнейшего распространения лютеранства и новых волнений, епископы и наиболее консервативно настроенные члены

государственного совета обратились к королю с просьбой вмешаться в ситуацию. Тем не менее, несмотря на данные им обещания, Фредерик I не спешил подавлять движение последователей Лютера. Наоборот, ссылаясь на свободу христианского вероисповедания, король пожаловал охранные грамоты многим выдающимся лютеранским проповедникам. Двое из его детей сочетались браком с представителями немецких княжеских домов, принявших лютеранство, а старший сын короля, герцог Кристиан, провел в 1525—1528 гг. реформацию церкви в амте Хадерслев, которым он управлял. К вящему неудовольствию епископов и прочих консервативных католиков — членов государственного совета, они не могли воспрепятствовать этому, поскольку Хадерслев находился на территории герцогства Шлезвиг и власть совета на него не распространялась.

Постепенно среди аристократии также произошел раскол. В герцогствах Шлезвиг и Гольштейн на ландтаге 1525 г. местное дворянство резко выступило против католической церкви. В самой Дании явными лютеранами были Могенс Гойе, его ближайший друг Эрик Баннер и, что интересно отметить, один из епископов — представитель древнего дворянского рода Кнуд Хенриксен Гюлленстьерне из Оденсе. Последний ввел лютеранство в своей епархии.

Приверженность князей и представителей высших кругов аристократии идеям лютеранства имела решающее значение для хода реформации в стране. В истории Европы церкви неоднократно приходилось сталкиваться с критикой в свой адрес. Однако прежде она либо учитывалась церковью и приводила к отдельным реформам, либо выливалась в волнения в обществе, которые в конечном итоге подавлялись светской властью. Теперь же, в 20—30-х годах XIV в., возникло принципиально новое явление: князья и многочисленные представители аристократии Северной Европы встали во главе движения, которое оспаривало правоту некоторых теологических постулатов и организационных основ церкви. Едва ли единственной причиной этого стали проповеди Лютера с требованиями подчинения церкви светской власти и передачи церковных богатств государству, однако очевидно, что это делало лютеранство гораздо более приемлемым для князей и господ, нежели прочие радикальные движения. Во многих регионах Северной Европы они предпочли

возглавить реформацию и контролировать ее ход, вместо того чтобы подавить ее. Начиная с 1525 г. так происходило и во многих германских государствах, в том числе в Саксонии, Гессене и Пруссии.

«Графская распря»

В Дании времен правления Фредерика I дело не зашло столь далеко. Король умер в 1533 г., так и не объявив имени престолонаследника. Еще в 1523 г. государственный совет принял на себя обязательство в случае смерти государя выбрать наследника среди его сыновей. Казалось бы, наиболее естественным претендентом на престол был старший сын короля, Кристиан, однако его очевидная приверженность идеям лютеранства делала эту кандидатуру неприемлемой для католического большинства членов совета, отдававших предпочтение его младшему брату, двенадцатилетнему Хансу. Собравшись летом 1533 г. в Копенгагене, 37 членов государственного совета решили отложить выборы короля на год, обосновав это ранее существовавшей договоренностью о том, что выборы должны проводиться совместно с государственным советом Норвегии. Свою роль здесь, по всей видимости, играли и разногласия между членами совета. Во всяком случае, показательно, что при обсуждении предложения о предоставлении всей полноты власти в одной из епархий местному епископу «за» проголосовали лишь 23 члена совета, тогда как ведущие представители лютеранской оппозиции покинули херредаг^[36].

Оставшаяся без короля Дания оказалась в кризисной ситуации, что, как это явствовало из истории средневековой Европы, было крайне опасным. Члены местных советов и епископы не могли пользоваться авторитетом и воплощать легитимность, которыми обладал король. Когда член государственного совета католик Тюге Краббе попытался восстановить свою власть в Мальме, где доминировали лютеране, это вылилось в открытое восстание против него местных бюргеров, в результате которого им удалось установить контроль над королевской крепостью Мальмёхус.

После этого городские власти Мальме связались с герцогом Кристианом и предложили ему корону, которую он, однако, отверг, не

желая становиться королем по милости бюргеров. Тогда горожане Мальме сочли достойным кандидатом на престол Кристиана II, пребывавшего в заключении в замке Сённерборг после неудачной попытки в 1531 — 1532 гг. восстановить свою власть в Норвегии. Относительно этого было заключено соглашение с Любеком, который финансировал посылку в Данию войска ландскнехтов и таким образом в последний раз сыграл решающую роль в датской истории. Во главе наемников встал граф Кристофер Ольденбургский, дальний родственник датского королевского дома, в связи с чем последовавшая за этим гражданская война получила название «Графской распри». Кристофер высадился на побережье Зеландии, где к нему присоединились сначала силы нескольких провинциальных городов, а затем и Копенгаген. Со значительно меньшим восторгом присягало на верность графу дворянство Зеландии и Сконе.

События, происходившие на Зеландии и в Сконе, заставили ютландских и фюнских дворян в июле 1534 г. собраться в городе Рю. Под давлением рядового дворянства католические члены государственного совета вынуждены были обратиться к герцогу Кристиану с предложением принять королевскую корону, которое и было им принято. Шлезвиг и Гольштейн еще прежде присягнули ему на верность как законному преемнику отца. Однако, не успев оформиться, союз между герцогом и ютландско-фюнским дворянством подвергся жестокому испытанию. На Фюне вспыхнуло восстание, которое поначалу было успешно подавлено войсками герцога и ютландской знати, однако вслед за тем с Зеландии на Фюн прибыл граф Кристофер и установил свой контроль над островом. Четырнадцатого сентября один из каперов Кристиана II, шкипер Клемент, высадился в Ольборге. К нему сразу же присоединились бюргеры, а в последующие недели подняли восстание также и крестьяне на севере Ютландии. Шестнадцатого октября у Свенструпа к югу от Ольборга войско дворян было разбито. Крестьянское восстание распространилось на центральную и западную части Ютландии. Запылали усадьбы помещиков и епископов. Лишь в Восточной Ютландии, в Раннерсе и южнее Могенсу Гойе, его соратникам и родственникам удалось сохранить контроль над ситуацией.

В результате происшедшего герцог Кристиан вынужден был сконцентрировать все силы на южном фронте, чтобы обезопасить свой

тыл. Восемнадцатого ноября 1534 г. он вынудил Любек дать обещание прекратить помощь силам повстанцев в Дании. Затем он послал свое войско под командованием голштинского дворянина Йохана Рантцау на север Ютландии, где 18 декабря оно штурмом взяло Ольборг. После этого вся Ютландия оказалась во власти герцога. В Сконе восстание было подавлено вступившим сюда шведским войском при поддержке местного дворянства, в очередной раз изменившего свою позицию. Фюн сдался войскам герцога в июне 1535 г., а в середине июля они высадились на побережье Зеландии. Зеландские крестьяне не оказывали им никакого сопротивления. Как ранее Ютландия и Фюн, так теперь и Зеландия присягнули на верность герцогу, провозглашенному отныне датским королем Кристианом III. Лишь после длительной осады пал Копенгаген, и к июлю 1536 г. власть Кристиана III была установлена на всей территории Дании.

В Норвегии Реформация еще не успела пустить глубокие корни, поэтому местный государственный совет проводил выжидательную политику. Когда победа Кристиана III стала очевидной, большинство членов норвежского совета готовы были признать его королем. Тем не менее в последний момент архиепископ Олав Энгельбректссон предпринял попытку избежать провозглашения правителем лютеранина. Заручившись поддержкой народа, в январе 1536 г. на одном из заседаний совета он арестовал всех его членов и заключил их в тюрьму, а одного из главных своих противников убил. Однако архиепископ и простой люд контролировали лишь северную часть территории Норвегии, а когда Кристиан III осенью 1536 г. прислал в Норвегию свое войско, архиепископ весной 1537 г. бежал из страны.

Арест епископов и Реформация

Кристиан III вступил в Копенгаген в роли победителя. Между тем бюргеры и крестьяне по всей стране подвергались гонениям со стороны королевского войска и страдали от чинимых над ними расправ. Ютландские крестьяне в качестве отступного, то есть выкупа за собственную жизнь, вынуждены были привести одного быка, хотя официально это и было запрещено. Хозяйства собственников в мятежных сотенных округах — херредах — конфисковывались в

случае, если они не могли доказать свою непричастность к восстанию. На практике это означало прежде всего резкое повышение налога со двора в пользу короля. Все крестьяне обязывались также платить новые налоги на покрытие расходов казны, связанных с войной.

Положение дворянства и духовенства также нельзя было назвать устойчивым. Позиции церковнослужителей уже давно пошатнулись, а дворяне ярко продемонстрировали неспособность к выполнению своей прямой общественной функции — защиты страны. Большинство знатных владельцев замков сдавали свои крепости без боя, стоило лишь отрядам крестьян и бюргеров появиться под их стенами. Установить власть над страной королю помогли его наемные войска. Кроме того, почти половина уцелевших членов государственного совета либо были церковнослужителями, либо оказались скомпрометированы присягой на верность графу Кристоферу.

Король умело воспользовался создавшимся положением. Двенадцатого августа он арестовал троих епископов под предлогом того, что они отказались предоставить деньги королевским наемникам. В тот же день городские ворота Копенгагена были закрыты. Светские члены совета, находившиеся тогда в столице, были созваны для подписания документа, из которого следовало, что отныне вся власть в королевстве принадлежит королю и светскому государственному совету. В последующие несколько недель государь отобрал в свою пользу все принадлежавшие епископам крепости и имения и арестовал остальных епископов.

В октябре в Копенгагене король собрал всех оставшихся членов совета и, кроме того, созвал сословное собрание (сословный ригсдаг). В него вошли в принципе все взрослые члены дворянских семей королевства, представители торговых городов, а также крестьян из каждого округа. Столь широкое сословное представительство, заседания которого проводились с различной степенью регулярности во многих странах, для Дании было явлением необычайным. Созыв такого собрания означал, с одной стороны, что на повестке дня стояло решение важнейших вопросов, а с другой — что король тем самым обеспечивал себе право апеллировать к представителям иных слоев населения, нежели входившие в такой собственно совещательный орган власти, какой являл собой государственный совет.

Королю удалось добиться многого. По новому манифесту

дворянство утрачивало право поднимать восстание против королевской власти, а государю предоставлялось право избирать наследника при жизни. Прочие пункты манифеста касались положения церкви. Епископальные и монастырские поместья отходили в королевскую казну; должны были быть назначены новые епископы и утвержден новый церковный порядок. Положения последнего были сформулированы в ордонансе 1537 г., провозглашавшем основой церкви догматы лютеранства и устанавливавшим новые правила церковной иерархии. На местах возрастало значение общины (паствы), однако и после проведения реформации бразды правления в лютеранской церкви отнюдь не оказались в руках случайных людей. Напротив, церковная иерархия по-прежнему сохранялась, а право назначать епископов предоставлялось королю. Датская церковь стала по-настоящему государственной церковью, а ее служители — королевскими чиновниками.

В результате Реформации крупных достижений добился институт королевской власти. Правда, в отличие от большинства стран Европы престол Дании по-прежнему не переходил по наследству, однако, своевременно выбрав преемника, датский монарх обеспечивал династическое престолонаследие де-факто. Конфискация имущества церкви гарантировала мощный приток новых доходов в королевскую казну. Церковь не просто перестала быть самостоятельным фактором власти в датском обществе. Более того, церковный аппарат оказался целиком и полностью на королевской службе. Помимо чисто практической пользы, извлекавшейся датскими монархами из данного факта, главным было то, что на протяжении последующих десятилетий и столетий церковь неизменно подтверждала легитимность королевской власти в стране.

Вполне объяснимо, что подобное усиление власти короля вело к ослаблению дворянства в политическом отношении, однако государь старался не провоцировать аристократов. Из состава совета были выведены епископы, однако в остальном он остался без изменений и сохранил по большей части свое политическое влияние. Что же касается экономических и социальных привилегий дворянства, то они были даже расширены.

Церковь и религия после Реформации

Реформация церкви привела не к свободе вероисповедания, а к замене одних религиозных догматов другими. Начиная с 1536 — 1537 гг., король и ведущие деятели Реформации сосредоточили совместные усилия на изменении самой церкви и распространении идей Лютера в народе. Разумеется, монастыри в стране не стали тотчас закрываться, однако процесс этот был поступательным. Епископы лишились имений, однако сами епископские звания и деление на епархии сохранялись, а религиозный надзор епископов за соблюдением священником догм проповеди даже усилился. Епископами стали такие видные реформаторы, как Педер Палладиус, Йорген Йенсен Садолин и — несколько позже — Ханс Таусен.

В герцогствах Шлезвиг и Гольштейн полное проведение реформации заняло больше времени, так как король вынужден был считаться с интересами местного дворянства. В Норвегии процесс реформации также был длительным, ибо, во-первых, она началась не ранее 1536 г., а во-вторых, власть короля здесь была слабее. В последнюю очередь реформация прошла в Исландии: в 1541 — 1542 гг. в южной епархии Скальхольт и только в 1550 г. в северной епархии Холар после подавления здесь вооруженного восстания, во главе которого стоял епископ-католик Йон Арасон.

Реформация внесла серьезные изменения в религиозную жизнь страны. Если раньше община особое внимание уделяла церковным ритуалам и основной упор делался на исповеди, покаянии и благих делах прихожан, то теперь реформистские священники пытались донести до паствы идеи Евангелия, чтобы через них помочь обрести истинную веру, которая одна и ведет к спасению. Отныне все богослужение строилось вокруг проповеди и пения псалмов. Данный процесс сопровождался появлением большого количества изданий религиозного содержания на датском языке: перевода Библии, текстов проповедей, псалтыря. Это способствовало развитию датского письменного литературного языка и его распространению во всех частях датского королевства, в том числе в Норвегии, Исландии и на Фарерских островах.

Реформация высвободила могучие религиозные силы. Отвоевав церковь у папистов, первые лютеране прилагали максимум усилий к

тому, чтобы заключить религиозность народа в жесткие рамки. Проводя частные выездные проверки, епископы пытались постоянно быть в курсе всего происходящего, наставляя пастырей и паству на путь истинной веры, искоренять католичество и рудименты язычества. Помимо этих проверок приходских священников учили и на епархиальных собраниях. Большие старания прилагались и к воспитанию нового поколения лютеранских пасторов, однако поначалу большинство прежних священнослужителей сохраняли свои посты и должны были приспособиться к проповеди новой веры.

Фреска церкви села Брёнс (Южная Ютландия)

Церковь находится в амте Хадерслев, где герцог Кристиан (позже король Кристиан III) провел реформацию уже в 1528 г. Вскоре после этого церковь была украшена фресками ярко выраженного антикатолического содержания, основанными частью на немецкой пропагандистской литературе, частью на изданном в 1531 г. Лютером немецком переводе «Молитвенника». На фреске изображено, как представители католического духовенства, в том числе и сам папа,

пытаются силой проложить себе дорогу в Царствие Небесное, однако Иисус изгоняет их. (Фото: Национальный музей, Копенгаген)

Много сил было затрачено на уничтожение тех моментов католического культа, которые лютеране считали идолопоклонством или же ересью. Отменялось поклонение святым мученикам, упразднялся ряд магических ритуалов, характерных для католицизма. Однако сама религиозная магия как таковая лютеранством не отрицалась. Центральной лютеранской догмой являлся постулат о превращении хлеба и вина на Тайной вечере в плоть и кровь Иисуса. Таким образом, Тайная вечеря считалась не просто символическим, а магическим действием. Лютеране — как пасторы, так и обычные прихожане — считали неоспоримым фактом вмешательство Господа в дела материального мира. Несчастья воспринимались ими в качестве Божьей кары за грехи человеческие, повсеместно властвовал страх перед дьяволом.

Пастыри и их паства были также единомышленны, полагая, что с помощью церковной магии можно предотвратить болезни и несчастья или же получить лучший урожай. Однако они расходились в вопросе о правомерности ее использования. Ведущие богословы считали, что использование магических средств недопустимо, ибо тем самым, по их мнению, изымался бич из рук Божьих. По официальной теологической доктрине человек должен был сам осознать свои грехи и молить Господа о милости, то есть смириться с той судьбой, какой наделил его Создатель. Тем не менее существуют явные свидетельства того, что искоренить обращение к церковной магии в повседневной жизни было невероятно трудно. Многие священники продолжали потихоньку благословлять зерно перед посевом или же использовали воду из крестильной купели в качестве лекарства от болезней.

Если простому народу и было нелегко согласиться с богословами в вопросе о недопустимости использования церковной магии, то борьба, развернутая церковью против черной магии — использования магических сил во вред другим людям, — в общем-то им поддерживалась. В связях с дьяволом ради того, чтобы навлечь несчастья на ближних, подозревали главным образом женщин. Вполне вероятно, что людям гораздо легче было поверить в то, что в их несчастьях виноваты соседи и дьявол, нежели смириться с мыслью, что

это кара Божья, постигшая их за прегрешения. Как бы там ни было, Реформация сопровождалась вспышкой «охоты на ведьм». Вскоре, однако, ей был положен конец при активном вмешательстве правительства, которое до конца XVI в. проводило довольно умеренный курс церковной политики. Не допускались очевидные отклонения от господствовавшей церковной доктрины, однако религиозная дисциплина поддерживалась без привлечения крайних средств.

В начале XVII в. положение изменилось. При поддержке правительства руководство церкви начало интенсивное преследование лиц, обвинявшихся в отклонениях от ортодоксальной лютеранской доктрины вне зависимости от того, были ли они приверженцами католицизма или кальвинизма. Одновременно усилился страх перед колдовством, и по всей стране запылали костры, на которых сжигали «ведьм». Семнадцатое столетие в Дании можно считать эпохой расцвета «охоты на ведьм».

Изменение религиозного курса в стране следует рассматривать на фоне обострения религиозных конфликтов на международной арене. Внутригосударственные церковные противоречия по праву считались одной из серьезнейших угроз целостности страны. К тому же и само правительство — во всяком случае, многие его члены — придерживалось религиозно-мистического мировоззрения. Волна несчастий, обрушившаяся на страну в 20-х годах XVII в., воспринималась, в соответствии с господствовавшей религиозной доктриной, как кара Божья, постигшая Данию за грехи ее граждан, или же как порча, насланная на нее людьми, заключившими союз с дьяволом. Преследование «ведьм», ужесточение законодательства в области взаимоотношений полов, увеличение числа дней покаяния стали, таким образом, неотъемлемой частью политики внутренней безопасности страны.

Глава 8

Ольденбургская монархия в XVI веке

Кристиан III именовал себя «Король Дании и Норвегии, вендов и готов, герцог Шлезвигский, Голштинский, Стормарнский и Дитмаршенский, граф Ольденбургский и Дельменхорстский». Некоторые из этих титулов не имели реального содержания, однако в целом их совокупность правильно отражала длинный ряд владений ольденбургского дома, который позже историки называли «конгломератным государством». В его состав входили различные страны и земли, формально объединял которые лишь один-единственный фактор — фигура короля. Не существовало даже единого названия этой монархии. Следует иметь в виду, что используемый здесь термин «Ольденбургская монархия» появился значительно позже. В описываемые времена, для того чтобы назвать данное государство, либо перечисляли входившие в него части, либо всю их совокупность именовали просто Данией.

Главными составными частями данного государства являлись королевства Дания и Норвегия, а также герцогства Шлезвиг и Гольштейн. До периода Реформации они находились в сложных союзных отношениях друг с другом. Данию и Норвегию объединяли остаточные элементы Кальмарской унии, в которую чисто теоретически — и гораздо реже на практике — до 20-х годов XVI в. входила также и Швеция. Вместе с Норвегией членами унии являлись Исландия и Фарерские острова, а Дании принадлежал Готланд. Кальмарская уния была по сути персональной Унией — союзом двух (или трех) самостоятельных государств, в каждом из которых имелись свои собственные политические институты, законодательство и т. д. Шлезвиг и Гольштейн, напротив, состояли между собой в реальной унии и обладали общими политическими институтами, принципами налогообложения, вооруженными силами и, отчасти, общим законодательством. В свою очередь уния Шлезвига и Гольштейна входила в состав персональной унии и оборонительного союза с Данией (куда Норвегия не входила).

События эпохи Реформации в определенном смысле упростили

данный политический расклад. Знаменитый третий параграф манифеста Кристиана III гласил, что отныне Норвегия является частью Дании наравне с Ютландией, Фюном и Зеландией. Прежде всего это означало упразднение норвежского государственного совета. Поскольку по датскому образцу из его состава исключались епископы, он становился крайне малочисленным и переставал быть государственным советом как таковым, утрачивая свою социальную основу. Полномочия его передавались датскому государственному совету. Тем самым Норвегия теряла суверенитет, и конституционная ситуация значительно упрощалась. Это имело большое значение в связи с выборами короля, ибо в Норвегии с давних пор престол передавался по наследству, и тем самым норвежское право на престолонаследие шло вразрез с правом датского государственного совета избирать короля. Таким образом, между Данией и Норвегией была установлена реальная уния наподобие той, что существовала до этого между герцогствами Шлезвиг и Гольштейн, хотя Норвегия по-прежнему продолжала пользоваться несколько большей самостоятельностью в отношениях с Данией, нежели упомянутые герцогства в отношении друг друга.

Союз между двумя основными образованиями государства — Данией-Норвегией и Шлезвигом-Гольштейном — был по-прежнему не особо тесным. Позже, в 1533 г., он был закреплен договором о создании унии, подписанным, с одной стороны, государственным советом Дании, а с другой — герцогами и советами каждого герцогства. По образцу прежних уний между государствами Скандинавии данный союз предусматривал в первую очередь наличие единой системы обороны и единого верховного правителя.

В действительности новое государство представляло собой гораздо более сплоченное единое целое, чем это предусматривалось конституцией. Существовал не только один верховный правитель — король. Общими были, пусть и весьма скромные, органы центральной администрации; кроме того, доходы из Шлезвига и Гольштейна поступали в королевскую казну в Копенгагене.

Достоверных данных о тогдашней численности народонаселения не существует, однако, опираясь на сведения о количестве крестьян, историки оценивают население Дании к середине XVI в. примерно в 500 — 600 тыс. человек, Шлезвига и Гольштейна — в 300 — 400 тыс. и Норвегии — в 200 — 300 тыс. человек. К этому следует добавить еще

приблизительно 50 — 70 тыс. жителей малых вассальных государств: Исландии, Фарерских островов и Готланда. В последующие 100 лет во всех частях государства наблюдался рост народонаселения, темпы которого были наиболее высокими в Норвегии и наиболее низкими в герцогствах. К середине XVII в., по различным оценкам, численность населения Дании составляла 825 тыс. человек, Норвегии — 450 тыс. и герцогств — 500 тыс. человек. Эти цифры подчеркивают, что собственно в Дании, которая являлась сердцем и властным центром нового государства, проживала всего лишь половина его подданных. Но при этом датские короли выступали одновременно в качестве и герцогов Гольштейна, и королей Норвегии, и государей Исландии и Готланда.

Аграрное общество в XVI в.

К середине XVI в. собственно Дания была аграрной страной. В принципе то же самое можно сказать и обо всей Европе того времени, однако преобладание сельского хозяйства было гораздо ярче выражено в Дании по сравнению с более развитыми европейскими государствами. В сельской местности проживало около 90% жителей страны, большинство которых — полностью или частично — существовало за счет сельского хозяйства. Экспорт собственно из Дании преимущественно состоял из продукции сельского хозяйства и рыбного промысла.

Во второй половине XVII в. обрабатываемые земли составляли половину всех плодородных равнинных площадей датских островов и Восточной Ютландии, третью часть в более лесистых районах и десятую часть в Центральной и Западной Ютландии. На остальных площадях располагались луга, пастбища и вересковые пустоши, и лишь небольшую часть территории страны покрывали леса. В середине XVI в. ситуация мало чем отличалась от описанной, за исключением, пожалуй, того, что пахотных земель было меньше, а лесов больше. Однако и необрабатываемые земли широко использовались сельским населением. Почти все земельные угодья — в том числе леса и вересковые пустоши — могли служить пастбищами для крупного скота, лошадей и овец. Кроме того, именно здесь крестьяне добывали дрова, строительный

материал и сырье для производства изделий из глины, а также деревянной обуви и сельскохозяйственных орудий. Широкое распространение имел и морской промысел. Большая часть крестьянского населения участвовала в сезонном лове рыбы. Однако значимость рыболовства на протяжении XVI в. мало-помалу шла на убыль. Крестьяне все в большей мере сосредотачивали усилия на сельском хозяйстве, предоставив рыбный промысел небольшой группе собственно рыбаков.

Важнейшими отраслями сельского хозяйства в то время являлись производство зерна и животноводство. Зерно потреблялось в первую очередь самими крестьянами, составляя основу их рациона в виде хлеба, каши и пива, а кроме того, продукция датских полей поставлялась дворянам и в торговые города страны. Излишки, направлявшиеся на экспорт, составляли весьма ограниченную часть. Похожее положение вещей существовало и в отношении производства масла, баранины и шерсти. В то же время торговля крупным рогатым скотом была в основном ориентирована на экспорт. Во второй половине XV в. Дания стала одним из основных поставщиков на рынке скота Западной Европы, а в период между 1550 и 1620 гг. датский экспорт скота вырос до уровня 20 — 40 тыс. голов в год, иногда даже превышая данные цифры.

Цены на зерно и крупный рогатый скот в течение XVI и первых десятилетий XVII в. постоянно росли, что обеспечивало Дании и всему Ольденбургскому королевству выгодные условия в меновой торговле с зарубежными странами. Датский скот и зерно позволяли стране закупать все большее количество железа, соли, текстиля, а также пушек для королевского войска и флота. Различные слои датского общества извлекали выгоду из роста цен на сельскохозяйственную продукцию. Доходы распределялись между непосредственными производителями, теми, кому они выплачивали земельную ренту, и перекупщиками-дистрибьютерами, то есть, другими словами, между крестьянами, дворянством, королем и горожанами.

Крестьянское сословие

Основной сельскохозяйственной единицей являлся крестьянский

двор. В королевстве их насчитывалось 75 — 80 тысяч. За ними к 1550 г. было закреплено около 95% всех использовавшихся земель. В XVII в. за типичным крестьянским хозяйством числилось примерно 30 тёнде^[37] пашни, из которых в плодородных областях 20 тёнде, а в Центральной и Западной Ютландии — 10—15 засеивались зерном. Это означает, что большинство хозяйств были достаточно велики, чтобы полностью обеспечивать потребности собственной семьи крестьянина и даже производить некоторые излишки. С другой стороны, такой размер позволял крестьянской семье обрабатывать хозяйство самостоятельно или с привлечением минимального количества работников. По-видимому, в XVI в. многие крестьянские дворы обходились без наемных работников, но в XVII в., судя по всему, нормой стало использование в хозяйстве труда четверых взрослых.

В начале XVI в. низший слой крестьянского сословия в основном еще не сформировался. Количество дворов соотносилось с численностью населения. Однако рост народонаселения в течение XVI — первой половины XVII в. опережал рост численности дворов. Довольно часто в Западной и Северной Ютландии если не формально, то реально крестьянские дворы оказывались поделены, так что хозяйство вели две семьи; в остальных же частях страны помещики по-прежнему следили за тем, чтобы дворы не делились. Те, у кого не было собственного хозяйства, вынуждены были существовать каким-либо иным способом. Так, появилась значительная прослойка хусманов, то есть тех, у кого или вовсе не было земли или ее было настолько мало, что за счет ее использования жить было невозможно. Некоторые из них сводили концы с концами, занимаясь различными ремеслами или рыболовством, но большинство вынуждено было постоянно на определенный отрезок времени наниматься в батраки к богатым соседям. Тем не менее на протяжении XVI — XVII вв. хусманы составляли явное меньшинство крестьянского сословия; в плодородных регионах страны в середине XVII в. на каждые два — три крестьянских двора приходился один дом хусмана, а в прочих областях — и того меньше.

В Западной Ютландии, на Борнхольме и в лесистых областях к востоку от Эресунна многие хозяйства были рассредоточены в виде отдельно стоящих хуторов, однако для остальных частей королевства характерными были деревни с сельскими общинами. Здесь крестьянские

хозяйства и дома хусманов находились поблизости друг от друга. Значение сельской общины состояло в том, что земли отдельного крестьянина были поделены на полосы, распределявшиеся по всему общинному полю, — так называемые пахотные полосы или пашню. Возделывание общинного поля требовало, таким образом, координации совместных усилий всех членов общины. Каждый крестьянин пахал, сеял и собирал урожай со своих частей пашни самостоятельно, однако в сроки, устанавливаемые сообща. Пастбища же, напротив, являлись предметом коллективного пользования в том смысле, что весь скот на них пасся вместе, однако каждый из крестьян мог иметь лишь определенное количество голов скота в зависимости от величины своей доли общего пастбища.

В земельных законах, сохранявшихся со времен позднего средневековья, было много положений, регулировавших деятельность общин. В XVI и XVII столетиях в большом количестве стали появляться уставы или так называемые веды либо правила для каждой отдельной деревни. Они регулировали прежде всего использование природных ресурсов данной местности, однако содержали также положения о помощи соседям в случае смерти, болезни или пожара, а также о порядке оплаты землепользования.

Лишь немногие крестьяне являлись собственниками своих хозяйств — в 50-х годах XVII в. таковых было лишь 6%. Остальные были фестерами — держателями земли дворян, короны либо церковных учреждений. В период с 30-х годов XVI в. по 50-е годы XVII в. дворянство расширило свои земельные владения с 40 до 44%. Король, помимо того что он являлся господином крестьян-собственников, также владел более чем 44% земельных угодий, и еще 6% приходилось на долю церкви.

К середине XVII в. для крестьянина не составляло большой разницы, кто являлся его господином. Арендаторы земли, принадлежавшей разным владельцам, нередко жили вместе. Ежегодно они должны были выплачивать своему хозяину земли определенную сумму — так называемую земельную ренту, а при переходе хозяйства к новому держателю последний должен был внести дополнительную, так называемую вступительную плату либо вторичный держательский взнос. Размер этой дополнительной платы — вступительной платы или вторичного держательского взноса — не был, в отличие от земельной

ренты, величиной фиксированной и являлся предметом договора между заинтересованными сторонами. Кроме того, крестьяне имели еще одну повинность по отношению к собственнику земли — они должны были отрабатывать барщину. В то же время в середине XVI в. барщина пока не играла сколько-нибудь значительной роли. Собственно помещичьи усадьбы — так называемые центральные поместья — были, как правило, невелики, и, кроме того, разброс хозяйств арендаторов мешал помещикам использовать данный вид крестьянской повинности в полном объеме.

Однако взаимоотношения крестьян и землевладельцев менялись. В 1523 г. законодательство Кристиана II, которое, в общем, учитывало интересы крестьян и бюргеров, было упразднено. Спорным является вопрос о том, насколько широко было распространено заключение пожизненных договоров держания земли сразу после этого, однако уже по рецессу 1551 г. крестьянину давалось право оставаться на своей земле в течение жизни при условии соблюдения им своих обязанностей. По всей вероятности, в начале XVII в. фактически стало нормой пожизненное владение крестьянами своими хозяйствами, до тех пор пока они сами не уступали права на хозяйство ввиду преклонного возраста. В некоторых областях страны крестьяне являлись собственниками построек, в то время как земля, на которой они располагались, принадлежала землевладельцам. Это означало, что на практике хозяйства в большинстве случаев передавались по наследству, и передача прав держания двора в равной мере зависела как от наследственных отношений и вступления в брак, так и от воли владельца земли.

Вместе с тем в некоторых отношениях положение крестьянства заметно ухудшилось. В 1523 г. дворяне получили право взыскивать со своих арендаторов все королевские штрафы; они восприняли это как переход к ним полицейской власти, функций приведения в исполнение приговоров, в том числе и физических наказаний. Окончательно это было закреплено в 1536 г. Кроме того, в течение XVI — XVII вв. часть дворянства получила еще и право вершить суд в своих имениях. Так последние превращались в самостоятельные судебные округа, где судья назначался самим помещиком. Это было немаловажно. Ранее для улаживания спорных вопросов крестьяне прибегали к помощи окружных судов, в которых решения нередко принимались в их пользу,

ибо крестьяне в значительной степени сами управляли этими судами. Теперь же судебная практика претерпела значительные изменения в пользу интересов помещиков. В 1608 г. решением Верховного суда страны, членами которого были преимущественно дворяне, за помещиками закреплялось право произвольно увеличивать размер барщины. В последующие десятилетия они не преминули им воспользоваться.

Бог учреждает сословное общество

Рисунок в альбоме епископа Виборгского Франса Росенберга (начало XVII в., Королевская библиотека, Копенгаген). Каждому сословию вручается символ его занятий: дворянину — меч, королю — скипетр, священнику — книга, крестьянину — цеп. Характерно отсутствие на рисунке бюргера — представителя сословия, которое не только не вписывалось в статичную, ориентированную на сельское хозяйство картину сословного общества того времени, но и стало в итоге его разрушителем. Примечательно то, что хотя король и получает божественно узаконенный символ своей власти, он не поднят на более высокую ступень, чем представители прочих сословий, будучи равным им по своему положению в сословном обществе.

Тем не менее вплоть до 1600, а возможно, и до 1625 г. условия существования крестьянского сословия в Дании были достаточно сносными. Размер земельной ренты для арендаторов являлся вполне приемлемым и не превышал уровня, установленного еще в XV в. Помещикам удалось ввести сравнительно немного новых повинностей в свою пользу. Поскольку в целом размер крестьянского хозяйства в Дании превышал величину, необходимую для удовлетворения личных потребностей его держателя, крестьяне могли извлекать кое-какую выгоду из растущих цен. Во многих районах крестьяне занимались не только непосредственным производством, но и торговлей скотом, и там, где это встречалось, налицо было процветание денежной экономики в крестьянском обществе, которое включало в себя и местную кредитную систему.

Постепенно, видимо, усиливалось и внутреннее расслоение крестьянского сословия. Особое положение в нем занимала элита — обладатели наиболее крупных хозяйств, часто занимавшиеся еще и торговлей, а также выполнением ответственных поручений от имени прочих крестьян, помещиков либо королевской власти. Они собирали налоги и земельную ренту с арендаторов в окрестной местности и в известной мере предоставляли кредит своим соседям. И наоборот, рост цен на сельскохозяйственную продукцию и затруднение доступа к природным ресурсам вели к обнищанию по крайней мере части растущего слоя безземельного населения. Наконец, небольшая часть сельского населения страны полностью выпадала из социальной жизни, оказавшись в положении бродяг-люмпенов.

Дворянство

После Реформации датское дворянство представляло собой по европейским меркам чрезвычайно малочисленную и обособленную касту. Уже в предшествующие десятилетия высшая аристократия и епископы сократили количество состоящих у них на службе худародных дворян, а Реформация и вовсе уничтожила потребность церкви в слугах и чиновниках-фогтах из числа мелкого дворянства. Слой высшей аристократии стал еще более замкнутым, нежели ранее.

Манифестом 1523 г. было установлено, что король имеет право возводить в дворянское достоинство лишь с согласия государственного совета, а в 1536 г. — что дети от брака дворянина с женщиной недворянского происхождения не являются дворянами и не вправе наследовать имущество дворянина. Эти решения привели к тому, что многие худородные дворяне и дворянки перестали вступать в брак. В период приблизительно с 1570 по 1650 г. датское дворянство насчитывало всего 1700 — 2000 человек, принадлежавших к 400 — 500 семействам, что составляло 0,2 — 0,3% населения страны. В Европе же нормальной считалась численность дворянства на уровне 1 — 2% состава населения, а в некоторых странах Восточной Европы и в Испании она была даже значительно выше.

Особенность датского дворянства заключалась также и в том, что в отличие от дворянства большинства европейских стран оно состояло преимущественно из помещиков. При этом существовала большая разница между богатыми аристократами, владевшими сотнями дворов арендаторов, и рядовыми дворянами, являвшимися собственниками небольшой помещичьей усадьбы и, возможно, 10 — 25 хозяйств арендаторов. В 30-х годах XVII в. примерно шестая часть датского дворянства относилась к весьма богатым помещикам. Каждый из них владел более чем 1000 тёнде харткорна, что соответствовало примерно 120—150 дворам арендаторов. Чуть меньше половины — относились к состоятельным помещикам (соответственно от 200 до 1000 тёнде харткорна — 30—150 дворов), а остальные две пятых дворян владели менее чем 200 тёнде харткорна. Однако даже беднейшая часть дворянства в социальном плане стояла выше практически всего крестьянского сословия и значительного большинства горожан. Бедное безземельное дворянство, столь распространенное в большинстве стран Европы, в Дании практически полностью отсутствовало.

В то же время датскому дворянству была присуща нехарактерная для дворянства европейских стран внутренняя мобильность. Это объяснялось законом о наследовании, в соответствии с которым переходящие по наследству земли распределялись между всеми детьми. Таким образом, имущество постоянно делилось, и новые состояния возникали за счет заключения браков, ибо женщины также наследовали землю, правда, их доля наследства равнялась половине наследства братьев. Высокая смертность вносила элемент непредсказуемости в

сохранение дворянами своего имущества, несмотря на то что многие пытались перестраховаться, заключая равные в материальном отношении браки. Такие дворянские роды, как Росенкранц, Гюлленстьерне и Билле, на протяжении жизни нескольких поколений продолжали сохранять свои позиции в датской элите, однако процесс перераспределения имущества между основными дворянскими родами Дании был весьма значителен.

Особое по европейским меркам положение датского дворянства и его высокая внутренняя мобильность вели к усилению кастового самосознания знати, которое постоянно ею подчеркивалось. В 1526 г. Фредерик I предписал дворянам принять единые родовые имена, и к этому времени относится возникновение таких знаменитых фамилий, как Росенкранц и Гюлленстьерне, обязанных, кстати, своим происхождением символике на их родовых гербах. Дворянские надгробья на кладбищах являлись в то время ярким свидетельством степени богатства и процветания усопшего, а длинный ряд фамильных гербов предков подчеркивал знатность происхождения.

В экономическом плане вплоть до 1625 г. дворянство в Дании процветало. На руку датским помещикам было то обстоятельство, что в отличие от большинства европейских стран размер налогов крестьян, уплачивавшихся ими в пользу своих господ, изначально устанавливался не в денежном, а в натуральном выражении — в количестве зерна, масла и прочих продуктов. По мере роста цен на сельскохозяйственные товары в течение всего XVI в. неуклонно росли и доходы дворян, несмотря на отсутствие каких-либо изменений в ведении ими экономической деятельности.

Лишь в одном направлении хозяйствования дворянство проявляло заметную активность. В процессе производства скота наблюдалось своего рода сотрудничество между крестьянскими дворами и помещичьими усадьбами. Животные рождались и выращивались в хозяйствах крестьян до трех — четырехлетнего возраста, после чего на одну зиму они попадали на откорм в хлев, находящийся либо в имении помещика, либо в усадьбах тех крестьян, в обязанности которых входило кормление господского скота. Там животные, в отличие от предыдущих лет, получали усиленное питание всю зиму, а по весне их отгоняли на юг нагуливать жир на северогерманских и голландских заливных лугах, с тем чтобы осенью доставить на скотобойню. Дворяне

добились принятия законодательного запрета на откорм покупными кормами. Это было направлено прежде всего против горожан, которые по вполне понятным причинам не могли иметь достаточных запасов фуража для откорма своей скотины. Горожанам также было запрещено закупать скот непосредственно в крестьянских хозяйствах. Тем самым дворянство обеспечивало себе возможно более высокие доходы от такого выгодного дела, каким являлась торговля скотом.

На протяжении всего XVI века помещичьи угодья продолжали оставаться достаточно мелкими, а дворы их арендаторов были сильно рассредоточены. Тем не менее существовали и определенные тенденции к их концентрации вокруг центрального поместья и к расширению помещичьих земель. Фредерик II собрал большую часть разрозненных коронных земель в единое целое, что немедленно повлекло за собой активизацию сделок по обмену земельными владениями. Часть дворянства воспользовалось данной возможностью, для того чтобы четче обозначить границы своих владений; наблюдалось и укрупнение центральных поместий. Однако данные тенденции были еще весьма слабыми, и доходы типичного датского помещика XVI в. складывались прежде всего за счет сбора налогов с крестьянских хозяйств, а также частично за счет прибылей от спекулятивной торговли скотом.

В надгробных речах над телом умершего дворянина кроме его набожности и знатного происхождения обязательно подчеркивалась его служба королю. В принципе практически все дворяне совмещали жизнь помещика с королевской службой, которая легитимировала положение дворянства в стране и его привилегии. В отличие от многих государств датское дворянство по-прежнему обязано было нести воинскую повинность, которая в принципе распространялась на всех представителей этого сословия. В случае войны формировалась дворянская рыцарская конница, в состав которой входило большинство способных носить оружие дворян, а также часть наиболее верных им слуг; дворянин по-прежнему проходил определенный курс воинских искусств. В действительности дворянство уже не являлось решающей силой на поле брани, и до 1650 г. лишь немногие его представители получали собственно военное образование, становясь офицерами. Большинство датских дворян служили по гражданской части, исполняя функции ленсманов, что обеспечивало им реальную власть и влияние. Однако, прежде чем датский дворянин, в случае удачно

складывающейся карьеры, мог рассчитывать на получение в возрасте 30 — 35 лет собственного лена, он, как правило, должен был пройти службу либо при дворе, либо в королевской канцелярии.

Несение гражданской службы в большой степени сказывалось на росте уровня образования и культуры дворянства. До реформации учеба в университете была уделом лишь тех, кто стремился сделать духовную карьеру, тогда как прочие дворяне постигали «премудрости» профессий воинов и администраторов. После 1536 г. у состоятельных дворян вошло в практику направлять сыновей в длительные поездки с целью просвещения и получения образования; подобные путешествия могли продолжаться долгие годы и включать в себя обучение в нескольких зарубежных университетах. Это расширяло общий уровень знаний дворян, прежде всего овладение иностранными языками и различного рода науками. Для большинства это по-прежнему оставалось всего лишь частью общего воспитания, однако некоторые дворяне активно занимались научной деятельностью. Среди последних можно назвать всемирно известного астронома Тихо Браге, государственного канцлера Арильда Витфелта — автора первой крупной «Истории Дании» со времен Саксона Грамматика, а также теолога Хольгера Росенкранца Ученого.

Заграничные путешествия способствовали ознакомлению дворян с современным искусством и более утонченным образом жизни. По возвращении домой неплохие доходы, получаемые от имений и службы ленсманам, вкладывались ими по большей части в строительство для себя новых усадеб. Убогие небольшие родовые помещичьи усадьбы, да, собственно, и крепости, возведенные в эпоху позднего средневековья, разительно отличались от новых замковых построек, в которых ощущалось влияние стиля немецкого и голландского Ренессанса. В отличие от прежних времен теперь уже не церковь, а дворянство стало главным заказчиком У художников и людей искусства. Новые усадьбы украшала резная цветная мебель и фамильные портреты владельцев, а дворянские надгробья в приходских церквях стали еще богаче. Все это означало, что для дворянина стало престижным выделиться из среды себе подобных и остального общества. Это привело к тому, что в начале XVII в. большая часть датского дворянства основательно погрязла в долгах.

Торговые города и бюргерство

В состав датского королевства входило 70 — 80 торговых городов, однако большинство из них не были крупными. К 1640 г. по-настоящему большим городом являлся только Копенгаген, в котором насчитывалось около 25 тыс. жителей. В ряде крупных провинциальных городов, таких, как Мальме, Хельсингёр, Оденсе, Ольборг, Орхус, Раннерс и Риббе, проживало около 4 — 6 тыс. человек в каждом, однако во многих городах число жителей не превышало и тысячи.

Малые города во многом зависели от собственного сельскохозяйственного производства, однако основным занятием горожан при строгой функциональной специализации общества того времени были ремесло и торговля. В датских городах практически полностью отсутствовало производство, ориентированное на крупные рынки. Ремесленное производство традиционно ориентировалось на удовлетворение местных потребностей.

Более заметную роль играла торговля, и в условиях благоприятной конъюнктуры в ряде крупных городов сложилась достаточно солидная прослойка богатого купечества. Дворянство по-прежнему продолжало сохранять значительные привилегии в области торговли, однако оно их почти не использовало, предоставив преимущество торговать купцам. Для крупного купечества большую роль играл экспорт продукции сельскохозяйственного производства и рыболовства. Главным направлением деятельности не только ютландского, фюнского и шлезвигского торгового люда, но и крупных копенгагенских купцов стал экспорт скота.

Положение бюргерства в конце XVI — начале XVII в. можно считать неплохим. Рост экспорта наряду с увеличением спроса со стороны дворянства и крестьян обеспечивал купечеству успех в его деятельности; солидные фахверковые постройки того времени в ряде торговых городов свидетельствуют о процветании их жителей. Наиболее богатые купцы по своему достатку практически сравнялись с дворянами. В политическом же отношении они все еще вынуждены были довольствоваться вторыми ролями.

Политическая система в XVI в.

Историк И.А. Фридерисиа окрестил период с 1536 по 1660 г. периодом «дворянства». В более позднее время специалисты избегали этого термина, предпочитая подчеркивать, что хотя дворянство и являлось в это время влиятельным фактором в жизни общества, однако продолжала усиливаться и королевская власть. Такая система получила название *monarchia mixta* («смешанная монархия»).

Тем самым подчеркивается, что политическая система Дании в послереформационный период покоилась на двух основаниях — власти короля и государственного совета. Характерной чертой обеих являлась преемственность. Кристиан III правил 24 года: с 1535 г. — когда он был провозглашен королем — и вплоть до самой своей кончины в 1559 г. Задолго до смерти он назначил своим преемником старшего сына, Фредерика, который и унаследовал трон без каких-либо особых проблем. К моменту смерти Фредерика II в 1588 г. престолонаследник Кристиан (IV) также был уже давно назначен, однако в то время будущему монарху было всего десять лет. Тем не менее о стабильности политической системы свидетельствует тот факт, что властные полномочия — без изменения конституционно-правового баланса — на какое-то время перешли к четырем регентам, членам государственного совета — королевским опекунам. Вслед за этим король Кристиан IV активно правил страной более 51 года вплоть до самой смерти в 1648 г.

Государственный совет и органы центральной администрации

По европейским меркам датская конституционно-правовая система была явлением необычным. Наряду с королем, вторым органом центральной политической власти в стране являлся аристократический государственный совет, в то время как широкие сословные собрания, столь распространенные в прочих странах, являлись в Дании редкостью.

В ходе реформации произошло сокращение численности государственного совета. В 1533 г. в него входило 50 человек, в 1536-м — только девятнадцать. Такой уменьшенный состав стал нормой, и вплоть до 1660 г. в его составе постоянно было около 20 дворян (но их количество постоянно менялось). Члены совета одновременно являлись и королевскими советниками, избранными самим монархом, и

представителями различных частей королевства при дворе. В течение долгого времени подобная двойственность не имела решающего значения, ибо оба властных центра прекрасно сотрудничали и ладили между собой. Однако во времена правления Кристиана IV ситуация изменилась и стала более конфликтной.

В конституционно-правовом плане взаимоотношения государственного совета и короля были достаточно сложными. Совет имел право избирать короля, тогда как сами его члены назначались именно королем. На практике последний был обязан учитывать, чтобы в совете имело представительство дворянство всех частей страны, и его члены отбирались государем в основном из числа наиболее видных представителей аристократии. Как правило, членами совета становились люди более богатые, образованные, обладавшие лучшим административным опытом и более широкими родственными связями с бывшими и нынешними членами этой организации, нежели основная масса дворянства. И тем не менее обладание всеми этими качествами еще не означало автоматического назначения. Почти никто не мог с уверенностью рассчитывать на место в совете. В его составе постоянно присутствовали отдельные представители менее богатых и имеющих более скромные политические традиции родов.

Обычно назначение членом совета государственного являлось пожизненным. Отдельные его члены, правда, лишались своих постов, однако за период между 1536 и 1660 гг. это случалось менее десяти раз, к тому же половина отставок произошла во время Северной Семилетней войны.

Государственный совет обладал значительной властью. В соответствии с манифестами за ним закреплялось право избирать короля, вводить налоги, принимать участие в обсуждении вопросов, касающихся войны и мира; кроме того, совместно с государем совет образовывал верховный суд страны — королевский реттертинг, который собирался раз в год в так называемые дни заседания Верховного суда (херредаги). По манифесту Фредерика I совету к тому же предоставлялось право наряду с королем оказывать общее влияние на законодательный процесс. В манифесте Кристиана III данный пункт отсутствовал, однако на практике все крупные законы принимались монархом совместно с государственным советом. Во времена Кристиана III наблюдался расцвет законодательной деятельности, и многие

заседания Верховного суда оканчивались принятием целых комплексов законов, так называемых рецессов. Большинство подобных установлений собрано в коллингском рецессе 1558 г.

Серьезным моментом, ограничивавшим влияние государственного совета, однако, являлся тот факт, что на свои заседания он собирался лишь один — два раза за год в общей сложности на несколько недель. Повседневное политическое руководство страной осуществлял король, пользовавшийся на практике широкой свободой действий.

В окружении государя были также один либо несколько так называемых королевских чиновников. В принципе главным из них был королевский гофмейстер, в чьем ведении среди прочего находилось управление государственными финансами и флотом, однако пост этот оставался вакантным на протяжении длительных промежутков времени. Предводителем дворянского войска являлся маршал, который выступал своего рода доверенным лицом дворянства страны, однако и эта должность зачастую пустовала. Пост канцлера, напротив, обычно бывал занят, он наряду с королем осуществлял повседневное руководство страной. Долгое пребывание в этой должности Йохана Фрииса (1534—1570), Нильса Коса (1570—1594), Кристена Фрииса(-Боребю) (1596—1616), Кристена Фрииса(-Крагерупа) (1616-1639) и Кристена Томесена Сеестеда (1640-1657) сделало их центральными фигурами в политической жизни страны того времени.

В послереформационный период сложились, пусть в весьма ограниченном объеме, и органы собственно центральной администрации. Сердцем ее была канцелярия, или — как она стала называться позже — Датская канцелярия. В ее компетенцию входили переписка на датском языке и разбор гражданских дел в Дании и Норвегии, а также вопросы взаимоотношений со Швецией. Фредерик I, кроме того, перевез с собой из герцогства Готторп в Копенгаген и свою собственную канцелярию, которая вела дела на немецком языке и поэтому получила название Немецкой канцелярии. В ее компетенцию входили дела герцогств, а также большая часть внешней политики страны. Казначейство занималось управлением финансами государства на центральном уровне. Формально оно считалось отделением Датской канцелярии, однако на деле было вполне самостоятельным. Во главе Датской канцелярии стоял канцлер, а штат ее состоял из молодых секретарей дворянского происхождения. Казначейство возглавлял

главный казначей — также представитель аристократии, однако остальные служащие были простыми бюргерами. В штат Немецкой канцелярии входили бюргеры-немцы. Это говорит о том, что контроль дворянства над внутренней политикой был жестче, чем контроль над финансами и внешней политикой. Такая сравнительно высокая, по сравнению с другими странами, степень участия дворян в органах центральной администрации представляется достаточно необычным явлением.

Органы местной администрации и правосудия

На региональном уровне управленческие функции осуществляли ленсманы. Обычно историки различают два вида ленов, которые со временем получили название главных и малых. В состав главного лена входили один или несколько округов, а центром его являлся королевский дворец, тогда как малый лен состоял исключительно из поместий. Имуществом короны в обоих типах ленов управлял ленсман. В главном лене ленсман являлся также высшей инстанцией исполнительной власти на всей территории лена, истолковывал законы и следил за их соблюдением, назначал местных чиновников, осуществлял полицейские функции и сбор налогов. Кроме того, он был и высшей военной властью, являясь управляющим главного дворца лена и предводителем тех воинских частей, которые лен обязан был поставлять для королевского войска.

Таким образом, ленсман был своего рода главным управляющим, который нес полную ответственность за свою территорию и самостоятельно нанимал на работу и оплачивал труд того персонала, который был ему необходим. Поначалу во многих областях к ленсману поступали все доходы, и он отчислял в пользу короля определенную фиксированную сумму. Со временем большинство ленов стали расчетными, и ленсман за свою работу получал определенную плату плюс проценты от так называемых нефиксированных доходов. Как бы то ни было, но значительная часть валового дохода лена оседала в кармане ленсмана или шла на нужды управления леном; к 1600 г. она составляла от трети до половины совокупных доходов лена.

К середине XVI столетия в стране было около 70 главных и 280

малых ленов. Столь большая их численность объясняется тем, что к прежним королевским ленам прибавились епископские и монастырские владения, некоторые из которых стали самостоятельными ленами. Это означало, что почти половина взрослых мужчин дворянского происхождения могла обзавестись собственным леном. В течение рассматриваемого периода времени лены постепенно сливались, в результате чего количество их уменьшалось, а размеры увеличивались, и к 1596 г. их оставалось примерно сто тридцать. В основном исчезали малые лены.

В сельской местности система правосудия строилась преимущественно на основе окружных собраний (херредстингов). При отдельных поместьях существовали свои биркетинги. Херредстинг возглавлял окружной староста — херредсфогт, как правило назначавшийся ленсманом из числа крестьян-собственников. Исполнение вспомогательных функций также возлагалось на крестьян-собственников. Главными помощниками судьи были так называемые стокеманы, призванные засвидетельствовать происходящее событие. Большинство дел, разбиравшихся херредстингами, касалось долгов и собственности, в связи с чем суд являлся органом, улаживавшим конфликты в среде местного населения. Апелляционную жалобу на решение херредстинга можно было подать как в земельный суд (ландстинг), так и в Верховный суд страны — реттертинг, в состав которого входили король и государственный совет. В ряде дел в отношении дворян реттертинг являлся судом первой инстанции.

Государственные финансы

Несмотря на начавшееся формирование органов центральной администрации, государственный аппарат по-прежнему оставался небольшим. Одной из главных его ветвей была церковь. Подобно органам местной администрации, построение ее структуры, а также ее финансирование осуществлялись децентрализованно.

На уровне центра государственный сектор составляли главным образом королевский двор, весьма немногочисленные органы центральной администрации и флот. В начале XVII в. их содержание обходилось приблизительно в четверть миллиона ригсдалеров в год.

Средства эти формировались за счет так называемых домениальных доходов, то есть доходов от владений короны, а также за счет таможенных сборов. В начале XVII в. доходы от королевских имений приносили — после выплат в пользу ленсманов — 200 тыс. ригсдалеров чистой прибыли в год, различные таможенные сборы — 60 тыс., а Эресуннская таможенная пошлина — около 150 тыс. ригсдалеров ежегодно. К этому следует добавить доходы, поступавшие из Норвегии, а также от королевских владений в герцогствах.

Таким образом, с середины XVI столетия и до 1625 г. король Дании жил, подобно другим монархам периода позднего средневековья, по стандарту того времени, то есть за счет домениальных доходов или за счет «своего собственного», как это тогда называли. Поэтому Данию в период между 1536 и 1625 гг. можно считать ярко выраженным домениальным государством.

Столь выгодное соотношение между домениальными доходами и расходами государства, шедшими на содержание центральных органов власти, было явлением уникальным как в истории страны, так и в сравнении с прочими государствами того времени. Объяснением этому, кроме низкого уровня расходов, служили как отчуждение в пользу короны имущества церкви, что делало датского короля хозяином более чем половины земельных угодий страны, так и особая статья доходов, каковой была Эресуннская таможенная пошлина. Оба эти обстоятельства обеспечивали устойчивый баланс между расходами и совокупными доходами государства. На практике же именно средства, получавшиеся от эресуннской таможни, позволили Фредерику II и Кристиану IV не только создать значительные запасы в королевской казне, но и возвести такие роскошные замки, как Кронборг и Фредриксборг.

Право монарха на владение домениальными землями и доходами от них было столь же незыблемым, как право дворян на владение доходами от своих поместий. Указанные средства год за годом стекались в королевскую казну. Кроме того, государь имел возможность собирать налоги. В принципе ими облагались все крестьяне, в том числе и на дворянских землях, однако на назначение налога требовалось разрешение государственного совета. В то время данные налоги назывались экстраординарными и собиравшихся с целью финансирования войн, которые вел король. Однако, как правило,

налогов, собираемых в военное время, не хватало, поэтому их продолжали взимать и по окончании военных действий, для того чтобы ликвидировать дефицит государственной казны.

Норвегия и провинции

В Норвегии общество в определенном смысле являлось еще более крестьянским, чем датское. По всей стране было всего девять городов, из которых к реально значимым относились лишь Берген, Тронхейм и Осло. Поэтому по меньшей мере 95% населения страны проживало в сельской местности. Однако обработка полей играла в Норвегии довольно незначительную роль, и страна находилось в сильной зависимости от импорта зерна, включая даже и некоторые сельскохозяйственные районы. Важнейшей отраслью сельского хозяйства являлось животноводство, однако в Норвегии деревенское население в гораздо большей степени, чем в Дании, зависело от использования таких природных ресурсов, как леса, горы и фьорды. Во многих областях страны рыболовство являлось основным способом добычи пропитания. В середине XVI столетия в экономическом плане значение Норвегии было весьма ограниченным. Важнейшую статью экспорта составляла продукция рыбного промысла.

Норвежское общество в значительной мере отличалось от европейских стандартов тем, что роль помещиков и дворян в нем была весьма незначительной. От 80 до 100 дворянских семей владели примерно восьмой частью земельных угодий страны, но, поскольку земля в Норвегии представляла меньшую ценность, чем в Дании, в среднем они были беднее датской аристократии. Третью часть крестьянства составляли самостоятельные хозяева, а половину — фестеры, держатели коронных земель. Подавляющее большинство норвежских крестьян не знали над собой иных господ, кроме короля и его чиновников. И все же расслоение в среде норвежского крестьянства было весьма заметным, и наравне с мелкими крестьянами существовали и крупные.

После роспуска в 1536 г. норвежского государственного совета Норвегия в политическом отношении лишилась самостоятельного представительства в государстве. Решение важнейших вопросов

находилось в компетенции короля и датского государственного совета; органы центральной администрации в Копенгагене занимались также вопросами, связанными с Норвегией. Тем не менее в отношении данной части королевства действовало особое законодательство, и были сформированы особые — норвежские — органы власти, в том числе введен пост канцлера, который возглавлял местные органы судебной власти, а в 1572 г. — пост наместника Норвегии, выполнявшего функции своего рода промежуточного звена между органами норвежской администрации и Копенгагеном.

Норвежская ленная система строилась приблизительно на тех же принципах, что и датская. Во главе наиболее крупных ленов обычно стояли датские дворяне, в то время как многими мелкими управляли представители местной знати. Однако в общем и целом норвежское дворянство имело меньшее количество ленов, нежели датское, и земли в Норвегии не были столь плодородными. Равным же образом ему принадлежало гораздо меньшее количество поместий, да и размеры их были значительно меньшими.

В середине XVI столетия доходы, поступающие в королевскую казну из Норвегии, были весьма ограниченными. Общая сумма средств, поставлявшихся норвежскими ленами, равнялась всего лишь шестой части того, что приносили лены Дании. Невелики были и доходы от таможи, а налоги взимались крайне редко. В первой половине XVII в. картина изменилась. Таможенные доходы резко возросли, а сбор налогов давал все больше и больше средств. Постепенно Норвегия стала приобретать большее значение для королевства и датского монарха.

Исландия, Фарерские острова и Готланд были полностью крестьянскими провинциями; собственно дворянство там отсутствовало, равно как и города — за одним-единственным исключением (на Готланде). Элиту общества в этих трех островных частях королевства составляли крупные местные крестьяне, которые — в особенности в Исландии и на Готланде — могли владеть несколькими хозяйствами, являясь на практике землевладельцами, хотя и не имея при этом дворянского титула. Власть на местном уровне была в основном сосредоточена в руках самостоятельных крестьян, однако верховной властью все же обладал король, действовавший через своих представителей — ленсманов.

Герцогства

К середине XVI в. герцогства Шлезвиг и Гольштейн были второй по численности населения частью Ольденбургской монархии. При этом уровень их экономического развития был самым высоким в государстве. Города здесь были заметно крупнее, чем в прочих частях королевства, а сельское хозяйство существенно более развито, чем в Дании. Кроме производства зерна и скота в герцогствах широко распространено было также и молочное хозяйство.

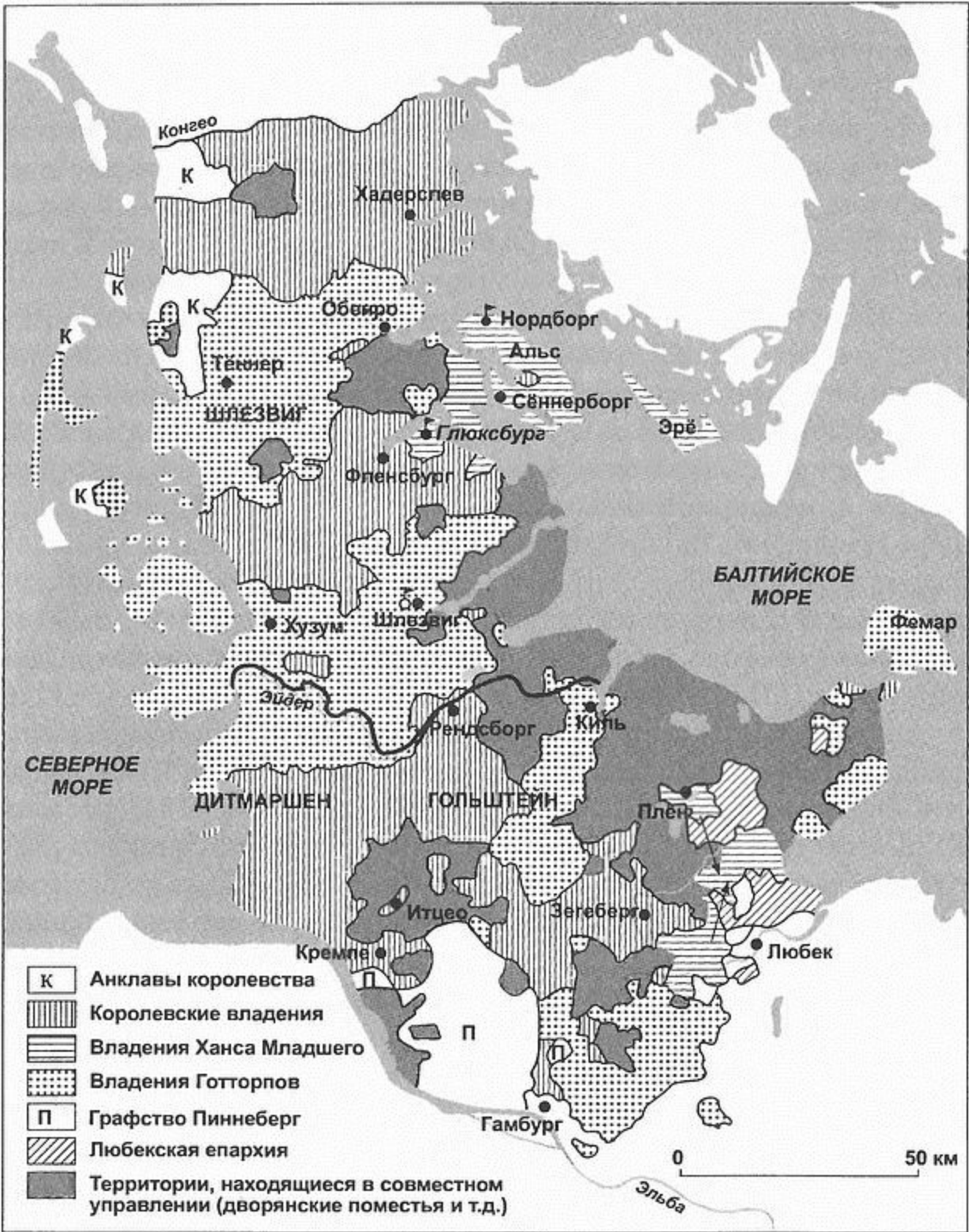
Тем не менее на территории герцогств существовали большие региональные различия. В большинстве болотистых местностей сложилось чисто крестьянское общество при полном отсутствии дворян-помещиков, однако само крестьянство было сильно дифференцировано. Экономика отличалась здесь высоким уровнем развития, основной акцент был сделан на животноводстве. В центральных и северных областях преобладающей группой населения также являлись самостоятельные крестьяне либо непосредственно арендаторы герцогских земель.

Дворянство герцогств владело довольно небольшой частью хозяйств — всего около четверти их общего количества. В основном они были сосредоточены в восточных районах, где с середины XVI до середины XVII в. существовала помещичья система восточногерманского типа — с обширными господскими полями, барщиной и крепостным правом, пожизненно приковывавшим крестьян к земле.

Именно эти восточные области являлись очагами формирования шлезвиг-гольштинского рыцарства, представлявшего собой строго ограниченную касту дворян, пользовавшихся, как и датская аристократия, обширными привилегиями. Здесь их власть над крестьянами была еще большей, нежели в Дании. Так, почти все поместья в герцогствах являлись самостоятельными судебными округами с судьями, которых назначали помещики; округа эти подчинялись напрямую центральным властям, а не местным амт-манам — аналогам датских ленсманов.

Политическая ситуация в герцогствах была более сложной, чем в прочих частях королевства. В 1536 г. она несколько напоминала ситуацию, сложившуюся собственно в Дании. Наряду с королем

Кристианом III, являвшимся также герцогом Шлезвига и Гольштейна, власть здесь принадлежала, как и в Дании, совету дворян, однако, кроме того, относительно регулярно в герцогствах собирался на заседания ландтаг — сословное собрание, куда приглашались все дворяне, а также представители городов и оставшихся религиозных институтов. Основной функцией ландтагов было принесение присяги на верность новому герцогу и назначение налогов; кроме того, здесь же принимались и важнейшие законы. Поэтому во многом ландтаг являлся не менее важным представительским органом, чем дворянский совет.

Герцогства после раздела 1581 г.

В 1544 г. территория герцогств была поделена между Кристианом III и его братьями — Хансом (Старшим) и Адольфом. Этот раздел стал повторением раздела 1490 г., утратившего силу с приходом на датский престол Фредерика I. Механизм его был основан на тех принципах, что уже давно были выработаны в германских княжествах, рассматривавшихся их владельцами в качестве своих родовых имений, которые могут и должны передаваться по наследству и делиться по числу наследников. На самом же деле разделу подверглись лишь владения короны (с причислявшимися к ним крестьянами-собственниками). Таким образом, владения трех герцогов распространялись по всем областям, принадлежавшим ранее короне, и были расположены попеременно. Важнейшие политические вопросы решались совместно тремя правителями, советом и ландтагом.

В 1559 г. правившие данной частью королевства три герцога объединенными усилиями захватили небольшую крестьянскую республику Дитмаршен, территория которой впоследствии была поделена.

В 1564 г. королевские владения подверглись дальнейшему разделу, в результате которого младший брат Фредерика II, Ханс (Младший), получил треть той третьей части прежних имений короны, которыми на тот момент владел король. Дворянство, однако, отказалось признать его в качестве правящего герцога. Таким образом, фактически он являлся лишь крупным помещиком. Один из правителей — герцог Ханс (Старший) умер бездетным в 1580 г., и его часть владений была разделена между королем, герцогом Адольфом Готторпским и Хансом (Младшим) в той пропорции, в какой находились их прежние владения на территории обоих герцогств. После смерти в 1622 г. Ханса (Младшего) его владения были поделены на пять мелких герцогств: Сённерборг, Нордборг, Глюксбург, Эре и Плен, из которых Эре оставалось отдельным герцогством лишь до 1633 г.

Позже территории герцогств подверглись дальнейшему разделу на владения Готторпов, короля, ряд мелких герцогств и дворянских имений. Таким образом, из всех частей Ольденбургской монархии герцогства обладали наиболее сложной политической географией, и наравне с собственно Данией дворянское представительство в них являлось наиболее развитым.

Несмотря на многочисленные разделы, Шлезвиг и Гольштейн

являлись такой же домениальной частью государства, как Дания и Норвегия. Разные герцоги получали доходы от имений, расположенных в их ленах, которые здесь именовались амтами, а налоги, как в датском королевстве, устанавливались прежде всего в связи с ведением войны. На практике до 1625 г. число налогов, собиравшихся в герцогствах, было сравнительно невелико.

Глава 9

Войны со Швецией

Период от Реформации до начала XVIII в. отличался непрекращавшимся соперничеством европейских государств. В результате многие государственные образования выходили из прежних союзов и постепенно — насильственно либо добровольно — отодвигались на второй и даже третий план, в то время как некоторые великие державы укрепляли свои позиции.

Этот процесс не оставил в стороне датско-норвежское королевство и Швецию, которые если и не опережали, то уж по крайней мере не отставали от остальных. Долгое время эти страны являлись главными противниками, и столкновение датско-шведских интересов вылилось в постоянный конфликт, развивавшийся одновременно с войнами и соперничеством между великими европейскими державами в период с середины XVI в. и на протяжении всего XVII столетия. С 1563 по 1720 г. эти два скандинавских королевства восемь раз воевали друг с другом, причем общая продолжительность войн составила около 30 лет. На европейском фоне те войны, в которых участвовало датско-норвежское королевство, были сравнительно краткими, однако интенсивными.

Эпоха унии и войн, которые велись в то время, сменилась периодом конфронтации со Швецией. Когда в 1563 г. разразилась война между датско-норвежским королевством и Швецией, обстановка была уже совсем иной, чем прежде. Датские короли продолжали выдвигать требование о признании их законными монархами Швеции, однако после правления Кристиана II эти притязания не встречали понимания ни у одного из шведских сословий. Теперь уже никто из представителей высшей аристократии страны не встречал датское войско с распростертыми объятиями, сдавая ему свои крепости без боя. Реформация уничтожила могущество аристократов и епископов; в то же время в ее ходе в государствах, расположенных по обе стороны границы, проходившей по линии Сконе — Смоланд, имело место усиление абсолютистских тенденций. Это может служить главным

объяснением того факта, что ни одному из королей Дании больше не удалось овладеть Стокгольмом.

Время правления Кристиана III было своего рода переходным периодом между эпохами унии и войн со Швецией. В эти первые десятилетия после Реформации крупной внешнеполитической проблемой для Дании стали взаимоотношения с императором Карлом V, самым могущественным из христианских монархов Европы. Фигура Кристиана III являлась для императора серьезным вызовом сразу по двум причинам: во-первых, из-за проводившейся им Реформации и, во-вторых, поскольку император приходился тестем свергнутому королю Кристиану II. Главную опасность в области внешней политики представляли для датского монарха фигура императора и католики. К счастью, император был далеко, да он и не считал взаимоотношения с Данией своей приоритетной задачей. В 1544 г. стороны заключили мирный договор. Однако по-настоящему угроза с юга исчезла лишь в 50-х годах XVI столетия. По Аугсбургскому миру 1555 г. каждый германский правитель пользовался правом самостоятельно решать церковные проблемы своего государства. Такое право в отношении Гольштейна получили и Кристиан III с братьями. Кроме того, раздел владений Габсбургов в 1556 г. означал уменьшение могущества императора, сводя его власть к влиянию обычного центральноевропейского монарха средней руки, не представлявшего теперь серьезной угрозы для Дании. Северная Германия оставалась расколотовой на множество государств, каждое из которых было меньше Ольденбургского королевства, Ганзейский союз уже перестал быть властным фактором международной политики, а Россия еще не имела выхода к Балтийскому морю и в военном отношении была слабее своих западных соседей. Единственным серьезным конкурентом Дании в балтийском регионе была Швеция, которая, подобно Дании, превратилась в довольно сильную лютеранскую монархию. С годами западные морские державы, Голландия и Англия, имевшие собственные торговые интересы на Балтике, смогли в значительной мере ограничить торговые возможности Скандинавских стран на Балтийском море, однако в то время они были на это еще не способны. Швеция и Ольденбургское королевство являлись здесь главными действующими лицами.

Первые войны со Швецией

В 1559 и 1560 гг. сменились короли в обоих государствах, после чего во взаимоотношениях между ними наметились первые признаки приближающейся войны. Интересы их сталкивались в районе Северного Калотта^[38], а также на Балтике, где Фредерик II сделал своего младшего брата Магнуса князем-епископом на острове Эзель (Сааремаа), в то время как шведы в 1561 г. закрепили за собой всю материковую часть Эстляндии.

В 1563 г. с объявления Данией войны Швеции началась Северная семилетняя война. Теоретически исходные позиции Дании выглядели предпочтительнее. Ольденбургское королевство превосходило противника по численности населения и экономическому развитию. С территорий Норвегии, эстляндских провинций и островов в Балтийском море можно было легко отрезать Швецию от выхода к морю и тем самым изолировать ее от внешнего мира. И наконец, Дания нашла себе союзников в лице России, Любека и Польши.

Крупное наемное войско датского короля сосредоточилось в Сконе, однако боевые действия не принесли датчанам сколько-нибудь заметных результатов. Правда, в течение 1563 г. им удалось захватить Эльвсборгскую крепость и тем самым отрезать Швеции прямой выход к морю на западе, однако затем датская армия остановилась на зимовку. Уже тогда возникавшие у датского короля трудности с деньгами на содержание столь многочисленного войска заставили его распустить часть наемной армии. Все последующие военные годы датское правительство постоянно испытывало нехватку средств, и поэтому боевые действия временами протекали крайне вяло. Шведы нанесли ряд ответных ударов в Норвегии, Сконе, Халланде и Блекинге, которые, однако, в основном сводились к разбою и грабежам. Захват ими норвежских пограничных провинций и крепости Варберг длился недолго. Наступление датских войск в Вестергётланде в 1566 г. и еще более значительное их продвижение в Эстергётланде зимой 1567/68 г. под командованием Даниэля Рантцау с военной точки зрения были операциями впечатляющими, однако результатом их явилось лишь разорение шведских крестьянских хозяйств и городов. На море военное счастье также сопутствовало то одной, то другой стороне, однако в общем и целом дела у шведов шли лучше. В 1566 г. датский флот

постигла серьезная катастрофа — значительная часть кораблей затонула во время сильного шторма.

В последние годы войны Дания оказалась измотанной, однако выйти из войны было непросто. Только в 1570 г. удалось заключить мир в Штеттине. Дания получила выкуп в размере 150 тыс. ригсдалеров за возврат Швеции Эльвсборга — мелочь по сравнению с тем, во что обошлась стране вся война. Кроме того, Дания сумела оставить за собой остров Эзель, тогда как прилежавшая к нему материковая территория, равно как и остальная часть Эстляндии, удерживалась Швецией. Возможно, Дании и удалось достичь определенного военного превосходства, однако это не принесло значительных плодов. Длительная война явилась для страны более тяжким бременем, чем для Швеции.

На протяжении последующих 40 лет политика правительств обеих стран в отношении друг друга была различной. В период между 1570 и 1611 гг. Дания не принимала участия в войнах: по-видимому, завоевание Швеции представлялось ей делом нереальным, к тому же датское правительство было вполне удовлетворено положением, которое занимала страна. Даже продолжавшиеся стычки со Швецией в Балтийском море и Северном Калотте не переросли в войну. Фредерик II вплоть до своей смерти в 1588 г. твердо придерживался политики мира. Его сыну Кристиану IV, заранее назначенному им наследником, ко времени вступления на престол исполнилось всего десять лет, поэтому при нем было учреждено дворянское регентство, которое столь же последовательно отстаивало мир. Швеция же вразрез со Штеттинским миром 1570 г. по-прежнему удерживала Эстляндию и в последующие годы продолжала проводить экспансионистскую политику в восточной части Балтийского моря, расширяя свои владения в Эстляндии и Финляндии.

Скандинавия в период Семилетней войны (1563-1570)

Кальмарская война 1611 — 1613 гг. имела схожие черты с Северной семилетней войной, однако теперь превосходство Дании было несколько более ощутимым. В первый военный год главные боевые действия разворачивались вокруг шведской пограничной крепости Кальмар, которая к осени была занята датчанами. В 1612 г. датские войска захватили также и Эльвсборг, однако развить успех им не удалось. Спланированное наступление в Центральной Швеции оказалось безрезультатным, да и сами шведы не добились ничего, кроме захвата малонаселенных норвежских провинций Херьедален и Емтланд. Между тем в отличие от Семилетней войны воюющие стороны воздерживались от откровенных грабежей; вскоре же был заключен мир, прежде всего поскольку шведское правительство также желало этого. Кристиану IV удалось добиться своего признания в качестве верховного правителя всего побережья Северного Калотта, а также выплаты крупной военной контрибуции в 1 млн. ригсдалеров в качестве выкупа за Эльвсборг. Шведский король собрал назначенную сумму, учредив дополнительные налоги, и в 1619 г. Эльвсборг был возвращен Швеции.

После Кальмарской войны Швеция вновь обратила свое внимание на восток. Военная мощь страны возрастала год от года, и победы, одержанные над Россией и Польшей, со временем позволили ей контролировать большую часть Балтики. Доходы от пошлин, которые получал шведский король из балтийских торговых портов, были сопоставимы с доходами от Эресуннской пошлины. Мало-помалу Швеция начала превращаться в великую державу.

Тридцатилетняя война

Кристиан IV с растущим беспокойством наблюдал за успехами шведов. Однако изменение расстановки сил и создание новых границ в Скандинавии не явились только результатом датско-шведского противостояния на ставших уже традиционными фронтах, — важнее оказались проблемы большой политики европейских стран, в решение которых на этот раз были втянуты оба Скандинавских государства.

В начале XVII в. взаимоотношения католиков и протестантов в Германской империи по-прежнему оставались весьма напряженными. В 1618 г. чехи, в большинстве своем протестанты, подняли восстание против своего государя, венского императора^[39] — убежденного католика. Вместо него они провозгласили своим королем протестанта — Фридриха, курфюрста Пфальца. Однако силы католиков имели явный перевес. Они покорили Богемию, захватили Пфальц и стали добиваться того, чтобы и другие территории вернулись в лоно католической церкви. Это грозило нарушить баланс сил не только в Германии, но и во всей Европе.

Будучи сам одним из протестантских государей Германии, Кристиан IV видел для себя непосредственную угрозу в растущей мощи императора и католиков. Однако вплоть до 1624 г. усилия короля были направлены главным образом на утверждение своих юных сыновей князьями-епископами в различных областях Северной Германии. В 1623—1624 гг. оба его сына получили по немецкому княжеству, сохранив еще на три неплохие виды. Тем самым королю удалось обеспечить сыновей материально, усилив при этом свои стратегические позиции. Император, не желая войны с королем Дании, вынужден был согласиться на подобный расклад. Вместе с тем в свете растущей угрозы со стороны католиков Голландия и Англия предложили Дании крупные суммы денег, в случае если Кристиан вступит в войну с императором и католиками. Государственный совет встретил данные предложения однозначным отказом, сославшись на то, что союзники ненадежны, да и Швеция легко могла атаковать страну с тыла. Однако король, опасаясь, что Швеция может принять на себя роль защитника протестантизма вместо Дании, все же вступил в войну — в качестве герцога Гольштейна. Это положило начало той части Тридцатилетней войны, которую в международной историографии именуют датской фазой, а в Дании — Цесарской войной (войной с императором).

Кристиану IV удалось набрать войско, сопоставимое с армией католиков. Однако вскоре выяснилось, что на военную и экономическую помощь союзников рассчитывать не приходится. Одновременно с этим богемский магнат Валленштейн за свой счет снарядил армию, выступившую на стороне императора. Так Кристиан оказался перед лицом противника, имевшего значительное превосходство, однако выйти из войны он уже не мог.

В 1626 г. объединенное войско католиков под командованием генерала Тилли разбило армию Кристиана IV в битве при Луттере на Баренберге близ Гарца. В 1627 г. императорское войско под командованием Валленштейна продвинулось на север и захватило сначала герцогства Шлезвиг и Гольштейн, а затем и весь полуостров Ютландия. Практически каждый третий подданный датского короля оказался на территории, занятой иностранными войсками. Под властью захватчиков они страдали от насилия и грабежей, однако прежде всего от размещения на их территории иностранных войск и сбора так называемой контрибуции — огромных дополнительных налогов, которые следовало выплачивать ежемесячно. Это служило для Валленштейна источником финансирования боевых действий его армии.

Несмотря на оккупацию Ютландии, в распоряжении Кристиана IV продолжали оставаться значительные ресурсы принадлежавших Дании островов, земли Сконе и Норвегии, а флот обеспечивал ему господство над датскими проливами. Поскольку император также был заинтересован в скорейшем высвобождении своих войск, не без оснований опасаясь нападения со стороны шведов, в 1629 г. был заключен мирный договор. Согласно ему, Кристиан был вынужден дать обещание впредь не вмешиваться в германские дела; кроме того, принадлежавшая его сыну епархия отходила в пользу императора. В целом же король Дании вышел из этой войны без каких-либо территориальных потерь.

Цесарская война явилась болезненным уроком для короля и серьезным ударом по его международному престижу. В последующие годы он прилагал значительные усилия по восстановлению Данией утраченных позиций. В Северной Германии ему удалось оставить за своим вторым сыном княжества — епархии Бремен и Верден, и тот начал собирать пошлину за проход по Эльбе. Одновременно с этим страна укреплялась в военном отношении. Тем не менее датская армия по-прежнему не могла сравниться со шведской, ставшей к тому времени одной из самых многочисленных и сильных в Европе. Хотя государственный совет и сословия выделяли королю значительные суммы, собранные за счет налогов, Кристиан IV считал их недостаточными, как и предоставляемую ему свободу действий. В связи с этим он значительно повысил Эресуннскую пошлину, ибо данный

вопрос находился вне компетенции государственного совета. Данный шаг имел роковые последствия, поскольку сделал Нидерланды врагом короля.

Однако наиболее заметные изменения в 1626—1643 гг. произошли в положении не Дании, а Швеции. В 1630 г. шведский король Густав Адольф вмешался в ход Тридцатилетней войны. В последующие четыре года шведские войска неизменно одерживали победы на полях сражений в Германии. Военное счастье отвернулось от них лишь в 1634 г., однако союз с Францией вновь вернул Швеции былую славу и позволил ей в течение длительного времени содержать большую боеспособную армию, профессионализм которой постоянно возрастал. Однако в ходе войны для всех воюющих сторон, в том числе и для Швеции, серьезной проблемой стало обеспечение своих частей во все более опустошаемой войной Германии. В 1643 г. шведское правительство повернуло свои войска против Дании. Молниеносное наступление шведской армии под командованием маршала Леннарта Торстенссона, в честь которого эту войну называют Торстенссоновой, привело к оккупации герцогств Шлезвиг и Гольштейн, а также Ютландии. И на этот раз они подверглись тем же испытаниям, что и во времена Цесарской войны. Швеция же, кроме того, заключила союз с Нидерландами, недовольными проводившейся Данией политикой в отношении Эресунна. Это означало утрату Данией также и контроля над проливами. По мирному договору, подписанному со Швецией в Брёмсебру, датско-норвежское королевство уступало Швеции норвежские провинции Емтланд и Херьедален, острова Эзель и Готланд, а также сдавало в аренду сроком на 30 лет Халланд. Впервые за несколько столетий границы между Скандинавскими государствами подверглись изменениям на продолжительное время.

Торстенссонова война явилась очередным шагом, ведущим к упадку Ольденбургской монархии. На этот раз потерянными оказались не только престиж, но и территории, а основные провинции государства вновь подверглись разорению. В то же время Швеция значительно усилилась, а по Вестфальскому миру к ней отошла и часть северогерманских областей: Бремен и Верден к юго-западу от герцогств, а также Висмар и Западная Померания (Поморье) с островом Рюген и городом Штеттин к юго-востоку от владений короля Дании. Отныне у Швеции появилась возможность напасть на датско-

норвежское королевство с любой стороны.

Войны эпохи Карла Густава

Мир, заключенный в Брёмсебру в 1645 г. не удовлетворял ни Данию, ни Швецию. Швеция стремилась установить контроль над датскими провинциями к востоку от Эресунна и над обширными областями в Норвегии, а Дания жаждала реванша за поражение. Более того, как сам датский король, так и его окружение считали новую войну попросту неизбежной.

События Торстенссоновой войны послужили уроком датскому политическому руководству и убедили его в безусловной необходимости сохранять хорошие отношения с Нидерландами. В противном случае нидерландский флот мог изолировать части Ольденбургского королевства друг от друга и сделать всякую попытку объединить их военные усилия иллюзорной. Королевскому гофмейстеру Корфицу Ульфельту удалось в 1649 г. решить данную проблему дипломатическим путем. Он, во-первых, добился разрешения спорных вопросов, связанных с эресуннской таможней, а во-вторых, заключил оборонительный союз с Нидерландами, действовавший, правда, лишь в том случае, если Дания не являлась нападающей стороной.

В 1655 г. Швеция вступила в войну с Польшей, а в 1656 г. также и с Россией. В 1657 г. император оказал Польше военную помощь, и датское правительство, сочтя положение Швеции весьма тяжелым, решилось на объявление ей войны. Это было началом Первой войны с Карлом Густавом. Реакция короля Швеции Карла X Густава была крайне решительной. Двадцать пятого июня шведская армия покинула пределы Польши, а 20 июля перешла границу и вторглась в Гольштейн. Войска датчан, уступавшие ей по численности, отступили и укрылись в крепостях Глюкштадт и Кремле в Гольштейне и Фредериксоде (Фредерисия) на побережье Малого Бельта. В результате шведы вновь захватили весь Ютландский полуостров, а 24 октября взяли штурмом и Фредериксоде.

До этих пор события разворачивались практически по тому же сценарию, что и во время Торстенссоновой войны. Однако здесь

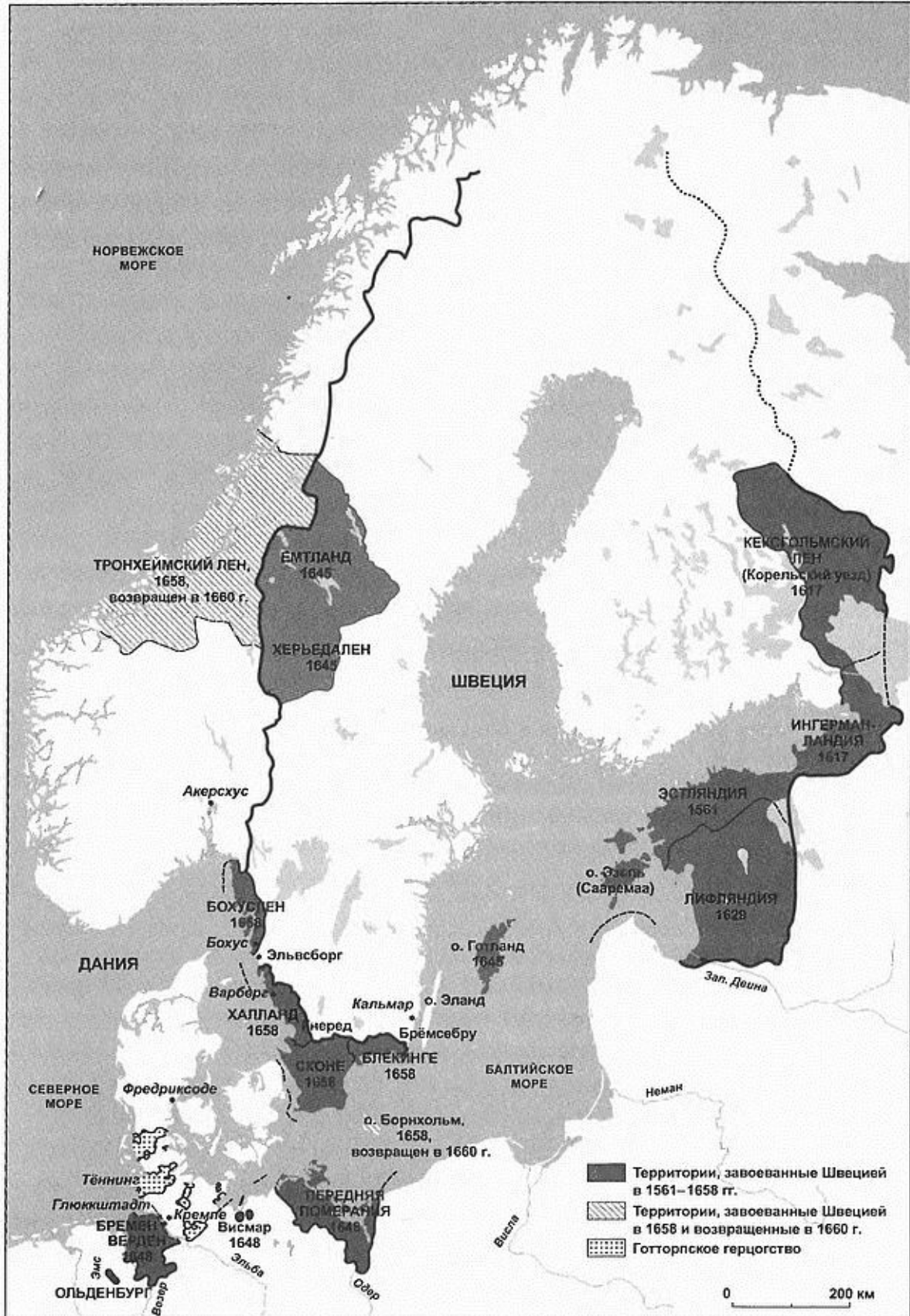
возникло некое обстоятельство, которое окончательно убедило Карла Густава и прочих в том, что сам Господь Бог благоволит шведам. Во время небывало холодной зимы Датские проливы покрылись льдом. Вообще-то данное явление не было таким уж необычным, так как в то время наблюдалось всеобщее похолодание — так называемый малый ледниковый период. В ночь с 29 на 30 января 1658 г. шведский король перевел свои войска через Малый Бельт, а 6 февраля двинулся дальше через острова Лангеланн и Лолланн. Одиннадцатого февраля шведская армия достигла Зеландии.

Переход через проливы Малый и Большой Бельт

Гравюра на меди (Королевская библиотека, Копенгаген). Ледовый поход войск Карла Густава принадлежит к числу самых дерзких и решительных военных операций XVII в. Гравюра страдает многими неточностями, но при этом отображает основные вехи маршрута шведских войск. 30 января 1658 г. войска пересекли Малый Бельт к югу

от города Миддельфарта и через Свенборг и Лангеланн в феврале достигли о. Лолланн. Показано построение пехотных отрядов в форме плотных четырехугольников; солдаты вооружены длинными пиками. Создается впечатление многочисленности этих пеших отрядов, однако на самом деле замерзшие проливы форсировала главным образом шведская королевская конница.

Скандинавские и соседние страны около 1658 г.

За исключением Норвегии, почти все части Ольденбургского королевства становились теперь легкой добычей для шведов. Организовать оборону не представлялось возможным, и потому в процессе наспех организованных мирных переговоров Дания была вынуждена практически полностью капитулировать. По заключенному 26 февраля 1658 г. Роскильскому миру Дания уступала Швеции Сконе, Халланд, Блекинге и Борнхольм, а также норвежские области Бохуслен и Тронхейм. Швеция освобождалась от уплаты эресуннской таможенной пошлины, а герцог Гот-торпский, нынешний союзник Швеции, становился полностью независимым правителем. Так называемая Первая война с Карлом Густавом была самой скоротечной из всех войн со Швецией, однако имела далеко идущие и продолжительные последствия.

По условиям мирного договора шведские войска должны были оставаться в Дании на полном датском довольствии вплоть до мая. В этот период страны вели между собой напряженные переговоры, в ходе которых Швеция выдвинула новые требования, отвергнутые Данией. Тогда шведский король решил попытаться завоевать всю Данию. В Гольштейне началась концентрация шведских войск, и 8 августа Карл Густав высадился на Зеландии. Эта война стала Второй войной Дании с Карлом Густавом.

Шведам удалось быстро овладеть большей частью королевства, однако Копенгаген и Норвегия были готовы к обороне. Осенью 1658 г. датско-норвежские войска даже сумели добиться кое-каких успехов. Жители Борнхольма сами освободили свой остров от шведов, а норвежцы отвоевали у них Тронхейм. Однако это были победы местного значения. Датскому королевству было не под силу самостоятельно отбросить шведов. Но действия шведского короля к этому времени зашли слишком далеко, и против него выступила мощная коалиция союзников. Противники Швеции на континенте: Бранденбург, Польша и император — в сентябре послали свою объединенную армию в герцогства и в течение осени вытеснили шведов со всей территории Ютландии, за исключением Фредериксде. Однако для населения государства пребывание на его территории союзнических войск явилось самым тяжелым испытанием за последнее время,

поскольку они, так же как и вражеская армия, требовали от местных жителей провианта и денег на свое содержание; изыскать же требуемое разграбленной стране было не под силу.

Нидерланды также не желали полного подчинения Дании шведской короне, ибо в таком случае Датские проливы оказались бы во власти по-настоящему сильной великой державы. На помощь Дании был выслан голландский флот, который благополучно достиг Копенгагена, несмотря на попытку шведов остановить его в Эресунне. Шведы по-прежнему продолжали владеть датскими островами, однако датчане удерживали Копенгаген. В ночь с 10 на 11 февраля 1659 г. шведская армия попыталась штурмом взять город, но потерпела неудачу, а в течение года войско, собранное датским королем в Ютландии, окончательно выгнало шведов с острова Фюн. Тем не менее Зеландия по-прежнему оставалась в их власти, а великие державы не желали возврата Сконе Дании. Мирный договор, заключенный в мае 1660 г. в Копенгагене, предусматривал незначительные уступки в пользу Дании по сравнению с Роскильским миром. Прежде всего в подтверждение результатов военных действий Дании возвращался Борнхольм, а Норвегии — Тронхеймский лен, однако сконские провинции оставались шведскими, а Готторпское герцогство сохраняло независимость.

Реванш или выживание

Ольденбургское королевство выжило во время Второй войны с Карлом Густавом, однако вышло из нее весьма ослабленным. Территория его уменьшилась, страна была частично разграблена, а государственный долг достиг гигантских размеров. В то же время Швеция была сильна, как никогда ранее. Она не только отодвинула границы до Эресунна и Каттегата, но также упрочила свои позиции в Северной Германии, заполучив в качестве выдвинутого вперед союзника, Готторпское герцогство. Важнейшей политической задачей датского правительства на ближайшие 60 лет стало, во-первых, вернуть хоть какие-нибудь из своих прежних владений, а во-вторых, попытаться ослабить угрозу со стороны Швеции. Решающим моментом в данном вопросе была международная ситуация. А она в целом не благоприятствовала датско-норвежскому королевству, ибо западные

великие державы не желали восстановления датского владычества в Сконе.

В 60-х годах XVII в. датскому королевству удалось, не вступая в столкновения со Швецией, добиться некоторых успехов в герцогствах и в Северной Германии. Мелкие герцогства Сённерборг и Нордборг обанкротились и в 1667 и 1669 гг. отошли к датской короне. В 1667 г. умерли правители графств Ольденбург и Дельменхорст — родины датской королевской семьи. Притязания на престол высказали король Дании, герцог Готторпский и герцог Плёнский. Наследное право последнего подтвердил в 1673 г. императорский придворный суд, однако сам герцог еще в 1670 г. отказался от своих претензий в пользу датского монарха, получив взамен малое герцогство Нордборг. Тем самым королю Дании удалось расширить свои владения в Северной Германии, присоединив к ним несколько графств, расположенных по другую сторону находившихся под властью Швеции Бремена и Вердена.

В 1672 г. Франция напала на Нидерланды, и в последующие три года европейские страны оказались втянутыми в большую войну, в которой на одной стороне выступали Франция, Англия и Швеция, а на другой — Нидерланды, Испания, Австрия, Бранденбург и Дания. В регионе Балтийского моря военные действия начались в 1674 г. нападением Швеции на Бранденбург. После того как в 1675 г. Швеция потерпела поражение, датский король объявил ей войну. На самом деле дело сводилось к частному конфликту на севере региона, охваченного большой войной, однако в датской исторической традиции он рассматривается как датско-шведская война, которую окрестили войной за Сконе.

Война за Сконе велась одновременно на нескольких фронтах. Основной целью Дании являлся возврат территорий, потерянных ею в 1658 г., однако необходимо было также атаковать и шведские владения в Северной Германии, чтобы предупредить возможное нападение с юга. Совместно с союзниками — Бранденбургом и Брауншвейг-Люнебургом — в ходе военных действий Дании удалось отобрать у Швеции все ее владения в данном регионе. В Норвегии норвежские войска также действовали неплохо, правда, они смогли вернуть всего лишь часть Бохуслена.

Прежде чем осуществить высадку в Сконе, датчанам необходимо

было достичь превосходства на море. Это им удалось в результате победы датско-нидерландского флота в битве при Эланде в 1676 г., которую прославленный датский адмирал Нильс Юль закрепил своей победой над шведским флотом в сражении у Кёге в 1677 году. Однако уже в 1676 г. путь для высадки в Сконе был открыт. Поначалу датское наступление развивалось успешно, однако в решающей битве при Лунде в 1676 г. датчане потерпели поражение, и в последующие несколько лет Швеция имела значительное превосходство.

В 1678 г. после блестящей победы в войне Франция заключила мир с Австрией, Нидерландами и Испанией. Таким образом, Дания и Бранденбург оставались один на один с Францией и Швецией. Французские войска вступили в Германию и осадили Ольденбург, вслед за чем под диктовку Франции был заключен мирный договор. По его условиям, несмотря на то что к этому моменту Дания и Бранденбург завоевали ряд шведских владений, вновь был установлен довоенный статус-кво. Датско-норвежскому королевству не удалось извлечь из войны за Сконе ничего, кроме признания, что на этот раз его армия вполне достойно противостояла шведской. Важнейший урок войны состоял, однако, в понимании того, что в конечном итоге все зависит от воли великих держав.

Распад союзнических альянсов привел к сближению Швеции с Нидерландами и Дании с Францией. В 1683 г. правительство Дании сочло позиции страны достаточно сильными, чтобы датские войска заняли готторпские области Шлезвига. Однако их попытка овладеть Гамбургом привела к созданию мощной коалиции против датско-норвежского королевства, в результате чего в 1689 г. датская армия вновь вынуждена была покинуть готторпские территории.

Начиная с 1688 г. датское правительство прилагало немалые усилия, чтобы установить хорошие отношения одновременно с Англией, Нидерландами и Францией. Это было тем более сложно, что дело, по всей видимости, постепенно шло к войне между Францией и обеими морскими державами. Несмотря на то что Дания тяготела главным образом к Нидерландам и Англии, они вместе с Францией поддержали Швецию, когда Дания в 1699 г. спланировала нападение на нее в союзе с Польшей и Россией. Шведы сами повели наступление с юга, а англо-голландский флот доставил шведскую армию на Зеландию. По мирному договору, подписанному в Травентале в 1700 г., герцог

Готторпский был полностью уравниен в правах с датским королем на территории герцогств, в остальном же все вернулось к прежнему положению. Это лишний раз доказывало, что великие державы предпочитали, чтобы противоположные берега Эресунна принадлежали разным хозяевам.

Однако в 1701 г. вспыхнула война за испанское наследство, в которую в течение почти всего следующего десятилетия оказались вовлечены все ресурсы великих держав. Когда после ряда успехов король Швеции Карл XII потерпел сокрушительное поражение от России в битве при Полтаве, правительство Дании сочло, что появилась возможность взять реванш. Дания вступила в Великую Северную войну.

В военном отношении она отчасти явилась повторением войны за Сконе. Сначала датско-норвежское королевство имело подавляющее преимущество на море, да и сухопутные войска значительно превосходили шведские по численности. На этот раз главный удар решено было нанести по Сконе. Датская армия высадилась там в 1709 г., однако после сокрушительного поражения в битве при Хельсинборге остатки ее вынуждены были в спешном порядке эвакуироваться на Зеландию.

В Северной Германии датчане поначалу захватили Бремен и Верден, однако в 1712 г. шведы разбили их у Гадебуша в Мекленбурге. Когда вслед за этим шведские войска вторглись в герцогства, против них выступила мощная объединенная армия датчан и саксонцев. Шведы попытались укрыться в готторпской крепости Тённинген, которую они заняли, несмотря на то что Готторпское герцогство заявило о своем нейтралитете, однако вскоре вынуждены были ее сдать. Дания, воспользовавшись представившейся возможностью, оккупировала Готторп. Вслед за этим датские войска вместе с армиями союзнических северогерманских государств постепенно заняли все шведские владения в Северной Германии. Наступление Швеции в Норвегии провалилось, в том числе из-за того, что датский флот под предводительством вице-адмирала Педера Торденскьольда, ставшего затем легендарным во всей Скандинавии, уничтожил корабли снабжения противника.

Главные события войны, тем не менее, разворачивались на шведско-русском фронте, где шведы потерпели сокрушительное поражение. После окончания войны за Испанское наследство в 1714 г. на передний план вновь выдвинулись интересы великих западных

держав, которые по-прежнему не желали значительного ослабления Швеции и усиления датско-норвежского королевства. Поэтому мирный договор 1720 г. зафиксировал лишь одно несомненное достижение Дании: готторпские области Шлезвига отходили датской короне со ссылкой на то, что Готторпское герцогство де-факто выступало на стороне шведов. Благодаря вмешательству императора свои владения в Гольштейне готторпцы сохраняли, однако теперь они уже не представляли непосредственной военной угрозы. Лишь брачные связи с королевской семьей Швеции и российским императорским домом заставляли по-прежнему считаться с готторпскими герцогами.

Важнейшим итогом Великой Северной войны явилось то, что она положила конец великодержавию Швеции. Шведы вынуждены были уступить Прибалтику России, а ряд своих владений в Северной Германии — Бранденбургу и Ганноверу, состоявшему теперь в персональной унии с Великобританией. Кроме того, в тылу у Швеции остался могущественный враг — Россия. Швеция и датско-норвежское королевство однозначно отодвинулись на второй или даже на третий по значимости план в европейской политике. В военном отношении они были примерно одинаково слабы. Отношения со Швецией продолжали оставаться тревожным фактором для датского королевства, однако существующие противоречия вылились в войну лишь около 100 лет спустя.

Глава 10

Сильное государство и абсолютизм

Войны были одним из наиболее динамичных факторов, влиявших на формирование Европы в XVI — XVII столетиях. Часто это время рассматривают как важнейшую фазу в процессе формирования государств в Европе в современном понимании этого термина. Основной их функцией на раннем этапе развития было ведение войн. Скандинавские страны также оказались вовлеченными в этот процесс, причем сначала Швеция, а потом датско-норвежское королевство. Обычно это служит основным объяснением того, что, несмотря на изначально более сильные позиции Дании-Норвегии, Швеция все же смогла выйти победителем в скандинавской дуэли.

Датское домениальное государство в годы войн

Во второй половине XVI в. Дания была далека от того, чтобы считаться государством, находящимся все время в должной боевой готовности. Как и в большинстве прочих европейских стран, в Дании не было постоянной армии, однако, в отличие от них, вплоть до 1660 г. здесь сохранялась традиционная дворянская воинская повинность. Это означало, что в случае войны датское дворянство должно было выставить рыцарскую кавалерию в количестве 1200 человек, к которым следовало прибавить 600 человек из герцогств и — до 1600 г. — 300 человек из Норвегии. Эти части доказали свою боеспособность в период Северной Семилетней войны.

Однако формировались они лишь в военное время; в мирные же годы в распоряжении датского короля находился ряд крепостей, а также сравнительно большой флот, но не сухопутная армия. Поэтому в случае начала войны особое значение приобретали экономические ресурсы, которыми располагал на то время король, ибо военные действия велись с использованием наемных войск.

Так было и во время Семилетней, и во время Кальмарской войны. Для ведения Семилетней войны было набрано около 25 тыс. наемников, примерно такое же их количество участвовало на стороне Дании и в Кальмарской войне. Финансирование столь крупных воинских частей не могло осуществляться исключительно за счет доходов от домениальных владений короны. Ежемесячное содержание подобной армии составляло сумму, равную чистому доходу государства за год. Поэтому для финансирования войска необходимы были чрезвычайные налоги и кредиты. Во время Семилетней войны довольно скоро проявилась необходимость экономить, прежде всего значительно сокращая количество наемников. Финансирование Кальмарской войны складывалось легче, поскольку она была скоротечнее.

Подобная система действовала вполне удовлетворительно, до тех пор пока война была явлением из ряда вон выходящим. В мирное время, характерное для большей части рассматриваемого периода вплоть до 1625 г., наблюдался заметный профицит государственного бюджета. Казна Кристиана IV по достижении им совершеннолетия в 1596 г. была полна. Средства в нее продолжали стекаться со всех сторон, позволяя королю наращивать экономическую мощь страны. Что же касается военной силы, то в последующие годы государь увеличивал оборонный потенциал за счет повышения численности флота и строительства пограничных крепостей. Создание регулярной армии как наступательного потенциала все еще было невозможно по причине резко отрицательного отношения к этому государственного совета. Некоторые изменения здесь произошли после Кальмарской войны. Король отказался от услуг наемных войск. Был сделан осторожный шаг в направлении создания регулярной армии — сформированы два полка из числа крестьян общей численностью 4 тыс. человек, которые, правда, собирались вместе лишь от случая к случаю.

Швеция, будучи более бедной страной, основной упор делала на тех оборонительных возможностях, которые обеспечивало ее географическое положение, а также на армии, состоявшей из рекрутов-крестьян. Долгое время ей не удавалось одержать победу над профессиональной армией датчан, однако после Кальмарской войны шведская рекрутируемая армия постепенно стала превращаться в хорошо отлаженный военный механизм.

Борьба за создание военного государства

Цесарская война и усиление в последующие годы Швеции со всей серьезностью поставили под вопрос сложившуюся в Дании практику формирования армии лишь в военное время. В Испании и во Франции регулярные армии были созданы еще в XVI в.; теперь их примеру последовали Швеция и Нидерланды. Чтобы не отстать от них, Дании предстояло сделать то же самое.

Однако во многом это противоречило жизненным интересам дворянства. Содержание регулярной армии требовало сбора налогов на постоянной основе. И хотя в принципе само дворянство было освобождено от их уплаты, рост налогового бремени крестьян означал, что им труднее будет выплачивать оброк землевладельцу. Аристократия выступала против регулярной армии еще и потому, что с ее созданием в руках короля оказывался важнейший властный инструмент. Кроме того, это подрывало узаконенное положение дворянства в стране в качестве воинского сословия. Наконец, в среде дворянства существовало недоверие к политическому руководству страной, осуществлявшемуся королем.

Несмотря на это, государственный совет ясно сознавал, что настало время перемен. Так, был усилен флот, а численность солдат-рекрутов из крестьян постепенно выросла до 16 тыс. человек в Дании и 6 — 7 тыс. человек в Норвегии. Тем не менее подготовка их была весьма слабой, а офицерский корпус малочисленным. Наряду с этим с 1637 г. начали создаваться профессиональные воинские подразделения, численность которых к 1642 г. составила 11 тыс. человек. Таким образом, датско-норвежское королевство обрело собственную регулярную армию, сохранявшуюся и в период мирного времени. По сравнению с ранее существовавшей системой это было важным новшеством, а в сопоставлении с теми военными силами, которыми страна располагала ранее, — огромным шагом вперед. Однако, хотя Тридцатилетняя война и привела к революционным изменениям в численности войск, вновь созданная датская армия не шла ни в какое сравнение с тем огромным войском, которое при поддержке Франции была в состоянии выставить Швеция.

Как бы там ни было, но даже такое вооружение страны стало серьезной проблемой для датского домениального государства. Расходы

на содержание армии после 1638 г. остались на том же уровне, что и во время Кальмарской войны, а общие расходы казны почти вдвое перекрывали обычные доходы, поступавшие прежде всего из ленов, городов и от таможи. Выходом из этой ситуации в Дании, как и в большинстве прочих стран, стало введение прямых налогов, и в первую очередь на землю.

В последующие годы государственный совет учредил также ряд чрезвычайных налогов, которые, правда, полностью не покрывали ни потребности короля, ни нужды армии. Тогда в 1638 г. Кристиан IV созвал сословное собрание, на которое помимо государственного совета было приглашено все дворянство страны, а также представители городов и духовенства. Сословия согласились на увеличение налогов, с тем, однако, условием, что собранными средствами будут распоряжаться местные налоговые комиссары из дворян. Само собрание проходило также под знаком глубоких противоречий между дворянством и бюргерством, которое протестовало против сохранения аристократией своих привилегий.

После 1645 г. сословные институты еще более усилились. На сословном собрании 1645 г. было принято решение, согласно которому местные налоговые комиссары и члены государственного совета от каждой земли должны проводить регулярные заседания и сообща выдвигать кандидатуры на вакантные места членов совета. Подобным же образом должны были проводиться и регулярные заседания представителей городов. В 1647 г. был еще больше усилен контроль местных налоговых комиссаров над доходами государства. Это отражало стремление мелкого дворянства к повышению своей роли в управлении страной.

Военные подвергались более жесткой критике со стороны сословных институтов, нежели со стороны государственного совета, и после 1645 г. в стране стала проводиться политика частичного разоружения. Профессиональная армия была практически уничтожена; основной упор был сделан на рекрутируемое войско, которое обходилось казне дешевле и в большой степени контролировалось аристократией. Однако ввиду отсутствия эффективной организации, предусматривавшей сильный офицерский корпус и проведение регулярных учений, военная значимость такого войска была весьма невелика.

Король пытался, как мог, противостоять данным ограничениям своей власти со стороны сословий, и прежде всего мелкого дворянства. Он позаботился о том, чтобы его зятя вошли в государственный совет; двое из них стали особенно влиятельными проводниками политики, угодной монарху. Ганнибал Сеестед, ставший в 1642 г. наместником в Норвегии, в управлении этой частью страны пользовался достаточной независимостью от совета. То же самое можно сказать и о действиях Корфица Ульфельта в области внешней политики. Он был назначен в 1643 г. королевским гофмейстером и добился, например, от голландских финансовых кругов займа в пользу короля.

Последние годы правления государственного совета

К моменту смерти в 1648 г. Кристиана IV новый король еще не был избран. Старший сын покойного государя, именовавшийся избранным принцем Кристианом, задолго до кончины отца был назван им в качестве преемника, однако он умер в 1647 г. Объективно единственным реальным претендентом на престол оставался сын Кристиана IV от первого брака герцог Фредерик, однако позиции его были далеко не прочными.

Для выборов короля был созван не только государственный совет, но и сословное собрание. Представители всех трех сословий выступили с требованиями, отвечавшими их собственным интересам, и наиболее радикальными из них были требования мелких дворян. Они настаивали на предоставлении сословным собраниям права влиять на назначение налогов и на законодательство. Подобные требования были фактически направлены как против государственного совета, так и против короля, ибо затрагивали основные полномочия совета. Мелкое дворянство требовало полной или частичной передачи данных функций сословиям, наподобие того как это сложилось в практике многих стран, в том числе Швеции.

Между тем государственный совет этому воспротивился. Новый королевский манифест содержал ряд уступок дворянам в экономическом плане; что же касается политических аспектов, то уступки делались в пользу совета, а не сословных собраний. Сфера влияния совета на вопросы внешней политики значительно

расширялась: теперь в его компетенцию входили не только вопросы объявления войны, но также и политика создания союзов и формирование вооруженных сил. Одновременно устанавливалось, что в составе совета постоянно должно быть 23 члена, а при замещении вакантных мест король отныне должен был руководствоваться не собственными соображениями, а выбирать среди кандидатур, предлагаемых ему мелким дворянством и советом.

Формально к 1648 г. государственный совет достиг апогея своего влияния. Не многие из сословных представительств Европы того времени имели такие властные полномочия и могли оказывать столь мощное влияние на решение вопросов, которые в большинстве стран являлись исключительно королевскими прерогативами, как, например, проблемы внешней политики. Кроме того, благодаря своему праву избирать короля совет в конечном итоге стал исключительным носителем суверенитета. Парадоксально, что всеми этими широкими правами был наделен орган, уникальный по европейским меркам. Сословные собрания свидетельствовали о существовании серьезных разногласий не только между государственным советом и представителями непривилегированных сословий, но также — по важнейшим вопросам — и между советом и мелким дворянством. Отчасти это объяснялось тем, что члены совета набирались из числа элиты общества — наиболее богатых и состоявших в родстве между собой дворянских родов. Правда, совет проводил своего рода промежуточный курс, который находился на стыке интересов монарха и низших сословий. Он не давал согласия на все требования короля относительно величины налогов и численности армии, однако все равно эти цифры превосходили предложенные сословиями. Объяснялось это, по-видимому, серьезностью внешнеполитической ситуации, с которой члены совета были знакомы гораздо лучше, чем рядовые дворяне-помещики.

В конституционном плане ахиллесовой пятой государственного совета являлось то, что его власть, в отличие от власти короля, не распространялась на все части королевства. Считалось, что с 1536 г. совет обладал такой же властью в Норвегии, как и в Дании. Однако в действительности это было маловероятно, потому что малочисленное норвежское дворянство было достаточно слабо представлено в среде датской аристократической элиты и существовали устойчивые

представления о Норвегии как о наследной вотчине короля. Во времена наместничества Ганнибала Сеестеда Норвегия управлялась в соответствии с жесткими монархическими принципами. В 1648 г. совет попытался воспрепятствовать этому путем назначения наместника из числа урожденных норвежцев — членов этой организации.

В герцогствах государственный совет Дании никакой властью не обладал, а собственный совет находился накануне отпуска. Король и герцог Готторпский имели, соответственно, каждый свой совет, и в готторпском большинство составляли гражданские юристы, так называемые ученые советники. Средоточием сословной власти здесь являлся ландтаг, функции которого сводились прежде всего к назначению налогов. Кроме того, он претендовал на право участвовать в избрании правителя. Между тем в отличие от датского государственного совета ландтаг не имел никакого влияния на внешнюю политику и повседневное руководство страной. Таким образом, в герцогствах и отчасти в Норвегии король пользовался несколько большей самостоятельностью действий, нежели в самой Дании.

Подобные функции аристократический государственный совет осуществлял вплоть до 1657 г., и лишним подтверждением его влияния стал вопрос о вооруженных силах. Совет отстаивал свою позицию в пользу создания рекрутируемой армии, к повышению уровня эффективности которой немалые усилия с середины 50-х годов XVII в. приложил маршал Аннерс Билле. Однако в прочих областях король как фигура, осуществлявшая повседневные функции центральной власти, продолжал решать многое в обход совета.

Первая война с королем Швеции Карлом Густавом привела к развалу армии, основанной на рекрутском наборе, тогда же, в 1657 г., умерли два наиболее видных представителя государственного совета — маршал Аннерс Билле и канцлер Кристен Томсен Сеестед. На протяжении последующих двух лет в стране было установлено чрезвычайное положение: государством управлял исключительно король и его немецкие советники, а война велась с использованием профессионального войска. Показательно, что во главе его стоял не королевский маршал, а двое профессиональных военных — офицеры-немцы Шак и Эберштайн.

Государственный переворот

Когда после окончания Второй войны с Карлом Густавом в королевстве воцарился мир, Фредерик III осенью 1660 г. созвал в Копенгаген на заседание не только членов государственного совета, но и представителей всех сословий. Ситуация имела некоторое сходство с той, которая возникла в 1536 г. Как и тогда, в условиях чрезвычайного положения традиционная элита общества оказалась не на высоте. Созданная дворянами армия не смогла обеспечить оборону государства. То, что страну удалось все же отстоять, явилось исключительно заслугой короля, профессиональной армии, норвежского войска и жителей Копенгагена. Таким образом, как и в 1536 г., налицо было ослабление позиций дворянства и усиление позиций короля.

Собрание сословий началось с обсуждения вопросов об организации и финансировании обороны страны и в особенности о ликвидации крупного государственного долга. В ходе заседания отчетливо проявились противоречия между различными сословиями. Правительство, то есть король и совет, настаивало на введении в практику постоянного источника довольно высоких поступлений в казну в форме так называемого потребительского налога — своего рода налога с оборота, — что ущемляло интересы горожан. Предметом недовольства представителей духовенства был налоговый иммунитет дворян, а бюргеры требовали предоставления в аренду ленов тем лицам, которые предложат за них наивысшую цену. Все это недвусмысленно было направлено против двух основных экономических привилегий дворянства. Одновременно горожане требовали превратить сословные собрания в центральный орган политической власти. Этому сразу же решительно воспротивился государственный совет. Взамен дворяне соглашались лишь пожертвовать своим иммунитетом в отношении нового налога.

Нежелание дворянства и государственного совета идти на уступки заставило бюргеров и духовенство обратиться к королю. В начале октября они внесли совместное предложение об установлении в стране наследственного правления. Десятого октября 1660 г. государь объявил о введении в Копенгагене чрезвычайного военного положения и распорядился закрыть городские ворота. Представители дворянства и государственный совет оказались запертыми внутри столицы.

Тринадцатого октября дворяне вынуждены были уступить — они признали передачу монаршей власти по наследству. Вслед за тем была создана конституционная комиссия, в которой преобладали представители низших сословий и приближенные королевского двора. В соответствии с ее решением королю самому предоставлялось право уладить возникшую конституционную проблему, и 17 октября прежний королевский манифест в отношении престолонаследия был отменен.

Существуют разные мнения относительно того, явился ли происшедший государственный переворот результатом осознанной стратегии короля или он стал возможен ввиду умелого использования государем внезапно представившейся возможности. Однако, будь переворот запланированным или случайным, он имел далеко идущие последствия, ибо отныне все бразды правления в государстве оказались сосредоточены в руках короля. Хотя осенью 1660 г. состоялась еще одна сессия сословного собрания, но после его роспуска в декабре того же года в течение 150 лет он не созывался. Государственный совет был упразднен и заменен чисто совещательным органом — Статс-коллегией. В 1665 г. работу по изменению государственного строя в стране увенчала конституция подлинного абсолютизма — Королевский закон [\[40\]](#). За исключением просуществовавшей недолгое время шведской конституции, Королевский закон является уникальным для Европы образцом чисто абсолютистской конституции. Прежде всего, в нем подробно описывался строгий порядок престолонаследия. Кроме того, Королевский закон содержал положение, согласно которому любое законотворчество, введение налогов, назначение чиновников и исполнение функций высшей судебной власти являются неотъемлемыми прерогативами короля. В действительности данная конституция предусматривала лишь три ограничения действий монарха: нельзя было изменить лютеранское вероисповедание как государственное по установлению Аугсбургского религиозного мира; королевство было неделимо, а Королевский закон — следовательно, и сам порядок престолонаследия — не подлежал трансформации.

Смена государственного строя не являлась исключительно датским феноменом. Подобные изменения в те же годы произошли в целом ряде европейских стран, например во Франции и в Бранденбурге. Связано это было с потребностью в создании мощной регулярной армии, что влекло за собой необходимость существенного увеличения налоговых

поступлений в казну. В большинстве европейских государств это привело к усилению королевской власти, однако были страны, где институты сословного представительства продолжали существовать, сумев приспособиться к новым требованиям. В Дании подобное положение сохранялось вплоть до 1657 г. благодаря укреплению власти государственного совета и прочих сословных институтов. Однако война подорвала авторитет совета и привела к введению чрезвычайного положения в стране; там оказалось достаточно просто избавиться от сословного представительства, поскольку единственной неизменной его частью оставался элитарный государственный совет с весьма узкой социальной базой.

Изменение государственного строя в Дании носило радикальный характер. До 1660 г. государственный совет обладал более широкими полномочиями, чем большинство сословных представительств в других странах Европы. После государственного переворота совет исчез как таковой, а вместе с ним упразднились и все политические представительства, независимые от короля. Отныне в Дании никакие должности — шла ли речь о судебных органах, о чиновничьем аппарате или каком-либо региональном совете — не являлись выборными либо передаваемыми по наследству. Даже бургомистры торговых городов и члены городских советов назначались королем из числа своих чиновников.

Влияние государственного переворота не замедлило сказаться в Дании и Норвегии, хотя что касается последней, то ей потребовалось несколько большее время для реализации ключевых решений нового строя. Иначе дело обстоит в герцогствах. Здесь власть сословных органов начала постепенно слабеть еще раньше. В 1608 г. в готторпской, а в 1650 г. — в королевской части герцогств было введено право первородства. Тем самым право сословий избирать своего правителя делалось иллюзорным. Правда, все еще сохранялась практика созыва ландтагов с целью назначения налогов, однако в последний раз это произошло в 1675 г. После этого оба герцога последовали европейскому образцу, действовавшему, например, во Франции и в Испании: формально ландтаги упразднены не были, однако они и не созывались. В течение последующих ста лет сословные собрания собирались лишь по случаю провозглашения правителями новых королей и герцогов.

Политическая власть

По Королевскому закону решение всех важных вопросов являлось прерогативой короля. На практике же от его личности во многом зависело формирование структуры органов верховной власти. Фредерик III был человеком решительным и вплоть до самой своей смерти в 1670 г. оказывал сильное личное влияние на управление государством. Ближайшим его помощником и советником был немец-казначей Кристофер Габель.

В соответствии с Королевским законом после смерти Фредерика III корона перешла к его старшему сыну Кристиану V. Он в гораздо меньшей степени, нежели отец, занимался вопросами государственного управления. Поэтому во времена Кристиана V самодержавие в значительной мере превратилось в министерское правление и правление придворных короля. С началом правления Кристиана Габель был отстранен от дел, и на политическом небосводе Дании возшла звезда юного Педера Шумахера. Он был возведен в дворянское достоинство, получил титул графа Гриффенфельда и пост государственного канцлера, то есть официально — должность первого министра королевства. Однако во время войны за Сконе Гриффенфельд впал в немилость, поскольку самостоятельно вступил во внешнеполитические переговоры без ведома короля. Поначалу его приговорили к смертной казни, которая впоследствии была заменена пожизненным заключением. Следующий государственный канцлер — Фредерик Алефельт (1676—1686) не играл уже такой же центральной роли в жизни страны, а его преемник на посту начальника королевской канцелярии, Конрад Ревентлов, даже не получил должности канцлера. Власть делили между собой сразу несколько министров; большим влиянием пользовались и придворные круги.

Фредерик IV, унаследовавший трон в 1699 г., в отличие от отца, позаботился о том, чтобы вернуть бразды правления в свои руки. Большинство из тех, кто занимал ведущие позиции в государстве при Кристиане V, при новом короле были устранены с политической сцены. Правда, Конрад Ревентлов формально стал именоваться «великим канцлером», однако всем было ясно, что повседневное политическое

руководство страной осуществляет сам король. Роль собственно правительственного совета — канцелярии — была заметно урезана; все вопросы решались вовсе не здесь, а в королевском дворце. С невиданным усердием Фредерик IV вникал не только в крупные, но и в мелкие дела, лично занимаясь практически всем, вплоть до назначения на должности чиновников среднего звена. Во времена правления Фредерика было сделано немало для достижения идеала абсолютизма — самодержавного правления монарха.

Органы управления

Вне зависимости от степени личного участия короля в управлении страной рост государственной власти требовал создания более мощной структуры центральной администрации. Уже во времена Кристиана IV можно было наблюдать значительное увеличение потока дел, поступающих на ее рассмотрение. После 1660 г. данная тенденция только усилилась. В стране по-прежнему существовали три традиционных органа центральной администрации: Датская канцелярия, Немецкая канцелярия и Казначейство. К ним добавились новые административные образования, занимавшиеся управлением армией, флотом и таможенными сборами. Как старые, так и новые административные органы строились в соответствии с коллегиальной системой организации. Это подразумевало коллективное рассмотрение дел рядом высших чиновников, прежде чем они поступали к королю для принятия им окончательного решения.

Процесс расширения центральной администрации Дании оставил заметный след в истории страны. Всемирно известный астроном Оле Рёмер разработал единую для всего королевства систему мер и весов, что явилось важным нововведением на фоне существовавших до тех пор многочисленных местных вариантов. Быть может, наибольшее значение имело создание крупных сводов законов — Датского закона Кристиана V от 1683 г. и, соответственно, Норвежского закона от 1687 г. Они пришли на смену старым местным законам и рецессам предыдущих столетий. Отныне все центральные законы были кодифицированы. Датский закон во многом развивал положения существовавшего законодательства и следовал сложившейся судебной

практике, однако при этом в нем содержался и ряд серьезных изменений. Вероятно, главным для простых крестьян явилось то, что с принятием этих законов элемент народности в судопроизводстве был заметно ограничен, и окружные суды — тинги — в связи с этим стали в меньшей, нежели ранее, степени использоваться ими для решения взаимных конфликтов. Возглавлявшие прежние тинги окружные фогты из числа крестьян вскоре после введения новшеств вынуждены были уступить свои места профессиональным судьям. Что касается уголовных наказаний, то они были в известной мере смягчены — среди прочего ограничено применение смертной казни, да и вообще на фоне зарубежных законодательств того времени Датский закон был документом необычайно гуманным. Характерно, тем не менее, что это ни в коей степени не затронуло положение дел в герцогствах. Помимо различных рецессов вплоть до 1900 г. правовой основой в Шлезвиге оставался Ютландский закон, а в Гольштейне — так называемое «Саксонское зеркало».

На региональном уровне структура административных органов также подверглась значительным изменениям. На смену ленсманам пришли амтманы. Ленсмены осуществляли общее управление ленами на феодальной манер, самостоятельно назначая людей на различные должности и определяя долю совокупных доходов, оставляемых для собственных нужд. Новые же амтманы были королевскими чиновниками, получавшими значительно более скромное жалованье. На амтманов возлагалась ответственность за отправление правосудия, церковные дела, состояние дорог и мостов и ряд прочих вопросов, тогда как два важнейших аспекта — военный и экономический — были выведены за пределы их компетенции. Если прежде ленсман являлся командующим гарнизоном замка и всех войск лена, то теперь сосредоточенные здесь армейские части становились полностью независимыми от местного начальства, а сбор налогов и доходов, приносимых казне областью, поручался либо писарю, либо начальнику налогового управления амта — чиновникам, назначавшимся самим королем и не подчинявшимся амтману. Что касается торговых городов, то государь лично назначал бургомистров и членов городского совета. Распределение высших должностей в церкви и армии еще раньше стало прерогативой монарха.

В общем и целом создание бюрократического аппарата

заканчивалось на уровне региона. В приходах и деревнях единственным государственным чиновником по-прежнему оставался священник. Кроме собственно церковной службы пастор зачитывал с кафедры законы и иногда информировал прихожан о различных важных событиях в стране. Тем не менее священнослужителей лишь в ограниченной степени можно считать причастными к процессу управления. В двух ключевых областях, там, где абсолютистское государство нуждалось в непосредственном контакте с подданными, — а именно в вопросах взимания налогов и набора в армию — ставка делалась на прежние властные структуры: органы городского управления и помещиков.

Армия

Важнейшими предпосылками, приведшими к установлению абсолютизма, были рост армии и ее потребности в финансировании. В сословных собраниях представители различных слоев общества сходились во мнении о назревшей необходимости уменьшения военных расходов и общей экономии государственных средств. Далее так продолжаться не могло. Когда король обеспечил себе всю полноту власти, на повестку дня встали вопросы роста вооружения страны и увеличения налогов. Вызвано это было извечным противостоянием королевства со Швецией. Если в 40-х годах XVII в. военные расходы составляли менее половины всех расходов страны, то после 1660 г. объем их вырос до двух третей.

Следует сказать, что в 1661 — 1662 гг. численность профессиональной армии на контрактной основе была несколько сокращена, впрочем, лишь до 10 тыс. человек в Дании и герцогствах, что превышало прежний уровень ее численности в мирное время. К этому следует прибавить 5 тыс. рекрутов, а с 1670 г. — 4 тыс. кавалеристов, финансирувавшихся за счет средств, поступавших от 12 имений короны. В Норвегии сохранялась армия в количестве 10 — 12 тыс. человек, главным образом рекрутов. Флот также значительно увеличился, и к 1670 г. общая численность экипажей выросла более чем до 10 тыс. человек. Итого в общей сложности вооруженные силы королевства составляли свыше 40 тыс. человек. Это была столь

внушительная военная сила, что рост ее численности во время войны за Сконе был незначительным. Впервые в истории страны Дания в мирное время оказалась обладательницей такой армии, которая практически была в состоянии обеспечить потребности государства в войсках в случае войны.

После войны за Сконе разница между норвежской и датско-шлезвиг-голландской армиями увеличилась. В Норвегии сохранялась рекрутируемая армия, выросшая к 1682 г. и составлявшая более 16 тыс. человек, тогда как в Дании и герцогствах армия стала полностью профессиональной. После 1682 г. в ней насчитывалось более 30 тыс. человек. Сюда же надо прибавить еще 10 тыс. человек, служивших во флоте. Это была весьма мощная сила, на содержание которой требовались немалые средства. Для снижения расходов на оборону и в целях укрепления авторитета на международной арене Дания предоставляла крупные подразделения своих войск в распоряжение Англии в 1689—1698 гг. и союзнической коалиции — Англии, Голландии и Австрии — начиная с 1701 г. Когда началась Великая Северная война, потребовался не один год, чтобы вернуть эти войска обратно в страну.

В 1701 г. Дания частично вернулась к практике формирования армии за счет рекрутируемых солдат — так был создан корпус национальной милиции, состоявший из 15—16 тыс. человек, набранных из числа батраков. В мирное время эти люди продолжали трудиться на своих обычных местах и лишь изредка по воскресеньям собирались для строевой подготовки, так что в военном отношении значимость этого корпуса была ограниченной.

В целом в первые десятилетия XVIII в. королевство обладало регулярной армией в количестве 50 — 60 тыс. человек, а также корпусом национальной милиции, насчитывавшим 15 тыс. человек. Учитывая, что общее население страны к тому времени составляло около 1,5 млн. человек, это означало, что примерно 4% ее жителей являлись солдатами. По европейским меркам это был чрезвычайно высокий показатель, сравниться с которым могли лишь Бранденбург и Швеция. Извечное противостояние со Швецией постепенно привело к тому, что датско-норвежское королевство в необычайно высокой степени оказалось сориентированным на войну.

Налоги

С установлением абсолютизма был завершен процесс изменений в структуре доходов государства, начавшийся в предшествующие Десятилетия. К традиционным их источникам — доходам от домениальных владений короны и таможенных сборов — прибавился еще один, увеличивавшийся год от года, — налоговые поступления. Собственно говоря, теперь доходы от сбора налогов даже выдвинулись на первый план. Домениальное государство стало государством налоговым.

Основа домениального государства была подорвана примерно в 60-х годах XVII столетия. Эресуннская таможенная пошлина, являвшаяся на протяжении нескольких столетий основным источником получения доходов, по политическим мотивам не могла уже более повышаться, а Швеция и вовсе была от нее освобождена. Кроме того, потеря королевством сконских провинций, Бохуслена и т. д. уже само по себе означала снижение доходов от домениальных владений. К еще большему их уменьшению привела имевшая широкое распространение в 60-х годах практика отчуждения и продажи имений короны. Государство предпочло оплачивать свои долги землями, и в течение нескольких лет коронные имения сократились примерно наполовину. Правда, это отчасти компенсировалось за счет отмены феодальной системы управления королевскими имениями ленсманам, ввиду чего получаемая государством часть доходов от оставшихся коронных земель значительно возросла.

Однако важнейшей причиной изменений в структуре доходов было резкое повышение налогового бремени. В первое десятилетие XVII в. средняя сумма чрезвычайных налогов составляла примерно $\frac{1}{2}$ ригсдалера на одного крестьянина. Еще до установления абсолютизма цифра эта выросла примерно до 3—4 ригсдалеров. После 1660 г. налоговое бремя значительно увеличилось: так, если в 80-х годах XVII в. среднее крестьянское хозяйство должно было платить налогов менее 10 ригсдалеров в год, то уже к 1700 г. сумма эта составляла примерно 20 ригсдалеров. В Норвегии рост налогов начался еще раньше, однако и закончился быстрее, и уровень его был ниже, чем в Дании. В герцогствах ситуация была прямо противоположной. Здесь резкий рост налогов начался довольно поздно, однако к концу XVII в. их уровень

достиг уровня датских.

Такое повышение налогового бремени сопровождалось изменениями в принципах налогообложения. До 1660 г. во всех трех частях королевства налоги начислялись в соответствии с грубым делением всех хозяйств на целые дворы и полудворы. В герцогствах эта практика оставалась без изменений. В Дании и Норвегии в 60-х годах были собраны сведения о размерах оброка, уплачиваемого крестьянами, и налоги стали назначаться в зависимости от этих данных, причем все сборы теперь исчислялись в тэнде харткорна — бочках ржи или ячменя. Таким образом была гораздо более четко определена налогооблагаемая база, хотя и здесь имел место заметный перекося, поскольку те хозяйства, которые прежде помещики облагали более высокими выплатами, вынуждены были и теперь платить более высокие налоги и т. д. По этой причине в Дании была разработана еще более точная система налогообложения. В 80-х годах все датские пахотные земли (за исключением Борнхольма) были пересчитаны и оценены. Так появился Земельный кадастр Кристиана V от 1688 г. Составление его было настоящим подвигом, и он и поныне служит неоценимым источником сведений о состоянии сельского хозяйства страны того времени. Кадастр стал основой более точных расчетов, позволивших произвести дальнейшее ужесточение налоговой политики, кульминация которого пришлась на период Великой Северной войны. В Норвегии же основой налогообложения продолжал оставаться земельный кадастр 60-х годов.

Потребительский налог — или налог с оборота, — вызвавший волну недовольства в 1660 г., был отменен в 1662-м и вновь введен в 1672 г. Кроме него появился еще ряд налогов и сборов. Некоторые из них, такие, как налоги на должность, на ношение парика, на прочие предметы роскоши, каретный налог, являлись средством уравнивать общество, однако многие были просто проявлением богатой фантазии.

Меркантилизм

Роль сильного государства требовала, чтобы на службу ему направлялось все больше и больше общественных ресурсов, в первую очередь на укрепление его военной мощи. Поэтому в XVII в. правительства европейских стран одной из важнейших задач считали не

только увеличение своей доли в общественном богатстве, но и рост этого богатства, достигаемого вполне осознанной экономической политикой внутри и вне государства. Такая политика позже получила название меркантилизма. Главной ее целью являлось обеспечение положительного торгового баланса страны и тем самым увеличение ее золотых запасов, за счет которых финансировалось ведение войн. Основным акцентом при этом государство делало на развитии торговли, уделяя также внимание добыче угля и расширению мануфактурного производства, тогда как сельское хозяйство не входило в число приоритетных направлений. Мощными рычагами здесь являлись, с одной стороны, прямые государственные инвестиции, а с другой — широкое использование привилегий и монополий, а также таможенной политики, которая отныне служила не только источником поступления средств в казну, но и инструментом ограничения импорта.

Первые, пока еще довольно скромные ростки политики меркантилизма возникли в Дании в середине правления Кристиана IV. В полной же мере она проявилась в период абсолютизма.

Кристиан IV основал несколько новых городов. Один из них, Кристиансхавн, был расположен непосредственно вблизи столицы, прочие же — в отдаленных провинциях: Кристиания и Кристиансанн — в Норвегии, Кристианстад — в Сконе, Кристианопель — в Блекинге и Глюкштадт — в Гольштейне. Построены они были с двойной целью: создать современные крепости у границ королевства, а также стимулировать торговлю и городские промыслы. Однако ни один так и не стал по-настоящему крупным торговым городом. В 1616—1621 гг., по примеру Англии и Голландии, был учрежден ряд торговых компаний, однако соляная, шелковая и суконная компании вскоре разорились. Создание датской Ост-Индской компании сопровождалось направлением на Восток флота. Благодаря этому в 1620 г. на юго-восточном побережье Индии Дания основала собственную колонию, Транкебар, что, однако, не привело к широкому участию страны в прибылях от азиатской торговли, и деятельность упомянутой выше компании мало-помалу угасла. Основанная в 1619 г. Исландско-фарерско-норланнская компания с большим успехом пыталась противостоять торговой экспансии англичан и шотландцев, направленной в особенности на Исландию.

После установления абсолютизма компании были реорганизованы,

чтобы улучшить статус Дании в расширяющейся заморской торговле. В судьбоносных для королевства 1658—1660 гг. Дании удалось захватить плацдарм в Африке на побережье Гвинеи, а в 1672 г. датчане заняли в Карибском море небольшой вест-индский остров Сент-Томас, к которому в 1675 г. добавился соседний остров Сент-Ян. Оба колониальных образования оказались тесно связанными между собой, поскольку африканские владения королевства поставляли рабов, труд которых использовался для производства сахара на островах в Вест-Индии.

В 1671 г. для координации торговли в этих колониях страны была учреждена Вест-Индско-Гвинейская компания. За год до этого начала свою деятельность Ост-Индская компания, благодаря чему торговля с Индией возобновилась. Однако вплоть до 1720 г. все эти начинания не приносили сколько-нибудь ощутимых успехов. Дании удалось присоединиться к европейской заморской торговой экспансии, но она занимала в ней достаточно скромное место. Тем настойчивее были попытки государства полностью использовать все внутренние ресурсы королевства. Ряд купцов, прежде всего копенгагенских, получили монопольные права на торговлю в Исландии, Северной Норвегии и на фарерских островах.

Если результаты усилий по развитию торговли были довольно-таки скромными, то еще менее успешными можно было считать попытки основать собственное промышленное производство. При Кристиане IV мануфактуры создавались по образцу зарубежных стран. На самых крупных из них, открытых при исправительной тюрьме и детском приюте, отбывающие наказание преступники и дети-сироты трудились на производстве текстильных товаров. По большей части в самой Дании это не приносило сколько-нибудь ощутимых плодов. Результаты протекционистской таможенной политики, начатой в 50-х годах XVII в. и усилившейся в 1672 г., также были неубедительными. В европейском разделении труда Дания продолжала оставаться сельскохозяйственной страной.

В Норвегии же, ввиду существования здесь естественных предпосылок, значительное развитие получило горное дело — добыча серебра, меди и железа. К этому следует добавить экспорт норвежского леса, являвшийся по-настоящему важным фактором на протяжении всего XVII в., — страна стала одним из главных поставщиков

корабельного леса для нужд торгового и военного флотов Англии и Голландии. Это заложило основу создания в Норвегии новой буржуазии, а также привело к росту числа образований городского типа, так называемых поселков-пристаней, в Южной Норвегии. В герцогствах в этот период наблюдалось некоторое развитие средних доиндустриальных предприятий, таких, например, как мельница для обработки медной руды близ Фленсбурга.

Кризис сельского хозяйства и развитие поместной системы

Хозяйственная политика абсолютизма не сумела поколебать господствующее положение сельского хозяйства в экономике королевства, и в особенности Дании. Поэтому как ранее, так и теперь основная тяжесть налогового бремени лежала на плечах крестьянского сословия. В начале XVII столетия налоги составляли весьма незначительную часть расходов крестьян. Однако к концу века общая сумма налогов, которыми облагался крестьянин, уже составляла более половины той ренты, которую он должен был выплачивать помещику.

Платить такие высокие налоги было весьма трудно, поскольку наступившие времена явно не благоприятствовали развитию крестьянского общества. Обширные регионы страны страдали от грабежей и контрибуций, явившихся следствием различных войн. В самом худшем положении находилась Ютландия, которая была оккупирована в ходе всех военных действий. Быстрее всего страна оправилась от последствий Цесарской войны. Хуже обстояли дела после Торстенссоновой войны, и еще более тяжкими были годы, последовавшие за войнами с Карлом Густавом, поскольку помимо проблем, связанных с приходом союзнических войск, страну постигла и большая беда — разразилась эпидемия чумы. Она вспыхнула зимой 1658/59 г. в провинции между Хадерслевом и Рибе и стала постепенно распространяться в северном и восточном направлениях. В наиболее пострадавших от эпидемии областях умерло около пяти шестых населения, по всей же стране чума унесла жизни примерно 25 — 30% жителей.

В то же время в сельском хозяйстве страны наблюдался затяжной кризис. Примерно с 1630 г. цены на сельскохозяйственную продукцию

снизились, и их падение продолжалось вплоть до 80-х годов XVII столетия. Экспорт говядины частично прекратился из-за Тридцатилетней войны, а после ее окончания так полностью и не восстановился до довоенного уровня. Во второй половине XVII в. он составлял лишь половину того объема, которого стране удалось достичь в начале столетия, помимо того были значительно ограничены допускаемые размеры прибыли. Ухудшение климата — так называемый малый ледниковый период — также отрицательно сказалось на развитии сельскохозяйственного производства в течение ста лет, начиная с середины XVII столетия. В то время как экспорт зерна южным соседям сократился, гораздо более важную роль стала играть торговля зерном в Норвегии. В 1669 г. были введены таможенные ограничения на ввоз в Норвегию зерна из зарубежных стран, и в 1686 г. установилась монополия датского сельского хозяйства на поставки зерна на норвежский рынок.

Однако зерновая монополия лишь отчасти смягчила жесткие последствия кризиса. В общем и целом положение, сложившееся во второй половине XVII столетия в датском аграрном обществе, можно назвать достаточно плачевным. Историки доказали, что рост налогового бремени во многих странах Европы в XVII в. заставлял крестьян повышать производительность своего труда, осваивать новые виды производства, все более ориентируясь на потребности рынка. В Дании же сложно найти признаки чего-либо подобного. Ужесточение налоговой системы здесь болезненно сказалось на положении экономики. Неплохо развитая кредитная система хозяйствования, существовавшая до тех пор в ряде областей страны, в одночасье рухнула, что свидетельствовало о том, что у крестьян не было ни крупных денежных средств, чтобы давать ссуды, ни каких-либо ценностей в обеспечение кредитов. Сохранившиеся записи о разделе имущества крестьян между наследниками, относящиеся к концу XVII в., производят впечатление большей скудости хозяйств, чем соответствующие документы начала столетия. В них фигурирует гораздо меньшее количество серебра, скота и доходов в денежном выражении. Для широких слоев крестьянского сословия условия жизни сводились к балансированию на грани прожиточного минимума, а то и ниже его.

Падение цен и затруднения с экспортом говядины нанесли

значительный ущерб также и помещикам. Снижение цен означало не только уменьшение доходов от торговли. Опустевшие крестьянские дворы, рост налогового бремени и общее обнищание крестьянского сословия привели к тому, что теперь помещикам трудно было рассчитывать на получение со своих крестьян-арендаторов всех причитающихся выплат.

Основным средством, с помощью которого помещики могли предотвратить уменьшение своих доходов, было расширение центральных имений с одновременным увеличением барщины для крестьян-арендаторов, поскольку повышать установленный размер оброка было запрещено. Отработка крестьянами барской повинности в принципе была безвозмездной, к тому же увеличение объема барщины мешало крестьянам осуществлять свои прочие выплаты. Правда, вплоть до 1662 г. крестьяне, отработывавшие барщину на землях центрального имения в своем приходе, — так называемые будничные работники — освобождались от уплаты чрезвычайных налогов. Таким образом, рост барщины стал альтернативой росту налогов.

В определенной степени право требовать выполнения барской повинности могло быть использовано для увеличения крестьянских выплат взамен (полностью или частично) освобождения от барщины. Такой стратегии успешно придерживались король, герцог Готторпский, а также многие помещики в герцогствах. В Дании Кристиан IV проводил эту линию в 20-х годах XVII в., однако безрезультатно, ибо, как оказалось, датские крестьяне обладали заметно меньшей денежной массой, чем крестьяне в герцогствах.

Основными источниками получения доходов для владельцев поместий собственно в Дании являлись центральное имение и барщина. В XVII в. явно прослеживались тенденции к расширению полей центральных имений и выравниванию владений арендаторов. Путем сложных операций по обмену земельных участков имения были заново воссоединены, хотя во многих из них по-прежнему продолжала действовать старая система чересполосицы. Одновременно с этим были снесены многие крестьянские дворы, за счет чего создавались новые либо расширялись старые центральные имения. Процесс создания новых и расширения уже существующих центральных имений получил мощный толчок после 1660 г. Включение земель разорившихся арендаторов в состав центрального имения был одним из способов

получения хоть какого-то дохода от них, а широкая распродажа коронных владений вела к созданию новых центральных поместий.

Правда, по прошествии нескольких лет абсолютизм положил конец расширению и росту числа центральных имений. В 1662 г. были отменены налоговые льготы в отношении «будничных работников», а в 1682 г. введен запрет на снос крестьянских дворов. Именно с крестьянских хозяйств собиралась основная масса налогов, поступавших в казну абсолютистского государства, да и большая часть рекрутов набиралась именно из крестьянской среды. Таким образом, крестьян следовало всячески защищать.

На практике, однако, снос крестьянских дворов не прекратился, хотя масштабы его заметно уменьшились. По различным оценкам, за период с 1525 по 1682 г. в Северной Ютландии и на островах было снесено от 2 до 2,5 тыс. крестьянских дворов, что составляло примерно 4% хозяйств, существовавших в стране в эпоху Реформации. Таким образом, речь не шла о каком-то решительном наступлении на крестьянские хозяйства Дании. Тем не менее данный процесс привел к увеличению площадей центральных имений почти вдвое. В 1682—1683 гг. они составляли 9% всех обрабатывавшихся земель в Дании; во владении крестьян по-прежнему оставалась большая часть всех земельных угодий страны. Даже в поместьях на датских островах доля центральных имений редко когда превышала 20 — 25%.

Датская система формирования поместий была отлична от системы, известной под немецким названием *Gutsherrschaft*, основными элементами которой были использование хозяйственного потенциала центрального имения и барщина. Подобная система применялась в восточных областях Шлезвига и Гольштейна, где площади центральных помещичьих имений составляли в XVIII в. 50% и более всех сельскохозяйственных площадей, что напоминало положение дел во многих регионах Восточной Европы. Здесь основной повинностью крестьян в пользу помещика являлась барщина, в то время как оброк был невелик, а налоги платил сам помещик. В большинстве же королевских и готторпских амтов в герцогствах, а также в ряде помещичьих владений отработка крестьянами барской повинности в центральном имении была полностью отменена. Вместо барщины крестьяне обязаны были делать достаточно большие выплаты в пользу владельца земли. Здесь, как и в большинстве стран Западной Европы,

денежные выплаты стали основным видом крестьянских повинностей, и данная система получила название Grundherrschaft. Датская же поместная система была чем-то средним между этими двумя системами: владелец поместья требовал от держателя земли как отработки барщины, так и определенных платежей, однако и то и другое в гораздо более ограниченном объеме, чем, соответственно, его восточно- и западноевропейские коллеги.

Для датских крестьян расширение центральных имений означало ухудшение условий жизни. Все больше крестьян вовлекалось в отработку барщины, а для тех из них, кто отрабатывал ее заранее, размер барщины увеличивался. По всей вероятности, возросло и применение физического принуждения крестьян к отработкам, хотя, разумеется, в интересах землевладельца было, чтобы все работы протекали без особых конфликтов. В основном отрабатывали барщину работники и работницы, трудившиеся у крестьян-арендаторов. Для крестьян — владельцев хозяйств (горманов) и их жен барщина являлась экономическим бременем в смысле расходов на оплату труда работников и затрат на лошадей, привлекавшихся для работ в господском имении. Кроме того, следует учесть, что, прежде чем стать самостоятельными хозяевами, сам крестьянин, равно как и его жена были такими же работниками.

Тем не менее барщина была отнюдь не единственной и вовсе не самой тяжелой повинностью для датских крестьянских хозяйств. Даже в тех областях, где существовал наибольший размер барщины, центральные имения составляли, как правило, всего лишь пятую часть всех земель. Поскольку помещичьи и крестьянские поля обрабатывались примерно одинаково, большую часть времени крестьяне и их работники проводили в своих деревнях и на своих землях. Тяготы барщины были вполне сопоставимы с тяготами по выплатам налогов в пользу короля и выполнению прочих повинностей в пользу помещика.

Абсолютистское государство возлагало ответственность за выполнение своих требований по взиманию налогов и вербовке солдат на помещиков таким образом, что они несли личную ответственность за сбор полной суммы налогов и рекрутирование искомого числа новобранцев вне зависимости от той ситуации, в которой находилось поместье, и от положения крестьян. Это вело к тому, что абсолютизм

вынуждал помещика проявлять личную заинтересованность при реализации требований государства. Заставить помещиков везти за государство этот тяжелый воз было, по-видимому, единственным действенным способом обеспечить выполнение всех требований, предъявлявшихся к населению страны, а также наиболее дешевым методом управления. Подобный же феномен можно было наблюдать во многих уголках Европы.

Для помещиков такая ситуация была двойственной. Не по собственной инициативе, а преследуя прежде всего интересы государства они вынуждены были значительно ужесточить давление на собственных крестьян. На рубеже XVII —XVIII вв. датские крестьяне испытывали трудности с несением своих денежных повинностей. В такой ситуации помещику приходилось в первую очередь заботиться об уплате его крестьянами королевских налогов, ибо за это он нес личную ответственность, и лишь затем — о сборе платежей в свою пользу. Это ставило крестьян в еще большую зависимость от воли помещика. Если они не выплачивали платежи, то могли в любой момент лишиться своего хозяйства. На рубеже XVIII в. такая судьба постигла практически каждого пятого держателя земли. Не менее сильным оружием в руках помещика была также и возможность — либо просто угроза — сдать в солдаты наиболее строптивых из своих крестьян и их работников.

С точки зрения крестьянского сословия, власть помещиков достигла небывалых масштабов, а жизнь основной части населения страны оказалась ограничена рамками поместья. Так абсолютизм создавал и поддерживал общественный порядок в деревне.

Тем не менее это вовсе не означает, что государство выступало в роли органа, который проводил в жизнь интересы помещиков. Напротив, государство — а фактически армия — напоминало о себе только в тот момент, когда наступала пора распределения прибыли, которую давала деревня. Скорее помещик стоял на страже интересов государственной власти, чем наоборот.

Провинциальные города и столица

Кризис, которым было охвачено датское сельское общество, не замедлил сказаться и в городах. В первую очередь это касалось

большинства провинциальных городов страны, которые во второй половине XVII в. переживали пору упадка. Обедневшие крестьяне и помещики были плохими покупателями товаров, предлагавшихся городскими торговцами и ремесленниками; экспорт сельскохозяйственной продукции шел на убыль, а датские купцы оказались вытеснены голландскими, что прежде всего касалось экспорта скота. Существовали, правда, отдельные исключения, как, например, Ольборг, процветавший за счет лова сельди в проливе Лимфьорд и расширения торговли с Норвегией.

Однако главным исключением являлся Копенгаген. За сорок лет число жителей города удвоилось и составило около 70 тыс. в 1700 г. по сравнению с примерно 30 тыс. в 1660 г. Темпы роста выглядели еще более впечатляющие, если брать за отправную точку период Реформации. Будучи самым большим городом страны, превосходившим второй по величине город более чем в 3 — 4 раза, Копенгаген в XVIII в. расширился настолько, что число его горожан равнялось числу жителей всех вместе взятых провинциальных городов страны.

Столица занимала особо привилегированное положение в экономической политике, которую проводил абсолютизм. Большинство поддерживавшихся государством мануфактур и компаний, находившихся на территории собственно Дании, располагались в Копенгагене; кроме того, город обладал ценными монопольными правами на торговлю табаком, вином, заграничным спиртным и солью. Рост Копенгагена являлся прежде всего следствием усиления государства. Королевский двор, органы центральной администрации и армия сами по себе составляли немалую часть населения столицы, и помимо того за счет их обслуживания и снабжения существовала также весьма значительная группа горожан. Двор и армия всегда являлись крупными покупателями, и, хотя многие товары приобретались ими в Гамбурге или Амстердаме, богатые копенгагенские купцы также играли ключевую роль в качестве государственных поставщиков. Как и в случае с помещиками, при абсолютизме существовал симбиоз между государством и крупными купцами, причем последние имели более широкие возможности извлечь из этого пользу. В ответ государство ожидало от них готовности предоставлять кредиты на его нужды, а также участия в различных государственных проектах.

Элита

Абсолютизм опирался на уже существовавшую в обществе элиту. Он использовал ее для достижения собственных целей, защищая вместе с тем ее социальные и экономические интересы, поскольку они не приходили в столкновение с интересами государства. Абсолютизм не стремился к социальному выравниванию общества. При нем продолжали существовать привилегии, а неравенство было закреплено институционально. В 1661 г. дворянству, духовенству и бюргерам были дарованы новые привилегии, что означало сохранение прежних сословий в датском обществе. То же самое можно сказать и о крестьянстве, статус которого, однако, предусматривал скорее определенные тяжелые обязанности, нежели какие-либо особые права.

Принадлежность к тому или иному сословию разделяла население на различные группы. Вместе с тем абсолютизм создал и иную форму социального неравенства, введя в 1671 г. табель о рангах. В соответствии с ней была выстроена иерархия, строго регламентировавшая место каждого принадлежащего к элите человека. Характерной чертой данной системы было то, что получение высшего ранга, как правило, обуславливалось занимаемой должностью или же дарованным королем личным (ненаследуемым) титулом. Таким образом, присвоение высшего ранга всецело зависело от воли государя. Только он определял место каждого из его подданных в социальной иерархии.

В то же время в структуре элиты общества происходили изменения, делавшие большую часть существующих сословных различий достаточно иллюзорными. До 1660 г. дворянство, класс помещиков и чиновничий корпус были единым целым, и это означало, что все вместе они составляли сплоченную группу, пользовавшуюся широкими правами по отношению к государству. В экономическом отношении богатые бюргеры являлись их конкурентами, однако доступ к владению поместьями и занятию высоких должностей был для них закрыт. В эпоху абсолютизма такое жесткое кастовое различие сменилось более размытыми границами между группами различных элит.

До 1660 г. дворянство имело монополию на владение 44% всех земельных угодий страны. В течение нескольких десятилетий до этого земельный рынок неоднократно переживал различные потрясения,

однако если какой-либо дворянин собирался продать свой надел, то закон гарантировал, что покупателем в подобной сделке будет также представитель дворянства. После установления абсолютизма таких гарантий более не существовало. Хотя доля земель, принадлежавших помещикам, за период с 1660 по 1682 г. в целом выросла с 44 до 63%, однако угодья, собственниками которых являлись старые дворяне, составляли теперь лишь 30 — 35%. Обширные земельные владения, которыми корона расплачивалась со своими кредиторами, оказались по большей части собственностью датских и иностранных буржуа; они же скупили в последующие годы многие из тех поместий, что были выставлены на продажу их прежними хозяевами-дворянами. На протяжении жизни всего одного поколения сформировался новый слой землевладельцев, чья земельная собственность практически не уступала по размерам владениям старого дворянства. В следующие десятилетия, правда, процесс этот был не столь стремительным, но неуклонным. Класс крупных землевладельцев в Дании XVIII в. состоял из представителей как старого, так и нового дворянства, а также буржуазии.

Равным же образом старое дворянство утратило монополию на замещение высших и наиболее прибыльных должностей. Еще несколько лет после 1660 г. представители старой аристократии составляли большинство среди амтманов и чиновников, входивших в высшее руководство страны, однако число их быстро сокращалось. Уже во время Великой Северной войны лишь небольшая часть высоких чиновничьих должностей была занята старыми дворянами. Большинство чиновников являлись выходцами из буржуазной среды. Таким образом, старое дворянство было охвачено экономическим и политическим кризисом.

Сказанное вовсе не означало, однако, что абсолютизм выступал противником дворянства как такового. Наоборот, он открыл возможность для обновления датского дворянства. Первые самодержцы Дании набирали большинство ведущих государственных чиновников и первых лиц двора в обход датской аристократии: частично из числа представителей буржуазии, частично — за границей, при этом, правда, из числа иноземных дворян. Многим из последних они даровали датское дворянство. Нечто подобное происходило и в прочих европейских странах.

В основе внутренних различий в среде старого дворянства лежал разный уровень богатства, политического влияния и семейных традиций аристократических родов. В 1671 г. была создана формальная иерархия дворянства путем введения титулов графа и барона, что привело к нарушению его прежнего единства, поскольку графы и бароны занимали более высокое положение, нежели прочие дворяне. Характерно, что большинство графов и баронов были выходцами не из числа старого дворянства, а зарубежными аристократами или представителями датской буржуазии — отчасти из-за того, что многие богатые старые дворяне предпочитали оставаться в тени.

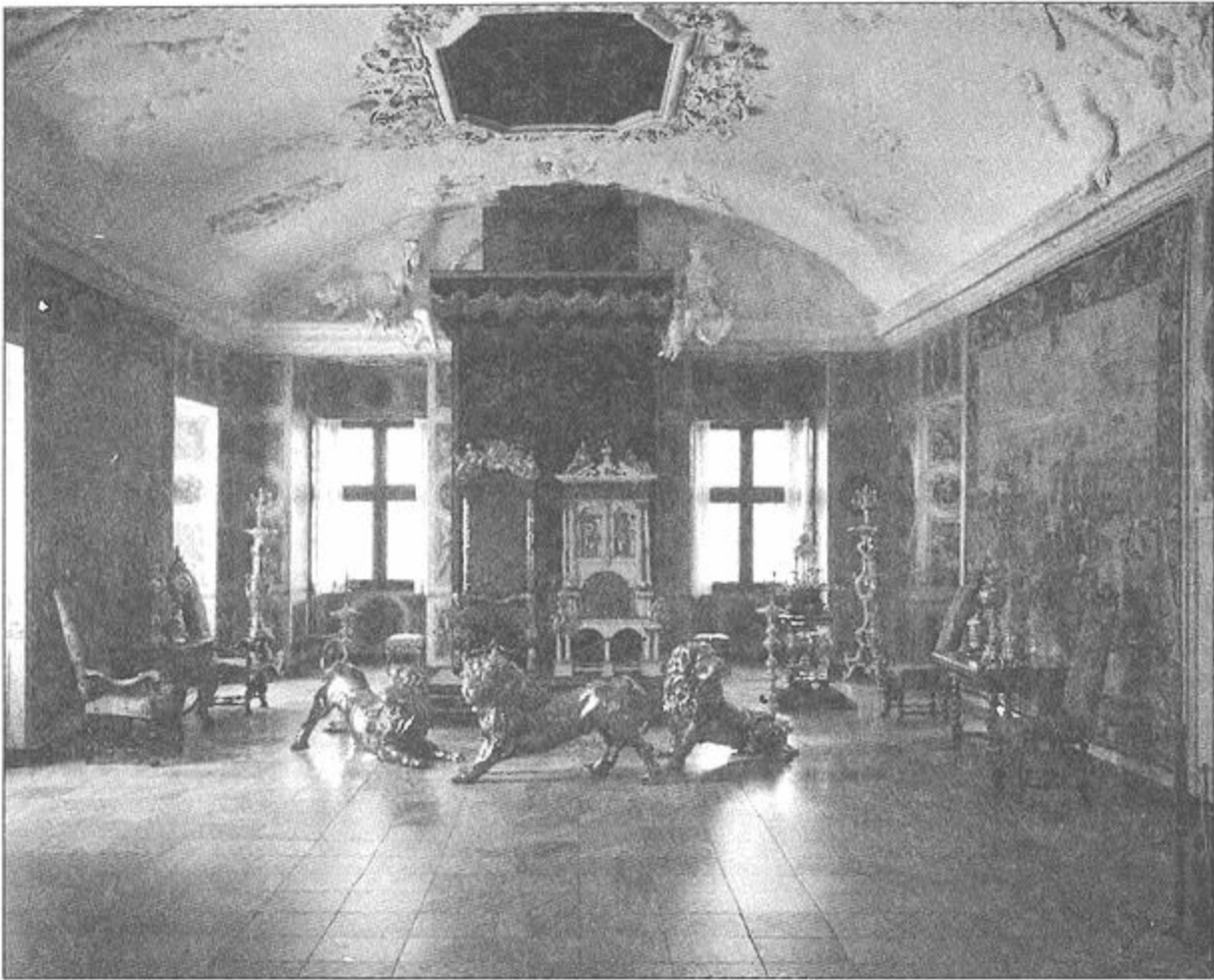
В первые полвека после установления абсолютизма существовала определенная, но незначительная разница между старым и новым дворянством. Однако за жизнь одного — двух поколений новые дворяне вполне адаптировались в обществе, став так называемым старым дворянством или просто дворянством. Это также можно считать общеевропейским феноменом. Элиту общества в эпоху зрелого абсолютизма составляли по большей части именно дворяне. После 1700 г. они владели в общей сложности примерно половиной всех земельных угодий страны и занимали большинство высших чиновничьих должностей. От многих стран Европы Дания отличалась, однако, тем, что здесь преобладало все же новое дворянство. Необычным являлось то, что выходцев из старых дворян среди датских графов и баронов, министров и генералов в XVIII в. было явное меньшинство.

Помещики и чиновники, происходившие из среды буржуазии, также часто встречались и в герцогствах. Однако изменения в структуре дворянства здесь не были столь кардинальными. Приток нового дворянства был не так велик, и старые дворяне в основном сохранили за собой свои поместья, а отчасти также и должности. Влияние абсолютизма к югу от реки Конгео^[41] в Ютландии было не таким сильным. И наоборот, в Норвегии власть почти полностью перешла к бюргерству, в то время как и без того слабое национальное дворянство почти полностью утратило свое влияние.

Культура в эпоху абсолютизма

В эпоху абсолютизма значимость двора монарха сильно возросла, и

крайне важным стало надлежащее возвеличивание самыми различными способами королевской власти. Наиболее ярким примером тому служила Франция эпохи Людовика XIV, подражать которой разоренному датско-норвежскому королевству было крайне сложно. Художники, скульпторы и поэты трудились не покладая рук, возвеличивая короля. Один французский скульптор изваял Кристиана V в образе римского императора, создав первую в стране конную статую; ее установили на площади Конгенс Нюторв в Копенгагене. Новые роскошные дворцы в стране не строились, однако прилагались большие усилия, чтобы украсить уже существующие. Типичным для того времени являлось убранство самых великолепных из них — рыцарского зала дворца Росенборг и зала для аудиенций дворца Фредериксборг, где королю воздавались почести как предводителю войск во время войны за Сконе. В этих дворцах проводились различные церемонии, в ходе которых приближенные государя выступали в роли своего рода актеров, постоянно подчеркивавших его статус. Члены правящей верхушки страны все больше времени проводили в Копенгагене, и столичные резиденции стали их постоянным местом жительства. Когда из-за ухудшившейся экономической ситуации строительство поместий практически прекратилось, культурная жизнь элиты общества полностью перекочевала в Копенгаген, где достигла небывалых до тех пор масштабов.

Рыцарский зал дворца Росенборг

Абсолютная монархия уделяла большое внимание своей репрезентации. В силу ограниченности средств первым датским самодержцам трудно было соперничать с прочими европейскими монархами в строительстве роскошных дворцов; тем не менее они прилагали к этому немалые усилия. Длинный зал, расположенный в верхнем этаже дворца Росенборг, был превращен в роскошные покои, украшенные гобеленами с изображениями подвигов Кристиана V во время войны за Сконе. Это напоминает знаменитую зеркальную галерею в Версале, прославляющую полководческие победы Короля-Солнца. В зале также были установлены новые троны, которые стерегли три больших льва, изготовленные из серебра, добытого на государственном руднике в Конгсберге в Норвегии. (Фото: Кит Вайсе)

Среди поэтов, слагавших хвалебные оды в честь короля и

писавших стихи к различным праздничным датам, выделялась фигура пастора Томаса Кинго. Однако особую известность он снискал как автор ряда серьезных изменений, внесенных им в датские канонические псалмы, прежде всего в покаянные и псалмы на библейские сюжеты. Именно они составляют основную часть нового сборника псалмов, изданного им в 1699 г. В то же время Кинго являлся одним из представителей тенденций пиетизма в датской церкви. Церковь в стране по-прежнему контролировалась государством, что, однако, не мешало распространению в ней новых религиозных движений.

Резюме

С начала до конца рассмотренного периода, длившегося около двухсот лет, Дания оставалась ядром сложившегося к тому времени средних размеров конгломератного государства. За это время некоторые части королевства, в которых проживало до 15% его населения, отошли к Швеции, что, впрочем, в какой-то степени компенсировалось приобретенными монархией северогерманскими графствами и небольшими колониями в тропиках. Это лишний раз подчеркивает многонациональный характер государства, расположенного на различных территориях.

В то же время в данный период получили развитие тенденции к созданию национального государства. В эпоху Реформации была образована национальная церковь, действовавшая на территории королевства Дания и проводившая богослужение на датском языке. Лейтмотивом данного периода следует считать продолжавшееся полторы сотни лет противоборство со Швецией. В конце концов обе страны оказались отодвинутыми на второй план в большой политической игре, развернувшейся в Европе в XVIII в., причем Швеция вышла из этого противоборства с меньшими, нежели Дания, потерями. Однако то обстоятельство, что Дания постоянно находилась в состоянии настоящей или «холодной» войны со Швецией, привело к глубоким преобразованиям в самом датском обществе. Впервые в истории Дании появились значимые государственные структуры, к которым относились регулярная армия и определенный слой бюрократии; кроме того, резко возросла доля государства в

общественном производстве. В политическом отношении из страны с децентрализованной системой управления, где большим влиянием пользовалось дворянство, королевство превратилось в гораздо более централизованное государство с небывалой абсолютной властью монарха. Абсолютистская власть проявилась в унификации системы управления страной посредством создания единых административных органов, новой системы налогообложения, принятия свода национальных законов, а также основополагающих религиозных текстов для церковной службы. Особые порядки, существовавшие ранее в отдельных регионах, такие, как местные законы, проведение региональных собраний дворянства и представителей торговых городов, а также создание местной казны для военных нужд, были упразднены. Раньше всего установление единых правил произошло в Дании и Норвегии, причем в каждой из них процесс этот, как правило, протекал вполне независимо. В герцогствах абсолютизм победил лишь отчасти; здесь продолжали действовать как свои порядки, так и те, которые роднили их (особенно Гольштейн) с германскими государствами. Таким образом, развитие шло к созданию еще более тесной связи между тремя основными частями королевства, представлявшими собой достаточно самостоятельные образования, сердце которых, однако, находилось в Копенгагене, превратившемся в это время в настоящую столицу государства.

АБСОЛЮТИЗМ И РЕФОРМЫ (1720-1848)

Герда Бондеруп

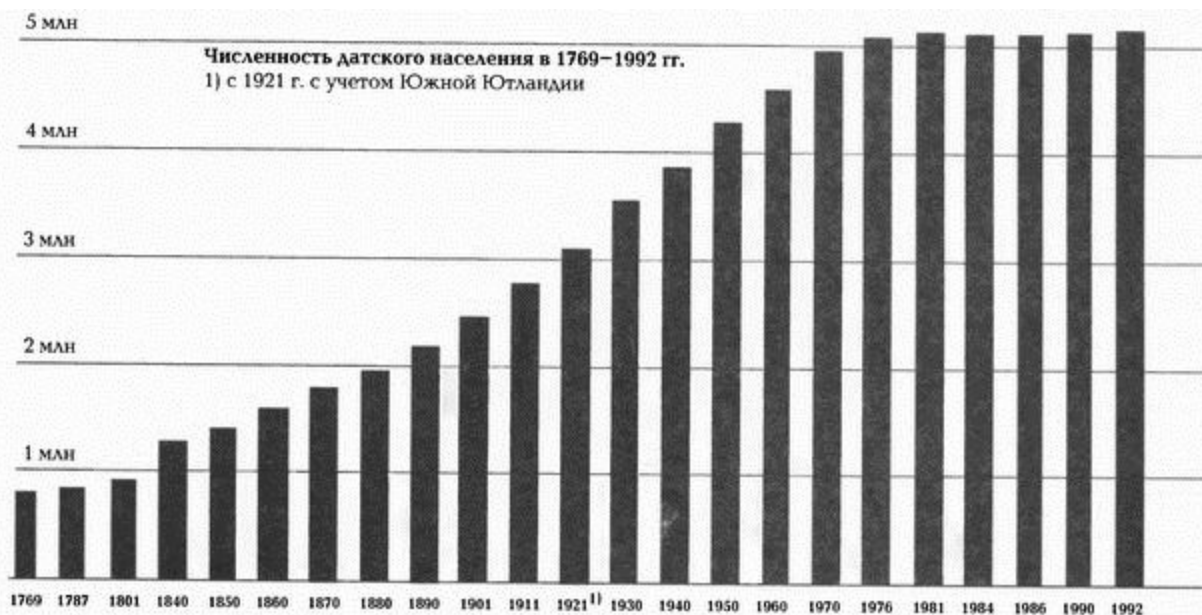
Глава 11

Общество при абсолютизме

В 1721 г. в Дании проживало около 750 тыс. человек, в Норвегии — около 450 тыс. и примерно 400 тыс. человек в герцогствах. К 1848 г. количество жителей в Дании и герцогствах удвоилось, а Норвегия к тому времени уже не принадлежала датской монархии. В последующем изложении основное внимание будет сосредоточено на ситуации, сложившейся собственно в королевстве. Что же касается Норвегии и герцогств, то тенденции их развития будут рассматриваться лишь в той мере, в которой они имели значение для Дании.

В течение большей части данного периода 80% населения страны проживало в деревне, 10% — в Копенгагене и 10% — в прочих торговых городах. Как видно из приведенной диаграммы, темпы рождаемости несколько превышали темпы смертности. Годовой уровень рождаемости составлял чуть больше 30 человек на 1000 жителей (в наши дни 11 человек на 1000). В темпах смертности к 1800 г. наметился спад, хотя младенческая смертность оставалась по-прежнему высокой — от 20 до 25%. Лишь когда ребенку исполнялось десять лет, можно было считать, что худшее для него позади, ибо до этого возраста не доживало от 30% детей в сельской местности до 40% в городах.

Документальные свидетельства о возрастном составе населения восходят к 1840 г., однако эти данные справедливы и для предшествующих лет. При этом они сильно отличаются от нынешней ситуации, поскольку в то время не менее трети населения страны составляли дети, а людей в возрасте старше 65 лет было всего 5%.

Динамика численности населения королевства Дании (Scocozza m.fl., 1996, Danm hvorndr, s. 389).

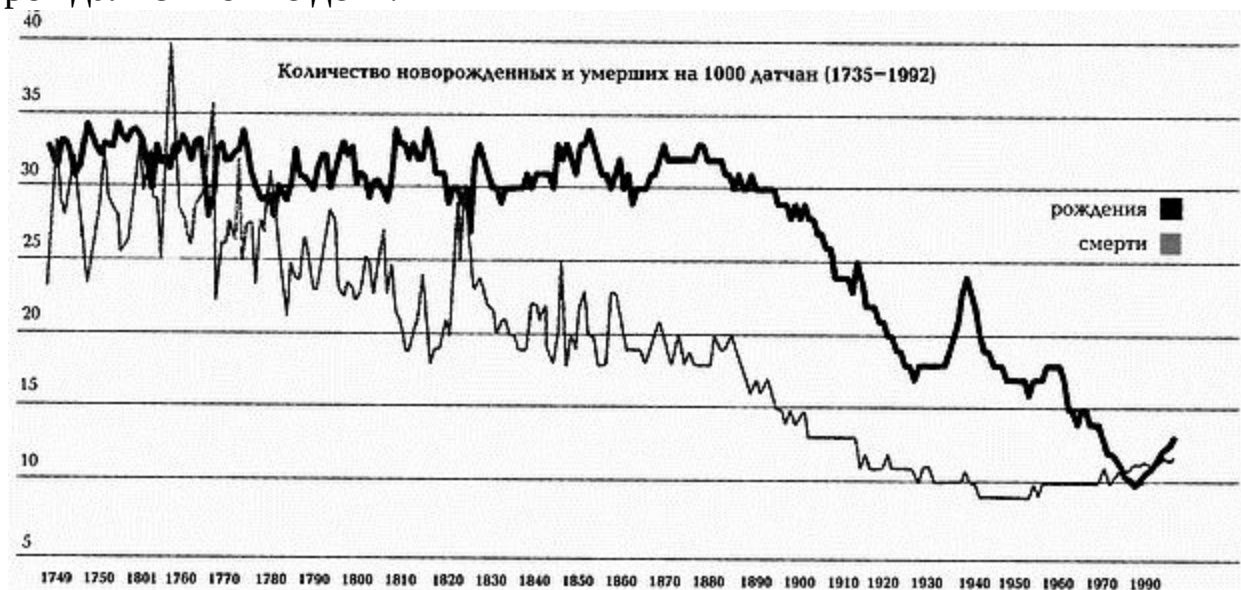
В брак в среднем вступали довольно поздно — мужчины, как правило, в 30 лет, а женщины — в 28.

Тип семьи, или, вернее тип домашнего хозяйства, определялся социальным положением. Чем выше в социальной иерархии находился статус семьи, тем большее количество домочадцев насчитывалось в доме. В имении помещика кроме его так называемой простой (нуклеарной) семьи могли также проживать его друзья и родственники, а также многочисленная прислуга, численность которой иногда доходила до 30 — 50 человек. Количество домочадцев в домах крупных купцов могло достигать 20 — 30 человек. В крестьянских усадьбах проживало по четверо — шестеро взрослых членов семьи и по три — четыре ребенка; к этому следует прибавить большее или меньшее количество работников и работниц — в зависимости от возраста детей и их способности оказывать помощь взрослым членам семей в ведении хозяйства. Численность домочадцев ограничивалась «простой семьей» лишь у хусманов и батраков — поденных работников, которых было немало как в деревне, так и в городах.

Семья, состоявшая из представителей трех поколений, которую нередко идеализируют, была достаточно редким явлением. Старшие члены семьи продолжали трудиться до тех пор, пока физически были на это способны, поэтому и возраст вступления в брак у представителей

следующего поколения был столь высоким. Наиболее типичной для всей Северо-Восточной Европы являлась семья, состоявшая из представителей двух поколений. В южных же странах европейского региона (например, в Италии) встречались так называемые родовые семьи, где представители второго поколения вступали в брак гораздо раньше и молодые жили вместе с родителями. А на востоке — «большие семьи», объединявшие три поколения, иногда к тому же еще и их братьев с сестрами.

Не редкостью были и одинокие молодые матери с детьми. В первой половине XIX столетия в среднем по стране их было всего 9%, но в низших слоях общества их количество могло достигать 40%. Причина этого становится ясна, если проанализировать следующие данные. Примерно такой же высокий процент в семьях владельцев хуторов и горожан составляли первенцы, появившиеся на свет через пять — семь месяцев после свадьбы. Выходило, что в этих «высших» общественных кругах свято соблюдались формальности, — дети обязательно должны были рождаться в браке, быть «законными», тогда как в низших кругах на это смотрели проще. Тем не менее сказанное вовсе не означало, что матери-одиночки так никогда и не создавали семей. Большинство из них со временем выходили замуж за отца своего ребенка, и в этих браках рождались новые дети.

Количество новорожденных и умерших (Scocozza m.fl., 1996, Danmarks historiens hvem

Сельское общество до начала реформ

От 700 до 800 центральных имений страны и почти все крестьянские владения находились в собственности помещиков, короны и различных учреждений. Самыми большими земельными владениями были так называемые майораты — имения графов, баронов и прочих дворян, переходившие по наследству. Каждый майорат включал несколько центральных имений с прилежащими крестьянскими хозяйствами. Поместье графа составляло минимум 2500 тёнде харткорна, поместье барона — минимум тысячу. Многие помещики владели чуть более чем 200 тёнде харткорна, которые составляли налогооблагаемый минимум для центрального имения.

Помещики являлись высшим классом сельского общества, крестьяне — его низшим классом. Между ними существовала прослойка, в которую входили государственные фогты, священники, окружные фогты и прочие чиновники. Роль, которую они играли в деревне, постепенно возрастала, благодаря чему многие из них со временем переходили в состав высшего — помещичьего класса.

В высший слой крестьянского сословия входили владельцы дворов-хозяйств — горманы. Численность их достигала 60 тыс. человек, а средний размер хозяйства составлял 4 — 6 тёнде харткорна. Следующими были мелкие крестьяне — хусманы, число которых в рассматриваемый период увеличилось приблизительно с 25 тыс. до 110 тыс. человек. Низшим был слой так называемых домашних, или работников, которые не арендовали ни хозяйство, ни дом, а, как правило, жили в усадьбе арендатора. Кроме того, был еще и слой прислуги, которую в крестьянских хозяйствах причисляли к домочадцам.

Лишь в начале XIX в. была проведена четкая граница между крестьянским двором-хозяйством и обычным домом, равная 1 тёнде харткорна. Однако разница между их владельцами существовала в сельском обществе и на более ранних этапах. Земельные наделы хусманов были столь малы, что они вынуждены были искать дополнительный приработок — заниматься рыболовством, каким-либо деревенским промыслом или наниматься батраками на поденную работу. В источниках того времени представителей этой группы именуют по-разному. В зависимости от того, какое из занятий человека

автор источника — как правило, пастор — считал основным, он мог называться либо рыбаком, либо хусманом.

Как уже было сказано, кроме помещиков, крестьян-собственников земли и хусманов существовали еще две группы сельского населения — прислуга и так называемые работники, или домашние. Статус последних определить достаточно сложно, ибо в их число вполне могли входить как престарелые, ушедшие на покой крестьяне-собственники, так и сыновья владельцев хозяйств, которые позже должны были унаследовать собственность отцов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что источники дают о них довольно расплывчатые сведения.

Большинство владельцев хозяйств жили в деревнях, и лишь на Борнхольме и в части областей Западной Ютландии крестьянские имения — хутора располагались обособленно. В деревне существовала система общего землепользования, так что пахотные земли (полоски пашни) каждого хозяйства распределялись по всему деревенскому полю. Более половины всех прилегающих к селу и входивших в него земель: деревенские улицы, общинные выпасы для скота, леса, болотные пустоши — были общими. Что же касается пахотных земель, то они обрабатывались каждым хозяйством индивидуально в соответствии с определенной системой, варьировавшейся в различных районах страны. На островах и в Восточной Ютландии была наиболее распространена трехпольная система с чередующимися посевами озимых, яровых и парами.

Порой у владельца пахотной полосы могли возникнуть трудности с посевом, если он не заканчивал его до тех пор, пока не начинали сеять владельцы соседних участков пашни. Поэтому он вынужден был первым осуществлять посев на своей полосе, причем сроки посевов определялись сообща на деревенском сходе. Сход, как правило, созывался старостой деревни и происходил в воскресенье после церковной службы. Староста избирался из числа крестьян — владельцев хозяйств сроком на один год, как это следовало из уложений об общинном ведении хозяйства и «совместном общинном проживании» — так называемых ведов.

В большинстве ведов говорилось, что, когда все поля засеяны, они становятся неприкосновенными — то есть участки надлежит огораживать. Тот, кто медлил с этим, подвергался штрафу за каждый просроченный день, а на того, кто использовал материал для изгороди,

взятый из забора соседей, либо выпускал свой скот на соседские поля, также налагали крупный штраф.

Самое же жесткое наказание применялось к тем, кто не спешил прийти на помощь в случае возникновения пожара. Это вполне понятно, ибо пожары были страшной угрозой для деревень, состоявших из крытых соломой домов, которые располагались весьма близко друг от друга. Поэтому, к примеру, запрещалось выходить из дома и курить трубку, если на ней не было крышки. Старосты же ежегодно в сопровождении нескольких помощников осматривали все очаги в деревне и требовали немедленного устранения обнаруженных недостатков.

Как правило, в ведах деревни устанавливалось, какое количество торфа каждый член общины может взять на болотных пустошах, а также какое количество скота он имеет право пасти на общинных выгонах. Все это устанавливалось пропорционально величине хозяйства, измеряемой в тёнде харткорна. Веда содержала также и правила оказания взаимной помощи соседям. После пожара все должны были сообща участвовать в восстановлении сгоревшего жилья, а в случае болезни крестьянина в осеннюю страду — в сборе его урожая.

В обязанности пастора входила забота о бедных — тех, кто не мог прокормиться сам и не имел семьи, которая могла бы его содержать. В их число входили старики, инвалиды и дети-сироты. Их по очереди кормили все члены общины; кроме того, на их содержание шли средства из приходской кассы, к которым в XVIII в. стали добавляться и деньги от штрафов, устанавливавшихся ведами. Это новшество было введено по инициативе пасторов, нередко при поддержке помещиков — еще и потому, что отныне штрафы налагались в денежном выражении, а не так, как ранее, — в определенном количестве потов^[42] «доброго пива». Его распивали совместно на деревенских сходах, что зачастую приводило к разного рода богохульным высказываниям и возникновению драк. Во многих ведах XVIII в. можно найти параграф следующего содержания: «Каждый обязан с вежливостью и благонаравием... разговаривать и обращаться друг с другом, не ругаться, не чинить хулы, не говорить неправды, не злословить» (= не кричать, не лгать, не клеветать). Например, в «Книге вёдов Хольме» штраф за это предусматривался в размере 4 скиллингов, на что можно было купить четверть фунта табаку или почти поллитра самогона.

Совместно справлялся в деревенских общинах и ряд праздников: общих, церковных, сезонных и семейных. В то же время социальные различия между владельцами хозяйств и хусманами были весьма ощутимыми. На деревенских сходах правом решающего голоса пользовались лишь крестьяне-хозяева. Хусманы также присутствовали на сходах, не имея, однако, права голоса, хотя принятые решения касались и их. В деревне все точно знали, к какой группе принадлежит тот или иной член деревенской общины. Если же с кем-то из хусманов случалось несчастье, он также мог рассчитывать на помощь общины наравне со всеми.

Деревенская община являлась одним из ключевых факторов, определявших жизнь крестьянина и его домочадцев. Другим немаловажным фактором было помещичье имение. Хозяйства крестьян, равно как и дома хусманов, расположенные в одной деревне, как правило, входили в состав владений сразу нескольких помещиков.

Взаимоотношения помещиков и крестьян-арендаторов закреплялись договорами держания земли, которые обе стороны подписывали при вступлении арендатора в свои права на пользование хозяйством и которые с 1719 г. стали включаться в реестр — так называемый арендный, или фестерский, протокол. Фестер-арендатор вступал во владение двором, землей и прочим имуществом, стоимость которого была тщательно подсчитана. Кроме того, ему могла достаться и вдова прежнего арендатора, которая зачастую бывала на 20 — 30 лет старше своего нового мужа. От него же самого требовалось следующее: вступительный взнос, который в договоре держания обычно оговаривался в форме выплаты определенной денежной суммы, ежегодное внесение оброка — фестерской ренты либо в виде денег, либо продуктами натурального хозяйства — и, наконец, отработка так называемой барщины.

В договорах держания размер барщины не определялся, а оговаривался «согласно установленным обычаям» и т. п. Таким образом, мы точно не знаем, сколько следовало трудиться на помещика, и сведения об объеме барщины, как правило, бывали преувеличены. Причина этого заключается в следующем. Во второй половине XVIII в. власти решили точно определить размер отрабатываемой барской повинности, и помещики охотно предоставили государству требуемые сведения. Однако поскольку они понимали, что делается это с целью

заменить барщину денежной выплатой, то объем повинностей, указывавшихся на бумаге, которая, как известно, все стерпит, бессовестно ими завышался. Так, к примеру, в деревне Катхольм на Дьюрсланде помещик П. Росенэрн требовал от крестьян отработки не менее чем 115 «упряжных дней» (предоставление упряжек лошадей либо волов для полевых работ) и 330 обычных рабочих дней в своих центральных имениях. Естественно, данный пример утрирует ситуацию, да и отработка этих 445 дней производилась не самим крестьянином — что было бы просто невозможно, — а несколькими работниками его хозяйства. Скорее всего, отработка такого вида повинностей составляла три — четыре рабочих дня в неделю в расчете на одного человека. Кроме того, обязаны были работать на поле центрального имения только те крестьяне, которые жили неподалеку. С тех же крестьян, чьи хозяйства находились на значительном расстоянии от господского поля, помещик предпочитал взимать определенную сумму для найма работников. Во многих местах применялась комбинированная форма исполнения барской повинности: уплата определенной денежной суммы и отработка нескольких дней во время уборочной страды.

В договоре держания записано было также, что крестьянин обязан вовремя уплачивать налоги, и таким образом помещик в ряде ситуаций выступал в качестве полномочного представителя верховной власти по отношению к своему крестьянину-арендатору.

Самой важной обязанностью помещика являлся сбор налогов. Он требовал уплаты налогов с крестьян и сам отвечал перед короной за собранную сумму, если кто-то не мог с ним полностью рассчитаться. В свою очередь центральное имение освобождалось от уплаты налогов, если крестьянские хозяйства на расстоянии ближайших 2 миль оценивались более чем в 200 тёнде харткорна.

За рекрутский набор тоже нес ответственность помещик. Он вел списки работников поместья, способных нести воинскую повинность, и определял, кто из них должен быть отправлен на службу в армию. С начала XVIII в. работники были привязаны к тем поместьям, где они выросли и жили, и не могли покинуть их без разрешения на то помещика. Соответствующее разрешение в виде свободного паспорта помещик мог им продать, и таким образом крестьяне могли выкупить себя из такого полукрепостного состояния.

Кроме того, помещик наделялся юридическими правами по разделу

имущества. В случае смерти арендатора земли помещик или его фогт выступал в качестве управляющего имуществом умершего, производил тщательный учет всех ценностей, входивших в хозяйство, как на момент подписания договора держания, так и на момент смерти. Таким образом, могло быть установлено наличие либо отсутствие каких-либо вещей, что сказывалось на цене хозяйства. Фактически помещик выступал в роли арбитра в деле, непосредственно затрагивавшем его собственные интересы.

И наконец, помещик исполнял своего рода полицейскую функцию. Он собирал штрафы, которые окружной суд налагал на крестьянина, и мог сам приговорить его к тюремному заключению или телесным наказаниям за совершение каких-либо проступков либо просто за отказ быть «послушным и покорным» воле своего помещика, как то было записано в договоре держания. Таким образом, очевидно, что фестерские договоры были далеки от договоров аренды между равноправными партнерами, которые заключались в более поздние времена.

Наиболее крупные помещики обладали еще и дополнительными полномочиями. Майораты и некоторые прочие имения были исключены из юрисдикции округов и сами представляли собой особые правовые субъекты — так называемые бирки — с собственными окружными судьями, кандидатуры которых отбирались помещиком. Имения графов и баронов, кроме того, исключались из ведения администрации амтов, поскольку граф или барон сам выступал в роли амтмана по отношению к своим крестьянам и чиновникам низших рангов. Помещики могли принимать непосредственное участие и в делах церкви. Многие из них являлись владельцами одной или нескольких местных церквей и собирали соответствующую церковную десятину, а некоторые пользовались правом патроната, то есть назначения священнослужителей в соответствующих приходах.

Помещик являлся, несомненно, наиболее сильной фигурой среди всех слоев сельского населения. Однако и его положение в большой степени зависело от сохранения сложившегося равновесия в обществе, что было своего рода гарантией от серьезных злоупотреблений помещиками своей властью.

Города

Помимо столицы в стране насчитывалось около 70 торговых городов; почти все они имели выход к морю, но были невелики. В 1750 г. в более чем половине из них число жителей не превышало тысячи человек. В Копенгагене же в середине XVIII в. проживало 75 тыс. человек. После него самыми большими городами были Оденсе, Ольборг и Хельсингёр, в каждом из которых насчитывалось около 5 тыс. жителей. Показатели смертности во всех городах — в отличие от общих показателей по стране — превышали показатели рождаемости, что являлось результатом плотной застройки и плохих санитарных условий. Тем не менее устойчивый приток населения из сельской местности обусловил значительный рост городов в период с 1721 по 1848 г. Начался процесс урбанизации. В 1850 г. население Копенгагена достигло 130 тыс. человек. По военным соображениям никто не должен был селиться вне городских стен, поэтому плотность проживания в городе достигла предела, столица росла в высоту и за счет застройки на задворках уже существующих зданий.

Вокруг торговых городов, так же как и вокруг деревень, располагалось общее поле. У каждого бюргера имелся свой надел, который в малых городах обрабатывался работниками бюргеров, а в крупных и в Копенгагене сдавался в аренду. Многие сохранившиеся вехи торговых городов содержат те же правила совместного пользования землей, что и в деревнях. Основное различие между торговым городом и деревней помимо размеров заключалось в разнице исполняемых ими функций. Городам принадлежало по большей части монопольное право на занятие торговлей и ремеслами, на содержание питейных заведений, на пивоварение в коммерческих целях и на изготовление самогона. Деревня же являлась для городов основным поставщиком сырья и покупателей. В деревнях разрешено было заниматься лишь наиболее необходимым для сельских жителей ремеслом, например кузнечным.

Благодаря своим привилегиям города оставались территориями, закрытыми для въезда и для выезда. У городских ворот постоянно находилась охрана, наблюдавшая за потоками людей и передвижением транспорта. Со всех товаров, ввозимых в город, она требовали уплаты пошлины — так называемого акциза. На ночь ворота запирались.

Привилегии обеспечивали городам своего рода самоуправление и существование собственных судебных органов.

Всех жителей торговых городов в XVIII столетии в общем можно разделить на две категории — бюргеры и прочие жители. Чтобы стать бюргером, следовало купить у городского совета соответствующий патент, который мог быть предоставлен лицу либо на основании рекомендаций цеха, либо в связи с привилегиями, дарованными ему самим королем. Собственно бюргеры составляли лишь 10% всего городского населения, однако вместе с домохозяевами число их достигало практически половины жителей городов. Социальное деление городского общества представляло собой следующую картину. На самом верху помещались высокопоставленные чиновники, такие, как амтман (или глава епархии), городской фогт и пастор; далее следовали врачи, юристы, аптекари и крупные купцы, а ниже всех находились ремесленники, поденные рабочие, матросы, прислуга и иждивенцы.

Дворы купцов располагались вдоль главных улиц, по которым осуществлялся въезд в город. Вместе с рыночной площадью они составляли те кварталы, где селились жители из высших слоев городского общества. В больших городах кроме перечисленных категорий были и так называемые зимние аристократы — дворяне, предпочитавшие проводить зиму в собственных городских домах и дворцах.

Следующую группу составляли городские ремесленники, имевшие патент горожанина и собственное хозяйство. Среди них также существовало внутреннее расслоение: так, на самом верху их иерархической лестницы помещались золотых дел мастера, а сапожники относились к низшей категории.

Взаимоотношения различных социальных групп были основаны не на земельной собственности, а на профессиональной принадлежности. Подмастерья и прислуга жили в доме своего мастера или господина и относились, таким образом, к числу его домохозяев. Мастера одной профессии объединялись в цехи, во главе каждого из которых стоял старшина, подмастерья — в гильдии, руководимые старшими подмастерьями. Такой порядок существовал, разумеется, лишь в крупных городах, где было много мастеров и подмастерьев, занимавшихся одним и тем же ремеслом. В малых городах различные профессии зачастую пересекались.

Упомянутые объединения во многом напоминали деревенскую общину. У цехов и гильдий были свои своды четких и фиксированных правил, равно как и собственные общие праздники. Заботу о неимущих, как и в деревнях, все брали на себя по очереди, а в крупных городах существовали работные дома и инспектора по делам бедных, которые занимались распределением добровольных пожертвований. В Копенгагене же был установлен прямой налог в пользу неимущих.

Столица во многих отношениях пользовалась особым статусом. В течение всего рассматриваемого периода ее население в 10—15 раз превышало население крупнейших торговых городов страны. Объяснялось это среди прочего и тем, что здесь был сосредоточен национальный военный флот и расквартирован самый большой в Дании сухопутный гарнизон. Копенгаген являлся резиденцией правительства, имел свой университет и обладал важнейшими таможенными привилегиями при импорте четырех таких значимых видов товаров, как соль, табак, вино и спиртные напитки. Социальная верхушка столицы: королевский двор, члены правительства, центральной администрации и руководства университета — превосходила по своему статусу верхний слой иерархии торговых городов. Представители этой верхушки, а также люди свободных профессий и студенты часто задавали тон в политических и культурных дискуссиях, особенно в разгар реформ в конце XVIII в., а также позже — в бурные 40-е годы XIX столетия.

Духовная жизнь общества

В конце XVII столетия в Европе, а чуть позже и в Дании наступила эпоха Просвещения. Она ассоциировалась с такими ключевыми понятиями, как «разум», «рационализм», «критика», а также «общественное благо». При этом главным было понятие разума, что явилось следствием революции в естественных науках, связанной с именами Коперника, Тихо Браге, Галилея, Ньютона и пр. Светом Просвещения оказалось озарено все общество. Он распространялся на государство, его экономику, полицию, на гражданское и военное устройство, то есть на всю общественную жизнь: религию, мораль, общественное воспитание, науку, искусство и производство. Во главу угла были поставлены идеалы гуманизма и свободы, пробудился дух

здоровой критики. В обществе разгорелись дебаты, появились различного рода утопические проекты, проявился Реализм в проведении конкретных реформ. В эпоху Просвещения получили развитие средства массовой информации, что послужило дальнейшему распространению новых идей, особенно с помощью газет, журналов, благодаря театру, а также клубам, где велись оживленные дискуссии.

Одним из первых представителей идей Просвещения в Дании был Людвиг Хольберг (1684— 1754). Подобно многим норвежцам, после получения университетского образования он остался в Дании, где стал профессором Копенгагенского университета. Его перу принадлежат комедии, пользовавшиеся большой популярностью. Другим выдающимся деятелем был профессор государства и права Йене Шильдеруп Снеedorфф (1724—1764), издававший журнал «Патриотический обозреватель» (Den patriotiske Tilskuer). Однако во весь голос требования о проведении реформ зазвучали только во второй половине XVIII столетия.

Глава 12

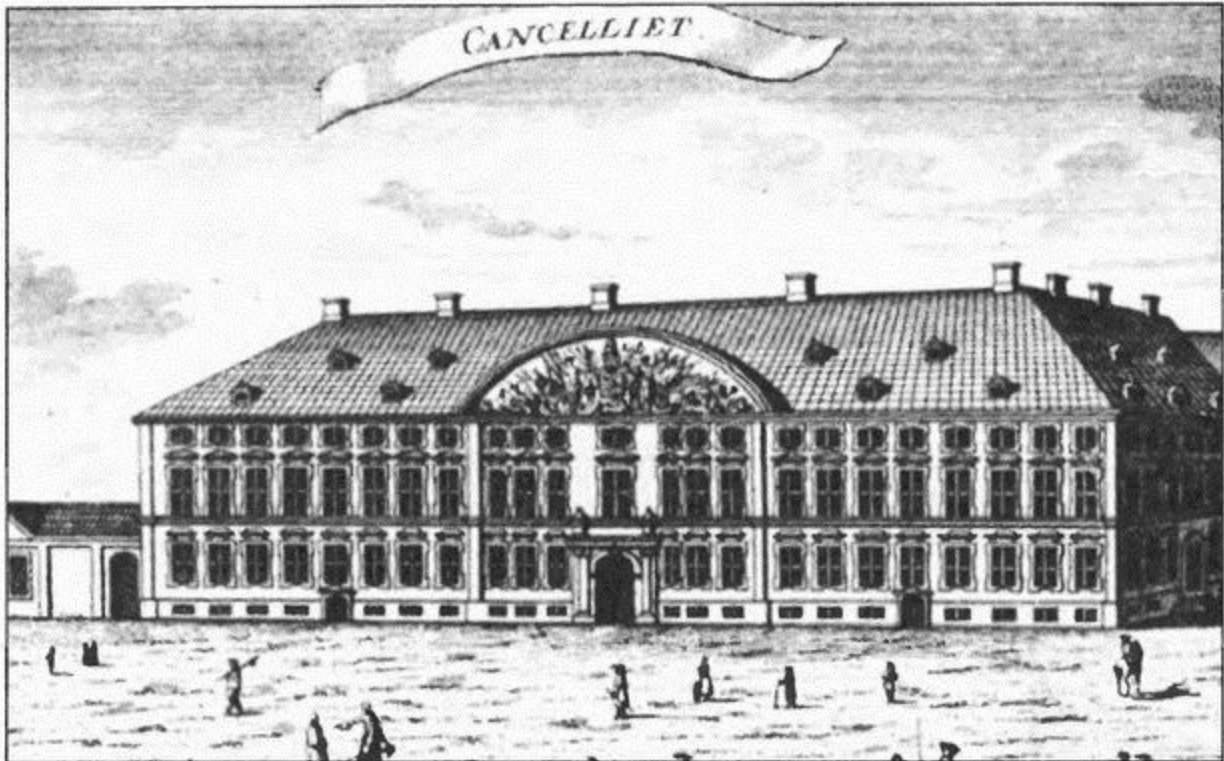
Абсолютистское государство

Из всех самодержавных форм правления, существовавших в Европе, датский абсолютизм был наиболее последовательным, по крайней мере на бумаге, ибо Дания являлась единственной страной, где передача королевской власти по наследству была закреплена законодательно. Для того чтобы понять механизм действия датского самодержавия, а также причины в целом спокойного и благожелательного отношения к нему населения страны, следует рассмотреть отдельные элементы сложившейся системы. В связи с этим возникает один крайне важный вопрос: каким образом абсолютизм вообще мог функционировать все те 42 года, когда на датском престоле находился слабоумный Кристиан VII? Ведь именно на время его правления приходится осуществление в стране широкого комплекса реформ. Ответ на этот вопрос, по-видимому, таков: датские короли, формально являясь всемогущими самодержцами, на деле редко оказывались таковыми, ибо власть их опиралась на всевластие бюрократии. В этом заключается если не полное, то по крайней мере частичное объяснение данного феномена.

Бюрократия

Уже в период, предшествовавший 1721 г., в Дании сложился хорошо развитый бюрократический аппарат, использовавшийся отчасти в руководстве коллегиями, отчасти в работе все еще слабо развитых органов местной администрации. Коллегии, число которых постепенно росло и в конечном счете достигло шестнадцати, участвовали в работе правительства и осуществляли функции центральной администрации. Каждая из коллегий имела своего начальника; все они делились на несколько департаментов, возглавлявшихся так называемыми депутатами. Последние по статусу были равны друг другу; в их

функции входило коллективное обсуждение тех вопросов, которые затем направлялись для принятия окончательного решения королю. Это позволяло говорить о том, что деятельностью каждой из ветвей центральной администрации руководил небольшой «парламент», назначавшийся государем.

«Красный дом»

Гравюра из «Атласа Дании» Эрика Понтопидана (т. 2, 1764). Здание было выстроено в 1716—1721 гг. по указанию Фредерика IV на острове Слотсхольмен рядом с Копенгагенским замком. Здесь размещалась вся гражданская и военная администрация Фредерика IV. В настоящее время в здании с трудом умещается Министерства финансов Дании.

Наиболее значимыми были пять коллегий:

Датская канцелярия являлась основным органом государственного управления. Она контролировала деятельность местной администрации, полиции, судебных органов, религиозных и школьных учреждений, учреждений для бедных, ведала вопросами набора рекрутов и несения срочной воинской службы, а также юридическими аспектами договоров держания земли. Руководил ее работой президент, которого иногда

также называли министром юстиции или статс-министром. Помогал ему эксперт по юридическим вопросам — генеральный прокурор. Сфера деятельности Датской канцелярии ограничивалась территорией королевства.

Немецкая (с 1814 г. — Шлезвиг-Гольштейн-Лауэнбургская) канцелярия осуществляла те же функции в герцогствах и до 1770 г. действовала так же, как министерство иностранных дел.

Департамент иностранных дел был учрежден в 1770 г. и, как следует из названия, в противоположность коллегиям, обладал типичной для департамента иерархической структурой, возглавлял которую министр иностранных дел.

Сфера компетенций Казначейства, как и многих прочих коллегий, распространялась на все государство. Оно контролировало службы сбора налогов и пошлин, занималось вопросами рыболовства, лесного хозяйства и землеустройства. Во главе стоял министр финансов, и с 1780 г. помощь в осуществлении функций ему оказывала особая финансовая коллегия.

Коммерц-коллегия была создана в 1735 г. Она должна была отстаивать интересы государства в торговле, «промышленности» и таможенных вопросах, в том числе и в колониях. Основной проблемой абсолютизма являлась слабость экономического управления. Это усугублялось еще и тем, что взывание и учет налогов и прочих сборов производились децентрализованно, поэтому главной задачей администрации в XVIII в. было упорядочение данных процессов.

Военная канцелярия объединяла Адмиралтейскую и Генеральскую коллегии и являлась своего рода секретариатом администрации сухопутных войск и военно-морского флота.

Кроме этих органов существовала еще группа лиц, в руках которых была сосредоточена немалая власть. Ими были личные секретари короля, придворные, члены многочисленных комитетов и комиссий. Последние, являясь чиновниками-бюрократами, могли прибегать к помощи различных приглашенных экспертов, да и сами они были людьми мыслящими и привыкшими действовать. В обществе мало-помалу складывалось устойчивое мнение, что обстановка в стране требует изменений. Обсуждались и конкретные пути преобразований. Правда, по поводу этого существовали различные точки зрения. К примеру, представления помещиков вовсе не совпадали с суждениями

бюргеров Копенгагена.

Правительства в период с 1720 по 1848 г.

В целом можно сказать, что центр тяжести власти в этот период перемещался сверху вниз и обратно. Король Фредерик IV практиковал личную форму правления, которую впоследствии сменило правление кабинета, а в 90-х годах XVIII в. — Государственного совета. Однако позже, при Фредерике VI, положение вещей вновь изменилось. Он, будучи еще кронпринцем, а затем и королем, пытался на многие области распространить свое личное влияние. Здесь было бы уместным подчеркнуть тот факт, что при абсолютистском правлении не существовало различий между правлением и администрированием, между политическими функциями власти, включающей в себя, например, принятие законов и введение налогов, с одной стороны, и собственно управление органами власти, судебными институтами и обороной страны — с другой. Разграничение этих функций, типичное для современного датского государства, связано с принятием современной Конституции страны, то есть с периодом после 1849 г.

Фредерик IV (1699— 1730) сосредоточил все бразды правления в своих руках. Он лично принимал все решения даже по поводу мельчайших дел. Некоторые называли короля властолюбивым трудягой-конторщиком, другие говорили, что он использовал все возможности самовластия, не отталкивая, однако, от себя своих советников. В 1701 г., готовясь к военному реваншу в борьбе со Швецией и одновременно стремясь к максимальной экономии средств, король учредил корпус национальной милиции. Двадцать тысяч крестьянских сыновей были призваны заменить такое же количество солдат, которых государь за большие деньги предоставил в распоряжение германского императора в качестве наемников. В соответствии с нравами того времени у Фредерика IV было немало любовных связей. Последняя его интрига — с аристократкой Анной Софией Ревентлов — окончилась тем, что король похитил ее из поместья Клаусхольм и затем женился на ней. Брак этот имел двойные последствия. Во-первых, отныне те немногие советники, к чьей помощи прибегал король, были людьми исключительно из ее окружения. Во-

вторых, женитьба Фредерика IV осложнила его и без того непростые отношения с сыном Кристианом — большим сторонником пиетизма.

Вступив на трон в 1730 г., Кристиан VI (1730— 1746) первым делом избавился от прежних советников отца. Пиетизм, горячим адептом которого он являлся, был аскетическим направлением в протестантизме, которое проникало в страну с юга. Это была своего рода реакция против религиозной ортодоксии и догматизма, развившихся в протестантских странах после Реформации. В большей или меньшей степени пиетизм требовал от человека индивидуального подхода к религии и личностного отношения к Богу, отречения от мирских благ. Окружив себя советниками-единомышленниками, Кристиан VI позаботился и о том, чтобы соответствующим образом изменить законы страны. Со временем, однако, он охладел к наиболее радикальным течениям в пиетизме, например, к гернгутерам. Тем не менее король предоставил им право вести миссионерскую деятельность в Гренландии и на островах Вест-Индии.

Болезненно-конфликтные отношения с отцом смолodu толкнули Фредерика V (1746— 1766) к алкоголизму. Однако в вопросах политики он пользовался услугами советников во главе с гофмаршалом А.Г. Мольтке и министром иностранных дел И.Х.Э. Бернсторфом. Они позаботились о том, чтобы все прежние чиновники сохранили свои места, и за все время правления Фредерика V никто из них не был лишен своей должности. Поэтому последовательная и слаженная работа являлась характерной чертой данного двадцатилетия. От самого же Фредерика требовалось лишь одно: внешним лоском символизировать начало эпохи экономического и культурного подъема, в которую постепенно вступала страна.

Сын Фредерика V — Кристиан VII (1766— 1808) поначалу также окружил себя советниками отца. Однако к 1770 г. их влияние сошло на нет. Всемогущим королевским фаворитом стал медик из Альтоны Иоганн Фридрих Струэнзе. Когда никто еще ничего не подозревал, он обнаружил у короля симптомы психического расстройства. Пользуясь своими знаниями об этой болезни, ему удалось во время путешествия Кристиана по европейским странам: Германии, Англии и Франции — завоевать безграничное доверие короля. Струэнзе являлся горячим сторонником многих идей просветительства, в особенности зарождавшегося либерализма. Однако он совершил серьезный промах.

При проведении ряда серьезных реформ в духе лучших традиций эпохи Просвещения, Струэнзе действовал излишне жестко и был неуступчив. К примеру, ограничив барщину, он абсолютно игнорировал мнение помещиков. Провозглашенная им же самим свобода печати, позволила противникам открыто его критиковать, и в 1772 г. Струэнзе лишился своих постов и был арестован. Последовавшее за этим сомнительное судебное разбирательство, в ходе которого Струэнзе обвинили в интимной связи с королевой, окончилось для него смертным приговором.

Следующей влиятельной фигурой при Кристиане VII стал Ове Хёг-Гульдберг. Он являлся ставленником мачехи короля, вдовствующей королевы Юлианы Марии, и ее сына, наследного принца Фредерика, приложивших немало усилий для дискредитации Струэнзе. Племянник И.Х.Э. Бернсторфа — А.П. Бернсторф был назначен министром иностранных дел, однако в 1780 г. лишился этой должности. Деятельность Гульдберга стала в истории страны временем реставрации, когда большинство из наиболее прогрессивных реформ Струэнзе было отменено.

В Королевском законе, принятом в 1665 г., существовал пробел. Закон содержал четкие правила относительно назначения регента в том случае, когда после смерти короля его наследник еще не достиг совершеннолетия. Однако в законе ничего не было сказано о том, кто должен распоряжаться властью в случае болезни короля и его неспособности управлять государством. В связи с этим вдовствующая королева попыталась объявить своего сына, наследного принца, которому к тому времени едва исполнилось двадцать лет, регентом. Он вместе с Хёг-Гульдбергом и должен был править страной, до тех пор пока собственный сын Кристиана VII, кронпринц Фредерик, не станет дееспособным. В 1781 г. Фредерик достиг определенного законом возраста, но для участия в заседаниях Государственного совета ему сначала необходимо было пройти обряд конфирмации. Раз за разом конфирмация откладывалась, однако к 1784 г. медлить стало уже невозможно. А.П. Бернсторф и прочие члены оппозиции поддержали кронпринца и во время первого его появления на заседании совета произвели государственный переворот. Фактически произошло столкновение между шестнадцатилетним кронпринцем Фредериком и наследным принцем, попытавшимся взять короля в заложники. В итоге

верх одержал кронпринц. Наследный принц был отстранен от власти, а Хёг-Гульдберг отправлен в отставку.

Кронпринц — позднее король Фредерик VI (1808— 1839) — сделал своими советниками А.П. Бернсторфа, после его смерти — сына последнего, Кристиана Бернсторфа, а также братьев Ревентлов — Кристиана Диллера и Йохана Людвига. Он регулярно проводил заседания Государственного совета, который раньше, в годы кабинетного правления Струэнзе и Хёг-Гульдберга, собирался нечасто. Когда кронпринц немного повзрослел и со временем унаследовал королевский трон, зависимость его от советников постепенно ослабла. В особенности это проявилось в тревожное время Наполеоновских войн. Показательно в этом смысле принадлежащее ему высказывание: «Мы одни знаем». В последние двенадцать лет правления Фредерика VI ближайшим его советником был президент Датской канцелярии П.К. Стеманн. Последний сохранил свой пост и влияние и при Кристиане VIII (1839 — 1848), эпоха правления которого будет описана позже.

Органы местного управления

На протяжении почти всего XVIII столетия местное управление было самым слабым звеном абсолютизма. Разумеется, некоторые важные проблемы в этой сфере со временем решались, однако четкая система администрации по-прежнему отсутствовала.

Высшей властной инстанцией на местном уровне являлся амтман, который был главным королевским чиновником в своем амте и нес ответственность непосредственно перед Датской канцелярией, Казначейством или Военной канцелярией в зависимости от характера дела. Далее следовали назначенный королем чиновник, собиравший в амте налоги с помещиков, а также окружные и городские фогты, которые соответственно исполняли функции судей и полицейских властей в округах или торговых городах. Городские фогты нередко также исполняли обязанности фогтов херредов в одном либо нескольких округах. С последнего десятилетия XVIII столетия в каждом приходе в помощь окружному фогту назначался фогт, занимавшийся местными делами. Надзор за исполнением священнослужителями своих светских обязанностей, а помещиками — общественных функций

осуществляли амтманы.

С проведением аграрных реформ, речь о которых пойдет ниже, объем административных задач, возлагавшихся на помещиков, уменьшился. Последние полностью лишились права осуществлять набор в армию, а вскоре и многие крестьяне вышли из прежней системы поместного землепользования и выкупили свои наделы в частную собственность. Одновременно увеличились темпы развития дорожного строительства, системы общественного призрения, школьного образования и прочих областей общественной жизни. Соответственно возросли и требования к органам местной администрации — назрела необходимость их модернизации. Отныне для занятия соответствующих должностей амтманы и фогты округов обязаны были сдавать экзамен по юриспруденции, оплата их труда увеличивалась, количество амтов было сокращено, а делопроизводство заключено в строгие рамки, что сделало его гораздо более похожим на современную бюрократическую процедуру.

С установлением в стране абсолютизма король стал пользоваться единоличным правом назначать всех коронных чиновников и в целом осуществлял функции надзора за их деятельностью. Правда, рост государственного аппарата осложнял эффективность подобного контроля, однако подданные короля по-прежнему имели возможность обращаться к нему напрямую.

Если кому-либо из горожан или сельских жителей для решения своих жизненных проблем нужно было обойти запрет, предусмотренный в законодательстве, он должен был через амтмана в письменном виде обратиться с так называемым ходатайством в Датскую канцелярию или непосредственно к королю. Действующим законодательством в то время являлся весьма жесткий Датский закон Кристиана V от 1683 г. В соответствии с духом времени многие наиболее суровые его положения призваны были оказывать назидательно-устрашающее воздействие, и в реальной жизни ими, разумеется, руководствовались далеко не всегда. Вполне возможно было получить разрешение на нарушение некоторых запретов, что имело, несомненно, положительные последствия. Во-первых, те несколько ригсдалеров, которые следовало уплатить за получение подобного разрешения, шли на пополнение государственной казны. Во-вторых, послабления способствовали созданию в глазах народа

положительного имиджа власти, в том числе и королевской. В духе конца XVIII в. многие из упомянутых запретов стали анахронизмом, и получение разрешения на их отмену, как правило, не было сопряжено с особыми трудностями. Наиболее ярким примером является освобождение, при наличии определенных условий, от воинской службы или разрешение на заключение брака между дальними родственниками.

Глава 13

Реформы. Абсолютизм в действии

Аграрные реформы

В 1733 г. Кристиан VI воссоздал национальную милицию, и крестьянские парни вновь оказались в полукрепостной зависимости, привязанными к земле. Данное королевское решение было инициировано советниками государя из числа аристократов и военных. Дело в том, что в 20-х годах XVIII столетия в стране в связи с серьезным падением цен на зерно наступили тяжелые времена, и крестьянская молодежь покидала родные места в поисках заработка. Это-то и послужило для военных и помещиков серьезным аргументом для установления контроля над крестьянской молодежью. Введение порядка, когда крестьянам запрещалось покидать свое хозяйство, обеспечивало помещиков рабочей силой; они же, в свою очередь, были обязаны поставлять в армию одного рекрута от каждых 60 тэнде харткорна — то есть от 10—15 крестьянских хозяйств. В случае угрозы войны квота эта снижалась: например, в 1762 г. она составляла всего 32 тэнде харткорна. Новоявленные солдаты должны были по воскресеньям после церковной службы являться на сборные пункты (как правило, при какой-либо из церквей округа) и в течение одного—двух часов заниматься строевой подготовкой. В малонаселенных районах страны такие сборные пункты могли находиться на расстоянии 4 миль (30 км) друг от друга. Кроме того, один или два раза в год проходили совместные полковые учения.

К середине XVIII столетия в экономике страны наступило улучшение. Тем не менее помещики считали его недостаточным, равно как и политическое руководство не было удовлетворено поступлением средств в государственную казну. В это время в Дании, как и во многих других европейских странах, получили дальнейшее развитие такие теории, как меркантилизм и его разновидность — камерализм, который ставил своей целью создание положительного сальдо торгового баланса,

а также достижение быстрого и заметного роста численности населения. Широкое распространение получили идеи гуманизма, рационализма, много рассуждали о построении правового государства. В целом все были заинтересованы в преобразованиях. Только представления о них были у всех разные.

На самом деле некоторый опыт проведения преобразований в стране уже имелся, правда, не в самом королевстве, а в герцогствах. Там, на землях, принадлежавших королю, и во владениях (прежних) герцогов давно уже начался процесс передела земель — разверстание. Так, в середине XVIII в. оно было осуществлено полностью или частично в обширных южноютландских районах вокруг Хадерслева, к югу от Тённера и к северо-востоку от Шлезвига. В меньшем объеме передел был произведен в районе Обенро — наиболее известным примером здесь является деревня Варнэс. Вместе с тем обстановка в той же Южной Ютландии была противоречивой, так как в части помещичьих имений в этом районе по-прежнему сохранилось крепостное право. Крестьяне, проживавшие там, вынуждены были еще долгое время дожидаться проведения реформ на всей территории страны.

Пять фаз реформ

Первая фаза реформ (1755—1766). В центре преобразований оказались помещичье хозяйство и сельская община. В течение предыдущего столетия владельцы поместий стремились к укрупнению своего производства. Поскольку расширять площади центральных имений было запрещено, помещики старались добиться желаемого эффекта за счет переустройства своих земельных владений и более интенсивного их использования. Это, в свою очередь, вело к увеличению объема барщины. Правительство, не дождавшись ожидаемого притока средств в государственную казну, решило предпринять определенные меры. По настоянию обергофмаршала А.Г. Мольтке Фредерик V в день своего рождения, 31 марта 1755 г., призвал население присылать на его имя проекты, осуществление которых «могло бы способствовать процветанию страны». Это дало возможность открыто критиковать существовавшую в обществе ситуацию, чем не

преминули с радостью воспользоваться юристы, теологи, чиновники и часть копенгагенского бюргерства.

В специально созданном для этих целей «Датско-норвежском экономическом журнале» (Danmarks од Norges okonomiske Magazin, 1757—1764) были опубликованы многие из поступавших проектов, а политическое руководство страны образовало, как это часто делалось, комиссию, в состав которой вошли среди прочих А.Г. Мольтке и руководитель Датской канцелярии Отто Тотт. Главную проблему сельскохозяйственного производства — вопрос о барщине — нельзя было решить, не затрагивая право помещиков на владение землей. Поэтому основной акцент в первых практических законодательных актах, появившихся в 1758—1760 гг., был сделан на отмене крестьянской общины и прежде всего на разверстании, то есть переделе и огораживании, общинных земель.

Между тем предпринятая во время правления Фредерика V законодательная деятельность не возымела особого действия. Гораздо важнее то, что некоторые передовые представители политической элиты общества начали проводить свои «частные» реформы, стремясь постепенно опробовать предлагавшиеся нововведения. Так, в имении вдовствующей королевы — Хёрсхольме — барщина была заменена денежными выплатами, а также введена наследственная аренда земли. Последнее означало, что отныне исполнение повинностей связывалось не с личностью самого крестьянина, а с его хозяйством, которое он вполне мог продать после уплаты годовой арендной платы. Те же земельно-правовые новшества были проведены и министрами Бернсторфами в их родовом поместье близ Гентофте. Однако они пошли еще дальше, произведя чисто земельные преобразования: разверстание полей и выделение хуторов. Вышеупомянутый А.Г. Мольтке ввел исключительные технические усовершенствования в своем поместье Брегентвед на юге Зеландии и начал применять там травопольную систему земледелия. В его владениях разверстанию подверглись не только земли Центрального имения, но и общинные поля и общественные выгоны. Введя травопольную систему земледелия, Мольтке разделил всю территорию на отдельные огороженные поля, засеяв половину из них зерном, а другие — травой и клевером. В результате ежегодно производимой ротации каждое поле имело возможность находиться под паром в течение нескольких лет, из-

за чего разница между пахотными землями и выгонами практически исчезала.

Вторая фаза реформ (1767—1773). Важнейшую роль применительно к правовому положению крестьян стали играть идеи Просвещения. К тому времени на ведущие посты в центральной администрации выдвинулся ряд советников короля из числа бюргеров, и среди них новый секретарь кабинета швейцарец Ревердиль и генеральный прокурор Хенрик Стампе. Была образована новая комиссия, действия которой во многом учитывали правовые интересы крестьян. Так, амтманам было дано предписание собрать со всех помещиков правила отработки их крестьянами барской повинности с точным указанием размеров барщины в каждом конкретном имении. Кульминацией данной фазы явился указ Струэнзе о фиксировании отработки барщины. Указ этот регулировал не только характер отработок, но и их продолжительность. Работники обычного крестьянского хозяйства отныне должны были отработать на помещика в год 48 «упряжных» и 96 обычных рабочих дней, то есть 3 дня в неделю. Кроме того, на этой фазе у крестьян появилась возможность выкупа земли в собственность. Однако порядок, предложенный Струэнзе, продержался недолго. Фигура его вызывала недовольство не только у помещиков, но и в других слоях общества, и, как говорилось выше, он был заменен Ове Хёг-Гульдбергом.

Третья фаза реформ (1773—1784). Этот период характеризовался застоем. Сам Хёг-Гульдберг был выходцем из среды небогатых бюргеров, однако весьма благоволил помещикам. Барщина при нем вновь стала нерегулируемой, а если руководство страны и решалось на какие-либо изменения, то совершались они исключительно в интересах помещиков, как, например, в случае аграрных технических новшеств Фредерика V. Правила разверстания были преобразованы таким образом, что развязывали руки владельцам поместий: для проведения передела земель деревни достаточно было лишь одному владельцу надела заявить о своем желании сделать это. Кроме того, государство обещало оказывать некоторую экономическую помощь данному процессу. В 1781 г. различные постановления в области разверстания были сведены в единый королевский указ.

Четвертая фаза реформ (1784 — около 1790). Были приняты наиболее важные законы. Когда кронпринц, а позже король Фредерик

VI, в 1784 г., наконец подтвердился и стал членом Государственного совета, для крестьян наступили светлые времена. Это объяснялось тем, что кронпринц прислушивался к советам политиков, оставшихся еще со времен Струэнзе, таких, как Стампе и А.П. Бернсторф, а также реформаторов — братьев Ревентлов, и учитывал мнение бюргерских кругов Копенгагена, в которых царили гуманистические идеи Просвещения. Незамедлительно была учреждена Малая крестьянская комиссия, разработавшая рекомендации по улучшению правового положения крестьян на землях короны. Спустя два года новая, так называемая Большая крестьянская комиссия занялась вопросами оздоровления всего сельского хозяйства страны.

Однако это оказалось делом нелегким, ибо вылилось, как утверждают, в «жесткое классовое столкновение чиновников и помещиков». Быть может, такой взгляд на ситуацию является некоторой передержкой, потому что хотя главная движущая сила комиссии — юрист Кольбьёрнсен действительно был чиновником, однако и К.Д. Ревентлов, и прочие помещики-реформаторы, вне всякого сомнения, тоже являлись правительственными служащими. Тем не менее достоверно известно, что противниками преобразований, направленных на улучшение правового положения крестьян, действительно были входившие в состав комиссии помещики. В знак протеста они даже покинули комиссию, чем, впрочем, лишь облегчили ее работу. Среди результатов деятельности реформаторов следует особо отметить два указа — от 1788 г. об отмене запрета крестьянам покидать свои хозяйства (ставсбонд) и указ, появившийся годом ранее.

Полукрепостная система (ставсбонд) была символом консерватизма, и ее отмена остается заметной вехой либеральных преобразований датского общества вот уже на протяжении почти 200 лет. Тем не менее собственно для крестьян значение этой системы было не столь уж велико, ибо у них все же была возможность приобрести свободный паспорт. Указ, вышедший годом раньше, в 1787-м, был для них даже важнее. Согласно указу, при оформлении договора держания с новым арендатором оценка хозяйства и земель прежнего арендатора отныне производилась не помещиками, а независимыми оценщиками. Вопрос о барщине, однако, по-прежнему оставался открытым.

Пятая фаза реформ (после 1790). Ход реформ вновь замедлился, что, по-видимому, было связано с протестами 103 ютландских

помещиков против мероприятий, направленных на улучшение положения крестьян. Сами эти протесты по сути никаких серьезных последствий не имели, но Кольбьёрнсен публично высмеял ютландцев. В ответ они подали на него в суд, и разбирательство получило общественный резонанс. Тем не менее К.Д. Ревентлов счел такое развитие ситуации отнюдь не благоприятным для работы правительства, и, хотя Кольбьёрнсен выиграл процесс, его попросили несколько умерить свой пыл, а затем и вовсе вывели из состава комиссии. Сильное замешательство в правительстве короля-самодержца вызвало распространение в Копенгагене в 90-х годах XVIII в. антиаристократических настроений, питаемых революцией во Франции.

Фактически принятые в конечном итоге законы о разверстании земель в значительной мере отвечали интересам помещиков, поскольку связанные с реформами расходы — на оплату труда землемеров и т. д. — возлагались на крестьян. Споры в отношении барщины также были разрешены в пользу помещиков, ибо ее так и не заменили выплатой определенных денежных сумм. Количество дней, подлежащих отработке, обязывался определять сам помещик совместно с крестьянами, а в случае возникновения разногласий спорные моменты надлежало уладить специальному посреднику — комиссару — из Копенгагена. Таким образом, данный вопрос был целиком отдан на откуп заинтересованным сторонам, которым предстояло договариваться самостоятельно, а затем соблюдать условия достигнутой договоренности.

Результаты реформ не замедлили сказаться. На территории Дании к 1820 г. почти все общинные поля подверглись разверстанию. В общественном пользовании остался лишь 1% лугов (некоторые из них являются общественной собственностью и по сей день). Почти половина крестьянских хозяйств была выкуплена их держателями в собственность с помощью кредитов, предоставлявшихся отчасти государством, отчасти самими помещиками. Дело в том, что в период экономического подъема в начале Наполеоновских войн помещики оказались заинтересованы в получении выкупа за крестьянские угодья, с тем чтобы иметь возможность инвестировать больше средств в собственные поместья. Нерешенными оказались такие вопросы, как отмена барщины, полное уничтожение отношений держания земли, а также введение общей воинской повинности, которая распространялась

бы и на горожан. Возникшее позже крестьянское движение выдвинуло эти требования в качестве основных пунктов своей программы.

Бытует мнение, что аграрные реформы разом покончили с деревенской общиной. Однако это не совсем верно. После разверстания большинство крестьян не торопились перебраться на выделенные им участки, они с большей охотой оставались на прежних местах. Хотя новые правила землепользования теперь уже не подразумевали совместных решений, многие проблемы: забота о больных и бедных, организация пожарных команд, коллективное празднование общих праздников — по-прежнему решались крестьянами сообща.

Согласно другому суждению, после проведения реформ в проигрыше оказались хусманы, поскольку уничтожались общинные луга, на которых прежде пасся их скот. Однако необходимо помнить, что право выпаса скота было отнюдь не бесплатным и подчас стоило весьма дорого. Кроме того, хусманы и теперь имели возможность заключать аналогичные договоры с владельцами отдельных хозяйств. За время реформ появилось не менее 40 тыс. новых домов с прилежащими участками в два четверика земли, что примерно вдвое больше, чем участки при современных датских виллах. Не бог весть что, однако все же больше, чем прежде.

Реформы в Дании, более чем в какой-либо другой европейской стране, отражали интересы крестьян, причем осуществлены они были без революционных потрясений. Случалось, правда, что крестьяне отказывались от отработки барщины, но происходило это из-за распространявшихся слухов о полной отмене данной повинности, так что крестьяне искренне полагали, что поступают по закону.

В целом процесс реформ явился иллюстрацией функционирования датского абсолютистского государства во второй половине XVIII столетия. Оба самодержца — как Фредерик V, так и Кристиан VII — сами не играли в реформировании сколько-нибудь заметной роли. Направление и темпы реформ определялись сменяющимися друг друга правительствами. Стремление абсолютизма к консенсусу выразилось помимо прочего в том, что власти стимулировали дебаты в обществе и в соответствующих комиссиях, занимавшихся различными аспектами нововведений.

Тенденция к достижению компромиссов преобладала, и многие реформы внедрялись в практику лишь после их апробации в отдельных

имениях.

Проведению реформ способствовало распространение в среде чиновничества страны идеалов Просвещения. И хотя некоторые аристократы и являлись их противниками, однако помещики не выступали единым фронтом против реформ. Некоторые из них рассматривали реформы как необходимую модернизацию, способную принести пользу и им самим. Среди тех, кто возглавил реформы, были такие личности, как Ревентловы и Бернсторфы, сами крупные помещики. Наконец, в качестве предпосылки осуществления реформ следует назвать наличие достаточно авторитетной системы органов государственного управления. Кроме того, противодействие преобразованиям рассматривалось как прямое неподчинение Божьей милостью самодержавному монарху — кто бы ни занимал в то время престол.

Экономическая политика

Политическое руководство в лучших традициях меркантилизма, заявившего о себе еще в 30-х годах XVIII в., активно вмешивалось и в другие вопросы экономической жизни страны. Целью политики меркантилизма являлось обеспечение притока денежных средств в страну за счет улучшения баланса в торговле с зарубежными партнерами и собственными колониями. Как мы видели, в Дании уже давно осознали значение для страны сельского хозяйства, однако, как и в других странах, политика меркантилизма в первую очередь делала акцент на развитии городских ремесел и финансовой сферы.

В 1736 г. по инициативе государства был учрежден первый в стране банк, так называемый Курантбанк (Ассигнационный, Вексельный и Заемный Банк) — частная акционерная компания, которая должна была освоить выпуск денежных банкнот, лишь недавно введенных в обращение в Дании в качестве платежных средств. Бумажные банкноты должны были выкупаться серебром, однако уже в 1757 г. это было отменено, и денежная политика начала приобретать современные очертания. Государство являлось крупнейшим акционером банка, который стал в определенный момент Государственным банком, каковым оставался до тех пор, пока после характерной для периода

Наполеоновских войн вспышки инфляции и объявления государства о своем банкротстве в 1818 г. не был учрежден Национальный банк. Его создание ознаменовало начало формирования нынешнего облика финансовой системы страны. Однако первые крупные частные коммерческие банки стали появляться в Дании лишь после 1850 г.

Чтобы избежать импорта дорогих товаров, необходимо было способствовать развитию национального ремесленного производства. Особый интерес в этом отношении представляли крупные ремесленные предприятия — мануфактуры, в основном текстильные, а также те, которые являлись поставщиками для армии. Поддержка данных мануфактур государством осуществлялась через Курантбанк путем предоставления кредитов на выгодных условиях, а также через Генеральный склад — государственное учреждение, занимавшееся поставками дешевого сырья и закупкой по высоким ценам производившейся мануфактурами продукции. Однако с точки зрения долгосрочной перспективы мануфактуры оказались нерентабельными, и в начале 80-х годов XVIII в. политика государства в данном вопросе изменилась.

В больших городах мелкие ремесленные предприятия издавна объединялись в цехи, каждый из которых стремился к сохранению монополии в своей отрасли. Государство долгое время оказывало им в этом всяческое содействие, однако с конца XVIII в. стало проводить более либеральный курс. Отдельные предприятия, особенно в области строительства, стали быстро расти. Трудившиеся на них многочисленные подмастерья были лишены возможности открывать самостоятельное производство. После того как в Копенгагене в 1794 г. произошла забастовка подмастерьев-плотников, правительство занялось данной проблемой. Вскоре появился указ, согласно которому подмастерья получали возможность в обход цехов становиться так называемыми свободными мастерами, то есть открывать собственные предприятия, на которых, однако, трудились только они сами. Полная свобода предпринимательства была введена лишь в 1857 г.

Наибольшее внимание правительство уделяло развитию торговли. В Дании купцы в торговых городах имели монополию на торговлю местной сельскохозяйственной продукцией, как правило, в двухмильной зоне от города (около 15 км). Это в известной мере обеспечивало крестьянам независимость от помещиков, которые во

многих регионах Европы, главным образом к востоку от Эльбы, пользовались преимущественным правом покупки у крестьян зерна. Зато теперь, задолжав торговцу, крестьянин мог попасть к нему в зависимость. Во второй половине XVIII столетия в период наступившего экономического подъема торговая монополия городов стала соблюдаться менее строго.

Внешняя торговля также регулировалась путем создания монополий. В XVIII в. вновь начали создаваться различные торговые компании. Более интенсивными стали связи с Транкебаром и Гвинеей, расширились владения на Гренландии и в Вест-Индии. Каждая из компаний имела монопольные права на плавание и торговлю с тем или иным регионом, а политика нейтралитета, проводившаяся государством в условиях, когда великие державы воевали друг с другом, способствовала увеличению доли Дании в мировой торговле. Войны, в которые во второй половине XVIII в. оказались втянутыми все основные морские державы, обеспечили Дании ощутимые преимущества в заморской торговле в так называемый период процветания. Вскоре, однако, он закончился, после того как Дания вступила в конфликт с сильнейшей морской державой, Англией, которая в 1807 г. атаковала Копенгаген и захватила весь датский военный флот. Внешняя торговля страны, особенно торговля с колониями, так никогда и не смогла полностью оправиться от этого удара. В 1845 году Дания продала Транкебар, а в 1850-м — свои владения в Гвинее.

Либеральные преобразования постепенно коснулись и таможенной политики. В 1788 г. был снят запрет на ввоз импортного зерна в Данию и гористые районы Южной Норвегии, а в 1797 г. появился указ, отменявший еще целый ряд протекционистских таможенных ограничений. Если прежде рынок требовал вмешательства государства по причине своей ограниченности, то теперь, с его ростом, потребность в подобном вмешательстве отпала.

Здравоохранение

Примерно в одно время с призывом Фредерика V выдвигать предложения, стимулировавшие развитие и процветание страны, в

государстве задумались о достижении мечты камерализма — об увеличении численности населения и улучшении состояния его здоровья. Добиться этого можно было лишь за счет последовательного улучшения системы здравоохранения, которая к тому времени была крайне неразвита. Во всей Дании насчитывалось порядка двух десятков врачей, получивших университетское образование, причем добрая половина их проживала в Копенгагене, где они занимали должности профессоров университета либо придворных медиков. Остальные — так называемые физицисты — трудились в качестве окружных врачей по всей стране. Кроме них навыками практической хирургии владело еще около сотни цирюльников, служивших преимущественно в армии и торговом флоте. И наконец, в стране было немало знахарей, которые, однако, существовали вне системы органов здравоохранения по причине отсутствия у них патента.

Первой из предпринятых мер было основание в 50-х годах XVIII в. родильного учреждения, где незамужние женщины могли бесплатно и анонимно получить медицинскую помощь при родах. Это начинание преследовало сразу несколько целей. Во-первых, одинокие матери отныне были избавлены от необходимости рожать тайком, не имея рядом никого, кто мог бы оказать хоть какую-то физическую или психологическую поддержку. Нередко подобная отчаянная ситуация приводила к убийству матерями новорожденных. Теперь же в случае необходимости можно было передать младенца — будущего полезного члена общества — в недавно созданный дом призрения, в функции которого входила забота о воспитании ребенка. Кроме того, новый родильный дом использовался как учебное заведение для практики врачей в акушерстве и подготовки сестер-акушерок. В 1810 г. вся территория страны была разделена на участки, каждый из которых обслуживался акушеркой, получившей практическое образование в данном учреждении.

Следующим шагом стало открытие в Копенгагене в 1757 г. первого госпиталя, названного госпиталем Фредерика. Тесные, сырые, перенаселенные жилища в кварталах городских трущоб были абсолютно непригодны для организации правильного ухода за больными, а новый госпиталь обеспечивал беднякам и служилому люду врачебную помощь и заботу. Уход за больными предусматривал также хорошее питание, свежий воздух, чистоту и соблюдение режима.

Возможно, с некоторым преувеличением, но все же можно сказать, что в стране создавалась региональная сеть медицинской помощи. В помощь окружным «физицистам» в 70-х годах XVIII в. было направлено еще 20 районных хирургов, число которых в течение следующих 100 лет выросло в 5 раз.

Высшим органом в системе здравоохранения страны с 1803 г. стала Медицинская коллегия, членами которой являлись исключительно врачи. В их функции входил надзор за деятельностью гражданских и военных медиков, контроль над больницами, а также консультации по всем вопросам, касавшимся медицинского обслуживания, как, например, по поводу правомерности обвинений, выдвигавшихся против лекарей-самоучек, а также по проблемам судебной медицины. Кроме того, они занимались выдачей и отзывом патентов врачей, а также сбором и публикацией отчетов окружных врачей.

Последняя из предпринятых мер касалась знахарей. На их деятельность по указу 1794 г. о лекарях-самоучках налагался запрет. Однако если знахарю удавалось на практике представить доказательства своей квалификации, то он мог с одобрения окружного медика и амтмана получить разрешение на частичную врачебную деятельность. Столичное правительство знало о нехватке в стране медицинских кадров, а многие знахари обладали незаурядным талантом, о чем имелись свидетельства приходских священников и амтманов.

Школьное образование

Со времен Реформации в Дании существовало намерение улучшить систему школьного образования. В период правления Фредерика IV правительство страны было неприятно поражено тем фактом, что деревенская детвора практически не знала слова Божьего, поскольку лишь в торговых городах дети регулярно посещали школьные занятия. В связи с этим в 20-х годах XVIII в. было построено 240 школ на тех коронных землях, которые по приказу Фредерика IV на средства, полученные от крестьян в виде налогов, обязаны были снарядить одного всадника для королевской армии. Поэтому такие заведения получили название «школы всадников», хотя и были самыми обычными деревенскими школами, в которых детей учили читать и разбирали с

ними катехизис. Если родители изъявляли на то желание и соглашались оплачивать расходы на учебники, бумагу и чернила, детей учили к тому же писать и считать. В других регионах страны по инициативе помещиков и пасторов также был открыт ряд школ.

В 30-х годах поборник пиетизма Кристиан VI выпустил два распоряжения. В соответствии с одним из них конфирмация становилась обязательным условием для заключения договора держания, а также для вступления в брак, причем при совершении обряда конфирмации ребенок должен был продемонстрировать результаты полученных им в школе знаний. Другим королевским распоряжением вводилось всеобщее обязательное школьное образование, а контроль за его организацией возлагался на помещиков. В период экономического кризиса, разумеется, данное распоряжение вызвало немало протестов и в 40-х годах было отменено. Тем не менее оно способствовало открытию большого числа новых школ, сеть которых теперь охватывала всю Данию, хотя на территории собственно королевства распределены они были весьма неравномерно. По-иному дело обстояло в герцогстве Шлезвиг, где инициаторами открытия многочисленных школ выступали сами крестьяне.

Главной идеей эпохи Просвещения была идея просвещения народа. Широкие дебаты по поводу школьного образования, множество личных инициатив и экспериментов в данной области убедили политическое руководство страны принять непосредственное участие в решении этой проблемы, и в 1789 г. была учреждена Большая школьная комиссия. В состав ее вошли образованнейшие люди страны, многие из них принимали участие в Большой крестьянской комиссии, а именно: фактический глава правительства, министр иностранных дел А.П. Бернсторф, братья Ревентлов и министр финансов Эрнст Шиммельман; духовенство было представлено епископом Балле. Вскоре между последним и сторонниками реформ возникли серьезные разногласия, вылившиеся в затяжной конфликт. Тогда как Балле соглашался лишь на преобразования чисто технического характера, остальные стремились, по примеру немецких филантропов, предоставить народу возможность получать многопрофильное образование.

Несмотря на участие Дании в войне и на то, что в 1813 г. государство объявило себя банкротом, год спустя Комиссии удалось таки прийти к общему мнению и инициировать принятие нового

королевского распоряжения, касающегося школьного образования. Оно вновь объявлялось всеобщим и обязательным. Кроме того, оговаривались связанные с этим вопросы финансирования, а также учреждались органы, несущие ответственность за выполнение данного распоряжения, — школьные комиссии. Председателем такой комиссии назначался приходский пастор, а помощниками — владелец самого крупного в приходе земельного надела и еще несколько крестьян. Обе противоборствующие группы в комиссии пришли, наконец, к соглашению, и принцип многопрофильного обучения был все же принят на вооружение. В 1806 г. как и в случае с аграрными реформами, для эксперимента был избран своего рода испытательный полигон — в данном случае Зеландия, где нововведения с успехом были опробованы, и с 1814 г. они вошли в практику по всей стране. Вплоть до 1937 г. данное распоряжение по вопросам школьного образования служило своего рода законом для всех общеобразовательных средних школ в сельской местности.

Призрение бедных

С небольшой натяжкой можно сказать, что в отношении призрения бедных история практически повторялась, менялась лишь периодичность. Несколько иной была предыстория политики в этой области. Начиная с Реформации и вплоть до начала XVIII в., призрение неимущих сводилось к выдаче им разрешений просить милостыню. Официально таким правом мог пользоваться лишь тот, кто действительно в этом нуждался, ибо стал бедным не по своей вине, а по причине болезни, старости, инвалидности. Такие бедняки получали знак нищего. Однако выявить «настоящих» неимущих было сложно, и многие «не заслуживающие» такого права также нищенствовали. Поэтому в 1708 г. был принят указ, полностью запрещающий нищенство и предусматривавший наказания как для тех, кто просил подаяние, так и для тех, кто подавал. Лишь пострадавшим от какого-либо бедствия, например от пожара, позволялось просить милостыню, да и то лишь в том случае, если существовали документальные подтверждения.

Отныне каждый год все неимущие подразделялись на три категории: 1) те, кто вовсе не мог прокормиться собственным трудом; 2)

дети-сироты; 3) те, кто частично мог себя обеспечить. Намерения были хорошими, но не хватало административных органов, которые взялись бы за их осуществление. Поэтому в целом сохранялась практика, при которой в сельских приходах каждый из прихожан поочередно брал на себя заботу о неимущих, давая им кое-какую одежду и что-нибудь для разведения огня и обогрева. В торговых городах выявление нуждающихся и добровольный сбор средств для них входили в компетенцию инспекций по делам бедных.

В процессе утверждения идей меркантилизма государство стремилось к максимально полному использованию трудовых ресурсов. Этим объясняется появление указа, по которому неимущие, способные выполнять хоть какую-то работу, направлялись в созданные во многих городах работные дома, где использовался также и труд заключенных. Однако такие дома редко приносили прибыль, поэтому данный указ не оправдал себя. В период реформ, осуществленных после ухода в 1784 г. с политической арены Хёг-Гульдберга, была учреждена Комиссия по делам неимущих. Как это было во всех ранее существовавших комиссиях, был произведен опрос амтманов с целью выяснить ситуацию с бедными во всех регионах страны. Данный вопрос вызвал большой общественный интерес, о чем свидетельствуют многочисленные рекомендации, которые поступали в адрес Комиссии.

Результаты этой работы проявились в 1803 г., и, как уже говорилось, они во многом напоминали реформы в области школьного образования. Положения прежнего указа о неимущих, в том числе деление на три категории, были по большей части сохранены без изменений, однако теперь их выполнение подкреплялось четко организованной системой. Отныне в каждом приходе создавалась комиссия по делам неимущих, возглавлял которую пастор. Помогать ему должны были несколько авторитетных крестьян-горманов, которые регулярно выясняли нужды местной бедноты и возможности распределения средств. Деньги в комиссии по-прежнему поступали главным образом за счет добровольных пожертвований, однако если их бывало недостаточно, то необходимая сумма собиралась со всех прихожан. Вышестоящим органом для такой комиссии — как и для школьной комиссии — являлась администрация амта в лице амтмана и пробста. В ее функции входил также разбор разногласий между приходами, которые часто возникали по поводу того, который из них

должен содержать того или иного бедняка.

Вскоре, однако, тяжелые времена, наступившие после 1813 г., когда государство объявило себя банкротом, привели к ужесточению законодательства. Так, например, неимущим запрещалось вступать в брак, если они не вернули приходу средства, полученные ими в качестве вспомоществования. Но как свидетельствуют исторические исследования по отдельным областям, многие неимущие все же вступали в брак, так и не выплатив своих долгов. Разумеется, местные власти в основном были заинтересованы в том, чтобы выдать замуж иждивенков своего прихода, однако существуют примеры, когда обе вступавшие в брак стороны относились к категории неимущих. Содержание их обычно вменялось в обязанность тому приходу, где они появлялись на свет, поэтому одиноких беременных женщин приходы старались передать один Другому. Решить данную проблему удалось, введя правило, согласно которому хлопоты по содержанию должен был брать на себя тот приход, в котором женщина провела последние десять месяцев перед родами.

Для всего периода реформ характерны глубокие структурные изменения всего датского общества и органов местного управления, проводившиеся политическим руководством страны в духе рационализма и гуманизма, присущих эпохе Просвещения. Стали применяться технические новшества в сельском хозяйстве, подвергся пересмотру ряд правовых аспектов жизни крестьян, противоречивших правам человека, как их понимали в XVIII столетии. Помещики перестали выполнять многие функции органов местной администрации, прежде являвшиеся их исключительной прерогативой. Взамен была создана сеть комиссий, занимавшихся вопросами местного управления. Такая система учитывала передовой опыт своего времени: сочетание работы специальных комиссий, учрежденных для решения отдельных конкретных задач, и работы пастора, в которой использовались лучшие традиции деревенской общины. До 40-х годов XIX в. комиссии возглавляли приходские священники, многие из них и впоследствии сохранили за собой эти посты. Членами комиссий были владельцы крупных земельных наделов и умудренные опытом хозяева-крестьяне. В комиссиях стремились достичь согласия, велась документация. Контроль над действиями комиссий осуществляла «некая дирекция» в лице высших представителей местной церковной и светской власти.

Полицейские функции в имении также были выведены из компетенции помещика и переданы новой инстанции — приходским фогтам. Фогт прихода назначался амтманом из числа жителей прихода и являлся помощником фогта херреда. Последняя весьма важная новая инстанция была создана в 1841 г., когда появился указ об учреждении приходских наблюдательных советов, в известной мере вводивший местное самоуправление. Этот вопрос будет рассмотрен нами несколько позже.

Духовная жизнь общества и общественное мнение

Как уже многократно упоминалось, копенгагенское бюргерство было вовлечено в процесс реформ, на которые наложили свой отпечаток идеи Просвещения. Некоторые реформаторы, будучи государственными чиновниками, содействовали распространению передовых идей в правительственных кругах. Другие являлись носителями еще более радикального мировоззрения, особенно в период Великой французской революции и после нее. Широкое распространение получили антиаристократические и критические по отношению к существующему устройству настроения. Струэнзе ввел полную свободу печати, однако спустя год это обернулось против него самого. Струэнзе скорректировал формулировку, изменив ее на «свободу печати при наличии ответственности авторов публикаций», которая была оставлена без изменений его преемником Хёг-Гульдбергом. Однако, когда в 90-х годах XVIII в. два автора публикаций — Мальте Конрад Бруун и П.А. Хайберг, по мнению правительства, зашли в своих статьях слишком далеко, в 1799 г. появился новый королевский указ. Согласно указу, обоих провинившихся выслали из страны (то есть указ имел обратную силу), и их будущей профессиональной деятельности был положен конец.

Идеи Просвещения были чрезвычайно многообразны и подчас противоречивы. Культурное влияние приходило в основном из-за рубежа; этим можно объяснить тот факт, что большое число получивших блестящее образование выходцев с севера Германии стали играть в Дании заметную роль. Многие из них, как, например, Бернсторфы и Ревентловы — выходцы из Ганновера и Мекленбурга,

занимали видные посты в правительстве. Впоследствии они приобрели имения в герцогствах и королевстве. Однако большая часть газет, журналов, пьес и прочей литературы того времени издавалась на датском языке. На нем писал свои комедии и выдающийся драматург Людвиг Хольберг^[43], высмеивая, в частности, засилье немецких театральных трупп, игравших на столичных сценах.

В этот период зарождается и датское национальное самосознание. Благодатной почвой для него стал романтизм, на рубеже XVIII — XIX вв. проникавший в Данию из Германии. Однако датские романтики античным сюжетам предпочитали скандинавскую мифологию, а также охотно обращались к национальной истории. В Копенгагене часто происходили выступления против засилья иностранцев, в основном немецких правительственных чиновников, принадлежавших, как правило, к дворянскому сословию. Появившийся в 1776 г. Указ о праве гражданства часто рассматривают как первое проявление чувства патриотизма или национализма, поскольку в соответствии с ним все государственные должности могли занимать лишь лица, имеющие датское происхождение и подданство. В столице указ вызвал всеобщее ликование. Интересна сама формулировка указа: Датская канцелярия в качестве кандидатов на государственные должности могла рекомендовать лишь тех, кто был рожден «в Нашем государстве», то есть только «датчан, норвежцев и голштинцев». Большинство же нежелательных чиновников-немцев фактически были «иммигрантами во втором или третьем поколении». Все это лишний раз свидетельствует о той антипатии к аристократическому элементу, которую питали жители Копенгагена.

Глава 14

Внешняя политика

Внешняя политика до 90-х годов XVIII столетия

С 1720 г. целью внешней политики Дании являлось сохранение границ, установленных по окончании Великой Северной войны. Важнейшим результатом ее было присоединение королевством в ходе войны ряда готторпских владений в Шлезвиге. Теперь необходимо было заключить новые союзы, которые бы гарантировали стабильность сложившейся международной ситуации.

В соответствии с подобной политикой альянсов во внешней политике Дании в этот период выделяется ряд этапов. В течение приблизительно первых двух десятилетий для ситуации в Европе было характерно создание двух коалиций на основе заключения союзнических договоров между Францией и Англией, с одной стороны, и Россией, иногда Испанией и Австрией — с другой. В кризисной ситуации обе коалиции были заинтересованы в привлечении на свою сторону Дании, в виду ее важного стратегического положения у входа в Балтику. До середины 30-х годов XVIII столетия Дания склонялась к союзу с первой группой государств, которая требовала от нее лишь предоставления в свое распоряжение армии в количестве 24 тыс. человек. Коалиция же, в свою очередь, гарантировала выплату Дании субсидий и сохранение за ней ее прежних готторпских владений в Южной Ютландии, а также брала на себя обязательство в случае войны оказать королевству помощь сухопутными войсками и флотом. Когда же в 30-х годах в отношениях между Англией и Францией появились трещины, Дания вплоть до 1740 г. поддерживала Англию, однако позже в течение четверти века отдавала предпочтение Франции, которая к этому времени превратилась в самую могущественную державу Европы.

В 40-х годах основными проблемами европейской политики стали вопрос о наследовании шведской короны и война за австрийское

наследство (Силезские войны). Сначала в общих чертах, затем все более отчетливо обозначились два союзнических альянса, в один из которых входили Франция, Австрия, Россия и Швеция, а в другой — Англия и Пруссия. Основной целью Дании являлось сохранение нейтралитета и извлечение из такой политики максимальной для страны выгоды. Последнее помимо мероприятий в области торговой политики по-прежнему означало подтверждение гарантий датского господства над всем Шлезвигом. Хотя данные гарантии неоднократно давались Дании великими державами начиная еще с 20-х годов XVIII в., это стало особенно актуально в связи с тем, что готторпский дом был связан родственными узами как со шведской, так и с российской короной.

С помощью Франции в 40-х годах Дании удалось убедить шведского короля отказаться от своих притязаний, однако вскоре разразился острейший кризис, вызванный вступлением на российский престол в 1762 г. представителя готторпского герцогского дома Петра III. Он сразу же прекратил войну, которую Россия вела тогда против Пруссии, с тем, чтобы иметь возможность послать высвободившиеся войска против Дании. Пруссия и Австрия поддержали Россию, а Англия и Франция — у которых хватало своих собственных проблем в колониях — предпочли закрыть на это глаза. Несмотря на то что страна осталась в одиночестве, датское правительство в 1762 г. все же решилось вступить в войну и оказать сопротивление имеющей значительное численное превосходство российской армии. Войска обеих сторон едва не сошлись в Северной Германии, как вдруг русская армия неожиданно для всех отступила. Царь Петр III был свергнут с престола и впоследствии убит. На российский трон вступила его супруга, ставшая императрицей Екатериной II, во времена правления которой расклад сил на международной арене в корне изменился.

После поражения в войне с Англией за колонии Франция не пожелала продлить соглашение с Данией о субсидиях, однако это компенсировалось готовностью Екатерины II отказаться от прежних российских требований в отношении Шлезвига. Она была опекуном своего сына Павла, являвшегося великим князем и одновременно герцогом Готторпским. Правда, с окончательным разрешением данной проблемы следовало повременить до 1773 г., когда Павел должен был достичь совершеннолетия, но тем не менее с этой стороны Дании, казалось бы, удалось себя обезопасить.

Тем временем Швеция постепенно набирала силу. В 1772 г. король Густав III произвел государственный переворот, урезав права риксдага за счет расширения своих собственных, а также увеличения влияния аристократов из так называемой партии шляп. Момент он выбрал удачный, ибо Россия в то время была занята войной с Турцией и первым разделом Польши. Опасаясь шведской аннексии Норвегии, Дания сконцентрировала свои войска вдоль шведско-норвежской границы, где уже стояла армия Швеции. В действительности же Густав III преследовал главным образом внутривосточные цели, а именно признание Данией и другими странами произведенных им конституционных изменений, хотя в общем-то это и было внутренним делом Швеции. Датская сторона какое-то время сопротивлялась нажиму, однако в конечном итоге вынуждена была уступить по примеру России, где Екатерина II считала для себя гораздо более насущным вопросом решение турецкой проблемы.

Тучи рассеялись над Данией в 1773 г., когда великий князь Павел, достигнув совершеннолетия, отказался от всех своих владений в Шлезвиге в обмен на графства Ольденбург и Дельменхорст. Это сопровождалось подписанием «вечного» союзнического договора между двумя странами. В нем также оговаривалась возможность, когда это потребует, совместного выступления против Швеции, ибо Россия не собиралась долго мириться с происшедшими в этой стране изменениями. Однако в тот момент это было не столь актуально, ибо Россия имела и другие насущные интересы в европейском регионе. Но и Густав III не забывал о своих притязаниях в отношении Норвегии, и, поскольку большинство великих европейских держав были заняты другими делами, король предпринял ряд шагов, пока что, правда, ограничившись лишь усилением военной мощи страны. После государственного переворота, происшедшего в Дании в 1784 г., Густав стал оказывать поддержку кругам, оказавшимся не у власти, что вызвало настороженность в Дании. Однако прямое столкновение последовало лишь спустя четыре года, когда Густав спровоцировал новую войну с Россией.

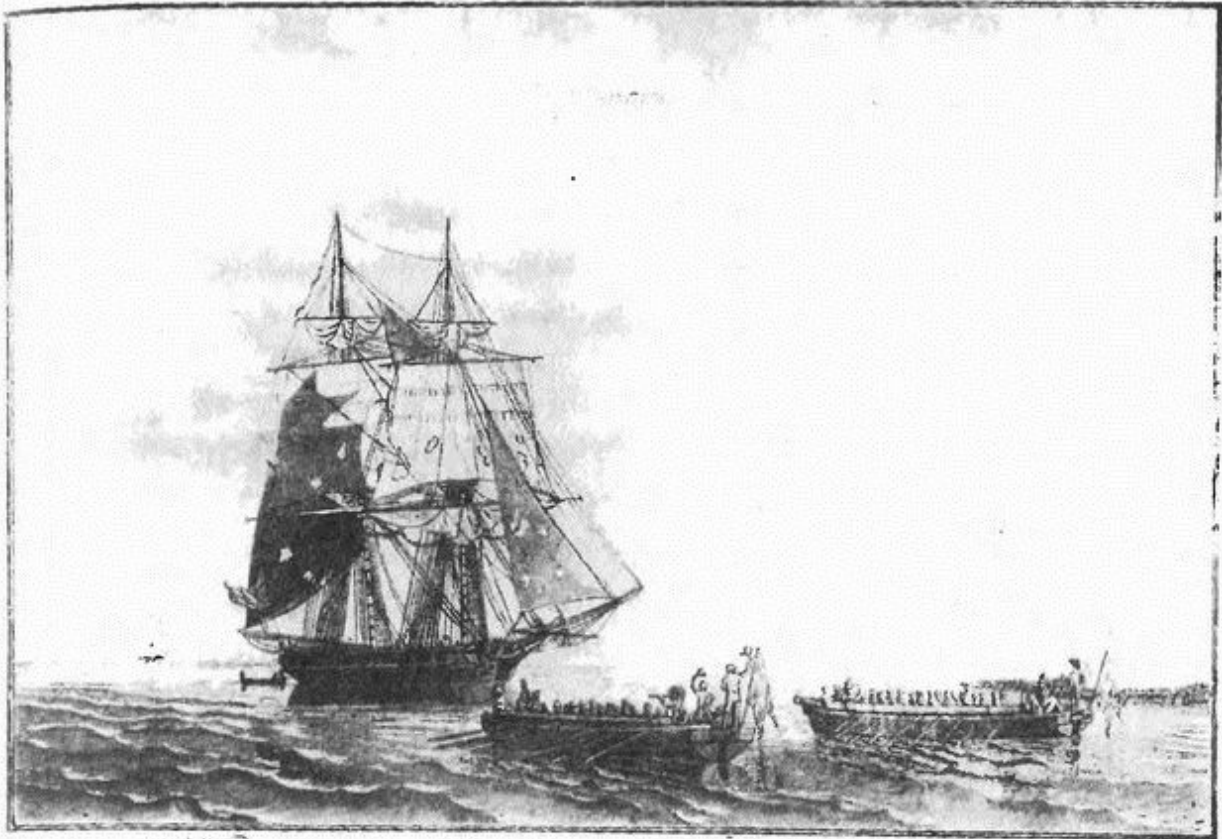
Договор с Россией требовал от Дании оказания помощи союзнику. Тем не менее Дания не была заинтересована в победе русских, главным образом поскольку Россия серьезно усилила свои позиции в ближайших областях Северной Германии. Без особой охоты Дания послала

некоторое количество норвежских войск в Бохуслен, но, когда в конфликт вмешались Англия и Пруссия и потребовали от датчан вывода войск из Швеции, Дания, игнорируя решительные протесты России, с готовностью выполнила их пожелания.

Вопросы международной торговли и международной политики в период до 1814 г.

Сначала в сфере внешней политики действовали представители двух поколений рода Бернсторфов, а затем кронпринц Фредерик. Хотя их роли не были главными, они ставили перед собой четкие цели. И несмотря на регулярно возникавшие в данный период на международной арене кризисные ситуации, Дании все же удавалось придерживаться политики нейтралитета, до начала XIX в. — с оборонительных, затем — наступательных позиций. Это имело значение и для внешней торговли страны.

В военное время существовали определенные, хотя и не вполне четко сформулированные правила относительно того, кто мог осуществлять торговое судоходство, а также с кем и чем торговать. Разумеется, воюющие государства не могли использовать территориальные воды и порты друг друга, что предоставляло нейтральным странам дополнительные возможности, особенно если конфликт разворачивался с участием крупных колониальных держав. Одним из своих основополагающих правил Дания сделала принцип «свободный корабль — свободный груз», и, несмотря на то что ни Англия, ни Франция не были полностью согласны с такой политикой, а их каперы неумолимо бороздили моря, Дании удавалось на протяжении всего столетия с успехом вести довольно значительную заморскую торговлю.

*Den danske Flotte erobret med sig selv i 1808 den engelske Brig, der tidligere var med 1374 K...
... 1808 den danske Flotte erobret med sig selv i 1808 den engelske Brig, der tidligere var med 1374 K...*

Захват английского брига «Тиклер» 4 июня 1808 г.

Рисунок Труслева (Королевская библиотека, Копенгаген). Разумеется, по сравнению с теми кораблями, которых лишилась Дания, новый флот был совсем невелик и состоял из канонерских лодок. Они были чрезвычайно маневренны и строились достаточно быстро. Четырем канонеркам, вооруженных двумя орудиями каждая и с экипажем 60 человек, удалось на веслах приблизиться к бригу и захватить его несмотря на английский фрегат, находившийся в нескольких морских милях от места боя. Командовавший операцией премьер-лейтенант Вульф рапортовал, что удача сопутствовала ему по причине установившегося штиля, а также потому, что «снаряды противника постоянно перелетали» невысокие лодки.

Во время Наполеоновских войн Дания перешла к политике вооруженного нейтралитета с позиций силы, стараясь по возможности обезопасить свои наиболее крупные торговые суда, для чего каждое из них следовало под конвоем военного корабля. Осуществлялось это с

целью исключить возможность досмотра судов представителями иностранных держав. Когда Англия, опомнившись от первого потрясения, вновь взяла в свои руки контроль над Ла-Маншем, англичане стали рассматривать датский торговый флот как флот недружественного государства. Ведь ни для кого не являлось тайной, что корабли Дании часто выполняли поручения французов либо ходили по тем маршрутам, на которые у них не было лицензии в мирное время. Это приводило к многочисленным столкновениям, в которых наибольшую активность проявлял датский конвойный корабль — фрегат «Фрейя».

Выдвижение на первый план мировой политики фигуры Наполеона привело к возникновению ряда новых, хотя и непрочных союзов. Так, в 1800 г. между Францией и Россией был заключен договор о закрытии всех европейских портов для английских судов. Год спустя Дания попала в затруднительное положение, когда Англия потребовала от нее выхода из союза вооруженного нейтралитета, который страна только что заключила со Швецией и Россией. Требование это недвусмысленно подкрепляло присутствие английской эскадры в составе 53 кораблей — 20 из них были линейными, — вставшей на рейд 21 марта 1801 г. возле замка Кронборг.

Поскольку Дания отказалась идти на уступки, на рейде Копенгагена 2 апреля произошла битва. Датский флот еще не был переоснащен после зимы, и шансы его на победу над британской эскадрой во главе с морским героем, вице-командующим английским флотом лордом Нельсоном, были невелики. В ходе битвы, сочтя, по-видимому, свои потери слишком значительными, командующий британским флотом дал на своем корабле сигнал к прекращению сражения. История гласит, что Нельсон приставил подзорную трубу к своему незрячему глазу, так что не мог видеть сигнала, и продолжал битву до тех пор, пока датский кронпринц не признал свое поражение и не согласился выполнить требования англичан.

Битва на рейде Копенгагена вошла в историю страны и отмечается в Дании до сих пор 2 апреля как торжественная дата поднятием государственного флага. «За ходом сражения наблюдали тысячи восхищенных зрителей. Люди гибли, жертвуя собою с восторгом и поразительным воодушевлением. В истории Дании этот кровавый страстной четверг стал тем весенним днем национального возрождения,

когда новое поколение прошло крещение огнем, выказав при этом блестящее мужество». Вот каким представлялось это событие уже в наше время, в 70-х годах XX столетия.

После этого поражения Дания вернулась к политике оборонительного нейтралитета. Следующие годы прошли под знаком заключения новых мирных соглашений и — их нарушений. Наполеон добивался все более крупных успехов, и, когда в 1806 г. после громких побед, одержанных его войсками в Германии, он провозгласил полную континентальную блокаду Англии, в отношении Дании история повторилась. Англия в ответ запретила судам нейтральных стран пользоваться маршрутами и гаванями, закрытыми для британских кораблей. И Франция, и Англия одновременно поставили Дании ультиматумы, так что она должна была наконец определить, на чьей она стороне. В результате, несмотря на отчаянные усилия датской дипломатии и различные ухищрения, на которые пускался кронпринц, Англия, потеряв терпение, в 1807 г. подвергла Копенгаген обстрелу с моря, после чего захватила весь датский флот. Тогда Дания присоединилась к Наполеону и продолжила боевые действия на море — правда, в весьма ограниченном объеме, — узаконив каперство и наскоро отстроив новый флот, состоявший из малых канонерок.

После этих драматических событий главной внешнеполитической задачей Дании по-прежнему оставалось сохранение своего территориального статус-кво. Тем не менее, по мере того как военное счастье изменяло Наполеону, надежды на это становились все более призрачными. И хотя союзническая коалиция предложила Дании присоединиться к ней, королевство ничего от этого предложения не выигрывало, ибо оно предусматривало уступку Данией Норвегии в пользу Швеции.

Последние сражения происходили в Гольштейне в конце 1813 г. и окончились для союзника Наполеона полным фиаско — Глюккштадт пал. Мир, заключенный в Киле в январе 1814 г., решил судьбы Дании и Норвегии. И хотя в мае того же года Норвегия попыталась провозгласить себя независимым государством с собственной либеральной конституцией и Кристианом Фредериком (будущий король Дании Кристиан VIII) в качестве регента, однако с благословения стран-победительниц она стала частью шведского королевства. Тем не менее король Швеции признал новую конституцию страны и пошел на

предоставление Норвегии права на относительно полное самоуправление.

В дальнейшем в качестве компенсации за Норвегию Дания получила некоторые бывшие шведские владения в Северной Германии. Однако на них претендовала также Пруссия, и Дания уступила права на них в обмен на небольшое герцогство Лауэнбург. Прежние же норвежские территории — Фарерские острова и Исландия оказались теперь в еще более прочной зависимости от Дании.

Венский конгресс

Когда представители великих держав и малых стран собрались в 1814 г. на конгресс в Вене, Фредерик VI испытывал серьезные опасения по поводу дальнейшего существования Дании. Дело в том, что аппетиты наполеоновского экс-маршала, а ныне шведского монарха и союзника России Карла Юхана не ограничивались одной Норвегией, а распространялись также и на датские острова. Поскольку датский вопрос значился отнюдь не первым в повестке дня Венского конгресса и ситуация складывалась довольно неясно, неожиданное возвращение Наполеона с Эльбы стало для датской стороны настоящим подарком. Оно сплотило правительства различных стран и активизировало стремление союзнической коалиции к привлечению в свои ряды новых членов. Приглашение войти в ее состав получила и Дания. Стало очевидным, что ни Англия, ни Россия не заинтересованы в исчезновении с политической карты балтийского региона малого буферного государства, каким являлось датское королевство.

После повторного разгрома Наполеона и его ссылки на далекий остров Св. Елены в Атлантическом океане в Вене были возобновлены попытки «реставрации» Европы. В основу были положены три принципа: принцип *status-quo-ante*, что означало стремление к воссозданию ситуации, сложившейся в Европе в 1792 г., до начала Наполеоновских войн; принцип легитимности, в соответствии с которым князьям возвращались по большей части все принадлежавшие им некогда территории; принцип равновесия в отношениях между великими державами. Достигнутое в результате равновесие сил продолжало сохраняться с небольшими отклонениями вплоть до 1848 г.

Государство-лилипут Дания если к кому и тяготело в этот период, так это к России.

В системе европейского баланса требовал своего решения вопрос о будущем прежней Германской империи. Существовало единое мнение, что Центральная Европа по-прежнему должна была оставаться слабым регионом, однако при этом нуждалась в создании достаточно рыхлого объединения государств, что и было зафиксировано Актом о создании Германского союза, принятым в 1815 г., и дополнено Венским заключительным актом в 1820 г. Поскольку герцогства Гольштейн и Лауэнбург также являлись членами данного союза, принятые документы непосредственно касались также и Дании. Так, например, в соответствии с ними в каждом из входивших в состав союза государств, размеры которых превышали определенный предел, надлежало учредить сословное собрание.

Для Дании это явилось особой проблемой, поскольку по уложению XV в. Шлезвиг и Гольштейн были связаны между собой нерушимыми узами, на чем особо настаивало шлезвиг-голштинское рыцарство — дворянское сословие обоих герцогств. По его мнению, нельзя было учреждать сословное собрание в одном лишь Гольштейне. А в случае образования сословных представительств в обоих герцогствах самой Дании также следовало создать такой же орган.

Чтобы решить назревшую проблему, как это случалось и прежде, была создана комиссия, куда вошли представители заинтересованных сторон. Работа ее сопровождалась жаркими спорами, в особенности потому, что рыцарство выступало категорически против намерения председателя комиссии включить в ее состав значительное количество бюргеров и крестьян. Поскольку к тому времени в Европе, и прежде всего в самих германских государствах, видимо, уже утратили всякий интерес к реализации прогрессивной идеи, какой, несмотря ни на что, являлась мысль об учреждении сословного собрания, это дало возможность и Фредерику VI Датскому забыть о своих обязательствах на данный счет. Несмотря на многократные усилия со стороны рыцарства и прочих заинтересованных сторон, сдвиги в этом вопросе произошли лишь после революционных событий во Франции в июле 1830 г.

Глава 15

Датское общество и общественные движения в 1814-1840 годах

Сельское хозяйство

Наполеоновские войны дорого обошлись Дании. К тому же росла инфляция. Все это заставило политическое руководство страны предпринять определенные меры — сначала ввести новые налоги, а затем выпустить бумажные деньги. В 1813 г. государство — как впоследствии это будет названо — стало банкротом. После этого учрежденный в 1736 г. Курантбанк был заменен центральным Государственным банком, стоимость новых денег была определена в размере 6 прежних ригсдалеров за 1 новый ригсбанкдалер. В 1818 г. Государственный банк был приватизирован, и вместо него появился акционерный Национальный банк. В его задачи входило, во-первых, ужесточение кредитной политики и, во-вторых, достижение паритета между бумажными и серебряными деньгами. Что касается первого обстоятельства, то меры в этом направлении были приняты незамедлительно, тогда как достижение паритета потребовало гораздо больше времени, и стоимость бумажного ригсбанкдалера сравнялась со стоимостью наличного далера серебром лишь в 1837 г. Были предприняты и другие шаги с целью оздоровления ситуации, однако особого эффекта они не возымели. Трудности усугубил разразившийся вскоре кризис в области сельского хозяйства — уменьшение сбыта зерна, вызванное стремительным падением цен.

Причин кризиса было несколько. Результатом проведения аграрных реформ явился рост сельскохозяйственного производства.

В годы войны многие страны также начали модернизацию своих аграрных систем, дополнительным толчком к которой было возвращение с войны большого количества солдат, труд которых можно было использовать в сельском хозяйстве. Дания в этом плане испытывала особые сложности, ибо являлась страной-экспортером, для

которой протекционистские импортные пошлины были неприемлемы, как, например, в Англии. Там закон о зерне 1815 г. вводил высокие таможенные ввозные пошлины, а также в отдельных случаях, когда цены на внутреннем рынке падали ниже установленного уровня, полный запрет на импорт зерна. Не меньшей проблемой было и то, что Норвегия во время войны расширила собственное производство зерна, поскольку датские поставки носили нерегулярный характер. Кроме того, после подписания Кильского мира Норвегия уже не обязана была ориентироваться на импорт не слишком чистого и не особо высококачественного зерна из Дании, которая, таким образом, потеряла один из прежних своих исконных рынков. Годы вплоть до 1830-го были временем строжайшей экономии, поскольку цены на сельскохозяйственную продукцию в целом упали на 40%. Несмотря на это, в земледелии все же внедрялись некоторые новшества, не требовавшие особо крупных затрат, такие, как дренаж и удобрение мергелем полей и тех участков, которые прежде являлись общественными выгонами.

Данные мероприятия сопровождались ростом производства в области животноводства, где падение цен было менее значительным. В результате разоренными оказались главным образом крупные хозяйства и небольшое количество мелких крестьянских хозяйств в основном в северо-западных районах Ютландии. Большинству же хозяйств удалось пережить эти трудные времена, либо сдавая земли в аренду хусманам, либо развивая кустарные промыслы, такие, как вязание носков, плетение кружев и гончарное дело.

С началом Наполеоновских войн экономический подъем, вызванный аграрными реформами, приостановился, однако еще до этого половина хозяйств перешла в собственность крестьян. В конце 20-х годов XIX в. с улучшением конъюнктуры данный процесс продолжился. Однако с середины 30-х годов вновь наметились тенденции к застою, вызванные на этот раз не условиями конъюнктуры, которая как раз была высокой, а тем, что наиболее крупные помещики лишились права продавать свои земли. Считалось, что их владения, так называемые майораты, принадлежат им как ленникам или фестерам короны. Это означало, что помещик не имел права оставить себе или пустить в оборот средства, вырученные в результате продажи своему бывшему арендатору его участка земли, а обязывался передать их в

королевскую казну. По этой причине к середине XIX в. около трети крестьян, владевших хозяйствами (горманов), еще оставались арендаторами.

Сословие датских крестьян, будь то арендаторы или собственники дворов-хозяйств, пользовалось в период процветания хлебной торговли, начавшийся в 20-х годах XIX в. и продолжавшийся около 50 лет, своего рода особым статусом, отличавшим их от крестьян в прочих странах. Они обладали прочной экономической базой, благодаря чему были в состоянии производить экспортную продукцию в полном соответствии с существовавшей системой международного разделения труда. Основной сельскохозяйственной единицей того времени являлось хозяйство, размеры которого оценивались более чем в 4 тэнде харткорна. Их доля составляла более половины общего числа хозяйств. Такой же она оставалась и в период великой депрессии, наступившей в конце 70-х годов XIX в., которая будет рассмотрена ниже.

Экономический подъем между тем отразился и на положении прочих крестьянских хозяйств. Увеличилось количество сельских жителей, которые существовали за счет своих хозяйств, а число домов с прилежащими земельными участками на протяжении первой половины века удвоилось. Это было вызвано тем, что многие крестьяне — владельцы хозяйств склонны были продавать небольшие части своих владений, с одной стороны, чтобы быстрее выплатить долги, образовавшиеся при покупке собственности, а с другой — чтобы иметь свободные средства для финансирования дальнейших хозяйственных преобразований.

Новые религиозные движения

Одно из объяснений возникновения в Дании в конце 90-х годов XVIII в. целого ряда новых религиозных течений среди мирян заключается в том, что проведение аграрных реформ сделало крестьян — владельцев хозяйств самостоятельными и независимыми. Другое объяснение кроется в том, что реформы, по всей видимости, усилили расслоение сельского населения, в связи с чем оно и предпринимало попытки объединиться в общей вере. Ведь сторонники такой веры не принадлежали исключительно к сословию имущих крестьян-хозяев,

среди них было немало крестьян, не имевших земельной собственности. Наконец, существует мнение — и это подтверждается рядом исследований последних лет, проведенных в различных регионах страны, — что интерес слуг, детей, неимущих крестьян к новым религиозным течениям обуславливался их тесной связью с семьей владельца хозяйства, который сам был сторонником этих религиозных течений.

Какое бы объяснение ни представлялось наиболее правомерным, несомненно одно: новые религиозные движения были неразрывно связаны с пиетизмом середины XVIII столетия. Вслед за ним они проповедовали «истинную» христианскую веру, моральное очищение личности через покаяние и критиковали официальную государственную церковь, для которой на рубеже XVIII — XIX вв. был характерен рационализм эпохи Просвещения. Официальная религиозная доктрина связывала веру в Бога с образом жизни человека на основе пользы и морали, не проводя строгого различия между церковным и мирским. Последователи новых религиозных течений намеревались «пробуждать к жизни тех, кто спит во грехе». Они не желали признавать выпущенный епископом Н.-Е. Балле «авторизованный» катехизис с рационалистическими разъяснениями, а также новую редакцию сборника псалмов, настаивая на использовании в повседневном обиходе прежних толкований другого епископа, Эрика Понтопидана, и сборника псалмов епископа Томаса Кинго. Между ними и священниками — поборниками идей Просвещения и рационализма нередко вспыхивали конфликты, выливавшиеся в словесные перепалки, а зачастую и в физические столкновения, как это следует из судебных дел, возбуждавшихся на рубеже XVIII — XIX столетий. Позже предметом особо ожесточенных нападок со стороны новых религиозных движений мирян стало изложение катехизиса и преподавание Закона Божьего в школах. Речь, таким образом, шла о нареканиях в адрес священников, вносивших в церковную службу элементы рационализма. Однако, поскольку они нередко являлись представителями властей, эти нарекания воспринимались как антиправительственные выступления.

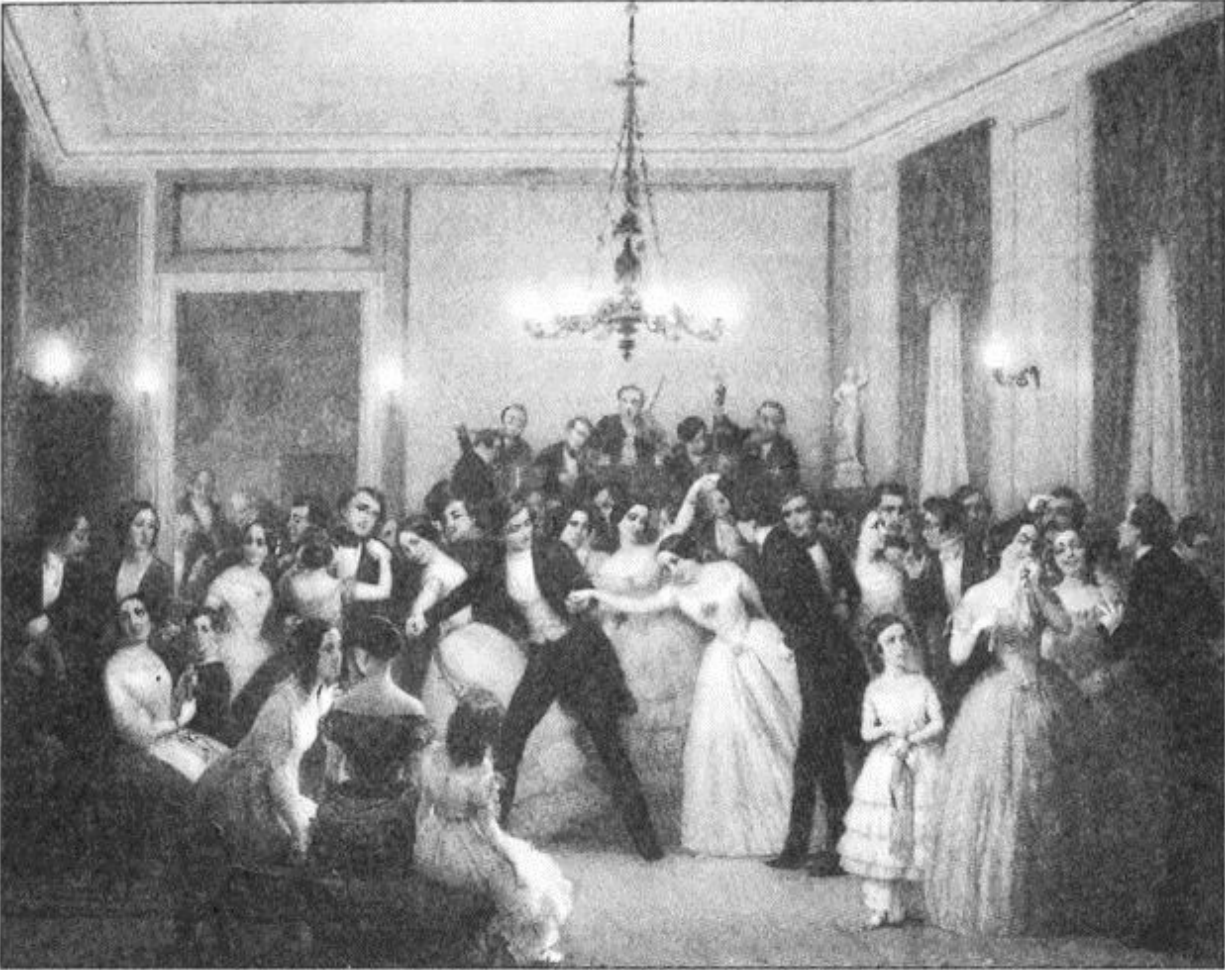
Положение усугубилось, когда некоторое время спустя — в 30 — 40-х годах XIX в. — отдельные представители новых религиозных движений стали играть заметную роль в политическом движении

крестьянства. Озабоченные этим правительственные круги воспользовались испытанной ранее тактикой борьбы с радикальными течениями пиетизма, сославшись на специально изданный в середине XVIII в. Указ (так называемый Konventikelplakat). Он не запрещал проведение собраний мирян, однако о них следовало оповещать местного священника. Новые веяния получили беспрепятственное распространение во всех сельских областях Ютландии и на островах, проникая также и в города.

Немалые проблемы правительству и в особенности официальной церкви доставляла личность священника и писателя Николая Фредерика Северина Грундтвига^[44]. Он выступал с резкой критикой позиций профессора-теолога Х.Н. Клаусена, который считал научную теологию, восходящую к Новому Завету, основой для понимания христианства. Грундтвиг подверг эту теорию нападкам, выдвинув в противовес ей свое «потрясающее открытие», согласно которому церковь является общностью, признающей веру на основе живого слова. Данная полемика вылилась в официальный церковный конфликт, окончившийся судебным разбирательством. Не дожидаясь его конца, Грундтвиг отказался от своей должности при церкви Христа Спасителя; при этом, однако, как публицист продолжал выступать с критическими нападками, используя в качестве рупора своих идей журнал (Theologisk Manedsskrift). В кругах сторонников новых религиозных тенденций он пользовался большим влиянием.

Предпринимательство в городах

Городское предпринимательство, в особенности торговля, также столкнулось с рядом серьезных проблем, возникших в результате Наполеоновских войн. Золотые дни для тех, кто бороздил моря под нейтральным флагом прошли, значительно сократился экспорт зерна. Большинство торговых домов в Копенгагене закрылись, многие провинциальные купцы также переживали трудности, хотя в целом у них дела шли несколько лучше. Роль международных кредитных и торговых центров начала переходить к Гамбургу и Амстердаму, особенно начиная с 30-х годов XIX в., когда стала возрождаться продажа зерна.

Бал в буржуазном доме

Картина художника Эдварда Леманна, 1853 г. (частная коллекция). Помимо посещения клубов в буржуазном обществе часто устраивались большие званые приемы с приглашением городской элиты. Это были литературные вечера, домашние концерты, балы. На картине изображён праздник в доме профессора медицины Эшрихта. Среди гостей — генерал де Меза, английский посланник Гамильтон, профессора со своими домочадцами.

Чтобы вести торговлю, следовало приспособливаться к новым временам строжайшей экономии, а это привело к изменениям ее структуры. Как в Копенгагене, так и в провинции получила развитие мелкая розничная торговля, для которой использовались крохотные лавочки; купцы торговали товарами повседневного спроса, необходимыми крестьянам. И наконец, богатые купцы занимались

систематической скупкой сельскохозяйственной продукции. Подход правительства к данному вопросу отличал прагматизм, а не принципы. Разрешения на ведение торговой деятельности выдавались коробейникам и мелким торговцам, иллюстрацией чего может служить следующее ходатайство. Андреас Андерсен Сёдринг из Фредериксберга пишет в запросе в Датскую канцелярию, что он «вследствие усидчивости и тяги к чтению в юности страдал ипохондрией и едва не лишился рассудка, и, поскольку в настоящее время данные симптомы начали повторяться, врач рекомендует пожить за городом и развеяться». Следуя советам врача, он собирается заняться торговлей, для чего родители уже купили ему дом. Потому он ходатайствует о предоставлении ему патента на торговлю всеми теми товарами, которыми разрешено торговать прочим торговцам во Фредериксберге. На это, как полагалось, испросили согласия амтмана, которое было получено, особенно с учетом того, что Андреас собирался торговать ост-индскими и китайскими товарами, а также различными бакалейными изделиями. Амтман считал это «не ущемляющим интересы прочего торгового люда города Фредериксберг». Система получения подобных разрешений на монопольное право ведения торговли регламентировалась законом о мелкой розничной торговле от 1856 г., который разрешал ведение торговой деятельности в деревенской местности за пределами защитной зоны, которая распространялась на 0,5 мили (4 км) от границ торгового города.

Таможенная политика государства также вынуждена была приспособляться к либеральным идеям и требованиям, проникавшим в страну из-за рубежа. Самым ярким проявлением этого стало упразднение в 1857 г. под нажимом США и прочих стран Эресуннской таможенной пошлины в обмен на выплату Дании крупной денежной компенсации, что фактически было выгодно для развития столичной торговли. В свое время Дании удавалось взимать эту пошлину даже тогда, когда владения по другую сторону пролива были ею утрачены, и после 1720 г. Швеция также вынуждена была платить за проход судов через Эресунн.

Использование кредитов и самофинансирования способствовало открытию таких новых крупных производственных предприятий, как фирмы «К.Ф. Хаге» в Стеге, «Пуггор и сын» в Копенгагене, «Элиас Б. Муус» в Оденсе. Постепенно залечивали раны и старые фирмы, и доля

занятого в торговой сфере городского населения достигла 10%. Многие крупные торговые дома — как старые, возникшие еще до государственного банкротства, так и новые — часто выступали в роли щедрых меценатов, помогавших людям искусства. В особенности это было характерно для Копенгагена, где их поддержкой пользовались также студенты и неимущие представители научных кругов.

Крупные коммерсанты, чиновничество и знатные горожане входили в разного рода общественные объединения, характерные для жизни Копенгагена и других торговых городов с конца XVIII столетия. Зарубежные исследователи нередко отмечали, что возникавшие клубы и общества были очагами политической оппозиции. И наоборот, те группы, которые в период реформ являлись рупором общественного мнения в стране, в первой трети

XIX столетия оставались если не абсолютно индифферентными в политическом отношении, то по крайней мере не проявляли особой общественной активности. Прекрасным примером тому может служить Студенческое общество, созданное в 1820 г. Происходившие в нем дискуссии ограничивались темами, связанными с религией, историей, культурой и искусством. Оказывалась, правда, поддержка национально-освободительной борьбе греков против турецкого владычества, однако лишь на словах, в отличие от реальной помощи грекам многочисленных эллинофильских движений, существовавших в то время в различных европейских странах.

Оживление политической активности

Некий ученый-одиночка, странноватый доктор теологии по имени Дампе, попытался разбудить среди солдат мятежные настроения, выпустив в 1820 г. памфлет, начинавшийся словами: «Живет самый обыкновенный дурак, называющий себя королем». Помимо того Дампе намеревался создать политическое общество, целью которого являлась разработка новой конституции страны на основе народного представительства. По сути дела, это был призыв к государственному перевороту! На учредительном собрании общества, где присутствовало девять человек; шестеро из которых — полицейские, а один — филер, доктор теологии Дампе был арестован. Впоследствии его приговорили к

смерти, однако помиловали и выслали на остров Кристиансё, где Дампе провел в заключении 20 лет. Правительственные круги отреагировали в данном случае необыкновенно жестко.

Июльская революция 1830 г. во Франции не пробудила особого энтузиазма ни у копенгагенских буржуа, ни в общественном мнении страны. Во время театрального представления, которое вызвало у бельгийской публики реакцию, подобную взрыву динамита, датская публика стоя приветствовала короля Фредерика VI.

Однако спокойствие длилось недолго. Как угрозу, восприняли появление небольшой брошюры, где на 12 страницах содержались призывы к созданию в герцогствах собственного конституционного собрания. За образец новой конституции автор взял соответствующий норвежский вариант. Кроме того, в Шлезвиге предлагалось учредить свой верховный суд. Правительство герцогств должно было отделиться от датского правительства и иметь собственную резиденцию в Киле. Автором этой брошюры являлся тридцатисемилетний юрист, чиновник Шлезвиг-Гольштейн-Лауэнбургской канцелярии Уве Йене Лоренсен, родившийся на острове Силь, где он не так давно был назначен ландфогтом — своего рода амтманом. Образование Лоренсен получил в университетах Германии, и там во время Наполеоновских войн увлекся идеями национально-освободительной борьбы. Многие студенты и молодые люди из германских государств сражались в качестве волонтеров против Наполеона, и по окончании Венского конгресса их целью стало объединение разрозненных государств в единую Германию, обладающую либеральной конституцией.

Прогрессивный либерализм брошюры — явление достаточно необычное для датского общества того времени. Ни рыцарству в герцогствах, ни датскому правительству брошюра не пришлась по вкусу. Тем не менее она стала предметом оживленных общественных дебатов. Поскольку Лоренсен заявил, что не собирается завершать политическую деятельность, его арестовали, отстранили от должности и приговорили к годичному тюремному заключению. После освобождения Лоренсен эмигрировал из страны и спустя несколько лет покончил жизнь самоубийством.

Как бы там ни было, но появление этой небольшой брошюры убедило политическое руководство страны в необходимости предпринять какие-то меры. Обеим канцеляриям было дано поручение

разработать проект закона об учреждении сословных собраний с совещательными функциями по образцу сословно-представительного собрания Пруссии. В результате 28 мая 1831 г. появились два по большому счету однопольных указа, один из которых касался королевства, а другой — герцогств. Было найдено компромиссное решение, в соответствии с которым между герцогствами не делалось никакой разницы и сословное собрание учреждалось не только в Гольштейне, но и в Шлезвиге. Однако коль скоро в герцогствах создавались подобного рода органы, то и в королевстве следовало иметь такие же, причем даже не один, а два — один для Ютландии, а другой для островов. Более подробные правила, регламентирующие деятельность данных собраний, должны были быть разработаны после того, как соответствующие комиссии заслушают мнение опытных и знающих людей.

Если раньше публичные политические заявления были редким явлением, то теперь разного рода советы и рекомендации посыпались со всех сторон. Умы общественности занимали три основные темы: избирательный ценз, процедура прямых выборов и гласность в работе сословий. Уже здесь проявились разногласия между умеренными и более радикально настроенными кругами. По поводу двух последних пунктов мнения были едины, как и в отношении того, что правом быть избранным мог пользоваться любой, ибо гарантией здесь служило доверие избирателей. Расхождения возникали по вопросу об избирательном праве. Умеренные полагали, что оно должно быть связано с собственностью на землю, прочие же — во главе с двадцатилетним Орлой Леманом^[45] — требовали равного избирательного права для всех. Помимо отдельных печатных заявлений и статей доказательством возросшего интереса к политике может служить попытка создания общества «Союз 28 мая», названного так в честь даты появления указов об учреждении сословного представительства. Однако директор полицейского департамента Копенгагена был против его открытия, но при содействии А.Ф. Чернинга^[46] нашли приемлемое решение, заключающееся в ежегодном проведении 28 мая праздничных заседаний с произнесением торжественных речей и тостов.

Тем временем работа над законопроектом продолжалась. В ходе ее возникали серьезные споры между консервативно настроенным

президентом Датской канцелярии Стеманном и сторонником более либерального курса А.С. Эрстедом. Окончательно договорились 15 мая 1834 г. Было решено, что члены сословных собраний избираются от помещиков, от собственников недвижимости в торговых городах и от крестьян. Указ содержал ряд половинчатых уступок в пользу постепенно набиравших силу сторонников либерализма. Выборы объявлялись прямыми, а избирательный ценз для горожан и крестьян был ниже, чем в появившемся практически в то же время подобном указе в Пруссии. Даже крестьяне-арендаторы получали право голоса. Тем не менее имущественный ценз кандидата в депутаты устанавливался в размере, вдвое превышавшем ценз избирателя. Кроме того, двери сословных собраний оставались закрытыми, хотя отчеты о заседаниях и публиковались в специально созданном в этих целях печатном органе «Ведомости сословных собраний» (Stazndertidende).

Правительство страны было удовлетворено достигнутыми результатами, которые полностью отвечали точке зрения президента Немецкой канцелярии Отто Мольтке. По его словам: «Если уж страну постигло такое несчастье, что требования демократических преобразований не оказалось явлением преходящим, то следует предупредить самые далеко идущие из них, по возможности предугадывая и выполняя те требования, которые могут быть удовлетворены в рамках существующего общественного порядка».

В общей сложности избирательные права получили лишь 3% всех жителей страны, то есть 15% мужчин. Однако и этот низкий показатель был все же несколько выше, чем в «либеральных» Англии и Франции после революции 1830 г. Население страны проявляло живой интерес к нововведениям. Из представителей крестьянского сословия правом голоса воспользовались более 80%! Хотя сословные собрания и обладали лишь функциями совещательных органов, оказалось, что многие из обсуждавшихся вопросов принимались к сведению, а темы для обсуждений — с согласия председателя — выдвигались самими депутатами. И, как часто подчеркивается, собрания сословных представителей постепенно стали тем форумом, на котором удавалось, выдвигая и обсуждая политические, социальные и прочие проблемы, снимать их остроту, пока не имеющие профессионального ораторского опыта люди только лишь учились этому. В то же время обсуждение данных вопросов имело общественный резонанс, поскольку газеты

помещали краткие выдержки из «Ведомостей сословных собраний».

Глава 16

Политические движения в 40-х годах XIX столетия

Если обещание создать совещательные сословные представительства всего лишь разбудило политическую активность в стране, то после учреждения данных собраний процесс политизации общества значительно ускорился. В период 30 — 40-х годов XIX в. возникло не менее пяти политических течений, различие между которыми можно обнаружить лишь с помощью тщательного анализа, поскольку на деле представителями их зачастую являлись одни и те же личности. Речь идет об объединенном движении крестьян и хусманов, движении либералов, движении «друзей крестьян», национальном движении и движении скандинавизма. Их деятельность нашла проявление в заседаниях сословных представительств, а также в журналах, газетах, брошюрах, ставших рупорами соответствующих движений. Все перечисленные течения были едины в стремлении добиться принятия либеральной конституции, однако при этом приоритеты расставлялись по-разному.

Для движения крестьян и хусманов на первых порах конституционный вопрос был не главным. Приоритетным для него являлось завершение аграрных реформ, и поэтому к основным требованиям относилась отмена барщины и пожизненного фестерства, а также введение всеобщей воинской повинности. В 30-х годах треть всех крестьян оставались фестерами-держателями, и половина из них отрабатывала барщину. Набор рекрутов в армию производился исключительно среди сельского населения. Данное движение, которое лишь по прошествии определенного времени можно рассматривать как единое движение с общими целями, поначалу объединяло людей с различными позициями и использовало разнообразные формы действий: ходатайства крестьян в адрес сословных собраний, инициативы, выдвигавшиеся депутатами от сословий, сбор подписей

крестьян под петициями королю, выступления в печати и на собраниях. Что касается последних, то формы их могли быть самыми разнообразными. Это и встречи в частных домах, как это практиковали последователи новых религиозных течений, и крупные собрания по профессиональному признаку, а после 1841 г. и совещания членов приходских наблюдательных советов. Еженедельник «Друг народа» (Almuevennen) стал рупором идей движения. Среди его лидеров были представители новых религиозных течений, однако интересно отметить, что представляли они вовсе не те социальные группы, которые дали название движению, а учителей и ремесленников. Так, например, «Друг народа» был основан в 1842 г. школьным учителем Расмусом Сёренсеном и сапожником Й.А. Хансеном, часто публиковавшим свои материалы на страницах журнала.

Многие устремления крестьян находили отклик и в других слоях общества. Однако принудительная отмена фэстерских отношений представлялась весьма проблематичной, ибо затрагивала право частной собственности или скорее задевала чувства собственников. Еще в 30-х годах XIX в. Орла Леман утверждал, что крестьяне фактически являются хозяевами своих угодий, поскольку помещик лишен права их обрабатывать. Его собственностью, в полном смысле этого слова, являются только земли при центральном имении. Сами же помещики, естественно, придерживались иной точки зрения. Поэтому проблема арендных отношений так и не была окончательно решена на протяжении всего XIX столетия. Еще в 1885 г. приблизительно 10% крестьянских хозяйств оставались в фэстерской зависимости, хотя барщина для них и была заменена денежными выплатами; майораты при этом находились в более выгодном положении, ибо после продажи земли крестьянам могли сохранять около 10% своих угодий. Отмена фэстерских отношений вплоть до земельных реформ 1919 г. оставалась предметом договора, заключавшегося заинтересованными сторонами на добровольной основе.

Другой крупной проблемой являлся «хусманский вопрос». Речь шла прежде всего о хусманах, арендовавших свои дома, ибо положение хусманов-фэстеров по большому счету не отличалось от положения крестьян-фэстеров. «Друг народа» регулярно публиковал примеры жестокого угнетения, которому подвергались хусманы — арендаторы домов. От них требовалось выполнение тех же повинностей, что и от

крестьян (выплата вступительного взноса, внесение оброка и отработка барщины), причем, по свидетельству «Друга народа», объем их был весьма значителен. Однако помимо еженедельной отработки барщины и обязанности ремонтировать дом положение хусманов осложнялось еще и тем, что договор с ними мог быть расторгнут с предуведомлением всего за 12 недель. Из-за этого у хусманов отсутствовала уверенность в завтрашнем дне и заинтересованность в каких-либо новациях. Особенно много материалов по данному вопросу опубликовал в журнале Педер Хансен-Лондбю, сам выходец из среды хусманов-арендаторов.

Вплоть до начала 40-х годов XIX в. сельское население продолжало традиционно почитать короля как защитника своих интересов, однако после «Фальстерской речи» О. Лемана (см. далее) светлый образ монарха в глазах крестьян значительно потускнел. После этого возросла активность разного рода агитаторов, выступавших с речами и собиравших подписи под бесчисленными петициями королю. В 1845 г. под одной из них значилось целых 9 тыс. подписей. Одно из собраний в Хольбеке, на котором присутствовало от 6 до 8 тыс. человек, настолько обеспокоило правительство, что оно издало так называемый Крестьянский циркуляр 1845 г. В соответствии с ним запрещалось проводить собрания, где обсуждались бы проблемы правового положения крестьян без разрешения на то полиции, а лица, не принадлежавшие к числу местных прихожан, ни в коем случае не могли принимать участие в подобного рода собраниях. Тем самым ставились препоны деятельности приезжих агитаторов.

Лояльность группы, образовавшейся вокруг еженедельника «Друга народа», по отношению к королю создавала существенные проблемы для либерального движения, основной целью которого было принятие либеральной конституции. Это движение не отличалось сплоченностью и целостностью, равно как и не обладало единой программой. Скорее можно говорить об общей заинтересованности в защите либеральных ценностей. Стремление к сохранению свободы печати в прежнем объеме — вопрос, кстати, весьма серьезно заботивший Фредерика VI из-за размаха, с которым велись дебаты, — как раз и привело к консолидации либералов и созданию ими в 1835 г. нового общественного объединения, которое уже через несколько лет насчитывало около 5 тыс. членов. Либеральная пресса была представлена газетами «Отечество» (Faedrelandet), а также

«Копенгагенская почта» (Kiøbenhavnsposten), читателями которой являлись также и городские ремесленники. Правда, либерализм представителей данного общественного движения не был последовательным. Так, в сословном собрании они не подвергали сомнению протекционистскую таможенную политику государства, а также не являлись сторонниками свободы вероисповедания, на чем особо настаивали последователи новых религиозных течений.

Многие правительственные чиновники, в том числе А.С. Эрстед и прочие умеренные либералы, трудились на общественном поприще бок о бок с более радикально настроенными деятелями. Однако их совместная работа была затруднена, после того как в 1841 г. О. Леман выступил со своей «Фальстерской речью». В ней он разъяснял крестьянам, что аграрные реформы 80-х годов XVIII в. были осуществлены не столько по воле кронпринца, сколько благодаря духу времени. Эта речь породила среди крестьян более критичное отношение к власти, которое только усилилось, после того как правительство отреагировало на выступление, заключив Лемана на несколько месяцев в тюрьму, чем создало ему ореол мученика. Растаяли и надежды на либерализм нового короля. Дело в том, что при восшествии на престол Кристиана VIII либералы возлагали на него большие надежды, памятуя о том кратком периоде, когда он в 1814 г. являлся норвежским монархом, действия которого определялись Конституцией Норвегии. Хотя петиция либералов от 1839 г. о даровании стране либеральной конституции была оставлена государем без внимания, они все еще продолжали лелеять призрачные надежды на этот счет.

Воспользовавшись недовольством, которое вызвал Крестьянский циркуляр среди вовлеченной в политику общественности, либералы создали в 1846 году Общество друзей крестьян, куда вошли представители различных социальных слоев. Среди первых его руководителей были офицер А.Ф. Чернинг, юристы Орла Леман и Бальтазар Кристенсен, фабрикант И.К. Дреусен. В качестве своего печатного органа общество использовало еженедельник «Друг народа». И хотя в конце 1846 г. Крестьянский циркуляр был отозван правительством, данный альянс уже состоялся, и Общество друзей крестьян превратилось в своего рода объединение избирателей, выдвигавших общих кандидатов в сословные собрания. Что касается Расмуса Сёренсена, который еще в 20-х годах обращался с

бесчисленными жалобами в школьную комиссию Орхуса, снискав себе репутацию чрезвычайно неуживчивого человека, то он так и не сумел утвердиться в копенгагенском руководстве Общества и вынужден был его покинуть. Между прочим, «Друзья крестьян» были единственной «партией», которую не смущал странный треугольник: речь идет об отношениях, сложившихся между будущим Фредериком VII, Луизой Расмуссен (позже графиней Даннер) и ее любовником Карлом Берлингом. И вовсе не из-за того, что «Друзьям крестьян» было чуждо ханжество. Просто они справедливо полагали, что влияние, которое Луиза Расмуссен имела на Фредерика, во всех отношениях полезно.

В сословном собрании Шлезвига, а постепенно и в прочих собраниях все более сильные позиции занимало национальное движение. Уже в XVIII в. зазвучали голоса против засилья немцев в руководстве страны, а в 1801 и 1807 гг. имел место мощный всплеск датского национал-патриотизма, направленного против англичан. Было бы неуместным вдаваться в дискуссии о национальном самосознании датчан, ограничимся лишь несколькими строчками из стихотворения Грундтвига, чтобы иметь представление о сути дискуссий.

К народу тот принадлежит,
Кто за него стоит горой,
Себя его частицей чтит
И чей язык — ему родной^[47].

Проблема, однако, в том и заключалась, что родных языков как раз было несколько. В 1840 г. Кристиан VIII издал так называемый языковой рескрипт, которым предписывал считать датский языком судопроизводства в тех районах Шлезвига, где он уже являлся также языком церкви и школы. Устанавливались также правила использования датского языка в работе тех сословных представительств, официальным языком в которых был немецкий. Один из депутатов, Петер Йорт Лоренцен, в 1842 г. потребовал права выступить на заседании собрания на датском языке, хотя сам он прекрасно говорил и по-немецки. Это сразу же сделало его национальным героем в глазах датскоязычного населения Шлезвига.

Слава Лоренцена докатилась и до Копенгагена, и на национальных праздниках, проводившихся в Скамлигсбаккене, в его честь

провозглашались здравицы. В 1844 г. в сословном представительстве Шлезвига было разрешено использование датского языка, однако лишь тем, кто не знал немецкого.

В авангарде борцов за национальную идею выступал Орла Леман, в лице которого видели объединение национального начала с позицией либералов, чьей главной целью по-прежнему оставалось принятие либеральной конституции. Поэтому здесь уместно употреблять понятие «национал-либеральный». На вопрос о том, должна ли новая конституция распространяться на королевство и герцогства, на одно лишь королевство или, как говорили, на «Данию до реки Эйдер», ответ национал-либералов был однозначен: они выбрали последнее. Подобному решению проблемы благоприятствовал тот факт, что Шлезвиг, где проживало преимущественно датскоязычное население, не входил в состав Германского союза и, таким образом, мог стать частью Дании без риска вмешательства извне. Тем не менее возникали затруднения, в основе которых лежала исторически сложившаяся общность Шлезвига и Гольштейна, на чем особо настаивало местное рыцарство и набиравшее силу шлезвиг-голштинское сепаратистское движение. Печатными органами, распространявшими идеи национал-либералов, были «Данневирке» и «Отечество».

Другим щекотливым вопросом, затрагивавшим национальные чувства, был вопрос о престолонаследии. Кому предстояло занять его после смерти бездетного Фредерика VI — представителю глюксбургской династии или члену августенбургского дома, который пользовался поддержкой рыцарства? В 1846 г. Кристиан VIII издал разработанное специально созданной для этого комиссией так называемое «Открытое письмо», где провозгласил свой, отличный от всех вариант решения данной проблемы: порядок престолонаследия, сформулированный в Королевском законе 1665 г., продолжал действовать в королевстве, Шлезвиге и Лауэнбурге, тогда как по поводу Гольштейна оставалась определенного рода неясность. Король, однако, пообещал обязательно устранить ее, что было реверансом в сторону поборников единого и неделимого государства и выпадом по отношению к шлезвиг-голштинскому сепаратизму. В то же время, обращаясь к своим подданным в Шлезвиге, монарх обещал, что хотя и не собирается ограничивать их самостоятельность и вмешиваться во взаимоотношения герцогства с Гольштейном, однако считает Шлезвиг

неотъемлемой частью своего королевства. Этот реверанс был обращен к национал-либералам, сторонникам установления границы по Эйдеру.

Постепенно обстановка накалялась, и вскоре разгорелся национальный конфликт, в котором фигурировали недвусмысленно сформулированные категорические требования и образ врага.

И наконец, последним течением было движение скандинавизма. Его приверженцы исходили из существования изначальной духовной общности между братьями-скандинавами — главным образом общности литератур. Вдохновленные идеями романтиков, последователи скандинавизма провозглашали, что лишь ошибочные действия правительств стран Скандинавии на протяжении веков не позволяли в полной мере реализовать данную связь. Свои историко-литературные изыскания они публиковали в журнале «Браге и Идун»^[48]. Несколько позднее О. Леман и А.Ф. Чернинг выступили с изложением взглядов на политическое объединение Севера и принятие единой конституции по образцу норвежской. Такое объединение должно было противостоять Германии и России. Постепенно в скандинавизме стали звучать все более агрессивные нотки; сторонники этого течения мечтали о едином северном государстве, которое должно было включать в себя и защищать помимо прочих стран не просто Данию, а «Данию до Эйлера» — но не Гольштейн. На встречах студентов Скандинавских стран, первая из которых состоялась, что символично, в 1843 г. в Кальмаре, а затем (1845) в Упсале и Копенгагене, страстные речи произносили редактор газеты «Отечество» Карл Плоуг и Орла Леман. Выступление последнего носило столь общий характер, что на него можно было ссылаться каждый раз, когда требовалась помощь скандинавских соседей. Однако местами тон его был столь резок, что датское правительство, опасаясь за свою «дружбу» с Россией, сочло уместным подвергнуть оратора судебному преследованию; впрочем, в конце концов его оправдали.

В итоге может показаться, что все политические движения и общественное мнение страны в тот период представляли одни и те же деятели, и смещение политических акцентов обусловлено лишь различиями в темах, по которым они высказывались. Однако не все так просто. Действительно, основной фигурой политической жизни Дании того времени являлся О. Леман, но по мере того как дебатировалась очередная доктрина, его окружение менялось.

Либерализм как политическое течение набирал силу. Однако в нем существовало, как минимум, три группы: умеренные, центристы и радикально настроенные либералы.

К умеренному крылу принадлежал один из наиболее видных правительственных чиновников, второе лицо в Датской канцелярии, генеральный прокурор А.С. Эрстед. Он пользовался авторитетом также и среди представителей центристов и радикалов. Профессор-ботаник И.Ф. Скоу, избранный депутатами президентом сословного собрания, восхвалял Эрстеда за то, что тому в одно и то же время удается быть преданным и королю, и народу. Правящие круги проявили исключительное благоразумие, неизменно, вплоть до 1844 г., поручая ему быть их представителем-комиссаром в обоих сословных собраниях на территории Дании. Не менее мудрым шагом следует считать его назначение министром Тайного государственного совета в 1842 г. И хотя Эрстед, будучи сторонником неделимого государства, утратил доверие либералов, не присоединившись к Эйдерской программе, все же с ним они ладили лучше, чем с кем бы то ни было из правительственных чиновников.

Постепенно либералы все больше разочаровывались в политике, проводившейся Кристианом VIII. В особенности это проявилось после резкой реакции правительства на «Фальстерскую речь» О. Лемана. Надо сказать, правда, что политическое руководство страны быстро раскаялось в своем опрометчивом шаге, создавшем Леману ореол мученика. Однако и он сам стал более осторожен. Некоторое время спустя после создания «Общества друзей крестьян» Леман перешел на позиции центристов, которые поддерживали Эйдерскую программу, ставшую платформой национал-либералов. Левое же крыло либералов оставалось представлено «Обществом друзей крестьян», а также группами городских — главным образом копенгагенских — ремесленников (так называемое движение «Ипподрома»).

В последние несколько лет перед 1848 г. в стране царил внешнее спокойствие, даже затишье: не проявляли активности ни герцогства, ни правительство, ни либералы, включая и «Друзей крестьян». Когда О. Леман на сословном собрании в Роскилле в 1846 г. выдвинул требование о разработке либеральной «Эйдерской» конституции, вопрос этот даже не стал предметом обсуждения в подкомиссии, однако заставил политическое руководство страны признать, что рано или

поздно принятие либеральной конституции встанет на повестку дня. Небольшая группа чиновников занялась подготовкой соответствующего законопроекта, стараясь при этом учитывать и положения Королевского закона 1665 г. Проект следовало представить на рассмотрение Государственному совету, а затем сословным собраниям, заседания которых должны были состояться летом 1848 г. Однако в это время Кристиан VIII внезапно серьезно заболел. Хорошо зная своего неуравновешенного сына, он поспешил составить подробное завещание, в котором советовал наследнику принять либеральную конституцию единого государства. Когда вскоре за тем он скончался, сын его, Фредерик, счел себя обязанным выполнить последнюю волю отца.

Двадцать восьмого января 1848 г., спустя всего лишь неделю после смерти Кристиана VIII, Государственный совет выпустил рескрипт о разработке новой конституции. Помимо четырех уже существовавших должно было быть создано еще одно — общее для всех частей страны — сословное собрание, а до этого группа опытных специалистов, избранных, в частности, сословными представительствами, должна была подготовить законопроект. В различных политических структурах также велась напряженная работа, в ходе которой, однако, постоянно возникало немало трудностей. Помимо основной неразрешенной проблемы — либо единая и неделимая Дания, либо Дания до Эйдера — мнения разделились и относительно состава нового народного представительства. Должно ли оно состоять из одной или двух палат? Следует ли на выборах в него использовать ту же цензовую систему, что и при выборах депутатов сословного собрания? На последнем настаивали либералы, тогда как «Друзья крестьян» требовали введения всеобщего избирательного права. Однако еще до того, как дошло до открытой конфронтации, разразившаяся во Франции февральская революция внесла в работу свои коррективы, пробудив левые настроения.

Абсолютизм — формальный и неформальный — до и после 1848 г.

Написанная в 1958 г. классическая статья норвежского историка Пенса Арупа Сейпа «Абсолютизм, управляемый общественным

мнением» дает новую пищу для размышлений. Сейп пытался найти ответ на вопрос, как произошло, что в Норвегии в 1814 г. так внезапно и так легко верноподданническая преданность старому самодержавному режиму сменилась восторгами по поводу либеральной конституции. По мнению автора, ответ мог заключаться в том, что дистанция между старой и новой системами оказалась не столь уж велика. Свою точку зрения он подкрепляет примерами из трудов по теории государства, относящихся к тому времени. Разумеется, сказанное вполне правомерно, однако для объяснения случившегося этого явно недостаточно. Гораздо более показателен анализ фактического положения дел.

Центральное правительство было легитимным уже в начале рассматриваемого периода — в 20-х годах XVIII столетия. Управление страной осуществлялось с помощью системы коллегий, при этом учитывались как индивидуальные интересы, так и интересы широких слоев общества. Когда этого требовали обстоятельства, создавались комиссии, в состав которых входили представители политической элиты, с тем, чтобы острые вопросы снимались уже на раннем этапе. В случае недовольства результатами работы комиссий можно было заявить протест. Представители высших слоев общества ограничивались письменными заявлениями о своем недовольстве, примером чему может служить нашумевшее дело, связанное с жалобой группы помещиков в 1790 г. Что же касается простого народа, то на местах подобные протесты нередко приводили к забастовкам.

На повестке дня стояла задача создания системы местных органов власти, а затем и такой модели управления, при которой в процессе принятия правительством тех или иных решений были бы задействованы — каким-то приемлемым для всех образом — общественное мнение и различные политические движения. Вплоть до проведения аграрных реформ управление на местах осуществляли сообща следующие инстанции: немногочисленные амтманы, примерно 2 тыс. священников, помещики и деревенские общины. В то время как деревенская община руководствовалась в своей повседневной деятельности сложившимися традициями, возведенными в ранг устава, помещик правил от лица короля вместе с амтманом, а иногда и подчиняясь ему. После проведения реформ с постепенной отменой арендной системы и передачей функции призыва на воинскую службу

амтманам именно такая полуфеодалная помещичья составляющая в системе местных органов власти практически сошла на нет.

Для решения прочих проблем правительство прибегало к использованию некоторых элементов старой «демократической» деревенской общины в сочетании с эффективной работой чиновничества и комиссий. В результате появились такие новые местные органы управления, как комиссии по делам неимущих (1803) и школьные комиссии (1814). Во главе каждой из них стояли уже не помещики, а священники, которые по-прежнему были «королевской рукой» на местах. Кроме них в состав комиссий входили собственники крупнейших земельных наделов и наиболее уважаемые горманы — владельцы хозяйств. Они имели право голоса при решении вопросов, входивших в компетенцию комиссий либо представлявших для них определенный интерес. Подобного же рода комиссии создавались и в прочих областях общественной жизни.

Следующим шагом в процессе демократических преобразований стал созыв отдельных сословно-представительных собраний с совещательными функциями, охватывающих своей деятельностью большую часть государства. Эти сословные представительства в Дании появились еще до того, как общественное мнение потребовало их создания. Они явились подготовительным этапом на пути демократизации страны, ибо с их помощью отработывался механизм участия общества в процессе подготовки и принятия политических решений. Несколькими годами позже была создана демократическая система органов управления на местах: в 1837 г. в торговых городах, в 1840 г. в Копенгагене, а в 1841 г. в приходах — так называемые приходские наблюдательные советы. Имуущественный ценз для выборов в последние устанавливался в размере 1 тёнде харткорна — то есть большую часть избирателей составляли крестьяне-горманы.

Интересно отметить, что органы «народовластия» в приходах возникли также еще до того, как сам народ высказался за их создание. Можно сказать, даже наоборот — всегда было сложно найти крестьян, готовых взяться за решение общественных проблем. Ясно прослеживалась линия преемственности от старейшин деревенской общины и их помощников до различных комиссий и наблюдательных советов приходов.

Местные органы власти — поначалу в особенности в городах —

находились под сильным влиянием общественного мнения. В Копенгагене, где оно в основном и формировалось, рупором его служили газеты и различные объединения. Таким образом, демократия в Дании уже давно пустила корни, так что шаг в направлении принятия свободной конституции, предпринятый правительством в 1848 г., был не столь уж внезапным, причем не только исходя из теории общественного развития, как на то указывал Йене Аруп Сейп.

По Конституции 1849 г. законодательной властью в стране наделялись две палаты ригсдага (парламента) — ландстинг и фолькетинг. Однако сохранены были и некоторые формы правления, которые были присущи стране при абсолютизме, а именно комиссии. По-прежнему продолжали создаваться временные (*ad hoc*) комиссии для решения отдельных, внезапно возникающих проблем, а также постоянно действующие, как, например, комиссии по здравоохранению, появившиеся после 1857 г. Это означало, что датский абсолютизм обладал достаточно ярко выраженными либерально-демократическими чертами и имел в своем арсенале такие механизмы, которые с успехом могли быть использованы и после 1849 года. Символична в этом отношении личность Андерса Сандёе Эрстеда, который даже во времена архиконсервативного президента Датской канцелярии Стеманна высоко держал знамя либерализма, способствуя формированию атмосферы дискуссий в сословных собраниях. После принятия Конституции он занимал посты премьер-министра и несколько раз — министра юстиции. В этот период, правда, он отошел от прогрессивных идей и выступал с довольно консервативных позиций. Однако и до, и после 1849 г. он становился министром именно потому, что отстаивал собственные убеждения и не был приспособленцем.

Таковы формальные властные структуры датского абсолютизма. Что касается неформальных структур, то описать их труднее; назовем только одну из них. Помимо официальных комиссий существовала также система подачи ходатайств и жалоб. Любой гражданин, стремившийся добиться для себя какого-либо исключения из действующего законодательства, мог направить соответствующее прошение королю, в Датскую канцелярию либо амтма-ну. К подобного рода прошениям принадлежит и приводившееся выше ходатайство торговца из Фредериксберга. Сюда же можно отнести и многочисленные жалобы на разного рода начальников. Крестьяне-

горманы были вправе подать жалобу на своего помещика самому монарху и ожидать от него справедливого решения. Этого добилась, например, группа крестьян, подавшая государю в 1796 г. жалобу на барона Кристиана Фредерика Юуля. Они просили оказать им денежную помощь для ведения судебного дела против барона, поскольку считали, что размер фестерской земельной ренты, взимаемой им, слишком завышен. Несмотря на отчаянные протесты барона, деньги они получили.

Так, власти обеспечивали достаточно благожелательное отношение и доверие к себе со стороны населения; фактически от 8 до 10% семейств в Дании в течение года вступали в переписку с центральными властями. Последние с помощью экспертов принимали соответствующее решение и отправляли его амтману, который, будучи представителем власти и хорошо разбираясь в местных условиях, должен был принять окончательное решение.

Резюме

Наиболее характерная тенденция развития Дании в период с 1720 по 1848 г. — создание основ современного общества. Что касается социально-экономической сферы, то, хотя к концу указанного периода примерно 80% населения проживало и трудилось в деревне, социальная структура и способ производства претерпели фундаментальные изменения. В 1720 г. крестьяне жили в сельской общине, а их земельные наделы представляли собой полосы, распределенные по всему полю, принадлежавшему общине. Возникавшие в этой связи проблемы крестьянам приходилось решать исходя из совместного землепользования на основе принимаемых сообща решений, что, впрочем, зачастую являлось препятствием на пути различных нововведений. Кроме того, будучи арендаторами, крестьяне находились в жесткой зависимости от помещиков. С проведением аграрных реформ данная картина коренным образом изменилась. Совместное землепользование было отменено, а хаотично разбросанные части наделов отдельных крестьян — объединены и подвергнуты разверстанию. Две трети крестьян разорвали арендные отношения и при поддержке государства и отдельных помещиков выкупили свои

хозяйства в собственность. В техническом плане качество земель — как пахотных полей, так и прежних общинных выгонов — значительно улучшилось за счет дренажа и внесения мергеля в качестве удобрения. К 1848 г. позиции крестьян-горманов как сословия упрочились, и их продукция поступала как на внутренний, так и на внешний рынок. Хусманам также удалось достаточно безболезненно пережить реформы, хотя их положение нельзя было назвать защищенным. В рассматриваемый период численность данной группы населения значительно выросла, что зачастую создавало ей проблемы в плане обеспечения средств к существованию. Многие пытались решить эти проблемы, перебираясь в города.

В 1720 г. торговые города и Копенгаген обладали монопольными правами на развитие ремесленных промыслов и ведение торговли, что в известной степени превращало их в закрытые конгломераты. В конце рассматриваемого периода они стали более открытыми, а в среде торгового сословия ясно обозначились тенденции приспособиться к условиям рыночной экономики. Процесс урбанизации вызвал приток в города такого большого количества поденных рабочих, которое еще не могло быть полностью востребовано формирующимся рынком труда. Многие из них вынуждены были влачить жалкое существование, ютясь в трущобах.

Центр абсолютистской власти, олицетворением которого в эпоху правления Фредерика IV являлась фигура монарха, сначала сместился в сторону кабинетного правления, затем — Государственного совета. При Фредерике VI власть вновь стал олицетворять король, однако при этом он не препятствовал появлению первых робких ростков народовластия в форме сословных представительств, обладавших совещательными функциями. В течение всего периода происходило укрепление центральной администрации, а также создание и развитие органов местного управления. В основе последних были три наиболее действенных института королевства: сельская община, пасторская администрация и спонтанно создаваемые временные комиссии. Образцом при этом служила деятельность постоянных комиссий: школьной, карантинной, по делам неимущих и комиссии по здравоохранению, которые и до сих пор являются неотъемлемыми составляющими социального сектора. Идеалы эпохи Просвещения приобретали политическую окраску, выдвигались требования отмены

фестерской системы, улучшения условий жизни хусманов и принятия свободной конституции. В конце периода правления Кристиана VIII была создана комиссия для разработки нового основного закона страны.

Короче говоря, изменение социальной структуры, развитие рыночной экономики, создание стабильной структуры государственной власти и стремление к демократическим преобразованиям обусловили значительное продвижение Дании по пути модернизации.

Что касается внешней политики государства, то достигнутые результаты были не столь удачными. Норвегию в 1814 г. пришлось уступить Швеции, а в середине XIX в. Дания лишилась также и своих колониальных владений на Золотом Берегу и в Индии. Тем не менее для рассматриваемого периода характерны не только потери: с 20-х годов XVIII столетия в Гренландии активно действовали датские купцы и миссионеры, что впоследствии привело к колонизации острова, а бывшие норвежские провинции — Фарерские острова и Исландия — в 1814 г. отошли к Дании.

**ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДЕМОКРАТИЗАЦИИ (1848-1914)
Эрик Странге Петерсен**

Глава 17

Конец эпохи абсолютизма и единого государства (1848-1864)

Причины падения абсолютизма

Учредив сословно-представительные собрания, Фредерик VI в 30-х годах XIX в. создал институт, в рамках которого подданные короля впервые получили возможность на законных основаниях принять участие в управлении самодержавным датско-шлезвиг-голштинским государством. Однако влияние народа на государственные дела оставалось незначительным. Только 2 — 3% населения пользовались правом голоса на выборах, а сословные представительства являлись всего лишь «совещательными» органами, решения которых никоим образом не налагали обязательств на короля и его правительство. Тем не менее именно сословные представительства дали серьезный толчок развитию оппозиционных по отношению к существовавшей системе государственного управления настроений, крепнувших как в королевстве, так и в герцогствах. При этом в обеих частях страны знаменосцами идей весьма немногочисленной либеральной буржуазии стали молодые интеллектуалы.

Поначалу требования о введении конституционного правления в обоих университетских городах монархии ничем не отличались Аруг от друга, однако вскоре они приобрели националистическую окраску. Аргументы языкового, исторического и государственно-правового характера повлияли на изменение общественных настроений как в Копенгагене, так и в Киле в пользу раздела единого Датско-немецкого государства. Ключевым вопросом являлся будущий статус герцогства Шлезвиг. Станет ли оно составной частью датского, а возможно, и скандинавского государства, имеющего южную границу по реке Эйдер, или же вся территория шлезвиг-голштинского княжества войдет в состав Германского союза, простирающегося до северной границы по реке Конгео?

Стремясь утвердить свою монархию в качестве стабильного и эффективного единого государства, Кристиан VIII успеха не снискал, к тому же он оказался не в состоянии противостоять распространению новых национальных, политических и социальных идей, во всей полноте проявившихся в большинстве стран Европы в 40-х годах XIX столетия.

Март 1848 года. Революционные события в Копенгагене и Киле

В декабре 1847 г. Кристиан VIII дал указание разработать либеральную конституцию. Проект был подготовлен к началу нового года, но его так и не удалось обсудить в Государственном совете, поскольку у короля произошло заражение крови и 20 января он скончался. В своем последнем письме сыну и наследнику государь просил его прислушиваться к словам патриотически настроенных советников и дать монархии общую конституцию. Фредерик VII исполнил предсмертную волю отца, опубликовав через восемь дней «конституционный рескрипт», но ослушался его в другом: он не вступил до конца года в равный брак.

Само появление этого последнего пункта в политическом завещании отмеченного печатью смерти монарха свидетельствует о том, что весьма неупорядоченная интимная жизнь кронпринца являлась не его личным делом, а делом государственным, причем наивысшей важности. Имея за плечами два развода, сорокалетний Фредерик, по-видимому, был не в состоянии произвести на свет наследника престола, принадлежащего к Ольденбургской династии. Это-то и породило споры о престолонаследии в герцогствах и — что не менее прискорбно — перевело вопрос о размерах датского государства и вообще о его существовании в разряд общеевропейских дел.

Сразу же после издания конституционного рескрипта произошла, впрочем в весьма скромных масштабах, демократизация деятельности четырех региональных сословных собраний, которые получили в качестве надстройки некий общий орган, обладавший по ряду вопросов правом решающего голоса. Однако все это вкупе с отменой цензуры стало толчком к жарким дискуссиям, участники которых выступали с

требованиями проведения гораздо более радикальных реформ. Тем не менее основным катализатором развития событий в Дании явилась прокатившаяся по всей Европе революционная волна.

Существенной причиной происшедших в Европе в 1848 г. революций стало усиливавшееся социальное недовольство в связи с ухудшением экономической конъюнктуры и повышением цен на продукты питания в предшествующие два года. Наряду с этим накопились проблемы национального и политического свойства, в связи с чем участники революционных выступлений и выдвинули требования смены политической системы во многих странах. Начало событиям было положено в Швейцарии и Италии. Но только после революции, происшедшей в конце февраля во Франции, революционная волна действительно захлестнула большую часть Европы. В герцогствах шлезвиг-голландское движение примкнуло к немецким либералам — сторонникам объединения с Германией, а в королевстве национал-либералы совместно с «Друзьями крестьян» и копенгагенскими ремесленниками выдвинули требования учреждения народного представительства на основе всеобщего избирательного права, проведения социальных реформ, а также гарантий статуса Шлезвига как составной части Дании.

В те бурные мартовские дни в датской монархии достижение национально-политических целей было главным в революционной борьбе. На многолюдном митинге 11 марта, состоявшемся в помещении театра «Казино», получила горячее одобрение «эйдерская» программа национал-либералов, требовавшая объединения королевства и Шлезвига под эгидой общей либеральной конституции. На митинге, созванном Союзом ремесленников в театре «Ипподром» днем позже, главным пунктом повестки дня был вопрос о введении демократического всеобщего избирательного права. Харизматическому лидеру национал-либералов Орле Леману удалось убедить собрание в необходимости образования общего фронта, в задачи которого входила борьба за введение всеобщего избирательного права и принятие конституции в контексте достижения общенациональной цели — создания «Дании до Эйдера». Осторожные голоса тех, кто считал нецелесообразным выдвижение требований о включении в состав королевства всего Шлезвига с его этнически неоднородным населением, оказались не в состоянии снизить накал революционных страстей в Копенгагене.

Соответственно и в герцогствах либералы объединились с представителями глубоко консервативного дворянства вокруг идеи общей шлезвиг-голштинской конституции и вступления Шлезвига в Германский союз. Члены шлезвигского и голштинского сословных представительств 18 марта собрались в Рендсбурге и приняли решение направить в Копенгаген депутацию с целью предъявить своему суверену, датскому королю, эти и другие ультимативные требования. Двадцатого марта слухи о случившемся достигли столицы, где обстановка накалилась до предела. Глава столичного муниципального совета Л.Н. Видт объявил о созыве его членов на экстренное заседание, на котором было принято составленное О. Леманом обращение к королю с призывом сформировать новое, пользующееся доверием народа правительство и с предостережением в последних строках «не доводить отчаявшийся народ до принятия мер самообороны».

Вечером того же дня участники митинга в театре «Казино» с воодушевлением поддержали требования отвергнуть притязания шлезвиг-голштинцев и принять общую для королевства и Шлезвига конституцию, основанную на «действительно всенародном избирательном праве». Участники митинга приняли решение сопровождать представителей муниципалитета, когда они направятся к королю для передачи обращения. Однако еще ранним утром

21 марта Фредерик VII осознал необходимость действовать в соответствии с царившими в городе настроениями. В первой половине дня он отклонил предложения правительства продолжить деятельность на основе датских «эйдерских» установок и принял отставку правительства. Таким образом, когда массовое шествие достигло королевского дворца, король сообщил: «Все ваши пожелания, господа, удовлетворены еще утром».

Тем не менее пока речь шла лишь об отставке прежнего правительства и одобрении королем «эйдерской программы». И только после нескольких неудачных попыток графу А.В. Мольтке удалось 22 марта сформировать дееспособное правительство, включавшее представителей как старой, так и новой политической элиты. Имея среди десяти министров четырех представителей национал-либералов — Д.Г. Монрада, А.Ф. Чернинга, Л.Н. Видта и О. Лемана — «мартовское» правительство выглядело по-иному, нежели король и его советники могли представить себе днем ранее.

Этот факт не мог не наложить отпечаток на проведение переговоров с депутацией из Киля, поскольку правительство заявило о своей согласии предоставить Голштейну либеральную конституцию и статус самостоятельного союзного немецкого государства. В то же время право датской короны на сохранение Шлезвига в качестве ее неотъемлемой территории должно было быть подкреплено принятием либеральной конституции, общей для обеих частей государства.

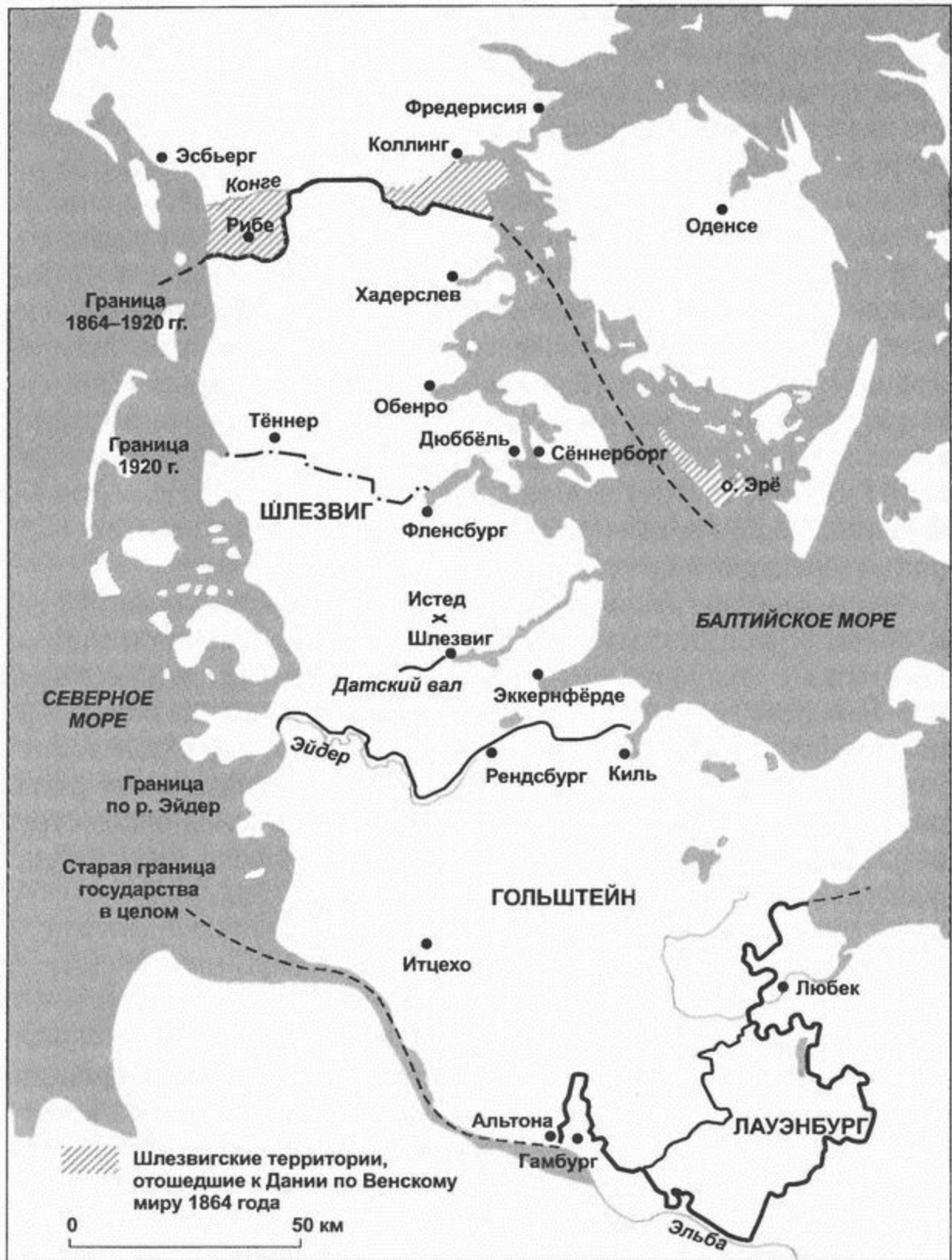
В ответе, обнародованном 24 марта, требования шлезвиг-голштинцев были отвергнуты полностью и бесповоротно. Однако еще до того, как об этом стало известно в герцогствах, в их отношениях с датской короной произошел окончательный разрыв. По получении сведений о копенгагенских событиях 21 марта шлезвиг-голштинские либералы и аристократы провели 23 марта объединительную встречу и образовали «временное правительство», членом которого среди прочих стал бывший наместник герцогств принц Фредерик Нёрский.

Приняв на себя руководящие функции, временное правительство заявило, что, поскольку Фредерик VII более не свободен в своих действиях и находится под властью уличной толпы Копенгагена, оно намерено присоединиться к Германии. Днем позже, когда последовал ответ «мартовского» правительства, конфликт достиг своей кульминации, так как принц Нёрский фактически совершил переворот, правда бескровный, овладев крепостью Рендсбург, большая часть гарнизона которой к тому же перешла на сторону шлезвиг-голштинского движения.

Трехлетняя война 1848-1850 гг.

Создание временного правительства и захват Рендсбурга привели к тому, что межнациональный конфликт в едином датском государстве перерос в настоящую гражданскую войну. С точки зрения датчан, речь шла о предательстве и мятеже, и четкий образ врага в лице немцев в большой степени способствовал пробуждению национальных чувств в широких слоях датского населения. Действия вновь назначенного военного министра, полковника Чернинга, по реорганизации армии оказались весьма эффективными, а введение им всеобщей воинской обязанности обеспечило его политике поддержку всего народа

королевства, где ранее воинская служба была уделом лишь крестьян.

Герцогства

Уже 29 марта 1848 г. датская армия в составе примерно 10 тыс. человек форсировала реку Коллинг и 9 апреля в первом сражении этой войны при Бове обратила в бегство шлезвиг-голландские войска, насчитывавшие до 7 тыс. человек. Затем датчане заняли всю территорию Шлезвига вплоть до Даневирке и Эйдера.

Однако к тому времени гражданская война в едином датском государстве перестала быть внутренним делом Дании. Вопрос об объединении Шлезвига и Гольштейна и о вхождении герцогств в Германский союз стал одним из главных пунктов программы национального объединения Германии и постоянно поднимался как на заседаниях франкфуртского (союзного германского) парламента, так и во всей националистической германской прессе. Германский парламент признал временное правительство и принял решение о создании союзных сил. В то же время герцог Аугустенбургский после некоторых колебаний принял сторону шлезвиг-голландского движения и заручился согласием прусского короля на оказание военной помощи.

В день Пасхи 23 апреля объединенные прусско-шлезвиг-голландские войска, насчитывавшие 30 тыс. солдат, нанесли датской армии поражение в боях по линии Даневирке — Шлезвиг. Десять — двенадцать тысяч датских солдат отступили на остров Альс, а пруссаки в начале мая оккупировали большую часть Ютландии.

Дании не удалось найти поддержку у тех держав, которые гарантировали ей обладание Шлезвигом. Исключение составила лишь Россия, поскольку царь Николай I не испытывал никаких симпатий к национальным и либеральным освободительным движениям. Он не желал изменения баланса сил, сложившегося в североевропейском регионе, и вынудил прусского короля прекратить участие в военных действиях. В конце мая войска последнего покинули Ютландию, и после нескольких незначительных боевых столкновений 26 августа в Мальме было заключено соглашение о семимесячном перемирии.

Достичь взаимоприемлемого решения за это время не удалось. Министры «мартовского» правительства, в первую очередь Монрад, постепенно стали склоняться к отходу от установок «эйдерской программы» и признанию раздела Шлезвига, однако это ко всему прочему вызвало резкую отповедь со стороны протестантски настроенных

шлезвигцев и представителей практически всех политических сил в самом королевстве, включая сторонников национал-либералов. Но уж совершенно неосуществимой идея раздела Шлезвига стала 18 сентября, когда всенародно любимый король во время воинского смотра во всеуслышание отверг ее.

По этой, а также и другим причинам большинство министров сложили с себя полномочия. Глава кабинета Мольтке остался на своем посту, но в его новом, «ноябрьском» правительстве оказалось всего лишь два национал-либерала — профессора Х.Н. Клаусен и Й.Н. Мадвиг.

После того как Дания решила нарушить соглашение о перемирии, в апреле 1849 г. война возобновилась с новой силой. Шлезвиг-голландцы на сей раз сумели выставить двадцатитысячное войско, на помощь которому пришла вдвое превосходившая его по численности союзная армия. Противостоявшие им датские силы насчитывали 41 тыс. человек. Датский флот, который по всем параметрам превосходил противника, потерпел унижительное поражение, когда в районе Экернфёрда огнем береговых батарей были уничтожены линкор и фрегат. После этого немецкие войска вторглись в Ютландию. Шлезвиг-голландцы осадили город Фредерисия, в то время как союзные войска продолжили наступление в северных областях Ютландии. Генералам Рюе и де Меза, собравшим дополнительные силы, удалось прийти на помощь находившимся в окруженной Фредерисии войскам, и 6 июля в результате победоносной операции осажденным удалось снять блокаду города.

Примерно в то же время в Берлине стороны договорились о заключении прелиминарного мирного соглашения, которое и было подписано 10 июля. В соглашении намечались пути решения проблемы: Шлезвигу надлежало принять собственную конституцию и стать независимым как от Дании, так и от Гольштейна. Это условие, однако, вызвало сильное противодействие и в Киле, и в Копенгагене, и дальнейшие переговоры, проходившие в течение года, закончились безрезультатно. Второго июля 1850 г. Дания и Пруссия заключили общий мирный договор, в котором не прописывались предложения по урегулированию существующих проблем. Тем не менее решение, казалось, было найдено месяц спустя в Лондоне, где великие державы (исключая представителей Германского союза) и Скандинавские

государства подписали протокол о неделимости и территориальной целостности датской монархии.

Тем временем шлезвиг-голштинцы решили возобновить военные действия с опорой лишь на собственные силы. Двадцать пятого июля 1850 г. при Истедде развернулось самое кровавое сражение гражданской войны с участием 31 тыс. датских и 27 тыс. шлезвиг-голштинских солдат. Стороны понесли ужасающие потери: в общей сложности было убито и ранено 6400 человек. Само же сражение закончилось отступлением шлезвиг-голштинцев. Однако боевые действия в Шлезвиге продолжались вплоть до октября, и, только после того как Россия и Австрия вынудили Пруссию подписать в ноябре в Ольмюнце соответствующее соглашение, в январе 1851 г. шлезвиг-голштинские правительство и армия были расформированы. На этом трагическая гражданская война наконец-то закончилась. Две немецкие великие державы заняли Гольштейн, где властные полномочия приняли на себя их комиссары, в то время как Дания вновь обрела контроль над территорией Шлезвига до Эйдера.

Июньская конституция и демократические реформы

«Дух 1848 года» обретал силу не только за счет роста национального самосознания населения, но и в равной степени из-за новых представлений о путях социального и политического развития страны. Назначая «мартовское» правительство, Фредерик VII объявил, что теперь считает себя конституционным монархом, не имеющим единоличных полномочий. Таким образом, главной задачей вновь созданного правительства «помимо вопросов, связанных с военным положением», становилась разработка основ деятельности демократического государства.

Административная реформа была осуществлена на удивление безболезненно. Место коллегий заняли отраслевые министерства, возглавляемые несущими полную ответственность министрами, но в эпоху позднего абсолютизма министры также пользовались большой долей самостоятельности при отправлении власти. Таким образом, в составе государственного чиновничества практически не произошло никаких изменений. Прежние и новые чиновники продолжали работать

совместно примерно в тех же условиях, что и ранее, вне зависимости от своих политических пристрастий.

Среди первых политических и социальных реформ, осуществленных весной 1848 г., были отмена всех цензурных ограничений свободы слова и принятие закона об улучшении условий жизни хусманов и сельскохозяйственных рабочих, что создало возможности для отмены принудительных трудовых повинностей и права хозяев на телесное наказание хусманов и их жен.

Тем не менее главным вопросом оставалась выработка новой конституции. С принятием избирательного закона о выборах в Учредительное собрание обозначились явные разногласия среди политических союзников, участвовавших в событиях мартовских дней. Монрад и Чернинг последовательно выступали за введение всеобщего избирательного права, в то время как многие национал-либералы разделяли опасения консерваторов по поводу слишком большой численности и непросвещенности избирательного корпуса. В результате достигнутого компромисса право избрать 114 членов собрания, что соответствовало трем четвертям его количественного состава, получили мужчины старше тридцати лет, имевшие средства для обеспечения себя и своей семьи. Остальные 38 членов собрания, в задачу которых входило «смягчать и сглаживать» ситуацию в случае слишком безответственных действий народных избранников, назначались королем (то есть правительством). Согласие национал-либералов на участие в собрании королевских назначенцев зеландские «Друзья народа» расценили как явное нарушение обещаний, данных на митингах в театре «Казино», и это наложило свой отпечаток на дальнейший ход предвыборной кампании.

Для обсуждения избирательного закона были в последний раз в их истории созваны сословные собрания в Роскилле и Виборге, которые и приняли его. В то же время по причине военного положения в стране закон не мог быть представлен шлезвигскому сословному собранию, и потому Шлезвиг лишился возможности направить для участия в работе Учредительного собрания 31 всенародно избранного и 10 назначенных королем депутатов, по первоначальному плану составлявших шлезвигскую квоту.

В октябрьских выборах приняли участие 33% избирателей, и в зеландских округах победили в основном представители «Друзей

крестьян». После того как список избранных депутатов пополнили королевские назначенцы, членов Учредительного собрания можно было поделить на три примерно равные по силе влияния группы. На правом фланге при отсутствии какой-либо организованной структуры находились наиболее выдающиеся деятели прежней политической системы, в частности А.С. Эрстед и П.Г. Банг. Также не был жестко структурирован центр, который представляли такие корифеи национал-либерального движения, как Халль, Кригер и Плууг. И наконец, существовал левый фланг, состоявший преимущественно из отличавшихся прекрасной организацией «Друзей крестьян» во главе с Й.А. Хансеном и Бальтасаром Кристенсенем. Некоторые депутаты, к примеру Н.Ф.С. Грундтвиг, не примыкали ни к одной из этих групп.

Самые выдающиеся руководители национал-либералов не входили в состав членов Учредительного собрания. Но именно Д.Г. Монрад и О. Леман разработали проект конституции, представленный на обсуждение. Покинув 15 ноября свои министерские посты, они больше не могли участвовать в заседаниях. Однако основной автор проекта, Монрад, находясь уже в новой должности епископа Марибо, продолжал вести упорную и эффективную агитационную работу в пользу принятия закона о всеобщем избирательном праве. Дело в том, что споры во время обсуждения проекта конституции разгорелись в основном по вопросу об установлении цензовых ограничений в рамках всеобщего избирательного права, а взгляды национал-либералов на эту проблему были далеко не однозначными. Тем не менее в конечном итоге все группы пошли на компромисс, приняв решение о введении всеобщего избирательного права и создании двухпалатного парламента — ригсдага. Состав избирательного корпуса остался неизменным, то есть право избирать парламент распространялось на мужчин старше тридцати лет с хорошей репутацией, имеющих средства для содержания себя и своих семей, не получающих и не получавших ранее пособия по бедности или не располагавших собственным жильем. Однако выборы в верхнюю палату — ландстинг — были непрямыми, а правом быть избранными в эту палату наделялись только мужчины старше сорока лет, имевшие высокий имущественный ценз, то есть доход не менее чем в 2400 крон, или выплачивавшие годовой налог в размере 400 крон. Эти положения гарантировали наличие в верхней палате трезвомыслящих и ответственных депутатов, способных в случае необходимости создать

противовес слишком радикальным решениям нижней палаты — фолькетинга, правом избрания в который пользовались имевшие незапятнанную репутацию граждане мужского пола старше двадцати пяти лет.

Право голоса на выборах получили примерно 15% населения, и, хотя по нынешним временам такая цифра не впечатляет, в тех условиях это было в высшей степени демократично. С учетом широко распространенного предубеждения в отношении способности простых людей разбираться в политике, а также ревизии результатов революционных событий 1848 г., что характеризовало обстановку практически во всех европейских странах весной 1849 г., следует признать весьма неожиданным одобрение датскими правыми Конституции, содержащей столь скромные консервативные положения. Серьезно осложнившаяся военная обстановка в Ютландии, разумеется, способствовала принятию компромиссного решения, которое 7 мая поддержали и «Друзья крестьян», изначально требовавшие создания однопалатного парламента.

Обсуждение прочих статей Конституции продвигалось затем весьма быстро и относительно спокойно, при этом в основном были приняты формулировки Монрада и Лемана.

Принятие Основного закона означало, что Дания становится конституционной монархией с определенной Монтескье схемой разделения власти на три ветви. Исполнительная власть осуществлялась королем. При этом он был освобожден от какой бы то ни было ответственности, которая полностью возлагалась на назначаемых им министров. Законодательная власть находилась в совместном ведении короля и избранного народом ригсдага, а судебной властью были облечены суды с несменяемыми судьями.

Во второй главе Основного закона определялись правила престолонаследия, а также права и обязанности королевского дома. Третья глава определяла границы полномочий короля (и его министров) в сфере исполнительной власти и содержала ряд формулировок, которые, как выяснилось в ходе дальнейшей конституционной борьбы, оказались в высшей степени спорными. Четвертая глава была посвящена двум палатам ригсдага и парламентским выборам. В пятой главе Конституции обозначались задачи ригсдага, и регламентировался законодательный процесс, в том числе в отношении наиболее важных в

демократическом обществе законов о бюджете и налогообложении. В шестой главе, посвященной судебной власти, особо подчеркивался независимый статус судей. В декларативных статьях шестой главы Конституции провозглашалось отделение судопроизводства от администрации, введение института суда присяжных по уголовным и политическим делам, а также открытость судопроизводства (в окончательном виде все это было осуществлено только в 1919 г.).

Статья третья Основного закона определяла, что евангелическо-лютеранская церковь является так называемой «народной церковью Дании» и в качестве таковой пользуется поддержкой государства. В седьмой главе провозглашался (так никогда и не принятый) закон о «народной церкви», хотя в целом положения этой главы предусматривали полную свободу вероисповедания граждан. И наконец, в Конституции был закреплен ряд классических гражданских свобод, таких, как запрет на несанкционированный арест, неприкосновенность частной собственности и жилища, а также свобода слова, право на объединение в союзы и общества и свобода собраний. Необходимо еще отметить положение об общедоступном образовании и о гарантии государственной поддержки тем гражданам, которые сами не в состоянии нести расходы, связанные с получением образования. В Основном законе была и декларативная статья об основном принципе либеральной экономики, отменяющей существовавшие в обществе при абсолютизме привилегии: «Любые ограничения свободного и равного для всех доступа к предпринимательской деятельности, которые не обоснованы общественным благом, должны быть отменены в законодательном порядке».

Основной закон датского государства был принят значительным большинством голосов и 5 июня 1849 г. подписан Фредериком VII, предварившим его оговоркой: «Все, что касается статуса герцогства Шлезвиг, имеет силу до заключения мирного договора». Эта оговорка, как и само название конституционного закона, говорит о приверженности идее объединения королевства и герцогства Шлезвиг под эгидой общей конституции. В связи с этим следует отметить, что примерно в те же сроки временное правительство в Киле приняло Конституцию, которая во многих отношениях была не менее демократичной, но которая не просуществовала и до окончания Трехлетней войны.

Действие июньской Конституции так никогда и не распространилось на территорию южнее реки Конгео. Да и в самом королевстве уже в 1855 г. с принятием общего Основного закона для всей монархии действие Конституции была заметно ограничено, что получило дальнейшее развитие в проекте ноябрьской Конституции 1863 г. Наконец, в 1866 г. Основной закон был принят в новой редакции. Тем не менее именно июньская Конституция 1849 г. составляла и составляет формальную основу демократии в Дании вплоть до наших дней. То же можно сказать и о многих изложенных в ней главных принципах, которые в более или менее неизменном виде повторялись в текстах редакции Основного закона 1866 г. и Конституций 1915 и 1953 гг.

Европейское влияние и развитие событий в 50-х годах XIX столетия

Исход Трехлетней войны в глазах датской общественности представлялся блестящей победой, что породило неоправданно завышенную оценку военной мощи Дании. Но этот результат в не меньшей степени объяснялся и воздействием внешнеполитических факторов.

Хотя датское правительство в 1851 г. вернуло себе контроль над Шлезвигом, реализация «эйдерской» программы оставалась крайне проблематичной. В Лондонском протоколе от 2 августа 1850 г. Англия, Франция, Россия и Швеция с Норвегией подтвердили незыблемость границ датской монархии, что в действительности означало воссоздание прежнего единого государства. Австрия, в отличие от Пруссии, впоследствии также присоединилась к протоколу.

Во вновь обретенном Шлезвиге правительство активно осуществляло политику одатчанивания населения. Вплоть до объявления в мае 1851 г. всеобщей амнистии, которая, впрочем, не распространилась на наиболее известных руководителей шлезвиг-голштинского восстания, включая и членов аугустенбургской семьи, проводилась решительная и жестокая чистка среди не вызывавших доверия чиновников. Одновременно Т. Регенбург издал так называемые языковые рескрипты, предписывавшие проводить занятия в школах и богослужения на датском языке в 48 приходах Среднего Шлезвига, что

местное, говорящее преимущественно по-немецки население восприняло как откровенный вызов. Такая неумная, абсурдная языковая политика Дании, осуществлявшаяся вплоть до 1860 г., в немалой степени содействовала утверждению во всей Германии образа врага, которого видели в датчанах. К тому же эта политика ослабила симпатии к Дании в остальных европейских государствах.

Правительству предстояло выработать проект общей для всей монархии конституции, приемлемый для датского общественного мнения и удовлетворявший требованиям великих держав, в первую очередь реакционной России. Как выяснится впоследствии, задача эта оказалась невыполнимой, хотя часто сменявшиеся правительства, находившиеся под прессом «европейского влияния», в значительной мере ограничили область действия июньской конституции. На протяжении большей части 50-х годов отправной точкой служила модель триединого конфедеративного государства, согласно которой ни одна его часть не могла иметь более тесные конституционные связи ни с одной из двух других частей. Таким образом, Шлезвиг не мог быть включен в состав королевства или объединен с Гольштейном. Эти положения были зафиксированы в качестве основного пункта так называемых Соглашений, заключенных в 1851 — 1852 гг. министром иностранных дел Блюме с германскими государствами. Сразу после этого король опубликовал январский (1852) указ об основных положениях общей для всего государства конституции, под эгидой которой в пределах королевства продолжал действовать Основной закон 1849 г., а в каждом из герцогств воссоздавались сословно-представительные собрания.

В результате в Дании разгорелся внутривластный конфликт, поскольку в таком случае ригсдаг утрачивал контроль над оборонной, внешней и финансовой политикой. Это было неприемлемо как для «Друзей крестьян», так и для национал-либералов, к тому же последние не могли согласиться с прямым отказом от принципов «эйдерской политики».

Наряду с этими проблемами актуальным оставался и вопрос о престолонаследии. Для того чтобы единое государство могло существовать и после смерти бездетного короля Фредерика VII, необходимо было подыскать приемлемую для заграницы кандидатуру будущего престолонаследника, полномочного во всех частях

государства. Это удалось благодаря искусной дипломатии и благосклонной помощи российского царя. В Лондонском договоре от 8 мая 1852 г. европейские державы признали принца Кристиана Глюксбургского и принцессу Луизу Гессенскую, а также их прямых потомков мужского пола законными наследниками престола для всех стран, на которые распространялись прерогативы датской монархии. С другой стороны, Дании пришлось пойти на примирение с герцогом Аугустенбургским, хотя ранее она отвергла его притязания на наследные права. Дания выплатила Кристиану Августу 6 млн крон в качестве компенсации за конфискованные у него поместья; взамен последний принял на себя обязательство покинуть пределы герцогств и ни со своей стороны, ни со стороны членов своей семьи не чинить препятствий исполнению нового закона о престолонаследии.

Тем самым Дания, казалось бы, обезопасила себя от внешних источников угрозы триединому государству, однако на внутривнутриполитической арене она заплатила за это слишком высокую цену. Возрождение единого государства предполагало принятие общей конституции, определявшей форму правления для всех трех частей государства и, соответственно, ограничение полномочий датского ригсдага, а также явное усиление позиций короля и его правительства по отношению к избранным народом собраниям. (Следует отметить, что фактически государство состояло из четырех частей, однако весьма скромное по размерам и количеству населения немецкое герцогство Лауэнбург не играло какой-либо самостоятельной роли в развитии событий и поэтому в данном контексте не упоминается.)

И национал-либералы, и «Друзья крестьян» понимали, что существование внешнеполитического европейского фактора заставляет Данию идти на определенные компромиссы, однако назначение в 1853 г. на пост главы правительства ярого приверженца старых порядков А.С. Эрстеда и издание королем в июле следующего года конституционного устава, общего для всей монархии, переполнили чашу их терпения. Во-первых, потому, что речь в полном смысле слова шла о единоличном решении короля, а во-вторых, из-за антидемократического характера этого законодательного акта. Общее представительство, по модели Эрстеда, осуществлял ригсрод (Совет королевства), состоявший из 50 членов. Двадцать из них назначались королем, 18 — избирались ригсдагом королевства, а еще 12 —

сословными собраниями трех герцогств.

Ригсрод обладал решающим голосом в установлении общих для всех частей страны налогов и государственных займов, в остальном же он являлся лишь совещательным органом и не имел права законодательной инициативы. Находясь под угрозой отрешения от должности и потерпев сокрушительное поражение на выборах в фолькетинг в декабре 1854 г., Эрстед вынужденно покинул свой пост. Затем главой правительства стал П.Г. Банг, включив в него сторонников создания единого государства с общей конституцией и из умеренных национал-либералов. В состав этого правительства вошел среди прочих и К.К. Халль, которому в октябре 1855 г. удалось провести более приемлемый проект общей конституции, за который проголосовало незначительное большинство депутатов, хотя в нем и предусматривалось ограничение действия Основного закона 1849 г. лишь «особыми делами» королевства.

Таким образом, с государственно-правовой точки зрения принятие этой конституции в октябре 1855 г. являлось совершенно законным, а в содержательном плане она даже представляла собой улучшенный вариант конституционного устава 1854 г., хотя и в этом варианте степень демократичности системы правления оставалась весьма и весьма низкой. К 50 членам, составлявшим ригсрод по схеме Эрстеда, добавлялись 30 депутатов, избравшихся непосредственно избирателями, имевшими годовой доход свыше 2400 крон или же выплачивавших налоги в размере не менее чем 400 крон. При таком цензе электорат ограничивался примерно 6 тысячами состоятельных граждан, преимущественно помещиками и высокопоставленными государственными чиновниками. К тому же ригсрод наделялся правом решающего голоса при принятии законов и бюджета, но законодательная инициатива по-прежнему оставалась прерогативой министерств.

Вполне понятно, что значительное меньшинство датского ригсдага голосовало против такого предложения, явно направленного на выхолащивание принципов июньского основного закона. Но что еще хуже, эта жертва оказалась напрасной: принятие общей конституции не привело к желаемому успокоению страстей вокруг вопроса о едином государстве ни внутри страны, ни за ее пределами.

Голштинские сословные представительства оспорили легитимность

общей Конституции, поскольку она была принята без согласия сословных собраний герцогств, что предполагал конституционный указ 1852 г. На самом же деле Гольштейн выступил бы против любой конституции, которая не гарантировала ему во всех отношениях абсолютно равный с Данией статус, почему правительство и отказалось от дальнейших переговоров. Тем не менее с юридической точки зрения голштинцы формально были правы, и это открыло дорогу роковому для Дании вмешательству в конфликт крупных немецких держав — Пруссии и Австрии, а также германского союзного собрания.

Сложная игра, заключающаяся в частой смене датских правительств и попытках найти приемлемые для немцев политические решения, закончилась тем, что канцлер Халль в ноябре 1858 г. под нажимом союзного германского собрания полностью отменил действие общей конституции в Гольштейне и Лауэнбурге. В королевстве этот шаг вызвал всеобщее удовлетворение как первый на пути к возобновлению датской «эйдерской политики». Однако со стороны герцогств и Германского союза шли все более серьезные жалобы на действия датского правительства и требования к нему. А после того как немецкое большинство шлезвигского сословного собрания в 1860 г. перевело проводившуюся Регенсбургом в герцогстве языковую политику в плоскость общеевропейских дел, остальные государства Европы отказали Дании в поддержке.

Поскольку взятый К.К. Халлем в переговорном процессе курс на уступки порождал лишь новые и все более жесткие требования с немецкой стороны, датское общественное мнение стало склоняться к отказу от проведения навязываемой другими европейскими государствами политики. Весной 1861 г. Леман вновь выступил с призывом порвать с идеей единого государства. Обращение в пользу проведения самостоятельного политического курса собрало 71 тыс. подписей. Поэтому, когда голштинцы отвергли очередную датскую инициативу, Халль объявил, что продолжать переговоры бессмысленно, и поставил в повестку дня вопрос об отделении Гольштейна. Включение Лемана в состав правительства в сентябре этого года означало конец десятилетнего периода бесплодных попыток принориться к политике европейского диктата.

Редакция Конституции ноября 1863 г.

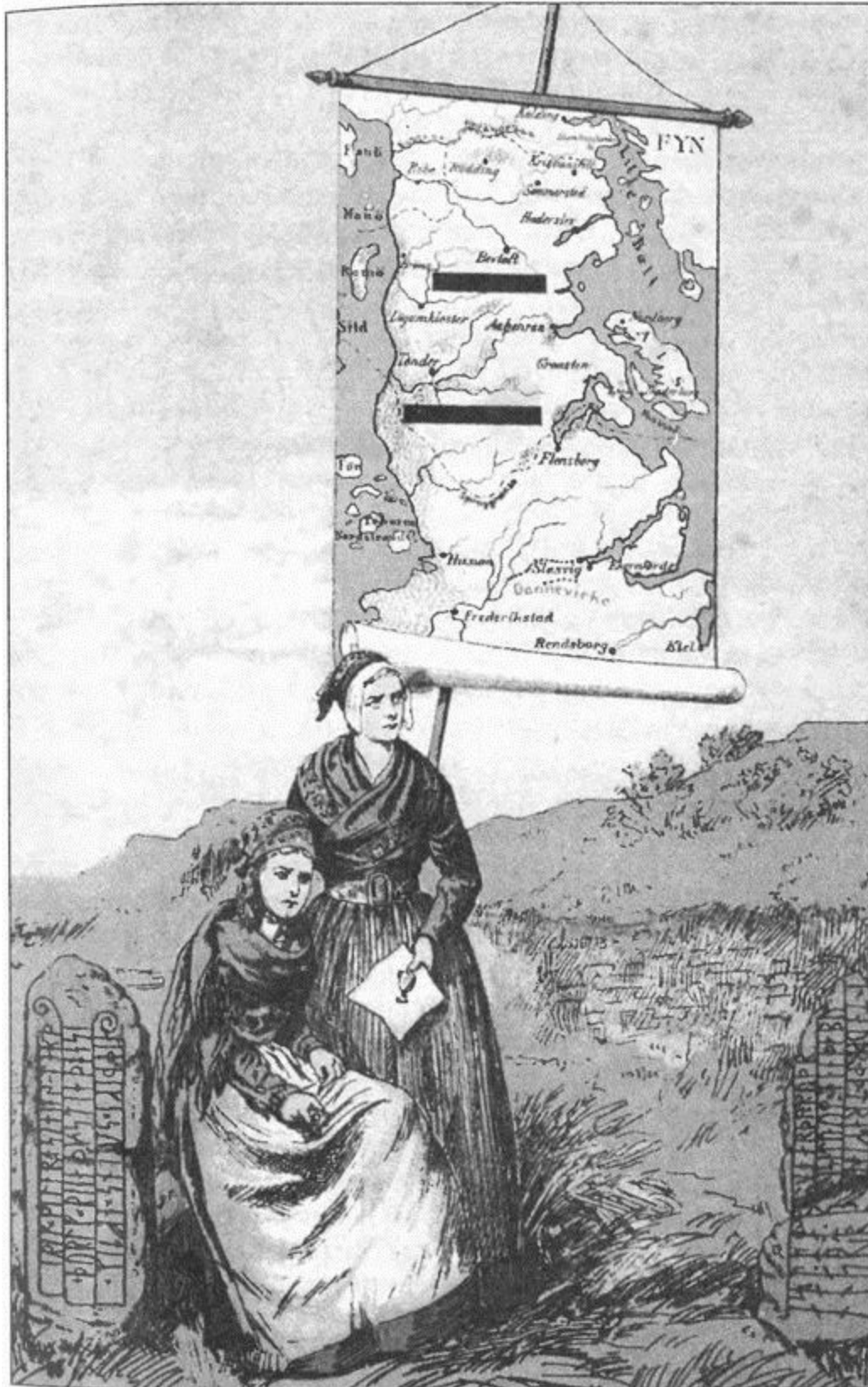
Возобновление «эйдерской политики» обострило датско-немецкие противоречия, и как современники, так и потомки весьма жестко критиковали катастрофический курс правительства национал-либералов. Критика эта в большой степени обоснованна: правительство явно переоценило военную мощь Дании и возможности внешнеполитической поддержки. Проповедовавшее популярное в то время идеи скандинавского объединения и вдохновленное соответствующими обещаниями нового шведско-норвежского короля Карла XV, правительство некритично оценивало ситуацию. Оно питало прекраснодушные надежды на военную помощь со стороны Швеции — даже тогда, когда стало ясно, что шведское правительство откажется от данных обязательств.

В то же время не только излишняя уверенность в собственных силах определяла политику датского правительства. Во-первых, его голштинские оппоненты, уверовав в поддержку со стороны Германского союза, последовательно отвергали любой компромиссный проект общей конституции, который не предоставлял всем герцогствам, даже маленькому Лауэнбургу абсолютно равные с королевством права в деле принятия решений. Во-вторых, в течение 50-х годов произошли крупные сдвиги в балансе сил в Европе: после Крымской войны в значительной степени пошатнулись позиции России; кроме того, резко возросла военная мощь Пруссии, которую Бисмарк стремился превратить в сильнейшую державу континента. И в-третьих, в ноябре 1863 г. в Дании внезапно сменился монарх. Власть перешла от непредсказуемого в своих действиях, но явно поддерживавшего идеи «эйдерской программы» Фредерика VII к упорствовавшему в своих суждениях приверженцу идеи единого государства Кристиану IX. Это не облегчило положения правительства национал-либералов. Многие его ошибки прощательны или по меньшей мере объяснимы, но самой недопустимой из них надо считать явно недостаточное внимание к возможному использованию военных средств для разрешения конфликта, что в условиях проведения вызывающей по отношению к германским государствам политики являлось весьма актуальным.

В 1862 г. поддержка курса национал-либералов в стране еще более усилилась. Росту националистических настроений способствовала и

надежда на создание скандинавской унии, которая с новой силой вспыхнула после прошедшей летом в Копенгагене встречи студентов северных стран и последовавшего затем визита Карла XV. Предложение о разделе Шлезвига, вновь выдвинутое английскими и прусскими дипломатами, по-прежнему не находило сторонников в Дании ни среди поддерживавших датско-эйдерскую программу «Друзей крестьян» и национал-либералов, ни среди выступавших за идею единого государства консерваторов.

В конце года переговоры с германскими державами зашли в тупик, и в начале 1863 г. правительство К.К. Халля окончательно приняло курс на создание государства на основе «эйдерской» программы. В марте было объявлено о намерении Дании предоставить независимый статус Гольштейну и Лауэнбургу, в результате чего последних связывал бы с датско-шлезвигской частью монархии по большому счету только общий регент. Как раз в марте, после восстания в Польше, вызвавшего резкое обострение отношений между поддержавшими восставших Англией, Францией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Россией и Пруссией — с другой, внешнеполитическая обстановка благоприятствовала Дании, но, к сожалению для последней, кризис этот был преодолен по прошествии нескольких месяцев. В то же время датское правительство могло рассчитывать на то, что женитьба наследного принца Эдварда на датской принцессе Александре вернет Дании благорасположение Англии. К тому же в течение всего лета велись переговоры о создании оборонительного союза со Швецией-Норвегией, однако в сентябре заключение соответствующего договора натолкнулось на противодействие шведского кабинета министров. И тем не менее, несмотря на гневные протесты общегерманского парламента, правительство представило на утверждение проект общей для Дании и Шлезвига конституции, который и был принят 13 ноября 1863 г.

Две девушки из Южной Ютландии с картой провинций, название

которых вымарано черным (Sprogforeningens Almanach, 1896)

Спустя два года после того, как Дания потеряла герцогства, они вошли в качестве провинции в состав Пруссии, которая после победы у Эстрига в 1866 г. вернула свои союзные права на Шлезвиг и Гольштейн. По статье 5 Пражского мирного договора северные районы Шлезвига следовало передать Дании при условии, что большая часть населения выскажется за это на свободном плебисците, однако на практике эта идея оказалось неосуществимой. Продатские настроения жителей Северного Шлезвига, ставших гражданами могущественной Пруссии, а с 1871 г. — объединенной Германской империи, проявлялись лишь в сфере защиты языка, культуры и традиций, частично вследствие эмиграции, частично вследствие активной германизаторской политики. Элементами последней было введение немецкого как языка школьного преподавания в 1888 г. и запрет на использование названия Южная Ютландия в 1896-м (см. иллюстрацию). Продатское движение создало хорошо законспирированную сеть местных организаций, а также три больших объединения в рамках всего Северного Шлезвига: Языковое объединение (1880), Избирательское объединение (1888) и Школьное объединение (1892). В альманахе Языкового объединения были в частности изданы «Двадцать четыре рассказа из истории Отечества» А.Д. Йоргенсена, подаренные пивоваром Якобсеном из Карлсберга.

Ноябрьская Конституция привела к учреждению для этих двух частей страны двухпалатного ригсрода. Сто тридцать членов его нижней палаты — фолькетинга — избирались всеобщим голосованием, как это и было предусмотрено июньским Основным законом, в то время как 65 депутатов его верхней палаты — ландстинга — избирались тем же узким кругом состоятельных граждан, очерченным в общей Конституции 1855 г., а еще 18 назначались королем. Тем самым создавался «ответственный» противовес слишком уж демократичному фолькетингу, чего с 1849 г. так не хватало не только правым, но и многим центристам из числа национал-либералов. И хотя «Друзья крестьян» резко выступили против этого положения, а консерваторы — приверженцы единого государства — указывали на возможность внешнеполитических осложнений в связи с отделением Гольштейна, ноябрьская Конституция была принята квалифицированным большинством голосов. Чтобы убедить колеблющихся в необходимости

поддержать проект, правительство однозначно заявляло, что подписание договора о создании скандинавского союза не за горами и что последние высказывания Бисмарка якобы косвенно свидетельствовали о его одобрении Конституции.

Пятнадцатого ноября 1863 г. неожиданно, после непродолжительной болезни скончался король Фредерик VII. Подписать новую Конституцию Дании и Шлезвига предстояло его наследнику, Кристиану IX Глюксбургу, признанному в качестве такового согласно Лондонскому трактату, что он и сделал 18 ноября — против своей воли, но под давлением обстоятельств: распространившихся к тому времени в Копенгагене едва ли не революционных настроений.

В последующие два месяца Отто фон Бисмарк мастерски разыграл комбинацию, суть которой заключалась в том, чтобы, настаивая на необходимости формального соблюдения всех международных договоров, лишит козырей те государства, прежде всего Англию и Швецию-Норвегию, которые могли бы поддержать Данию. Заручившись согласием Австрии, он выступал против всех требований, выдвигавшихся в германском союзном собрании, где царили сильные националистические настроения, о признании за Аугустенбургами наследных прав на герцогства. Дело в том, что такого рода требования, несмотря на данные в 1852 г. обещания, были возобновлены сыном Кристиана Августа, который, выступая в роли претендента на датский престол под именем Фридриха VIII, уже на следующий день после кончины короля образовал в Готе правительство в изгнании. Но создание нового маленького немецкого государства не входило в планы Бисмарка, для которого речь шла прежде всего об обеспечении Пруссии прямого выхода к удобным портам.

В своей международно-правовой игре он нашел самое уязвимое место в позиции противной стороны, ибо Дания явно нарушила соглашения 1851 — 1852 гг. Тем самым военное вмешательство получило юридическое обоснование, ну, а после войны он мог бы вновь смешать все карты, не будучи связан прежними договоренностями. Правда, необходимым условием осуществления этой стратегии являлся отказ Дании отозвать ноябрьскую Конституцию до ее вступления в силу 1 января, но и в этом расчет Бисмарка оказался верен. Несмотря на сильное давление со стороны благосклонно настроенных к Дании

держав, на решительный отказ Швеции от создания оборонительного союза и оккупацию немцами Гольштейна и вопреки ясно выраженным пожеланиям нового короля, глава правительства К.К. Халль не предпринял никаких мер, для того чтобы отсрочить вступление Конституции в силу. В самый канун наступающего года Монрад сформировал новый кабинет, после того как Пруссия и Австрия выступили с угрозой захватить Шлезвиг и удерживать его в качестве залога до отмены Конституции. Шестнадцатого января они предъявили ультиматум, требуя ее отмены в течение 48 часов. Сделать это в такой короткий срок было, разумеется, нереально, но попытки Монрада и Англии добиться отсрочки не нашли понимания у противной стороны. Тридцать первого января 1864 г. прусско-австрийская армия численностью 57 тыс. человек расположилась у Эйдера, готовая форсировать его.

Война 1864 г. и Венский мир

Как уже говорилось, датское правительство на удивление плохо подготовилось к разрешению конфликта военными средствами. Армия, находившаяся в состоянии реорганизации, имела недостаточно обученный командный состав и слишком мало офицеров и унтер-офицеров. Возникли трудности в работе служб снабжения и транспорта. Линия обороны Даневирке хотя и была усилена, но строительство важных фланговых укреплений в районе Дюбеля и Фредерисии было далеко от завершения. Хуже всего, однако, то, что не только общественное мнение, но даже командующий армией генерал де Меза и политики переоценивали степень боеспособности датских сил.

К тому же в силу причин национального и исторического характера линия обороны Даневирке считалась датчанами надежным оплотом в противостоянии немцам. Однако сорокатысячная Датская армия оказалась слишком малочисленной, чтобы защитить фронт протяженностью 85 км, тем более что в условиях суровой зимы вода на затопленных территориях, примыкавших к флангам, замерзла. Второго и третьего февраля первые атаки немецкой армии были отражены, но тем не менее стало ясно, что ситуация складывается критическая. В ночь с 5 на 6 февраля де Меза незаметно от противника осуществил

великолепно организованный отход к Дюбелю и к острову Альс и тем самым уберег армию от полного разгрома. Однако тот факт, что укрепления Даневирке оказались в руках врага, вызвал глубочайшее разочарование среди населения, и многие посчитали отступление изменой со стороны де Меза, Монрада и короля: двое последних выезжали на фронт в первые дни февраля. В Копенгагене произошли беспорядки, и Монрад пожертвовал де Меза, сделав его козлом отпущения. В районе Дюбеля войска в спешном порядке вели работы по укреплению крепостных сооружений. Их позиции, однако, были открыты для обстрела со стороны Броагера, и, по мере того как немцы в течение марта получали все новые и новые подкрепления в живой силе и усиливали свою огневую мощь, положение становилось все безнадежнее. Правительство же тем временем отклонило предложение военного руководства об отводе войск на остров Альс. Еще за день до немецкого штурма Монрад потребовал удержать укрепления в районе Дюбеля — с тем чтобы укрепить позиции Дании на предстоящей Лондонской конференции, однако 18 апреля после кровопролитного сражения Дюбель пал. Датчане потеряли 4700 человек, из них 1700 убитыми и ранеными, остальные же были взяты в плен. Прусские потери насчитывали 1200 человек.

Одновременно с блокадой Дюбеля немецкие войска захватили большую часть Ютландии вплоть до залива Лимфьорд. Хотя датский флот блокировал прусские порты на Балтийском море, а в мае сокрушил австрийскую эскадру у острова Гельголанд, позиции Дании на продолжавшейся два месяца Лондонской конференции, наконец-то начавшейся 25 апреля с участием представителей Англии, Франции, России, Швеции-Норвегии, Германского союза, Австрии, Пруссии и Дании, оказались весьма слабы.

Как в канун, так и во время работы Лондонской конференции Дания по большому счету потерпела полную неудачу. Это объяснялось в первую очередь тем, что в целом ряде случаев правительство и его представители на переговорах неверно оценивали положение дел. Главной же причиной стали серьезные разногласия между королем и кабинетом, да и внутри самого правительства, по вопросу о том, какому решению следовало и можно было отдать предпочтение — созданию единого государства, заключению личной унии или разделу Шлезвига. Этому способствовало и совершенно неадекватное представление о том,

насколько в действительности пошатнулись позиции Дании в результате начавшегося распада просуществовавшей века классической системы международных гарантий. Причиной неудач датчан был и непревзойденный талант Бисмарка направлять действия как своих союзников, так и противников на обеспечение долговременных интересов Пруссии. Действуя именно таким способом, он сумел в конце концов уговорить Данию отклонить англофранцузское предложение о разделе Шлезвига, и в результате конференция закончилась провалом.

Двадцать девятого июня пруссаки заняли остров Альс. Дания отвела свои войска на остров Фюн, а немецкая армия оккупировали всю Ютландию до самого Скагена на ее северной оконечности. Страх перед дальнейшими потерями и недоверие к правительству национал-либералов усиливались. Одиннадцатого июля Блюме сформировал кабинет, который в ходе тяжелых мирных переговоров принял требования противной стороны: Дания вынуждена была уступить герцогства Лауэнбург, Гольштейн и Шлезвиг королю Пруссии и императору Австрии. Мирный договор был подписан в Вене 30 октября и ратифицирован значительным большинством обеими палатами ригсрода. Тем самым датская монархия лишилась двух пятых своего населения и территориальных владений и превратилась в незначительное по европейским меркам, малое государство с территорией примерно 39 тыс. кв. км и численностью населения 1,7 млн. человек.

Глава 18

Экономическое и социальное развитие (1848-1914)

Физико-географическая, демографическая и экономическая характеристика Датского королевства

Дания, о которой пойдет речь в следующих разделах, представляет собой королевство в границах, установленных в 1864 г. В этих границах оно просуществовало до 1920 г., когда произошло воссоединение с Северным Шлезвигом. В этот временной промежуток (то есть включая также и период с 1848 по 1864 г.) исследуется положение дел в собственно Дании — к северу от реки Конгео, и лишь отчасти рассматриваются другие части королевства.

Не следует, правда, забывать, что в данный период юрисдикция датского государства распространялась еще и на «провинции» — Фарерские острова и Исландию, а также колонии — Гренландию и Вест-Индские острова (в то время как бывшие колониальные владения в Азии и Африке были проданы как раз примерно в 1850 г.). О развитии ситуации на этих атлантических островах будет вкратце рассказано в следующей главе.

По заключении мирного договора 1864 г. в некоторых местах произошла делимитация границы между Данией и Шлезвигом. Остров Эре и «восемь приходов», располагавшиеся к югу от Коллинга (а также некоторые районы, примыкавшие к городу Рибе), ранее принадлежавшие герцогству, при установлении новых границ отошли к Дании, в то время как существовавшие со времен средневековья «королевские анклав» в Западном Шлезвиге и на Фризских островах оказались под суверенитетом Шлезвига. В результате сухопутная часть территории Дании составила 39 тыс. кв. км, причем две трети ее занимал полуостров Ютландия и треть приходилась на острова. Что касается численности населения, то ситуация была обратной: две трети его проживали на островах и третья часть — в Ютландии.

Внешние контуры тогдашнего королевства в целом идентичны нынешним. Построенные в основном после сильнейшего наводнения 1872 г. дамбы и прочие защитные сооружения позволили укрепить и упорядочить береговую линию. Зато в остальном ландшафт страны в описываемый период претерпел значительные изменения. В 1861 г. 34,5% территории Дании были покрыты зыбучими песками, дюнами, болотами и топиями, а также протяженными равнинными вересковыми пустошами и холмами. Более половины земель Ютландии представляли собой целину. При составлении земельного кадастра в 1907 г. некультуренные земли составляли уже всего лишь 18,4% территории всей страны, 8,9% островных территорий и 23,4% территории Ютландии. Окультуриванию, по преимуществу облесению, подверглось более 4 тыс. кв. км вересковых пустошей. Территория, покрытая лесом, таким образом, выросла вдвое. Одновременно значительно увеличились площади, занятые лугами и пастбищами. Осуществление крупных мелиоративных проектов, таких, как осушение болотистой местности на берегу залива Ламмефьорд в районе Одсхерреда, также способствовало расширению площадей, вводимых в сельскохозяйственный оборот.

Культурный же ландшафт, напротив, уже примерно в середине XIX столетия стал принимать более современный вид: на пригодных для ведения сельского хозяйства территориях повсеместно стали появляться располагавшиеся поодаль друг от друга усадьбы хуторян с прилегающими земельными участками. Правда, в течение данного периода постоянно росло количество небольших хозяйств и домов хусманов, чьи владельцы не имели земельных участков, а начиная с 80-х годов XIX в., характерной приметой сельского пейзажа в дополнение к церковным колокольням стали высокие дымовые трубы вновь созданных кооперативных маслобоен, которых в конце концов набралось более тысячи.

Как старые провинциальные города, так и новые поселки городского типа все больше стали разнообразить датский пейзаж; тем не менее к концу описываемого периода они составляли всего лишь несколько процентов общей территории страны. В середине века, до начала бурного роста пристанционных поселков, их доля была значительно меньше. Только пять самых больших провинциальных городов насчитывали свыше 5 тыс. жителей каждый, и даже в единственном, действительно крупном городе страны — Копенгагене в

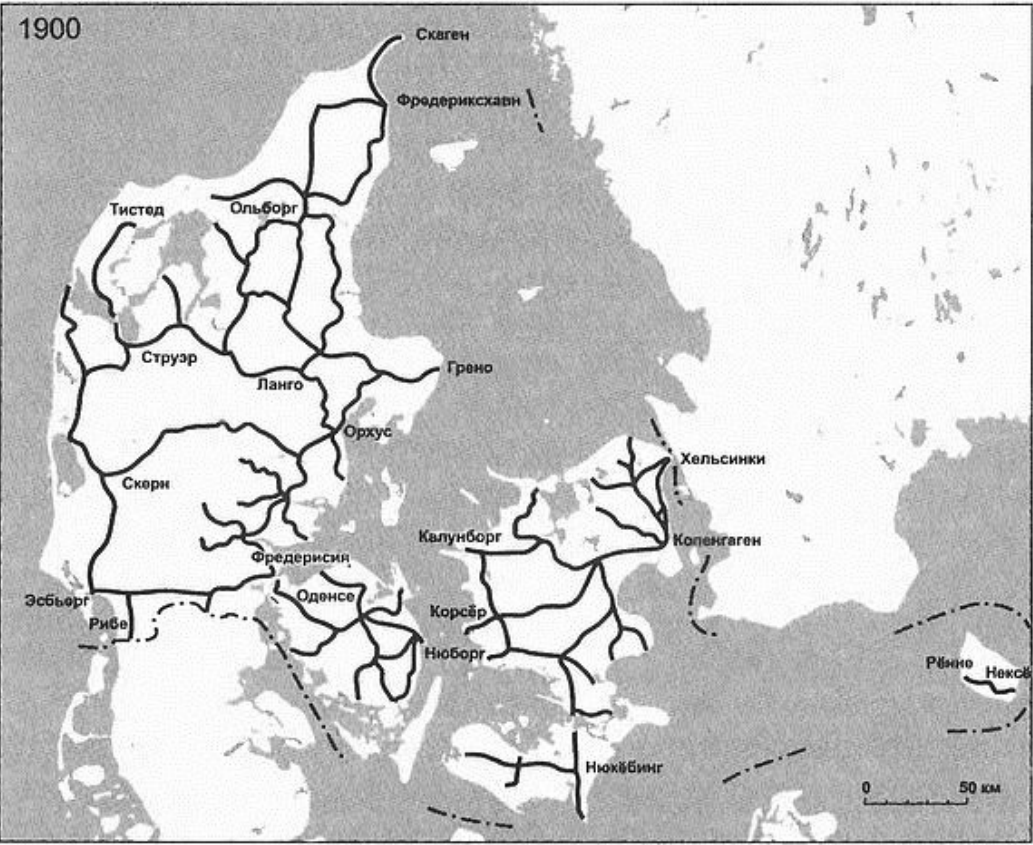
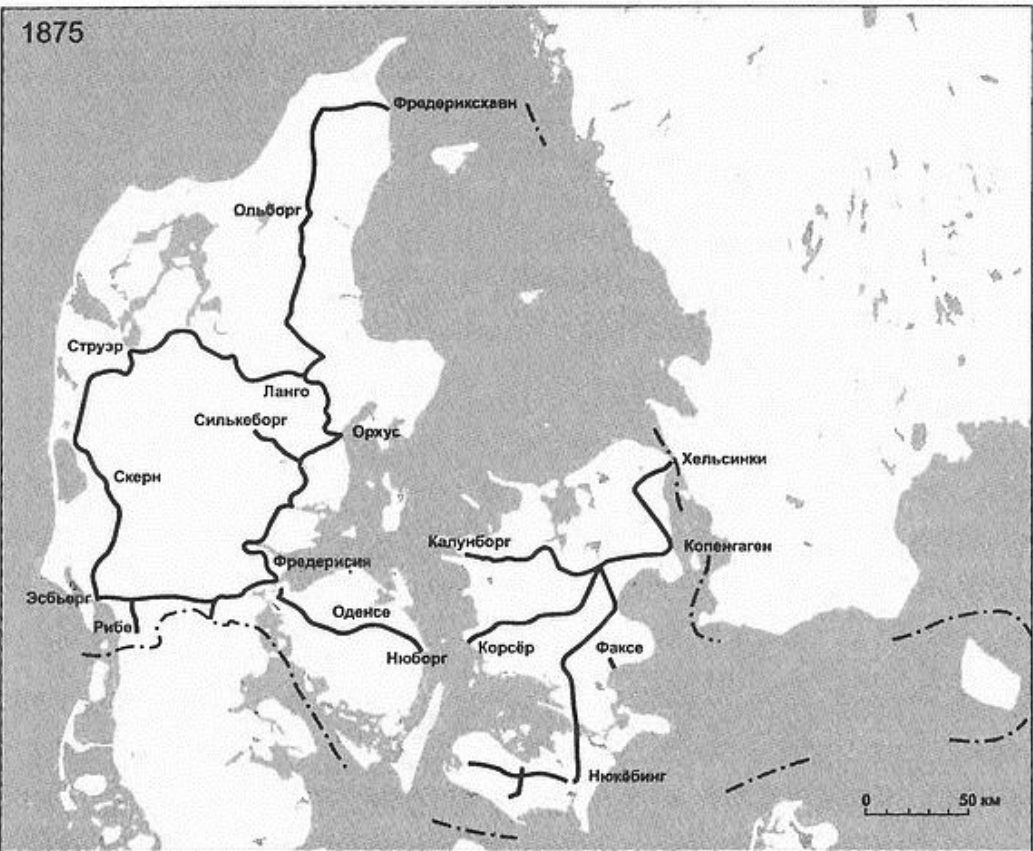
границах старых крепостных стен проживало по-прежнему чуть менее 130 тыс. человек. Большинство из 72 городов насчитывали менее 2 тыс. жителей, и, если бы не типичные для городских построек черепичные крыши, их было бы трудно отличить от больших деревень.

В процессе политической и экономической либерализации и урбанизации привычный для старого общества облик столицы и провинциальных городов кардинально изменился. В то же время в сельских районах появился целый ряд пристанционных поселков и поселков городского типа. Некоторые из них, такие, как Силькеборг, Эсбьерг и Хернинг, успешно развивались и со временем обрели городской статус.

К городской проблематике мы еще вернемся, а сейчас в заключение этого краткого географического обзора скажем несколько слов о дорожной сети страны. Еще в 1836 г. существовало 540 км общенациональных дорог с твердым покрытием на островах и всего лишь 40 км — в Ютландии. В последующие десятилетия появились новые магистральные дороги, а также вполне удовлетворительного качества внутрирегиональные шоссе. Тем не менее до начала следующего столетия, когда стал стремительно развиваться автомобильный транспорт, основную часть дорожной сети страны представляли дороги местного значения с низким качеством покрытия, проселки, колеи и тропы. В то же время за счет серьезных инвестиций началось строительство других, более удобных путей сообщения. Движение по железнодорожной линии от Копенгагена до Роскилле открыли в 1847 г., а в 1856 г. она была продолжена до Корсёра, но наиболее бурный рост железнодорожной сети наблюдался с начала 60-х годов. Примерно к 1880 г. были сданы в эксплуатацию основные магистрали, находившиеся в ведении государственной компании «Датские железные дороги», а в 1913 г. протяженность государственных и частных железнодорожных линий в Дании составила почти 4 тыс. километров.

В общем и целом города и транспортные артерии, включая крупные государственные и муниципальные портовые сооружения, к концу описываемого периода занимали менее 5% территории страны, в то время как 70% приходилось на долю земель сельскохозяйственного назначения. Площадь, занятая лесами, более чем удвоилась и составила примерно 8% территории. На первый взгляд Дания все еще оставалась

ярко выраженной сельскохозяйственной страной, хотя половина ее населения к тому времени фактически проживала в городах.

Железные дороги (1875-1900)

Динамика народонаселения

В 1840 г. в границах собственно Дании проживало чуть менее 1,3 млн. человек. Семьдесят шесть лет спустя эта цифра увеличилась почти до 3 миллионов. Данные приводимой ниже таблицы (а также приложение 1) дают возможность благодаря промежуточным показателям составить четкое представление о динамике народонаселения и ходе процесса урбанизации — одного из наиболее существенных процессов развития общества в описываемый период.

Народонаселение Дании в 1840-1916 гг., человек, %

Год	Столичный регион ¹	Другие города ²	Сельские районы ³	Дания, всего
1840	123 100 (9,5)	145 300 (11,3%)	1 020 600 (79,2%)	1 289 100
1870	198 200 (11,1)	245 800 (13,8%)	1 340 800 (75,1%)	1 784 700
1890	359 800 (16,3)	366 500 (16,9%)	1 446 000 (66,6%)	2 172 400
1916	605 800 (20,7)	604 200 (20,7%)	1 711 400 (58,6%)	2 921 400

Столичный регион составляют Копенгаген и Фредериксберг. К другим отнесены некоторые поселки, имевшие право на торговлю и занятие ремеслами. В 1916 г., после того как статус городов обрели Силькеборг, Эсбьерг и Хернинг, в стране насчитывалось 74 таких города.

В состав населения сельских районов включены жители бурно растущих пристанционных поселков и пригородов, каковых было совсем немного до 1870 года. Однако в 1916 г. в 67 пригородах проживало 95 200 человек, а в 505 поселках городского типа — 257,8 тыс., что составляло целых 12% населения Дании, которые по справедливости следовало бы из графы «Сельские районы» перенести в графу «Торговые города».

В 1840 г. восемь из десяти датчан проживали в сельской местности, и еще в 1870 г., когда тенденция стала серьезно меняться, сельские

жители составляли 75% всего населения, а в 1916 г. более половины датчан проживало в городах, если к последним отнести пристанционные поселки и пригороды. Тем не менее, несмотря на относительное уменьшение численности сельского населения, следует отметить, что в абсолютном выражении оно тоже увеличивалось и только на рубеже веков рост его прекратился.

Весьма примечательным является доминирующее положение столицы, в которой на протяжении всего описываемого периода проживало, с незначительными отклонениями, примерно столько жителей, сколько во всех провинциальных городах вместе взятых. В 1840 г. в самом крупном провинциальном городе страны — Оденсе проживало 9,2 тыс. человек, а среди других городов, численность населения которых превышала 5 тыс. человек, находились только Хельсингёр, Ольборг, Орхус и Раннерс. Насчитывалось двадцать городов с населением более 2 тыс. человек, в двадцати пяти проживало от 1 до 2 тыс. человек, а еще в двадцати двух — менее 1 тыс. человек. К 1916 г. население Оденсе увеличилось в 5 раз, а в Орхусе — в 9 раз и составило 65,9 тыс. человек, что позволило ему в 70-х годах XIX в. стать вторым по величине городом страны.

Большинство городов переживало период расцвета, но тенденция была вовсе не однозначной, и некоторые из них, такие как Эрёскёбинг, прекратили расти. В 1916 г. половина горожан страны проживала в столице, немногим менее 30% — в 16 городах, насчитывавших более 10 тыс. жителей, и чуть более 20% — в остальных 58 городах, население десяти из которых не превышало 2 тыс. человек.

За этими цифрами скрывается целый ряд весьма существенных изменений в структуре населения, происшедших в течение описываемого периода.

В первую очередь поражают сами темпы роста. Вплоть до 1800 г. показатель численности населения находился значительно ниже отметки 1 млн. человек. За первые сорок лет XIX столетия численность населения возросла до 1,3 млн., а в последующие семьдесят шесть лет увеличилась в 2,3 раза. И виной тому была вовсе не иммиграция, потому что, хотя в Данию и переселилось 50 — 75 тыс. шлезвигцев, шведов и поляков, 300 тыс. датчан за тот же период эмигрировали, в основном в США. Большую часть эмигрантов составляли малоимущие жители сельских районов, многие из которых сначала пытались

устроить свою жизнь в городах.

Рост населения также нельзя объяснить повышением рождаемости: на протяжении практически всего XIX столетия в среднем ежегодно в расчете на год рождалось чуть более 30 детей на тысячу жителей, а начиная с конца 90-х годов этот показатель неуклонно снижался, и в 1916 г. на тысячу жителей пришлось лишь 16 новорожденных. Причину роста населения следует искать в снижении смертности. Если вплоть до середины 30-х годов XIX в., при значительных колебаниях в отдельные годы, в среднем в Дании умирало примерно 25 человек на тысячу жителей ежегодно, то в последующем вплоть до начала 90-х годов этот показатель стабилизировался и составил примерно 20 смертей на тысячу жителей, а затем постоянно снижался и достиг уровня 13 на тысячу жителей. Более подробный анализ позволяет сделать вывод о том, что в основном снижалась детская смертность, в первую очередь грудных младенцев. В 40-х годах XIX в. расчетная продолжительность жизни новорожденных мужского пола составляла 40,9 года, а женского пола — 43,5 года, тогда как перед самым началом первой мировой войны — 56,2 и 59,2 года соответственно. Двадцатилетние же, напротив, могли прибавить к среднему сроку жизни пять — шесть лет и дожить, таким образом, до 66 — 67 лет. А для шестидесятилетних прогнозируемая средняя продолжительность жизни составила 75 и 76 лет соответственно, что всего лишь на два года больше, нежели в 40-х годах XIX столетия.

Не меньший, чем статистические данные, интерес представляет и анализ причин сокращения уровня смертности, к которым прежде всего следует отнести улучшение питания как в количественном, так и в качественном отношении. В частности, увеличение употребления в пищу картофеля позволяло все большему числу бедняков и неимущих справиться с полуголодным существованием и за счет этого лучше противостоять инфекционным и другим болезням. Развитие системы здравоохранения, и не в последнюю очередь санитарно-гигиенические мероприятия, начавшиеся в городах после эпидемий холеры 50-х годах XIX столетия, предполагало строительство ассенизационных объектов, улучшение водоснабжения и работы канализационных сетей. Это также в значительной мере способствовало сокращению уровня смертности, прежде всего в Копенгагене. То же самое относится и к успехам медицинской науки в области бактериологии, в разработке и

применения антисептических препаратов, а также к расширению сети стационарных больничных учреждений по всей стране.

Динамика структуры занятости населения

С середины XIX в. и до первой мировой войны население собственно Дании увеличилось более чем вдвое, и одновременно произошли серьезные изменения как внутри отдельных групп населения, так и в соотношении между ними. Данные, приводимые в таблице, показывают динамику этого процесса в общих чертах.

Как явствует из таблицы, в течение всего периода большинство датчан добывало средства к существованию сельскохозяйственным трудом. Вплоть до начала 80-х годов они представляли более половины всего населения, но затем их доля заметно сократилась. Тем не менее и в 1911 г. доля занятых в сельском хозяйстве составляла 40% всего населения и оставалась самой большой. Сравнение с нижеприведенными данными, кроме того, показывает, что существенная часть жителей сельских районов была занята в других областях экономики.

Ремесленники и занятые в промышленном производстве составляли вторую по величине группу населения Дании. В количественном отношении она росла стабильно, но не слишком бурно и в канун мировой войны включала в себя чуть менее трети населения. Данные переписей населения не дают возможности подсчитать, сколько бывших ремесленников пополнили ряды работников промышленного производства. Однако, как будет показано далее, этот процесс также развивался в умеренном темпе.

Что касается темпов роста, то больше всего бросается в глаза увеличение доли населения страны, занятого в сфере торговли и услуг, с 4,3 до 11,9%, а менее заметный рост занятости в области нематериального производства объясняется прежде всего стремительным развитием транспортной и коммуникационной систем. Поскольку ко всему прочему эта группа включала в себя фактически всех государственных служащих, следует заметить, что рост государственного сектора экономики был весьма ограничен, так что вовсе не потребовалось органов государственного и муниципального

управления в кадрах стимулировала процесс изменения структуры занятости датского населения в этот период.

Структура занятости населения в 1840-1911 годах, тыс. человек, %

Год	Нематериальное производство	Сельское хозяйство и т. п.	Рыболовство и судоходство	Ремесленничество и промышленность	Торговля и услуги	Живущие на собственные средства	Получающие пособия	Всего в Дании
1840	82 (6,4)	720 (56,1)	35 (2,4)	302 (23,5)	56 (4,3)	48 (3,7)	41 (3,2)	1283
1870	106 (5,9)	934 (52,3)	47 (2,6)	460 (25,8)	121 (6,8)	69 (3,9)	48 (2,7)	1785
1890	159 (7,3)	997 (45,9)	59 (2,7)	606 (27,9)	214 (9,9)	93 (4,3)	45 (2,1)	2172
1911	263 (9,5)	1074 (39,0)	78 (2,8)	834 (30,2)	326 (11,9)	117 (4,3)	65 (2,3)	2757

Примечание. Приведенные данные рассчитаны на основе опубликованных материалов переписей населения. Включение населения в ту или иную категорию в соответствии с источником существования зачастую вызывало сомнения, поэтому следует оговориться в отношении точности некоторых данных. В частности, показатели получающих пособия настолько малы, что речь может идти только о находившихся на полном государственном обеспечении бедняках, больных и инвалидах. Тем не менее в общем и целом таблица дает достоверную картину изменений в структуре занятости населения Дании. К категории занятых в сфере нематериального производства относятся среди прочих целый ряд государственных служащих, таких, как работники правоохранительных органов, преподаватели, лица духовного звания, военнослужащие и представители свободных профессий: врачи, журналисты, художественная интеллигенция. А также работники почтового, телеграфного и железнодорожного ведомств, которые в начале XX в. составляли более трети всех принадлежащих к этой категории населения.

В целом таблица дает представление о некоторых очевидных и примечательных изменениях в структуре занятости населения Дании,

впрочем не столь радикальных, чего можно было ожидать на фоне столь стремительно развивавшегося процесса урбанизации.

Сельскохозяйственный сектор

Сельское хозяйство в течение всего описываемого периода было, безусловно, основным занятием датчан и имело значение не только для тех семей, для которых оно являлось источником дохода. Все датское общество зависело от сельского хозяйства, и не только потому, что потребляло его продукцию. Отрасль развивалась настолько эффективно, что к моменту начала первой мировой войны даже трети произведенной продукции оказалось бы достаточно, чтобы прокормить быстро растущее население страны. Остальная часть продукции, то есть более 60%, экспортировалась и шла прежде всего на английский рынок.

Дело в том, что датское сельское хозяйство переживало уникальный период в своем развитии. Корни этого следует искать в проведенном во время осуществления аграрных реформ разверстании и передаче сельских хозяйств в собственность крестьянам. В течение нескольких десятилетий до и после 1850 г., когда установилась благоприятная конъюнктура в торговле зерном и начался экспорт в Англию, спрос на сельскохозяйственную продукцию как на рынке промышленно развитой Англии, так и на расширяющемся отечественном возрос. Такой ситуацией воспользовались не только крупные и мелкие помещики. Крестьяне также не упустили представившейся возможности и стали превращаться в товаропроизводителей, которые ориентируются на рынок и рационально ведут дело.

Благодаря созданию агрономических обществ, проведению выставок, в том числе и выставок домашнего скота, изданию специализированных сельскохозяйственных журналов целенаправленно распространялись знания о новейших достижениях в области прикладных наук и технологии. Государство способствовало развитию этого процесса, основав в 1856 г. Высшую сельскохозяйственную школу и выделяя средства на проведение различных мероприятий, а впоследствии и финансируя деятельность крестьянских «высших школ» (а по сути «народных университетов»), сельскохозяйственных школ, а

также создание сети консультационных пунктов.

Уже в середине XIX в. землепользователи стали уделять большое внимание агротехнике. Посредством дренажа и внесения мергеля для известкования почв их качество повсеместно улучшилось, а благодаря применению более совершенной агротехники и новых сортов зерновых существенно увеличилась продуктивность земель. Возросшую на почву нагрузку крестьяне компенсировали увеличением поголовья скота, вследствие чего получали больше навоза, необходимого для удобрения земли.

Благодаря освоению целинных земель в североамериканских прериях и российских степях, а также появлению новых железнодорожных и пароводных маршрутов примерно к 1870 г. на мировом зерновом рынке сложились новые конкурентные условия, которым ранее столь рентабельное датское земледелие оказалось не в состоянии соответствовать. В этой ситуации произошла переориентация сельскохозяйственного производства на более прибыльный английский рынок переработанной продукции животноводства. Ни одна другая европейская страна не смогла в тот момент осуществить подобную перестройку, за счет которой датским крестьянам удалось без особых потерь пережить период «великой депрессии» в мировой экономике (1873-1896).

В большой степени этот феномен объясняется уже упоминавшимся увеличением поголовья скота, но в целом традиции животноводства имели глубокие исторические корни в Дании, и прежде всего в Ютландии, где оно развивалось с целью экспорта мясных пород скота в Германию. Он, однако, был подорван примерно в 1870 г., когда немцы ввели таможенные пошлины для защиты собственных производителей. Итак, чтобы наладить экспорт масла в Англию, в наличии имелось стадо молочных коров, а благодаря экспериментальной деятельности Н.Й. Фьорда и изобретению Л.К. Нильсеном высокоэффективной центрифуги отрасль получила необходимое научное и технологическое обеспечение. И наконец немаловажно, что с созданием в 1882 г. кооперативных маслобоек образовался институт, в рамках которого труд крестьянской семьи органично вписался в рационально организованное промышленное производство конкурентоспособных на международном уровне, высококачественных товаров.

Для обеспечения рентабельности производства масла требовался

больший объем молока, нежели тот, что могла обеспечить обычная крестьянская семья, поэтому в течение длительного времени масло вырабатывалось либо в поместьях, либо частными общими маслобойнями, закупавшими молоко у местных крестьян. Многими предприятиями такого типа владело богатое купечество провинциальных городов, но сложность для них заключалась в неупорядоченности поставок сырья, нежелании поставщиков соблюдать предписания о соответствии их продукции санитарно-гигиеническим нормам и о выполнении кредитных обязательств. В период усиления конституционной борьбы между левыми (партия «Венстре») и правыми (партия «Хойре»), представлявшими, соответственно, интересы сельского и городского населения, проблема эта отнюдь не утратила своей актуальности. Однако с появлением кооперативных маслобоен в руках крестьян оказалось весьма эффективное — с учетом их классового самосознания — орудие противодействия как городской буржуазии, так и сельским «тяжеловесам» — помещикам.

Применение на маслобойнях метода сепарации для получения масла из молока позволило членам кооперативов использовать отходы производства, то есть снятое молоко, для вскармливания поросят, что создало основу для производства постного бекона, составившего другую крупную статью доходов от экспорта сельскохозяйственной продукции в Англию. Для решения этой задачи крестьяне также использовали принцип кооперации, основав в 1887 г. первую кооперативную скотобойню.

Благодаря кооперативам, где все поставщики, независимо от величины их хозяйства и количества поголовья, являлись совладельцами предприятия, не только зажиточные крестьяне, но и хусманы, имевшие в собственности всего несколько коров, получили возможность прямого выхода на мировой рынок. Таким образом, именно участие в кооперативном движении позволило многим мелким хозяйствам достичь такой степени рентабельности, что их владельцы перестали нуждаться в дополнительном заработке на стороне. Тем самым были созданы предпосылки объединения датских хусманов, которые к началу мировой войны сумели создать свою, весьма эффективную и в политическом плане влиятельную корпоративную организацию.

На протяжении всего XX столетия считалось за правило, что

хусманы, даже имевшие самые большие хозяйства, и члены их семей вынужденно пополняли свои доходы, работая по найму. Мужчины выполняли большой или меньший объем в основном сезонных работ, женщины нанимались доярками в другие хозяйства, а детям зачастую приходилось начинать зарабатывать в семи-восемилетнем возрасте. Размеры хусманских хозяйств по оценочной величине не превышали 1 тёнде харткорна, далее следовали хозяйства самостоятельных крестьян-землевладельцев; пограничная величина между самыми крупными крестьянскими хозяйствами и поместьями составляла 12 тёнде харткорна.

Количество хозяйств по оценочной величине земельных владений, «тёнде харткорна (рожь или ячмень)»

Величина	1850	1873	1895	1905
Более 12 т.х.к.	1 829	1 961	2 117	2 093
1–12 т.х.к.	67 848	72 194	73 203	74 517
1/4–1 т.х.к.	49 408	66 535	67 656	69 131
0–1/4 т.х.к.	48 760	66 103	93 884	114 079
Безземельные хозяйства	12 245	32 626	34 058	29 310
Всего хозяйств	180 090	239 419	270 918	289 130
Всего сельских жителей	1 119 000	1 341 00	1 465 000	1 560 000

Источник. *Warming J. Haandbog i Danmarks Statistik (1913). S. 191.* Хозяйства на острове Эрё и в «восьми приходах» к югу от Коллинга не включены в данные за 1850 г.

Примечание. Мера «тёнде харткорна — бочка твердого зерна» появилась в кадастре Кристиана V в качестве единицы плодородия почвы для определения производительности всех используемых в сельскохозяйственном обороте земель. На основе этой единицы определялась величина всех земельных налогов вплоть до реформы налогообложения в 1903 г., когда был введен налог на недвижимость и подоходный налог.

В таблице отражены динамика количества хозяйств в сельской местности и их распределение по размерам землевладений. Она также дает возможности осветить изменения в социальной структуре сельского населения.

Данные верхней строки показывают, что количество крупнейших поместий в течение всего описываемого периода оставалось стабильным, порядка 2 тысяч. К 1905 г. они составляли 0,7% общего числа хозяйств, но при этом занимали 15,6% всех сельскохозяйственных площадей. Необходимо заметить, что средние и мелкие помещичьи хозяйства в количественном отношении заметно уступали крупнейшим поместьям: у земельных магнатов, таких как премьер-министр К.Э. Фрийс, насчитывалось немало поместий.

В следующей строке представлена наиболее характерная для этого периода социальная группа — владельцы крестьянских хозяйств, число которых в общем и целом также не претерпело значительных изменений. Наибольший прирост в этой группе приходится на время до 1373 г., и в 1905 г. 75 тыс. таких хозяйств по площади занимали три четверти сельскохозяйственных земель, в то время как в количественном отношении они составляли 26% всех хозяйств. К этому времени практически все хозяйства стали владельческими. Хотя, разумеется, они сильно отличались друг от друга по размерам. Крупнейшие из них (от 8 до 12 тёнде харткорна) принадлежали зажиточным крестьянам, в большом объеме использовавшим труд наемных работников. К 1905 г. осталось 3700 таких хозяйств, то есть их число сократилось на 1 тыс. по сравнению с 1850 годом. Остальные хозяйства подразделялись на три равные по количеству (23 — 24 тыс.) группы: крупные (4 — 8 т.х.к.), средние (2 — 4 т.х.к.) и мелкие (1—2 т.х.к.). В качестве главной тенденции отметим, что рост числа мелких и средних хозяйств происходил за счет уменьшения количества крупных.

В третьей строке представлены те хусманские хозяйства, которые были достаточно велики, чтобы существенно пополнять доходную часть семейного бюджета. За описываемый период было вновь создано 20 тыс. подобных хозяйств, но подавляющее их большинство появилось в 50-х и 60-х годах XIX столетия. В начале следующего века государство активизировало усилия по выделению земельных участков хусманам, но реальное статистическое отражение плоды этой политики могли найти только десяток лет спустя.

Крупные хозяйства, крестьянские и указанные выше большие хусманские хозяйства представляли собой наиболее мощные производственные предприятия в сельскохозяйственном секторе. Их общее количество выросло за 55 лет с 119,1 тыс. до 145,7 тыс., но после 1873 г. — только на 5 тысяч. И таким образом, хотя с 1850 до 1905 г. народонаселение в сельских районах возросло примерно на 400 тыс. человек, лишь очень немногие из них — что особенно характеризует период с 1870 по 1900 г. — получили возможность стать хозяевами новых земельных владений. Большой их части пришлось довольствоваться заработками у более или менее крупных хуторян или же в домах с весьма скромным по размерам приусадебным участком либо вообще без такового.

Как явствует из четвертой и пятой строк таблицы, домовладения этой категории обеспечили три четверти роста количества хозяйств за описываемый период. Половина хозяев этих домовладений имела участок земли или большой сад, которые давали существенную прибавку к семейному бюджету. И это было совершенно необходимо, поскольку большинство этих хозяев относилось к наиболее нуждающейся социальной группе — сельскохозяйственных рабочих с семьями. Правда, представители более защищенной в социальном смысле группы, такие, как учителя сельских школ, также проживали в подобных домах.

И наконец, следует отметить жителей пристанционных поселков и пригородов, вошедших в состав сельского населения (см. таблицу динамики народонаселения). Огромное количество мелких землевладений составляли обычные частные коттеджи с палисадниками и небольшие участки земли в поселках городского типа.

Несмотря на процесс урбанизации, сельское хозяйство на протяжении всего описываемого периода являлось основным источником поступлений иностранной валюты, необходимой для закупок по импорту сырьевых и вспомогательных товаров для других отраслей экономики, ориентированных в первую очередь на отечественный рынок. Именно поэтому, учитывая интересы сельскохозяйственного экспорта, Дания вела относительно либеральную таможенную политику и не предпринимала каких-то особых мер для защиты растущего промышленного сектора от конкуренции на мировом рынке. В то же время продукция сельского

хозяйства в большой степени составляла основу существования многих отраслей промышленности, развивавшихся в городах, включая пивоваренные, спиртовые, мукомольные, консервные, сахарорафинадные заводы и скотобойни. Не следует забывать и маслобойни с их паровыми центрифугами, хотя на данный период времени по количеству занятых работников они представляли собой небольшие предприятия, но были разбросаны по территории всей страны. К тысячам предприятий, представлявших вышеуказанные и другие отрасли перерабатывающей промышленности, следует добавить еще и тысячи торговых и транспортных предприятий. Несмотря на продолжавшиеся в стране процессы модернизации общества и урбанизации, Данию во втором десятилетии XX в. по-прежнему можно было с полным основанием называть сельскохозяйственной страной.

Городские отрасли экономики

Хотя на протяжении всего описываемого периода сельское хозяйство оставалось ключевой отраслью экономики Дании, наибольший прирост населения, как было показано выше, наблюдался в городах. Даже без учета ставшего практически городским населения пригородов Копенгагенского амта число жителей столицы увеличилось в 5 раз и составило 600 тыс. человек. Во многих провинциальных городах население росло соответствующими или даже еще большими темпами. Особенно показателен пример совершенно нового города Эсбьерга, население которого в 1916 г. составило 18 925 человек, а ведь в 1860 г. — еще до строительства государственного порта — в этих местах проживало всего лишь 30 человек.

В основанном на привилегиях обществе эпохи абсолютизма городские жители имели монопольное право на занятия ремеслом и торговлей. В сельских приходах, правда, разрешалось заниматься кузнечным ремеслом, и следует еще упомянуть тысячи единоличников, выполнявших на селе ремесленные работы на нелегальной основе, а также кустарей, производивших на дому шерстяные чулки, деревянные башмаки и т. п. К тому же в начале эпохи индустриализации некоторые предприятия в соответствии с королевскими привилегиями размещались в сельской местности с целью использования

гидроэнергии, к примеру текстильные и машиностроительные предприятия в районе Бреде. Тем не менее во многих отраслях городским цехам удалось защитить свои монопольные права на занятия ремеслом, так же как коммерсантам — на торговую и сбытовую деятельность.

Победившие в борьбе за принятие июньской Конституции сторонники либерализации общества объявили курс на обеспечение свободы предпринимательства. Первым шагом стала отмена налога на поставлявшуюся в города сельскохозяйственную продукцию, который сельские поставщики платили у городских ворот. Тем самым отпала нужда в крепостных стенах и заборах, которые в течение многих столетий являлись физическим воплощением существовавших между городом и деревней таможенных границ. А несколько лет спустя, в 1857 г., ригсдаг, приняв закон о свободе предпринимательства, нанес смертельный удар по находившимся до тех пор в привилегированном положении городским цеховым организациям. Цеховые организации мастеров утратили право самолично определять условия труда, цены и правила доступа к профессии, а подмастерья лишились социальной защищенности и профессиональной идентичности, что ранее обеспечивало им обязательное членство в своих цеховых организациях.

Вступление закона в силу было отложено на 1862 г. с той целью, чтобы цеховые организации успели осуществить необходимую перестройку своей деятельности. Однако как мастера, так и подмастерья потратили это время впустую, безуспешно пытаясь добиться изменения закона, и потому за первое десятилетие не смогли создать эффективно действующие альтернативные объединения групп интересов.

Торговцы в первое время после принятия закона с подобными проблемами не сталкивались. «Защитный пояс» в радиусе полутора миль вокруг городов по-прежнему охранял городских коммерсантов от окрестных конкурентов (хотя мелкорозничная торговля самыми необходимыми товарами повседневного спроса допускалась). И только начиная с конца 80-х годов XIX столетия, когда кооперативные предприятия стали создаваться и в сфере торговли и сбыта и эти новые предприятия — кооперативные магазины — получили разрешение суда свободно обслуживать своих членов-пайщиков, в том числе в пределах «защитного пояса», для сектора городской розничной торговли наступили трудные времена. Точно так же значительно уменьшилась

рыночная ниша торговых домов и оптовиков, когда благодаря кооперативам крестьяне сами получили прямой выход на мировой рынок, выступая на нем и в роли экспортеров масла, бекона и куриных яиц, и в качестве импортеров удобрений, зерна и кормов, а также агентов в торговле этими товарами.

Вообще же городские промыслы способствовали созданию более или менее приемлемых условий жизни для многих тысяч малоимущих переселенцев, решивших порвать с убогим и бесперспективным существованием на селе. Традиционной функцией городов являлось удовлетворение потребностей жителей прилегающих сельских районов в товарах и услугах. Кроме того, Копенгаген и другие крупные города неплохо зарабатывали на весьма прибыльных поставках для королевского двора, армии и центральной администрации. В той же мере выгодное географическое положение решающим образом сказывалось на возможностях как производственных, так и сбытовых предприятий выйти за пределы местного рынка. Столь стремительный, по сравнению с другими городами, рост Орхуса в течение описываемого периода объясняется в первую очередь тем, что еще в 40-х годах XIX в. город приступил к расширению своего прекрасного порта, благодаря расположению которого в центре восточного побережья Ютландии уже к 60-м годам удалось наладить прямое сообщение со всеми частями полуострова. Раннерс и Ольборг также пережили период роста, однако их порты располагались во фьордах, что не давало возможности принимать суда столь большого тоннажа.

Бурный рост населения и, соответственно, возросшие потребности в продуктах питания, одежде и жилье сами по себе расширяли рамки национального рынка, однако основной причиной столь несоразмерно высоких темпов урбанизации явилось усиливающееся разделение труда между городом и деревней. Переход сельского хозяйства на рельсы специализированного и ориентированного на рынок производства товаров привел к отказу от традиционных методов ведения хозяйства, определявших экономическую обособленность крестьян. Теперь они стали закупать готовую продукцию для удовлетворения своих каждодневных потребностей, к примеру в одежде или пиве, но также и в средствах производства, таких как строительные материалы, орудия труда, зерно, удобрения и корма. Характерно и то, что начиная с середины столетия на базе многих кузнечных мастерских благодаря

увеличению потребности в современных сельскохозяйственных орудиях стали создаваться литейные производства и машиностроительные заводы.

Как мы уже видели, кустарные и индустриальные отрасли стабильно развивались, и к началу мировой войны в этом «вторичном секторе» была занята почти третья часть всего населения. В городах их доля, разумеется, была выше — в среднем примерно 50%. Однако на фоне масштабных процессов урбанизации и модернизации общества, охвативших всю страну, темпы индустриализации нельзя назвать стремительными. По крайней мере если под индустриализацией понимать появление крупных заводов с дымящимися трубами, где занято большое количество рабочих и налажено рационально организованное массовое производство стандартных товаров.

Согласно статистическим данным, в 1914 г. в Дании существовало 83 тыс. промышленных предприятий, или на 6 тыс. больше, чем в 1897 г. (когда создавался первый реестр). На них было занято 350 тыс. человек, из которых собственно рабочих насчитывалось 233 тыс. (в оставшуюся часть входили, с одной стороны, служащие, а с другой — сами владельцы). В 1897 г. их было 274 тыс. и 180 тыс. соответственно. Таким образом, в среднем на каждом предприятии было занято четыре человека. Доминирующее положение по-прежнему занимали мелкие предприятия, насчитывавшие помимо хозяина не более двух работников, однако за этими цифрами скрывается тенденция к укрупнению: количество предприятий, на которых было занято свыше ста работников, возросло со ста семидесяти до двухсот шестидесяти.

Среди последних были и крупнейшие по тем временам предприятия страны — судостроительная верфь и машиностроительный завод компании «Бурмайстер и Вейн», которые получили международное признание в 1912 г., построив дизельное судно «Зеландия». В начале XX в. машиностроение стало выходить на ведущие позиции в промышленности, постепенно вытесняя с первого места швейную и текстильную отрасли. Пищевая промышленность, наряду со своим флагманом — пивоваренными заводами компании «Карлсберг» включавшая в себя крупные табачные фабрики и т. п., заняла твердое третье место. На рубеже веков с вводом в действие цементных заводов в районе залива Лимфьорд получили дальнейшее развитие предприятия по производству кирпича и черепицы,

керамических изделий и стекла.

Тот факт, что страна находилась в стадии индустриализации, несомненен, однако попытки установить временные рамки индустриального прорыва нельзя считать убедительными. Вплоть до 50-х годов XX в. было широко распространено мнение, что он произошел в период высокой экономической конъюнктуры в первой половине 70-х годов XIX столетия. Об этом свидетельствовал растущий объем импорта сырья; кроме того, в эти годы все более серьезную роль в развитии промышленности стали играть частные банки и вновь созданные акционерные общества, что в первую очередь произошло по инициативе легендарного директора «Частного банка» (Privatbanken) К.Ф. Титгена. Существовали и другие аргументы, и в дальнейшем возобладала точка зрения исследователей, утверждавших, что промышленный переворот произошел в 50-х и 90-х годах, однако наиболее приемлемым представляется рассматривать три вышеуказанных периода как три высшие точки поступательного развития процесса индустриализации с 1840 по 1914 г. В этой связи достоин упоминания тот факт, что если паровую энергию в Дании стали использовать относительно поздно, то газовые, электрические и бензиновые моторы нашли применение в стране гораздо быстрее.

В целом доля кустарей-ремесленников среди занятых во вторичном секторе продолжала оставаться высокой. Разумеется, во времена, когда требовалось обеспечить жильем увеличившееся в 5 раз городское население и осуществлялось строительство многочисленных объектов как в городе, так и на селе, количество занятых ремеслом в строительной сфере значительно увеличилось. Ремесленничество же в других отраслях сократилось по причине жесткой конкуренции со стороны производимых на индустриальной основе товаров или вследствие появления на рынке труда более дешевой рабочей силы в лице неквалифицированных рабочих, зачастую женского пола. Совсем исчезла группа кустарей из числа ткачей и корзинщиков, резко сократилось количество столь многочисленных до той поры портных, а, к примеру, сапожных дел мастера вынуждены были перестроить свою деятельность и ограничиться ремонтом обуви фабричного производства. Наряду с этим наметилось и появление таких новых профессий, как электрики и мастера по ремонту велосипедов.

Наибольшую выгоду либерализация экономики принесла

кредитоспособным городским промышленникам и торговцам. Многие крупные коммерсанты зарабатывали целые состояния, пользуясь плодами увеличения внутреннего и внешнего торгового оборота. Одновременно они активно включались в промышленную жизнь либо напрямую в качестве фабрикантов, производящих всевозможную продукцию, либо в качестве акционеров банков, железнодорожных и паровозных компаний и образовавшихся в результате слияния нескольких предприятий крупных обществ, таких, как «Датские спиртовые заводы». Представители другой группы экономических «тяжеловесов» страны — помещики таким же образом размещали свои свободные капиталы, нажитые, в частности, за счет процентов или выплат в погашение ипотечной задолженности за проданные ими хутора, ранее сдававшиеся в аренду.

Наряду с образованием этой группы крупных капиталистов процесс модернизации в большой степени характеризовался и появлением новой элиты в лице руководителей предприятий. Это были люди, не имевшие — по крайней мере в начале карьеры — собственного состояния, но которые в силу личных способностей и уровня образования занимали ответственные посты в руководстве крупными предприятиями и/или финансовыми институтами. Крупнейший датский финансист и промышленник К.Ф. Титген наиболее яркий пример такого эксперта в финансовой сфере. Да и специалисты в технических областях знания, такие, как получивший прекрасное инженерное образование Александр Фосс, сумели достигнуть самых высоких вершин. Важнее перечисления этих почитаемых имен, однако, констатация того факта, что образование и знания во все большей мере открывали пути к ответственным постам как на государственной службе, так и в частном секторе.

Но и для того чтобы занять и не столь значительные должности, обычного профессионально-технического обучения у мастера было уже недостаточно. Наряду с государственными школами во все большем количестве появлялись частные реальные училища. Принятый же в 1903 г. закон об общеобразовательных школах и гимназиях заложил основу создания стройной и органичной системы среднего образования, включавшей неполную и полную среднюю школы и даже гимназические классы. Разумеется, в описываемый период лишь очень немногие имели возможность пройти весь этот путь до конца, но, точно

так же как на селе появились «народные университеты» и сельскохозяйственные школы, так и в городах в 90-х годах по инициативе организаций промышленников и предпринимателей началось повсеместное создание профессионально-технических и коммерческих училищ, а рабочее движение в то же время занялось организацией вечернего обучения.

Самые высокие темпы роста занятости в описываемый период наблюдались в сфере торговли и сбыта, но не за счет числа владельцев и руководителей. Конечно, количество занятых на их фирмах значительно увеличилось, но в среднем по отрасли в 1911 г. число работающих на каждом предприятии едва превышало единицу. Дело в том, что наибольший процент роста занятости обеспечивало появление тысяч и тысяч небольших магазинов в бурно развивавшихся городах, и они по большей части представляли собой единоличные предприятия. У тех, кто не имел постоянной работы, перспективы выживания были весьма туманны, а годовая текучесть кадров в секторе розничной торговли находилась на очень высоком уровне.

Согласно правилам статистики, работники железнодорожного транспорта и т. п. в таблице на с. 347 включены в графу «Нематериальное производство», хотя логичнее было бы отнести их, как и водителей и кучеров, к сфере обслуживания. Представители данной социальной группы проживали по всей стране, в то время как основная часть государственных служащих и представителей свободных профессий имела постоянное местожительство в городах, и в первую очередь в Копенгагене. В местах расположения органов центральной администрации, судов, образовательных и военных учреждений государственные чиновники и полицейские, работники системы судопроизводства, школьные учителя, преподаватели и студенты высших учебных заведений, а также армейские и флотские офицеры, унтер-офицеры и нижние чины составляли большую часть населения. Эти же центры притягивали значительное количество представителей свободных профессий, таких, как врачи, адвокаты, литераторы, художественная интеллигенция.

Социальный вопрос

С вступлением в 1862 г. в силу закона о свободе предпринимательства цеховые структуры утратили свою силу, хотя большинство их продолжали существовать в качестве своего рода профессиональных объединений, многие из которых оказывали некоторые виды социального вспомоществования, такие, к примеру, как по случаю болезни или по старости. Членство в таких объединениях, однако, перестало быть обязательным, и многие поэтому предпочитали экономить на членских взносах. Отдельные цеховые организации подмастерьев также пытались наладить коллективную защиту своих членов в отношении условий труда, однако заметных результатов в этом деле добивались нечасто. В атмосфере либерализма, характерной для 60-х годов XIX столетия, представителям многих профессий не удалось удержать реальную заработную плату на прежнем уровне, в том числе и по причине появления на рынке труда деревенских переселенцев.

Это привело к существенному обнищанию рабочего класса, что явилось предметом озабоченности также и большей части буржуазии, поскольку процесс затронул не только нерадивых членов общества и асоциальных личностей. Многие трудоспособные и трудолюбивые работники находились в такой близости к нижней черте выживания, что не имели никакой возможности за счет собственных средств содержать себя и семью даже в кратковременные периоды безработицы или болезни.

Для граждан, озабоченных перспективами социального развития страны, речь шла о том, чтобы вытащить таких «несправедливо обездоленных» бедняков из болота государственной системы вспомоществования по бедности, оказывавшей на них расхолаживающее воздействие. Так, по мнению члена фолькетинга от национал-либералов, директора школы Римстада, основавшего «Рабочий союз 1860 года», просветительская деятельность должна была способствовать удовлетворению потребностей рабочих в обход помощи со стороны государства. Его организация устраивала чтения научно-популярных докладов и создала великолепную библиотеку.

Лидеры движения взаимопомощи, которое под руководством таких деятелей, как пастор Соне, в 60-х и 70-х годах переживало период расцвета, признавали, что решение социальных вопросов возможно лишь на основе улучшения экономической ситуации. Правда, настоящие либералы не принимали идею прямой материальной помощи

неимушм, но в ней, собственно, и не было необходимости. Ибо английские ткачи, создав в Рочдейле свое потребительское общество, изобрели чудодейственное лекарство. Тем, кто покупал товары первой необходимости в собственном магазине потребкооперации по обычным ценам, раз в год начислялись дивиденды; это была та часть прибыли, которая в любом другом случае оседала бы в кармане торговца-капиталиста. Точно так же члены жилищных кооперативов, выплачивавшие квартплату в общепринятом размере, доля которой в других случаях отчислялась бы владельцам частного жилищного сектора, имели возможность встретить старость, будучи не обремененными долгами.

Суть дела, таким образом, заключалась в отказе от непосредственного перераспределения прибыли в виде торговых скидок или сниженных цен. Продажа товаров и услуг происходила по рыночным ценам, обеспечивавшим членам этих обществ возможность, не терпя каких-либо дополнительных лишений в повседневной жизни, осуществлять в течение целого ряда лет накопления, размер которых достаточно велик, чтобы возместить потерю дохода при наступлении старости или болезни.

Многие местные общества такого рода действительно добились хороших результатов для своих членов. Однако прекраснoдушная мечта о возможности решить все социальные проблемы, превращая рабочих страны в ответственных, осознающих необходимость взаимной помощи пайщиков потребительских кооперативных обществ, разбилась о жесткие факты общественно-экономического характера. Они были освещены, в частности, в статистическом исследовании Т. Сёренсена, проводившемся примерно в 1880 г. и посвященном проблемам уровня жизни населения. Даже при условии полной занятости в течение года ни в городе, ни на селе семья простого неквалифицированного рабочего не могла отчислять более 2 — 3% заработной платы на возмещение потери доходов по наступлении старости или другого длительного периода нетрудоспособности; 70 — 75% дохода уходило на питание, а еще 15% — на жилье и отопление. С учетом общего роста реальной заработной платы в течение описываемого периода доля расходов населения на питание, особенно в городах, разумеется, резко уменьшилась, однако еще в 1909 г. многие сельскохозяйственные рабочие тратили на еду более 60% своих доходов. По этой причине даже самые убежденные

либералы вынуждены были принять идею о «помощи организациям взаимопомощи» в качестве основополагающего принципа социальных законов о больничных кассах (1892) и о кассах по выплате пособий по безработице (1907). Тем самым государство стало оказывать материальную поддержку тем неимущим гражданам, которые регулярно осуществляли взносы в фонды социального страхования.

В то же время проблему обеспечения старости решить на страховой основе не удалось. Поэтому в ходе работы над пересмотром закона о бедности в 1891 г. В специально принятом законе устанавливалось право всех граждан старше 60 лет на государственное пособие по старости. Правда, с тем условием, что получатель его не был осужден за совершение недостойных деяний или не получал пособия по бедности в течение десяти последних лет и что необходимость в нем имеет под собой объективные основания. Размер пособия определялся местными властями, а половину этой суммы возмещало государство. Несмотря на ряд оговорок и то, что коммунальные власти в целях экономии средств занижали размер пособий, речь идет о весьма примечательном для того времени законе, ибо Дания стала первой в мире страной, закрепившей за всеми своими гражданами принципиальное право на государственное пенсионное обеспечение по старости без ущемления в части гражданских прав.

Между тем выплата пособий по бедности, согласно принятому тогда же закону, по-прежнему основывалась на утрате получателями ряда гражданских прав (правда, на пособия на медицинское обслуживание и вспомоществование различным категориям инвалидов это правило не распространялось). Цель оставалась прежней: создать для получающих государственное пособие по бедности неблагоприятные социальные условия, чтобы их круг ограничивался лишь явно деклассированными элементами. Тем же достойным, но нуждающимся членам общества, то есть тем, кто оказался в тяжелом положении не по собственной вине, оставалось надеяться на помощь со стороны различных частных филантропических организаций или так называемых независимых касс вспомоществования бедным. Начиная с 1856 г. последние оперировали, с одной стороны, средствами, поступавшими за счет частных пожертвований, а с другой (и во все возрастающем объеме) — средствами, предоставлявшимися местными органами самоуправления. Впрочем, этих средств было далеко не

достаточно для обеспечения всех нуждающихся. В 1907 г. эти кассы преобразовались в чисто государственные кассы вспомоществования, правление которых избирал весь электорат муниципалитета.

Социалистическое рабочее движение

Благодаря процессу либерализации в сфере предпринимательства в 1862 г. «независимые (от цехов) наемные работники» лишились дотоле весьма эффективных средств координации своих действий в борьбе за повышение заработной платы и улучшение условий труда. Причем это произошло в период расцвета либерализма, когда традиционное кустарное производство уступило место производству индустриальному, а функции подмастерьев во многих отраслях перешли к фабрично-заводским рабочим. При этом работодатели нового типа стремились прежде всего снизить издержки на оплату труда своих работников до минимально возможного уровня. В Англии и других европейских странах — пионерах индустриализации еще на ранней ее стадии рабочие стали объединяться в профессиональные или политические союзы, действовавшие нередко на основе социалистических или других радикальных идей. Благодаря распространению соответствующей литературы, а также знакомству с этими идеями датских подмастерьев, традиционно отправлявшихся на заработки за границу, они проникли и в отечественные пределы. В этой связи можно отметить, что и до 1870 г. в Дании предпринимались — пусть немногочисленные и робкие — попытки создания организаций социалистического толка. Однако с этого момента наметился все более возрастающий приток датских рабочих во вновь создаваемые организации, действовавшие на основе социалистических программных установок, то есть выдвигавшие четкие требования о проведении по сути своей радикальных (революционных) преобразований капиталистического общества.

Участники первомайской демонстрации вступают на Старую площадь с улицы Норрегада, Копенгаген, 1908 г. (Фото: Архив и Библиотека Рабочего движения) Международное Товарищество Рабочих Карла Маркса, как и его датское отделение во главе с Луисом Пио, прекратили свою деятельность в первой половине 70-х годов XIX в., однако полностью исчезли только в 1889 г., когда социалистские партии и профсоюзы всего мира создали в Париже II Интернационал. На конгрессе было принято решение о том, чтобы объявить 1 мая общим днем борьбы рабочего движения за введение 8-часового рабочего дня. В то время, когда рабочий день в 12—14 часов был скорее нормой, чем исключением, это требование звучало очень радикально. Основная форма действий — всеобщая однодневная забастовка — во многих городах приводила к кровавым столкновениям с полицией и войсками. Этого удалось избежать в Дании, где день борьбы стал

праздничным днем, когда люди сообща демонстрировали свою многочисленность и силу как сторонникам, так и противникам. Однако только в 1919 г. удалось добиться выполнения лозунгов, написанных на транспарантах: 8 часов для сна, 8 часов для работы и 8 часов свободного времени.

Этим новое социалистическое движение отличалось от существовавших в то время рабочих объединений, действовавших под буржуазным влиянием. Оно не ограничивалось вопросами улучшения положения рабочих в рамках установленного порядка, а действовало на основе глубоко обоснованных выводов, сделанных Карлом Марксом в ходе анализа несправедливостей капиталистического общества, его убедительного учения о тенденциях социального развития и недвусмысленного призыва к разработке политической программы действий. Труд объявлялся источником всего богатства, а рабочее движение наделялось правом предъявлять свои требования. «То, чего мы требуем» — под таким смелым подзаголовком летом 1871 г. появился второй номер выходившей под руководством Пио знаменитой газеты «Социалистические листки».

Именно Луи Пио, человеку незаурядного ума и яркого красноречия, удалось выработать жизнеспособную форму для рабочего движения в Дании. Организовав Датскую секцию I Интернационала, он, по существу, создал социалистическую партию, в структуру которой входили образованные по профессиональному признаку отделения, что давало ей возможность выступать и в защиту профессиональных интересов трудящихся. Несмотря на то что деятельность организации подверглась ожесточенной критике в буржуазной прессе и стала предметом особо тщательного внимания полиции, в течение полугода ее членами стали от 4 до 5 тыс. копенгагенцев и еще от 2 до 2,5 тыс. жителей других крупных городов. В мае 1872 г. власти перешли от слов к делу и арестовали Пио, а также соруководителей секции — Брикса и Гелеффа, причем год спустя все трое были приговорены к длительным срокам тюремного заключения, а деятельность секции подверглась запрету.

Полного краха движения, тем не менее, не произошло. На волне благоприятной экономической конъюнктуры в последующие годы удалось преобразовать профессиональные отделения секции в

собственно профсоюзные объединения, которые в сотрудничестве с «демократическими рабочими союзами» продолжили развивать социалистическое движение, используя в качестве своего рупора газету «Социал-демократ». Летом 1875 г. трое руководителей секции были помилованы, а еще годом позже развитие событий завершилось созданием Социал-демократической рабочей партии с принятием программы и устава.

В первые годы своего существования молодое профсоюзное движение, организуя массовые забастовки и переговоры с работодателями, добилось заметного повышения уровня заработной платы для своих членов. Однако в период мирового экономического кризиса, который серьезно повлиял на уровень занятости в Дании в конце 1876 г., оно оказалось не в состоянии сохранить уровень заработной платы и численность организации. В последующие годы профсоюзное движение находилось на грани полного исчезновения, но ему удалось удержать свои позиции именно в Копенгагене и Орхусе. С формальной точки зрения в 1878 г. с созданием чисто политической организации «Социал-демократический союз» произошло разделение функций между партией и профсоюзным движением, однако на деле они по-прежнему тесно сотрудничали и координировали свою деятельность. При этом датские профсоюзы, сумев в начале 80-х годов вернуть утраченные было позиции, в последующие десятилетия стали одним из самых представительных объединений в мировом рабочем движении. На местном уровне работу координировали объединенные комитеты, а на общенациональном — создавались профессиональные союзы, которые оказались весьма эффективными в борьбе за повышение заработной платы. Это и явилось основной причиной такого высокого процента членства в профсоюзах среди датских рабочих, в том числе и неквалифицированных.

Развитие событий увенчалось созданием в 1898 г. «Объединенных профессиональных союзов» (ныне Центральное объединение профсоюзов Дании), которое год спустя получило боевое крещение во время стодневного противостояния с только что учрежденным «Датским союзом работодателей и мастеров». Этот конфликт общенационального масштаба закончился заключением «сентябрьского соглашения», определившего основы взаимоотношений между рабочими и работодателями. В дополнение к соглашению в 1910 г. был

учрежден Трудовой арбитраж. Эти основы и Трудовой арбитраж действуют в Дании и поныне.

Организация экономической жизни

В начальный период либерализации экономики, то есть в 50-х годах XIX в., предприниматели действовали разрозненно, и только ближе к концу столетия стало налаживаться организованное сотрудничество. После вступления в 1862 г. в силу закона о свободе предпринимательства цеховые организации мастеров, как, впрочем, и подмастерьев, не смогли стать собственно корпоративными союзами. Они продолжали действовать на социально-профессиональной основе. В небольших городах они, как правило, входили в состав единого «Объединения ремесленников». Среди их задач, выходящих за рамки защиты интересов своих членов, необходимо назвать создание технических училищ. В 1879 г. было организовано «Вседатское представительство ремесла и промышленности» («Совет ремесленников»), которое, несмотря на не слишком впечатляющие результаты в начале своей деятельности, впоследствии превратилось в весьма эффективную организацию предпринимателей. Изначально она сотрудничала с «Копенгагенским промышленным союзом», который, напротив, продолжил существование в роли социально-просветительского общества мастеров-ремесленников, планы которых в отношении превращения Дании в индустриальную державу ограничивались лишь развитием легкой промышленности. И только в 1910 г. в результате окончательного разрыва между «легковесами» и «тяжеловесами» крупные промышленники — создали сильную корпоративную организацию «Промышленный совет».

Практически по аналогии с развитием в промышленном секторе в 1883 г. было образовано «Вседатское представительство торгового сословия», включившее в себя те торговые организации, которые в 60-х годах XIX в. на местном уровне пришли на смену прежним цехам торговцев. Крупные же коммерсанты, напротив, сохранили свое весьма влиятельное объединение — «Общество оптовиков», основанное еще в 1742 г.

На селе многие аграрные общества еще в 60-х годах находились

под влиянием входивших в них помещиков, однако по мере укрепления крестьянского движения, место этих обществ заняли прошедшие реорганизацию прежние и вновь созданные объединения работников сельского хозяйства. В 1893 г. в качестве центральной организации, представлявшей основную часть датских фермеров, были созданы «Объединенные датские союзы аграриев». Хусманы же стали создавать свои организации только в 90-х годах, зато централизация их движения завершилась уже в 1910 г. учреждением «Объединенных датских союзов хусманов».

И наконец, необходимо отметить организации собственно работодателей, которые на первых порах выполняли скорее защитные функции в борьбе против решительных и скоординированных действий профсоюзного движения. В 1875 г. создали свои объединения владельцы типографий и табачных фабрик, а в 1885 г. на свет появился проводивший весьма агрессивную политику «Союз фабрикантов в машиностроении». Наравне с этим в провинции происходил процесс преобразования многих прежних цеховых организаций и новых объединений работников разных профессий в настоящие союзы предпринимателей. В начале 1896 г. они вступили во вновь образованный «Союз датских работодателей», два года спустя переименованный в «Союз датских работодателей и мастеров», который в 1899 г. после длительного локаута и заключил «сентябрьское соглашение» с «Объединенными профсоюзами».

Глава 19

Политическое развитие в 1864-1914 годах

Редакция Основного закона от 28 июля 1866 г.

После заключения Венского мира в Дании, которая понесла территориальные потери, оказалось целых две действующие конституции. Ноябрьская — роковая для королевства и герцогства Шлезвиг, определявшая общие для обеих частей государства принципы в сфере внешней, оборонной и финансовой политики, и июньская, действие которой распространялось на внутренние дела собственно Дании. С утратой Шлезвига общая Конституция 1863 г. лишилась, разумеется, всякого смысла, однако по вопросу об отмене ее и о сохранении в действии лишь Основного закона 1849 г., на чем настаивали демократические левые, возникли серьезные разногласия.

Как только поражение в войне стало свершившимся фактом, Кристиан IX отправил кабинет Монрада в отставку. При этом и королю, и его новому консервативному правительству, состоявшему из одних чиновников, нужна была конституция, основанная по меньшей мере на таких же сильных консервативных положениях, которые определяли позиции ландстинга в ригсроде согласно постановлениям ноябрьской Конституции. Подавляющее большинство национал-либералов также выступали за то, чтобы верхняя палата была в большей степени защищена от влияния широких масс избирателей, нежели это предполагали принципы пассивного избирательного права по выборам в ландстинг, заложенные в июньском Основном законе. Поэтому новые конституционные предложения сперва рассматривались в ландстинге, занимающем привилегированное положение в ригсроде и ставшем благодаря этому главной ареной развернувшейся в дальнейшем борьбы за власть.

Национал-либералы, несшие основную ответственность за катастрофу 1864 г., утратили политическое влияние, но тем не менее по-прежнему имели хотя и шаткое, но все же большинство в обеих палатах

ригсрода и в ландстинге (существовавшем в стране по июньской Конституции). Поэтому они оказались в состоянии заблокировать принятие наиболее реакционных из первоначальных предложений правительства, а в сотрудничестве с ним — отклонить требования «Венстре» о возвращении к порядкам 1849 г., предполагавшим избрание ландстинга на демократической основе. Однако они не смогли выдвинуть собственных альтернативных предложений, приемлемых для всех сторон.

Тем временем разрешить острый конституционный кризис удалось небольшой группе новых действующих лиц на политической сцене, так называемых помещиков-националистов, причем в роли главного режиссера выступил будущий премьер-министр Эstrup. Правда, предложенная ими платформа разрешения кризиса несколькими годами позже вызвала длившуюся в течение многих десятилетий конституционную борьбу. После того как левые (партия «Венстре») бескомпромиссно отвергли правительственные и прочие предложения, помещики пошли на контакт с той частью «Венстре», которую возглавлял Й.А. Хансен, что и обеспечило достаточное большинство в момент принятия нового «пересмотренного Основного закона». Большинство было, впрочем, весьма незначительным, поскольку ни националисты (грундтвигианцы), ни левые во главе с Чернингом и Винтером законопроект не поддержали.

В результате Дания получила Основной закон, текст которого по большей части почти дословно повторял положения июньской Конституции, включая статьи о праве голосовать и быть избранным в фолькетинг. В то же время он устанавливал такие правила выборов в ландстинг, которые гарантировали привилегированным слоям датского общества надежную защиту от любых мыслимых посягательств со стороны небогатых избирателей. Из шестидесяти шести членов ландстинга двенадцать пожизненно назначались королем, семеро избирались в Копенгагене, сорок пять — в крупных избирательных округах как городских, так и сельских, а еще по одному — на Борнхольме и Фарерских островах. В основу же скрупулезно расписанных правил было положено косвенное голосование посредством выборщиков. Все граждане, пользовавшиеся правом избирать членов фолькетинга, избирали также и половину выборщиков, судьба же другой половины находилась в руках выплачивавших

наиболее высокие налоги горожан. Жители сельских местностей, имевшие право избирать членов нижней палаты, избирали в каждом из примерно тысячи приходских округов одного выборщика, к ним добавлялась такое же количество граждан, выплачивавших наиболее высокие налоги в государственную казну и казну амтов. Таким образом, тысяча богатейших людей страны получала непосредственно 50% голосов на выборах 46 из 54 депутатов и одновременно выбирала остальных выборщиков.

Так помещики-националисты взяли реванш за поражение в конституционной борьбе 1849 г., обеспечив крупнейшим земельным магнатам и владельцам недвижимости надежный канал решающего влияния на ландстинг и, как окажется впоследствии, на правительство, поскольку в Основном законе прямо ничего не говорилось о разделе компетенции между фолькетингом и ландстингом. Впрочем, не было создано и надежного механизма разрешения конфликтов между нижней и верхней палатами.

О том, что подвигло Й.А. Хансена проголосовать за Основной закон в такой редакции, высказывалось немало догадок. Наиболее щадящее для его репутации объяснение состояло, по-видимому, в том, что он действительно верил в слова песни, прозвучавшей на большом совместном собрании помещиков и крестьян 10 октября 1865 года.

Так осушим бокал за всех датчан подряд,
За процветающих и самых неимущих,
Когда меж них наступит вечный лад,
Для Дании настанут времена получше^[49].

Однако ни праздничные настроения, ни «Октябрьский союз», названный так, поскольку образовался в день вышеупомянутого торжества, долго не просуществовали. После принятия Основного закона помещики довольно скоро утратили интерес к Хансену. Тем не менее именно при его поддержке они оттеснили национал-либералов на задний план, получив гарантии защиты от «посягательств вырядившегося в рабочие блузы абсолютизма», чего, собственно, и добивались. Однако сделали они это, сформировав такой ландстинг, влиять решающим образом на деятельность которого городские избиратели не имели никакой возможности. Лишены были такой

возможности и сами крестьяне — не говоря уже о влиянии на правительственном уровне. Ибо, по выражению министра внутренних дел Эструпа, «Дания в определенной степени зависит от уважительного и благосклонного отношения к ней Европы, и если мы, создав левое правительство, потеряем такое отношение, трудно будет сказать, сколь долго мы еще просуществоваем».

Период реформ, правительство Фрийса

С 1865 по 1870 г. в Дании, которая понесла территориальные потери, происходил процесс адаптации к новой действительности. Возглавлял правительство в это время крупнейший помещик, ландграф К.Э. Фрийс. В момент его вступления в должность премьер-министра вопрос о ревизии Основного закона в общем и целом был уже решен. Относительно другой важной задачи, стоявшей перед правительством, — реформы армии — в стране к 1867 г. довольно широкие круги в целом пришли к согласию, хотя король был далеко не удовлетворен предложенным проектом. Закон предусматривал создание мобильных военных сил в количестве 60 тыс. человек, способных выступить совместно с войсками какой-либо крупной союзной державы. Реформа проводилась для того, чтобы создать армию, способную вступить при удобном случае в войну с Германией для достижения полного или частичного возвращения Шлезвига. И такой случай действительно представился летом 1870 г., когда разразилась франко-прусская война, в которой Германия, правда, продемонстрировала свое подавляющее превосходство еще до того, как Дания успела броситься в новую дорогостоящую военную авантюру. После полной победы немцев в 1871 г. военная доктрина Дании уже никогда не предусматривала создание наступательного потенциала, ограничиваясь лишь чисто оборонительными целями.

Поиски более приемлемого решения «шлезвигского вопроса» также были одним из основных приоритетов правительства. Поскольку напряженность в отношениях между Пруссией и Австрией постоянно росла, считалось возможным добиться путем переговоров возвращения в лоно Дании 200 тыс. продатски настроенных южноютландцев. В результате поражения Австрии в 1866 г. права на оба герцогства

перешли к Пруссии, которая, правда, признала положения пятой статьи Пражского мирного договора, согласно которой «северные районы Шлезвига должны перейти к Дании, если население этих районов выскажется за это путем свободного волеизъявления на референдуме». Однако продолжавшиеся несколько лет переговоры со всей ясностью показали, что пруссаки ни при каких обстоятельствах не уступят Фленсбург, Альс и Сунневед. Кроме того, они пытались оговорить для себя столь широкие права вмешательства во внутренние дела областей, которые могли быть возвращены Дании, что такое положение дел постоянно таило в себе угрозу датскому суверенитету над ними. А поскольку одновременно Бисмарк заявил, что правом, предусмотренным пятой статьей, обладает лишь Австрия (которая, впрочем, 12 лет спустя согласилась отменить ее действие), официальные датские представители прервали переговоры. Следует, однако, отметить, что датское движение в Северном Шлезвиге, напротив, сохранило положения пятой статьи в качестве моральной основы борьбы за свои права вплоть до воссоединения с Данией в 1920 г.

Среди наиважнейших достижений правительства необходимо выделить проводившуюся Эструпом, не следовавшим слепо доктринам либерализма, дальновидную политику вложения государственных средств в транспортную инфраструктуру. Это имело колоссальное значение для развития экономики в последующие десятилетия. Строительство порта в Эсбьерге закончилось в 1868 г. Завершилась и прокладка основных линий железных дорог в Ютландии, которые вместе с фюнскими линиями перешли в собственность государства. Расширялась железнодорожная сеть и на Зеландии.

О законодательных инициативах Эструпа в отношении местного самоуправления поговорим позднее. А пока следует констатировать, что политический климат в первые годы после принятия Основного закона в новой редакции был достаточно умеренным. И тем не менее в конце 1868 г., когда на повестке дня вновь оказался вопрос о принудительном отчуждении еще остававшихся в аренде хозяйств фестеров, произошел окончательный разрыв между мелкими и крупными землевладельцами. Фрийс подал в отставку, после того как сделал все возможное, для того чтобы потерпеть поражение при голосовании по весьма банальному вопросу. Таким образом, он сам способствовал тому, что проблема

парламентаризма — то есть возможности или невозможности продолжения деятельности правительства в случае объявления ему вотума недоверия в нижней палате парламента — во всей полноте заявила о себе именно в этот момент.

Выборы в фолькетинг

Единственное изменение, касающееся фолькетинга в пересмотренном Основном законе, заключалось в том, что в нижнюю палату по новым правилам предполагалось избрание одного представителя не от 14 тыс. жителей, как это было зафиксировано в Конституции 1849 г., а от 16 тысяч. Выборы проходили по мажоритарной системе в одномандатных округах согласно положениям специального избирательного закона. Поэтому в соответствии с численностью населения в 60-х годах XIX в. был создан 101 избирательный округ (и еще один на Фарерских островах). Из них — десять столичных и двадцать сугубо сельских, в основном же в избирательные округа включались города с прилегающими сельскими районами. Это означало, что в подавляющем большинстве округов сельских избирателей насчитывалось больше, чем городских.

В процессе урбанизации эта диспропорция в численности избирателей стала ощущаться еще более остро, и в 1894 г., согласно достигнутому компромиссу, было дополнительно образовано 12 округов, в основном в крупных городах. В дальнейшем же только в 1915 г. в связи с принятием новой Конституции партия «Венстре» согласилась пойти на изменение выгодной для нее системы. На выборах 1901 г., например, она позволила Левой партии реформ при поданных за нее 45% общего числа голосов получить 66% парламентских мандатов, в то время как партии «Хойре» (правые), набравшей 25% голосов, досталось всего лишь 7% мест в парламенте.

К этому моменту благодаря долговременной конституционной борьбе практически во всех округах выборы характеризовались высокой активностью избирателей и острой конкуренцией среди кандидатов, в то время как в 60-х и 70-х годах наблюдалась иная ситуация. Во многих округах победителем объявлялся тот кандидат, в поддержку которого во время проводившегося в начале процедуры выборов предварительного

голосования выступило, по мнению членов избирательной комиссии, большинство присутствующих избирателей, голосовавших поднятием руки. Подобное происходило на удивление часто, с той, правда, оговоркой, что другие кандидаты (если они имелись) не требовали проведения голосования по всем правилам. В противном случае все присутствующие избиратели должны были один за другим сообщить секретарю комиссии, за какого кандидата они отдадут свой голос. Голосование так и проводилось в устной форме, и только в 1901 г. был введен принцип тайного голосования. Процедура выборов завершалась тогда, когда комиссия убеждалась, что на избирательном участке больше не оставалось непроголосовавших зарегистрированных избирателей.

До 80-х годов XIX в. лишь в редких случаях, когда речь шла о выборах на альтернативной основе, в них принимало участие более половины избирателей. До 1915 г. системы дополнительных мандатов не существовало, поэтому голоса, поданные за проигравших кандидатов, никак не учитывались. Таким образом, политические партии были лишены какого-либо стимула тратить время и силы на выдвижение не имевших шансов кандидатов. Потому и количество голосов, поданных за представителей тех или иных политических сил на выборах, состоявшихся до начала XX в., само по себе не может дать объективной картины влияния различных партий за пределами тех областей, где они имели свой постоянный электорат. В то же время существовавшие правила оставляли место для тактических маневров и создания избирательных блоков. Так, в 1884 г. столичные левые и социал-демократы поделили между собой копенгагенские округа и выдвинули в них общих кандидатов. В результате им удалось одержать победу в пяти из десяти округов, ранее являвшихся прочными бастионами партии «Хойре». Ту же модель они впоследствии использовали и в общенациональном плане вплоть до того, как пути этих двух партий не разошлись после смены системы в 1901 г. С 1905 г. социал-демократы стали блокироваться с Радикальной «Венстре».

Политические партии

В Конституции 1866 г. повторялось положение июньской

Конституции, согласно которому члены ригсдага в своей парламентской деятельности «руководствуются исключительно собственными убеждениями, а не какими бы то ни было наказами избирателей». В идеале законы страны должны были рождаться в ходе творческих и свободных дискуссий между «способными, образованными и богатыми людьми», как это в 1860 г. сформулировал Орла Леман. Узкие материальные классовые интересы должны оставаться за стенами парламента; по этой причине «Друзья крестьян» и подверглись столь жестокому осуждению, когда еще на выборах в Учредительное собрание предпочли «высококочтимым» гражданам своих собственных простонародных кандидатов.

Тем не менее о политических партиях в ригсдаге в действительности заговорили уже с самого начала его деятельности. Правда, в большинстве своем они представляли собой довольно рыхлые группы парламентариев, объединявшихся вокруг некоторых выдающихся личностей и не имевших в обществе никаких организаций поддержки, не говоря уже о собственно союзах избирателей. В то же время далеко не всем парламентариям первого поколения можно отыскать определенную политическую нишу. Социал-демократия стала первой «современной» партией, имеющей собственную программу, прессу и низовые организации. В 80-х годах партии «Хойре» и «Венстре» также приступили к созданию четкой организационной структуры, однако и та и другая столкнулись с серьезными проблемами при попытке подчинить ее партийному аппарату. А вот партия Радикальная «Венстре», напротив, была учреждена в 1905 г. в качестве современной политической партии.

Во времена действия июньской Конституции политический спектр можно было подразделить, условно говоря, на «правый фланг», представленный исповедовавшими идею единого государства чиновниками, помещиками и офицерами, «центр», включавший в себя преимущественно интеллигентов национал-либерального толка, молодых чиновников и либералов из числа предпринимателей, а также разделенный на три группы «левый фланг», к которому в первую очередь примыкали крестьяне и хусманы, коих зачастую объединяла принадлежность к местным страховым обществам и т.п.

В результате событий 1864 г. «центр» раскололся. Группа старых «ортодоксальных» национал-либералов во главе с К. Плоугом и А.Ф.

Кригером сдвинулась вправо, в то время как центристы, представленные в основном молодыми людьми, больше склонялись в сторону националистического крыла «Венстре». В 1870 г. национал-либералы вошли в собственно правительственную коалицию с помещиками, а в течение последующих лет их полностью поглотила партия «Хойре», консолидировавшая свои силы в противодействии Объединенной «Венстре», представлявшей интересы крестьян.

О создании Объединенной «Венстре» объявили 44 депутата фолькетинга, опубликовав летом 1870 г. после образования нового правительства общую программу. Новую партию организовали депутаты нижней палаты от партии «Венстре» во главе с Й.А. Хансеном, имевшие корни в «Обществе друзей крестьян» и использовавшие в качестве рупора еженедельник «Друг народа», и представители Националистической «Венстре», нашедшие сторонников в среде более зажиточного фюнского крестьянства. Их интересы выражала газета Софуса Хойсбро «Датские народные ведомости». К новому политическому образованию примыкала и антимилиитаристская Ютландская народная партия во главе с блестящим парламентарием Гертотом Винтером, печатным органом которой являлась газета Ларса Бьёрнбака «Ведомости Орхусского амта». Эта партия, правда, воздерживалась принять на себя обязательства по сотрудничеству, до тех пор пока в преддверии выборов в фолькетинг 1872 г. не была разработана более основательная партийная программа. Во вводной части ее объявлялось, что «народ имеет моральное право требовать выполнения июньской Конституции в полном объеме».

Й.П. Якобсен читает вслух роман «Чума в Бергамо» в объединении «Буквальность» в 1882 г.

Рисунок Эрика Хеннигсена, 1910 г. На переднем плане слева сидит критик Георг Брандес, который, прочитав в 1871 г. свои знаменитые лекции об основных течениях европейской литературы, стал духовным руководителем «современного перелома» в литературе, искусстве и науке. На рисунке можно увидеть ряд других лидеров культурно-радикальной борьбы за прогресс и свободу духа, в том числе писателей Софуса Шандорфа, Хольгера Дракманна и Эрика Скрамма, художников П.С. Крейера, Лаурица Туксена и Михаила Анкера, философа Харальда Хоффдинга и политиков Эдварда Брандеса и Херманна Триера.

Именно это требование в последующие сорок лет являлось самым прочным, а часто и единственным связующим звеном, объединявшим различные группы левых, хотя и на весьма хрупкой основе. У «Венстре» насчитывалось слишком много руководителей, и партия, как правило, оказывалась расколотой на две-три фракции, которым было очень нелегко выступать более или менее единым фронтом.

Требование демократизации выборов в ландстинг и наделения

избранного на демократической основе фолькетинга правом определять состав правительства стало платформой, на которой до 1894 г. основывалось сотрудничество между различными группировками. В течение 20 лет вплоть до своей смерти в 1891 г. Кристен Берг являлся самой яркой фигурой, вокруг которой концентрировались силы, противостоявшие партии «Хойре» и решительно отвергавшие введение принципа парламентаризма и выступавшей против придания фолькетингу преимущественного по отношению к ландстингу положения. Этому талантливому человеку и блестящему агитатору, выступавшему как на публичных собраниях, так и на страницах изданий своей газетной империи («пресса Берга»), удавалось привлекать избирателей на избирательные участки. Наиболее сильными позициями он обладал в Ютландии, однако его замешенные на грундтвигианских умонастроениях речи находили широкий отклик по всей стране. В то же время, заключив бывший ему не слишком по душе союз с «европейскими» левыми Вигго Хёрупа^[50] и Эдварда Брандеса (с 1884 г. использовавшими в качестве своего рупора ежедневную газету «Политикен»), Берг утратил влияние среди более умеренных левых политиков во главе с готовым идти на компромиссы Фреде Бойсеном, а со временем — и среди более радикально настроенных копенгагенских сторонников партии «Венстре».

Конституционная борьба

Если все фракции «Венстре» были едины в том, что целью их политики является установление порядка, при котором правительство назначается большинством фолькетинга, то в отношении выбора средств для достижения этой цели между ними с самого начала существовали разногласия. Формально аргументом в пользу преимущественного положения фолькетинга служило положение Конституции о том, что проект бюджета вначале вносится на рассмотрение именно нижней палаты. Это было (как полагали) эффективным, более того, грозным орудием в борьбе за возможность отправить кабинет в отставку, ибо Основной закон страны гласил: «Налоги могут взиматься только после принятия финансового закона. Не могут производиться расходы, не упомянутые в бюджете или в

законе о дополнительных ассигнованиях». В случае если парламент блокировал принятие бюджета, страной становилось просто-напросто невозможно управлять.

Первая попытка применить это оружие закончилась в 1873 г. назначением внеочередных выборов в фолькетинг, но желающих довести начатое дело до конца не нашлось, хотя правительство продолжало свою деятельность еще в течение полугода. Тем не менее в 1877 г., после того как всегда находившийся в боевой готовности Эструп в 1875 г. наконец-то согласился принять на себя руководство кабинетом, ситуация обострилась до предела. Во время обсуждения проекта бюджета левые настояли на включении в него нескольких довольно незначительных статей, и дело кончилось принятием двумя палатами бюджета в двух разных редакциях. В результате правительство распустило ригсдаг и приняло «временный (чрезвычайный) закон о бюджете», согласно которому правительство было уполномочено взимать в текущем порядке только те прямые и косвенные налоги и производить только те расходы, по которым принято решение обеими палатами.

Министр юстиции Неллеманн заранее отверг любые обвинения в нарушении Конституции. По его мнению, напротив, именно требование введения принципа парламентаризма, то есть права большинства нижней палаты назначать правительство, противоречило установленному Конституцией праву короля свободно назначать своих министров. Обе палаты являлись совершенно равноправными, а полномочия на издание временных законов распространялось также и на закон о государственном бюджете, который к тому же мог содержать и не принятые парламентом расходные статьи, если государь видел в этом необходимость.

Если осуществление подобного рода чрезвычайных мер вызвало гневное осуждение и даже обеспокоило более умеренные круги «Хойре», то партии «Венстре» не удалось сохранить общую платформу. Она раскололась на две основные группы — радикалов, объединившихся вокруг Берга и Хёрупа, и умеренных, среди которых оказались, в частности, Бойсен и Хойсбро. При этом умеренные впоследствии де-факто признали правомочность принятия временных законов.

Последующие годы отмечены тактической борьбой этих

группировок, пытавшихся позиционировать себя по отношению к правительству, друг к другу и избирателям, среди которых наиболее сильное влияние со временем завоевало радикальное крыло «Венстре». В начале 80-х годов Берг выработал «политику замораживания», согласно которой большинство фолькетинга последовательно приостанавливало прохождение представленных кабинетом проектов бюджета. Тем не менее и такие действия парламента (благодаря которым, кстати сказать, не использованные от налоговых поступлений средства оседали в государственной казне мертвым грузом) не заставили бескомпромиссного Эструпа дрогнуть. Столь же малый эффект в этом плане имели и политические успехи восстановившей свои позиции Социал-демократической партии, в том числе и ее победа на выборах в Копенгагене в 1884 г. Воспользовавшись ситуацией, когда вопрос о строительстве фортификационных сооружений вокруг столицы стал предметом живейших дискуссий в широких кругах, Эstrup фактически наделил свое правительство диктаторскими полномочиями. С 1885 по 1894 г. он правил страной на основе временных законов о государственном бюджете, которые в этот период содержали ко всему прочему и не санкционированные парламентом расходы, прежде всего на строительство столичных военных укреплений.

По-видимому, именно в 1885 г. современная Дания находилась ближе всего к революционному развитию событий. Создавались стрелковые общества, велась агитация в пользу неуплаты налогов, а правительство каждый раз отвечало «циркулярами по затыканию ртов», возбуждением судебного преследования, лишением ассигнований и чрезвычайными законами, в том числе о создании в рамках сухопутных войск жандармерии, призванной поддерживать общественный порядок, и о наказаниях за агитацию подстрекательского характера в прессе. Силы жандармерии были созданы в связи с неудавшимся покушением на Эструпа, случившимся осенью того же года. Покушение явилось спонтанной акцией одиночки, от которой немедленно отмежевались все руководители оппозиции. Но несмотря на брожение умов среди населения, противостояние не приняло формы организованной вооруженной борьбы, хотя имелись факты нанесения телесных повреждений «голубым мундирам» (жандармам), к примеру на рынке в Брэннерслеve и других местах. Тем не менее в период

«чрезвычайщины» возросли политическое самосознание и активность избирателей. Проводившаяся в тот период политика совершенно очевидно способствовала разрыву проявившего классовую солидарность кооперативного движения с находившейся под влиянием идей партии «Хойре» городской буржуазией, а сотрудничество партии «Венстре» и социал-демократов в борьбе за демократию и парламентаризм продолжалось гораздо дольше, нежели это диктовали их объективные классовые интересы.

Хотя призывы Эструп способствовали сбору множества подписей, поддерживавших политику военного строительства датчан, далеко не все представители «Хойре» являлись безоговорочными сторонниками жесткой линии на конфронтацию. Умеренные правые, такие как министр внутренних дел Й.К. Кристинсен, поддерживали контакты с руководимой Бойсеном фракцией Умеренной «Венстре», что в 1891 — 1892 гг. привело к согласию между ними в отношении закона о социальном обеспечении, а два года спустя, когда наконец-то удалось уговорить Эструпа подать в отставку, и по вопросу о бюджете. А суть проблемы состояла в том, что партия «Хойре» не имела никакой возможности влиять на политику правительства, поскольку в идеологическом плане поддерживала тезис о полной свободе короля в деле назначения своих министров.

Присоединение умеренных к соглашению по поводу закона о бюджете в 1894 г. вызвало гневную реакцию в рядах других группировок «Венстре». С одной стороны, этот шаг рассматривался как предательский, призванный легитимировать продолжавшееся десять лет незаконное строительство крепостей, а с другой — трудно было понять, каких, собственно, политических выгод он позволил добиться. Прежде чем сложить с себя полномочия премьера, Эструп выжидал несколько месяцев, а его преемник, хотя и являлся сторонником вышеупомянутого соглашения, так и не включил в состав кабинета ни одного представителя партии «Венстре». Уже при голосовании от соглашения отмежевались 15 из 40 членов группы Бойсена, в том числе Хойсбро и будущий министр юстиции Альберти. Год спустя они вошли в реорганизованную Партию реформ «Венстре», которая под руководством нового, деятельного лидера, школьного учителя из Западной Ютландии Й.К. Кристенсена, в том же, 1901 г. одержала внушительную победу на выборах в фолькетинг, завоевав целых 76

мандатов. Умеренные же получили всего лишь 16 мест в нижней палате, в то время как совершавшая в тот период постепенное восхождение к политическим высотам Социал-демократическая партия провела в нее 14 своих представителей. И наконец, партия «Хойре», в последний раз выступая на выборах в качестве правящей, ограничилась лишь восемью мандатами из ста тринадцати.

Смена системы в 1901 г.

Заклучив в 1894 г. вышеупомянутое соглашение, партия «Хойре» фактически лишила себя возможности продолжать управлять страной с помощью временных законов о бюджете, и впоследствии последние три руководителя кабинета министров из числа представителей правых вели безнадежную борьбу не только с двумя набравшими силу оппозиционными партиями, но и с углубляющимися противоречиями внутри собственной партии. Они находились под сильным давлением со стороны ультраконсервативного крыла, среди самых непримиримых представителей которого был Эструп. Но хуже то, что зашаталась столь прочные до этого позиции «Хойре» в ландстинге, поскольку группа «независимых консерваторов» в лице преимущественно молодых помещиков выразила готовность завершить конституционную борьбу на основе заключения взаимоприемлемого соглашения. Влиятельные промышленники, находившиеся вне парламентской сферы деятельности, тоже стремились к нормализации условий политической жизни. Так, директор «Восточно-азиатской компании» Х.Н. Андерсен, используя свои связи с молодыми представителями королевского дома, немало способствовал тому, чтобы престарелый Кристиан IX, придерживавшийся крайне консервативных взглядов, согласился с мыслью о необходимости смены системы.

Окончательно убедить в этом короля удалось лишь после сокрушительного поражения «Хойре» на парламентских выборах в 1901 г. Поэтому, когда королю предложили в качестве лидера правительства «Венстре» кандидатуру добропорядочного и ранее к политической деятельности не имевшего отношения профессора права и заместителя председателя правления «Восточноазиатской компании» Й.Х. Дойнцера, он отправил в отставку последний кабинет «Хойре» во главе

с Ганнибалом Сеестедом.

Формирование нового правительства проходило не без сложностей. Его реальным политическим лидером являлся Й.К. Кристенсен, сам занявший пост министра культов, а остальные министерские кресла распределялись с учетом влияния существовавших в партии группировок. На противоположных политических полюсах кабинета находились радикально настроенный редактор газеты «Политикен» Вигго Хёруп, министр транспорта и ярый противник социалистических идей, поверенный в делах Верховного суда и директор сберегательной кассы П.А. Альберти, занявший пост министра юстиции. В должности же министра сельского хозяйства, благодаря усилиям имевшего поддержку избирателей Зеландии Альберти, был утвержден его единомышленник из крестьян-горманов Оле Хансен, которого называли «первым крестьянином в королевском совете». Создание нового правительства приветствовали не только крупная Левая партия реформ, но и умеренные и социал-демократы.

Его приветствовали и все демократически мыслящие датчане. Длившаяся 30 лет ожесточенная борьба завершилась признанием за большинством фолькетинга права формировать правительство страны.

Развитие событий до начала первой мировой войны

На правящую партию возлагалась ответственность за выработку необходимых законов, а также создание условий для выполнения данных прежде обещаний. Но несмотря на то что правительство партии «Венстре» имело солидное большинство в фолькетинге, его возможности были далеко не безграничными. Каждый закон по-прежнему подлежал одобрению ландстинга, в котором, если обсуждались значимые для правых законопроекты, назначенный королем депутат Эstrup мог заручиться поддержкой примерно половины голосов депутатов. Поэтому продвижение крупных законодательных инициатив осуществлялось при условии предварительной договоренности с состоявшей из десяти членов верхней палаты группой «независимых консерваторов» во главе с Могенсом Фрийсом. (Это на несколько лет, вплоть до 1908 года, затянуло принятие закона о выборах в органы местного

самоуправления.)

Столь же важной являлась и организация действенной поддержки законопроектов со стороны партийной фракции в фолькетинге. Таковой правительство заручилось во время обсуждения налоговой реформы в 1903 г., в результате которой на смену прежним поземельным налогам в пользу государства пришли подоходный налог и налог на имущество, а также налог на недвижимую собственность. Эта реформа давно уже стала важным пунктом в программе партии «Венстре», которая не без оснований считала, что прежде доля государственных налогов, выплачиваемых жителями сельских районов, была несоразмерно высока. Однако как хусманы, так и горожане вскоре обнаружили, что зажиточные землевладельцы в данном случае позаботились в первую очередь о собственных интересах, поскольку налог на недвижимость наиболее тяжким бременем ложился на мелкие хозяйства, в которых здания и постройки составляли относительно большую часть стоимости.

Последнее стало камнем преткновения для набиравшего силу движения хусманов, тем не менее главной причиной внутривнутрипартийного раскола «Венстре» явился военный вопрос. В 1902 г. вновь образованная комиссия приступила к выработке военной доктрины, однако требование о снижении военных расходов, предварительно высказанное радикальным крылом партии, не было принято во внимание. В последующие годы разногласия в партии еще более углубились, поскольку военный министр неоднократно осуществлял не предусмотренные законом о госбюджете расходы, что в конце концов и стало поводом к отставке всего кабинета. Реорганизованное правительство в январе 1905 г. возглавил Й.К. Кристенсен, который занял также пост министра обороны, поскольку ему заранее удалось обеспечить поддержку программе, не предусматривавшей снижения расходов на военные нужды.

Восемь депутатов, и среди них юрист К.Т. Цале, голосовали против правительства, за что и были исключены из парламентской фракции. Впоследствии к ним присоединились еще семеро депутатов, и все вместе они образовали фракцию под названием «Венстре фолькетинга». В течение весны историк П. Мунк и ответственный секретарь редакции газеты «Политикен» Ове Роде подготовили проведение учредительного съезда Радикальной «Венстре». Антимилитаристская и социально-либеральная направленность ее программы привлекла в первую очередь

хусманов и интеллигенцию. Вышеупомянутые 15 парламентариев участия в съезде не приняли, но сразу же по его окончании вступили в новую партию, которая в течение короткого времени превратилась в политическую организацию, способную в блоке с социал-демократами изменить складывавшийся до тех пор в пользу Кристенсена баланс сил в фолькетинге.

Общие интересы этих двух оппозиционных партий находились в сфере социальной и военной политики. Кроме того, их объединяло негативное отношение к фигуре П.А. Альберти. Это имело основания как с политической точки зрения, поскольку тот протащил свой «палочный закон», предусматривавший введение телесных наказаний за совершение преступлений на сексуальной почве или за применение насилия, так и с точки зрения моральной, ибо стали вскрываться факты его нечистоплотной финансовой деятельности на директорских постах в «Сберегательной кассе крестьянского сословия» и в «Зеландском обществе экспортеров масла».

В конце концов Кристенсен вынужден был пожертвовать министром юстиции своего правительства, однако прежде успел выделить терпевшей бедствие сберегательной кассе государственную ссуду в размере 1,5 млн. крон. Поэтому, когда в сентябре 1908 г. Альберти сдался полиции, признавшись в мошенничестве и растрате на общую — по тем временам умопомрачительную — сумму в 9 млн. крон (которая, как выявило следствие, на самом деле составила 15 миллионов), разразился крупнейший скандал. Кабинет пал, а Кристенсену и министру внутренних дел Сигурду Бергу пришлось претерпеть тягостную процедуру разбирательства в особом суде (в нем судят только министров по представлению короля или фолькетинга). Альберти был осужден к восьми годам тюремного заключения.

Это дело породило раскол в рядах «Венстре» и послужило причиной развернувшейся борьбы за власть внутри партии между сторонниками Кристенсена и Нильса Неергора. Причем Умеренная «Венстре» во главе с Неергором к тому времени фактически слилась с Партией реформ «Венстре». С огромным трудом Неергору и пожилому Хольстайн-Ледреборгу, последовательно возглавлявшим кабинет в 1909 г., удалось добиться компромисса с оппозиционными силами по вопросу обороны. В результате построенные вокруг Копенгагена фортификационные сооружения получили право на существование

вплоть до 1922 г. Вскоре, получив вотум недоверие в парламенте, правительство ушло в отставку. Новый же — и первый в истории — кабинет радикалов возглавил К.Т. Цале, опиравшийся на парламентскую фракцию в количестве 20 депутатов и заручившийся поддержкой 24 социал-демократов, которые ни в 1909-м, ни в 1913 г. из принципиальных соображений не пожелали участвовать в правительстве из-за отсутствия у них самих парламентского большинства.

После разбирательств в особом суде в 1910 г. все фракции «Венстре» вновь объединились. Кристенсен был оправдан, но с существенными оговорками, поэтому он, все еще оставаясь ведущей фигурой в партии, уже не мог претендовать на пост премьера. По результатам выборов, состоявшихся в 1910 г., очередное правительство «Венстре», имевшее в фолькетинге поддержку ровно половины из 114 депутатов, возглавил учитель частной школы Клаус Бернтсен.

Основной задачей Бернтсена стало продолжение работы над новой конституцией, разработка которой началась при правительстве радикалов. Наибольшие разногласия как внутри самой «Венстре», так и между нею и независимыми консерваторами и «Хойре» вызвали проблемы системы выборов в фолькетинг и демократизация закона о выборах в ландстинг. В то же время выдвинутые Бернтсеном в заключительной фазе дебатов предложения в большой степени были приемлемы и для социал-демократов, и для радикалов. Однако ему не удалось провести эти предложения в верхней палате, и поэтому новый Основной закон был принят только во время правления нового кабинета радикалов во главе с Цале, который приступил к выполнению своих обязанностей после выборов 1913 г. Конституция распространила активное избирательное право на лиц женского пола, ввела институт дополнительных мандатов и многие другие положения, укреплявшие демократические основы государства.

Выборы 1913 г., помимо всего прочего наглядно доказали несправедливость прежней избирательной системы. Так, партия «Венстре» провела в парламент 44 депутата, получив на выборах 106 тыс. голосов, в то время как социал-демократы, за которых проголосовали 107 тыс. избирателей, получили 32 места. Партия радикалов, набравшая всего 68 тыс. голосов, получила 31 мандат, а партия «Хойре», которую поддержали 81 тыс. избирателей, провела в

парламент всего лишь семерых кандидатов.

Местное самоуправление

В Конституции 1849 г. и ее редакции 1866 г. провозглашалось: «Право муниципальных (коммунальных) органов власти самостоятельно, но под надзором государства решать вопросы, подлежащие их компетенции, будет урегулировано отдельным законом». Соответствующий закон в отношении Копенгагена, предусматривавший создание в столице муниципального собрания в количестве 36 человек, датирован 1857 г. Согласно установленным в 1865 г. правилам, избирательным правом на выборах в это собрание обладали все те, кто имел право быть избранным в фолькетинг и располагал доходом не ниже 1 тыс. крон, а это означало, что голосовать на выборах в городское собрание имели возможность 5 — 6% населения. Члены муниципального собрания избирали магистрат (совет), в который входили четверо пожизненно избранных бургомистров (кандидатуры которых, однако, подлежали одобрению со стороны короля) и четверо советников, избиравшихся на шестилетний срок. Назначаемый королем обер-бургомистр осуществлял надзор за деятельностью магистрата.

Закон о выборах в органы местного управления в провинциальных городах появился в 1860 г. Согласно ему, «большая половина» членов городского собрания (количество которых должно было быть нечетным) избиралась теми, кто обладал правом быть избранным в фолькетинг, при условии, что они выплачивали муниципальные налоги. В то же время в выборах «меньшей половины» участвовали жители, выплачивавшие самые высокие налоги и составлявшие пятую часть населения данного города. Собственно закон о деятельности городских органов власти, в соответствии с которым задачи местного самоуправления, ранее решавшиеся комиссиями, передавались в компетенцию городского совета, был издан только в 1868 г. Процедура выборов в совет осталась неизменной, а руководил им назначаемый королем бургомистр.

Соответствующий избирательный закон в отношении сельских коммун появился еще в 1855 г. Правда, в данном случае «большую

половину» приходских собраний избирали жители, выплачивавшие наиболее высокие налоги. В то же время с вступлением в силу закона о местном самоуправлении 1867 г., согласно которому в сельских коммунах стали образовываться приходские советы, приходские священники и окружные старосты утратили статус обязательных членов местных собраний и право участвовать в принятии решений. Деятельность приходских советов самоуправления, в отличие от городских, находилась под непосредственным надзором со стороны советов амтов, во главе которых стоял назначаемый королем амтман.

В общем, состав органов местного самоуправления повсеместно могла определять всего лишь пятая часть населения, состоявшая из наиболее состоятельных членов общества. Такое положение существовало, потому что зачастую от 10 до 20% малоимущих граждан, имевших право участвовать в парламентских выборах, исключались из списков участников коммунальных выборов, так как они не выплачивали муниципальные налоги. Ни кабинеты национал-либералов в 50-х годах XIX в., ни министра внутренних дел Эструпа в 60-х не заботила проблема наделения простых избирателей правом решающего голоса на выборах в органы местного самоуправления.

На протяжении большей части описываемого периода было принято противопоставлять «политические» и «коммунальные» выборы. В отношении последних речь шла, по-видимому, лишь о том, чтобы дать возможность наиболее достойным членам местных общин заботиться об их дальнейшем развитии, и только ближе к концу столетия общенациональные политические интересы стали играть более серьезную роль на коммунальных выборах. Что касается сельских районов, то ведущие позиции в приходских советах обычно занимали фермеры-горманы, а значит, партия «Вен-стре», в то время как в крупных городах на первые роли стали выходить социал-демократы. Это происходило потому, что хотя избирательная система и оставалась несправедливой в социальном отношении, она все же позволяла партиям, имевшим организованный электорат, проводить на выборах весь свой партийный список кандидатов в депутаты. Так, на выборах «большой половины» членов городского совета в Ольборге в 1906 г. социал-демократы завоевали все десять мандатов, получив 55% поданных голосов.

В 1908 г. наконец-то удалось принять новый закон о коммунальных

выборах, который «независимые консерваторы» долго блокировали и на принятие которого пошли лишь в обмен на сохранение привилегий в законе о выборах в советы амтов. Закон вводил пропорциональную систему, а также предоставлял право участия в выборах женщинам, однако по-прежнему ограничивал активное избирательное право условием выплаты муниципальных налогов, что вплоть до середины XX в. исключало из числа избирателей многих малоимущих граждан. Порядок назначения королем бургомистров просуществовал еще около десяти лет, после чего последние стали избираться членами городских советов.

Закон в определенной степени ограничивал права коммун в отношении взимания местных налогов и получения кредитов, а министр внутренних дел с помощью обер-бургомистров, бургомистров и амтманов имел возможность следить за законностью принимаемых коммунальными органами власти решений. И тем не менее в действительности органы местного самоуправления имели весьма широкие полномочия. Право коммун самостоятельно распоряжаться собственными денежными средствами и самим определять величину налогов, идущих на покрытие своих расходов, практиковалось далеко не во всех странах. А то, что именно коммуны взимали налоги в пользу государства, вообще было явлением уникальным. В сельской местности органы местного коммунального самоуправления занимались в основном вспомоществованием бедным (и другими видами социального обеспечения), развитием системы среднего образования, а также транспортной сети, и, как правило, приходские советы с большой аккуратностью расходовали деньги налогоплательщиков. Больницы же находились в подчинении амтов. Муниципальные органы в городах решали более многочисленные задачи, и сфера их деятельности постоянно расширялась в связи с развитием систем ассенизации, канализации, водо-, электро- и газоснабжения. И на этом уровне представители буржуазных партий не торопились выделять значительные суммы на развитие социальной инфраструктуры. Однако по мере того как социал-демократия завоевывала ведущие позиции, во многих крупных городах страны все в большей степени стала проявляться «коммунально-социалистическая» тенденция, в результате чего серьезно улучшилось положение дел в школьном образовании, больничном хозяйстве, строительстве домов для престарелых и других

сферах социального обеспечения. Таким образом, развитие системы коммунального самоуправления явилось одной из существенных сторон процесса демократизации и модернизации датского общества еще до начала мировой войны.

Общественные движения ^[51]

Важнейшим фактором модернизации Дании на протяжении всего описываемого периода явилось недовольство широких социальных слоев порядками традиционного общества и властью их установивших. До 1848 г. борьбу против абсолютистского государства возглавляла группа молодых интеллектуалов из числа национал-либералов, но и у многих крестьян, в том числе благодаря участию в собраниях религиозных общин, выработалось антиавторитарное самосознание и умение сформулировать собственные требования как в адрес государственной власти, так и в адрес «способных, образованных и богатых». Идеологическая основа этого самосознания со ставкой на народ, на веру в силу и право народа сформировалась в борьбе Грундтвига с пустопорожным начетничеством иезуитской латинской школы.

Деятельность политических, экономических и культурных организаций и союзов, плотной сетью покрывших сельскую местность, позволила крестьянам создать мощную контркультуру. Она противостояла правящему классу помещиков и высоколобых буржуа, считавших непозволительным участие представителей серой массы простонародья в принятии решений. Далеко не все селяне входили в это сообщество (к примеру, крестьяне, исповедовавшие сектантские принципы «внутренней миссии», ограничивались интересами своей культурной общности). Однако внутри крестьянского движения, в котором возобладали идеи Грундтвига, партия «Венстре» и кооперативные организации наладили тесное взаимодействие с частными народными школами, народными университетами, просветительскими и гимнастическими обществами, местными газетами и т. д.

Аналогичным образом городские рабочие начиная с 70-х годов XIX в., стали создавать на социалистической, классовой основе свои

организации в противовес порядкам и институтам капиталистического общества. За описываемый период времени социал-демократическому рабочему движению также удалось создать альтернативное сообщество со своей особой культурой солидарности. При этом оно проявляло себя не только в политическом или профессиональном плане. В социальной сфере в заслугу этому движению следует поставить создание больничных касс взаимопомощи и обществ потребительской кооперации, в области культуры и образования — деятельность хоровых и театральных кружков, а также появившихся позже вечерних школ и просветительских организаций. Кроме того — и это следовало бы отметить в первую очередь, — социал-демократической прессы, которая за счет выпуска местных дочерних изданий стала по мере развития самого движения распространяться по всей стране.

«Негоже тем, кто от сохи и станка, занимать места в высокочтимом собрании, творящем законы» — так утверждалось в изданной в начале 60-х годов XIX столетия брошюре под названием «Книга рабочего». Такую точку зрения, как уже было показано, разделял не только анонимный автор данного сочинения. Потребовались годы упорной работы по повышению уровня культуры и самосознания крестьянских и рабочих масс, чтобы образованные буржуа в 1901 г. наконец-то безоговорочно признали за избранными представителями большей части народа право управлять государством. Другие общественные движения, возникшие в описываемый период, такие, как хусманское и женское, также внесли существенный вклад в процесс культурной демократизации страны. В результате рядовые датчане из пассивных подданных короля, занимавших уготованное им место в замкнутом, обусловленном их сословной принадлежностью и местом проживания социальном мирке, превратились в активных граждан, которые голосовали на выборах и создавали собственные организации для защиты своих интересов. Тем не менее именно крестьянское и рабочее движения являлись самыми крупными и важными, и их роль в становлении современной Дании едва ли можно переоценить.

Заморские территории Дании

В описываемый нами период Дания представляла собой не только

само королевство. Подробный рассказ о событиях в заморских владениях, однако, не входит в задачу автора. Ограничимся лишь кратким обзором положения дел на атлантических островах, принадлежавших датской державе.

В Исландии в 1843 г. был воссоздан альтинг, имевший статус совещательного органа наравне с сословными представительствами единого государства. Исландцев еще на раннем этапе развития отличало сильное чувство национального достоинства, и это было причиной того, что действие июньской Конституции не распространялось на Исландию. В 1871 г. альтинг отверг принятый датским ригсдагом закон о предоставлении Исландии особого статуса в рамках Датского королевства. А в 1874 г. король даровал исландцам конституционный закон, предполагавший создание законодательного собрания — альтинга в составе 30 избираемых народом и шести назначаемых королем членов, министерства по делам Исландии в Копенгагене и введение поста губернатора в Рейкьявике. Тот факт, что это министерство располагалось в Копенгагене, представляя собой часть датского правительства, в течение 30 лет воспринималось исландцами как серьезная политическая проблема. Поэтому когда в 1904 г. министерство по делам Исландии наконец-то переместилось в Рейкьявик, этого уже оказалось недостаточно для того, чтобы приостановить дальнейшее развитие движения за независимость. Требования о предоставлении его Исландии постепенно нарастали, и в 1918 г. проблема нашла временное разрешение в виде признания полной самостоятельности исландского государства, находящегося в личной унии с Данией. С 1860 по 1911 г. численность населения Исландии выросла с 66,9 тыс. до 85,2 тыс. человек.

В отличие от Исландии Фарерские острова напрямую подпадали под действие Конституции, и в каждую из палат парламента оттуда направляли по одному депутату. В 1852 г. был воссоздан лагтинг, в состав которого входили назначаемый королем губернатор (амтман), пробст и 18 избираемых депутатов. По уровню компетенции лагтинг соответствовал совету амта, однако он также назначал депутата от островов в ландстинг и в определенной степени выполнял функции законосовещательного органа при обсуждении законов, имевших местное значение. В 1855 г. была полностью упразднена королевская торговая монополия на этих островах, что вкупе с экономической

либерализацией позволило небольшому островному сообществу приступить к преобразованиям в экономической сфере, которые получили дополнительный толчок после 1872 г., когда в морском рыбном промысле стали использоваться крупные сейнеры. К концу столетия начало набирать силу движение за национальное самоуправление. В период с 1860 по 1911 г. численность населения Фарерских островов удвоилась, увеличившись с 8,9 до 18 тыс. человек.

Гренландия представляла собой целый ряд так называемых колониальных поселений, расположенных вдоль западного побережья острова от поселка Какторк (Юлианехоб) на юге до поселка Упернавик на севере. Руководили жизнью «закрытого» гренландского общества Королевская Гренландская торговая компания и ее управляющие на местах. Основная цель при этом состояла в консервации традиционных форм жизни морских охотников, связанных с тюленьим промыслом. До того как в конце XIX столетия стали внедряться другие источники уличного освещения, тюлений жир пользовался огромным спросом на мировом рынке. В административном плане обжитая территория острова была поделена на две части — Южную и Северную, в каждой из которых наивысшей властью обладал королевский инспектор. В начале 60-х годов были созданы районные управы — своеобразные органы местного самоуправления с участием морских охотников. В 1908 г. был принят закон об управлении колониальными территориями в Гренландии, предполагавший определенную модернизацию административной системы. Управление Восточной Гренландией, необходимость в котором возникла лишь после экспедиции в район Аммасалик (Ангмассалик) в 1894 г., осуществлялось особым образом, а на месте будущего поселка Туле в 1910 г. была основана частная фактория. Население Гренландии с 1860 по 1911 г. увеличилось с 9,6 до 13,5 тыс. жителей.

И наконец, датской колонией являлись расположенные в Карибском море три Вест-Индских (Виргинских) острова: Сен-Круа, Сен-Жан и Сент-Томас. Но если в прежние времена эта заморская колония служила монархии источником немалых доходов, то в середине XIX в. содержание административного аппарата на столь отдаленной территории стало приносить казне сплошные убытки. Будучи колониями, острова находились под властью короля и ригсдага, однако в 1852 г. был создан колониальный совет, часть членов которого

избиралась, а другая — назначалось королем и который помимо административных был наделен и полномочиями законосовещательного органа.

С конца 60-х годов XIX столетия Дания вела переговоры с США о продаже островов. В первый раз ратификация уже подписанного договора была забаллотирована американским конгрессом, а в 1902 г. соответствующий трактат отклонил уже датский ландстинг, голоса членов которого во время голосования разделились поровну: 32 — «за» и 32 — «против». С вводом в эксплуатацию Панамского канала удобная гавань острова Сент-Томас приобрела для США важнейшее стратегическое значение, и несмотря на ожесточенное сопротивление со стороны датских консерваторов, в 1916 г. стороны подписали новый договор о продаже островов за 25 млн. долларов. На всенародном референдуме значительное большинство датчан высказались в пользу продажи островов, и в 1917 г. Дания уступила свое старое колониальное владение американцам, которые в дополнение к денежной компенсации признали суверенитет Дании над Гренландией. На густонаселенных островах в 1860 г. проживало 38 тыс. человек, а административный центр — Шарлотта-Амалия — являлся в те времена третьим по величине (после Копенгагена и Альтоны) городом датской монархии. Однако экономический спад во второй половине XIX в. повлек за собой и снижение численности населения до 27 тыс. человек в 1911 г.

Резюме

Утратив после гражданской войны 1848— 1850 гг. герцогства и потерпев в 1864 г. поражение от Пруссии и Австрии, Дания стала небольшим монациональным государством и поэтому была вынуждена искать новые ориентиры в области как внешней и оборонной, так и внутренней политики. Во внутривнутриполитическом развитии основными вехами следует признать принятие Конституции 1849 г., ее реакционной по сути редакции 1866 г. и Конституции 1915 г., предусматривавшей, в частности, распространение избирательного права на женщин и введение пропорциональной системы выборов в фолькетинг. В то же время борьба за принцип парламентаризма в нижней палате и, соответственно, «смена системы» в 1901 г. явились

эпохальными событиями, определившими дальнейший путь развития народовластия и политических партий.

В экономике произошло разделение труда между городом и деревней; при этом сельское хозяйство специализировалось на высокоэффективном, ориентированном на экспорт производстве готовых продуктов животноводства, но благодаря деятельности не имевших по тем временам аналогов сельскохозяйственных кооперативов сохранило семейную структуру хозяйствования. В стремительно растущих городах происходила индустриализация на основе применения новых технологий и механизмов, однако кустарное производство также сохраняло за собой значительную долю рынка. Быстрыми темпами развивалась сфера торговли и услуг, в первую очередь в силу революционного по своим масштабам расширения транспортной инфраструктуры, включавшей в себя разветвленную сеть железных дорог, порты и развитую телеграфную связь.

Население увеличилось более чем вдвое, причем наибольший прирост жителей отмечался в городах. В целом можно говорить о существенном улучшении условий жизни практически всех социальных групп, чему способствовали повышение уровня реальной заработной платы и социальной защищенности трудящихся благодаря введению государственного пенсионного обеспечения и выплате пособий по временной нетрудоспособности в случае болезни и безработицы. Ближе к концу описываемого периода городские органы местного самоуправления стали постепенно переходить к перераспределению средств, выделяемых на социальные нужды, увеличивая долю муниципальных инвестиций в развитие систем среднего образования и здравоохранения.

Урбанизация и высокий уровень внутренней миграции в обществе привели к слому традиционной социальной структуры и появлению новых классов и слоев населения, а также созданию новых корпоративных организаций, призванных предотвратить или смягчить последствия либеральной политики в ее крайнем выражении.

ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ (1914-1945)

Хеннинг Поульсен

Глава 20

Первая мировая война и межвоенный период

В период с 1914 по 1939 г. наиболее важными событиями стали мировая война и экономический кризис. Дании удалось сохранить нейтралитет в первой мировой войне, и по ее окончании страна обрела свои нынешние границы. Кризис, начавшийся в 1929 г., особенно тяжело отразился на ведущей экспортной отрасли — сельском хозяйстве, в меньшей степени он затронул более слабый промышленный сектор.

Но если события того времени порождали неуверенность в завтрашнем дне, то экономическая и социальная сфера, как и процесс демократизации общества, и в эти десятилетия развивались в Дании по восходящей. Население страны выросло с почти 3 до 4 млн. человек, а производство продукции в расчете на душу населения — примерно на 40% — темпы экономического роста несколько уступали довоенным, но, тем не менее, оставались весьма высокими. Продолжилась и законодотворческая работа в социальной области, которая в итоге — на тот момент времени — нашла свое отражение в социальной реформе 1933 г. И наконец, закон о всеобщем избирательном праве и по содержанию стал соответствовать своему названию, поскольку в 1915 г. его действие было распространено на женщин и прислугу.

Получил всеобщую поддержку введенный в практику благодаря «смене системы» в 1901 г. принцип парламентаризма, хотя он и не был еще закреплен в Основном законе. На политическую арену вышли новые партии, но судьба правительственной власти зависела исключительно от соотношения сил между «Венстре» и консерваторами, с одной стороны, и Радикальной «Венстре» и Социал-демократической партией — с другой. Социал-демократическая партия находилась в процессе постоянного и стабильного роста, а кульминацией ее развития стали выборы 1935 г., когда партия набрала 46% голосов избирателей. Государственное регулирование экономики, которое осуществлялось Данией, как и прочими европейскими

странами, во время обеих мировых войн, а также борьба с кризисом 30-х годов имели большое значение для развития датского общества.

Границы государства

В течение описываемого периода территория датского королевства то уменьшалась, то увеличивалась, чтобы, в конце концов, обрести те границы, которые существуют до сих пор.

В 1917 г. последние тропические колонии Дании — Вест-Индские (Виргинские) острова — были проданы Соединенным Штатам, которые придавали им важное стратегическое значение и заплатили за них внушительную по тем временам сумму в 87 млн. крон, что соответствовало полугодовому бюджету датского государства. Тем не менее вопрос о продаже островов вызвал острые политические споры и был вынесен на первый в истории страны всенародный референдум, который проходил, однако, в Дании, а не на островах. Предложение о продаже островов получило поддержку значительного большинства датчан.

Исландия выделилась из состава королевства в качестве самостоятельного государства в 1917 г., однако в последующие 25 лет вынуждена была оставаться в личной унии с Данией, имея общего с нею монарха и общую внешнеполитическую службу. Процесс обретения независимости завершился в 1944 г., когда исландцы на референдуме поддержали предложение объявить страну республикой.

Вопрос о правах на Гренландию приобрел актуальность после того, как полярные экспедиции на рубеже веков доказали, что Гренландия является островом, а не частью североамериканского континента. США в 1917 г. признали правомерным распространение суверенитета Дании над «датскими колониями в Гренландии» на всю территорию острова. Но только после того как Международный суд в Гааге в 1933 г. признал незаконной аннексию Норвегией необжитой территории на восточном побережье, статус всей Гренландии как датской колонии получил окончательное подтверждение. Решающим стало определение суда, признавшего, что Дания вела экономическую деятельность и расширяла сеть поселений на восточном побережье, в частности основав в 1925 г. поселок Скорсбюсунн. Наибольший же всплеск эмоций вызвало

воссоединение с Северным Шлезвигом в 1920 г., когда была проведена современная датско-германская граница, а Дания получила весьма необычное приобретение в виде территориального завоевания в результате войны, в которой сама участия не принимала.

Воссоединение с Северным Шлезвигом в 1920 г.

Несмотря на то что надежда на возвращение в лоно королевства хотя бы Северного Шлезвига, где в основном проживало продатски настроенное население, не умерла, после поражения Франции в войне 1870—1871 гг. эта мечта с внешнеполитической точки зрения стала казаться несбыточной. Дания признала себя малым государством, и основная цель заключалась в том, чтобы вообще сохранить государственность. На рубеже веков в газетах можно было встретить будоражившие умы общественности призывы добровольно присоединиться к федеративной Германской империи или попытаться в качестве доминиона войти в состав Британской империи.

Националистические круги в Дании с большой симпатией относились к продатски настроенным шлезвигцам. Но на деле жители Северного Шлезвига оказались предоставленными самим себе. В первые годы они открыто протестовали против германского владычества, однако ряды протестующих начали быстро редеть, и в результате продатские элементы взяли на вооружение более гибкую тактику переговоров с немецкими властями. Они признали за собой обязанность лояльно относиться к решениям германских властей и в рамках этого соглашения старались сохранить в своей среде датский язык и датские культурные традиции, выступая против проводившейся по отношению к ним более или менее активной политики онемечивания. И только один-единственный раз датское государство пришло на помощь датскому населению, оказавшемуся на немецких территориях. Это произошло в 1907 г., когда была подписана датско-германская конвенция, согласно которой дети, чьи родители после событий 1864 г. использовали свое право оптации в пользу Дании, то есть приняли датское гражданство, получили возможность принять немецкое гражданство и тем самым быть причисленными к национальному меньшинству. Но по большому счету межнациональный

конфликт считался внутригерманским делом. Да и территориальный вопрос на мирной конференции в Париже в 1919 г. поставила вовсе не Дания, а партия датского меньшинства Шлезвига.

В соответствии с только что признанным правом наций на самоопределение граница устанавливалась по результатам плебисцита. В Северном Шлезвиге, ныне являющемся Южно-Ютландским амтом, проводилось всеобщее голосование, и большинство высказалось за воссоединение с Данией. Что же касается Фленсбурга и других прилегающих к нему областей, то плебисцит проводился лишь в некоторых приходах, где большинство проголосовало «против». Тем не менее в Дании возникло движение, весьма настойчиво выдвигавшее требование о возвращении под эгиду короны по крайней мере самого Фленсбурга, что и послужило причиной так называемого пасхального кризиса 1920 г., о котором будет подробно рассказано ниже.

Установление новой границы не могло решить вопроса о четком территориальном разграничении между датско- и немецкоговорящим населением. По обе стороны от этой границы остались этнические меньшинства, которые не считали ее окончательной, и потому, например, немецкое меньшинство в Южной Ютландии сохраняло надежду на ее пересмотр вплоть до 1955 г., когда Германия официально признала действовавшую границу законной. Она была проведена в таком строгом соответствии с правом наций на самоопределение, что в каждом спорном случае решение принималось в пользу Дании. Последнее подтверждается тем, что ни один из приходов с преобладанием этнических датчан не остался на территории Германии. Что же до немецкого меньшинства в Дании, то политически оно сильно ослабло, так как южноютландские социал-демократы, ранее состоявшие в рядах германской партии, перешли в родственную датскую партию. Тем не менее в течение всего межвоенного периода этническое меньшинство к северу от границ по численности превосходило меньшинство, оставшееся к югу от нее. Правовое положение и тех и других все так же регулировалось законодательством той страны, в которой они проживали, так как Дания по-прежнему заботилась о сохранении своего суверенитета и воздерживалась от подписания датско-германского соглашения о положении национальных меньшинств, предполагавшего действие немецких законов на части ее территории.

Партии и правительство

В 1924 г. социал-демократы сменили «Венстре» в роли крупнейшей политической партии. Готовность действовать в соответствии с общепринятой парламентской практикой они продемонстрировали еще в 1916 г., когда их лидер Торвальд Стаунинг наряду с представителями «Венстре» и консерваторов вошел в состав правительства радикалов во главе с К.Т. Цале в качестве так называемого министра-наблюдателя. В то время партия составляла основу парламентского большинства, поддерживавшего кабинет радикалов, а в 1924 г. Стаунинг сформировал однопартийное социал-демократическое правительство, хотя социал-демократы и не получили абсолютного большинства в парламенте, что ранее объявлялось ими непременным условием прихода к власти. В течение описываемого периода радикализм социал-демократии смягчается, поскольку она во все возрастающей степени старалась представить себя как партию, выражающую интересы широких народных масс, а не только рабочего класса.

Партия «Венстре» по-прежнему оставалась единственной буржуазной партией, способной сформировать правительство. Под руководством Нильса Неергора, Мадсен-Мюгдаля, а впоследствии и Олуфа Крага она пыталась сохранить либеральный курс, что по мере развития событий становилось все труднее, поскольку кризис в сельскохозяйственном секторе привел к необходимости государственного вмешательства, в то время как основную часть электората партии составляли как раз сельхозпроизводители.

Партия радикалов, наиболее видным лидером которых был П. Мунк, в принципе старалась проводить центристский по отношению к двум крупнейшим партиям курс, но, тем не менее, явно склонялась к сотрудничеству с социал-демократами, отчасти и потому, что обе партии в качестве основной задачи выдвигали требование сокращения вооружений.

В результате слияния партии «Хойре» и группировки независимых консерваторов в 1915 г. образовалась Консервативная народная партия. Вновь созданная партия отказалась от традиционной для «Хойре» поддержки идеи о проведении парламентских выборов, предпочитая

отдельные социальные группы, попытавшись заручиться поддержкой средних слоев городского населения — мелких собственников и служащих. Самым видным руководителем партии стал Джон Кристмас Мёллер, с 1928 г. возглавлявший партийную фракцию в фолькетинге и считавший одной из главных задач всемерное укрепление обороноспособности страны.

Провели своих кандидатов в фолькетинг и некоторые новые партии. «Шлезвигская партия», с момента воссоединения в 1920 г. представлявшая интересы немецкого меньшинства, в течение всего описываемого периода имела там один мандат. «Правовой союз», основным лозунгом которого было введение налога на прирощенную земельную собственность, начиная с 1926 г., имел от двух до четырех из 149 мест в фолькетинге. В 1932 г. Коммунистической партии Дании удалось провести в парламент двух кандидатов, а позднее — и трех. Такое же количество мандатов завоевала в 1939 г. нацистская Национал-социалистическая рабочая партия Дании. На базе союза с Объединением аграриев, которое возникло на волне протеста против проведения либеральной политики в сельском хозяйстве, Независимая народная партия, впоследствии переименованная в «Крестьянскую партию», провела на выборах 1935 и 1939 гг. соответственно пятерых и четырех своих представителей. И наконец, партия «Датское единство», выступавшая против сотрудничества с германскими оккупационными властями, завоевала три места в фолькетинге на выборах 1943 г. Тем не менее ни одна из вышеназванных партий не имела возможности повлиять на судьбу правительства.

В сущности, формирование кабинета определялось результатами выборов. Коалиция радикалов и социал-демократов сохраняла большинство до 1920 г. Затем большинство получили «Венстре» и консерваторы, и Неергор сформировал правительство «Венстре», которое просуществовало до 1924 г. Когда его кабинет утратил поддержку большинства в фолькетинге, Стаунинг встал во главе первого социал-демократического правительства. Оно ушло в отставку в 1926 г. по причине разногласий с радикалами. Пал и пришедший ему на смену кабинет «Венстре» под руководством Мадсен-Мюгдаля. Сначала он получил поддержку большинства в коалиции с консерваторами, но последние в 1929 г. воздержались от голосования по вопросу о госбюджете, оставив правительство в меньшинстве. На

выборах 1929, 1935 и 1939 гг. большинство проголосовало за социал-демократов и радикалов, и эти две партии сформировали двухпартийный кабинет, в котором пост премьер-министра занимал лидер социал-демократов Т. Стаунинг, а министра иностранных дел — П. Мунк. Этот кабинет просуществовал до 1940 г., когда под воздействием начавшейся германской оккупации Дании было создано коалиционное правительство, состоявшее из представителей всех четырех партий.

Новая июньская Конституция 1915 г.

В условиях начавшейся мировой войны соперничающие политические силы в Дании, как и в других странах, пришли к своего рода гражданскому согласию, в результате чего в 1916 г. правительство радикалов включило в свой состав по одному так называемому министру-наблюдателю от трех других партий: социал-демократической, «Венстре» и консервативной. Потепление политического климата создало условия для завершения затягивавшегося на протяжении многих предыдущих лет процесса принятия нового основного закона. Конституция 1915 г. была принята при поддержке всех политических партий и, что весьма символично, подписана королем 5 июня, в тот же день, что и первая Конституция 1849 г.

Согласно новому Основному закону, всеобщее избирательное право распространялось и на тех граждан, которые ранее были его лишены, то есть на женщин и на прислугу, не имеющую собственного домашнего хозяйства. В отношении выборов в фолькетинг был сделан определенный шаг к введению пропорциональной системы за счет включения в правила выборов в одномандатных округах пункта об институте дополнительных мандатов, предоставлявшие преимущество именно «Венстре». Однако разногласия по поводу избирательного закона все еще оставались, и в 1920 г. он вновь претерпел изменения, предполагавшие замену одномандатных округов региональными округами (амтами), в которых несколько мандатов распределялись по пропорциональному принципу.

Упразднены были предоставлявшие привилегии некоторым категориям

кандидатов закон о выборах в верхнюю палату парламента.

Отныне и на выборы в ландстинг распространялось действие всеобщего избирательного права, а в качестве гарантий против излишнего вольнодумства увеличивался возрастной ценз избирателей, а срок полномочий его членов устанавливался в восемь лет. Упразднялось и право короля назначать часть членов верхней палаты, их места теперь занимали депутаты, назначенные депутатами ландстинга предыдущего созыва. На практике эти правила позволили либералам и консерваторам удерживать большинство в верхней палате вплоть до 1936 г. До той поры для принятия тех или иных законов коалиционные правительства радикалов и социал-демократов вынуждены были идти на соглашение по меньшей мере с одной из оппозиционных партий.

В новом Основном законе появилось также положение о том, что поправки к конституции принимаются лишь в том случае, если на всенародном референдуме за них проголосует не менее 45% общего числа избирателей. Это положение не создало никаких проблем во время голосования по вопросу о воссоединении Шлезвига с Данией в 1920 г. А вот проекту нового основного закона, предполагавшему упразднение ландстинга и получившему одобрение со стороны значительного большинства, поскольку за него голосовали социал-демократы, радикалы и консерваторы, не хватило всего лишь нескольких голосов, чтобы преодолеть установленный порог.

В соответствии с принципами нового Основного закона в 1916 г. было ликвидировано неравенство в избирательном праве, относящемся к выборам в советы амтов, а в 1919 г. прерогатива избрания бургомистров перешла от правительства к самим городским советам. В том же году произошло разделение между исполнительной и судебной властью на низовом уровне, когда функции городского фогда были распределены между судьей и начальником полиции. Вплоть до 1938 г. служба полиции оставалась в основном в ведении коммунальных властей.

Пасхальный кризис 1920 г.

Принцип парламентаризма, предполагающий уход правительства в отставку по требованию большинства фолькетинга, лежал в основе

политической практики Дании с 1901 г., однако формально он не был закреплен в новом Основном законе и в пасхальные дни 1920 г. подвергся серьезному испытанию.

Основы гражданского мира, существовавшего в первые годы войны, постепенно подтачивали возникавшие политические противоречия. В январе 1918 г. как «Венстре», так и консерваторы отозвали своих министров-наблюдателей из правительства, которое, однако, на апрельских выборах в фолькетинг сохранило за собой хрупкое большинство, состоявшее из радикалов и социал-демократов.

Не прошли бесследно укрепление и радикализация позиций рабочего движения в годы, предшествовавшие окончанию войны. Центральное объединение профсоюзов Дании (ЦОПД), за это время удвоившее количество членов, выдвинуло требование о компенсации рабочим потерь, связанных со снижением реальной заработной платы в военные годы, когда рост цен, несмотря на все предпринимавшиеся меры, значительно превышал рост оплаты труда. Профсоюзы добились успеха в этом вопросе, а в 1919 — 1920 гг. им удалось провести в жизнь свое давнее требование о введении восьмичасового рабочего дня как в общественном^[52], так и в частном секторе, правда за исключением сельскохозяйственной отрасли.

Ни синдикалистам, ни коммунистической партии, образованной на волне революции в России в 1917 г., не удалось привлечь на свою сторону сколько-нибудь значительное число сторонников, а уличные беспорядки, дважды вспыхивавшие в Копенгагене в 1918 г., так и остались незначительными эпизодами. Тем не менее в буржуазных кругах опасались развития революционных событий, и в 1919 г. военное руководство по собственной инициативе разработало так называемый план «П», предполагавший создание надежной армейской структуры, силы которой можно было бы задействовать против революционеров или участников стачек, угрожавших устоям государства.

Пасхальный кризис в марте—апреле 1920 г. был обусловлен несколькими факторами. Разгорался конфликт на рынке труда, чреватый локаутами и всеобщей забастовкой. Во внутривластной области правительство, пытаясь провести законопроект, представлявший собой еще один шаг на пути к введению пропорциональной системы, натолкнулось на ожесточенное сопротивление со стороны «Венстре». Вдобавок возникли споры вокруг

вопроса о будущем Фленсбурга.

Еще одна попытка вернуть Дании крупнейший город Шлезвига или по крайней мере привести Средний Шлезвиг под международную юрисдикцию была инициирована в первую очередь националистически настроенными правыми кругами. Они даже направили собственную делегацию на мирную конференцию в Париж, где, однако, несмотря на благожелательное отношение Франции, их требование не прошло, так как правительство настаивало на выполнении решений, принятых референдумом. Тем не менее попытка позаботиться о судьбе оказавшихся к югу от национальной границы соотечественников нашла отклик в народе, включая и членов правительственных партий. Когда же двое парламентариев, соответственно представлявших радикалов и социал-демократов, заявили в прессе о том, что не поддерживают позицию правительства по этому вопросу, казалось, будто кабинет утратил большинство в нижней палате парламента. Однако этого не произошло, к тому же расклад сил и в противном случае оказался бы неясным, поскольку один из членов фракции консерваторов заявил, что по этому вопросу поддержит точку зрения правительства. Тем не менее король Кристиан X предпринял необычный шаг и отправил правительство Цале в отставку, назначив вместо него рабочий кабинет под руководством поверенного в делах Верховного суда Отто Либе.

Социал-демократы и радикалы восприняли происшедшее как государственный переворот. В ответ на вызов со стороны короля ЦОПД пригрозило начать всеобщую забастовку, и в течение нескольких дней датское общество находилось на грани конфликта. Эти события заставили короля отступить, и в день Пасхи был достигнут компромисс, в результате чего на смену правительству Либе пришел новый рабочий кабинет, который, в отличие от предшественника, предпочел до назначения новых выборов созвать ригсдаг с целью изменения избирательного закона. Вскоре ЦОПД и Союз предпринимателей достигли согласия по поводу нового коллективного договора, а хрупкая надежда на возвращение в состав Дании Фленсбурга была окончательно разрушена победившими в мировой войне державами.

Разрешение Пасхального кризиса не смогло приглушить ни социальных, ни политических противоречий, которые стали характерной чертой развития общества в 20-х годах. Однако если и существовали сомнения в действенности принципа парламентаризма, то

теперь от них не осталось и следа.

Внешняя и оборонная политика

В течение всего описываемого периода сменявшие друг друга правительства старались проводить политику нейтралитета. На практике, однако, речь могла идти только о весьма специфическом нейтралитете, в условиях, когда у страны не было эффективной обороны от нападения со стороны Германии, и потому она вынуждена была действовать с оглядкой на своего большого южного соседа.

Это выяснилось через несколько дней после начала первой мировой войны, разразившейся 1 августа 1914 г., когда правительство, пойдя навстречу обращению германских властей, приняло решение об изменении установленных ранее правил проведения политики нейтралитета. Вместо того чтобы оставить Эресунн и другие проливы свободными, правительство согласилось их заминировать, что было направлено исключительно против британского флота, ибо германские военно-морские силы осуществляли переход между Северным и Балтийским морями через Кильский канал. Тогда еще не было известно, что англичане и не ставили себе целью проникновение в Балтийское море.

Хотя правительство радикалов во главе с Цале считало, что защищать суверенитет Дании военным путем — дело безнадежное, оно, действуя в соответствии с законом об обороне от 1909 г., после начала войны поставило под ружье армию в количестве 50 тыс. человек, призванную прежде всего встать на защиту острова Зеландия и — в конечном итоге — Копенгагена. В действительности же единственной задачей армии оставалось обеспечение нейтралитета и в первую очередь недопущение использования датских территориальных вод в военных целях. Постепенно, однако, призванный контингент сократился наполовину.

Главная же проблема заключалась в поддержании внешнеторгового оборота на достигнутом высоком уровне. Примерно третья часть произведенной в Дании продукции, в основном продукты питания, шла на экспорт, взамен страна импортировала жизненно необходимые для ее экономики уголь, другие сырьевые товары, искусственные удобрения и

корма. Великобритания и Германия являлись крупнейшими торговыми партнерами Дании, и поэтому министр иностранных дел Эрик Скавениус при поддержке наиболее известных представителей датского делового мира предпринимал энергичные попытки убедить руководителей этих государств в том, что соблюдение норм международного права в торговле с нейтральными странами служит их собственным интересам. Наибольшую несговорчивость проявляла Англия, так как запрет на ввоз в Германию продуктов питания являлся частью стратегии западных держав. Однако более или менее благоприятной ситуация сохранялась лишь до 1917 г., затем она резко изменилась по двум причинам.

В феврале Германия объявила о начале неограниченной подводной войны, что вынудило датчан направлять транспорты с товарами для Англии при помощи конвоя трудным и опасным северным путем между норвежским городом Бергеном и Шотландией. Всего за время войны датский торговый флот потерял 275 судов, а 700 моряков погибли.

В апреле в войну вступили США. Тем самым нейтральные страны лишились самого главного защитника своих интересов. Как выяснилось, американцы оказались еще более рьяными сторонниками блокады, нежели англичане. Так, например, они наложили эмбарго на поставки кормов для датского сельского хозяйства. И вплоть до заключения мирного соглашения в июне 1919 г. экономика Дании испытывала в значительной степени последствия блокады Германии, введенной западными державами. В общем и целом внешнеторговый оборот страны уменьшился почти наполовину, а с учетом неурожая в предшествующие годы неудивительно, что в Дании возникла нехватка наиболее необходимых товаров повседневного спроса. Дефицит зерна ко всему прочему послужил поводом для повышения налога на спиртные напитки. Решение о резком повышении акцизов на алкоголь было принято под давлением обществ трезвости в 1917 г., собравших более 700 тыс. подписей под воззванием о введении сухого закона.

В результате поражения Германии и заключения Версальского мирного договора, согласно которому германская армия сократилась до 100 тыс. человек, давление внешнеполитического фактора на Данию ослабло, и в 1920 г. страна вступила в Лигу Наций, оговорив, правда, возможность неучастия в санкциях военного характера против нарушителей мирных договоров. В 1922 г. благодаря соглашению

между «Венстре» и консерваторами ригсдаг принял новые законы об обороне, которые в соответствии с общей ситуацией в Европе предусматривали значительное сокращение расходов на военные нужды. Кроме того, подверглось ревизии толкование самого понятия «оборона»: если раньше под обороной подразумевалась защита государства от посягательства извне, то теперь ее задачи сузились до защиты нейтралитета, в данном случае недопущения использования датской территории воюющими державами.

Но если внешнеполитический курс не вызывал существенных споров, то вопрос об обороне стал предметом серьезных разногласий в области внутренней политики. Против снижения уровня обороноспособности страны выступили прежде всего представители консервативных и военных кругов. Признавая отсутствие у Дании возможности в случае нападения Германии противостоять ей один на один, они, тем не менее, настаивали на наличии сильной армии в стране. Это позволило бы ей избавиться от ярлыка небоеспособной державы и воспользоваться своим шансом в ситуации, подобной сложившейся во время первой мировой войны, когда основные силы немцев были задействованы на других фронтах. В то же время социал-демократы и радикалы считали защиту страны военными средствами бесполезным занятием и предлагали сократить вооруженные силы до минимума. В результате соглашения, достигнутого с «Венстре», эти две партии в 1932 г. добились дальнейшего сокращения армии.

Проблема обострилась в 1933 г. после прихода к власти Гитлера и последующей милитаризации Германии. Особую тревогу вызывал пограничный вопрос, так как Германия считала уступку Северного Шлезвига Дании навязанной ей Версальскими соглашениями и поэтому официально не признала делимитацию 1920 г. (это произошло только в 1955 г.). Уже в пасхальные дни 1933 г. шлезвиг-голштинские политики выступили с требованием о пересмотре границы. И хотя они не получили официальной поддержки Берлина, отношение последнего к данной проблеме оставалось для датчан неясным, тем более что угроза нападения со стороны вновь вооружившейся до зубов агрессивной нацистской Германии все возрастала.

В стане социал-демократов такое развитие ситуации породило сомнения в отношении проводившейся партией оборонной политики. Убедительной альтернативы найдено, однако, не было, и партия

довольствовалась тем, что отказалась от требований дополнительного сокращения армии. В 1937 г. британское правительство ясно дало понять, что Дании не следует рассчитывать на военную помощь с ее стороны в случае нападения Германии.

Новый закон в области обороны, проведенный в парламенте социал-демократами и радикалами в том же году, предполагал осуществление модернизации вооруженных сил, но не изменение их численного состава.

В отношении Германии Дания проводила осторожную, характерную для малого государства политику. Она присоединилась к экономическим санкциям, введенным Лигой Наций против Италии, в 1935 г. осуществившей вторжение в Эфиопию, но годом позже воздержалась при голосовании в этой организации по резолюции, осуждавшей ввод Гитлером войск в демилитаризованную Рейнскую область. Датская пресса получила указание проявлять сдержанность в критике нацистского режима, а весной 1939 г. Дания, единственная из соседних с Германией стран, одобрила предложение Гитлера о заключении пакта о ненападении, хотя последний служил интересам германской пропаганды и не содержал никаких гарантий безопасности Дании.

Капитуляция 9 апреля 1940 г. явилась логическим завершением проводившегося курса в области внешней и оборонной политики.

Проблема беженцев

Что же касается политики в отношении иммигрантов, то внешние факторы влияли на нее лишь в малой степени. В основных чертах она основывалась на законе, принятом в 1926 г. и предписывавшем гражданам иностранных государств, собиравшимся пробыть на территории Дании более трех месяцев, подать ходатайство о получении вида на жительство и разрешения на работу. Первое предоставлялось лицам, чья жизнь и свобода на родине находились под угрозой, а последнее — только тем, чьи способности и квалификация представляли особую ценность для датского общества или работодателей. Непременным условием получения статуса иммигранта был отказ от политической деятельности. Нежелательным лицам

запрещалось пересечение границы. В целом эти правила соответствовали действовавшим в других странах. В соответствии с законами того времени, считалось, что государство имеет право предоставить политическое убежище, в то время как иммигранты не обладают правом на его получение.

Проблема обострилась после прихода к власти Гитлера в Германии в 1933 г. Поскольку одним из условий выдачи вида на жительство являлось предоставление заявителем гарантии, что датскому обществу не придется нести расходы, связанные с его пребыванием в стране, возникли различные комитеты вспомоществования, которые взяли на себя обеспечение подобного рода гарантий для переселявшихся в Данию социал-демократов, коммунистов, представителей интеллигенции и лиц еврейской национальности. Таким образом, приток в страну иммигрантов в какой-то степени ограничивался экономическими возможностями этих комитетов.

Особые правила действовали в отношении евреев, эмигрировавших из Германии. С одной стороны, потому, что лишь немногие из них признавались политическими беженцами на законных основаниях, а с другой — потому, что речь могла пойти об очень большом количестве иммигрантов этой категории. Введение ограничений по отношению к ним обосновывалось в первую очередь стремлением сохранить рабочие места для датчан, и это объяснение звучало весомо на фоне высокого уровня безработицы в 30-х годах. Однако характер взаимоотношений с Германией диктовал скорее проведение иной политики в этой области, ибо гитлеровский режим пытался всеми силами вынудить евреев эмигрировать и обрушивался с критикой на те страны, которые отказывались их принимать. На самом же деле лишь малая часть еврейских беженцев осела в Дании. Большинство из них переехали в другие страны, прежде всего в Америку.

Структура занятости и рынок труда

Процесс оттока сельских жителей в города продолжился. Если в 1911г. в сельском хозяйстве было занято 37% населения, то в 1940 г. — 28%. В городах развивались торговля и промышленность, причем в обоих секторах в основном за счет роста числа малых и средних

предприятий. Кустарно-ремесленнический сектор переживал период застоя, но в абсолютных показателях количество занятых в нем не уменьшилось. Дело в том, что, во-первых, в некоторых отраслях, например в строительстве, отсутствовала конкуренция с промышленными предприятиями, и, во-вторых, преимуществом кустарных и ремесленных производств по-прежнему оставалась их близость к потребителю. Доля общественного сектора в производстве национального продукта в данный период возросла с 10 до 17%, что привело к увеличению числа служащих, пусть даже и не такому значительному, как в более поздние времена.

Несмотря на сокращение количества работающих в сельском хозяйстве, оно по-прежнему считалось основной отраслью датской экономики. Хотя доля сельскохозяйственного производства в совокупном экспорте уменьшилась, еще в 1939 г. она составляла 72%, и, таким образом, аграрный сектор с точки зрения внешнеторговой политики сохранил за собой главенствующее положение. Не изменилось и общепринятое представление о том, что такое положение сельскохозяйственной отрасли в экономике Дании предопределено ее природными особенностями. Робкие голоса, призывавшие исходить из перспектив, связанных с развитием промышленного производства, заглушались контраргументами об отсутствии в Дании источников сырья. При этом сторонники данной точки зрения забывали о проявившейся еще в середине XIX в. долгосрочной тенденции снижения цен как на сырье, так и на продукцию сельского хозяйства по сравнению с товарами промышленного производства. Эта тенденция значительно усилилась в период кризиса 30-х годов XX столетия.

Предпринимались также серьезные усилия для поддержания уровня занятости в аграрном секторе. Количество хозяйств по-прежнему превышало 200 тыс., а размеры большинства хозяйств хусманов увеличились. Это давало возможность семье зарабатывать на жизнь трудом на своем наделе, а не в качестве наемной силы в крупных хозяйствах. Продолжился процесс дробления земельной собственности, и некоторым самым мелким хозяйствам были предоставлены дополнительные наделы, с тем чтобы основным источником доходов крестьянской семьи оставался труд на собственном участке. Перераспределению подлежали среди прочего земли, принадлежавшие священнослужителям, а также ленные владения и родовые поместья,

которые в 1920 г. перешли в свободное пользование, в ряде случаев за счет уступки одной трети земельной собственности.

Часть новых участков не продавалась, а передавалась хусманам в аренду. Это были так называемые государственные хусманские хозяйства, которые стали создаваться после принятия в 1919 г. соответствующего закона, основанного на идеях Г. Джорджа, получивших распространение среди членов правящей партии Радикальная «Венстре» и предполагавших определение стоимости земли в зависимости от географического расположения участка и действующих рыночных цен. Поэтому величина арендной платы за пользование этими новыми земельными участками устанавливалась не на постоянной основе, а изменялась в соответствии с колебаниями конъюнктуры в аграрном секторе. После Второй мировой войны эти хозяйства перешли в полную собственность их владельцев.

Тем не менее именно город обеспечивал работой растущее население страны, а основные изменения в структуре занятости городского населения повлекли за собой мощное развитие профсоюзного движения в годы первой мировой войны и сразу по ее окончании. С 1914 по 1919 г. количество членов Центрального объединения профсоюзов Дании увеличилось со 122 тыс. до 277 тыс., и, несмотря на некоторое снижение в 20-х годах, в последующее десятилетие вновь существенно выросло и в 1939 г. составило полмиллиона человек. В этом отношении ситуация в Дании и других Скандинавских странах отличалась от прочих европейских государств, где кризис в основном привел к сокращению численности профсоюзов. Объясняется данный феномен в первую очередь тем, что в Дании деятельность касс по выплате пособий безработным находилась в ведении профсоюзов. Поэтому, если не входящему в профсоюз рабочему, к примеру, приходилось обращаться за получением пособия по бедности, муниципалитет первым делом помогал ему с уплатой членских взносов в кассу по выплате пособий безработным. Противоречия между государственными кассами подобного рода имелись и в те времена. Определенную роль сыграл тот факт, что часть растущего числа служащих Дании была организована в профсоюзы.

В описываемый период профсоюзное движение добилось существенных успехов. Так, давнее требование о введении восьмичасового рабочего дня для работающих в городе было

удовлетворено в 1919— 1920 гг., а при перезаключении коллективных договоров все большее количество рабочих получало право на отпуск. Этот процесс завершился принятием в 1938 г. закона об отпусках, согласно которому всем занятым как на частных, так и на государственных предприятиях предоставлялся двухнедельный летний отпуск.

Главным же являлась, разумеется, борьба за повышение заработной платы. Колебания экономической конъюнктуры в 20-х годах в Дании, как и в других странах, служили поводом для ряда трудовых конфликтов между рабочими и работодателями. Первые в период роста экономики бастовали с целью добиться повышения заработной платы, а вторые, напротив, объявляли локаут в надежде снизить ее в период падения цен и прибыли. Наиболее серьезный конфликт имел место в 1925 г., когда профсоюз неквалифицированных рабочих провел массовую и продолжительную забастовку, во время которой, в частности, докеры, занимавшиеся погрузкой продукции сельского хозяйства, прекратили работу и тем самым блокировали экспорт в Великобританию. Работодатели попытались заменить их не входившими в профсоюз сельскохозяйственными рабочими (этот случай был последним в истории Дании, когда штрейкбрехеры использовались в такой мере), однако это привело к тому, что английские докеры отказались разгружать суда с продукцией датских аграриев. Ситуация обострилась настолько, что правительство социал-демократов всерьез рассматривало возможность вмешаться в конфликт. Этого удалось избежать, однако в знак протеста против недостаточной поддержки со стороны профсоюзов квалифицированных рабочих профсоюз неквалифицированных рабочих на некоторое время вышел из состава ЦОПД.

В 30-х годах XX в. количество трудовых конфликтов между профсоюзами и работодателями сократилось вдвое, отчасти по причине вмешательства со стороны государства (см. ниже), которое воспрепятствовало резкому снижению заработной платы при падении цен. Дешевизна продуктов питания способствовала существенному увеличению реальной почасовой заработной платы в 30-х годах. И постепенно в общественном сознании укрепилась мысль о том, что вектор динамики зарплаты, как и локтевой сустав человека, может двигаться только в одну сторону — вверх.

Развитие народного хозяйства в 1914-1931 гг.

В августе 1914 г. правительство получило широкие полномочия для осуществления государственного регулирования экономики. Во-первых, это было сделано для того, чтобы устранить возможность дефицита товаров на внутреннем рынке, а во-вторых — во имя обеспечения нейтралитета, предполагавшего ограниченную торговую деятельность, которая удовлетворяла бы в равной степени потребности обеих воюющих сторон. Экспорт перешел под государственный контроль. Кроме того, правительство получило обширные возможности воздействия на развитие национальной экономики.

Одним из средств борьбы с резким ростом цен, происходившим с началом войны во всей Европе, стало введение потолка цен на продукты питания и товары повседневного спроса. Другим — экспроприация товарных складов и распределение сырьевых ресурсов с целью производства в первую очередь наиболее необходимой для страны продукции. И наконец, в последние военные годы, когда товарный дефицит достиг действительно больших размеров, было введено распределение продуктов питания и топлива по карточкам, опять же с целью обеспечения менее зажиточных слоев населения.

Все эти меры нашли отражение в так называемых августовских законах, полностью изменявших условия хозяйственной деятельности, основанной на либеральных принципах, и впоследствии ставшие предметом политических дискуссий. Эти законы, предоставлявшие широкие полномочия министру внутренних дел Ове Роде, были единодушно приняты парламентом в качестве меры, продиктованной войной, которая, как все еще надеялись, продлится недолго. Они просуществовали в течение пяти лет, но приобрели долгосрочное значение, поскольку доказали возможность государственного управления народным хозяйством и явились прологом сотрудничества между государственным аппаратом и головными организациями рынка труда, которое в различных формах продолжалось и в последующие десятилетия. Поскольку государственная администрация не обладала достаточными ресурсами для решения такой задачи, ее выполнение было возложено на Чрезвычайную комиссию, в состав которой входили

политики и представители деловой элиты и рекомендации которой детально прорабатывались и профсоюзами, и работодателями.

Действие августовских законов не ограничивалось какими-либо сроками, и правительство собиралось частично сохранить государственное регулирование и по окончании войны. Однако, когда в 1919 г. встал вопрос о государственном займе, требовавшем одобрения в ландстинге, кабинету пришлось уступить давлению со стороны оппозиции и приступить к постепенному свертыванию государственного регулирования.

Однако вряд ли этот факт явился решающим для отказа от государственного вмешательства. Вся Европа стремилась вернуться к существовавшим до войны либеральным принципам торговли. Вера в то, что мировой рынок является локомотивом экономики, оставалась неизблемой, а меры, принятые в период войны, в общем и целом считались временными, вызванными необходимостью.

В Дании эти настроения получили и практическое воплощение, поскольку к власти вернулась партия «Венстре». Это произошло в результате выборов 1920 г., которые закончились катастрофическим поражением радикалов, сохранивших, правда, за собой ключевое положение в политике, но выбывших из числа крупнейших партий. Либералы и консерваторы получили большинство в обеих палатах парламента, и левые сформировали кабинет во главе с Нильсом Неергором.

Новый кабинет, однако, вскоре столкнулся с серьезными проблемами. В мае, когда он приступил к своим обязанностям, конъюнктура в мире была еще благоприятной. Необходимость восстановления хозяйства воевавших стран обещала широкие возможности сбыта; производство и цены росли. Но осенью 1920 г. стало ясно, что спрос не обеспечен соответствующей покупательной способностью, и цены рухнули. Для мировой экономики этот так называемый послевоенный кризис оказался столь же глубоким, как и тот, что разразился в 1929 г., но более кратковременным: уже в 1923 г. начался экономический подъем.

В Дании кризис затронул в первую очередь сельское хозяйство, а затем — ив наибольшей степени — городской сектор экономики, где уровень безработицы достиг опасного предела. Во многом против своей воли кабинет вынужден был ввести временное нормирование

иностранной валюты и таможенные пошлины на импорт в целях защиты датских производителей. Тем не менее в основных чертах либеральную экономику удалось воссоздать, и, несмотря на колебания конъюнктуры, остававшейся, впрочем, в 20-х годах в общем и целом благоприятной, Дания сохранила за собой статус страны со свободной торговлей.

Осенью 1922 г. произошла скандальная история, связанная с возможным крахом Крестьянского банка. Он оказался в числе других финансовых институтов, на деятельности которых сказались последствия банкротства их деловых партнеров. Основной причиной серьезных затруднений Крестьянского банка явилось невозвращение крупных кредитов, предоставлявшихся одной торговой компании для проведения операций на российском рынке. Однако в данном случае речь шла о крупнейшем банке страны, и с целью предотвратить непредсказуемые последствия, связанные с его крахом, правительство несколько раз приходило на помощь, предоставляя ему займы и субсидии.

Такие действия противоречили политике кабинета Неергора, направленной на сокращение государственных расходов. Но в долгосрочной перспективе ситуация с Крестьянским банком оказала положительное влияние: в новом законе о банках, принятом в 1930 г., требования к величине собственного капитала и ликвидности финансовых учреждений были ужесточены настолько, что датская банковская система сумела пережить кризис 30-х годов без особых потрясений.

Основным средством для воссоздания существовавших в довоенное время условий международной торговли считалось возобновление действия золотого паритета валюты, которое в большинстве стран было прервано с началом войны. Это означало, что стоимость валюты в каждой стране снова должна была соответствовать определенному количеству граммов золота, в результате чего ее курс оказывался постоянным по отношению к курсам других валют. Необходимость последовать примеру других стран не вызывала в Дании разногласий, но по вопросу о курсе кроны они существовали. Вопрос приобрел особую актуальность в период правления кабинета Стаунинга, а именно в 1925 г., когда крупнейший внешнеторговый партнер страны — Великобритания установила существовавший до начала войны

уровень золотого содержания фунта стерлингов. Ожидания того, что Дания сделает то же самое, привели реальный курс кроны в соответствие с номинальным. В такой ситуации правительство решило вернуться к изначально установленному уровню золотого содержания национальной валюты, «настоящей кроне», как тогда говорили. После выборов к власти пришел новый кабинет «Венстре», и, хотя поводом для этого послужили разногласия в отношении антикризисных мер, причиной происшедшего явилось именно данное решение, поскольку радикалы считали наблюдавшийся за это время рост цен и заработной платы настолько значительным, что подобный шаг мог нанести ущерб экспортным возможностям страны.

Правительство Мадсен-Мюгдаля пыталось проводить сбалансированную политику за счет снижения государственных расходов, в том числе за счет наступления на уровень зарплаты служащих, занятых в общественном секторе. В то же время работодателям в частном секторе также удалось в 1927 г. уменьшить почасовую оплату труда примерно на 5%. Кроме того, кабинет предпринимал попытки укрепить курс национальной валюты за счет воссоздания существовавшего до войны скандинавского валютного союза. Когда в 1875 г. крона пришла на смену ригсдалеру, ее стоимость была приравнена к точно такому же количеству граммов золота, как шведская и норвежская крона. Тем самым был заключен валютный союз между тремя Скандинавскими странами, что давало возможность свободного хождения валют каждого из этих государств в двух других. Однако идея возрождения валютного союза была встречена с сомнениями со стороны как датских, так и шведских экономистов, что само по себе свидетельствует об отсутствии стабильности, характерном для развития народного хозяйства в 20-х годах. В результате переговоры о возрождении валютного союза затянулись, и разразившийся мировой кризис положил конец новой, весьма короткой эре золотого валютного паритета. И когда осенью 1931 г. Великобритания «отошла от привязки национальной валюты к золоту», Дания последовала ее примеру.

Кризис 30-х годов

Наступивший в 1929 г. в Америке экономический кризис не затронул напрямую датскую экономику. Всего лишь 1% экспортной продукции страны направлялся в США, а приток американского капитала не играл никакой роли в развитии экономики. Однако вне зависимости от этих факторов в Европе стал углубляться кризис в аграрном секторе по мере роста производства сельскохозяйственных продуктов, сильно сократившегося в воевавших странах в период первой мировой войны.

В самом начале кризиса ситуация на мировом рынке складывалась для датского сельского хозяйства благоприятно, поскольку в конце 20-х годов упали цены на зерно. Дешевизна импортного зерна создала основу для существенного увеличения поголовья свиней, поэтому датские аграрии предприняли крупные инвестиции в строительство новых свиноферм. Однако, по мере того как кризис охватывал все большее количество стран, в условиях сокращения спроса там стали вводить протекционистские меры в пользу собственных производителей. В результате свободный рынок, оставшийся в немногих странах, оказался перенасыщенным. Важнейшим из них для Дании был британский рынок, на котором в 1931 г. в связи с увеличившимися поставками датского бекона и австралийского масла цены резко упали. Уменьшение прибыли и, соответственно, отсутствие отдачи от вложений, сделанных в предшествующие годы, привели к образованию огромной задолженности в аграрном секторе и поставили сельхозпроизводителей в столь сложное положение, что принудительные аукционы по продаже хозяйств с молотка стали обычным делом. К тому же снижение покупательной способности в сельскохозяйственной отрасли отразилось и на промышленности в городах, ориентированной в основном на производство товаров для внутреннего рынка. В 1932 г. уровень безработицы достиг рекордной высоты.

Несмотря на то что теория Дж.М. Кейнса о преимуществах проведения экспансионистской финансовой политики в те времена была уже известна, правительство строго придерживалось принципа сведения бездефицитного госбюджета. И хотя в кредитной сфере произошло весьма скромное оживление благодаря тому, что целый ряд муниципалитетов пошел на государственные заимствования для покрытия резко возросших расходов на социальные нужды, вряд ли это

оказало серьезное влияние на развитие ситуации.

Единство взглядов крупнейших партий на необходимость осуществления антикризисных мер объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, после того как консерваторы в 1929 г. отправили в отставку кабинет Мадсен-Мюгдаля, отношения между двумя оппозиционными буржуазными партиями оставались прохладными. Во-вторых, пришло осознание того, что кризис был обусловлен причинами внешнего порядка и, таким образом, сам по себе не являлся поводом для политических баталий. А необходимость в достижении межпартийных соглашений возникла в начале 1936 г., когда коалиция социал-демократов и радикалов во главе с Т. Стаунингом и П. Мунком завоевала большинство мест в ландстинге.

Первое межпартийное соглашение такого рода было достигнуто с консерваторами в октябре 1931 г.. Как и большинство последующих подобных соглашений, оно было достигнуто с целью оказать помощь как оказавшимся в кризисной ситуации сельхозпроизводителям, так и безработным в городах. Соответствующим был первый в истории случай вмешательства правительства в конфликт на рынке труда — и, во-вторых, воздержаться при голосовании закона о социальной реформе, о которой речь пойдет ниже. В то же время этой партии удалось добиться от кабинета существенного снижения курса кроны. В результате доходы сельхозпроизводителей, экспортная продукция которых оплачивалась в иностранной валюте (в первую очередь в фунтах стерлингов), в пересчете на национальную валюту возросли. Это соглашение в полной мере выражает дух прагматизма, который был характерен для того времени. Не отказываясь в принципе от своих либеральных установок, левые, в сущности, признали, что защищают интересы сельских производителей точно таким же образом, как и социал-демократы — интересы рабочих.

В то же время с экономической точки зрения соглашение обладало своей внутренней логикой. Вмешательство государства в конфликт на рынке труда не сказалось на уровне заработной платы. А необходимая корректировка в условиях ухудшения экономического положения в годы кризиса произошла за счет повышения цен, которое повлекла за собой девальвация кроны. Реальная почасовая заработная плата, рост которой в предыдущие годы из-за падения цен (прежде всего на продукты питания) носил взрывной характер, после девальвации

постепенно снизилась, хотя ее уровень по-прежнему значительно превосходил соответствующие показатели 20-х годов. «Соглашение на Канслергадэ» представляло собой социальный компромисс и позволило стране избежать таких сильных потрясений, какие сопровождали развитие ситуации в Германии и во Франции, которые продолжали проводить политику золотого обеспечения национальной валюты и поэтому не имели возможности использовать девальвацию в качестве инструмента настройки экономического механизма. Обстановка на рынке труда в 30-х годах была относительно спокойной, и количество потерянных вследствие трудовых конфликтов рабочих дней снизилось наполовину по сравнению с аналогичным показателем предыдущего десятилетия.

В качестве антикризисных мер был предпринят также ряд шагов, направленных на регулирование сельскохозяйственного производства. После того как Великобритания на конференции в Оттаве в 1932 г. пообещала предоставить британским доминионам статус привилегированного торгового партнера, экспорт датских продуктов питания в эту страну сократился, что вызвало необходимость ограничить их производство. Так, например, каждому сельхозпроизводителю выделялась квота, ограничившая количество свиней, поставлявшихся им на скотобойни по обычной цене. Поставки же сверх выделенной квоты оплачивались в меньшем размере.

В общем и целом государственное регулирование экономики носило широкомасштабный характер, и среди современников господствовало убеждение, что так будет продолжаться и в дальнейшем, что либерализм обанкротился окончательно и бесповоротно. Этот сдвиг в общественном сознании характеризуется тем, что две партии, в наибольшей степени ассоциировавшиеся с либеральными идеями — «Венстре» и радикалы, за период между выборами 1929 и 1935 гг. обе лишились поддержки избирателей, представлявших 12% всего электората страны, — динамика для того времени огромная, однако вполне соответствовавшая мировым тенденциям.

Социальная реформа 1933 г.

Один из пунктов «соглашения на Канслергадэ» предполагал, что «Венстре» не станет голосовать «против» предложенного министром социальных дел К.К. Стайнке проекта социальной реформы.

Хотя и считается, что реформа явилась основой созданного в послевоенные годы государства всеобщего благоденствия, она не вносила каких-то кардинальных изменений в сложившуюся к тому времени систему. Реформа носила прежде всего административный характер, поскольку предусматривала унификацию социального законодательства, сведение ранее принятых многочисленных законов в четыре новых, что упрощало управление социальной сферой.

Закон о страховании по безработице текстуально повторял соглашение, годом ранее заключенное правительством с обеими буржуазными партиями. Эта проблема являлась предметом дискуссий в предыдущие годы. Дело в том, что во время первой мировой войны правительство радикалов смягчило действие закона 1907 г., предусматривавшего строгое следование страховому принципу, и повысило долю выплат государства и муниципалитетов в систему страхования по безработице. В период правления кабинета Неергора дотации государства снова были снижены — однако в меньшем, чем предполагалось, объеме. Первоначальные планы подверглись ревизии, с тем чтобы новые условия оказались приемлемыми для профсоюзов и они продолжили бы управлять системой выплат пособий безработным. В 1932 г. дотации государства вновь были увеличены, поскольку в противном случае возросшая в связи с ростом безработицы нагрузка на бюджет профсоюзных касс по выплате пособий оказалась бы для них непосильной. Теперь же появилась возможность в большем объеме финансировать кассы тех отраслей, в которых наблюдался особо высокий уровень безработицы. Помимо этого увеличился срок, в течение которого выплачивалось пособие по безработице. Этому способствовало повышение доли выплат работодателей в созданный в 1921 г. специальный фонд, оказывавший дополнительное вспомоществование безработным. Благодаря этим и принятым позднее — в 1937 — 1938 гг. — поправкам к законодательству срок получения пособия по безработице в среднем составил 200 дней, с некоторыми отклонениями в зависимости от принадлежности к той или иной кассе помощи безработным. В отношении лиц, не нашедших работу по истечении установленного срока, по-прежнему действовал порядок

предоставления им социальных пособий по бедности в рамках общественного сектора.

Закон о всеобщем страховании, включавший в себя страхование по болезни, старости и инвалидности, предполагал некоторое увеличение соответствующих пособий. Однако наиважнейшему изменению законодательство в этой области подверглось в 1922 г., когда пенсионный возраст увеличился с 60 до 65 лет, а определение размера «пенсии по возрасту», как она теперь стала называться, перешло в компетенцию государства, тогда как ранее его устанавливали отдельные муниципалитеты по своему усмотрению. В то же время коммунальные власти получили возможность предоставлять пенсионерам социальное жилье в квартирах взамен мест в домах призрения. В 1937 г. было восстановлено право получения пенсии по достижении шестидесятилетнего возраста, правда в уменьшенном размере. Предполагалось, что этим правом в первую очередь воспользуются лица, долгое время остающиеся без работы, и одинокие женщины, то есть наиболее беднейшие группы общества.

Острые дискуссии вызвал проект закона об общественном призрении. Но не потому, что на его осуществление требовалось больше средств, чем на проведение в жизнь законов, которым он пришел на смену, а потому, что он ограничивал права тех, кто обращался за общественным вспомоществованием, в частности лишал их права голоса на выборах в местные органы власти. Пособие по бедности в собственном значении этого термина предоставлялось теперь лишь незначительному меньшинству общества, представленному алкоголиками, люмпенами и т. п. Другие виды общественного вспомоществования относились ныне к формам муниципальной или — в обыденном понимании — «социальной» помощи, и для лиц, принимающих таковую помощь, правовые последствия могли быть применены только в случае признания их муниципальной комиссией по социальным вопросам нуждающимися по собственной вине, как правило в случае признания их тунеядцами. На практике в разряд таковых попадало лишь незначительное меньшинство населения. Таким образом, произошло кардинальное переосмысление самой сути системы общественной поддержки граждан. Изначально общественная помощь рассматривалась как своего рода заем, который в принципе подлежал возвращению, а неуплата долга влекла за собой лишение гражданских

прав. В предыдущие десятилетия из этого правила делались многочисленные исключения. Теперь же с правовой точки зрения в осознании данной проблемы произошел переворот. Помощь государства квалифицировалась уже как всеобщее право, из которого власти могли делать исключения лишь в особо оговоренных законом случаях.

На первый взгляд споры по поводу правовых принципов были бурей в стакане воды, ведь право на получение пособия по бедности фактически закреплялось уже в Конституции 1849 г. И тем не менее эта дискуссия имела большое значение для будущего, поскольку внесла свою лепту в изменение общественного сознания, которое постепенно переставало воспринимать государственную помощь нуждающимся как некое подаяние, унижающее социальное достоинство граждан. В первую очередь именно благодаря тому, что социальная реформа способствовала выработке этого нового отношения в массовом сознании, она стала важным шагом на пути к созданию общества благоденствия.

К сфере социальной политики в общепринятом понимании этого термина можно отнести и законы, впервые принятые в 1929 г., согласно которым разрешалась стерилизация душевнобольных и умственно неполноценных, в теории — на добровольной основе, на практике же — в качестве условия выписки из клиники или лечебницы. Сторонники подобных мер руководствовались, с одной стороны, тем, что дети этих лиц оказывались бы в неприемлемых для жизни и воспитания семейных условиях, а с другой — что не менее существенно — распространены в то время теориями наследственности, авторы которых считали необходимым ограничить передачу наследственных болезней потомству. В этом отношении Дания находилась среди стран-пионеров, разработавших так называемое евгеническое законодательство, каковое в течение 30-х годов было принято и в других государствах.

Условия жизни семьи

Структура распределения доходов существенных изменений не претерпела. На долю лиц с самыми высокими доходами, составлявших

4 — 5% всех налогоплательщиков, приходилась четвертая часть национального дохода, и точно такая же сумма поступала в распоряжение 55 — 60% налогоплательщиков, имевших самые низкие доходы. Уровень благосостояния населения различался в зависимости от места проживания. Самым высоким он был в Копенгагене и крупных провинциальных городах. Ниже — в малых городах, а самым низким — в сельских районах.

В общем и целом уровень жизни повысился, и вопиющая нищета стала скорее достоянием прошлого, нежели приметой настоящего. О росте уровня жизни дают представление данные о структуре расходов в семьях рабочих и служащих, опубликованные по результатам проводившихся время от времени Статистическим управлением Дании исследований, посвященных положению домашних хозяйств. В 1909 г. 45% дохода уходило на продукты питания, а в 1939 г. — только 33%, и, наоборот, доля дохода, остававшаяся в распоряжении семьи после удовлетворения других первичных потребностей — оплата жилья, покупка одежды и т. п., выросла с 24 до 31%.

В большинстве своем доход семьи по-прежнему оставался равен доходу ее главы. Доля средств замужних женщин в доходах домашних хозяйств составляла всего лишь несколько процентов. Однако данные исследований за 1939 г. свидетельствуют о начале изменений в сложившейся структуре, поскольку в некоторых группах населения доля супруги в совокупном доходе семьи в среднем составила 15%. И такое положение дел было характерно отнюдь не для семей с низким доходом главы дома, а, напротив, для тех, где он имел особо высокий доход. То есть в данном случае речь идет о женщинах, имевших хорошую работу, к примеру в учреждении или в магазине, и не пожелавших бросать ее после замужества.

Эта тенденция становилась все заметнее, по мере того как увеличивалось количество незамужних женщин, предпочитавших работе прислуги труд в быстро растущем секторе обслуживания. Дефицит прислуги волновал определенные круги общества. Предпринимались попытки привлечь к этой работе новые кадры за счет смены названия должности на «домработницу», но они, разумеется, оказались безуспешными. Хотя государство официально и ввело принцип равной оплаты за равный труд вне зависимости от пола работника, женский труд по-прежнему был дешевле мужского, а

профсоюз женщин-работниц в то время еще считал такую ситуацию приемлемой, поскольку она позволяла привлечь большее количество женщин на рынок труда. Некоторыми представителями сильного пола выдвигалась идея снижения уровня безработицы за счет увольнения замужних женщин, однако она не нашла серьезной поддержки.

Детских садов и яслей было еще мало, а в системе образования подавляющее большинство населения ограничивалось обучением в начальной школе. Правда, количество выпускников реальных училищ (девять—десять лет обучения) и средних школ (восемь—девять лет обучения) удвоилось и в 1940 г. составило, соответственно, И и 15% общего числа детей данного возраста. Число выпускников гимназий также удвоилось и превысило 3%.

Начальная школа являлась самым важным социальным учреждением для детей. Обучение в начальной школе в разных коммунах было организовано по-разному, и не далее как в 1937 г. новый закон о школьном образовании содержал в себе два пакета документов, регулировавших деятельность в этой области, один — для городских, а другой — для сельских школ. Требования для городских и сельских школ отличались друг от друга, да они и не могли быть едиными. Небольшие сельские коммуны с малым количеством детей, в отличие от городских, не имели возможности обеспечить обучение по всему спектру преподаваемых предметов. Во многих сельских школах работал лишь один учитель, а все дети делились на два класса, которые приходили на уроки посменно, через день. Новый закон был в первую очередь направлен на улучшение условий обучения на селе. По новым правилам школы обязательно должны были иметь спортивный зал, помещение для уроков труда и кухню — девочки по-прежнему считались будущими домохозяйками. Кроме того, при наличии соответствующих условий сельские школы получили право организовать обучение английскому языку. С целью повышения эффективности обучения местным властям разрешалось создавать одну — центральную школу, финансируемую несколькими коммунами сообща. Война, однако, затормозила ход реформы, и, хотя принцип унификации школьного образования был заложен уже в новом законе о школах, принятом в 1958 г., только укрупнение коммун в 1970 г. позволило создать основу для его практического осуществления по всей стране.

Жилье и транспорт

Дефицит жилья представлял собой одну из главных проблем того времени. Естественный прирост населения сопровождался переселением сельских жителей в города, и этот процесс усилился в период кризиса в сельском хозяйстве в 30-х годах. Во многих сельских коммунах численность населения начала сокращаться.

Стремление городских властей обеспечить жильем растущее население не было столь настойчивым, как в более позднее время. В статистических отчетах о развитии жилого фонда в крупных городах появилась новая категория — «перенаселенные квартиры», то есть такие, в которых хотя бы в одной из комнат проживало более двух человек. Так, двухкомнатная квартира — наиболее распространенный в то время тип жилья — относилась к перенаселенным, если в ней проживала семья с не менее чем тремя детьми. Задача в области жилищной политики и состояла в том, чтобы первоначально уменьшить количество подобных квартир, а в дальнейшем, разумеется, полностью ликвидировать «перенаселенность».

Надежды на будущее связывались с новым понятием «современная квартира». Современными считались квартиры с туалетом, горячим водоснабжением, центральным отоплением и, как правило, ванной, хотя последнее не являлось обязательным условием. Именно с такими удобствами возводились дома-новостройки, и в 1940 г. четвертую часть всего жилого фонда в городах составляли квартиры этой категории.

В период первой мировой войны строили мало, и во многих городах появились временные постройки барачного типа для бездомных. Темпы жилищного строительства стали расти только в середине 20-х годов, а в 30-х — резко ускорились. Тот факт, что строительная отрасль переживала бум в годы кризиса, может вызвать удивление. Но с одной стороны, этому способствовало государство, оказывавшее поддержку начавшемуся, пусть и в скромных масштабах, строительству социального жилья, а с другой, что наиболее важно, — снижение учетной ставки вследствие кризиса. Снижение не настолько значительное, чтобы датские аграрии смогли решить проблемы со своей задолженностью за счет конвертации займов, но достаточное для

удешевления строительства в частном секторе. Такой же эффект имели и изменения в правилах противопожарной безопасности, благодаря чему появилась возможность экономии средств, поскольку при наличии в доме балконов строительство «черной» лестницы стало необязательным.

В результате бурного развития строительной отрасли удалось не только удовлетворить потребности растущего городского населения в жилье, но и улучшить его качество. Рост отмечался как по количеству квартир на тысячу жителей, так и по количеству метров жилой площади на одного человека. Кроме того, квартиры в новых, как правило, трехэтажных кирпичных жилых домах имели балконы и были по современному оборудованы, иногда даже и холодильниками, хотя такого рода дома еще относились к элитным.

В период с 1929 по 1940 г. доля перенаселенных квартир сократилась с 12 до 3,5% в столице и с 13 до 5% — в провинциальных городах. Это произошло не только за счет увеличения жилого фонда, но и в связи с уменьшением количественного состава семей. Падение рождаемости, наблюдаемое в 20-х годах, несколько замедлилось в следующем десятилетии, но тем не менее, по прогнозам, сделанным накануне войны, в 50-х годах XX в. должен был начаться процесс сокращения народонаселения Дании, что вызывало в обществе беспокойство.

В конце 30-х годов была поднята учетная ставка, и в жилищном строительстве обозначились кризисные явления. Тысячи квартир пустовали по причине слишком высокой квартплаты. Когда же в самом начале войны в сентябре 1939 г. квартплата, в отличие от продолжавшей расти заработной платы, была заморожена, эти квартиры вскоре оказались заселенными.

Среди архитекторов и проектировщиков бытовало мнение, что будущее жилищного строительства в разрастающихся городах за многоэтажными и высотными домами, поскольку считалось, что при сохранении малоэтажного строительства непомерно удлинится путь от дома до работы. Однако при том развитии транспортных средств, которое уже началось, но еще не было учтено, эти опасения оказались напрасными.

Личные автомобили имелись еще далеко не у каждого датчанина, но тем не менее в конце 30-х годов автомобильный транспорт по

пассажиروобороту — в пересчете на пассажирокилометры — опередил железнодорожный. И это произошло несмотря на то, что железнодорожные компании также стремились удовлетворить растущий спрос на внутригородские и пригородные перевозки. В 1935 г. были сданы в эксплуатацию первые линии городской железной дороги в Копенгагене, обслуживаемые скоростными электропоездами. Кроме того, в крупных городах: Копенгагене, Орхусе и Оденсе — в дополнение к трамвайным открывались и новые автобусные маршруты.

В 1935 г. произошла революция в области дальних перевозок — завершилось строительство моста через пролив Малый Бельт. И когда два года спустя на линию вышел признанный чудом техники скорый дизель-электропоезд, время в пути при поездке из Ольборга в Копенгаген сократилось с 10 часов 20 минут до 6 часов 22 минут. А в 1937 г. мост через пролив Сторстрём равным образом связал остров Фальстер с Зеландией.

Грузоперевозки на дальние расстояния по-прежнему в подавляющем большинстве осуществлялись морским и железнодорожным транспортом. Однако на коротких маршрутах более рентабельным оказалось использование грузовых автомобилей, равно как и расширявшееся автобусное сообщение составило жесткую конкуренцию железнодорожному. Статус пристанционного городка сам по себе теперь уже не гарантировал возможности экономического развития. В 20-х годах XX столетия строительство новых железных дорог прекратилось, и начался демонтаж некоторых линий, пока, правда, в умеренном темпе.

Культура и досуг

Тот факт, что атмосфера межвоенного времени была, несмотря ни на что, проникнута оптимизмом, объясняется всеобщей эйфорией от достижений в области техники. Мосты, автомобили, скорые поезда — все это имело не только практическое значение, но и являлось материальным подтверждением того, что возможности человека еще далеко не исчерпаны.

Из всех чудес техники наибольшее влияние на повседневную жизнь датчан оказало радио. Государственная радиостанция (Датское радио)

начала регулярное вещание в 1925 г., но если вначале слушатели располагали простейшими детекторными приемниками, для пользования которыми не требовалось электричества, но необходимы были наушники, то впоследствии им на смену пришли современные аппараты со встроенными динамиками. К началу второй мировой войны радиоприемники были уже практически в каждом доме, и, поскольку существовала только одна датская программа, все население получало одинаковую информацию, а тем самым и общие темы для обсуждения. Возможно, что и какие-то иные факторы способствовали формированию единого национального самосознания, но, во всяком случае, радио тоже сыграло в этом свою роль.

Программа новостей «Радиогазета» выходила, как явствует из названия, в сотрудничестве с печатными органами в целях обеспечения ее независимости от партийно-политических интересов. Тем не менее эфир в основном заполняли музыкальные передачи, и в этом смысле радиовещание развивалось бок о бок с завоевывавшим все большую популярность видом искусства — кино. В начале 30-х годов закончилась эра немого кинематографа. На смену ему пришел кинематограф звуковой, в котором самым популярным стал жанр бытовой комедии с необходимым для нее элементом — запоминающейся мелодией, которую передавали по радио с целью привлечения зрителей в кинотеатры. Жанр этот просуществовал многие десятилетия.

Что касается моды в одежде, то изменения коснулись в первую очередь женских туалетов. Эксперименты начала 20-х годов с внедрением в обиход расклешенных брюк вскоре закончились, зато юбки стали менее пышными, а длина их — короче.

Шелковые чулки в Дании, как и в других странах, считались признаком самой высокой моды, и надо сказать, что мировое производство натурального и искусственного шелка за эти годы увеличилось в 8 раз. Ушел в прошлое такой атрибут дам благородного происхождения, как зонтик от солнца, поскольку возобладало мнение, что солнечный загар полезен для здоровья. И кроме того, бледность лица больше не считалась верным признаком определенного социального статуса — она могла быть и следствием работы в помещениях фабричных цехов.

Мужской же костюм особых изменений не претерпел, не считая

того, что постепенно, по мере того как наручные часы вытесняли из употребления карманные, переставал быть неременной деталью туалета жилет, поскольку отпадала потребность в жилетном кармане. А вот борода вышла из моды, и новый киногерой, дикарь Тарзан, всегда появлялся на экране на удивление гладко выбритым.

Глава 21

Вторая мировая война

Период с 1939 по 1945 г., а в особенности с 1940 по 1945 г., когда впервые в истории вся территория Дании была оккупирована войсками иностранного государства, в историографии и общественном сознании занимает место, не соответствующее тому весьма скромному воздействию, которое он оказал на развитие датского общества. Одним словом, по окончании войны датчане продолжили свой путь с того места, на котором они находились перед ее началом. Наибольшее влияние события тех лет оказали на внешнеполитическую сферу, где Дании в условиях новой международной обстановки представилась возможность блокироваться с другими государствами, а принцип нейтралитета оказался дискредитированным.

Период оккупации стал частью национальной мифологии и описывается с таким эмоциональным запалом и неоднозначным политико-моральным подтекстом, которые напоминают дух того времени. Солидарность с идеей сопротивления оккупационным властям или готовность к сотрудничеству с ними и, наконец, откровенное морализирование — все это по-своему наложило отпечаток на те или иные суждения. Данный феномен известен в Европе повсюду. Анализ же его основан в первую очередь на концепции истории Блаженного Августина, полагавшего, что историческая коллизия состоит в борьбе Бога и Сатаны, добра и зла. Но если существовало единство мнений по поводу того, что силы зла представляла гитлеровская Германия, то вопрос о том, кого можно причислить к силам добра и в какой степени это добро было благом, остался открытым.

Безусловно, можно считать, что в период оккупации датское общество подверглось тяжелому испытанию; это позволяет оценить прочность его социальной конструкции и идеалов. Однако оценка затрудняется тем, что с 1940 по 1945 г. произошло радикальное изменение ситуации и преобладавших точек зрения.

Первая суровая зима

Сразу же после начала войны 1 сентября 1939 г. ее отголоски достигли нейтральной Дании. Четвертого сентября Эсбьерг первым из западноевропейских городов подвергся бомбардировке. Британский бомбардировщик, имевший целью германские корабли в районе устья Эльбы, во время полета над Северным морем сбился с курса и сбросил бомбы на местный порт — вне всякого сомнения, по ошибке.

Этот эпизод служит иллюстрацией растущих трудностей, с которыми сталкивалась нейтральная страна в попытках избежать участия в военных действиях. Наиболее сложную проблему представляла выработка позиции по отношению к вооруженной экономической блокаде.

Стратегия датского нейтралитета предполагала сохранение традиционных торговых связей с обеими воюющими сторонами. В этом смысле в центре внимания оказался датский экспорт сельскохозяйственной продукции в Англию: в течение осени и зимы в результате агрессивных действий германского подводного флота погибли 362 датских моряка, а в последующий период — по меньшей мере еще тысяча человек, в основном из тех, кто служил на судах союзников. Таким образом, моряки во время войны понесли наиболее тяжелые потери по сравнению со всеми остальными группами населения.

В конце концов немцам удалось убедить в том, что в случае прекращения торговли с Западом дефицит искусственных удобрений и кормов приведет к резкому снижению производства в сельском хозяйстве, что, в свою очередь, негативно скажется на экспорте датского продовольствия в Германию. В результате было достигнуто соглашение о беспрепятственном проходе через Северное море датских кораблей, обозначенных специальным знаком — мальтийским крестом. Вот пример прагматичного подхода к решению возникавших проблем, который датское правительство старалось демонстрировать на протяжении всей войны. Впрочем, значение подобного соглашения оказалось не столь велико ввиду резкого ограничения судоходства в этот период по причине долгой и суровой зимы.

В отношении же Англии датское правительство выработало иные — как выяснилось позднее, более реалистичные — аргументы, смысл

которых заключался в том, что, несмотря на сокращение английского импорта, Дания была в состоянии увеличить экспорт сельскохозяйственной продукции в Германию. Проблема между тем состояла в том, что Англия опасалась поставить снабжение населения продовольствием в зависимость от импорта из Дании, поскольку отсутствовала уверенность в возможности наладить регулярные поставки. Поэтому англичане не пошли на увеличение цен, хотя фрахтовые тарифы резко возросли. В общем и целом за первые полгода войны доходы от датского экспорта уменьшились на треть, что соответствовало снижению национального продукта на 8—10%. Таким образом, к началу германской оккупации страна уже находилась в сложном экономическом положении.

В политическом же плане Министерство иностранных дел Дании, разумеется, заявляло протест по поводу любого нарушения датского воздушного пространства, а оказавшиеся на территории страны в результате вынужденной посадки или гибели морского судна германские пилоты и морские пехотинцы интернировались. Правда, в тех многочисленных случаях, когда не удавалось установить истинную причину кораблекрушения, предполагалось, что оно произошло в результате случайного подрыва на минах.

Таким образом, решение об оккупации Дании никоим образом не объясняется недовольством Германии той политикой нейтралитета, которую проводила Дания, или экономическими интересами. В планах вермахта по использованию экономического потенциала страны сельскохозяйственный сектор не значился.

9 апреля 1940 г.

Решение о проведении военной акции против Дании было принято в конце февраля 1940 г. Оно являлось частью плана оккупации Норвегии, и цель его состояла в строительстве баз для германских подводных лодок, а также в предотвращении военных операций союзников, направленных на срыв поставок шведской железной руды в Германию. Первоначально предполагалось захватить лишь Фредериксхаун и Скаген, порты которых должны были служить перевалочной базой для снабжения германских войск в Норвегии.

Однако, в силу того что командование военно-воздушных сил сразу же выдвинуло требование о передаче в свое распоряжение аэродрома города Ольборга еще до получения ответа датской стороны на готовившийся ультиматум, прошло предложение об оккупации всей страны.

Нельзя сказать, что германское вторжение оказалось для датского правительства полной неожиданностью. В первые дни апреля датская миссия в Берлине информировала о его подготовке. Достоверность этой информации явно подвергалась сомнению, но тем не менее в Копенгагене к ней отнеслись более серьезно, нежели в Осло и Лондоне, куда она также была направлена. Четвертого апреля правительство дважды обсуждало ее на заседаниях с участием представителей военного командования; на этих заседаниях сначала было принято решение об отказе от нового призыва дополнительного контингента в количестве 36 тыс. человек, призванных сразу после начала войны, но затем распущенных по домам в обмундировании. Это решение предвосхитило другое — отказ от вооруженного сопротивления в утро предстоявшего вторника.

Девятого апреля в 4 часа 15 минут утра германские войска перешли границу и высадили десант на многих островах и в Копенгагене. Одновременно германский посол Ренте-Финк предъявил министру иностранных дел П. Мунку ультиматум, содержащий в себе заверения, что германские войска не преследуют никаких враждебных целей, и требование обеспечить беспрепятственное продвижение и свободу действий германских войск на территории Дании. Взамен вермахт давал гарантии «территориальной целостности и политической независимости Королевства Дания». На заседании срочно созванного Государственного совета обсуждался вопрос о продолжении вооруженного сопротивления, с целью произвести благоприятное впечатление на возможных союзников, но поскольку сопротивление представлялось явно безнадежным делом, было принято решение немедленно прекратить боевые действия и подчиниться обстоятельствам, вызванным фактической оккупацией страны. Тем временем в боевых столкновениях в Южной Ютландии и других местах погибли тринадцать датских солдат.

Статус Дании

Согласившись с условиями ультиматума, правительство добилось того, что Германия на протяжении всей войны считала Данию формально суверенным государством, не находившимся с ней в состоянии войны. Конституционные органы власти: король, правительство и ригсдаг — функционировали в прежнем режиме вплоть до 29 августа 1943 г., когда они были заменены центральными органами управления, деятельностью которых руководили высшие чины министерских департаментов. Поскольку Дания сохранила статус иностранного государства по отношению к рейху, выработка политических решений в отношении нее по-прежнему являлась прерогативой германского Министерства иностранных дел и германского посла, который ко всему прочему получил звание государственного уполномоченного в знак того, что ему подчинялись все другие гражданские германские инстанции в Дании.

Было бы, однако, неправильно объяснять существование в Дании такого особого порядка, благодаря которому создавались более терпимые, нежели в других оккупированных странах, условия жизни, уступчивостью датского правительства накануне войны. Дело в том, что подобные предложения по инициативе Гитлера, помнившего, какую бурную реакцию вызвало вторжение в Бельгию в 1914 г. и считавшего, что «мирная» — в его терминологии — оккупация таит в себе большие пропагандистские возможности, были сделаны норвежским, а позднее также голландским и бельгийским властям, но приняла их только Дания. Впоследствии предоставление последней особого статуса объяснялось еще и теми обстоятельствами, что он был выгоден в экономическом плане, а авторитет правительства позволил затормозить рост движения Соппротивления.

Британские войска вступают в Торсхавн 13 апреля 1940 г.

В качестве реакции на оккупацию Дании, английские войска заняли Фарерские острова. До конца 1943 г. британцы не принимали здесь суда под датским флагом, что дало Фарерским островам возможность получить собственный флаг. Фарерские суда перевозили в Великобританию большое количество рыбы из Исландии. Эти рейсы были очень опасными, о чем свидетельствуют 25 затонувших судов и гибель 132 моряков. Однако выгода была несомненной. Относительное благосостояние островов стимулировало их развитие и способствовало большей самостоятельности, ставшей предпосылкой обретения ими автономии в 1948 г.

Хотя суверенитет Дании в истинном смысле этого слова являлся фикцией, все же ситуация в стране отличалась от положения в других оккупированных государствах, поскольку в Дании так и не была создана германская администрация, в связи с чем германские власти не могли изменять датское законодательство и командовать датскими властями. В Норвегии и Голландии управление осуществлял германский рейхскомиссар, подчинявшийся напрямую Гитлеру. А в Бельгии и во

Франции были созданы военные оккупационные управления. В соответствии с положением Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны органы исполнительной власти и полиция в этих странах продолжали исполнять свои функции под руководством оккупационных властей. Таким образом, нельзя сказать, что подобное сотрудничество с оккупантами само по себе диктовалось особым статусом Дании. Однако политическая форма, в которой оно осуществлялось, и подчеркнутая готовность кабинета пойти на него способствовали тому, что такое сотрудничество воспринималось нацией как еще большее унижение.

Преимущество статуса Дании состояло в том, что наиболее важные стороны общественной жизни страны не претерпели особых изменений. За исключением коммунистической партии, запрещенной после начала войны Германии против России в 1941 г., остальные политические партии смогли продолжить свою деятельность, что — хотя и в равной степени — относилось к различного рода союзам, обществам и профсоюзным организациям. В определенной степени сохранялась и свобода слова, поскольку цензура печати была введена только 29 августа 1943 г., а до тех пор материалы на внутривнутриполитические темы публиковались свободно. Содержание же внешнеполитических статей контролировалось германской стороной, на радио существовала германская цензура, а пресс-бюро Министерства иностранных дел следило за тем, чтобы в прессе не появлялись материалы провокационного, с точки зрения оккупационных властей, характера. Все это, как и многое другое, являет собой пример принимавшихся в русле соглашательской политики прагматичных решений, не подлежавших юридической оценке. Однако какого-либо общего датско-германского договора об условиях оккупации стороны так не заключили.

Деятельность правительства

Десятого апреля в состав правительства дополнительно вошли шесть так называемых министров-наблюдателей, по три от либералов и от консерваторов. Обе партии при этом особо подчеркнули, что данный шаг не означает распространения на них ответственности за решение,

принятое 9 апреля. К тому же формально консерваторы заняли посты как частные лица, а не как представители своей партии. Восьмого июля 1940 г. четыре партии (социал-демократы, радикалы, либералы и консерваторы) сформировали коалиционное правительство в обычном значении этого слова. Стаунинг сохранил за собой пост премьера, однако потрясение, вызванное поражением Франции в июне того же года, повлияло на решение ввести в состав кабинета трех министров, не связанных партийными интересами. Такой шаг объяснялся стремлением, с одной стороны, пойти навстречу оккупационным властям, которые трудно было заподозрить в симпатиях к принципу парламентаризма, а с другой — удовлетворить пожелания собственных критиков проводившейся партиями политики. Наиболее значимым стал уход в отставку министра иностранных дел П. Мунка, которого сменил Эрик Скавениус, занимавший данный пост во время первой мировой войны и пользовавшийся доверием в Германии.

В дальнейшем последовали изменения и на многих других министерских постах. Так, в октябре 1940 г. по требованию германской стороны вынужден был уйти министр торговли, бывший лидер консерваторов Кристмас Мёллер, а после смерти Стаунинга в мае 1942 г. его заменил представлявший социал-демократов министр финансов Вильгельм Буль. Однако сомнений в том, что кабинет пользуется поддержкой партий, представлявших более чем 90% избирателей, не возникало, так что альтернатива парламентской базе правительства отсутствовала. Чтобы еще более подчеркнуть этот факт, 2 июля 1940 г. в Ригсдаге была дополнительно создана комиссия по сотрудничеству, называвшаяся также комиссией девяти, в состав которой вошли представители партий правительственной коалиции и Правового союза. Ее закрытые заседания стали основным форумом для политических дискуссий.

Важное событие произошло в ноябре 1942 г. В результате продолжавшегося целый месяц так называемого «телеграммного кризиса», формально вызванного тоном весьма лапидарной благодарственной телеграммы Кристиана Х Гитлеру, германская сторона выдвинула требование замены правительства новым. В создавшейся ситуации Скавениус принял на себя еще и обязанности премьера и сформировал кабинет, половина министров которого не представляла какие-либо политические партии. И хотя это

правительство рассматривалось обществом как навязанное ему силой, оно, как и его предшественники, действовало на основе широкой парламентской базы. В период правления кабинета в марте 1943 г. были даже проведены выборы в ригсдаг, на которых партии правительственной коалиции получили более чем достаточную поддержку избирателей, правда, выступая под лозунгом, подчеркивавшим их дистанцирование от кабинета Скавениуса.

В конце концов 29 августа 1943 г. правительство совместно с ригсдагом и королем приняло решение о прекращении своей деятельности. В ответ на продолжавшиеся целый месяц во многих провинциальных городах забастовки и уличные беспорядки оккупационные власти предъявили кабинету ультиматум. Он содержал помимо прочего требования ввести в качестве карательных мер смертную казнь и взятие в заложники, неприемлемость чего была ясна для обеих сторон. После отказа правительства выполнить эти условия в стране было объявлено чрезвычайное военное положение, когда формально исполнительная власть принадлежала вермахту. Оно действовало в течение шести недель. Одновременно началось расформирование все еще существовавших после 9 апреля, хотя и в урезанном виде, датской армии и военно-морского флота, личный состав которых подвергся временному интернированию. Гитлер исходил из того, что подобные действия означали лишь ужесточение проводившегося по отношению к Дании курса и не вели к нарушению ее статуса суверенного государства, с которым Германия не находилась в состоянии войны. Вплоть до окончания оккупации все политические вопросы находились в ведении германского ведомства иностранных дел, а места ушедших в отставку с министерских постов политиков, с их согласия, заняли в качестве представителей датской стороны руководители департаментов соответствующих министерств.

Приспособление к условиям оккупации 1940 г.

Политику правительства можно охарактеризовать фразой из выступления Стаунинга на состоявшемся вечером 9 апреля общем заседании ригсдага. Аргументируя решение об отказе от вооруженного противостояния, премьер-министр заявил, что оно обусловлено

стремлением «оградить страну и народ от последствий войны», иными словами, стремлением выжить. Цель, таким образом, ставилась краткосрочная, а политический курс в целом не зависел от того, на военную победу какой из сторон возлагались надежды. Каких-либо предложений воздействовать на ход войны не выдвигалось.

Как и другим захваченным Германией странам, Дании пришлось приспособляться к создавшейся обстановке и признать, что общество не может нормально функционировать, не сотрудничая с оккупационными властями в экономическом и административном плане, по линии полицейских органов, а в случае с Данией — еще и в политической сфере. Вскоре выяснилось, что Германия уважала датский суверенитет лишь в рамках, обусловленных ее собственными интересами, и поэтому правительству приходилось идти на все новые и новые уступки. Как уже говорилось, были введены ограничения на свободу печати, хотя запрета на прослушивание передач английского радио, вопреки ожиданиям большинства, не последовало. Военным несколько раз пришлось передавать немецкой стороне оружие и корабли, а оставшуюся в их распоряжении часть вооружений вермахт конфисковал 29 августа 1943 г. На переговорах по разграничению юрисдикции правительству, компетенция которого обуславливалась формальным признанием суверенитета Дании, не удалось, несмотря на поддержку со стороны германского МИДа, закрепить принцип подсудности датских граждан только датским судам. Командование вермахта настаивало на праве любой армии защищать себя, однако проявило готовность пользоваться данным правом по согласованию с датской стороной в каждом конкретном случае. Поэтому до осени 1942 г. на рассмотрение военного трибунала было вынесено всего лишь три дела о шпионаже, саботаже и *Zersetzung*^[53], то есть о ведении враждебной пропаганды в рядах германских войск, и при этом все признанные виновными отбывали наказание в датских тюрьмах. Ценой такой уступки с немецкой стороны стало ужесточение датского уголовного законодательства и внесение поправки, предусматривавшей его распространение, в частности, на дела о шпионаже против оккупационных властей.

Были, правда, и случаи, когда правительство оказывалось способным отвергать претензии германской стороны. Летом 1940 г. кабинету было сделано предложение заключить датско-германский

валютный и таможенный союз, который, по мнению германского внешнеполитического ведомства, мог бы служить примером в деле организации нового экономического порядка в Европе после казавшейся в то время близкой победы Германии. Однако, поскольку в немецких экономических кругах это предложение поддержки не нашло, Германия не имела возможности предъявить его в качестве требования, и датскому правительству удалось выйти из продолжавшихся четырнадцать дней переговоров по этому вопросу.

Летом 1940 г. население всех стран было охвачено страхом перед победоносной Германией, и его симптомы, хотя и не в такой явной форме, проявились и в Дании. Так, например, вновь образованное коалиционное правительство, приступая к своим обязанностям 8 июля, одобрило составленное Скавениусом заявление, приобретшее печальную известность в первую очередь благодаря фразе о «великих победах Германии, повергших мир в изумление и восхищение». Раздавались также и голоса противников парламентской демократии, а в ноябре 1940 г. Кристиан X получил обращение, авторы которого призывали к формированию правительства, действующего независимо от ригсдага. Однако какие-либо признаки усиления антипарламентских настроений отсутствовали, да и вообще в Дании реакция на происходившее оказалась не столь бурной, как, к примеру, во Франции, где Национальное собрание большинством в 95% упразднило Третью республику. Возможно, это объясняется тем, что жизнь и в условиях оккупации протекала в более или менее привычном русле, а отчасти и тем, что население Дании оказалось в большей степени подготовлено к создавшимся условиям, поскольку национальная идея датчан в течение столетий формировалась под влиянием отношений с Германией.

Решения, принимавшиеся в русле соглашательской политики, всегда становились предметом споров как в самом правительстве, так и вне его. Курс на уступки оккупационным властям оправдывался, в частности, тем, что в ином случае последние могли бы действовать без учета мнения датской стороны, но, сотрудничая с ними, можно было бы, как показали переговоры по разграничению юрисдикции, добиться смягчения их требований. Кроме того, подспудно на принятие решений влияла и угроза демонтажа всей конструкции подобного особого порядка, хотя реальные очертания эта угроза приобрела лишь один-единственный раз.

Вызывали в обществе тревогу и гипотетические намерения немцев привести к власти в стране нацистское правительство. Вера в такое развитие ситуации была, возможно, невелика, поскольку считалось, что немцы осознавали политическую недееспособность датских нацистов и несостоятельность их лидера Фрица Клаусена. Недаром же тогда пользовалась популярностью фраза «Боже, храни Короля и Фрица Клаусена». Но на самом деле возможность именно такого поворота событий обсуждалась осенью 1940 г. В конце июля — начале августа Гитлер одобрил представленный министром иностранных дел Риббентропом план оказания широкомасштабной финансовой поддержки Национал-социалистической рабочей партии Дании (НСРПД), явно преследовавший цель такого увеличения политического потенциала партии, какое обеспечило бы ей возможность сформировать правительство. Кстати, еще в 1942 г. Гитлер заявлял, что Фриц Клаусен когда-нибудь придет к власти в Дании.

В планы немецкого диктатора, разумеется, не входило сохранение Дании в качестве демократического анклава в новой, выстроенной по его образцам Европе, и, поскольку датчане, согласно расовому учению, относились к германским народам, в «Великогерманской империи», созданием которой он грезил, они должны были быть приравнены к титульной расе господ. Но для этого их, так же как норвежцев и голландцев, следовало обратить в истинную веру, то есть подвергнуть нацификации. Предлагая Дании особый статус, германская сторона преследовала лишь краткосрочные цели. В октябре — ноябре 1940 г. она всерьез обсуждала вопрос о передаче власти местным нацистам, но отложила его решение на неопределенное время, поскольку стало очевидно, что война затягивается, и поэтому идея установления нацистского режима в долгосрочной перспективе во многом перестала быть столь актуальной. Окончательно же она была похоронена только после Сталинградской битвы и парламентских выборов в марте 1943 г., на которых НСРПД лишь незначительно укрепила свои позиции.

Война Германии с Россией. 1941 год

Наиболее значительные уступки немцам правительству пришлось сделать после нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г.

Сразу же после начала войны на Восточном фронте оккупационные власти выступили с требованием, чтобы датская полиция интернировала ведущих коммунистов, включая и трех представителей партии в фолькетинге. Данное требование Т. Стаунинг и Э. Скавениус решили удовлетворить. Осенью 1942 г. последовала новая волна арестов. Подобные решения, разумеется, противоречили Конституции Дании, но никаких протестов среди членов кабинета не вызвали, поскольку арест производили датские власти, а размещены арестованные были в датских тюрьмах, и это было в полном соответствии с принципами, выработанными на переговорах по разграничению юрисдикции. Впрочем, датские коммунисты и сами серьезно испортили себе репутацию, поддержав и пакт Гитлера со Сталиным, и Советский Союз во время советско-финской войны зимой 1939/40 года. В августе 1941 г. аресты коммунистов получили юридическое обоснование в виде закона о запрещении деятельности Компартии Дании (КПД).

В то же время достижение консенсуса при обсуждении текста правительственного заявления, в котором, со ссылкой на события в Финляндии, выражалась поддержка военных действий Германии на Восточном фронте, заняло несколько дней. Хотя от политики нейтралитета давно уже остались одни лишь иллюзии, ведущие политики, тем не менее, старались публично не выражать симпатий к оккупационным властям, тем более что эти симпатии не были свойственны ни политикам, ни населению.

Поводом же для настоящего внутривластного конфликта послужило создание добровольческого корпуса «Дания». Ваффен-СС в сотрудничестве с НСРПД и германским руководством в Дании производило — правда, скрытно — набор добровольцев еще с лета 1940 г. Теперь же был объявлен официальный набор в особый датский корпус, имевший датское знамя и действовавший под командованием датских офицеров.

Правительство к созданию корпуса никакого отношения не имело. Его организация предусматривалась договором между Ваффен-СС и НСРПД; к тому же государственный уполномоченный рейха Ренте-Финк, выступавший от лица германского внешнеполитического ведомства, воспользовался случаем и попытался приостановить набор в корпус «Дания», с тем чтобы вербовать добровольцев в финскую армию. Таким образом германский МИД предполагал создать в Дании

почву для доброжелательного отношения к Финляндии, чтобы впоследствии оно распространилось бы и на Германию. Однако, судя по собранным вермахтом отчетам о царивших в отдельных датских гарнизонах настроениях, идея эта оказалась безнадежной. Война с Россией не повлияла на отношение к Германии, зато изменила отношение к Советскому Союзу.

Правительство пошло на то, чтобы разрешить датским офицерам вступать в добровольческий корпус «Дания» неофициально, то есть не отправлять их в отставку и предоставить им возможность впоследствии вернуться на службу в датскую армию. Кроме того, пресс-бюро Министерства иностранных дел Дании распространило заявление о том, что командующий корпусом принял на себя данные полномочия «с согласия правительства», а также выделило ему время для выступлений по государственному радио и обязало прессу публиковать рекламные призывы к датчанам с целью их вербовки в ряды корпуса. Этот знак доброй воли со стороны датской «системы» вряд ли можно рассматривать в качестве рекомендации для добровольцев, которых, как и прежде, вербовали в основном в нацистских кругах. Однако он вызвал такую волну гнева против министра иностранных дел Эрика Скавениуса, что Стаунингу, по поручению девяти министров, представлявших в кабинете политические партии, пришлось срочно подыскивать приемлемую для Германии кандидатуру его преемника. Поскольку найти таковую не удалось и к тому же вряд ли имелась альтернатива проводившейся им политике, этот так называемый скрытый министерский кризис разрешился сам собой. Тем не менее он явился одним из многих примеров разногласий в правительстве по поводу способов осуществления политики. Следовало ли только подчиняться четко сформулированным германской стороной требованиям, с тем, чтобы уступки находили понимание среди избирателей, или же нужно было действовать по собственной инициативе, предупреждая выдвижение возможных требований, с тем чтобы добиться одобрения этих действий Берлином? Стаунинг был сторонником второго подхода, в то время как представители партий в правительстве чаще предпочитали использовать первую возможность.

Новый внутривластный конфликт вызвало требование германской стороны о присоединении Дании к Антикоминтерновскому пакту. При его обновлении 25 ноября 1941 г. в этот пакт входили

Германия и ряд ее союзников. Хотя договор налагал на участников пакта обязательства бороться с коммунистами только на своей территории, то есть обязательства, Данией уже выполненные, присоединение к нему, тем не менее, означало, что страна сделала еще один шаг, чтобы оказаться по одну сторону от линии фронта с Германией. Такое присоединение послужило также поводом к первой после оккупации антиправительственной демонстрации.

Впрочем, кабинет уступил лишь тогда, когда стало ясно, что позиция германской стороны непоколебима. К тому же ему удалось внести в текст договора некоторые оговорки, ограничивавшие сферу его действия. Присоединение к Антикоминтерновскому пакту поставило, однако, вопрос о допустимых пределах политики сотрудничества с оккупационными властями. В декабре правительство заявило, что парламент и население страны будут против отправки военных сил Дании за пределы страны, то есть против их участия в войне, присоединения к трехстороннему германскому военному союзу, а также против принятия того антисемитского законодательства, о котором говорил Геринг в беседе со Скавениусом при подписании Антикоминтерновского пакта в Берлине.

Принятие этого решения стало фактически инструкцией Скавениусу и выражало опасения кабинета — как, впрочем, выяснилось впоследствии, беспочвенные — в том, что Германия постепенно попытается втянуть Данию в войну.

«Телеграммный кризис» 1942 г.

Еще весной 1942 г. в стране царил покой. После убийства в мае 1942 г. шефа германской тайной полиции Рейнхарда Гейдриха на его письменном столе была найдена записка, в которой он выражал удовлетворение обстановкой в оккупированных странах. Однако в том же месяце появились и первые поводы для беспокойства в связи с тем, что бывший министр торговли Кристмас Мёллер, которому удалось перебраться в Англию, начал выступать в радиопрограммах Би-би-си, транслировавшихся на Данию. Примерно в то же время появились и первые признаки организованной подпольной деятельности. В течение лета основным мотивом датско-германских отношений оставалась

борьба с набирающим силу движением Сопротивления. Главное командование вермахта выступило с угрозой ужесточения карательных мер вплоть до вынесения германскими военными трибуналами смертных приговоров. Впрочем, пока оккупационные власти довольствовались организацией заявления премьер-министра Вильгельма Буля по радио 2 сентября, в котором он призвал датчан воздерживаться от участия в подрывной деятельности и содействовать полиции в расследовании соответствующих инцидентов. Речь Буля вызвала волну критики. Однако, учитывая несовместимость проводившейся правительством политики сотрудничества с идеями Сопротивления, следует особо отметить, что этот призыв прозвучал в его устах лишь один раз и под нажимом с германской стороны.

В сентябре беспорядки вспыхнули, когда добровольческий корпус «Дания» в полном составе прибыл на родину в отпуск. А в конце месяца Гитлер, сочтя тон телеграммы, посланной ему королем Дании в ответ на поздравление с днем рождения, сухим и оскорбительным, воспользовался этим как поводом для ужесточения курса в датском «образцовом протекторате». Государственный уполномоченный рейха Ренте-Финк покинул Копенгаген, а датский посол в Берлине был отозван домой. В течение нескольких недель ситуация оставалась напряженной. Кризис продолжался вплоть до конца октября, когда министр иностранных дел Риббентроп потребовал от вызванного в Берлин Скавениуса сформировать новое правительство, имеющее полномочия действовать независимо от ригсдага, и самому возглавить его.

В результате продолжавшихся целую неделю лихорадочных переговоров 9 ноября с огромным трудом удалось добиться одобрения состава нового кабинета фракциями партий. Возглавить его против собственного желания пришлось Скавениусу, а половину мест в нем заняли деятели, не принадлежавшие к политическим партиям. В то же время предложение Риббентропа ввести в состав правительства министров из числа симпатизировавших датским нацистам было отклонено.

Новым уполномоченным рейха в Дании стал Вернер Бест. Он был выходцем из СС и ранее занимал один из руководящих постов в тайной полиции, то есть являлся партийным функционером. Однако Бест не стал наводить порядок «твердой рукой», о необходимости чего объявил

Гитлер при назначении в октябре генерала фон Ханнекена новым военным главнокомандующим в Дании. В целом он старался избегать конфронтации с датской стороной, даже в условиях продолжавшегося обострения ситуации, когда все большее количество датчан подвергалось суду военных трибуналов, по приговору которых участники Сопrotивления отныне отбывали наказание в германских тюрьмах.

С личностью Беста связано одно конкретное политическое мероприятие тех лет — решение об устранении партии датских нацистов (НСРПД) с политической арены. Ее лидер Фриц Клаусен лишился политической поддержки, после того как в феврале 1943 г. произошла «чистка» рядов партийной организации в германском МИДе. На мартовских выборах партия вновь доказала свою политическую несостоятельность, набрав всего лишь 2,1% голосов (на предыдущих — 1,8%). Это говорило об узкой избирательной базе партии. После этого было приостановлено финансирование этой партии, и когда датское правительство 29 августа ушло в отставку, то о назначении на его место датских нацистов не было и речи. Ход войны подсказывал, что с воплощением в жизнь планов о превращении датчан в нацию, проникнутую идеалами нацизма и достойную равноправного с титульной нацией положения в составе Великой Германской империи, торопиться не следовало.

Экономика и условия жизни населения

В экономике война все поставила с ног на голову. Если прежде она была ориентирована на экспорт, то теперь насущной проблемой стал импорт необходимых товаров. Создавшуюся ситуацию прекрасно иллюстрирует тот факт, что в 1940 г. на смену Валютному центру пришел Директорат по товароснабжению, который, в отличие от своего предшественника, занимался не ограничением импорта, а распределением весьма скудных импортных поступлений. Недостаток денежных средств сменился товарным дефицитом.

Так, поставлявшейся нефти хватало только на обеспечение жизненно важных для страны перевозок, и на датско-германских переговорах, на ход которых политическая конъюнктура оказывала в

течение всей войны лишь незначительное влияние, датская сторона прежде всего стремилась договориться о поставках угля. Внутреннее производство торфа, бурого угля и древесного топлива обеспечивало весьма скромную долю потребности в энергии. Для отопления, эксплуатации железнодорожного транспорта, выработки электроэнергии и газа требовался каменный уголь, который до сих пор страна импортировала из Англии. Следует добавить, что и железную руду, и прочие сырьевые товары теперь также можно было закупать только в Германии.

Взамен Дания имела возможность поставлять прежде всего сельскохозяйственную продукцию. Сельское хозяйство обладало собственными энергетическими ресурсами в размере 500 тыс. лошадиных сил и, как выяснилось, оказалось в состоянии в значительной степени сохранить объем производимой продукции даже в отсутствие поставлявшихся ранее по импорту кормов и фосфатных удобрений. Временами годовой объем датского производства масла и свинины соответствовал месячной норме потребления этих продуктов во всей Германии.

Обострилась ситуация с рабочей силой. В Германии дефицит ее ощущался еще в довоенный период, а в Дании порожденные войной изменения в экономике привели к тому, что уровень безработицы в 1940 — 1941 гг. достиг таких же высоких показателей, как и в самый тяжелый период кризиса 30-х годов. И когда в мае 1940 г. открылись германские бюро по найму рабочей силы, у их дверей образовались очереди. Осенью 1941 г. количество датских рабочих, занятых в Германии, превысило 60 тысяч. К ним следует добавить точно не установленное, но весьма внушительное число датчан, участвовавших в строительстве аэродромов и фортификационных сооружений для вермахта на территории Дании.

В общем и целом Дания была неравноправным партнером, поскольку поставляла Германии больше, нежели получала взамен.

По окончании войны выяснилось, что Дания недополучила товаров на сумму 8 млрд. крон, что соответствовало примерно 15% созданного за время оккупации валового национального продукта в текущих ценах. Тем не менее несмотря ни на что, этот показатель не столь велик по сравнению с соответствующим показателем таких стран, как Норвегия и Бельгия, которым оккупация обошлась в половину произведенной

продукции.

Преимущество Дании заключалось еще и в том, что она полностью обеспечивала себя продуктами питания. Дания являлась одной из немногих европейских стран, где молоко и картофель не нормировались, а хлебные карточки не имели хождения на черном рынке. Да и вообще, введение нормирования хлеба объясняется лишь тем, что высокий уровень государственных дотаций на его производство позволял крестьянам безубыточно кормить скот хлебом. В среднем же нормы на распределяемые продукты в Дании были выше, нежели в Германии.

Нельзя с уверенностью сказать, что относительно низкий, несмотря ни на что, уровень эксплуатации германской стороной датской экономики объяснялся только особыми политическими обстоятельствами. Да, долг вермахта оказался не столь велик, но причину этого следует искать в более низкой стоимости строительства военных укреплений в Ютландии по сравнению с возведением подобных сооружений на западном побережье Норвегии и в отсутствии в Дании военного производства, которое имелось в Бельгии. Что же касается сельского хозяйства, то немцы на собственном, почерпнутом во время первой мировой войны горьком опыте уяснили, насколько сложно контролировать производство в этом секторе. К тому же в Дании не были созданы административные органы, которые могли бы осуществлять подобный контроль. И наконец, какую-то роль сыграли чисто пропагандистские соображения. Так, германский посланник заявил протест против введения карточек на хлеб осенью 1940 г. По его утверждению, враждебная пропаганда могла бы использовать этот факт в качестве свидетельства экономического ограбления страны.

Внутриэкономическая ситуация в стране в первые годы оккупации требовала прежде всего решения вопроса о приспособлении к германскому уровню цен, значительно превосходившему датский в силу того, что Германия по-прежнему придерживалась политики золотого паритета национальной валюты, в то время как Дания осуществила девальвацию кроны. Когда же Германия с большой задержкой позволила — и то в весьма скромных размерах — произвести ревальвацию датской кроны, цены как на импортную, так и на экспортную продукцию выросли, что соответствующим образом повлияло и на их уровень на внутреннем рынке. С целью предотвратить

рост инфляции правительство — по требованию «Венстре» — заморозило в мае 1940 г. заработную плату, а тем самым и ее индексацию, которая зависела от роста цен и уже действовала в соответствии с заключенным между работодателями и профсоюзным движением общим коллективным договором.

Механизм рынка труда по большей части был выведен из строя. Величину заработной платы определяла государственная комиссия, которая в первые годы оккупации поддерживала ее на таком низком уровне, что по отношению к уровню цен она снизилась на 20%. И профсоюзы пока что шли на это, поскольку высокий уровень безработицы и неопределенность ситуации в целом вынудили их занять оборонительную позицию. В 1940—1942 гг. стачки возникали лишь sporadически, и, хотя в первой половине 1943 г. забастовки с требованием повышения заработной платы участились, основную роль в переломе ситуации в последующие месяцы сыграли идеи борьбы за восстановление национального достоинства.

29 августа 1943 г.

С конца июля и в течение всего августа 1943 г. в целом ряде провинциальных городов, прежде всего в Оденсе, Эсбьерге и Ольборге, происходили события, которые по праву получили название Августовского восстания. Волна акций саботажа, демонстраций, уличных беспорядков и массовых стачек, названных «всемирными» в силу того, что работу прекращали и частные магазины, и государственные учреждения, быстро распространялась по стране. Правительство безуспешно призывало население проявлять спокойствие, но, поскольку Дания не являлась оккупированной страной в общепринятом смысле, забастовки не могли быть запрещены по решению военных трибуналов, и командование вермахта поэтому не имело возможности, как это случилось, к примеру, в Голландии, применять к забастовщикам смертную казнь или какие-либо иные эффективные карательные меры. Для предотвращения уличных беспорядков и актов насилия оккупанты вынуждены были ограничиться лишь патрулированием улиц, а для предупреждения забастовок — ввести комендантский час, то есть запрет появляться на улицах по

вечерам.

Во многих случаях организацией забастовок занимались представители запрещенной коммунистической партии на местах, действовавшие в противовес социал-демократическим лидерам профсоюзного движения, старавшимся, в соответствии с линией кабинета прекратить стачки. Тот факт, что социал-демократы в этом противостоянии остались ни с чем, означал и крах политики правительства. В то же время августовские выступления как таковые не были направлены против кабинета. В принимавшихся на многочисленных митингах резолюциях не содержалось ни требований его отставки, ни требований введения «норвежских порядков», то есть открытой борьбы с оккупантами, которая, как считалось, развернулась в Норвегии.

На самом деле противником считались оккупационные власти, и народный гнев рос по мере успешных военных действий союзников. После разгрома германских армий в Северной Африке и под Сталинградом немцы потерпели еще одно крупное поражение на Восточном фронте в июле, в то время как западные союзники захватили Сицилию, что привело к падению режима Муссолини. Многие ожидали, что и другой диктатор вскоре разделит его участь и война завершится. Именно поэтому действия вермахта уже не вызывали прежнего страха.

Напротив, представления современников о том, что оккупационные власти сами спровоцировали беспорядки, как выяснилось, не соответствуют истине. Очевидно, что генерал фон Ханнекен с недоверием относился к существованию датской армии и стремился к ее разоружению, что и произошло 29 августа. Тем не менее его усилия, как и действия германских комендантов на местах, однозначно были направлены на то, чтобы приостановить акции народного неповиновения, для чего во многих случаях они шли на компромисс с их участниками. Так например, в качестве уступки с германской стороны, был отменен комендантский час. И фон Ханнекен, и Бест надеялись на то, что им удастся разрядить обстановку, и вовсе не их отчеты, а информация случайного свидетеля событий вызвала тревогу в штаб-квартире фюрера.

Уполномоченного рейха в Дании — Вернера Беста вызвали в Берлин, откуда он вернулся 27 августа, имея на руках ультиматум, условия которого, как он сам понимал, являлись неприемлемыми для

датского правительства. Действительно, на следующий день, после непродолжительных дискуссий, ультиматум был им отвергнут. В то же время фон Ханнекен готовил разоружение датской армии и военно-морского флота, а также интернирование их личного состава, что и произошло 29 августа. Одновременно в Дании было введено чрезвычайное военное положение. В разных частях страны производились аресты видных представителей датского общества, а ранее интернированные коммунисты были переданы германским властям и впоследствии направлены в концентрационные лагеря на территории Германии.

Датская сторона восприняла события 29 августа как окончательный разрыв отношений с оккупационными властями, в то время как Гитлер считал, что произошло лишь ужесточение курса. Так, к удивлению Беста, на его место не был назначен рейхскомиссар, а сам он фактически получил подтверждение своих политических полномочий и приказ сделать все для создания нового кабинета. Поскольку последнее оказалось невозможным, кресла в правительстве, с согласия ведущих политиков, но в отсутствие официального договора об этом, заняли высшие чиновники соответствующих министерств. Еще в ноябре 1943 г. в инструкции германским полицейским силам в Дании обращалось внимание на то, что они действуют на территории страны, с которой Германия не находится в состоянии войны, и потому не имеют права отдавать приказания своим датским коллегам. Формально Дания по-прежнему сохраняла суверенитет.

Германские службы безопасности, включая гестапо, также организовали свои отделы в Дании, придя на смену германской полиции, действовавшей под началом уполномоченного рейха. В то же время датская полиция перестала участвовать в расследовании дел, связанных с акциями движения Сопротивления. Поскольку в глазах германской стороны она тем самым оказалась бесполезной и таящей в себе определенную угрозу, 19 сентября 1944 г. полицейский корпус крупных городов был депортирован в германский концентрационный лагерь, а оставшиеся на свободе служащие перешли на нелегальное положение. В последние месяцы оккупации датское государство функционировало, не имея ни законной государственной власти, ни администрации.

Акция по спасению евреев в октябре 1943 г.

Акция по спасению датских евреев, которых удалось переправить в Швецию, вызвала восхищение во всем мире и наверняка осталась в памяти людей как самый великий подвиг датчан за весь период оккупации. Из примерно 7 тыс. датчан еврейской национальности только 474 подверглись депортации и всего лишь 53 погибли. Решающей причиной успеха стала, несомненно, близость нейтральной Швеции и готовность принимавших участие в акции датчан подвергнуть себя неизмеримому риску. Впрочем, существенную роль сыграло и определенное поведение германских властей в Дании, разгадку которого следует искать в политике, проводившейся в первые годы оккупации.

В еврейском вопросе оккупационные власти в Дании проявляли сдержанность. В 1942 г. германский посол, ссылаясь на мнение Берлина, предложил отправить в отставку двух руководителей министерских департаментов, предположительно еврейской национальности. В ответ он получил отказ. Зимой 1942/43 года, когда холокост был в самом разгаре, Бест отказался провести операцию по депортации датских евреев, ссылаясь на то, что ее осуществление приведет к отставке правительства. Когда же последнее в результате событий 29 августа стало свершившимся фактом, Бест уже сам 8 сентября выступил с инициативой проведения холокоста в период действия военного чрезвычайного положения.

Мнения о мотивах действий Беста расходятся. Он наверняка располагал достаточными сведениями о геноциде евреев во всех оккупированных странах, чтобы понимать, что антисемитская акция в Дании неизбежна, и желал только того, о чем и просил, а именно: ускорить ее проведение и тем самым покончить с этим вопросом. Бесту было ясно, что подобная акция осложнит любые попытки найти понимание со стороны датских властей, и, кроме того, он осознавал, что в условиях военного положения формальную ответственность будет нести фон Ханнекен.

С другой стороны, Бест, исходя из политических интересов, не был заинтересован в успехе операции. Антисемитизм не являлся для него главным мотивом. Позднее в том же месяце Бест, как и представители всех других германских властей в Дании, протестовал против решения

Гитлера. Вне всякого сомнения, именно с его согласия атташе по вопросам судоходства Георг Дуквиц организовал утечку информации о готовящейся операции, благодаря чему почти все евреи отсутствовали в своих домах в ночь ее проведения с 1 на 2 октября. Чем меньше жертв, тем меньше трещин в отношениях с датчанами!

Основной тезис о том, что масштабы холокоста зависели от уровня распространения антисемитизма в той или иной стране, имеет отношение и к Дании, где антисемитские настроения, конечно же, имелись, но считались социально неприемлемыми. В Дании немцы все время старались не проявлять своих антисемитских взглядов, чтобы не потерять уважение со стороны датских коллег и партнеров по переговорам. Лишь моральным превосходством датчан можно объяснить тот факт, что на следующий день после проведения антисемитской акции генеральный директор министерства иностранных дел Нильс Свеннингсен вызвал к себе Беста и отчитал его, как нашкодившего школьника, и что государственный уполномоченный германского рейха не протестовал против такого обращения с ним.

Во время облавы было задержано 284 гражданина еврейской национальности и еще 190 — в течение следующего месяца. В отличие, например, от норвежских евреев их отправили не в Освенцим или в какой-либо другой лагерь смерти, а в лагерь Терезиенштадт, где возможности выжить, в особенности для датских евреев, оказались весьма большими: это еще одно свидетельство того, что Дания по-прежнему рассматривалась как «особый случай».

Всем другим датским евреям посчастливилось, и они были переправлены в Швецию. В связи с этим снова бросается в глаза пассивность германской стороны. Те три полицейских батальона, что участвовали в осуществлении акции против евреев, до конца месяца не покидали своих казарм, якобы готовясь к подавлению восстания в Дании. А немецкие военные моряки не патрулировали прибрежные воды и отметили в своих журналах боевых действий, что лица еврейской национальности уже успели покинуть страну к моменту начала операции. Арест же незначительного числа евреев был в основном произведен одним-единственным сверхактивным отделением немецкой полиции в Дании. Многие датские рыбаки, задержанные германской полицией, по возвращении домой были переданы в руки датских полицейских, и германская сторона удовлетворилась тем, что

датские суды судили их по статье, предусматривавшей всего лишь трехмесячный арест в качестве максимальной меры наказания.

Период террора

В последние месяцы войны курс оккупационных властей неуклонно ужесточался. Ситуация в Дании все больше становилась похожей на положение в прочих оккупированных государствах. Гестапо действовало эффективно, применяя пытки в отношении участников движения Сопротивления. В отношении них было вынесено почти сто смертных приговоров, и около 3 тыс. участников Сопротивления были отправлены в германские концентрационные лагеря.

Датские власти к тому времени лишились возможности влиять на развитие событий и ограничились своей деятельностью акциями в гуманитарной сфере. Передававшиеся через Красный Крест продуктовые посылки поддерживали жизнь узников концлагерей, в том числе и евреев. Во многом благодаря им из всех датчан, оказавшихся в концлагерях, погибло только 10%, в то время как из голландских узников выжили всего лишь 40%. Много жизней было спасено и благодаря построенному в августе 1944 г. по предложению бывших руководителей департаментов, занявших министерские посты, лагерю возле поселка Фрёслев, поблизости от границы с Германией. Хотя германская сторона так и не выполнила обещания о переводе туда всех датских заключенных, все же более половины осужденных участников движения Сопротивления отбывали наказание в этом лагере, администрация которого состояла из датчан и где немецкие охранники потребовали кормить их так же, как заключенных. И наконец, датские власти участвовали в практическом осуществлении акции в рамках миссии шведского графа Бернадотта по возвращению на родину датских и норвежских узников концентрационных лагерей, проводившейся в марте—апреле 1945 г. и спасшей их от ужасов, сопровождавших германскую катастрофу. Но как бы то ни было, все эти акции носили гуманитарный характер и не были направлены на поддержку движения Сопротивления.

Основной же задачей оккупационных властей с января 1944 г. стало подавление движения Сопротивления. Согласно

недвусмысленному приказу Гитлера, начали применяться незаконные, террористические методы подавления. В ответ на убийство немцев полагалось расстреливать кого-либо из известных в обществе датчан, а в ответ на акции саботажа — взрывать сооружения, которые каким-либо образом использовались бойцами Сопrotивления или имели особое значение для датчан, например городской парк «Тиволи» в Копенгагене. В результате применения мер так называемого ответного террора до конца войны было убито почти сто датчан. Такого рода репрессии вызывали, разумеется, чувство неуверенности и негодования, но самое удивительное состоит в том, что хотя люди догадывались, кто является организатором репрессий, ни один из органов германских властей не взял на себя ответственность за их осуществление. А ведь эффекта от применения репрессий можно добиться лишь в том случае, когда ясно, против кого они направлены. По-видимому, германская сторона из моральных соображений не решалась признаться в применении подобных методов.

В политическом плане особый статус Дании в последний раз проявился в июне — июле 1944 г., когда жизнь в Копенгагене парализовала всенародная забастовка, а уличные беспорядки едва не переросли в восстание. Как и в августовские дни 1943 г., толчком к забастовке стали новые поражения Германии, в первую очередь успешная высадка западными союзниками десанта в Нормандии. И вновь вермахт воздержался от применения крайних средств, хотя и выступил с более жестких позиций, нежели годом ранее. Немцы блокировали город и прекратили подачу воды, газа и электричества. И тем не менее речь по-прежнему шла всего лишь об осуществлении так называемой операции «Монзун», то есть плана, рассчитанного на подавление беспорядков в немецком городе, и потому бомбардировок столицы с воздуха, чего так опасались, не последовало. В конце концов в результате переговоров конфликт удалось погасить. В роли посредников между Вестом и представителями Совета свободы выступили чиновники, исполнявшие министерские обязанности.

На события последних месяцев войны наложил отпечаток крах Третьего рейха. Поставки угля прекратились, зато страна оказалась наводнена германскими войсками в количестве более 200 тыс. человек, среди которых имелось много раненых и ни одного боеспособного. Дания все еще оставалась довольно мирным и обеспеченным уголком,

где можно было отсидеться. По той же причине зимой и весной 1945 г. сюда перебрались 200 тыс. беженцев, в основном из Восточной Пруссии. Однако никого из них не ожидал теплый прием. Датские власти как на местном, так и на общенациональном уровне не намеревались вести переговоры о предоставлении им жилья и вынудили вермахт самостоятельно заботиться об их обеспечении. Царившие в датском народе настроения не оставляли властям большой свободы для политического маневра. Дания уже стремилась заявить о себе как о союзнической державе.

Движение Сопротивления

Движение Сопротивления существовало во всех странах, оккупированных во время второй мировой войны германскими войсками. Однако характер и задачи движения в разных странах отличались друг от друга, что зависело в первую очередь от условий оккупации. Так, в Норвегии Сопротивление еще на ранней стадии своего развития сконцентрировалось в основном на противодействии попыткам режима Квислинга поставить общественные организации на службу идеям нацизма. Для выполнения этой задачи требовалась поддержка широких масс населения, в связи с чем пришлось отказаться от диверсионной деятельности; акции же саботажа осуществляли в основном специальные диверсионные группы, забрасывавшиеся непосредственно из Англии.

Так же и в Дании отдельные выступления сил Сопротивления можно было рассматривать как ответные, вызванные действиями германской стороны. Наиболее ярким из них являлась акция по спасению евреев в октябре 1943 г., но в известной мере это относилось и к нелегальной прессе, которая всерьез проявила себя в 1942 — 1943 гг., действуя далеко за пределами ограничений свободы слова, введенных в связи с оккупацией. Тем не менее основная объединяющая идея датского Сопротивления, в отличие от норвежского, носила не оборонительный, а явно наступательный характер и состояла в том, чтобы внести свой вклад в борьбу антигитлеровской коалиции, а тем самым и в дело освобождения Дании. Диверсионная и разведывательная деятельность, создание подпольной вооруженной армии — вот главные

задачи движения, и основная миссия нелегальной прессы состояла в пропаганде этих идей.

Равно невозможно подсчитать количество участников движения Сопротивления и определить точную дату его возникновения. Нелегальные издания антигерманского содержания впервые увидели свет уже в 1940 г.; тогда же произошли одиночные выступления против вермахта, в которых участвовали в основном очень молодые люди, перерезавшие, к примеру, телефонные провода. Особый вес движение Сопротивления приобрело лишь в 1942—1943 гг., когда оно приняло организованные формы.

В организации Сопротивления участвовали многие датчане, но главную роль играли политические партии.

Коммунистическая партия Дании после ее запрета летом 1941 г. была вынуждена уйти в подполье и с той поры представляла основную силу датского движения Сопротивления. Вряд ли можно отказать коммунистам в наличии у них чувства патриотизма, однако четко свою позицию партия определила лишь после нападения Гитлера на Советский Союз. Если раньше Москва выступала за создание народного фронта, то теперь речь шла уже о фронте национальном. Имелось в виду, что компартии следовало сотрудничать не только с прогрессивными силами, но и со всеми, кто боролся с гитлеровской Германией, а кроме того, оставить все мысли о социальной революции. В Дании компартия всецело следовала этому тезису.

Для тех же групп, которые возникли в национально-консервативных кругах, если можно применить такой расширительный термин, важную роль играл отказ Дании от вооруженного сопротивления 9 апреля 1940 г. Именно поэтому особый долг датчан состоял в том, чтобы не только защищать самих себя, но и внести свой вклад в победу, который мог бы сравниться с вкладом других оккупированных стран, и тем самым вернуть Дании уважение в глазах международной общественности, которое она утратила.

Хотя на ранних этапах развития движения Сопротивления среди его участников находились лица, близкие к партиям правительственной коалиции, на первый взгляд кажется, что факт зарождения Сопротивления в политически оппозиционных группах на правом и левом флангах является следствием политического положения в Дании. В пользу такого объяснения говорит то, что движение Сопротивления

серьезно заявило о себе только после политического краха 29 августа 1943 г. Однако если вспомнить, что движение Сопротивления в Дании приобрело характер вооруженной борьбы лишь после того, как была устранена опасность нацификации общества или отправки датчан на принудительные работы, то развитие датского Сопротивления как по временным показателям, так и по спектру участников походило на развитие подобных движений в других западноевропейских странах.

УСО

Идея организации Сопротивления в тылу врага была, наверное, не нова, но по большому счету воплощена в жизнь впервые. Инициатором ее осуществления стал премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. В тяжелой для союзников ситуации, сложившейся в 1940 г., он решил, что завоевания Гитлера можно обратить в тяжелое для него бремя. И кроме того, в случае создания нелегальных формирований на оккупированных территориях британская армия, используя их поддержку, при возвращении на континент могла бы обойтись гораздо меньшими силами. С этой целью в том же году и было образовано УСО (Управление специальных операций)^[54].

В Дании оно в первую очередь наладило контакты с датской службой армейской разведки, которая с октября 1940 г. и до конца войны передавала разведывательную информацию через английское посольство в Стокгольме. Вплоть до 29 августа 1943 г. она действовала на легальных основаниях и отвергала такие формы борьбы (прежде всего саботаж), которые могли бы поставить датское правительство под угрозу отставки. Являясь в потенциале ядром нелегальной армии, разведслужба предложила использовать старый план «П», предполагавший мобилизацию особо надежного контингента. В 1940 г. план был реанимирован, а список подлежащих мобилизации очищен от нацистов. Какое-то время в 1942 г. УСО поддерживало этот план, но затем его вновь отложили в сторону из-за сомнений в его обоснованности и поскольку он исключал немедленное осуществление диверсионной деятельности. Кроме того, англичане исходили из того, что военные действия не переместятся на территорию Дании, и потому не проявляли большого интереса к созданию в стране нелегальной

армии.

Основное внимание УСО уделяло налаживанию контактов с активно действовавшими группами датского Сопротивления с помощью агентов-парашютистов, набравшихся из числа датских эмигрантов. Первые попытки такого рода существенных результатов не принесли. Настроения в Дании были не в пользу саботажа, и, когда Джон Кристмас Мёллер 5 сентября 1942 г. в передаче Би-би-си на Данию призвал население к организации диверсий, его выступление не встретило должного отклика. Но весной 1943 г., когда новой группе парашютистов под руководством флемминга Б. Мууса удалось обосноваться в Дании, основа для сотрудничества с УСО, ставшим жизненным нервом всего датского движения Сопротивления, была создана.

Был установлен постоянный и устойчивый радиокontakt с Англией; по воздуху доставлялись взрывчатые вещества, которые в большой степени пополнили и так довольно значительные запасы взрывчатки в Дании, сделанные различными способами. А вот крупные партии оружия поступали лишь в последние недели войны, когда уже нельзя было исключать возможность развертывания военных действий на территории Дании.

Деятельность УСО в Дании, тем не менее, была ограничена, так как английское правительство старалось не подвергать опасности своих датских коллег. Августовское восстание 1943 г. не было инспирировано Лондоном, хотя заброшенные в Данию агенты УСО сыграли важную роль в организации саботажа, который в основном осуществлялся коммунистами. В целом Англия не стала в одностороннем порядке вмешиваться во внутридатские противоречия, она не отдавала предпочтения движению Сопротивления в ущерб датским политикам, сотрудничавшим с оккупантами. Последних Англия считала демократами и союзниками.

УСО являлось связующей силой в датском Сопротивлении. Оно наладило контакт с наиболее важными его группами и тем самым способствовало контакту между ними. Однако от первоначальных планов взять на себя руководство датским Сопротивлением пришлось отказаться. В сентябре 1943 г. УСО создало свое собственное руководство.

Совет свободы

Определить статус Совета свободы Дании весьма сложно. Он был образован 16 сентября 1943 г. ведущими представителями движения Сопротивления, не имевшими на это формальных полномочий. Совет не являлся нелегальным правительством и не осуществлял общее командование отдельными группами движения Сопротивления. Следствием нелегального положения было и то, что состав его часто менялся, а многие заседания проходили в присутствии лишь нескольких участников. То, что Совету свободы удалось завоевать редкий по силе воздействия авторитет, лишь убеждает в том, что существовала необходимость в органе, координирующем деятельность отдельных групп движения Сопротивления. О растущей популярности Совета среди населения говорит то, что именно его лозунги оказывали решающее влияние на формирование общественного мнения. В программе под названием «Когда Дания вновь станет свободной», принятой в ноябре 1943 г., Совет определил себя (а тем самым и все движение Сопротивления) как организацию, действующую на демократических основах, и наметил основные правовые принципы, которые с небольшими изменениями были применены после освобождения страны. Одними из наиболее влиятельных членов Совета являлись Могенс Фог, представлявший крупнейшую подпольную газету «Свободная Дания», которая издавалась совместно группой консерваторов и коммунистов, и социал-демократ Фроде Якобсен из организации «Кольцо», изначально ставившей перед собой цель воспрепятствовать возможным попыткам внедрить нацистскую идеологию в общественные организации. Дания оказалась одной из тех немногих стран, где всем движением Сопротивления руководил единый центр и где никогда не возникало раскола между группами Сопротивления, выступавшими с коммунистических позиций — с одной стороны, и с позиций буржуазных партий — с другой.

Совет, охватывавший широкий спектр политических сил, тем не менее, не стремился к созданию программы действий в области внутренней политики в послевоенное время, а выступал лишь за отказ от прежней политики нейтралитета. И в этом смысле он получил поддержку той части ведущих политиков, представляемых чаще всего Вильгельмом Булем, которые теперь действовали за кулисами. В январе

1945 г. они совместно предприняли попытку добиться признания Дании союзнической державой, однако этому воспротивился Советский Союз.

Явные противоречия существовали с самого начала и на протяжении всей деятельности Совета свободы между ним и ведущими политиками; при этом последние опирались на поддержку регулярной армии. Когда ее интернированный личный состав был освобожден 6 октября 1943 г. в связи с отменой чрезвычайного положения, небольшая группа офицеров отправилась в Швецию, где и сформировала Датскую бригаду, состоявшую из беженцев из Дании. В момент окончания войны в рядах бригады насчитывалось примерно 5 тыс. человек. Оставшиеся в Дании военнослужащие образовали так называемые группы «О» — в противовес предпринимавшимся движением Соппротивления усилиям по созданию нелегальной армии. Хотя этим формированиям и удалось наладить сотрудничество (некоторые офицеры даже вступили в нелегальную армию), тем не менее между военными — с одной стороны, и «гражданскими» бойцами Соппротивления, чья нелегальная армия при освобождении Дании насчитывала примерно 40 тыс. человек, — с другой, неоднократно возникали серьезные разногласия, в частности по поводу распределения поступавшего в недостаточном количестве оружия.

Весной 1945 г. сторонам наконец удалось достичь компромисса по вопросу о создании общего правительства, которое и приступило к выполнению своих обязанностей после капитуляции Германии 5 мая 1945 г. Важно отметить: обе стороны при этом предусматривали, что Дания будет освобождена английскими войсками и что Англия наверняка признает Совет свободы в качестве организации, руководящей вооруженной борьбой, но в равной степени признает и легитимность конституционных органов власти. Основой компромисса стало то, что обе стороны считали друг друга противниками, но не врагами. Поэтому в Дании, в отличие, например, от Франции, у представителей Соппротивления не возникало и мысли о том, чтобы привлечь к суду политиков, руководивших страной в период оккупации. Равно как и последние не собирались возбуждать судебное преследование тех бойцов Соппротивления, которые участвовали в так называемых ликвидациих предателей. Политики теперь стали также исходить из того, что Дания находилась в состоянии войны и, соответственно, ликвидации относились к законным методам ведения

войны.

Значение движения Сопротивления

Для датского Сопротивления чрезвычайно важно было не только заявить о себе как о движении, оказывающем помощь союзникам в военном отношении, но и ясно показать, что оно действует от имени всего народа. Движение уделяло особое внимание укреплению репутации Дании в глазах свободного мира и добилось этого благодаря исключительно эффективной работе службы информации, которая с помощью радиосвязи со Стокгольмом передавала самые свежие новости, в том числе и о всеобщей забастовке в Копенгагене в 1944 г. Сообщения о ней в течение многих дней не сходили с первых страниц английских и американских газет. Не вызывает никаких сомнений, что именно благодаря деятельности движения Сопротивления Дания после войны была де-факто признана союзнической державой и, в отличие, к примеру, от Швеции приглашена к участию в учреждении ООН.

Сложнее оценить значение движения Сопротивления с военной точки зрения. Проблема заключалась в том, что у союзников не было целостной концепции экономической войны на территории оккупированных стран, в том числе в Дании. Не были четко определены и те дефицитные в Германии товары, производство которых было необходимо для нанесения противнику серьезного ущерба. Поэтому движению Сопротивления в разных странах приходилось импровизировать, и при выборе объектов для саботажа отдельные диверсионные группы руководствовались лишь наличием у той или иной фирмы экспортных обязательств перед Германией. Соответственно объектами саботажа в Дании стали как цеха по изготовлению сосисок и фабрики по изготовлению консервов, так и крупный копенгагенский оружейный завод Данск индустрии синдикат. Он был взорван летом 1944 г. в результате успешной операции крупнейшей датской вооруженной группы подпольщиков БОПА ^[55]. Тем не менее, возможно, именно благодаря этому эффект от диверсионной деятельности превзошел ее прямые результаты, поскольку имеются свидетельства того, что датские фирмы, опасаясь быть подвергнутыми саботажу, проявляли все меньше интереса к

выполнению германских заказов. Однако каких-либо полных данных о диверсионной деятельности на промышленных предприятиях у нас нет.

Наиболее масштабные акции саботажа имели место зимой 1944/45 года в Ютландии, где партизаны произвели несколько сотен взрывов на железных дорогах, чтобы задержать передвижение германских войск, в массовом порядке перебрасывавшихся из Норвегии на опасные участки фронта в Германии. Как доказано в одном из поздних исследований, результаты этих акций оказались весьма скромными, в первую очередь по причине недостаточно полной и достоверной информации о передвижении отдельных транспортов. Но, если бы боевые действия все-таки переместились на территорию Дании, нелегальная армия могла бы с успехом воспользоваться накопленным благодаря участию в этих акциях опытом. Ведь в ее задачу входило не участие в боях с германскими войсками, а осуществление ограниченных тактических операций, таких, как, например, саботаж на железнодорожном транспорте вблизи линии фронта. В целом оценить значение движения Сопротивления невозможно, поскольку ситуация, в которой оно собиралось действовать, так и не наступила.

Судебные процессы против лиц, совершивших военные преступления

Напротив, в первые дни после 5 мая 1945 г. вооруженным подразделениям движения Сопротивления пришлось осуществить массовые аресты лиц, поддерживавших в свое время оккупантов. Общее число арестованных составило примерно 40 тыс. человек. Эти действия, разумеется, в той же мере противоречили конституции, что и аресты в 1941 г. датских коммунистов. Обосновывались они необходимостью, с одной стороны, задержать подозреваемых в совершении преступлений, а с другой — защитить их от суда Линча. Большинство задержанных вскоре были отпущены на свободу.

Принципы законодательства о наказании лиц, совершивших военные преступления в период оккупации, были юридически оформлены в приложении к общегражданскому уголовному закону 1 июня 1945 года. В основном они повторяли положения, выработанные Советом свободы в ноябре 1943 г., однако с дополнением о

возможности применения смертной казни, отмененной в 1930 г., в отношении так называемых предателей родины. Этот факт отражает колоссальные изменения в общественном сознании, происшедшие в последние месяцы войны, чему способствовал и развязанный германской стороной террор. Законы получили обратную силу начиная с 9 апреля 1940 г., поскольку считалось, что с тех пор в стране не существовало свободного в своих действиях правительства. Критерием виновности или невиновности служило общественное мнение, относившее то или иное действие к понятию предательства родины, как, например, действия лиц, поступивших на германскую военную службу. Попытки «политиков» ограничить обратное действие законов периодом с 29 августа 1943 г. были отвергнуты движением Сопротивления, опиравшиеся на мощную и энергичную поддержку общества. В то же время политика сотрудничества с оккупационными властями как таковая осуждению не подвергалась. В задачу созданных ригсдагом парламентских комиссий входило лишь расследование случаев превышения полномочий или проявления халатности со стороны отдельных министров и высших чиновников.

Эти судебные процессы вызвали впоследствии немало споров. Речь, в частности, шла о так называемых делах коллаборационистов, возбужденных против фирм, которые «недостойным образом» работали на вермахт и многие из которых в свое оправдание ссылались на общую политику датских властей, призывавших их выполнять такого рода заказы, чтобы поддерживать национальное производство. Это же относилось и к участникам дружин, которые выставлялись для охраны предприятий, работавших на немцев, и, поскольку эти лица были вооружены, их судили наравне с добровольцами, воевавшими на фронте. Однако летом 1945 г. эти проблемы не вызывали сомнений.

Наиболее серьезные дела были возбуждены против датчан, находившихся на германской службе и подозревавшихся в совершении убийств и применении пыток. Большое количество их было приговорено к смертной казни, часть была помилована, а казнено 46 человек. С учетом того, что в Норвегии казнили 25 человек, а в Голландии — 40, это число говорит о радикальном характере действия датских законов, применявшихся к изменникам родины. Примечательно также, что в Дании не было казнено ни одного немца, в то время как в Норвегии таковых оказалось тринадцать.

Сказанное явилось следствием того, что в мотивировочной части данного законодательства Дания признавалась страной, находившейся в состоянии войны с Германией. В противном случае судить датчан за измену родине было бы нельзя. В то же время данное обстоятельство имело большое значение для руководящих фигур гестапо, действовавших в Дании, которые таким образом получили возможность сослаться на принципы действующего международного права, позволявшие оккупационным властям применять — правда, в не определенном точно объеме — репрессии против гражданского населения. И хотя существовало понимание того, что граница допустимого в Дании оказалась перейдена, это не служило достаточным основанием для вынесения смертных приговоров.

В исторической перспективе юридические принципы законодательства о военных преступлениях в годы оккупации можно считать ограничительными в отношении того процесса, который — как в Дании, так и в других странах — по сути своей являлся актом возмездия.

Резюме

Период с 1914 по 1945 г. характеризуется прежде всего тем, что в течение этого времени датскому обществу пришлось вести борьбу за выживание.

Попытки сохранить нейтральный статус страны увенчались успехом во время первой мировой войны, но окончились провалом в период второй мировой. Тем не менее в условиях германской оккупации Дании удалось сохранить общественный механизм в таком состоянии, что в 1945 г. он заработал в прежнюю силу. Однако сам факт оккупации поставил под сомнение целесообразность продолжения политики нейтралитета, что имело большое значение для выработки внешнеполитического курса в последующие годы.

На развитие экономики в этот период особое влияние оказал мировой кризис 30-х годов, который в первую очередь отразился на датском экспорте сельскохозяйственных продуктов, а затем привел к массовой безработице среди городского населения. Антикризисные меры имели пассивный характер. Не видя возможности предотвратить

кризис, правительство сосредоточило усилия на том, чтобы смягчить его последствия, что, в частности, выразилось в осуществлении социальной реформы в 1933 г. Новым явлением стало государственное регулирование экономики, широко применявшееся и в 30-х годах, и во время обеих войн. Предпринятая в 20-х годах попытка вернуться на рельсы либеральной экономики оказалась неудачной. Несмотря на неблагоприятную конъюнктуру, умеренные темпы экономического роста сохранились. Хотя материальные условия жизни большинства датчан все еще оставляли желать лучшего, общий жизненный уровень повысился, а такие технические новинки, как автомобиль и радио, вошли в повседневный обиход.

Разворачивавшаяся на протяжении предыдущих десятилетий конституционная борьба завершилась принятием Конституции 1915 г., которая отменила все ранее содержавшиеся в избирательном законе привилегии и распространила действие избирательного права на женщин и лиц, находившихся в услужении. Признание широкими слоями общества принципа парламентской демократии выразилось в незначительной поддержке избирателями партий крайнего толка, подвергавших этот принцип сомнению.

Решающим фактором изменения соотношения сил на политической арене стал бурный рост рабочего движения. Социал-демократическая партия приблизилась к завоеванию абсолютного большинства в парламенте, а членство в профсоюзе в широких слоях общества стало считаться обязательным. На смену прежнему балансу сил между либералами и консерваторами пришла эпоха равновесия между рабочим движением и буржуазной Данией.

После череды политических конфликтов в конце 10-х — начале 20-х годов, кульминацией которых стал Пасхальный кризис, ситуация развивалась относительно спокойно, и 30-е годы были отмечены рядом соглашений между партиями, представлявшими интересы разных классов. Наиболее известно так называемое «соглашение на улице Канцлергадэ», достигнутое, что символично, в день прихода Гитлера к власти в Германии. Факт сотрудничества между крупнейшими политическими партиями дал повод считать как датское, так и другие скандинавские общества консенсусными.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945-1973)

Серен Хейн Расмуссен

Глава 22

Восстановление экономики и «холодная война»

Пришла пора, когда датскому обществу предстояло перестраиваться соответственно условиям мирного времени, но не было даже речи о том, чтобы вернуться к ситуации 30-х годов. Разворачивалась «холодная война», и это явно отразилось на Дании, которая вместе с другими западными капиталистическими странами выбрала политику конфронтации с коммунистическим Востоком. Дания согласилась принять помощь по плану Маршалла и стала членом НАТО. Экономическое положение нормализовалось, но только в конце 50-х годов датская экономика вступила в полосу благоприятной международной экономической конъюнктуры, которая длилась до конца 1973 г. Государство благосостояния и новый, более высокий уровень жизни повлекли за собой глубокие изменения в механизмах функционирования общества, во взаимоотношениях между гражданами, в культуре и политике. Такой в 1973 г. Дания вступила в Европейское экономическое сообщество.

Нормализация общественной жизни после оккупации

В мае 1945 г. было создано коалиционное правительство, которое состояло из девяти министров, представлявших политические партии, и девяти министров от Совета свободы. Возглавил его социал-демократ Вильгельм Буль; министром иностранных дел стал один из руководителей Совета свободы, консерватор Кристмас Мёллер. Задачи этого правительства состояли как в том, чтобы подготовить первые послевоенные выборы в парламент, которые должны были состояться осенью того же года, так и в том, чтобы решать все те конкретные вопросы, которые возникали в стране, только что освободившейся от оккупации.

В число практических задач входила охрана и последующая

отправка на родину примерно 200 тыс. беженцев, которые в конце войны бежали в Данию. Полиция вновь приступила к работе 13 мая 1945 г., и на ней лежала ответственность за поддержание порядка и спокойствия, в том числе и среди группировок участников движения Сопротивления.

На первых послевоенных парламентских выборах, которые состоялись 30 октября 1945 г., социал-демократы потерпели сокрушительное поражение, а для Компартии Дании (КПД) они обернулись успехом: партия получила 12,5% общего числа голосов. Такие результаты могут рассматриваться как своего рода счет, выставленный избирателями-рабочими той и другой партии за роль в движении Сопротивления; при этом следует иметь в виду и восхищение военными победами Советского Союза в войне. Идеологическая общность КПД с Советским Союзом была широко известна. Вклад соперника на правом фланге был оценен избирателями более скромно: партия Датское единство смогла собрать только 3,1% голосов. Тем не менее уже в ходе первых послевоенных выборов стало ясно, что старые политические партии сохранили возможность управления страной. К власти пришла либеральная партия «Венстре» во главе с Кнудом Кристенсеном.

Кроме того, Дания вступила в Организацию Объединенных Наций (ООН), которая заняла значительное место в политике Дании. Как организация ООН возникла на основе сотрудничества союзных держав, которое сложилось во время войны. А когда она окончилась, державы-победительницы и те страны, которых они признали своими союзниками, заявили о вступлении в эту организацию. Семнадцатого мая 1945 г. Советский Союз признал датское правительство, и 5 июня 1945 г. Дания была принята в ООН в качестве ее пятидесятого члена.

С самого начала на ООН возлагались большие надежды как на инструмент обеспечения мира. Однако наступление «холодной войны» несколько ослабило эти ожидания, поскольку противоречия, проявившиеся в то время в международной политике, затронули и деятельность ООН. Хотя во многих вопросах ООН проявила недееспособность, она пережила все кризисы и превратилась в важный форум проведения международных переговоров и в организацию, способствующую налаживанию разнообразного сотрудничества в гуманитарной сфере. В этом качестве ООН приобрела большое

значение для датской политики.

В целом же на политической повестке стояла проблема условий жизни населения Дании, а также требование пересмотра границы между Данией и Германией, которая была установлена в 1920 г.

Летом 1945 г. обнаружился заметный дефицит товаров, к тому же значительно выросла безработица и обострилась жилищная проблема. Если в 1944 г. безработица достигала 4,6%, то в 1945 г. она возросла до 8,1%. Такая ситуация приводила к множеству крупных и мелких забастовок и демонстраций, которые чаще всего организовывала усилившаяся компартия. Высшей точкой могла стать всеобщая забастовка в конце лета 1945 г., но КПД отменила ее по соображениям, связанным с проведением переговоров о слиянии двух рабочих партий. Однако этого слияния так никогда и не произошло, ибо мировоззрение обеих партий было слишком разным.

Актуальным стал вопрос о пересмотре границ, так как сразу после освобождения страны возникло движение за возвращение Южного Шлезвига в состав Дании. Председатель партии «Венстре» Кнуд Кристенсен поддержал движение за возвращение утраченных земель; на эту же точку зрения встала также партия Датское единство и большая часть Консервативной народной партии. Иную позицию заняли социал-демократы, радикалы «Венстре» и КПД, а также видный консерватор Кристмас Мёллер. Они придерживались мнения, что усиление продатских настроений в Шлезвиге следует рассматривать как мимолетный порыв, вызванный стремлением избежать той отчаянной ситуации, которая сложилась в Германии, и выражали уверенность, что такие настроения не будут долговечными. Поскольку именно эти партии имели большинство в фолькетинге, то официально со стороны Дании не последовало никакой инициативы по этому вопросу.

Однако вопрос был разрешен после выборов в фолькетинг в октябре 1947 г. К власти пришло социал-демократическое правительство, которое не поддержало требования в пользу возвращения Южного Шлезвига в состав Дании. Проблема все же существовала вплоть до 1955 г., когда Западную Германию приняли в НАТО, и именно тогда немцы официально признали эту границу.

Экономическая политика в трудный восстановительный

период

Дания пережила войну, перенесла меньше разрушений, чем большинство других европейских стран. Инфраструктура сохранилась, обеспечение продовольствием было хорошим, людские потери невелики. Производство сельскохозяйственной продукции, представлявшее собой сильную сторону датской экономики, быстро достигло довоенного уровня, а это уже немало в то время, когда нехватка продуктов питания была острой проблемой для большинства европейских государств.

Тем не менее положение в датском хозяйстве в первые послевоенные годы было сложным. Производственная база оказалась изношенной и устарела, поэтому срочно требовались крупные капиталовложения. Безработица продолжала держаться на высокой отметке: в 1946 и 1947 гг. она достигала почти 9%. Явно наблюдался дефицит товаров и жилья.

К тому же ухудшилась валютная ситуация. Правительство «Венстре» в 1945—1947 гг. приложило немало усилий, для того чтобы повысить цены на сельскохозяйственные продукты, экспортировавшиеся в Англию, которая являлась важнейшим торговым партнером Дании. Одновременно ввели свободный импорт товаров. Что касается увеличения экспорта, то успех был ограниченным, зато импорт резко вырос. Он намного превзошел по объему экспорт, что вызвало нехватку иностранной валюты; другими словами, возник валютный дефицит. На конец 1945 г. отмечалось положительное сальдо в торговле в размере 271 млн. крон, но уже два года спустя оно превратилось в отрицательное сальдо в размере 660 млн. крон. Поэтому импорт в 1948 г. следовало уменьшить на 20% по отношению к 1947 г., хотя он и без того был на 23% ниже, чем в 1939 г. Кроме того, импорт состоял в основном из потребительских товаров, которые попросту «проедались», в то время как наблюдалась острая нужда в промышленных изделиях, необходимых для восстановления производства. Поэтому правительство было вынуждено начать регулировать импорт и продолжить нормирование потребления. В целом оказалось, что уничтожение карточной системы весьма трудная задача для практического осуществления. Только в 1953 г. появилась возможность вновь без ограничений покупать любые товары. Тем не менее Дании повезло, ведь

во многих европейских странах карточная система сохранялась вплоть до конца 50-х годов. Но межпартийные соглашения об ограничении потребления, введенные для того, чтобы уменьшить валютный дефицит и инфляцию, достигались не только во время нормирования потребления, но и некоторое время после него.

Вплоть до 1957 г. существовали трудности с инвестициями, необходимыми для модернизации производства и обновления машинного парка, что позволило бы увеличить экспорт и обзавестись таким образом иностранной валютой, ибо в 50-х годах внешние займы получить было трудно. Но для осуществления модернизации требовалась валюта, так как необходимое технологическое оборудование не производилось внутри страны. К тому же вся структура датской экономики не отвечала требованиям времени. По мере того как в других европейских странах восстанавливалось сельскохозяйственное производство, потребность в импорте сельскохозяйственных продуктов из Дании уменьшалась. Начиная с середины 50-х годов происходило обвальное уменьшение доли сельскохозяйственного производства в валовом национальном доходе: в 1930 г. оно составляло 19%, в 1952 г. — также 19%, а в 1970 г. — уже только 7%.

В аграрном секторе делались попытки компенсировать падение спроса расширением производства и сокращением издержек, в промышленности стремились повысить конкурентоспособность путем повышения эффективности производства, но ни то ни другое не удавалось в полной мере. Серьезным препятствием для экономического развития страны в 50-х годах являлось то, что удельный вес сельского хозяйства был чрезмерно большим, а промышленности — слишком маленьким. Ежегодный экономический рост в Дании, который в период с 1950 по 1957 г. составлял всего 2,7% в год, был самым низким для всей Западной Европы.

В этих условиях такие крупные социальные проблемы, как безработица и нехватка жилья, не могли быть решены. Высокая безработица, зачастую превышавшая 10%, сохранялась вплоть до 1958 г. С экономической точки зрения это означало недопустимую растрату производительных сил, а для многих людей, которые потеряли работу, стало угрозой благополучию их семей. Пособие по безработице не являлось лучшим выходом. В начале 50-х годов не хватало 50 тыс.

квартир, и, хотя на протяжении десятилетия значительная часть скудных государственных ресурсов была потрачена на поддержку общественного жилищного строительства, потребность в жилье оставалась острой вплоть до начала 60-х годов.

Помощь по плану Маршалла

Важную роль в выходе Дании из экономического застоя сыграла помощь по плану Маршалла. Речь идет об американской программе, выдвинутой государственным секретарем США Джорджем Маршаллом в июне 1947 г.; она заключалась в массивном долларовом вливании в европейскую экономику. С 1948 по 1958 г. по плану Маршалла Дания приняла помощь в размере 278,3 млн. долларов, что в значительной мере помогло решить проблему валютного дефицита. Однако предоставление помощи связывалось с некоторыми условиями.

Во-первых, план был задуман его крестным отцом Джорджем Маршаллом как «оплот против коммунизма». Поэтому получение помощи по этому плану предполагало, что Дания займет определенную позицию в конфликте между Востоком и Западом, чего датское правительство хотело избежать в 1947—1948 гг. Однако возможность заполучить желанные доллары понудило правительство изменить вектор своей политики.

Другое условие состояло в том, что получение разными странами помощи по плану Маршалла должно было происходить скоординировано, дабы она принесла максимальную пользу. С этой целью был создан ряд органов, главным из которых стала Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). Координации подлежали решения по установлению валютных курсов, размеру таможенного обложения пошлинами различных товаров, уничтожению ограничений импорта и многим другим вопросам, что стесняло свободу действий отдельных стран в области экономической политики. Было также выдвинуто требование экономического планирования на ряд лет вперед. В отношении Дании это вылилось в принятие так называемой Долгосрочной программы 1949 г., которая, несмотря на свое несовершенство, означала начало современного экономического планирования. Эта «планово-экономическая» инициатива пришлась

особенно не по душе либеральной партии «Венстре», что заставило ее настороженно отнестись к плану Маршалла. Но начинание и, соответственно, ОЕЭС устояли. Прежде всего это повлекло за собой либерализацию торговли, что дорого обошлось Дании, в особенности в первые годы. В 1961 г. произошло расширение ОЕЭС, и ее переименовали в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); с тех пор она стала важным инструментом координации сотрудничества и развития экономики западных стран.

Одно из условий плана Маршалла состояло в том, что выделявшиеся деньги в основном следовало использовать для содействия такому экономическому развитию, которое вписывалось бы в общую картину восстанавливавшейся европейской экономики.

Возможно, план не имел своей непосредственной целью настоящую «холодную войну», а был задуман как грандиозная экономическая помощь американцев своим бедным европейским родственникам. Если так, то с началом Корейской войны в июне 1950 г. цели изменились. Теперь США стали выставлять в качестве нового дополнительного условия для получения помощи увеличение странами-получателями своих военных бюджетов. Так как экономическая ситуация в Дании постепенно улучшалась, датское правительство в 1953 г. выступило с заявлением, что оно больше не нуждается в помощи по плану Маршалла.

Север или НАТО?

Главным вопросом внешней политики с конца 40-х годов было определение места Дании в том новом биполярном устройстве мира, которое возникло в результате войны. Постепенно к концу 40-х годов наметились контуры непримиримых противоречий между Востоком и Западом, и европейским странам следовало занять определенную позицию. Такова была логика «холодной войны».

Но социал-демократическое правительство Дании еще в 1948 г. стремилось без крайней необходимости ни во что не вмешиваться. Социал-демократическая партия с самого своего основания была настроена в пользу нейтралитета, понимая вместе с тем, что Дания — небольшая страна, которой необходимо проявлять осторожность и

умение приспособляться к обстоятельствам. Это было тем более актуально с момента, когда преобладание Советского Союза в странах Восточной Европы усилило его прямое влияние на территориях, находящихся в непосредственной близости от датских границ. В подобных условиях могло быть целесообразным ослабление связей с этой мощной державой. С другой стороны, не было никаких сомнений в том, что Дания является частью капиталистической Западной Европы как в экономическом, так и в политическом и культурном отношении. Искусство правительства, как оно это понимало, заключалось в том, чтобы найти защиту от угрозы «холодной войны», не присоединяясь вместе с тем к какому бы то ни было военному блоку.

Обсуждавшиеся в то время планы особого западного оборонного сотрудничества не представлялись привлекательными, но равным образом никто не осмеливался полагаться только на собственные силы. Поэтому возможный путь к решению проблемы безопасности стали искать в плане создания исключительно северного оборонительного союза, о котором вели переговоры Дания, Норвегия и Швеция большую часть 1948 г. Среди датского населения идея присоединения к северному оборонному союзу пользовалась большой поддержкой благодаря традиционным представлениям об особой скандинавской общности, которая основывалась не только на языковой близости, но и на миролюбивых и демократических идеалах. К этому теперь прибавилось представление социал-демократов о совпадении интересов в области политики безопасности. Имелось в виду следующее: при условии оказания взаимопомощи северные страны могли бы настолько укрепиться, а военное нападение на них стало бы столь дорогостоящим, что предпринимать его было бы нецелесообразно. Таким образом, они хотели воздержаться от участия в «холодной войне», придерживаясь политики нейтралитета, общей для всего Севера. Однако оказалось, что потребности и интересы трех стран были несовместимыми, и к концу января 1949 г. переговоры зашли в тупик.

И правительство, и значительная часть парламентской оппозиции были теперь далеки от идеи вступления в западный альянс, которая имела хождение всего лишь годом раньше. Позиция резко изменилась под влиянием коммунистического переворота в Чехословакии в феврале 1948 г. и конфликта между Советским Союзом и западными державами в Берлине летом того же года. Социал-демократическое правительство

больше не медлило с тем, чтобы раскрыть карты. Уже 27 февраля 1949 г. руководство Социал-демократической партии предприняло действия для выяснения возможностей участия Дании в сотрудничестве западных стран в области обороны. Семнадцатого марта 1949 г. правительство официально получило приглашение подписать Атлантический пакт. Предложение министра иностранных дел Густава Расмуссена о присоединении было представлено в фолькетинг. Вопреки регламенту всего лишь через сутки с половиной оно прошло первое и второе чтения и 24 марта 1949 г. было принято. «За» проголосовали 119 депутатов фолькетинга; «против» — большая часть депутатов партии Радикальная «Венстре», а также КПД. Отсутствие твердой позиции по этому вопросу внутри партий, не в последнюю очередь и внутри Социал-демократической партии, отчасти удалось преодолеть благодаря форсированной процедуре рассмотрения вопроса, и 4 апреля 1949 г. Дания вместе с одиннадцатью другими странами стала соучредителем Атлантического пакта.

Присоединение к пакту решило проблему безопасности и одновременно позволило решить другую серьезную проблему. В 1941 г. датский посол в США Хенрик Кауфман, не имея на то полномочий, заключил с США соглашение, которое позволяло американцам размещать в Гренландии военные базы. Кауфман был отозван и снят с работы, но когда война закончилась, то сразу же после освобождения в 1945 г. этот договор был утвержден и правительством, и парламентом, а Кауфман вошел в состав кабинета. Гренландия имела для американцев стратегическое значение, и стремление Дании придерживаться политики нейтралитета подверглось тяжелому испытанию. Теперь неопределенность ситуации была устранена.

Правительство подчеркивало, что Атлантический пакт — это пакт оборонный и его целью является обеспечение мира, поэтому он полностью соответствует Соглашению о создании ООН. Первоначально в Атлантический пакт не был включен вопрос о возможности военной интеграции, но позже в ускоренном порядке эта проблема была пересмотрена. В связи с Корейской войной альянс начал создавать систему общего военного командования под руководством США, а именно Организацию Североатлантического договора, обычно называемую НАТО. Отныне в случае нападения командование НАТО должно было решать вопрос о реагировании, причем от имени всех его

участников.

В 1952 г. в НАТО были приняты Турция и Греция, после чего сфера ее ответственности распространилась с Северной Атлантики на Средиземное море и Азию. Кроме того, в 1955 г. к немалой досаде значительной части европейского населения, в организацию вошла и Западная Германия, в национальном и государственном устройстве которой спустя всего лишь десять лет после окончания второй мировой войны по-прежнему видели возрождающееся зло. Руководство НАТО, однако, было едино во мнении, что прием Германии целесообразен прежде всего по причине огромного потенциала этой страны, а также в силу ее стратегического положения на передовой, обращенной на Восток. Последнее обстоятельство сыграло свою роль в том, что Дания согласилась на прием Германии, и в течение последующих десяти лет датская и западногерманская оборона были объединены под так называемым Балтийским командованием.

Так провалились попытки проведения общей политики безопасности всех северных стран. Дания и Норвегия выбрали присоединение к Западу, а Швеция и Финляндия остались нейтральными. Однако северные страны объединились для налаживания сотрудничества в других областях, причем оно приняло широкий и длительный характер. В 1950 г. была учреждена Система скандинавских авиалиний (САС), которая быстро превратилась в самую крупную на севере Европы авиационную компанию. В 1952 г. Дания, Исландия, Швеция и Норвегия учредили Северный совет, который привел к созданию общего рынка труда и заключению паспортного союза. Кроме того, он явился форумом для обсуждения вопросов сотрудничества в таких областях, как рынок труда, политика в области здравоохранения, культуры, а также в социальной сфере. В 1956 г. в совет вступила и Финляндия, в 1969 г. — Фарерские и Аландские острова, а в 1983 г. — Гренландия. В то же время северные связи так и не смогли приобрести такой же формальный и обязательный характер, какой обусловлен членством в НАТО или — позже — в ЕС.

Дания в условиях «холодной войны»

Наверное, именно память об оккупации явилась важнейшей

причиной изменения политического курса и решения о присоединении к Атлантическому пакту. «Девятое апреля никогда не должно повториться» — вот лозунг, который часто звучал в то время, но теперь врагом считался коммунизм.

Коммунизм отождествлялся на датской почве прежде всего с КПД, которая теперь, как и до войны, совершенно открыто выступала противником принципов буржуазной демократии и считала Советский Союз образцом для датского общества. Поэтому компартия стояла особняком по отношению ко всем другим политическим партиям и институтам, которые защищали политические и юридические основы датского государства. Это, в свою очередь, создавало хорошую почву для борьбы против КПД, и совершенно логично, что те возможности, которые предоставляла в данном смысле «холодная война», использовались в полной мере. В Дании имелись основания и внешнеполитического, и внутривнутриполитического характера, чтобы свойственное «холодной войне» черно-белое видение мира проявилось и здесь. После победы на выборах в 1945 г. КПД почти на всех последующих парламентских выборах постоянно утрачивала свои позиции в парламенте, пока в 1960 г. она вообще не получила ни одного места в фолькетинге. Одновременно с ослаблением парламентских позиций компартия утратила большую часть тех выборных должностей в профсоюзных организациях, которые ее представители завоевали сразу после войны.

Однако ни «холодная война», ни антикоммунистическая кампания в Дании не ограничивались только этим. Во всяком случае, с самого начала Корейской войны в подавляющей части датской прессы стало привычным рассматривать любое оппозиционное выступление по вопросам внешней политики или политики безопасности как выражение прокоммунистических взглядов, что влекло за собой постоянную их критику как противоречащих блоковой политике. Следует учесть, что вплоть до начала 60-х годов, согласно опросам Гэллага, менее половины датского населения были сторонниками членства в НАТО. В течение многих лет представители некоммунистической оппозиции в Дании были вынуждены тратить массу усилий, чтобы представить свою точку зрения по принципиальным вопросам и в то же время убедить окружающих, что они вовсе не симпатизируют коммунистам.

Коммунисты использовали настроения, возникавшие благодаря

стесненным условиям, в которых жили широкие слои датского населения в 50-х годах. Об этом свидетельствует крупный конфликт, который возник в связи с перезаключением коллективных соглашений в 1956 г. Еще начиная с 1954 г. усиливались волнения на рынке труда. Обстановка особенно накалилась после неудачных переговоров по заключению коллективных соглашений в сфере промышленности в марте 1956 г. В пятницу 13 апреля 1956 г. фолькетинг проголосовал за компромиссное предложение, выдвинутое государственным посредником и ранее отвергнутое трудящимися. Оно получило статус закона. В тот же день состоялась самая крупная в истории страны демонстрация рабочих на площади перед дворцом Кристиансбург. В ней участвовало от 150 до 200 тыс. человек; прошли выступления и в других городах. Перед демонстрантами выступил председатель Коммунистической партии Дании Аксель Ларсен, который был горячо ими принят. Участники демонстрации одобрили его призыв следовать решениям собрания доверенных лиц, которое являлось организатором этого выступления и забастовок, а не призывам выборных руководителей профсоюзов, выступавших за их прекращение. Ларсен назвал совет доверенных лиц «временным генеральным штабом», чутко уловив настроения демонстрантов. В нем преобладали профсоюзные активисты, члены коммунистической партии; они действовали дисциплинированно, твердо и тактически верно направляли ход событий, нацеливая участников забастовок на достижение конкретных улучшений на местах. В последующие месяцы было переизбрано и смещено со своих постов большинство доверенных лиц в профсоюзах и на крупных предприятиях, которые не поддержали забастовочное движение; вместо них были избраны более радикально настроенные люди, в большинстве случаев доверенные лица из числа коммунистов.

Однако осенью 1956 г. произошло вторжение Советского Союза в Венгрию, и шансы коммунистов были вновь сведены к нулю. После некоторых колебаний в первые дни венгерских событий КПД предпочла твердо поддержать вторжение, после чего доверие к компартии было потеряно, так как события в Венгрии в глазах общественности стали доказательством того, что Хрущев как руководитель государства после Сталина просто продолжал его политику.

Вторжение в Венгрию дало также толчок к окончательному размежеванию сил внутри КПД, которое началось после разоблачений

сталинского режима на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза в феврале 1956 г. После двухлетней внутрипартийной борьбы председатель компартии А. Ларсен был исключен из ее рядов, после чего он вместе со своими сторонниками в феврале 1959 г. основал Социалистическую народную партию (СНП). Это дало возможность отстаивать левые позиции в политике, не ориентируясь непременно на Москву, что было важно для многих. СНП впервые получила места в фолькетинге на выборах 1960 г. и набрала 6,1% голосов, в то время как КПД не получила ни одного мандата. С тех пор СНП прочно заняла в парламенте позицию левее центра вместе с более мелкими партиями левых сил, причем в период с 1973 по 1979 г. она находилась там одновременно с КПД.

Даже после потепления международной обстановки и ослабления «холодной войны» в начале 60-х годов сохранился глубокий разлом между коммунистами и большей частью участвовавших в политической жизни датчан. Несмотря на часто разумную политику КПД, в политической среде ей уделялось больше внимания, чем того требовала реальная поддержка партии. Объясняется это тем, что в понимании многих людей, да и в ее собственном, партия являлась в своей стране представителем мирового коммунизма.

Политика НАТО

С начала Корейской войны все страны — члены НАТО увеличили свои военные расходы, была также расширена структура военного командования, и разработаны планы создания американских военных баз на территории европейских союзных стран.

На заседании НАТО в Лиссабоне в 1952 г. было объявлено о планировавшемся размещении американской авиации в Европе, в том числе и на территории Дании. Две такие базы с американским персоналом предполагалось разместить в Ютландии, чтобы обслуживать самолеты, выполнявшие различные задания против восточноевропейских стран. Ни либерально-консервативное правительство, которое находилось у власти в тот момент, когда эти планы были озвучены, ни последующее социал-демократическое правительство не пришли в восторг от этой идеи и старались затягивать

процесс принятия решений. Однако делали они это не вызываясь. В 1954 г. министр иностранных дел, социал-демократ и будущий руководитель государства Х.К. Хансен сумел договориться с руководством НАТО, и от плана размещения авиации отказались. Такое положение вещей было характерно для участия Дании в НАТО. С одной стороны, страна считалась безупречным членом организации, и сменяющие друг друга правительства подтверждали это, а с другой — у Дании имелись оговорки, которые бесконечно создавали проблемы. Особо спорным вплоть до начала 90-х годов являлось требование датской стороны не размещать атомное оружие на территории страны.

Датские правительства старались избегать вопроса о размещении атомного оружия на территории Дании. Между тем начиная с 1954 г., атомное устрашение стало центральным пунктом стратегии США, а следовательно, и стратегии НАТО. Разумеется, это играло роль в разработке планов создания авиационных баз, во всяком случае в планах 1957—1959 гг. о размещении ракет ближнего радиуса действия на датских военных объектах в Северной Зеландии. Были установлены ракеты класса «земля — воздух» типа NIKE и Honest John, однако с обычными, а не с ядерными боеголовками. Начальник штаба обороны Дании утверждал, что в таком виде ракеты практически бесполезны, и требовал, чтобы были установлены атомные боеголовки. Но такие ракеты, если бы их запустили с мест их базирования в Хольбеке и Туне, отравили бы воздух над Копенгагеном и лишь такой ценой могли бы спасти столицу от врага. Визиты военных кораблей начиная с 60-х годов представляли собой другую проблему. Американские политики не подтверждали и не отрицали факта оснащения атомным оружием, поэтому было невозможно получить от них гарантий того, что на их кораблях оно не размещалось. Поскольку категорический отказ военным кораблям союзников заходить в датские порты мог рассматриваться как несовместимый с обязательствами страны — члена НАТО, то проблема решалась просто: сменявшие друг друга правительства просто исходили из предположения, что гости соблюдали запрет Дании на атомное оружие.

Сам по себе факт, что уже в 50-х годах Дания проявляла сдержанность по отношению к атомному оружию, достаточно примечателен. Хотя последствия атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. были хорошо известны, однако в течение многих лет

осознание того, какие радикальные изменения военной стратегии влечет за собой атомное оружие, оставалось недостаточным. И среди военных, и в обществе господствовало, можно сказать, беззаботное отношение к атомному оружию, до тех пор пока в конце пятидесятых годов не появился целый поток многочисленных, исполненных озабоченности докладов о радиоактивном загрязнении. Они были обнародованы после того, как две сверхдержавы, США и СССР, взорвали несколько сотен мощных водородных бомб в атмосфере.

В политике НАТО и с точки зрения отношения к атомному оружию Гренландия представляла собой особую проблему. Во время Второй мировой войны США построили в Гренландии военные базы, в том числе небольшую военную базу далеко на севере, на западном побережье Гренландии, около поселка Туле, в котором жили морские охотники. После войны американцы захотели построить на том же самом месте крупную базу, так как в стратегическом отношении оно было удобно расположено относительно Советского Союза. В 1951 г. Дания дала на это разрешение. Чтобы освободить место для новой базы, были выселены жители Туле. Данный эпизод позднее осложнил отношения между Данией и Гренландией. Дания не давала разрешения на размещение атомного оружия в Туле или на полеты самолетов, оснащенных атомным оружием, над Гренландией. Во всяком случае, в официальном порядке. Первоначально целью сооружения базы в Туле было обеспечение раннего предупреждения о нападении. Позже наличие базы позволяло стратегическим бомбардировщикам Б-52 в случае необходимости делать промежуточную посадку при полетах на большие расстояния, и эти самолеты как раз несли на себе атомное оружие. Соединенные Штаты не считались с датским запретом на атомное оружие, и это стало достоянием гласности в 1968 г., когда самолет Б-52 с четырьмя водородными бомбами на борту упал на лед. Бомбы не взорвались, но очень большая территория подверглась радиоактивному заражению. Все это вместе взятое оказалось весьма неприятным как для США, так и для Дании. Тогдашний премьер-министр Дании, социал-демократ Йене Отто Краг, воспользовался данной возможностью, для того чтобы в официальном порядке уточнить позицию Дании по атомному оружию. Казалось, будто теперь все было урегулировано. Но в 1995 г. выяснилось, что премьер-министр Х.К. Хансен еще в 1957 г. отдал совершенно секретное распоряжение,

которое можно было трактовать как разрешение на размещение американского атомного оружия в Гренландии, и И.О. Краг был одним из немногих, кто знал об этом.

В 1960 г. было заключено новое межпартийное соглашение по обороне. Естественно, в нем приняли участие Социал-демократическая партия, Либеральная партия «Венстре» и Консервативная партия, а также — что было новостью — партия Радикальная «Венстре», которая традиционно была антимилитаристской партией. Дело в том, что радикалы с 1957 г. входили в состав правительства вместе с социал-демократами и Правовым союзом, и в качестве правительственной партии едва ли могли уклониться от участия в соглашении. Оборонное соглашение (1960) определяло, что ракеты НАТО будут установлены на севере Зеландии. Для многих это явилось полной неожиданностью, а также подтвердило решение НАТО об учреждении датско-западногерманского общего командования, что было еще большим вызовом общественному мнению. Вновь нахлынули воспоминания о немецкой оккупации, и вспыхнула ненависть к немцам. Непосредственные примеры немецкого и особенно английского движения за мир заставили аналогичные датские объединения проявить в октябре 1960 г. инициативу и организовать марши протеста против атомного оружия. «Кампании против атомного вооружения» — название этой инициативы, главным организатором которой был поэт Карл Шарнберг. Данное мероприятие привлекало всеобщее внимание и повторялось затем несколько раз в течение ряда лет, достигнув своей кульминации в 1963 — 1964 гг. Это привело к тому, что широкая датская общественность впервые за все послевоенное время была вовлечена в дебаты по политике безопасности. В те же годы «холодная война» уступила место политике разрядки международной напряженности, после чего общественный интерес к вопросу атомного вооружения вновь уменьшился.

Глава 23

Экономический рост и благосостояние

Экономические идеи

Сменяющие друг друга правительства прибегали к использованию различных методов экономической политики.

Партия «Венстре» придерживалась доброго старого либерализма, в соответствии с представлениями которого государство должно держаться как можно дальше от экономической деятельности, не вводить каких-либо ограничительных мер, не поддерживать экономику, даже если возникают трудности. Следует постоянно поддерживать равновесие государственного бюджета, означающее, что в течение бюджетного года все государственные расходы должны покрываться за счет доходов.

Социал-демократическая партия, наоборот, продолжала, как и прежде, придерживаться своей традиционной точки зрения, согласно которой государство должно активно вмешиваться в решение общественных проблем. В области экономической политики среди ее требований одно время значились национализация и «социализация», то есть передача предприятий в руки общества или коллективов рабочих — по меньшей мере тех предприятий, которые занимали ключевые позиции в экономике. В 30-х же годах социал-демократические правительства сменили эти приоритеты на более умеренный курс, что давало возможность не только сотрудничать с Радикальной партией, но и достигать в условиях кризиса политических компромиссов с партией «Венстре» и консерваторами. Социал-демократы проявляли волю и желание использовать государственный аппарат для проведения активной политики валютного регулирования, для борьбы с безработицей, поддержки социальной сферы, а также оказывать содействие в решении ключевых проблем в сельском хозяйстве.

Когда стали известны аргументы английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса в пользу государственного вмешательства в

экономику, то оказалось, что это именно то, что нужно социал-демократам. Кейнс развил свои идеи в книге «Общая теория занятости, процента и денег», вышедшей в 1936 г. В ней он, как нечто новое, рекомендовал проведение такой финансовой политики, которая в условиях низкой конъюнктуры содействовала бы развитию экономической деятельности путем выпуска дополнительных денежных средств — сверх тех, которые в настоящий момент обеспечивают реальное товарное покрытие. Таким путем, по мнению Кейнса, можно было преодолеть низкую конъюнктуру или по крайней мере смягчить ее последствия, а возникающий на этой основе дефицит товаров можно будет компенсировать позднее. Хотя сам Кейнс был либералом, его идеи радикально расходились с классическим либеральным способом мышления. Эти идеи пробили себе дорогу в канун второй мировой войны. В дальнейшем комиссия из числа видных датских государственных чиновников выработала рекомендации по проведению курса экономической политики в соответствии с кейнсианскими идеями в качестве рычага активизации экономики, развитие которой нарушила война. В 1945 г. была принята программа СДПД «Будущее Дании», которая как раз следовала этим рекомендациям. Ставка на финансовую политику и политику регулирования экономики стала ее долгосрочным ориентиром, в то время как другие части программы, связанные с созданием рабочих советов и осуществлением социализации, были рассчитаны лишь на период, пока КПД не будет устранена как реальный политический конкурент.

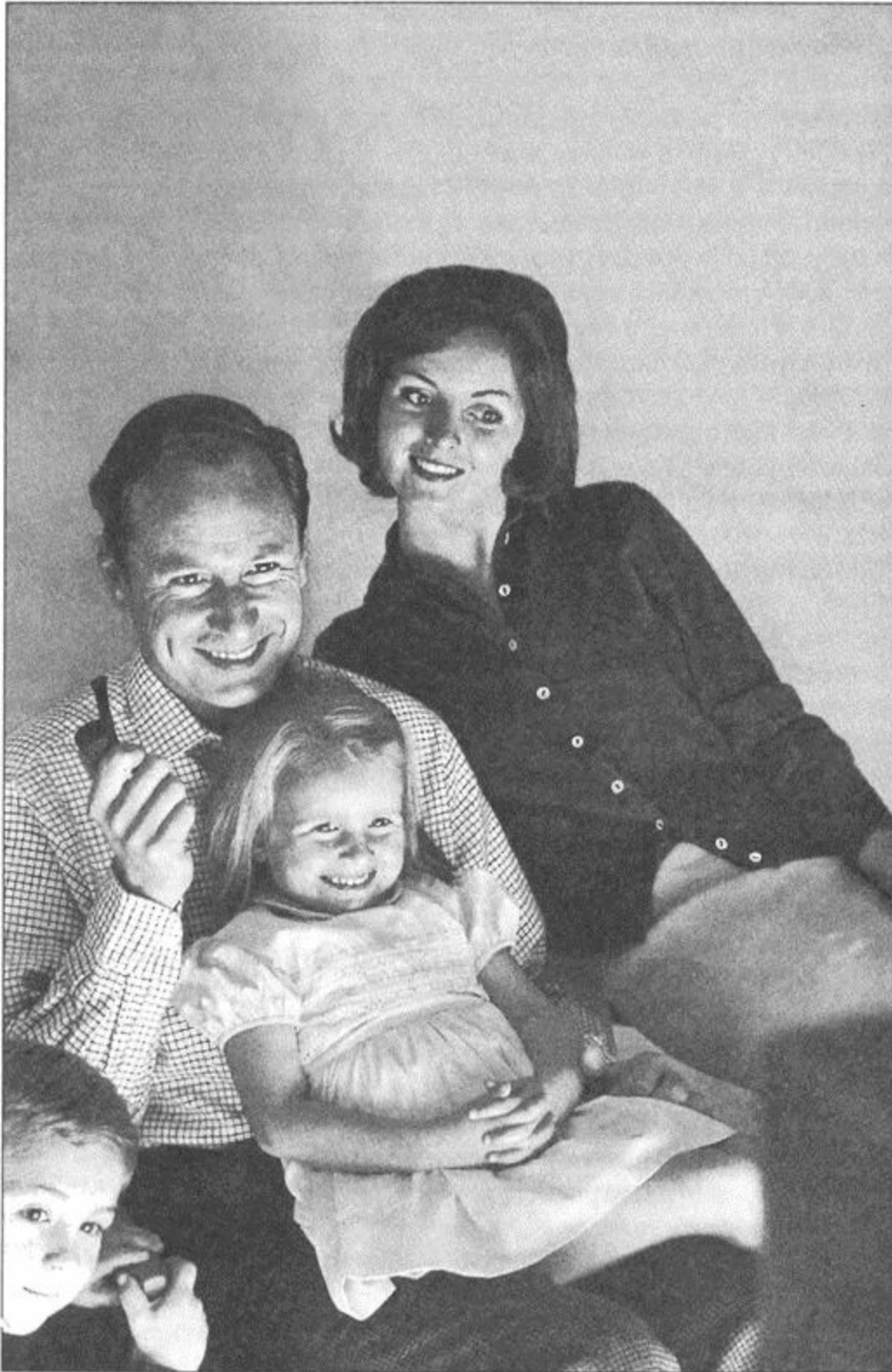
Таким образом, стало ясно, что в 50-х годах экономическая политика зависела от того, какая партия находилась у власти: социал-демократы, либералы «Венстре» или консерваторы. Поскольку эти партии опирались на различные социальные группы, то и цели их политики были неодинаковыми. Но трудные времена вынуждали партии к тому, чтобы их курс соответствовал требованиям текущего момента.

Жизнь в 50-х годах

Согласно статистике, большинство датчан в 40-х и 50-х годах жили очень скученно, в тесных жилищах, а тех квартир, которые были

построены в 50-х, прежде всего в рамках строительства общедоступного жилья, явно не хватало. Кроме того, для многих семей они были слишком дороги. Как уже упоминалось, безработица была высокой, что всерьез сказывалось на положении многих рядовых датчан. Женщины в те годы по большей части не работали, и поэтому семейный бюджет обычно основывался на единственном источнике дохода. Такое положение даже не обсуждалось. Занятость женщин на рынке труда в 50-х годах находилась на самом низком уровне за все столетие.

Вообще, подвергать сомнению традиционные ценности считалось в те годы плохим тоном. Отношения между полами, образ жизни, представления о социальном статусе и о настоящей культуре, популярность рецептов из женских журналов и празднование Рождества как главного праздника года — все это по большей части было таким же, как в 30-х годах. Новые импульсы воспринимались как угроза, а на молодежь, которой нравилось все новое, смотрели как на жертв, сбитых с толку, и считалось, что она нуждается в мудром руководстве со стороны взрослых.

Забота о семье. «Сделаем добрые времена еще лучше!»
Предвыборный плакат социал-демократической партии на выборах 1960

Г.

Отец, мать и двое детей смотрят телевизор. Его наличие помогает создать впечатление, что благосостояние стало доступным для всех. В начале шестидесятых годов не только отдельные семьи, но можно сказать, вся нация собиралась около телевизора. В то время существовал лишь один телевизионный канал, и на следующий день впечатления от вечернего просмотра телепередач часто служили темой для разговоров. Хотя в большей части страны со временем сделалось возможным принимать немецкие или шведские телевизионные программы, телерадиокомпания «Датское радио» продолжило собирать людей вместе вплоть до середины восьмидесятых годов, когда появилась конкуренция — отчасти со стороны второго датского канала и ряда местных станций, отчасти со стороны многочисленных зарубежных телевизионных каналов, передачи которых благодаря новым технологиям стало возможным принимать прямо у себя дома.

Плакат отражает новые представления об идеальной семье. Сидящий в центре отец олицетворяет кормильца и защитника семьи, он опрятно одет и держит в руке трубку как символ мужественности. Возможно, он хорошо обеспеченный рабочий или служащий. Его поза непринужденна. Мать более сосредоточена: она тоже участвует в семейном развлечении, но одновременно прислушивается, не раздастся ли свисток чайника. Это стройная, нарядная и ухоженная женщина. Дети тоже хорошо одеты и держатся ближе к отцу. Детей лишь двое. Все очень веселые, и все светловолосые.

Добропорядочные, чванливые защитники устоявшихся ценностей мгновенно преобразались и резко осуждали молодежь за то, что она стала увлекаться рок-н-роллом, который появился в середине 50-х годов. Эта музыка была слишком грубой, агрессивной и шумной, или, может быть, ее так воспринимали, ибо она звучала чересчур необычно. На концертах таких певцов, как Отто Бранденбург, Петер Абрахамсен и Иб (Рок) Йенсен, восторг слушателей настолько превышал все допустимые пределы, что приходилось неоднократно вызывать полицию, для того чтобы их успокоить. То же самое происходило после просмотра фильмов, в которых Элвис Пресли под звуки рок-н-ролла дерзко крутил бедрами и пел под электрогитару. Однако следует заметить, что эти же самые возбужденные молодые люди на следующий

день вставали с постели как ни в чем ни бывало, отправлялись на работу и, разговаривая со своими начальниками, обращались к ним на «вы». Их бунт выплескивался избытком энергии через открытый клапан, а основные силы тратились все-таки с пользой для общества.

Новое поколение модернистских деятелей искусства и литературы, наиболее ярким представителем которых являлся, пожалуй, Клаус Рифбьерг, стояло в первых рядах критиков англосаксонского засилья. Вместе с тем они были непреклонными противниками датской массовой культуры, прежде всего эстрадной музыки тех лет. Модернисты считали себя единственными истинными новаторами культуры. Основное различие между ними и объектами их критики заключалось, видимо, в оценке роли коммерческого интереса в культуре и искусстве. В то время как массовая культура носила коммерческий характер и существовала за счет массового спроса, сторонники модернизма критиковали традиционный образ жизни и ее бездуховность. В этом смысле они перекликались со взглядами политической оппозиции.

Поколение датчан 50-х годов свято верило в то, что будущее станет лучше, чем прошлое, что рационализм и разум пробьют себе дорогу, а наука при посредничестве всезнающих экспертов позволит людям решить все проблемы. Это был период многочисленных научных достижений. В глобальном плане вырисовывалась перспектива получения в неограниченных количествах почти бесплатной энергии на основе использования атома, а в повседневной жизни можно было надеяться в один прекрасный день приобрести хорошее жилье, автомобиль, холодильник и т. п., не говоря уже о заветной мечте — покупке телевизора. К началу 1956 г. в Дании было только 16 тыс. телевизоров, а в конце того же года — уже 65 тысяч. Это был прогресс! Хотя работал только один телевизионный канал с ограниченным временем вещания, телевизионный ящик обладал магической привлекательностью. Семья с телевизором пользовалась популярностью и могла ждать наплыва соседей и родственников в часы выпуска новостей, театральных постановок или фильмов с английским музыкантом, исполнителем игры на банджо Джорджем Формбю — программ, которые демонстрировались в черно-белом изображении на двенадцатидюймовом экране. И вполне естественно, что это новое средство массовой информации было поставлено на службу «холодной войне». После советского вторжения в Венгрию в 1956 г. любимый

датчанами эстрадный артист Вольмер Сёренсен в марте 1957 г. впервые организовал подряд три шоу на телевидении и радио с целью сбора средств на нужды венгерских беженцев. Известные актеры, певцы и частные фирмы делали пожертвования, и это способствовало, в свою очередь, росту их популярности. Три показа шоу «Эстрада для миллионов» имели колоссальный успех и явились важной частью компании по обработке общественного мнения в связи с событиями в Венгрии.

Новые взгляды и новый образ жизни, таким образом, постепенно пробивали себе дорогу, и можно спросить: не следует ли несколько изменить наши представления о якобы сером периоде застоя в 50-х годах? нужно ли понимать образ жизни и ценности того времени однозначно? Дискуссии, происходившие в то время, можно рассматривать и как отражение столкновения традиций с предвестниками того культурного прорыва, который произошел в 60-х годах и последствия которого мы все еще чувствуем сегодня.

Государство благосостояния

На протяжении 50-х годов приходилось все чаще сталкиваться с понятиями «государство благосостояния» и «общество благосостояния». Они включают в себя представление, что как обществу в целом, так и его субъектам должны предоставляться все возможности для увеличения уровня благополучия. Здесь прослеживается некоторая идейная связь с четырьмя крупными течениями XIX в.: либерализмом, консерватизмом, социал-либерализмом и социализмом. Кроме того, в тесной связи с экономической составляющей в концепцию общества благосостояния входит также представление о том, что государство должно активно вмешиваться в жизнь граждан, дабы гарантировать проведение политики, которая бы исходила из защиты коллективных интересов всех групп общества, особенно в области социальной защиты, здравоохранения и образования. Эти мероприятия простираются далеко за пределы экономической сферы, они имеют целью оказание содействия там, где не срабатывают рыночные механизмы, но подобная политика все же была подкреплена аргументами об оправданности ее

для национальной экономики.

После 1945 г. подобные идеи получили признание во всех западных государствах, но на практике они осуществлялись различными путями. В тех странах, где доминировали либеральные или консервативные партии, ставка делалась на создание системы личного страхования против безработицы, болезней и т. д. В других странах, в том числе в Дании, по примеру Великобритании и Швеции новое мышление было инспирировано социал-демократами. В Дании социал-демократическая партия была, бесспорно, самой крупной партией; кроме того, она стояла у власти на протяжении почти всего периода с 1929 по 1982 г., приобретя поэтому на практике значительное влияние. Социал-демократы использовали его не только для того, чтобы дать государству возможность проявлять инициативу и гарантировать мероприятия, нацеленные на достижение благосостояния в стране, но и после второй мировой войны также для финансирования этой сферы и управления ею совместно с местными органами власти. Цель заключалась в создании активного государства, которое бы охватывало своей деятельностью все стороны общественной жизни, включая и такие, которые прежде относились к частной или семейной жизни. Концепция «минимального государства» постепенно уступила место концепции «социального государства», элементы которого уже возникли во время кризиса 30-х годов. Имелось в виду, что «социальное государство» должно было предоставлять одинаковые возможности для всех независимо от социального статуса. В нем заключался идеал равенства как в экономическом, так и в социальном смысле слова.

Однако на практике все это осуществлялось крайне медленно. Закон о народных пенсиях 1956 г. можно отметить в качестве одной из немногих успешных инициатив, предпринятых государством благосостояния в период до 1960 г. Либералы и консерваторы, а также Национальный банк не были в восторге от таких политических инициатив, которые влекли за собой расходы, не имеющие непосредственного покрытия доходами. Но не они, а прежде всего сама экономическая ситуация в стране не позволяла проявлять слишком большую активность. Положение в экономике изменилось только в 1958 г., когда благоприятная экономическая конъюнктура начала 50-х годов на Западе наконец-то достигла Дании. Цены на импортируемое сырье упали, что улучшило условия торговли Дании с другими странами и

сделало возможным получение внешних займов. Увеличился и приток инвестиционного капитала. В течение последующих двух лет безработица упала с 10 до 5%, а к середине 60-х годов сократилась до 2%. Создание государства благосостояния действительно стало осуществимым.

Следует отметить, что, хотя социал-демократы внесли наибольший вклад в строительство государства благосостояния, их партнерами в период с 1957 по 1964 г. была партия радикалов, участвовавшая вместе с СДПД в правительстве, а многие важные политические соглашения заключались также совместно с партией «Венстре» и Консервативной партией. Сейчас трудно определить, являются ли конкретные формы государства благосостояния результатом дискуссий о политической стратегии или результатом спонтанного процесса, когда учитывались различные мнения, в том числе высказанные при заключении парламентских компромиссов.

С 1960 г. проект государства благосостояния стал быстро развиваться, особенно в период с 1965 по 1976 г. В Дании была создана всеобъемлющая система здравоохранения; благодаря четко разработанным предписаниям датчане получили определенные минимальные экономические гарантии в случае болезни или инвалидности, стала функционировать система ухода за инвалидами и больными, для чего была создана сеть специальных учреждений. В Дании появилась система образования, которое стало доступным и соответствовало способностям отдельного человека. В стране были созданы детские ясли, детские сады, группы продленного дня, молодежные клубы. Там детей кормили и присматривали за ними, в то время как отец, а все чаще и мать ходили на работу и зарабатывали все больше. Семья становилась богаче, чем когда-либо в датской истории. Вся эта система действовала по принципу всеобщего или «универсального» обслуживания, которое предоставлялось на основе критериев равенства возможностей для всех граждан. Финансировалась система посредством быстро увеличивающихся налогов, что, однако, не мешало жить, пока реальная заработная плата и уровень потребления стремительно росли.

Масштабы развития государства благосостояния можно оценить, взглянув на число занятых в стране. В 1950 г. их доля в общественном секторе^[56] составляла всего лишь 8% общей численности рабочей силы,

в 1960 г. — 10,3, в 1975 г. — 23,6, а в 1992 г. — уже 30,7%. Та же тенденция характерна для финансовых средств, которые шли на общественное потребление, — они выросли с 25% в 1960 г. до 45% в 1973-м.

Проблемы управления

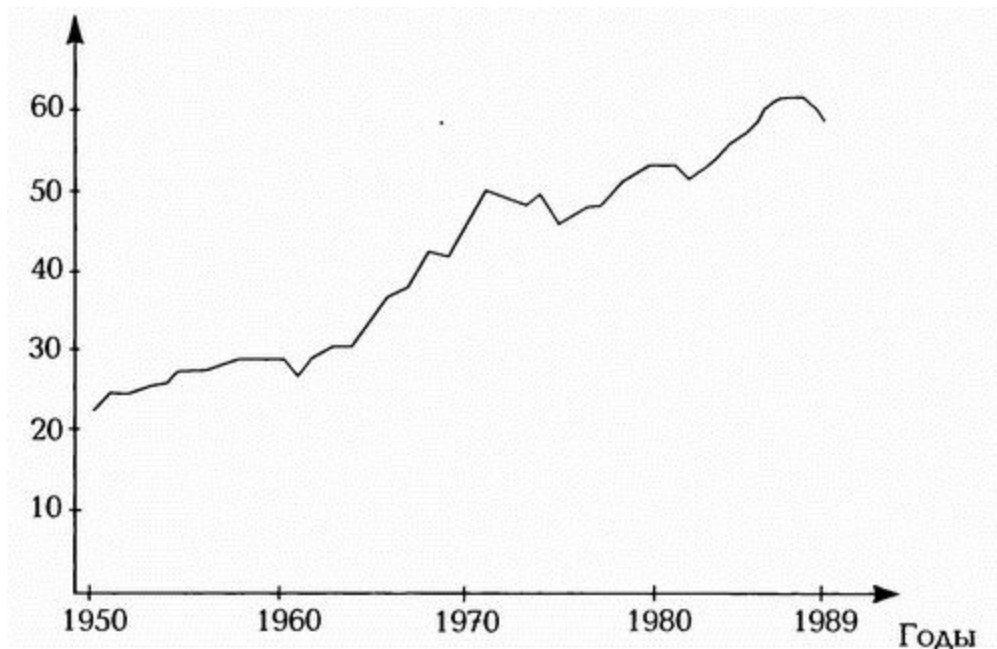
В государстве благосостояния была создана обширная система перераспределения, принципы которой основывались на том, что граждане отдавали значительную часть своего дохода государству в виде налогов и различного рода взносов, а взамен получали денежные выплаты или услуги. Одновременно политическая система, основанная на консенсусе, действовала таким образом, что разного рода меры государственной поддержки, среди которых можно отметить экономическую поддержку сельского хозяйства, росли и постепенно становились постоянными. Во многих областях экономики и функционирования общественных механизмов отмечались радикальные изменения. Происходящее в одной области оказывало влияние на другие, поэтому постоянно возникала потребность согласования политических мероприятий в различных сферах. Государственный аппарат разбухал. Возникали новые министерства. Среди них было министерство культуры, созданное в 1960 г. и министерство по окружающей среде, образованное в 1971 г. Внутри министерств возникали новые подразделения; равным образом создавались специальные органы для обеспечения координации работы министерств.

Соответствующие изменения происходили и на уровне амтов и коммун. В отношениях между государством и муниципалитетами потребность в координации действий становилась все более неотложной. Коммуны несли ответственность за выполнение значительной части общественных задач. Большие проблемы возникали прежде всего у мелких сельских коммун, так как они должны были решать многочисленные новые для них задачи; коммуны же, расположенные поблизости от больших городов, извлекали из этого выгоду, так как подобные центры обладали многочисленными службами. Именно в таком ключе следует рассматривать

муниципальную реформу, осуществленную в 1970 г. коалиционным правительством, состоявшим из представителей партии либеральной «Венстре», радикалов и консерваторов. Тогда 22 амта и 1064 муниципалита были укрупнены, в результате чего в стране стало 14 амтов и 277 муниципалитетов. Считалось, что это позволит улучшить местное управление и повысить его эффективность; предполагали также, что решения, которые ранее связывались с центральными властями, теперь будут приближены к гражданам. Однако проблемы оставались, так как общая координация экономики муниципалитетов по-прежнему отсутствовала. И вообще, во всем общественном секторе услуг информационное обеспечение политических решений являлось слишком слабым, и это представляло собой еще одно препятствие на пути координации деятельности. Может быть, именно этим объясняется тот факт, что в течение четырех лет (1968— 1971), когда экспансия государства благосостояния была особенно значительной, у власти находилось коалиционное правительство партии «Венстре», радикалов и консерваторов, выступавших на выборах 1968 г. с обещанием ограничить взрывное развитие общественного сектора. В 60-х годах датское общество развивалось в направлении целостного управляемого организма, однако ни практически, ни теоретически оно не было готово к этому.

Первой попыткой создать инструмент для управления экономикой на начальной стадии существования государства благосостояния явилось учреждение осенью 1962 г. Экономического совета. Его руководителями были назначены наиболее видные датские экономисты, которых вскоре стали называть «мудрецами». Совет должен был объединить группу экспертов при правительстве, занимавшихся вопросами экономической политики, и вскоре он превратился в постоянно действующий орган.

Налоги и сборы от совокупного валового дохода, %

Источник. *Danmarks statistik. Здесяно: Jorgen Dalhoff, Henrik Grell. Samfund-sokonomi. Arhus(Gyldendal).S. 181.*

В течение всего послевоенного периода налогообложение возрастало, и все это время велись разговоры о том, что далее налоги расти могут, не ударив как по предпринимателям, так и по наемным работникам. Тем не менее показатели экономического роста в целом оставались положительными, а датчане проявляли все большее трудолюбие. Как следует из данных, приведенных в книге Эрика Иба Шмидта {Schmidt H.I. 24 timer i dergnet. Herning, 1989. S. 76), в 1964 г. трудовая неделя для мужчин составляла 46,5 часов, для женщин — 50,9 часов, тогда как 1987-м — соответственно 50,3 и 51,7.

Экономический совет быстро принялся за работу, так как в начале 1963 г. предстояло заключить новые коллективные соглашения на рынке труда. «Мудрецы» высказали свое мнение как авторитетные объективные эксперты, опирающиеся на научные достижения, согласно которым повышение заработной платы и снижение налогов должны были привести к инфляции, что нанесло бы вред экспорту. Когда вскоре после этого переговоры о заключении коллективных договоров прервались, а государственный посредник отказался представить компромиссное предложение, приемлемое для обеих сторон, фолькетинг принял предложения коалиционного правительства социал-демократов и радикалов, которые получили название «комплексного

решения». Действующие соглашения были продлены на два года, пенсии и выплаты по больничным листам несколько повысились, а низкооплачиваемые категории трудящихся получили незначительное увеличение зарплаты. Экономическая деятельность пострадала из-за того, что произошло временное замораживание цен и доходов, а также из-за распоряжения об ограничении дивидендов. Кроме того, было введено принудительное накопление, чтобы аккумулировать средства, полученные за счет налоговых льгот, введенных за год до этого. Были увеличены субсидии сельскому хозяйству, введена дополнительная пенсия для трудящихся в качестве неотложной меры для накопления денежных средств.

Это так называемое комплексное решение стало первым, но далеко не последним. Оно явилось примером комплексного политического регулирования в различных сферах экономики: в области доходов, потребления и инфляции. В 1970 г. была предпринята попытка перейти к налогообложению по источникам доходов, с тем чтобы обеспечить большую стабильность налоговой системы, являющейся важным условием функционирования общественного сектора, который требует постоянного увеличения расходов.

Развитие государства благосостояния в 60-х годах часто подвергалось критике со стороны левых сил за то, что оно было не в состоянии серьезно решать проблемы трудящихся, и являлось попыткой социал-демократов камуфлировать недостатки, присущие капиталистическому обществу. Критика же правых политических сил касалась непомерно тяжелого налогового бремени, подавлявшего экономическую активность и стимул дополнительно затрачивать трудовые усилия, так как значительная часть заработанных денег поглощалась государством. Буржуазные оппоненты как в первой половине XX в., так и позже утверждали, что налоговое бремя достигло «смертельно опасной черты». Они также полагали, что та социальная надежность и безопасность, которая распространялась на каждого гражданина и была идеалом социального государства, лишала его трудовых побуждений.

Однако создание институтов государства благосостояния беспрепятственно продолжалось до 1976 г., когда с принятием закона о социальной помощи этот процесс закончился. Дальнейшее развитие сектора социального обеспечения, образования и здравоохранения в

целом характеризовалось умеренным увеличением численности персонала и материальных расходов. Однако это не мешало продолжению дискуссий, после которых в 90-е годы усилилось стремление уменьшить долю государственного финансирования различных видов социального обеспечения и наоборот — увеличить долю частных платных услуг.

Благоприятная экономическая конъюнктура

В 1958 г. высокая экономическая конъюнктура на Западе распространилась и на Данию. По сравнению с периодом 1950—1957 гг. в 1958—1970 гг. темпы среднего ежегодного экономического роста увеличились в 2 раза и достигли 5% в год, благодаря чему Дания в экономическом развитии вырвалась вперед и из числа отстающих перешла в группу стран — лидеров на международной арене.

В различных секторах экономики, однако, имел место неравномерный рост. Первое место занимало производство промышленной продукции, которое претерпело перестройку и было теперь технически оснащено, чтобы выдержать конкуренцию с другими странами после ликвидации таможенных барьеров и отмены других протекционистских мер. Начиная с конца 50-х годов для датского промышленного производства была характерна гибкость и хорошие адаптационные возможности, чтобы удовлетворять потребительский спрос, который возникал благодаря высокой международной конъюнктуре. Кроме того, на протяжении 50-х годов развитие промышленности стимулировалось законодательством, создававшим благоприятные возможности для получения субсидий теми предприятиями, которые располагались в богатых рабочей силой развивающихся районах; помимо этого, новое налоговое законодательство также стимулировало инвестиции. Благодаря этому конкурентоспособные предприятия, производившие современную привлекательную продукцию, имели возможность распространить свою деятельность на всю страну. Бросалось в глаза развитие таких флагманов индустрии как «Данфосс», «Лего» и «Бурмейстер и Вайн». Вместе с тем для датского экономического развития типичным являлось существование большого числа мелких и средних предприятий.

Уже в начале 50-х годов доля промышленности в совокупном валовом доходе превышала долю сельского хозяйства. В начале 60-х годов экспорт промышленных товаров превзошел экспорт сельскохозяйственных, даже если включать сюда подвергшиеся промышленной переработке продукты питания. Сельское же хозяйство, напротив, находилось в состоянии стагнации. Стало ясно, что тот успех, который имел сельскохозяйственный экспорт в первые послевоенные годы, невозможно повторить, так как крупные западноевропейские страны уже восстановили национальное сельскохозяйственное производство. Около 1960 г. Дания наконец-то превратилась из преимущественно сельскохозяйственной в страну с развитой промышленностью. Параллельно продолжалось начавшееся ранее переселение людей из деревни в города. Особенно увеличивалось население крупнейших провинциальных городов, а деревни продолжали терять свое население. Работу и возможности роста можно было найти только в городах, особенно для многочисленной молодежи, которая стремилась получать образование. Довольно странно, но процессы увеличения городского населения почти не коснулись Копенгагена.

Общие показатели темпа роста основных отраслей хозяйства, 1947-1970 гг.

	1947–1950	1950–1957	1957–1970
Первичный сектор	6,6	2,3	–0,2
в том числе сельское хозяйство	8,3	2,3	–0,9
Вторичный сектор	6,9	2,4	7,2
в том числе промышленность	9,4	2,4	6,9
в том числе строительство	8,4	2,1	6,0
Третичный сектор	3,5	3,0	4,7
в том числе общественные услуги	3,1	4,0	5,5
В среднем по всему народному хозяйству	5,0	2,7	5,0

Источник. *Svend Aage Hansen. Okonomisk vtekt i Danmark. Kobenhavn: Akademisk Forlag, 1974. S. 149.*

Из таблицы следует не только то, что экономический рост в период

с 1957 по 1970 г. ускорился по сравнению с предыдущим периодом, но и то, что рост сферы общественных услуг после 1950 г. оказал заметное влияние на ускорение развития. Если при измерении экономического роста исходить из принципа равноправия сферы услуг и материального производства, то обширный общественный сектор вовсе не обязательно является бременем для экономики. Напротив, он может стать основой экономического роста.

Однако экономический рост в значительной степени происходил за счет третичного сектора, то есть за счет сектора услуг. Частично это было связано с ростом промышленного производства, удвоение которого в период 1958—1970 гг. привело к увеличению традиционных обслуживающих отраслей в сфере торговли и в администрации. Развитие же третичного сектора было связано в первую очередь с расширением общественного сектора экономики. На фоне масштабного увеличения общего числа занятых на рынке труда Дании на протяжении 60-х годов и далее, в течение следующих двух десятилетий, их доля в промышленности сократилась. Число работающих увеличивалось в основном на тех частных предприятиях, которые действовали во вновь возникшем секторе услуг, в то время как общественный сектор поглощал почти всю рабочую силу, которая вновь поступала на рынок труда. Все, что производилось в виде услуг, подсчитывалось в денежном выражении и учитывалось при подсчете темпов роста, так же как и материальное производство.

По мере экономического роста повышалось материальное положение людей, и благодаря развитию системы благосостояния многие стали пользоваться ее плодами, хотя и в разной степени. Этот процесс можно проследить, если посмотреть, как происходил рост потребления тех многочисленных товаров, которые прежде считались предметами роскоши, а теперь действительно стали доступны и постепенно начали считаться совершенно необходимыми: холодильники, телевизоры, автомобили, более просторные квартиры.

По мере роста числа автомобилей увеличилась потребность в строительстве дорожной сети; новые потребности в жилье вели к переустройству городов и возведению массивных жилищных кварталов на окраинах крупных городов, в которых сооружались не только большие многоквартирные дома, но и маленькие домики, рассчитанные на одну семью.

Жилищная проблема по-прежнему существовала. У многих не хватало денежных средств, для того чтобы осуществить всеобщую мечту о собственном домике с клумбой в палисаднике и с просторной лужайкой позади дома. Но принятые в начале 60-х годов законы открыли новые возможности для финансирования жилищного строительства, которое пошло очень успешно.

«Сделаем добрые времена еще лучше» — так звучал предвыборный лозунг Социал-демократической партии Дании на выборах 15 ноября 1960 г. Такими и стали 60-е и первые три года 70-х, по крайней мере если принимать во внимание исключительно экономические показатели. Еще жива была вера в «прогресс», характерная для 50-х. Но традиционные общественные ценности все чаще подвергались сомнению, по мере того как растущие экономические, технологические, социальные и демографические проблемы вытесняли традиции, а ставка делалась на новые ценности. Теперь, когда мы оглядываемся назад и смотрим с расстояния на все эти большие и маленькие тривиальные заботы, которые когда-то определяли повседневную жизнь людей, 60-е кажутся нам пестрым и беззаботным временем.

Глава 24

Изменение политических условий

Конституция 1953 г.

В 1953 г. Дания обрела новую Конституцию. Последние крупные изменения в нее были внесены в 1915 г. Затем в связи с возвращением Северного Шлезвига в состав Дании в 1920 г. в Основном законе появились некоторые уточнения, но уже в 30-х годах социал-демократы и радикалы энергично настаивали на пересмотре Конституции. Однако всенародный референдум 1939 г. не обеспечил необходимого большинства голосов для внесения изменений в Конституцию. Это удалось сделать только в 1953 г.

Большие неудобства причиняла система двухпалатного парламента, когда фолькетинг принимал решения, а ландстинг утверждал их. Существование подобной системы обосновывалось необходимостью сохранения определенного консерватизма системы, с тем чтобы оградить законодательную власть от влияния конъюнктурных колебаний, характерных для «народного волеизъявления», — аргумент, обычно выдвигавшийся консерваторами и либеральной партией «Венстре», имевшими в предвоенный период большинство в ландстинге. Теперь все четыре «старые» партии, несмотря на некоторые колебания со стороны «Венстре», согласились упразднить ландстинг. Но и в этот раз попытка пересмотра чуть не провалилась на всенародном референдуме, ибо доля проголосовавших за упразднение верхней палаты составила 45,76% общего числа избирателей, что едва перекрыло законодательно установленный нижний предел в 45%. В народных массах явно отсутствовал интерес к данному вопросу.

Тот факт, что новая Конституция все же смогла собрать необходимое большинство голосов избирателей, объясняется еще одним нововведением. До сих пор монарший престол мог наследоваться только по мужской линии; теперь же такую возможность получили и женщины, если король, который находился у власти, не имел

наследников мужского пола. Именно такая ситуация сложилась в 1953 г. — у популярного в народе короля Фредерика IX не было сына, но зато было три дочери. Теперь датские избиратели решили, что принцесса Маргрете должна стать в будущем главой государства.

Кроме того, важное нововведение заключалось в закреплении в Конституции той парламентской системы, которая на практике действовала уже с 1901 г.

Условием согласия буржуазных партий на упразднение двухпалатного парламента являлись постановления в пользу элементов прямой демократии. Речь шла о том, что политические решения, касающиеся изменений Конституции, в определенных случаях должны приниматься самим населением на всенародных референдумах. Впредь треть членов фолькетинга могла потребовать, чтобы принятый законопроект, за исключением некоторых законов, касающихся бюджета страны, выносился на всенародный референдум. Для отклонения принятого законопроекта было недостаточно получить на референдуме простое большинство, — требовалось, чтобы это большинство соответствовало не менее чем 30% общего числа избирателей. Подобный случай означал бы, что избиратели, по всей видимости, недостаточно заинтересованы в принятии законопроекта, и наоборот, если речь шла о внесении изменений в Конституцию, то новый закон гарантировал проведение референдума. В последующие десятилетия парламентские меньшинства неоднократно угрожали тем, что поставят интересующий их вопрос на всенародное голосование, однако это случилось единственный раз — 25 июня 1963 г., когда оппозиция заблокировала предложение правительства социал-демократов и радикалов по закону о земле.

Проведение всенародного референдума было возможно также в случае, если участие Дании в деятельности международных организаций требовало отказа от национального суверенитета. Параграф 20 Конституции гласит, что решение, связанное с отказом от суверенитета, фолькетинг может принять только в том случае, если получено большинство голосов в пять шестых общего числа. Если большинство составляет менее указанного количества, а правительство поддерживает законопроект, то вопрос направляется на всенародный референдум. Кроме того, открываются более широкие возможности: например, поставить законопроект на так называемое рекомендательное

всенародное голосование; иными словами, правительство в принципе может не считаться с результатами такого референдума. Возможности проведения всенародного референдума в связи с участием страны в международном сотрудничестве были использованы позднее, а именно в связи с решением вопроса о статусе Дании по отношению к ЕЭС, о чем будет сказано ниже.

Важным для отдельного гражданина являлось введение института омбудсмана, в задачи которого входит прием жалоб граждан на административные решения и их серьезное разбирательство.

Наконец, большое международное значение имело изменение новой Конституцией статуса Гренландии: из колонии она была преобразована в датский амт. Таким образом Гренландия стала частью датской территории на равных правах, например, с амтом Виборга. Дания перестала быть колониальной державой, ведь Исландия в 1944 г. разорвала монархический союз с Данией и объявила себя республикой, а Фарерские острова получили право самоуправления в 1948 г., вдохновленные своей самостоятельностью, обретенной во время войны.

Конституция 1953 г. оказалась документом долгосрочного характера. Она все еще действует в Дании, и, несмотря на происшедшие за это время значительные изменения в общественном развитии, в стране не велось сколько-нибудь значительных дискуссий о необходимости пересмотра Основного закона.

В отличие от Конституции Закон о выборах неоднократно подвергался пересмотру в отдельных своих положениях. Он определяет условия проведения выборов, распределение мандатов, устанавливает возрастной ценз для избирателей и т. д. Возрастной ценз был определен в 1953 г. в 23 года; это решение после одобрения парламентом должно было быть вынесено на всенародный референдум. Высокий возрастной ценз вскоре подвергся всесторонней критике, и в 1961 г. он был снижен до 21 года, в 1971 г. — до 20 лет и, наконец, в 1978 г. — до 18 лет. Время от времени обсуждались и правила, регулирующие представительство в парламенте мелких партий, и были внесены некоторые изменения. Правило, определяющее порог для представительства партий в парламенте, гласит, что для участия в распределении так называемых дополнительных мандатов партия должна оправдать свое присутствие в парламенте, то есть она уже должна быть представлена в нем или должна собрать определенное

число подписей. Количество подписей установлено в размере 18 — 20 тыс.; кроме того, на выборах необходимо получить не менее 2% голосов избирателей.

Долговечность датской Конституции объясняется, вероятно, тем, что она по большому счету не касается способов функционирования политической жизни. В этом отношении Основной закон был несовременным уже при своем появлении, так как в нем не упоминались ни политические партии, ни объединения групп по интересам, ни другие многочисленные центры власти, существовавшие в Дании. В будущем такое несоответствие должно было стать еще более явным.

Политические перемены 60-х годов

Новая политическая партия — Социалистическая народная партия (СНП) нацеливалась на участие в правительстве вместе с социал-демократами, чтобы таким образом осуществить поворот датской политики влево. Правительство-сотрудничество так никогда и не было реализовано, но в 1966—1968 гг. СНП выступала гарантом социал-демократического правительства, создав так называемый «красный кабинет». В действительности СНП не смогла серьезно повлиять на политику данного правительства, и вызванное этим разочарование было одной из причин, приведших в конце 1967 г. партию к расколу и последующему учреждению новой партии левых социалистов, которая придерживалась более левой ориентации.

Хотя СНП и не удалось оказать влияние на реальную политику, она дала импульс и стала симптомом возникновения новых политических инициатив, которые во множестве появлялись в 60-х годах, чему способствовала большая степень открытости, характерная для жизни датского общества и международного сообщества в тот период.

Именно в 60-х — начале 70-х годов сфера политики стала неуклонно расширяться, теряя четкие очертания и с трудом поддаваясь определению. Вне парламента и вне партий стали развиваться новые формы политической активности. До этого момента организация групп по интересам являлась феноменом, характерным преимущественно для сферы производства, то есть сферы, где действуют организации

наемных трудящихся и предпринимателей; однако теперь свои организации стали создавать и работники сферы услуг. Предметом политической активности становились теперь новые области общественной жизни: условия жизни семей, воспитание детей, сексуальная жизнь и т. д. Это, разумеется, следует рассматривать в связи с процессами политизации всех сфер общественной жизни, которая была обусловлена расширявшейся деятельностью государства. Само понятие «политика» стало рассматриваться более широко и объемно.

Все эти процессы получили дополнительный импульс благодаря экзотике так называемого молодежного бунта, которая особенно ярко проявилась в период между 1967 и 1970 гг. В сущности молодежный бунт представлял собой попытку молодых людей обозначить себя как особую категорию населения; в этом выразилась их реакция на происшедшие стремительные экономические, социальные изменения в обществе и в сознании людей. В этом свете можно, наверное, проследить связь молодежного бунта с рок-н-ролльными «беспорядками» 1956 г. Во всяком случае, налицо сильное влияние англосаксонской молодежной культуры, несмотря на то что США теперь стали восприниматься как олицетворение зла. Однако в молодежном бунте 60-х годов участвовало гораздо больше людей, диапазон затрагиваемых вопросов значительно расширился, и частично он отмежевался от массовой индустрии развлечений, которая впервые пустила в обращение понятие «тинэйджер». Стала заметной связь этого общественного явления с политической деятельностью левых сил. Наверное, было бы не совсем корректно рассматривать возникшее в конце 60-х движение против войны во Вьетнаме как сугубо политическое явление. Это массовое антивоенное движение было одновременно и феноменом молодежной культуры.

Так называемые провокаторы, прогуливавшиеся нагишом на студенческих вечерах, и хиппи с длинными волосами и грязными ногами, принявшие основательную дозу наркотиков, стали провоцирующим явлением городской жизни Копенгагена. Постепенно эти спонтанные выступления становились все более организованными. Среди наиболее известных форм деятельности были так называемые трупобные налеты, когда начиная с 1968 г., молодежь стала захватывать освобождаемые для ремонта здания, что происходило

опять-таки преимущественно в Копенгагене. Налеты приносили романтическую радость жизни в пустующие жилища, в которых их участники организовывали шумные празднества для себя и жителей близлежащих кварталов, пока не появлялась полиция и не нарушала идиллию, вынуждая покинуть помещения. Важным следствием труппных налетов было учреждение «вольного города Христиания» в захваченных казармах в районе Христиансхавн в старой части Копенгагена в 1971 г. Здесь должна была расцвести новая цивилизация, основанная на свободном от властей единении участников и предназначенная силой любви победить холодную капиталистическую систему. Христиания все еще существует. В числе ее постоянных жителей есть и наркоманы.

Участники молодежного бунта экспериментировали с разными формами семейной жизни, сексуальностью, религией, одеждой, наркотическими веществами и т. д. Кульминацией стало создание «Нового общества» в лагере Фреструп в Северной Ютландии летом 1970 г. Здесь должна была предстать во всем цвете «альтернативная жизнь», чтобы добропорядочные обыватели в пижамах могли увидеть ее прелесть и предаться ей. Когда обитатели лагеря стали расхаживать в костюме Адама, сбежалось много любопытных. Но этим дело и кончилось. В лагере осталась жить лишь небольшая горстка людей, но и те вскоре исчезли в туманах ближнего леса и больше не появлялись. После такого летнего отпуска большинство вернулось домой в крупные города, где удивительно быстро сменило беззаботный анархизм на строгость марксистского догматизма и сектантства, присущую периоду 70-х годов. При этом изменения, которые обуславливались молодежным бунтом, проявились в падении в Дании доверия к авторитетам, и эта тенденция оказалась долгосрочной. Она нашла отражение в системе образования, как профессионального, так и среднего школьного, не говоря уже об университетах.

Вне существующих партийно-политических институтов неудовлетворенность проявляли также представители буржуазных кругов. Их «бунт», а точнее протестная инициатива, получившая название «риндализм» (по фамилии инициатора движения Риндаля), имел место в 1964—1965 гг. и был направлен против создания в 1960 г. министерством культуры фонда поддержки деятелей культуры и искусства. Практику государственных дотаций устранить не удалось, но

этот «бунт» можно считать предвестником более мощной и прямой критики всеобъемлющего государства благосостояния, которая развернулась позже. Многие уже в 60-х годах противились созданию подобного государства, что нашло свое выражение в том, что к власти в 1968 г. пришло коалиционное правительство либеральной партии «Венстре», консерваторов и радикалов. Эти три буржуазные партии пошли на выборы, обещая ограничить расширение функций государства. Сказанное обеспечило им такую убедительную поддержку, что они смогли прервать череду социал-демократических или коалиционных, с участием социал-демократов, правительств, тянувшуюся с 1953 г. Тот факт, что расходы общественного сектора все-таки продолжали расти и при новом буржуазном коалиционном правительстве, явился главной причиной крутого изменения, которое произошло несколько позже на политической сцене.

Тем не менее масштабы культурных перемен легко преувеличить. Что бы ни говорилось о социальных экспериментах и фанатичных политических лозунгах, в конкретной политической ситуации они могли вызвать противодействие или, наоборот, позитивное восприятие и таким образом стать значимыми. Однако преобладало ощущение роста благосостояния и социальной защищенности. Большинство жителей страны уже более критично и разборчиво смотрели на все новое (совсем как в 50-х годах). Издательство «Гюльдендаль» опубликовало в 1969 г. Словарь иностранных слов, в котором, между прочим, сказано буквально следующее: «Битл — это лицо, внешне напоминающее молодых гитаристов из Ливерпуля, которые начиная с 1960 г., выступали в броской одежде, с нестриженными волосами. Они имели колоссальный успех у публики и буквально оглушали слушателей примитивной, но ритмичной музыкой электроинструментов». Многие родители склонялись к тому, чтобы согласиться с такой характеристикой. И это несмотря на то, что «Битлз» были одним из лучших ансамблей по сравнению со многими другими.

Новые условия жизни в 60-х годах

То, что все изменялось так быстро и кардинально, в значительной мере объяснялось изменениями на рынке труда, о чем говорилось выше.

Дело не только в том, что массовое переселение людей из деревень в города привело к переоценке ценностей. Благодаря услугам, которые стало оказывать государство благосостояния, изменилось само содержание труда. Здесь стали складываться новые отношения между самими наемными работниками, между работниками и работодателями, между работниками и объектом их труда. Это закладывало основу для появления иных ценностей в среде нового среднего класса. Поскольку он преимущественно состоял из женщин, то их специфический опыт и представления, определяемые полом и ранее менее заметные в общественной жизни, накладывали свой отпечаток, и общество получало от этого значительный дополнительный импульс.

Доля женщин в общем числе занятых составляла в 1950 и 1960 гг. около 29%, в 1965 г. — 31,5, в 1970 г. — 34, в 1981 г. — 42,5, а в 1986 г. — уже 47%. Участие женщин в экономической деятельности, которое особенно увеличилось в середине 60-х годов, часто связывают с массовым строительством домов на одну семью. Доход среднего служащего или рабочего просто не позволял платить за новое дорогое жилье. Разумеется, следует принять во внимание и другие факторы, чтобы понять причины перелома, который произошел в сложившейся за предшествующие шестьдесят лет экономической и семейной структуре и в мировоззрении и был вызван появлением женщин на рынке труда. Характерной особенностью 60-х являлось значительно возросшее внимание к материальным ценностям, и это, вне всякого сомнения, имело значение. Свою роль сыграли и перемены в общественном сознании, когда роль домохозяйки принципиально изменилась, поскольку жизнь вне дома и семьи стала более привлекательной, чем в 50-х годах.

Развитие средств массовой информации также играло важную роль в переменах, характерных для 60-х годов. Сильнее всего влияло телевидение, так как теперь большинство семей имели достаточно средств, чтобы купить свой собственный «ящик». Тот факт, что вьетнамская война вызвала сильнейший гнев и мощные протесты датской общественности, объяснялся, в частности, тем, что каждая добропорядочная датская семья, сидящая у телевизора за чашечкой кофе с печеньем наблюдала в ежевечерних телевизионных новостях бомбардировки с напалмом, мучения людей и оторванные конечности. Вьетнамская война стала первой войной в истории, которая освещалась

по телевидению. Так столкновения перед американским посольством в Копенгагене пришли в дом рыбака, живущего на берегу Северного моря, и фермера с ютландской вересковой пустоши.

Ежедневно пресса сообщала те же самые новости, что и телевидение, но теперь она подавала их в более сенсационной форме, чем раньше. До 50-х годов ежедневная печать, как правило, была связана с политическими партиями, и отдельные газеты отражали взгляды, присущие той или иной партии, что накладывало свой отпечаток на подачу ежедневных новостей. Столь тесная связь между партиями и газетами предопределяла наличие определенных ограничений, касающихся приоритетов при выборе тем и отражения точек зрения. По мере того как проблемы, связанные с сохранением постоянных подписчиков, росли, связь между прессой и партиями становилась слабее. Конкуренция между газетами становилась все более жесткой. В значительной мере она переносилась на способ подачи новостей и в меньшей степени касалась оценок событий. Скандальные новости поэтому чаще всего попадали на первую полосу.

Женское движение

Вдохновляемая сообщениями об американских инициативах, группа женщин — жительниц Копенгагена весной 1970 г. предприняла ряд курьезных и провокационных действий. Например, однажды они отказались полностью заплатить за проезд в автобусе, аргументируя свой поступок тем, что труд женщин не оплачивается наравне с мужчинами; причем, поскольку они отказались покинуть автобус, полиции пришлось выносить активисток из него. Эти акции привлекли внимание средств массовой информации и вызвали дискуссии о равноправии мужчин и женщин по всей стране. Вскоре женская группа, которая теперь называла себя «Красные чулки», предприняла ряд акций и провела шумные дискуссии, которые привлекли внимание к характерным женским проблемам, в частности к проблеме женщины как сексуального объекта и т. п. Так появилось новое женское движение, нацеленное на освобождение женщин от всевозможных форм угнетения. Это движение с самого начала приобрело широкий размах и благодаря своим настойчивым требованиям независимости женщин в

обществе, где доминируют мужчины, стало важным фактором достижения равенства между полами, что явилось одной из долгосрочных и фундаментальных тенденций XX столетия. Оно представляло собой также серьезный вызов господствующему политическому порядку. Дело в том, что в политике доминировали мужчины. Женская эмансипация в 60-х годах сводилась к мысли, что женщины могут участвовать в принятии решений, которые до сих пор принимали мужчины, могут иметь беспорядочные половые связи, принимать только что появившиеся противозачаточные таблетки и иметь неограниченное право на аборты. Что касается последнего, то это право в Дании было введено законом 1973 г.

Тогда впервые возникла необходимость аргументации и оправдания существующего положения вещей, однако это было трудно сделать, не нанеся вреда демократической идеологии равенства, и женское движение одержало моральную победу. В 70-х годах отдельные группы женского движения развивались изолированно, враждебными по отношению к мужчинам анклавами, но в основном движение шло в сторону установления и формального, и реального равенства.

Трудно однозначно описать женское движение после первых акций «Красных чулок». Организовывались выездные летние лагеря, где проходили дискуссии о различных формах угнетения и подавления женщин, проводились особые женские фестивали с «женской музыкой», женскими докладами и «женской едой». Молодые женщины поддерживали и подбадривали друг друга, образуя особые «базисные группы». Но женское движение, которое существовало и до появления «Красных чулок», было подобно многоголовому монстру. Сила движения предопределялась тем, что его участницы, представлявшие различные политические направления, работали и в других сферах общественной жизни, где они отстаивали свою точку зрения и заставляли считаться с особой женской позицией по всем вопросам. Например, во многих профсоюзах были созданы женские комиссии, а внутри политических партий женщины действовали, исходя как из позиций своей женской идентичности, так и из идейных основ партии.

Точка зрения женского движения на равноправие одержала победу как в законодательной сфере, так и в общественном мнении. Поэтому женское движение около 1980-х годов утратило боевой дух и

постепенно угасло. Наиболее радикальная его часть — «Красные чулки» — прекратила свое существование в 1985 г. Однако тот импульс к действию, который дало это движение, приобрел собственную динамику. Например, в университетах страны стали учреждать специальные центры тендерных исследований.

Уже в 70-х годах доля молодых женщин — студенток и работниц сравнялась с долей молодых мужчин. Увеличение доли женщин на производстве до уровня сегодняшнего дня объясняется также тем, что «поколение домашних хозяек» постепенно вступало в пенсионный возраст. Это отражалось в статистических показателях, и женщины новых возрастных групп, естественно, приходили на рынок труда.

Тем не менее действительное равенство между женщинами и мужчинами в отношении оплаты труда, иерархии на его рынке было трудно реализовать на практике. Женщины продолжали численно преобладать в тех профессиях, которые относятся к традиционно женским занятиям: социальном попечении, уходе, воспитании. Это не должно представлять собой проблему или считаться проявлением неравенства, так как равноправие между полами не следует сводить к отсутствию различий между женщинами и мужчинами. Однако «женские профессии», как правило, оплачиваются хуже, чем традиционно мужские. Когда же женщины проникают в новые профессиональные сферы, то появляется тенденция к снижению уровня заработной платы. Область управления характеризуется более высоким статусом, наличием более высокой зарплаты и свободы действий и продолжает оставаться мужской сферой; равным образом это относится к элитным постам в сфере образования, таким, например, как университетские исследования. Однако за последние тридцать лет изменения в положении полов оказались огромными.

Вступление в ЕЭС

Ко времени вступления в силу Римского договора в 1958 г. Дания вынуждена была определить свое отношение к Европейскому экономическому сообществу. Следовало дать оценку многочисленным обстоятельствам, включая также эмоциональный аспект. Как следовало датчанам относиться к германскому участию в мощном европейском

союзе, когда прошло так мало времени после оккупации Дании? Однако центральным оказался вопрос, связанный с датским экспортом. С одной стороны, следовало вступить в ЕЭС с его перспективами, но было неясно, как такой шаг повлияет на экспортные рынки за пределами союза, особенно в Англии, которая была главным покупателем датских сельскохозяйственных продуктов. Поэтому вначале Дания поддержала желание Англии заменить узкое ЕЭС более широкой зоной свободной торговли, которая включала бы все страны — участницы Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). План потерпел неудачу, и вместо этого в 1960 г. была образована Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) как попытка европейских стран усилить свои позиции перед лицом ЕЭС. Дания вошла в число ее участников. Но образование ЕАСТ явилось всего лишь вынужденным решением. Проблемы касались отношения к ЕЭС — тяжеловесу в экономике.

После трехлетних тщетных попыток приобрести влияние на ЕЭС Дания решила в 1961 г. вместе с Англией и Ирландией, а годом позже и Норвегией подать заявку о вступлении в эту организацию. Переговоры продолжались до января 1963 года. Они были прерваны из-за противодействия Франции присоединению Англии к Сообществу. В мае 1967 г. ходатайство о вступлении было возобновлено, но опять дело кончилось ничем из-за франко-английских противоречий. После этого Дания на некоторое время переориентировалась на североевропейское экономическое сотрудничество, участвуя в переговорах по так называемому Нордэку. Однако от этого плана отказались в марте 1970 г., и Дания вновь обратила все взоры к ЕЭС.

С точки зрения поддержки в парламенте ориентация на ЕЭС в 1970 г. не представляла никаких проблем, поскольку подавляющее большинство членов фолькетинга выступало за присоединение Дании к ЕЭС. В 60-х годах Социалистическая народная партия была единственной партией парламента, которая противилась вступлению. Но когда вопрос встал всерьез и Дания оказалась на пороге принятия в эту «теплую компанию», члены фолькетинга, представлявшие различные политические партии, вдруг заявили, что они скептически смотрят на данный вопрос, а некоторые даже сказали, что являются противниками вступления Дании. Особенно характерно это было для социал-демократической фракции парламента, которая вскоре

раскололась на две группировки: две трети были «за» вступление и треть — «против» вступления в ЕЭС. Напротив дворца Кристиансборг, где заседает фолькетинг, проходили многочисленные, пестрые по составу митинги, в которых наряду с националистической партией «Датское единство» — на правом фланге, и Коммунистической партии Дании — на левом, принимали участие самые разные новые социальные движения. В этих массовых протестах принимали участие и пацифисты, и ветераны движения Сопротивления времен Второй мировой войны, и националисты, и интернационалисты, и представители крупного бизнеса, и профсоюзные лидеры. Все они приводили собственные доводы против присоединения к ЕЭС, вопрос о котором начиная с 1970 г., превратился в самый важный политический вопрос на всем протяжении датской истории.

Весной 1971 г. большая часть противников объединилась в единую организацию — «Народное движение против ЕЭС». Была предпринята попытка выработать единую аргументацию против вступления в ЕЭС, которая основывалась на защите датской национальной идентичности, отпоре немцам и желании усилить североевропейское сотрудничество. Преобладали, таким образом, аргументы идеологического характера. Противникам вступления в ЕЭС удалось в повседневной жизни при помощи сети своих локальных организаций мобилизовать несколько тысяч активистов. В результате невиданной ранее массовой политической активности населения усилились сомнения относительно исхода предстоящего всенародного голосования по вопросу вступления в ЕЭС, которое по решению фолькетинга должно было состояться 2 октября 1972 г. Так как Норвегия на всенародном референдуме за неделю до этого сказала «нет» ЕЭС, то многие предположили, что Дания сделает то же самое.

В конце концов избиратели отдали предпочтение чисто экономическим доводам, а не идеологическим аргументам (типа «лучше крона в кармане, чем десять навязчивых идей в голове»), и на референдуме 63,3% проголосовало «за» и только 36,7% «против» вступления в ЕЭС.

Через день после победы премьер-министр — социал-демократ Йене Отто Краг неожиданно объявил в парламенте о своей отставке, одновременно назвав профсоюзного лидера неквалифицированных рабочих Анкера Йоргенсена своим преемником. Этим решением Краг

хотел достичь сплочения Социал-демократической партии вокруг личности, которая в меньшей мере, чем он сам, могла идентифицироваться с победившей на референдуме стороной в условиях, когда партия фактически раскололась.

Однако политическая борьба вокруг вопроса о вступлении в ЕЭС не прекратилась с принятием решения о присоединении и с заменой премьер-министра. Позднее в целом ряде случаев противникам ЕЭС, а позднее ЕС неоднократно удавалось ставить вопрос о членстве в этом сообществе в центр внимания повседневной политической жизни Дании.

С годами ЕЭС превратилось в международную организацию, в деятельность которой Дания оказалась глубоко вовлечена. Помимо тех связей, что, разумеется, влекут за собой такое тесное сотрудничество с другими странами, бюрократия ЕЭС постоянно издавала все возрастающий поток директив и распоряжений, которые оказывали непосредственное влияние на политические процессы в Дании и влекли за собой постепенную передачу власти от датского фолькетинга органам ЕЭС, обладающим правом принятия решений. Объединения, создававшиеся в Дании и сторонниками, и противниками ЕЭС, являли собой пример того, как международные интеграционные процессы и общественное развитие в стране способствовали стиранию традиционных разграничительных линий в политической и общественной жизни, ибо они внесли раскол как на правом, так и на левом фланге датской политики и создали почву для новых форм сотрудничества. Эти объединения не только раскалывают, но и сплачивают самым нетрадиционным образом различные социальные слои.

Возникали также и другие новые вопросы, которые мы более внимательно рассмотрим в следующей главе.

Резюме

Особое значение имело распространение деятельности государства на все новые сферы жизни, а также участие Дании в интеграционных процессах посредством участия в международных организациях. В этом отношении датская послевоенная история развивалась в том же

направлении, что и в других западных странах. Возможно, речь следует вести о единой глобальной тенденции. Естественно, наряду с вышеназванными происходили и другие важные процессы, которые нельзя классифицировать как второстепенные по отношению к этим двум главным тенденциям развития, накладывавшим отпечаток на все происходящее. Нельзя, однако, отрицать и взаимное влияние их друг на друга. Речь идет о государстве благосостояния, о влиянии извне на политику, на образ жизни и культуру, о технологической революции в сельском хозяйстве и промышленности, о получении энергии, средствах массовой информации, об образовании, изменениях социальной структуры и т. д. Между 1945 и 1973 гг. валовой национальный продукт увеличился почти вдвое, а наиболее быстрый рост происходил в период после 1960 г. Именно об этом времени мы говорим как о поворотном пункте в развитии. Происходило ослабление «холодной войны», что позволяло проводить эксперименты в области политики и культуры, выходявшие за рамки общепризнанных норм. Начиная с этого момента ускоряется создание государства благосостояния, которое реформировало все институты, созданные ранее в стране, все общественные и экономические механизмы, а также все представления о разграничении общественного и частного.

Направление развития в значительной мере обуславливалось политическим выбором, который повлек за собой многочисленные непредсказуемые и не всегда контролируемые последствия. Большая часть политических инициатив, которые способствовали развитию страны в новом направлении, становились предметом политической напряженности, кульминацией которой явилась общественная дискуссия по вопросу членства в ЕЭС. Тем не менее большинство людей были уверены, что дальнейшее развитие будет поступательным, как в 60-х годах. Однако жизнь оказалась сложнее, чем казалось тогда.

ДАНИЯ ПОСЛЕ 1973 года
Серен Хейн Расмуссен

Глава 25

Экономический кризис и новые политические задачи

В конце 1973 г. в странах — членах ОЭСР, особенно в Дании, ухудшилось экономическое положение, и последствия этого — высокая безработица и увеличение внешнего долга стали с тех пор главной проблемой общественного развития. В появлении экономических трудностей обвиняли государство благосостояния. Положение в датском парламенте в 70-х годах тоже характеризовалось нестабильностью, постоянная смена правительств ставила фолькетинг в трудное положение. В 80-х годах ситуация лишь отчасти была преодолена, теперь решения в области политики безопасности и внешней политики, принятые в связи с новой вспышкой «холодной войны», создали крупные проблемы, которые были полностью устранены только с окончанием «холодной войны» в начале 90-х годов. Предпринимавшиеся с 1985 г. попытки углубления интеграции ЕЭС вновь вызвали раскол среди датчан, и это создало в 90-х годах большие трудности в отношениях с Сообществом, которое с 1993 г. стало называться Европейским союзом (ЕС). Среди новых тем, обсуждавшихся в обществе, преобладали охрана окружающей среды и иммиграция из третьих стран.

Возврат к кризисам

После войны с Израилем арабские страны — экспортеры нефти подняли осенью 1973 г. цены на «черное золото»; одновременно они уменьшили на 25% его поставки в те западные страны, которые поддерживали Израиль. Поскольку датские потребности в энергии на 90% обеспечивались за счет нефти, то правительство мгновенно отреагировало на это, введя различные ограничения на потребление

энергии, в том числе четыре раза по воскресеньям объявлялся запрет на пользование автомобильным транспортом.

Уже в январе 1974 г. нормальный уровень поставок нефти был восстановлен, и вновь наступили обычные будни. Но как непосредственное продолжение нефтяного кризиса в мировой экономике стали усиливаться кризисные явления, и это заметно ударило по датской экономике: цены на нефть выросли вдвое. Экономические неурядицы были столь велики, что в 1974 и 1975 гг. впервые после второй мировой войны экономический рост сменился падением. Позже в Дании вновь наметился подъем экономики, но он был более слабым по сравнению с предыдущим периодом высокой конъюнктуры. В 1979 г. падение производства усилилось еще одним энергетическим кризисом. За исключением двух благоприятных лет (1984 и 1985), период высокой конъюнктуры вновь наступил в стране только в 1992 г.

Непосредственным следствием кризиса явилось возвращение массовой безработицы. В 60-х годах безработица колебалась в пределах 2 — 3%, что объяснялось так называемой неизбежной безработицей, сопровождающей смену рабочего места, сезонными колебаниями занятости в таких отраслях, как, например, строительство, не говоря уже о проблемах, связанных с развитием окраин. В 1973 г. безработица находилась на уровне менее 1%, но затем быстро стала увеличиваться. В 1975 г. она составляла 5%, в 1983 г. достигла 10,5%, а после небольшого уменьшения вновь выросла в 1993 г. до 12%.

Низкая экономическая конъюнктура 70-х годов имела международный характер. Ее усилил нефтяной кризис, но существовали и более основательные причины. Признаки кризиса появились уже в 1971 г., когда Соединенные Штаты вынуждено отказались от гарантированного обмена долларов на золото, который лежал в основе международного валютного сотрудничества. Золотой запас США был просто недостаточен, для того чтобы поддерживать свободный обмен при том количестве бумажных денег, которые находились в обращении. Но еще важнее, что доллар давно уже не имел такого высокого курса по отношению к другим валютам, как в 1944 г., когда решения, принятые в американском городе Бреттон-Вудс, установили подобную систему сотрудничества. С ростом инфляции ухудшились условия торгового обмена Дании с зарубежными странами, что ударило по экспорту, а следовательно, и по производству.

Экономический спад означал для Дании увеличение расходов государственной казны, связанных с оплатой пособий по безработице, но из-за уменьшения налоговых поступлений на эти и другие выплаты, производимые государством благосостояния, в бюджет поступало теперь меньше средств. В эти годы происходила постоянная смена кабинетов: с декабря 1973 г. по февраль 1975 г. правительство возглавляла либеральная партия «Венстре», затем до августа 1978 г. действовало социал-демократическое правительство; далее до октября 1979 г. у власти находилось коалиционное правительство либеральной партии «Венстре» и социал-демократов, и, наконец, два правительства социал-демократов находились у власти в период до сентября 1982 г. Все они пытались решать возникающие проблемы при помощи комбинации традиционных кейнсианских методов и сокращения некоторых государственных расходов. На практике лучше удавалось использование методов кейнсианской политики, но она тоже имела свои недостатки. Правительства постоянно брали деньги в долг, ожидая окончания кризиса, когда появлялись возможности для выплаты долга. В 1978 г. внешний долг достиг 66 млрд крон, а в 1980 г. он составил уже 100 млрд. крон. Бремя выплат по процентам вскоре достигло такого уровня, который угрожал стать слишком большой нагрузкой для датской экономики, даже при условии ее подъема. Это превратилось в главную заботу буржуазных партий, и вскоре они заставили всех прислушаться к их доводам. Социал-демократическое правительство меньшинства представило в 1982 г. новый финансовый законопроект, который включал в себя предложение о значительной экономии общественных средств, но тем не менее он не получил поддержки со стороны оппозиции, состоявшей из буржуазных партий. Поэтому правительство Анкера Йоргенсена ушло в отставку, не назначив новые выборы. К власти пришло коалиционное правительство, которое состояло из представителей Консервативной народной партии, либеральной партии «Венстре», Христианской народной партии и партии «Демократы центра». Главой кабинета стал консерватор Поуль Шлютер. Новое правительство заявило о кардинальном изменении экономической политики, и политическая жизнь получила новое направление.

Партийная политика претерпевает изменения

Сменявшие друг друга правительства в период после 1973 г. были поглощены не только решением сложных экономических проблем. Вся их деятельность, а также фактически вся парламентская работа были поставлены под угрозу из-за разного рода политических протестов.

Это стало очевидным в ходе выборов в фолькетинг 4 декабря 1973 г. Неслучайно потом выборы сравнили со сходом лавины. Теперь в фолькетинг прошли дополнительно еще пять партий, так что всего их стало десять. Компартия и Правовой союз вернулись в парламент с шестью и пятью мандатами соответственно, полученными благодаря их участию в кампании против членства Дании в ЕЭС. Три новые буржуазные протестные партии: Христианская народная партия, партия «Демократы центра» и Партия прогресса — также получили представительство в парламенте.

Большую известность приобрела Партия прогресса. Личность ее лидера — адвоката Могенса Глиструпа олицетворяла мощную энергетику партии. Глиструп стал известен на всю страну в один день, когда он 30 января 1970 г. на телевидении красноречиво и остро критиковал политику государственного вмешательства и бюрократизм. А в августе 1972 г. он стал председателем вновь образованной Партии прогресса. Не в последнюю очередь благодаря мастерскому использованию телевидения и едким нападениям на систему организации общественных услуг Глиструпу удалось повлиять на формирование общественного мнения. Он требовал упразднения многих социальных льгот, предоставляемых государством благосостояния, и уменьшения подоходного налога. Лидер Партии прогресса призывал улучшить возможность для проявления частной инициативы, расчистить пространство от непроходимой чащи разного рода законов и многочисленной бюрократии, в первую очередь сократив количество чиновников общественного сектора по меньшей мере на 90%. Глиструп был вознагражден за свои усилия на выборах в декабре 1973 г., получив около 15,9% голосов избирателей, что соответствовало 28 депутатским мандатам. Таким образом Партия прогресса превратилась во вторую по величине партию в стране после социал-демократов, при этом она отвоевала голоса у всех традиционных старых партий. Недовольство политикой благосостояния, а также ухудшением экономического

положения нанесло удар по исторически сложившемуся разделению избирателей на сторонников правых и левых партий.

Выборы принесли успех также партии «Демократы центра». Эта партия была учреждена в ноябре 1973 г. социал-демократом, бургомистром копенгагенского пригорода Гладсаксе и депутатом фолькетинга Эрхардом Якобсеном в ответ на происшедший, по его мнению, сдвиг социал-демократической партии влево. С выходом из партии Э. Якобсена правительство Йоргенсена утратило большинство в парламенте, и он назначил на декабрь проведение ставших роковыми выборов. Ряд менее известных, проявлявших недовольство социал-демократов и несколько буржуазных политиков объединились вокруг партии «Демократы центра». Им удалось не только в короткое время, оставшееся до выборов, собрать 20 тыс. подписей, необходимых для регистрации новой партии, но и столь сильно воздействовать на сознание избирателей, что партия получила 7,8% голосов и 14 депутатских мандатов. Так же как и в случае с Партией прогресса, успех «Демократов центра» объяснялся яркой личностью председателя, обладавшего выраженной телевизионной харизмой. На протяжении 70-х годов партия Якобсена была яркой защитницей интересов автолюбителей и владельцев индивидуальных жилых домов. Наряду с этим партия вела решительную борьбу против «подрывной деятельности левых, направленной против детей и молодежи», то есть, с точки зрения членов партии, против постоянного контроля над системой образования, радио и телевидением, осуществлявшегося сторонниками левых взглядов.

Похожая критика в адрес так называемых левых доктринеров высказывалась также со стороны Христианской народной партии, которая получила 4% голосов, что обеспечило ей получение семи депутатских мандатов. Но особенно важной проблемой для партии являлась пропаганда христианского мировоззрения, включая дополнительное введение в школьную программу курсов, посвященных основам христианства. Кроме того, сторонники партии выступали против свободы аборт, которая была введена в 1973 г. Общим для Христианской народной партии и «Демократов центра» было то, что, за исключением отдельных знаковых для них вопросов, их ориентация совпадала с позициями классических буржуазных партий Дании. Это не относилось, однако, к Партии прогресса. В течение долгого времени трудно было определить ее место в традиционном политическом

спектре, с его делением на правый и левый фланги. Поэтому остальные партии единодушно воздерживались от сотрудничества с этой партией. В целом наличие большого числа партий в фолькетинге и остро выраженный протестный характер новых партий вели к тому, что политические переговоры все чаще сталкивались с трудностями, и находить решения сложных вопросов политическими методами становилось все труднее.

Начало дебатов по окружающей среде

Еще в 60-х годах не многие задумывались о том, что индустриализация ведет к загрязнению. Обычные люди, принимая участие в общественных дебатах, под загрязнением подразумевали выброс бумаги и других отходов на улицы, в леса, на пляжи, а не на свалки. Загрязнение при этом превращалось в преимущественно эстетическую проблему, то есть считали, что оно выглядит некрасиво.

Только в узкопрофессиональных кругах занимались тем, что мы сегодня связываем с проблемой окружающей среды: химическими и другими отходами от предприятий и индивидуальных хозяйств, уничтожением природной среды, имеющей значение для выживания животных, растений, и т. д. Следовательно, всем тем, что действует разрушающе на созданное помимо усилий человека и что в конце концов, оказывает обратное влияние на условия его жизни.

И только в марте 1969 г. этот предмет получил организационное и политическое выражение. Тогда группа студентов и молодых ученых из Копенгагенского университета, которые интересовались природой, учредила экологическую организацию NOAH^[57], целью которой было воздействие на датских политиков и общественность для сохранения и улучшения окружающей среды в Дании и в мире в целом. NOAH вскоре приобрела широкую известность благодаря акциям, которые проводились в людных местах и привлекали поэтому большое внимание. Не в последнюю очередь популярность пришла благодаря привлечению экспертов из-за границы, особенно из Швеции, где исследования в области окружающей среды были уже налажены, и проведению собственных исследований.

Примерно в то же самое время окружающая среда оказалась в

центре внимания ООН, когда на Генеральной Ассамблее в 1969 г впервые был представлен доклад, в котором утверждалось, что проблемы окружающей среды носят глобальный характер и требуют неотложных решений. Вслед за этим призывом датский премьер-министр — член партии радикалов Хилмар Баунсгор при открытии заседания в фолькетинге 7 октября 1969 г. объявил об учреждении специального комитета, в задачи которого входила подготовка административных органов, ведающих вопросами окружающей среды. В 1971 г. было учреждено министерство по окружающей среде (до 1973 г. оно называлось «министерство по борьбе с загрязнением»). В 1974 г. вышел первый в Дании Закон по охране окружающей среды, предусматривающий санкции против нарушителей, а в 1975 г. был принят Закон о загрязнении морской среды, компактный по содержанию, но привлечший к себе всеобщее внимание.

Атомная энергия или другие источники энергии?

Еще большее внимание в 70-х годах привлек к себе вопрос об использовании атомной энергии.

Строительство АЭС являлось мечтой в послевоенное время. Те страны, с которыми датчане обычно себя сравнивали, уже имели таковую. У шведов имелась АЭС недалеко от поселка Барсебек на берегу пролива Эресунн, расположенная прямо напротив Копенгагена, в пределах видимости. Уже распространилось всеобщее мнение о преимуществах атомной энергии, связанных с ее дешевизной и надежностью благодаря возможности самообеспечения станций. Энергетический кризис 70-х годов сделал эти факторы еще больше значимыми, поэтому правительство, образованное либеральной партией «Венстре», в январе 1974 г. приняло решение о том, чтобы перейти от слов к делу, которое казалось беспроигрышным. Однако все обернулось иначе. В центре внимания критиков оказался не только вопрос об опасности радиоактивного загрязнения, но и сомнения в экономической эффективности. Мощное общественное мнение против атомной энергии, умело поддержанное Организацией по информации в области атомной энергии, стало решающим для сменявших друг друга правительств, и парламент раз за разом большинством голосов

откладывал окончательное решение вопроса. Различие мнений по этому вопросу, которое разделило общество на два лагеря, не способствовало выработке однозначного решения. К тому же еще свежа была в памяти конфронтация по вопросу о присоединении к ЕЭС.

К этому времени стало ясно, что опыт стран, в которых уже давно использовались атомные электростанции, оказался менее успешным, чем представлялось ранее. Когда в 1979 г. произошла крупная авария на американской АЭС около Харрисбурга, то многим к тому же подумалось, что обещания о наступлении Судного Дня имели под собой некую почву. В этой ситуации сторонники использования атомной энергии не имели возможности переубедить население в том, что атомная энергия влечет за собой меньшую степень загрязнения, чем сжигание угля.

Двадцать девятого марта 1985 г. фолькетинг принял однозначное решение об отказе от использования атомной энергии. Но к этому времени сама тема, так долго обсуждаемая, уже исчерпала себя, и поэтому мало кто обратил внимание на данное решение. Еще одной целью противников атомной энергетики была приостановка эксплуатации шведской АЭС в Барсебеке, так как они полагали, что станция угрожает безопасности Копенгагена. Эта цель, однако, так никогда и не была достигнута в XX столетии. Несмотря на трагедию в Чернобыле в 1986 г. и все те ужасы, которыми грозили на рубеже тысячелетий 450 существующих на Земле АЭС (а их число постоянно растет), международное движение против использования атомной энергии не увенчалось успехом.

Из-за постоянного роста цен на нефть активизировалась геологическая разведка нефти на дне Северного моря, одновременно были открыты и стали эксплуатироваться месторождения природного газа. Другим направлением диверсификации источников энергии стало развитие возобновляемых источников энергии, прежде всего ветра. В 1970 г. потребление энергии в Дании на 12% состояло из угля и на 88% из нефти. В 1988 г. доля угля составляла уже 40%, 6,5% приходилось на природный газ, солому и т. д., 3,5% — на возобновляемые источники энергии, и теперь уже только 50% приходилось на нефть.

По Конституции 1953 г. Гренландия получила статус датского амта, что имело аналогии в международной практике; в то же время здесь имелись и некоторые особенности. Вторая мировая война положила начало процессу ликвидации колоний западноевропейских стран, и этот процесс являлся также важной целью ООН. Но, как правило, ликвидация колониального статуса происходила в результате развития более или менее широкого национально-освободительного движения в самих колониях. В 50-х годах такое движение в Гренландии отсутствовало, территория была мало заселена, и гренландская экономика, инфраструктура, общественные институты и т. п. были развиты слабо. Хотя на протяжении всего XX столетия жизненный уровень в Гренландии постоянно повышался, все-таки он был намного ниже, чем в Дании. Особенно высока была детская смертность и смертность от туберкулеза. Датская общественность не могла с этим смириться. Поэтому в 1950 г. начала осуществляться обширная программа развития, которая должна была значительно улучшить условия жизни в Гренландии. Первоначальный толчок к изменению статуса Гренландии однозначно исходил от датской стороны. Обретение Гренландией статуса датского амта явно отличалось от процесса образования самостоятельных государств в других колониях, происходившего в период с 1945 по 1980 г.

В течение следующих десятилетий огромные суммы были вложены в развитие этого «северного датского» общества, чтобы «модернизировать» его и вывести на уровень «южного датского» общества. Сказанное повлекло за собой значительные изменения в гренландском обществе, ускорив его развитие в направлении от традиционной культуры морских охотников к новой рыболовной культуре, начало которой было положено еще в 20-х годах. По плану развития 1950 г. продолжилось переселение людей из маленьких поселков в города. Население столицы — Нуука (Готхоба) увеличилось с 1100 жителей в 1950 г. до 9 тыс. в 1975 г., а к 2000 г. там проживало 14 тыс. человек (общее число жителей Гренландии составляло 50 тыс. человек). В 70-х годах в Гренландии стали расти национально-освободительные настроения, было сформулировано требование сохранения гренландской культуры и идентичности, которые, как полагали гренландцы, подавлялись процессами «данизации», сопровождавшей модернизацию. Жители Гренландии потребовали

расширения своих прав на самоопределение, и эти требования были удовлетворены датской стороной посредством учреждения в 1975 г. Комиссии по внутреннему управлению. Ее деятельность создала основу для введения в 1979 г. самоуправления по аналогии с системой, действовавшей на Фарерских островах. Отныне Гренландией стал управлять ландстинг, который постепенно должен был взять на себя законодательные функции и управление гренландскими делами, а дотации со стороны Дании продолжали поступать на тех же основаниях, как и в другие датские амты. Дотации в 80 — 90-х годах достигли 2 млрд. крон в год, что было жизненно важно для гренландской экономики, так как обеспечить финансирование современного общества благосостояния не могли ни доходы от добычи гренландских полезных ископаемых, ни доходы от рыболовства, которое весьма сильно зависит от колебаний конъюнктуры. Внешняя и оборонная политика по-прежнему осуществлялись датским правительством, и Гренландия была постоянно представлена в датском фолькетинге двумя депутатами.

Гренландцы вскоре воспользовались вновь обретенной свободой. В 1972 г. 70% гренландцев проголосовали против участия в ЕЭС, но лишь после всенародного референдума 1982 г. Гренландия в 1985 г. вышла из состава ЕЭС. Самоуправление распространялось на растущее число политических проблем, и гренландское население стало выражать собственную точку зрения и по некоторым вопросам внешнеполитического характера. Американская военная база в Туле была как бельмо в глазу, и на протяжении 90-х годов этот вопрос служил почвой для серьезных противоречий между Гренландией и Данией. Несмотря на то что продолжала сохраняться государственная общность, среди гренландского населения усилились требования дальнейшего увеличения самостоятельности вплоть до возможности полного отделения от Дании. Гренландцы стали также все чаще вспоминать о своей географической близости к Северной Америке, с которой усилились разного рода контакты, не в последнюю очередь с обществами, объединяющими инуитов-эскимосов и других представителей малочисленных коренных народностей Севера.

По мере быстрого развития Гренландии и превращения ее в современное общество благосостояния в стране возникало много проблем. Частично они объяснялись тем, что резкие изменения жизненного уклада влекли за собой усиление отчужденности, а также те

трудности ориентации, которые известны и в Дании, и в других странах Запада, где над людьми довлеют такие проблемы, как взаимоотношения между общественным и частным сектором, между индустриальным и информационным обществом и т. д. Политические расхождения и социальные различия накладывали свой отпечаток на общественные дебаты, посвященные этим вопросам. Местная партия социал-демократического толка «Сиумут» на протяжении первых двух десятилетий самоуправления являлась самой большой партией и постоянно находилась у власти или одна, или в коалиции с буржуазной партией «Атассут» либо с партией «Инуит Атакатигиит», которая выступает с левых позиций.

Глава 26

Новый курс буржуазных правительств

Новые экономические идеи

Быстрый рост внешнего долга в конце 70-х годов составлял, как отмечалось выше, главную проблему для правительства, созданного в 1982 г. на основе коалиции буржуазных партий, которая состояла из консерваторов, либералов («Венстре»), Христианской народной партии и «Демократов центра» и пользовалась поддержкой Партии прогресса и Радикальной партии «Венстре» в парламенте. Такое распределение сил позволило им развернуть критику значительных государственных расходов и обвинить государство благосостояния в том, что оно порождает экономические трудности в стране. При этом они рассматривали равновесие государственного бюджета как основную предпосылку существования здоровой экономики и как источник погашения внешнего долга.

Возможно, ревизия работы общественного сектора с намерением повысить его эффективность — неплохая идея. Но, по всей видимости, было бы явным преувеличением перекладывать на него вину за образование внешнего долга, ведь последний возник в результате заимствований во время продолжительного кризиса 70-х годов. Эти займы предназначались для того, чтобы сохранить государство благосостояния и финансировать выплату пособий по безработице. Следовательно, внешний долг не был вызван существованием государства благосостояния как таковым, а скорее объяснялся ошибочной политикой, вызванной более продолжительным, чем предполагалось, кризисом.

Однако коалиционное правительство находилось под влиянием так называемой неолиберальной экономической доктрины, которая отдавала приоритет свободному предпринимательству перед государственным управлением экономикой. В соответствии с данной концепцией государство должно делать упор на проведении активной

денежной, а не финансовой политики. Неoliberalизм исходил из того, что коллективная социальная безопасность сковывала частную инициативу и дееспособность, являлась дорогостоящей и наносила вред динамике общественного развития. «Меньше государства и больше рыночной экономики» — таков лозунг, который выражал новую точку зрения; вместе с тем налицо было желание не только использовать государственный аппарат, но и расширять его, для того чтобы достичь указанных целей. В действительности же больше говорили о необходимости сокращения общественных расходов, чем о neoliberalизме.

Вопросы о масштабах общественного сектора в будущем и о приоритетных областях деятельности явились причиной острых разногласий между различными политическими направлениями. В целом можно констатировать, что социал-демократы стали главной силой, которая стремилась сохранить принцип универсальности, характерный для датского варианта государства благосостояния, в котором все граждане имеют равный доступ к благам, предоставляемым в области социального и медицинского обслуживания или получения образования. В то же время коалиционное правительство склонялось к тому, чтобы граждане сами несли ответственность за свое благополучие посредством оформления личного страхования и других видов обеспечения, основанных на частных началах.

Агрессивный маскулизм на крайнем левом фланге

На фото изображены датские участники групп «BZ», принимающие участие в демонстрации в Гамбурге в поддержку немецких соратников по борьбе. Политическое насилие стало давать о себе знать уже во время молодежного бунта времен движения против войны во Вьетнаме, но еще более бурно оно расцвело в восьмидесятые и девяностые годы. Между группировками «BZ», которые позднее стали называться автономными группировками, и полицией на улицах Копенгагена порой происходили ожесточенные столкновения, в которых принимали участие сотни человек с обеих сторон, причем в некоторых случаях было использовано стрелковое оружие. Группы крайне правого толка совершали многочисленные нападения на иностранцев, часто они нападали также на организации левой ориентации. Самый серьезный инцидент произошел в 1991 г., когда взрывом бомбы был убит один человек в офисе группы «Международные социалисты». Это преступление, вызвавшее возмущение датских средств массовой информации и политических деятелей, так и не было раскрыто полицией.

Такая точка зрения фактически означала отказ от создания общества, организованного на началах социального и экономического равенства, составлявшего главную цель государства благосостояния. Коалиционное правительство было выразителем широко распространенной среди буржуазных избирателей позиции, согласно которой заработная плата, пособия по безработице и различные социальные выплаты установлены на столь высоком уровне; что было бы и справедливым, и желательным осуществить перераспределение в пользу частного предпринимательства во имя оживления экономики.

Экономическая политика в 80-х годах

С самого начала своей работы коалиционное правительство Шлютера сделало ставку на усиление конкурентоспособности и создание условий для предпринимательской деятельности, а также на устранение дефицита платежного баланса и государственного бюджета соответственно к 1987 и 1990 гг. Средствами достижения этих целей явились уменьшение размера пособий по безработице, отмена

автоматического повышения заработной платы в зависимости от роста цен, а также другие меры по сокращению государственных расходов, в том числе за счет уменьшения дотаций местным органам власти, чтобы и они усилили экономию средств. При этом стало очевидно, что управление общественной экономикой уже в течение двух десятилетий происходит в централизованном порядке, одновременно с децентрализацией в сфере принятия отдельных политических решений. Одновременно доходы общественного сектора должны были возрасти, в том числе за счет увеличения в реальном выражении отчислений, идущих в накопительный пенсионный фонд, и за счет роста индивидуальных выплат, осуществляемых в порядке страхования от безработицы.

Такая политика быстро привела к успеху, так как ей содействовали внешние факторы, такие, как снижение на мировом рынке цен, кредитного процента и улучшение условий экспорта. Деловые круги страны также позитивно реагировали на смену правительства, и уже в первые годы его деятельности уменьшилась инфляция, упал уровень ссудного процента в Дании, существенно сократился дефицит государственного бюджета и платежного баланса. При этом — что стоит особо отметить — число безработных особенно не увеличилось.

Импульс, который был дан в первые годы деятельности коалиционного правительства, выразился в успехе экономической политики и значительном оптимизме. Все это вкупе с умением правительства удерживать политическую инициативу в своих руках сыграло роль решающего фактора в ходе последующих выборов в фолькетинг, которые состоялись 10 января 1984 г. и 8 сентября 1987 г. Выборы привели к сохранению у власти действующего правительства, а после выборов 10 мая 1988 г. было сформировано коалиционное правительство трех партий («Венстре», консерваторы и радикалы); после выборов 12 декабря 1990 г. к власти пришло двухпартийное правительство в составе либералов Венстре и консерваторов. Все эти правительства возглавил в качестве премьер-министра Поуль Шлютер, который стал очень популярен. Эра Шлютера миновала только 25 января 1993 г. Конкретной причиной его ухода явилось неудачное поведение правительства в одном конкретном политическом деле, которое получило название «Тамильского дела».

Не все были удовлетворены тем, да для этого и не было и

достаточных оснований, что буржуазная политика привела к ограничению объема выплат социальных пособий и сдерживанию роста заработной платы. Весной 1985 г. правительство законодательным путем продлило сроки действия всех коллективных договоров на два года, одновременно введя в действие другие виды ограничений роста заработной платы, а также другие подобные мероприятия, и в апреле произошли самые мощные забастовки, которые когда-либо видела страна, начиная с крупного конфликта 1956 г. Именно 80-е годы характеризуются резкой политической поляризацией населения. В рядах профсоюзного движения, которое было ослаблено помимо прочего и массовой безработицей, все еще существовали радикальные силы.

С середины 80-х годов для всех серьезных аналитиков стало ясно, что, для того чтобы вдохнуть новую жизнь в датскую экономику, недостаточно оптимизма и экономии общественных ресурсов. Как раз расходы, связанные с безработицей и оплатой внешнего долга, явились теми двумя статьями, на долю которых приходился чуть ли не весь объем роста общественных расходов в совокупном валовом доходе страны, составлявший 50% в 1973 г. и почти 70% в 80-х годах. Дефицит платежного баланса увеличивался в 1985—1986 гг. гигантскими темпами. Оказалось, что обещания освободить Данию от внешнего долга, который теперь-то точно превратился в настоящую проблему из-за усиливающегося бремени процентных платежей, явно не могли быть выполнены.

Первое коалиционное правительство Шлютера не сумело решить те проблемы бюджетного равновесия, которые оно изначально считало наиболее важными. Оно не смогло также остановить рост расходов общественного сектора, но тем не менее кабинет выработал новую повестку дня, заявив о необходимости произвести переоценку государства благосостояния. Прежде всего правительство разрушило принцип равного доступа к социальным благам. При буржуазных правительствах тех лет вследствие прямого сокращения социальных выплат выросла доля населения с низкими доходами. Положение же наиболее обеспеченных групп населения стало еще лучше благодаря налоговым льготам и уступкам, оказывающим стимулирующее воздействие на инвестиционную активность. Спекуляция стала социально приемлемым явлением, и на этой основе в Дании, как и во многих других западных странах, появились новые группы населения,

которые отличались исключительно большими состояниями.

Существующий с 1985 г. катастрофически большой дефицит платежного баланса вынудил правительство прибегнуть к ограничению потребления. Эта мера была предпринята в том числе и потому, что наблюдавшийся одновременно реальный рост процента по кредитам мог нанести вред конкурентоспособности датских товаров. Дважды правительство сокращало потребление — в декабре 1985 г. и на Пасху 1986 г.; за этим последовала налоговая реформа, которая начала действовать с 1 января 1987 г., а осенью 1986 г. ставка процента по некоторым видам займов была увеличена до 20%, что имело целью ограничить потребление за счет удорожания кредита.

Благодаря вмешательству государства «сверхпотребление» удалось ограничить, но одновременно это подавляло другие формы экономической активности. Люди с большими долгами стали располагать меньшими суммами для осуществления трат. Цены на недвижимость резко упали, выросло число банкротств. Значительно уменьшились размеры кредитной деятельности, что тяжело отразилось на всем финансовом секторе. Упал спрос, а это повлекло за собой падение уровня производства и — как следствие — безработицу и новые банкротства. Состояние платежного баланса улучшилось, но только благодаря тому, что сократились масштабы экономической активности. Объем импорта понизился благодаря не только уменьшению размеров индивидуального потребления, но и тому, что предприятия стали закупать меньше сырья. Но когда объем внутреннего рынка сократился, то предприятия получили стимул к увеличению экспорта; одновременно это стимулировало повышение конкурентоспособности благодаря росту производительности труда. Все сказанное служило оправданием значительного государственного вмешательства в экономику. Расплатой стало увеличение безработицы, но правительство Шлютера было согласно смириться со сложившимся положением.

Инфляция была обуздана, и с 1988 г. конкурентоспособность датских предприятий стала постепенно повышаться. В 1990 г. безработица достигла уровня 9,7%, а в 1993 г. — своей максимальной величины, составлявшей 12,2%. Это значило, что 350 тыс. человек не имели работы.

В 1989 г. дефицит платежного баланса достиг 8,1 млрд. крон, и

никто всерьез не верил в то, что положение может скоро измениться к лучшему. Однако это произошло, причем весьма неожиданным образом. После 27 лет постоянного дефицита платежного баланса, в 1990 г., Дания достигла положительного сальдо в размере 9,3 млрд. крон. Валютные поступления увеличились, превысив валютные расходы. Это было неожиданным успехом для экономики, пораженной кризисом.

Помимо государственного вмешательства, происходившего в 1985 — 1986 гг., причиной успеха стала политика ограничения колебаний валютных курсов, проводимая путем включения датской кроны в валютное регулирование в форме Европейской валютной системы, которая возникла благодаря валютному сотрудничеству внутри ЕЭС. Это означало, что темпы роста производительности труда, а также темпы снижения цен и заработной платы, которые ранее в Дании происходили медленнее, чем за границей, теперь ускорились. Общее снижение цен на сырье также служило благоприятным фактором; кроме того, объединение Германии явилось причиной значительного улучшения торгового баланса по отношению к этому важному для Дании внешнеторговому партнеру. Факторы такого рода трудно было предвидеть. Около 1990 г. проявилась тенденция к снижению ставки процента по кредитам на мировом рынке, что привело к уменьшению внешнего долга и содействовало долгосрочному улучшению состояния датской экономики, а это, в свою очередь, расширяло возможности для решения других проблем. Однако совокупный государственный долг продолжал расти из-за процентов по долговым обязательствам вплоть до 1997 г.

Почти десятилетнее правление буржуазных партий, которое подошло к концу в 1993 г., подготовило почву для улучшения состояния экономики. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) оценила датскую экономику в начале 90-х годов как одну из самых многообещающих в Европе. Заслуженно или нет, но П. Шлютеру и его соратникам не довелось пожинать плоды своей деятельности.

Шумиха на новом витке «холодной войны»

В течение 60—70-х годов наращивание вооружений Советским Союзом происходило более быстрыми темпами, чем Соединенными

Штатами, что привело к приблизительному стратегическому равновесию в конце 70-х годов. Тем не менее разработка и оснащение вооруженных сил все более сложными видами вооружений продолжались. В мае 1977 г. в НАТО разработали план модернизации атомного вооружения.

В декабре 1979 г. состоялась встреча министров иностранных дел стран — членов НАТО, на которой эти планы были положены в основу решения об установлении в Западной Европе 572 ракет среднего радиуса действия более высокой точности. Из-за разногласий между странами — членами НАТО относительно курса, который следовало проводить в отношении СССР, этому решению была придана форма компромисса, на который Брежнев никогда не согласился бы. Данное решение получило известность как «двойное решение»: НАТО хотела установить 572 новые ракеты до конца 1982 г., если Советский Союз не вступит в переговоры об уничтожении своих ракет СС-20. Тогдашнее социал-демократическое правительство Йоргенсена присоединилось к «двойному решению» и получило в этом поддержку со стороны партии «Венстре», консерваторов и Партии прогресса. Радикалы, Социалистическая народная партия и «Левые социалисты» были «против», и, несмотря на то что лидеры социал-демократии дали свое согласие, в самой партии и в ее парламентской фракции существовали колебания. Вне фолькетинга имелось много организаций, выступавших против подобной политики; они решили организовать движение, направленное против нового витка вооружений, которое бы опиралось на разные политические партии и было бы массовым.

Это движение ширилось по мере усиления «холодной войны». Внутри социал-демократической партии даже многие из тех, кто поддержал «двойное решение», были озабочены развитием событий. После смены правительства в 1982 г. социал-демократы выступили «против» «двойного решения», а так как радикалы и СМП отстаивали те же позиции, в парламенте внезапно сложилось большинство из числа критиков правительственной политики в области безопасности. Мнение парламентского большинства было выражено не менее чем в 25 решениях парламента, принятых в период с декабря 1982 г. по апрель 1988 г., которые обязывали правительство проводить политику разоружения, направленную против политики НАТО в различных международных органах. Министр иностранных дел — член

либеральной партии «Венстре» (позже председатель партии) Уффе Эллеманн-Йенсен вынужден был, хоть и без большой охоты, требовать включения в совместные коммюнике, принимаемые в НАТО, датских оговорок (их было 23), а осенью 1983 г. Дания даже официально выступила против «двойного решения».

Для буржуазного правительства решения фолькетинга и пресловутые оговорки были соринкой в глазу, и к тому же правительство считало сложившуюся ситуацию унизительной для себя. Однако правительство не хотело уходить в отставку, вдобавок ни социал-демократы, ни радикалы не были заинтересованы в этом. И возникла такая абсурдная ситуация, когда правительство оставалось у власти, хотя парламентское большинство по одному из главных вопросов навязывало ему свою точку зрения, с которой правительство не могло согласиться. Только в 1988 г. премьер-министр Поуль Шлютер решился назначить дату выборов, после того как уже в двадцать пятый раз с декабря 1982 г. его поставили перед необходимостью принятия альтернативного решения в области безопасности. После выборов в состав правительства вошла Радикальная партия, и оппозиционное по отношению к правительству парламентское большинство по вопросу безопасности наконец-то перестало существовать. К этому времени великие державы уже подписали ряд соглашений по вопросам разрядки международной напряженности и разоружения; еще ряд соглашений готовился, и оппозиция по вопросу вооружения больше уже не играла заметной роли ни в Дании, ни в других странах.

Договор о Едином европейском акте 1986 г.

Вопросы, касающиеся деятельности ЕЭС, также представляли собой для буржуазных правительств важную проблему. На первых двух прямых выборах в Европейский парламент в 1979 и 1984 гг., противники ЕЭС оба раза завоевали 6 из 16 датских мандатов. По результатам опросов общественного мнения преобладающая часть датского населения была против дальнейшего углубления интеграции между странами — членами ЕЭС.

Тем не менее, именно углубление интеграции было целью Единого европейского акта (ЕЕА), включавшего 40 поправок к Римскому

договору, этому «основному закону» ЕЭС. Министры иностранных дел стран ЕЭС вели переговоры по поводу принятия ЕЕА вплоть до осени 1985 г. Двадцать первого января 1986 г. он был представлен правительством в фолькетинг для утверждения. Важной причиной изменений в Римском договоре стало принятое за полгода до переговоров решение Совета министров ЕЭС о Едином внутреннем рынке. По плану оно должно было вступить в силу в конце 1992 г. Одновременно Европейский парламент получил дополнительные права в принятии решений, а сотрудничество между странами — членами ЕЭС в области внешней политики должно было получить официальное оформление. Таким образом, с этого времени ЕЭС должно было предстать перед внешним миром как единый блок.

До сих пор право вето было основным условием участия Дании в ЕЭС, и введение правила принятия решений квалифицированным большинством голосов — что воспринималось многими как отмена существовавшего права вето — в совокупности с другими крупными изменениями являлось нарушением существующих до сих пор правил сотрудничества. Хотя проект договора представлял собой лишь попытку найти пути для реализации старой цели Римского договора относительно свободного передвижения товаров, услуг, капиталов и граждан, оказалось, что для датского фолькетинга это было неприемлемым. Радикальная партия и социал-демократы проголосовали вместе с Социалистической народной партией и «Левыми социалистами» против проекта договора; поэтому проект был заблокирован. В ответ правительство назначило проведение всенародного референдума по Договору ЕЭС, как теперь стали называть Единый европейский акт, на 27 февраля 1986 г. Результатом референдума стало получение большинства голосов в 56,2% «за» договор, что означало победу правительства. Анализ голосования, проводившийся в течение четырех недель, свидетельствовал, что противники договора начали догонять по численности его сторонников, по мере того как союзная тематика все больше высвечивалась в ходе агитационной кампании. Если бы кампания по проведению референдума длилась дольше, то его результаты были бы непредсказуемыми. Сильное народное сопротивление преобразованию ЕЭС в союз возникло после того, как премьер-министр Поуль Шлютер заявил, что принятие Единого европейского акта будет означать смерть

союза. Позднее стало ясно, что это высказывание оказалось слишком неосторожным.

После окончания «холодной войны»

Крах коммунизма и окончание «холодной войны» в 1989—1990 гг. означали резкое изменение международной обстановки, которое оказало влияние на все страны.

Теперь, когда военная угроза с Востока была устранена, а устойчивые стереотипы периода «холодной войны» развеяны, пришло время пересмотра внешней политики и политики безопасности Дании. В чем должны были теперь состоять задачи в области оборонной политики и каким образом следовало их решать? В чем теперь заключались военные обязательства страны перед НАТО и перед мировым сообществом? Какую внешнеполитическую линию следовало проводить по отношению к странам Восточной Европы? Возникновения каких проблем в области безопасности следовало ожидать в будущем? Какую систему следовало установить в Европе и в чем объединенная Германия сможет значительно превзойти другие страны?

Как мы увидим позднее, ответы на некоторые из данных вопросов имеют значение для развития европейских интеграционных процессов. Вновь возникшая ситуация дала больше простора для формирования датской внешней политики, что предопределило выдвижение более активной и самостоятельной, чем ранее, политической линии. Это, в частности, проявилось в активных стараниях Дании приблизить Балтийские государства к странам Западной Европы и к НАТО.

Решение коалиционного правительства партии «Венстре» и консерваторов в 1991 г. направить сторожевой корабль «Ольферт Фишер» в Персидский залив во время военной операции ООН против Ирака означало разрыв с преобладавшей до сих пор оборонительной традицией в военной политике. Корвет «Ольферт Фишер» имел право принимать участие в непосредственных военных действиях только в том случае, если на него будет совершено прямое военное нападение. В 1992 г. и последующие годы датские солдаты под флагом ООН были направлены в бывшую Югославию с более широкими полномочиями, чем до сих пор, а весной 1999 г. Дания направила личный состав и

боевую технику принять участие в военных действиях НАТО в Сербии и Косове. Такого рода инициативы поддержало не только правое крыло, которое традиционно уделяло военным вопросам большое внимание, но и социал-демократы и даже Радикальная партия «Венстре», которая всегда придерживалась антивоенной точки зрения. Вместе с тем две вышеназванные партии вплоть до начала нового века выступали против присоединения Дании к обязательному военному сотрудничеству в рамках ЕС, в пользу которого выступали партия «Венстре» и консерваторы.

Датская внешняя и военная политика после 1989 г. характеризуется как «активный интернационализм» и преследует четыре цели: содействовать глобальной безопасности, гарантировать развитие демократии и соблюдение прав человека, содействовать глобальному экономическому и социальному развитию, а также придавать этому развитию экологическое измерение. «Активный интернационализм» означает переход от политики, основанной на «геополитических реальностях», к политике, основанной на нормах, которые теперь стремятся сделать международными. Ставка была сделана, и в ряде случаев Дания сразу же приступила к делу. Так, датское правительство весной 1997 г. выдвинуло в ООН проект резолюции, который осуждал нарушение прав человека в Китае. Проект не прошел, так как многие страны, рьяно поддерживающие соблюдение прав человека, по причинам торговой политики или каким-либо другим не сочли для себя целесообразным его поддержать, а Китай реагировал очень остро, угрожая разрывом торговых договоров в объеме примерно 500 млн. крон. Зато на международном уровне развернулась дискуссия о правах человека. Торговля же между странами вскоре возобновилась.

Не следует, однако, переоценивать активность новой внешней политики и думать, что она более самостоятельна, чем прежняя внешнеполитическая линия. Скорее наоборот. И выбор политических приоритетов, и предпочтение, отданное определенным странам, говорят о стремлении датских политиков придерживаться идеологического направления в международной политике, которое господствовало в то время и которое определялось прежде всего США. Китайское дело было проведено после контактов с Соединенными Штатами, которые сами по тактическим соображениям не захотели вступать в конфронтацию с Китаем, но настоятельно требовали от Дании сделать такой шаг,

тактично обещая поддержку. Хотя это предпочли скрыть, «благое дело» было сделано решительно.

Крах международного коммунизма стал и крахом КПД. Хотя партия никогда не являлась очень популярной, тем не менее она обладала на протяжении большей части послевоенного времени значительной организационной силой, которая активно использовалась внутри профсоюзного движения и в новых социальных движениях. Поэтому компартия, несмотря на свою малую привлекательность для широких масс, играла в стране определенную роль. В течение трех лет неопределенность советской политики по отношению к Дании усиливалась, и в 1990 г. заметно сократившаяся компартия раскололась. Так «вторая, или альтернативная, Дания» лишилась значительной своей силы, нравится это или нет соратникам по борьбе.

Компартия Дании, от которой ныне мало что осталось, выступила за сплочение левых сил на платформе «Единого списка красно-зеленых». Вместе с ней выступила партия «Левые социалисты» и другие левые организации, которые на протяжении 80-х годов потеряли прежнюю поддержку. На этом завершился десятилетний спор об истинном марксизме на крайнем левом фланге. На выборах 21 сентября 1994 г. партия «Единый список» завоевала шесть депутатских мандатов.

На пути в Европейский союз

Попытка реализовать идею Единого внутреннего рынка придала ЕЭС такую высокую динамику, которой не наблюдалось с начала 60-х годов. Однако уже к концу 1992—1993 гг., когда намечалась практическая реализация проекта, стало ясно, что полностью осуществлен он быть не может. Трудности для ЕЭС заключались в том, чтобы не отставать от своих главных конкурентов на мировой арене — США и Японии. Внутреннее социальное и политическое напряжение постоянно увеличивалось, но особенно остро стала ощущаться такая проблема, как угроза окружающей среде в различных своих проявлениях. Решение ее требовало координации политики между странами — членами ЕЭС. Наконец, многие европейские политики неоднозначно относились к объединенной Германии, которая в долгосрочной перспективе представлялась им намного сильнее, чем она

была до сих пор. Чтобы как-то контролировать этого исполина, желательно было установить более тесные связи между странами, стремящимися такой контроль осуществлять.

Идея создания союза отнюдь не умерла вопреки заявлению Поуля Шлютера в 1986 г. Напротив, она быстро развивалась. В декабре 1991 г. страны — члены ЕЭС завершили переговоры по Договору о заключении Европейского союза, более известного как Маастрихтский договор, который по сравнению с Актом 1986 г. предполагал дальнейшее расширение областей сотрудничества между странами ЕЭС, а также устанавливал для него более четкие рамки.

Речь шла прежде всего о создании Экономического и валютного союза (ЭВС), который должен был способствовать налаживанию сотрудничества в области экономической политики между странами — членами ЕЭС для обеспечения стабильности цен, сбалансированности финансов общественного сектора, постоянно низкого уровня кредитного процента, а также стабилизации валютных курсов. Предполагалось, что создание ЭВС будет осуществлено в три этапа, на последнем из которых появится общая валюта, регулируемая Европейским центральным банком, и произойти это должно не позднее 1999 г. В данной связи следовало ввести обязательное сотрудничество в области государственных бюджетов стран-участниц.

Кроме того, Маастрихтский договор предусматривал сотрудничество стран еще в нескольких новых областях, таких, как: визовая политика, образование, культура, здравоохранение, защита потребителей, промышленность и помощь развивающимся странам, а также всестороннее сотрудничество в правовой сфере. Политика в области окружающей среды и различные аспекты регулирования рынка труда особо отмечались как области, в которых принцип принятия решений на основе получения большинства голосов при голосовании должен прийти на смену принципу единогласных решений. Кроме того, Европейский парламент получит большее влияние, чем до сих пор.

Наконец, что не менее важно, в договоре в качестве цели указывалась задача расширения до сих пор крайне ограниченной практики согласования оборонной политики и политики безопасности, включая также некоторые аспекты внешней политики.

Название «Европейские сообщества» было переименовано в «Европейский союз» (ЕС). Для этого странам — членам ЕЭС следовало

лишь одобрить Маастрихтский договор. Это, однако, оказалось труднее, чем ожидалось, так как в нескольких странах-участницах, в том числе в Дании, настроения, направленные против Союза, оказались весьма сильными.

В Дании сопротивление Договору было велико, несмотря на то что свое присоединение к ЭВС на третьем этапе Дания фактически обусловила проведением всенародного референдума, и к тому же она не была обязана участвовать в военном сотрудничестве до того, как правительство примет такое решение на правительственной конференции 1996 г. Многие датчане воспринимали выраженный в Договоре курс на создание Союза буквально и не прислушивались к доводам об отсутствии там конкретных и обязательных решений, приводимых его сторонниками. Преобладающее большинство депутатов фолькетинга были «за» присоединение к Договору, включая социал-демократов и радикалов. Между тем в 1986 г. они выступили против Единого европейского акта; нынешний же Маастрихтский договор при той же направленности шел гораздо дальше. Зато Партия прогресса и СНП заявили, что являются противниками Договора.

Результаты всенародного референдума 2 июня 1992 г. оказались неожиданными. Из 83,1% избирателей, которые подали свои голоса, 50,7% проголосовали «против» Договора и 49,3% — «за». Таким образом Дания отвергла Маастрихтский договор.

Датское «нет» стало шоком для всего ЕЭС, и политику сотрудничества поразил один из самых тяжелых кризисов в ее истории. С одной стороны, у стран, задающих тон в ЕЭС, было сильно стремление спасти этот важный Договор; однако, если бы его все-таки приняли вопреки согласию единственной страны-участницы, это означало бы решительный разрыв с имеющейся до сих пор практикой. С другой стороны, датское «нет» усиливало соответствующее сопротивление Договору в других странах. Например, во Франции, где Договор тоже был вынесен на референдум, его одобрило лишь незначительное большинство голосов.

Летом 1992 г. Социалистическая народная партия изменила свой курс и провела переговоры с социал-демократами и радикалами относительно соглашения, известного как Национальный компромисс 22 октября 1992 г. Этот документ гласил: Дания сможет присоединиться к Маастрихтскому договору, если в ходе новых переговоров будет

зафиксировано, что датское участие в Союзе не отменяет национального гражданства; что Дания не участвует в третьей фазе ЭВС и таким образом не вводит единую валюту; что Дания не участвует в общей оборонной политике или оборонном альянсе Западного союза и, наконец, что Дания участвует в правовом сотрудничестве лишь на межгосударственной основе, то есть сотрудничество будет осуществляться между суверенными государствами. Двадцать седьмого октября правительственные партии — консерваторы и либеральная партия «Венстре», а также партия «Демократы центра» и Христианская народная партия присоединились к компромиссу. Из партий, представленных в фолькетинге, только Партия прогресса не присоединилась к этому компромиссному соглашению. Правительство провело переговоры на последующей встрече в верхах в Эдинбурге 12 декабря 1992 г. относительно особого соглашения об участии Дании в Союзе на основе национального компромисса, и эта исключительно датская версия союзного договора была вынесена на всенародный референдум 18 мая 1993 г.

Эдинбургский договор получил в Дании одобрение при голосовании в ходе всенародного референдума 18 мая 1993 г. «За» было подано 56,7% голосов «против» — 43,3%. После того как западногерманский конституционный суд на своем заседании дал зеленый свет, Европейский союз в ноябре 1993 г. пустился в плавание. С тех пор больше не употребляется название «Европейские сообщества», вместо этого говорят «Европейский союз». Но вместе с тем потерпело крах представление о ЕЭС/ЕС как конечной исторической цели самой «европейской идеи», которую политическая и интеллектуальная элита стран ЕЭС так давно хотела реализовать. После Маастрихта все с болью осознали уязвимость сотрудничества, и благодарить за это надо упрямых датчан.

После правительственной конференции, которая закончилась весной 1997 г., новый договор, получивший известность как Амстердамский договор, был представлен 2 октября 1997 г. Хотя он и не содержал много нового по сравнению с Маастрихтским и Эдинбургским договорами, Амстердамский договор явился предметом обсуждения в ходе новой горячей дискуссии и вызвал неоднозначное отношение. На протяжении 90-х годов сопротивление союзническим процессам среди сторонников буржуазных партий выросло, даже

внутри таких бастионов, которые всегда были сторонниками объединения, как либеральная партия «Венстре» и Консервативная партия. Соппротивление основывалось на раздражении, вызываемом деятельностью бюрократии ЕС, а также сомнениями в экономических преимуществах членства в Евросоюзе, не говоря уже об озабоченности возможностью сохранения в будущем национальных особенностей датчан после отказа от суверенитета, который, без всякого сомнения, должен был последовать. Те национальные чувства, которые все европейские исследователи и политики всего лишь несколько лет назад объявили устаревшими, мертвыми и выброшенными прочь, на протяжении 90-х годов стали быстро расти и набирать силу по всей Европе, включая Данию.

Двадцать восьмого мая 1998 г. всенародный референдум по Амстердамскому договору закончился тем, что 55% проголосовали «за» и 45% — «против». Сам по себе этот результат был похож на результаты уже прошедших всенародных референдумов. Он показал, что население Дании разделилось на два почти равных по численности лагеря. Однако линия фронта между сторонниками и противниками уже не была столь явной, как прежде. Опросы общественного мнения выявили, что большее, чем раньше, число опрошиваемых стали различать нюансы позиции, касающихся европейских интеграционных процессов, и многие стали рассматривать его как неизбежную реальность, на которую надо оказывать влияние, насколько это возможно.

Важное решение, касающееся интеграции, было принято в фолькетинге в 1997 г., когда он одобрил участие Дании в Шенгенской зоне, которая устраняет внутренние границы между странами-участницами.

«Тамильское дело»

В период между референдумами по Маастрихтскому и Эдинбургскому договорам в Дании к власти опять пришло правительство во главе с премьер-министром от социал-демократической партии. Эта смена не имела никакой связи с референдумами — она произошла вследствие так называемого

«тамильского дела».

Министр юстиции — консерватор Эрик Нинн-Хансен в сентябре 1987 г. отдал распоряжение прекратить выдачу разрешений тамильским беженцам, обратившимся с просьбой о предоставлении убежища. Этот запрет, однако, противоречил законодательству, на что обратили внимание чиновники внутри министерства юстиции, но Нинн-Хансен все-таки настоял на своем. Запрет был отменен только тогда, когда Э. Нинн-Хансена в январе 1989 г. избрали председателем фолькетинга, а новым министром юстиции стал его соратник по партии Х.П. Клаусен.

Это дело привлекло внимание, особенно оппозиции, хотя Х.П. Клаусен и премьер-министр П. Шлютер в последующие годы неоднократно предпринимали попытки не драматизировать события. В конце концов парламент большинством голосов принял решение о том, чтобы создать парламентскую комиссию и расследовать инцидент по существу. Когда комиссия 14 января 1993 г. представила свой доклад, то в выводах указывалось не только на то, что Нинн-Хансен действовал незаконно, но и на то, что Х.П. Клаусен и П. Шлютер давали путаные объяснения.

Шлютер незамедлительно ушел в отставку, однако он не назначил дату новых выборов. Клаусен, который к тому времени стал новым председателем фолькетинга, тоже отправился в отставку. После этого парламентское большинство приняло решение возбудить в государственном суде против Нинн-Хансена дело, которое расследует деятельность министров по требованию парламента. Это стало первым делом такого рода за последние 83 года. Одновременно были возбуждены несколько служебных расследований против видных чиновников.

Судебное разбирательство началось в декабре 1994 г., а закончилось в июне 1995 г. Суд признал Нинн-Хансена, который был к тому времени уже пенсионером, виновным по возбужденному против него делу. Так как замешанными оказались многие ведущие консервативные политики, то в результате «тамильского дела» репутация консерваторов оказалась запятнанной и партия утратила поддержку избирателей. После того как она в течение более чем десятилетия являлась одной из ведущих буржуазных партий Дании, консерваторам пришлось опять уйти в тень либеральной партии «Венстре», которая, напротив, сумела выйти незапятнанной из

«тамильского дела» и отставки правительства и под руководством Уффе Эллеманн-Йенсена вновь приобрела имевшееся у нее в прошлом парламентское влияние.

Глава 27

Основные тенденции развития в конце тысячелетия

Правительства Нюрупа

После ухода в отставку правительства либеральной партии «Венстре» и консерваторов 25 января 1993 г. было сформировано правительство парламентского большинства в следующем составе: социал-демократы, Радикальная партия, «Демократы центра» и Христианская народная партия. Премьер-министром стал Поуль Нюруп Расмуссен, выбранный председателем Социал-демократической партии Дании осенью 1992 г. после драматической рокировки, приведшей к отставке предыдущего партийного лидера Свена Аукена. Под руководством Нюрупа Расмуссена правительство удержалось у власти до очередных парламентских выборов, то есть до 27 сентября 1994 г., после чего правительство продолжило свою работу уже без Христианской народной партии, которая не смогла провести своих представителей в фолькетинг. В декабре 1996 г. партия «Демократы центра» также вышла из состава правительства из-за недовольства его политикой, которое возникло из-за зависимости политики правительства от позиций Социалистической народной партии и «Единого списка». Несмотря на упорные слухи о разногласиях между членами обеих оставшихся в правительстве партий, а именно между социал-демократами и радикалами, правительство удержалось у власти не только до выборов 11 марта 1998 г., но и после них.

Новое правительство продолжило в основных чертах политику Шлютера, однако предприняло несколько инициатив, таких, как принятие закона об отпусках, дававшего возможность временно не работать, получая в это время пособие, что позволяло другим людям в данный период воспользоваться шансом получить работу. Закон об отпусках имел громкий успех, если судить по числу трудящихся, которые воспользовались предоставленной возможностью. Он также

повлиял на численность безработных, которая немного уменьшилась уже осенью 1993 г. К 1998 г. безработица упала с 12,2 до 7,4%, главным образом по причине временных отпусков и других подобных мероприятий, позволяющих «рассасывать» безработицу. Правда, закон оказался дорогостоящим для государственной казны, даже несмотря на снижение размера пособий.

В 1993 г. была проведена налоговая реформа, главной целью которой являлось снижение налогов. Кроме того был внесен ряд изменений в пропорции налогообложения, среди которых так называемые зеленые, или экологические, налоги вызвали немало споров. Эти налоги имели целью поднять стоимость некоторых видов потребления, которые особенно обременительны для окружающей среды, и таким образом подтолкнуть население к их ограничению. Со стороны буржуазной оппозиции раздавались обвинения в том, что «зеленые налоги» повышают издержки производства и таким образом снижают конкурентоспособность всей продукции, производимой в стране. Кроме того, утверждалось, что это просто новая завуалированная форма налогообложения. Левая оппозиция могла бы, несомненно, поддержать «зеленые налоги», но она требовала, чтобы все средства, которые таким путем поступали в государственную казну, шли на финансирование охраны окружающей среды.

Успех ли новых инициатив или нечто другое способствовало этому, но правительство осталось у власти и после выборов 21 сентября 1994 г., хотя и без представительства Христианской народной партии. Довольно неожиданно страна почувствовала влияние подъема мировой экономики, который приобрел такие масштабы, что одна из крупнейших в 90-х годах газет буржуазного направления — «Юландспостен» 16 октября 1996 г. с ликованием сообщила, что Дания вступает в «новый золотой век». Основанием для радости стали данные датской статистики. Они свидетельствовали о том, что валовой национальный продукт в 1996 г. составил примерно 1000 млрд. крон, то есть на каждого датчанина от младенца до старца приходилось 190 тыс. крон; что накопление побило новый рекорд; что уровень образования и потребления поднялся на невиданно высокий уровень. Кроме того, государственный бюджет вырос, а внешний долг сократился. Эти тенденции продержалась до конца века.

Однако правительство Нюрупа не дождалось спокойных времен. С

самого начала с нападками на него выступила жесткая и бескомпромиссная буржуазная оппозиция; по многим вопросам правительство проводило неуверенную политику, которая отражала отсутствие единства между партиями по многим вопросам. Членам нового кабинета было так же трудно, как и предшествующему правительству, согласовывать между собой политику по отношению к ЕС и приспосабливаться к противоречивым настроениям общественного мнения по этому вопросу.

После 1994 г. опросы общественного мнения постоянно показывали, что на следующих выборах правительство будет отправлено в отставку. После выборов 11 марта 1998 г. оно, тем не менее, смогло продолжить работу, опираясь на самую узкую парламентскую поддержку. На стороне оппозиции было 89 депутатов, а на стороне правительства — девяносто. Большинство было хрупким, поскольку перевес зависел от единственного социал-демократа с Фарерских островов, позиция которого по многим вопросам была непредсказуема. И все же выборы позволили правительству укрепить свои позиции. Новый состав фолькетинга включал в себя десять партий, что было самым большим числом после выборов 1979 г. В парламенте появилась новая партия, которая откололась от Партии прогресса, а именно Датская народная партия, с которой правительство едва ли могло сотрудничать. Зато Христианская народная партия опять вернулась в парламент, а «Демократы центра» усилились, уточнив и сблизив свои позиции с правительственными. Поэтому правительство Нюрупа получило возможность сохранить за собой парламентское большинство голосов, опираясь по отдельным вопросам то на правые партии, то на левые.

В то же самое время с виду сплоченная буржуазная оппозиция, которая включала в себя партию «Венстре» и консерваторов, временно распалась. Консервативная партия в течение ряда лет пережила несколько крупных скандалов и борьбу за лидерство внутри своих рядов. На выборах она набрала всего 8,9% голосов, что явилось наихудшим результатом за многие годы. Партия «Венстре» увеличила число собранных голосов до 24%, что тоже мало ей помогло.

Впрочем, и у правительства Нюрупа не было оснований для спокойствия. Только выборы закончились, как рядовые члены профсоюзов вопреки рекомендациям своих лидеров проголосовали на

внутрипрофсоюзном референдуме против принятия проекта нового коллективного договора. Наемные работники полагали, что в период высокого экономического роста и как никогда ранее высоких доходов они имеют право получить доступ к плодам возрастающего благосостояния. Двадцать седьмого апреля 1998 г. произошел крупный трудовой конфликт, в котором приняло участие примерно полмиллиона трудящихся. Правительство Нюрупа вмешалось в конфликт 7 мая. Оно утвердило посредническое предложение в качестве закона, включив в него, однако, некоторые улучшения для наемных работников, а также компенсации за это, идущие предпринимателям.

Надежды либералов на то, чтобы увидеть лидера партии «Венстре» Уффе Эллеманн-Йеьсена премьер-министром, не оправдались. Вскоре после выборов 1998 г. он подал в отставку с поста председателя партии, и партия «Венстре» провозгласила, что отступает от жесткой конфронтации и занимает позицию, допускающую сотрудничество с правительством. Консерваторы возобновили, по-видимому, бесконечные внутренние распри, что одно время поставило под вопрос дальнейшее существование партии. Однако все трудности были улажены, и обе партии отметили крупную победу на выборах 20 ноября 2001 г., в результате которых они смогли образовать правительство во главе с новым лидером партии либеральной «Венстре» Андерсом Фог Расмуссеном в качестве премьер-министра.

Фарерская проблема

Проблемы, связанные с Фарерскими островами, заставили правительство Нюрупа поломать голову. Отношения между Фарерскими островами и Данией и раньше были отягощены сложностями. Наиболее громкий конфликт произошел в период между 1953 и 1955 гг., когда местная администрация больницы в городе Клаксвиг не захотела предоставить должность врачу с нацистским прошлым; это привело в конечном счете к тому, что туда был направлен военный фрегат и отряд датской полиции. Более серьезной проблемой являлось то, что Фареры затем потребовали защитить жизненно важные для них зоны рыболовства от рыбаков из других стран, прежде всего из Великобритании. Но и то и другое было уже делом минувших дней.

Между тем осенью 1992 г. стало ясно, что Фареры столкнулись с серьезными экономическими трудностями, причина которых коренилась в сочетании в течение длительного времени сверхпотребления с курсом на расширение рыболовства и рыбоконсервной промышленности. В 1993 г. обнаружилось, что Датский банк отнес на Фареры убытки в размере 1 млрд. крон, которые этот переживающий трудности регион должен был покрыть при помощи займа. В мае 1995 г. премьер-министр Поуль Нюруп Расмуссен учредил специальную комиссию по расследованию, которая представила свой доклад 16 января 1998 г. В нем содержалась острая критика Датского банка, Национального банка и всей системы финансового надзора. Буржуазная оппозиция все время пыталась превратить проблему отношений между Фарерами и Датским банком в аналог «тамильского дела», требуя, чтобы правительство было признано причастным к этому. Когда фарерская проблема обсуждалась в фолькетинге, правительство отделалось замечанием, что ему следовало быть более внимательным. Фарерам пообещали провести переговоры о компенсации.

Однако ситуация продолжала развиваться. Речь шла даже об угрозах Фарерских островов разорвать отношения с Данией. Фареры также подготовили судебный иск правительству по поводу его роли в банковском скандале. В июне 1998 г. член правительства — видный социал-демократ Могенс Люккетoft отправился на Фареры и провел переговоры о заключении компромисса. В соответствии с договоренностью Фарерам была предоставлена даже более крупная компенсация их потерь, чем требовал местный лагтинг: долг датскому государству в размере 5,4 млрд. крон был уменьшен на 900 млн. крон, а остаток долга следовало выплатить в рассрочку на выгодных условиях. Кроме того, Фареры получили на будущее полную самостоятельность в области экономической политики. Критики оценили такой компромисс как капитуляцию Дании. Они утверждали, что в качестве участника единой с Данией государственной общности Фареры получили теперь возможность проводить безответственную политику, а потом требовать, чтобы Дания спасала их от ее последствий. В отношениях между Данией и Фарерскими островами появилась серьезная трещина, и сложилось следующее мнение: тот факт, что Фареры объявят себя полностью независимым государством, лишь вопрос времени.

Политика по отношению к иностранцам

Долгое время после второй мировой войны иностранные граждане попадали в Данию в основном посредством заключения брака с датскими гражданами или приезжали по служебным делам. В 1984 г. на эти категории приходилось 90 тыс. из общего числа в 100 тыс. человек. С 1956 по 1984 г. Дания приняла 12,5 тыс. политических беженцев. Это составляло примерно 700 человек в год, хотя, в действительности, конечно, год от года эта цифра разнилась. Так, в 1979 г. приехала тысяча вьетнамцев. Иностранцы в Дании не были заметны в будничной жизни, прежде всего потому, что большая их часть являлись скандинавами или выходцами из других северных стран, внешность которых не отличается от внешности местных жителей, а также потому, что они легко вписались в датское общество. Проблемы в отношениях между датчанами и иностранцами до середины 80-х годов сводились к будничным ночным дракам с отдельными иностранными рабочими из Югославии, Турции и Пакистана, которые во время высокой конъюнктуры 60-х годов приехали в Данию, ибо страна испытывала недостаток в рабочей силе. Этому пришел конец, когда в 1973 г. был прекращен свободный доступ в Данию иностранной рабочей силы, численность которой достигла к тому времени приблизительно 12 тыс. человек, что вместе с членами их семей составляло не более 48 тыс. к 1978 г. Все они юридически стали полноправными датскими гражданами. Однако на практике их таковыми не признавали.

Проблема беженцев в мире все еще не была массовой, а потому и Дания при разных правительствах продолжала принимать их на основе квот, которые устанавливались в связи с конкретными политическими событиями. При пересмотре Закона об иностранцах в 1983 г. индивидуальное право на получение убежища было зафиксировано как одно из прав человека. Речь шла о государственном подтверждении сложившейся практики, и она получила поддержку всех политических партий, кроме Партии прогресса. В 1983 г. с просьбой о предоставлении политического убежища обратилось только 322 человека. Но уже в 1984 г. таких обращений было 4312, а в 1985 г. — 6551. То есть число обращений только за три года выросло в 20 раз. В течение следующих

20 лет еще 63 тыс. человек были признаны беженцами. Вместе с членами семей число иностранных граждан Дании выросло с 2% в 1984 г. до 4,5% в январе 1997 г., что соответствует 250 тыс. человек. Сюда можно при желании прибавить 145 тыс. иностранцев, которые постепенно получили датское гражданство.

Рост числа беженцев повлек за собой напряженность в отношениях с датским населением, чему весьма способствовали политические организации. Уже в 1979 г. Партия прогресса начала агитацию против иностранцев, говоря, что они являются бременем для датского общества, и ей удалось найти немало сторонников своих взглядов. В марте 1987 г. был учрежден Датский союз, действующий в качестве группы давления в борьбе за сохранение датской идентичности, которая была объявлена под угрозой. Возмущение Датского союза в значительной мере направлено против слабых, с их точки зрения, политиков, которые, иногда сами того не осознавая, а иногда отдавая себе в этом отчет, разлагают культурное и религиозное своеобразие старой доброй Дании. Тем самым они потворствуют якобы нерегулируемому притоку беженцев. Хотя по численности своих членов Датский союз никогда не был крупной организацией, однако в течение последующих десяти лет он служил катализатором политизации бытового неприятия иностранцев.

Женщина из Ирана и женщина из Сомали

За последние пятнадцать лет XX столетия Дания столкнулась с таким значительным притоком иммигрантов из стран третьего мира, что толпа на улицах датских городов даже чисто внешне стала выглядеть по-другому. Многие датчане увидели в иммиграции угрозу своему образу жизни и даже стали требовать прекратить это переселение посредством политических мер. Одновременно усилились поиски ценностей, которые можно считать исконно датскими или, по крайней мере, исконно западными. Перед глазами многих датчан стоит путающая их картина множества правоверных мусульман, одетых странным и непривычным образом. Однако беженцы и иммигранты прибывают из различных стран и приносят с собой разнообразные традиции. Две женщины на фото совершенно по-разному одеты и по-разному держат себя. В будущем, видимо придется всерьез задуматься о том, что же это значит — быть датчанкой или датчанином. (Фото:

Торкильд Амди)

Многие стали смотреть на иностранцев как на конкурентов в трудовой жизни, при получении образования и жилья, считая, что они паразитируют на системе социального благосостояния, которая и без того испытывает жесткое давление и в создании которой они не участвовали. Начиная с 80-х годов происходят столкновения между датской молодежью и иностранцами. Крупным событием стало жестокое нападение в Калунборге в 1985 г. на группу иранцев, которые жили в отеле. Появление групп молодежи с откровенно расистскими настроениями явилось другим симптомом происшедших перемен в умонастроениях.

Интеграция растущего числа беженцев оказалась трудным делом. В условиях массовой безработицы на рынке нет спроса на работников, которые не владеют свободно датским языком, не понимают стиля взаимоотношений в стране и по большей части не обладают необходимой профессиональной квалификацией. Мероприятия, направленные на то, чтобы дать необходимую квалификацию новым жителям страны, оказались явно недостаточными. Чаще всего они принимают форму оказания помощи, и поэтому проблема беженцев все больше приобретает экономический и социальный характер. Нежелание давать им работу, даже при наличии необходимой квалификации, как в частном, так и в общественном секторе — общеизвестный факт. Данные о численности иностранцев, занятых на рынке труда, по состоянию на осень 1997 г., говорят сами за себя: 62% из них находятся вне рынка труда, а из остальных 38% почти четверть зарегистрирована в качестве безработных.

Возникли также сомнения в отношении смысла интеграции: должны ли иностранцы полностью превратиться в датчан или, напротив, Дания должна стать мультиэтническим и мультикультурным обществом?

Следствием всего этого является маргинальное положение беженцев в датском обществе со всеми проистекающими отсюда проблемами — их замкнутым изолированным проживанием, преступностью среди молодежи и т. д. И простые решения, например прохождение ими обучения в системе датского образования или выдвижение требований равномерного распределения беженцев по всей

стране, мало помогают. Отчасти это связано с тем, что некоторые из них (например, сомалийцы, которые прибыли в страну в 90-х годах) настолько чужды датчанам в культурном отношении, что им действительно трудно вписаться в педантично устроенное датское общество.

После 1984—1985 гг. политика по отношению к беженцам превратилась в острый вопрос политических баталий. И консерваторы, и партия «Венстре», и социал-демократы продемонстрировали, что они прислушиваются к критике. Они ужесточили свою политику, приняв в 1986 г. закон об иностранцах. Это означало, что Государственное управление по делам иностранцев получило больше возможностей, для того чтобы высылать их или останавливать на границе. Еще одно нововведение появилось в 1992 г., когда были изменены условия для воссоединения семей. Поведение министра юстиции Нинн-Хансена в так называемом «тамильском деле» можно рассматривать как еще одно выражение негативного отношения к беженцам со стороны части политической элиты. Сторонники более жесткого курса постоянно выступали со все новыми инициативами, в то время как сторонники сохранения сложившегося положения находились в оборонительной позиции, призывая к хладнокровию, терпимости и гуманизму, идя все же время от времени на уступки. При правительствах Нюрупа последовало ужесточение политики, что, однако, не смогло внести спокойствия в решение проблемы отношения к иностранцам, и в 1997 г. бурливший котел взорвался.

Датчане стали свидетелями различных стычек и даже войн между бандами, созданными вторым поколением беженцев, и датчанами, в том числе жестоких нападений и убийств, а также стычек с полицией. Они узнали о нелегальных переходах беженцев через датско-немецкую границу. А газета «Экстрабладет» провела пристрастную кампанию под рубрикой «Чужие», в ходе которой были опубликованы истории о крупных мошенниках-иностранцах и приводились другие крепкие высказывания возмущенных датчан, которые прежде можно было услышать только в частных разговорах. После этого и правительство, и большая часть оппозиции выразили намерение более решительно бороться с ростом численности беженцев. На муниципальных выборах 18 ноября 1997 г. вновь образованная Датская народная партия заняла прочные позиции благодаря жесткому радикализму в решении проблем

иностранцев и повсеместно завоевала места в советах городов и амтов. Датская народная партия быстро стала важным фактором политической жизни страны и после выборов 20 ноября 2001 г. превратилась в парламентскую опору нового коалиционного правительства, образованного либеральной партией «Венстре» и консерваторами, которое ответило тем, что еще больше ужесточило законодательство, регулирующее политику по отношению к иностранцам.

Местные выборы в ноябре 1997 г. явились новым поворотным пунктом в дискуссии по политике в отношении беженцев. Согласно опросу общественного мнения, проведенному на рубеже 1997 и 1998 гг., 47% датского населения самой важной проблемой страны считали политику по отношению к беженцам и иммигрантам. Такое положение не является датской особенностью — похожая ситуация наблюдается и в других западноевропейских странах, но примечательно, что доля иностранцев в Дании ниже, чем в большинстве других стран. Например в Германии, где доля иностранных мигрантов составляет 9%, что в 2 раза больше, чем в Дании.

В 90-х годах и население, и ведущие политические партии делали заявления, которые в 80-х годах рассматривались бы как негуманные и расистские. В 1998 г. фолькетинг одобрил самый жесткий среди всех стран ЕС закон об иностранцах. «Мы приблизились вдруг к пределу мерзости» — так выразился датский политолог Йорген Гоуль Андерсен.

Окружающая среда и экологическое мышление

Забота о состоянии окружающей среды появилась в политической повестке дня еще в 70-х годах, но всеобъемлющее законодательство стало разрабатываться только начиная с 1986 г. В том году фолькетинг принял решение, которое гласило, что любые официальные разрешения, выданные предприятиям и связанные с окружающей средой, являлись лишь временными и могли быть пересмотрены властями. Одновременно подчеркивалось, что улучшение состояния окружающей среды должно иметь приоритет перед чисто экономической выгодой; также увеличивались штрафы за нарушение экологического законодательства. После этого последовал поток слабо проработанных законопроектов, которые в первую очередь ставили целью ограничить в сельском

хозяйстве слив нитратов и фосфатов в воду. Начало было положено в 1987 г. законом об охране водной среды; новое законодательство охватило также промышленность и индивидуальные хозяйства. Вскоре охрана окружающей среды стала рассматриваться уже не как отдельная область политики, а как аспект регулирования почти всех видов государственной и частной деятельности, с приоритетной целью изменить традиционно сложившиеся способы производства и потребления.

Целью широкой экологической политики должно было стать увеличение государственных инвестиций в эту область. Они выросли с 2 млрд. крон в 1982 г. до 6 млрд. крон в 1988 г., что соответствовало 7% государственных инвестиций. План коалиционного правительства «Венстре», консерваторов и радикалов на 1989—1994 гг. предусматривал инвестиции в охрану окружающей среды в размере 33 млрд. крон, но он был превзойден.

Столь типичное для всех западных стран развитие обуславливалось заметным изменением природной среды, вызванным деятельностью человека, что, в свою очередь, повлекло видимое ухудшение условий жизни населения. В Дании речь шла о попадании кислотных дождей в озера, реки, море, вследствие чего гибло много животных, о сжигании химических отходов и захоронении их в Северном море, а также о захоронении в земле отходов предприятий и индивидуальных хозяйств. Как только экологическая проблема попала в центр внимания, угрозу окружающей среде стали находить повсюду. Понятие «окружающая среда» превратилось в нечто мифическое, имеющее связь с множеством проблем, однако отсутствовало четкое определение самого понятия.

Разработка законодательства не обходилась без политических столкновений. Несмотря на то, что почти все партии принципиально соглашались с тем, что проблемы окружающей среды требуют политических решений, не было единства по поводу временных границ, способов действий, а также финансирования. Это было связано с принципиальными соображениями различных партий, а также с различием их социальной базы. Так, либералы «Венстре» и консерваторы как две политические партии, которые имеют прочную опору в частном предпринимательстве, едва ли могли снискать славу стойких защитников окружающей среды. Что касается Партии прогресса, то она единственная среди всех партий удостоилась

сомнительной чести быть партией, выступающей против защиты окружающей среды. Ведь для предприятий защита окружающей среды означает повышение издержек производства и снижение конкурентоспособности, во всяком случае до тех пор, пока защита окружающей среды может быть использована как средство борьбы за потребителя, то есть когда производитель может анонсировать экологическую чистоту продукции как дополнительное преимущество, определяющее ее качество. Одновременно с политическими инициативами в конце 90-х годов усилились экологические требования со стороны населения; и этот вопрос превратился в важный фактор национальных и местных выборов, а также в фактор, влияющий на потребительский выбор.

Один из наиболее важных аспектов экологической проблематики, насущность которого требовала принятия политических решений зачастую на международном уровне, касался парникового эффекта, озоновой дыры, загрязнения морей и т. п. Но на пороге 90-х можно было также видеть, что усилилось внимание и в направлении индивидуального потребления. В 1997 г. уже примерно 40% датских потребителей были готовы платить небольшую надбавку к цене за экологически чистые продукты питания. По мере увеличения интереса к таким товарам последние переместились из небольших специальных магазинчиков для сторонников здорового образа жизни на прилавки супермаркетов, а ассортимент экологически чистых товаров в этот период постоянно расширялся. Подобная тенденция совпала с начавшимся еще в 80-х годах быстрым изменением образа жизни, когда больше значения стало придаваться собственной ответственности за состояние здоровья. Одновременно усилились сомнения в целесообразности полагаться в лечении только на новые технологические разработки. Эта ситуация заметно отличалась от того полного доверия к технологиям, которое преобладало в Дании всего лишь менее тридцати лет назад. Однако такие тенденции не следует переоценивать.

Все больше и больше автомобилей мчалось по датским дорогам, хотя все уже знали, что это потребует увеличения расходов на охрану природы и здоровья. В 1997 г. все еще только 2% датского сельскохозяйственного производства было экологически чистым. Цена и впредь остается важнейшим параметром, определяющим

конкурентоспособность и предложение потребительских товаров на датском рынке. И на рубеже тысячелетий экологическое сознание, с одной стороны, и соображения стоимости — с другой, соревнуются между собой в битве за сердца датчан.

Развитие средств массовой информации

В 1988 г. у датчан появился еще один телевизионный канал — ТВ-2. Такое решение приняло парламентское большинство из числа буржуазных партий, которое полагало, что это необходимо для преодоления монополии государственного Датского радио. Помимо того новый канал частично финансировался рекламодателями. Принятое в 1986 г. решение стало основой для открытия местных телевизионных станций по аналогии с местными радиостанциями. С развитием гибридной кабельной сети, включающей в себя кабельное телевидение и параболические приемные антенны, пользователи (а таких вскоре стало очень много) одновременно получали возможность принимать большое количество зарубежных каналов. Так ситуация на рынке электронных средств массовой информации стала схожа с ситуацией на рынке ежедневных печатных изданий: производители должны были конкурировать между собой и бороться за клиентов. В 1995 г. появился Интернет с его миллионами адресов, по которым можно получать информацию, развлечения, видеоданные, политические известия и особенно коммерческую информацию.

Это стимулировало то направление, по которому уже начали развиваться средства информации после войны, с непредсказуемыми последствиями для общественной и частной жизни. Потоки информации, уже в силу многочисленности ее источников, стали неконтролируемыми для властей какого-либо уровня, а ее содержание — необъятным, даже при наличии хороших возможностей для поиска и выбора информации. Информация приняла беспорядочный характер, но такой беспорядок имел тенденцию стать управляемым со стороны безличных рыночных сил.

Потребление датчанами информации, измеряемое количеством часов, имело тенденцию к увеличению. В 1997 г. молодые люди посвящали три часа просмотру телевизионных программ каждый день,

один час — просмотру видеофильмов, два часа — прослушиванию радиопередач, час — проводили у компьютера, непродолжительное время — просматривали газеты. Во все большей мере общественное мнение и восприятие действительности формировались на основе средств массовой информации; каким образом и с какими последствиями — это совершенно неясно. Однако можно перечислить некоторые характерные тенденции, свойственные изменению функций средств массовой информации.

Прежде всего, критерии качества в принципе стали базироваться на ценностях рынка. В 50-х годах что плохо, что хорошо в сфере культуры — определялось обществом; теперь же это стало вопросом индивидуального выбора. Признанием этого стала учрежденная в 1962 г. постоянная государственная радиостанция П-3, созданная специально для трансляции популярной эстрадной музыки, находившейся под огнем критики. Это произошло под мощным политическим и коммерческим давлением, вызванным работой коммерческой станции «Радио-Меркур», которая в 1958—1961 гг. транслировала популярную музыку и рекламу с борта судна в проливе Эресунн. Постепенно и телевизионные программы, передаваемые государственным Датским радио, стали принимать во внимание желание различных групп потребителей, хотя телевизионный театр и другие виды «элитарной» культуры занимали довольно много времени вплоть до телевизионного бума конца 80-х годов.

Заметным стало также преобладание рыночных ценностей в телевизионных передачах различных жанров. Если транслировалось ток-шоу, то для него предоставлялось самое лучшее время. Если личность какого-либо политика привлекала к себе большое внимание, то он мог потеснить ток-шоу или его приглашали принять в нем участие. То же самое касалось и ежедневной печати: границы между развлечением и другими жанрами постепенно стали стираться.

Наконец, следует отметить, что средства массовой информации приобрели большое влияние на политическую жизнь. Сначала они играли роль посредников между политиками и общественностью, теперь во все большей мере они формировали повестку дня политической жизни. Средства массовой информации стали инициаторами обсуждения тех или иных вопросов, к которым политики вынуждены были определять свое отношение. Средства информации

превратились в арену конкуренции, где происходила борьба между политиками и политическими организациями за приобретение популярности у избирателей.

Изменение условий политической жизни

По мере роста государственного вмешательства и планирования на протяжении всего XX столетия сфера политики приобретала все более важное значение. Центральное место занимали политические партии, так как они представляли собой единственный канал для оказания прямого влияния на парламент, в том числе на формирование правительства. Это неоспоримый факт, который часто игнорируют, когда, ссылаясь на постоянное сокращение членства в партиях после 1960 г., жалуются на упадок их влияния. Однако с годами политические партии тоже стали меняться.

На деятельность партий повлияла возросшая степень организованности разных социальных групп по интересам, наднациональное влияние со стороны международных организаций, в которых участвовала Дания, стремительные изменения экономической и социальной структуры, а также структуры средств массовой информации.

Во всяком случае, на протяжении XX в. усилилась тенденция совместного принятия важнейших политических решений ведущими партиями. Соответственно избирателям зачастую становилось все труднее отличать политику одной партии от политики другой. Усиление технократического подхода к текущей политике привело к тому, что различия между партиями проявлялись скорее на уровне пропаганды.

В 2000 г. датская политическая жизнь находилась под влиянием многих факторов. Политика имела скорее прагматическую направленность, чем идеологическую, скорее общую, чем групповую ориентацию, ее больше критиковали, чем хвалили. Но поскольку на выборах голосует более 80% избирателей при неизменно высоком или даже увеличивающемся участии населения в политической жизни на протяжении всего послевоенного времени, то в целом можно сказать, что датская политическая система все еще имеет прочную опору.

Правительство либералов и консерваторов

После парламентских выборов 20 ноября 2001 г. лидер либералов Андерс Фог Расмуссен сформировал двухпартийное правительство либералов и консерваторов, которое заручилось парламентской поддержкой со стороны Датской народной партии. Совместно эти три партии располагали абсолютным большинством мест в фолькетинге. Такая ситуация была использована для проведения нового политического курса по целому ряду ключевых вопросов.

В отношении иностранцев, в том числе беженцев, курс стал более жестким, причем настолько, что многие датские юристы сочли необходимым указать на то, что многие решения правительства в этой сфере противоречат ряду международных конвенций, под которыми стоит подпись Дании. В области налоговых сборов правительство приостановило сначала рост всех налоговых сборов, а затем даже значительно снизило уровень подоходных налогов. Это привело к приостановке роста расходов общественного сектора. В различных областях политика правительства в первую очередь учитывала интересы предпринимателей. Снижены были и пороговые уровни загрязнения окружающей среды.

Крупнейшая муниципальная реформа, принятая в 2005 г. и вступающая в силу в 2007 г., приведет к ликвидации амтов и укрупнению коммун. Вместо прежних 13 амтов будет создано 5 регионов, а число муниципалитетов-коммун сокращено с 271 до девяноста восьми.

В области международной политики активистская линия Дании усилилась, так как она участвовала в войнах против Афганистана и Ирака, которые велись под руководством США. Оправданием служило то, что это была реакция на террористический акт 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, но данное решение вызвало обеспокоенность датского общества. Очередные парламентские выборы 8 февраля 2005 г. свидетельствуют о том, что электоральный сдвиг вправо был устойчивым, — большинство избирателей поддержало политику двухпартийного правительства.

Новые технологии

В заключение рассмотрим, как развивались технологии. Несмотря на возрастающий скептицизм, старшее поколение датчан, так же как и многих других народов, оказалось на рубеже тысячелетий в гуще технологических перемен, которые в некотором отношении уже изменили их жизнь сильнее, чем они могли себе представить в середине своей жизни.

Компьютерные технологии осознаются и рассматриваются как нечто совершенно естественное, поскольку они проникли в повседневную жизнь. Половина датских семей в 1998 г. имела компьютеры, для того чтобы играть в игры и подсчитывать семейный бюджет. Многие датчане могли благодаря этому изобретению теперь работать дома, а не пачкать ковры в дорогостоящих офисах своих фирм. Все предприятия имеют компьютеры. Дания побила мировой рекорд по числу компьютеров, приходящихся на одного жителя страны. Но влияние компьютерных технологий простирается намного дальше. Они встроены во все электрические устройства — от будильников до фенов, они есть в автомобилях, во всех мыслимых устройствах, в аппаратах, в игрушках, в телевизионных аппаратах и т. д. Компьютеры изменили условия и стиль жизни потому, что они изменили орудия труда и материалы, применяемые в процессе труда. Они имели решающее значение для революции в области электронных средств массовой информации. Но подлинно массовое применение компьютерных технологий началось только в середине 80-х годов прошлого столетия.

Это сделало возможным осуществление манипуляций с генами. В 80-х годах растения с измененным генным строением представляли собой научную фантастику, но уже в 90-х они вошли в коммерческую практику. Еще в 1996 г. клонирование животных было фантастикой, а спустя год это было экспериментально осуществлено. В 2000 г. представлялось научной фантастикой клонирование человека, но...

Одежда, интерьер, строительные материалы, транспортные средства во все большей мере изготавливаются из синтетических материалов, обладающих удивительными свойствами. «Умные» материалы, которые могут «запоминать» свое предыдущее состояние и сами принимать форму, которая в данный момент является наиболее целесообразной, выходят из экспериментальной стадии. Традиционный уклад жизни населения Дании, так же как и остального мира, уступает место новым условиям жизни и новым ее качествам.

Резюме

Политика государственного регулирования, государство благосостояния и международные интеграционные процессы — вот главные направления, которые продолжали развиваться после 1973 г., но во многих отношениях условия изменились. Уже в 60-х годах буржуазные партии неоднократно выражали недовольство политикой государственного вмешательства вообще и в связи с социальным выравниванием и социальным обеспечением, которые были положены в основу государства благосостояния, в частности. Это недовольство проявилось в явной форме во время выборов 1973 г. Энергетический кризис и его последствия привели к усилению позиций критиков все подавлявшего государства, они полагали, что обнаружили корень всех экономических и моральных проблем. Такая тенденция проявлялась одновременно во многих странах и получила идеологическое обоснование в неолиберализме. В политической практике он проявился в смещении фокуса с обеспечения наиболее слабых групп населения на стимулирование частной предпринимательской деятельности. Во всяком случае, речь не идет об отказе от государственного вмешательства, и, несмотря на известные эксперименты по проведению тендерных конкурсов с передачей некоторых функций социальных услуг и здравоохранения в частные руки, государство благосостояния продолжает существовать.

Процессы создания Европейского союза представляли собой особенно важный вызов. Голосование по вопросу принятия Единого европейского акта в 1986 г. показало, что население разделилось на две почти равные части. Этот вывод подтверждается тем, что Маастрихтский договор 1992 г. был отвергнут. Продолжение сотрудничества в рамках Европейского союза стало возможным только благодаря тому, что был выработан и одобрен «национальный компромисс», который продолжает еще и по сей день удерживать Данию вне важных сфер сотрудничества внутри Европейского союза. В Дании, так же как и во многих других странах, интеграционные проблемы и постоянно увеличивающееся внешнее воздействие на страну, особенно явно проявляющиеся через приток политических

беженцев, привели к тому, что стали возникать опасения относительно появления всего нового, усилилось стремление защищать датскую идентичность. Вопрос: в чем же ее суть?

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

**Население Дании по итогам переписи населения
1769 г. и последующих переписей (в тыс.
человек)**

	Дания, всего	Столица	Провинциальные города	Сельские коммуны (муниципалитеты)
1769	798	80	79	639
1787	842	90	84	668
1801	929	101	93	735
1843	1231	119	136	976
1840	1289	121	143	1025
1850	1415	130	166	1119
1860	1608	163	214	1231
1870	1785	198	245	1341
1880	1969	261	291	1417
1890	2172	360	362	1450
1901	2450	454	482	1513
1911	2757	559	550	1647
1921*	3104	701	670	1733
1921**	3262	701	710	1857
1930	3551	771	788	1992
1940	3844	890	933	2021
1950	4281	975	1131	2175
1960 #	4585	924	1242	2419
		Столичный регион	Города и поселки с населением более 200 жителей	Сельские районы
1960 # #	4585	1348	2050	1187
1970	4938	1380	2566	991
1981	5124	1382	2915	827
1990	5135	1337	3019	779
2001	5349	1082	3471	796

Источник. *Danmarks Statistik*

Примечание. Статистические данные за ранние годы могут быть неточными, в частности цифры за 1850 г., вследствие шедшей в то время войны, тоже могут содержать погрешности.

За период с 1769 по 1921 г. численность населения Дании берется в тех границах, которые были установлены в соответствии с Венским мирным договором 1864 г. Данные за период с 1921 по 1999 г. показывают численность населения Дании в тех границах,

установленных после воссоединения с южной частью Ютландии в 1920 г.

К столичному региону относится Копенгаген, с 1860 г. включается Фредериксберг, а с 1921-го — также и Гентофте. К столичному региону были присоединены в 1970 г. 18 местных коммун, а в 1980-м — еще 7. Однако с 1 января 1999 г. 12 из них (вместе с 40 новыми поселками городского типа) были выведены из столичного региона.

Колонка цифр, в которой приведена численность населения провинциальных городов вплоть до 1970 года, содержит данные только по собственно провинциальным городам, местечкам и торговым городам, в то время как население поселков при железнодорожных станциях, пригородов и других поселений городского типа учтено в колонке, которая содержит данные по муниципалитетам. После коммунальной реформы статистика населения ведется отдельно по сельскохозяйственным районам и поселкам городского типа с населением свыше 200 человек. Соответственно, за 1960 г. приведены различные данные; причем цифры по старой системе подсчета приведены в строке, отмеченной значком 1960#, а данные по новой системе — в строке 1960# #.

Приложение 2

Распределение парламентских мандатов по результатам выборов в фолькетинг в период с 1881 по 2001 г.

	КПА (1)	СНП (2)	САП (3)	РП (4)	Центр (5)	«Венстре» (6)	УЛП (7)	П/К (8)	Правые (9)	Маргиналы (10)	Общее число мандатов (11)
Май 1881						47	22	32			101
Июль 1881						51	24	26			101
1884			2			58	23	18			101
1887			1			74		26			101
1890			3			75		23			101
1892			2			30	38	31			101
1895			8			53	27	24		1	113
1898			12			63	23	15			113
1901			14			75	16	8			113
1903			16			72	12	12		1	113
1906			24	11		56	9	13			113
1909			24	20		37	11	21			113
1910			24	20		56		13			113
1913			32	31		43		7			113
1915			32	31		43		7			113
1918			39	32	1	45		22			139
Апр. 1929			42	17	4	48		28			139
Июль 1920			42	16	4	51		26			139
Сент. 1920			48	18	3	51		27		1	148
1924			55	20		44		28		1	148
1926			53	16	2	46		30		1	148
1929			61	16	3	43		24		1	148

	КГДА (1)	СНП (2)	САП (3)	РП (4)	Центр (5)	«Венстре» (6)	УЛП (7)	П/К (8)	Правые (9)	Маргиналы (10)	Общее число мандатов (11)
1932	2		62	14	4	38		27		1	148
1935	2		68	14	4	28		26	5	1	148
1939	3		64	14	3	30		26	4+3	1	148
1943	–		66	13	2	28		31	3+2+3		148
1945	18		48	11	3	38		26	4		148
1947	9		57	10	6	49		17			148
1950	7		59	12	12	32		27			149
Апр. 1953	7		61	13	9	33		26			149
Сент. 1953	8		74	14	6	42		30		1	175
1957	6		70	14	9	45		30		1	175
1960		11	76	11		38		32	6	1	175
1964		10	76	10		38		36	5		175
1966		20	69	13	4	35		34			175
1968	4	11	62	27		34		37			175
1971		17	70	27		30		31			175
1973	6	11	46	20	5+14+7	22		16	28		175
1975	4+7	9	53	13	4+9	42		10	24		174
1977	5+7	7	65	6	6+11+6	21		15	26		175
1979	6	11	68	10	5+6+5	22		22	20		175
1981	5	21	59	9 1	5+4	20		26	16		175
1984	5	21	56	10	8+5	22		42	6		175
1987	4	27	54	11	9+4	19		38	9		175
1988		24	55	10	9+4	22		35	16		175
1990		15	69	7	9+4	29		30	12		175
1994	6	13	62	8	5	42		27	11	1	175
1998	5	13	63	7	8+4	42		16	13+4		175
2001	4	12	52	9	4	56		16	22		175
2005	6	11	47	17		52		18	24		175

- 1 — Левый фланг — Коммунистическая партия Дании (КПД)
- 2 — Социалистическая народная партия (СНП)
- 3 — Социал-демократическая партия (СДП)
- 4 — Радикальная партия «Венстре»
- 5 — Партии центра (Центр)
- 6 — Партия «Венстре»
- 7 — Умеренная Либеральная партия (УЛП)
- 8 — Правая Консервативная партия (ПКП)
- 9 — Партии правого фланга (правые)
- 10 — Маргинальные партии (в т.ч. Шлезвигская партия)
- 11 — Общее число парламентских мандатов

Примечание: 1) Так называемые «североатлантические мандаты» в таблице не учтены. На Фарерских островах в период с 1849 по 1945 г. избирался один депутат в фолькетинг, а с 1947 — два депутата. Когда Гренландия имела статус колонии, то депутаты оттуда в фолькетинг не избирались. С сентября 1953 г. население Гренландии также представлено в фолькетинге двумя депутатами, следовательно, общее число депутатов в Фолькетинге достигло 179. 2) Политическое распределение депутатских мандатов приведено по состоянию на день выборов; персональные перемещения в период между выборами или изменения вследствие дополнительных выборов (до 1915г.) не учитывались. Данные по партийной принадлежности членов парламента в период до 1895 г. основаны на экспертных оценках. 3) В колонке, отражающей данные по партиям левого фланга, указаны данные по мандатам КПД за период 1932 — 1957 гг. и за 1973 г.; в 1975 и 1977 гг. она получила 7 мандатов. Партия «Левые социалисты» получила в 1968 году 4 мандата, а на выборах 1975—1984 гг. она снова вошла в парламент с 4 —6 депутатскими мандатами. В 1987 г. партия «Общий курс», отколовшаяся от коммунистической партии, получила 4 мандата, в то время как с 1994 г. интересы левого крыла представляет коалиционная партия «Единый список». 4) Среди партий центра на выборах 1918 и 1920 гг. фигурировала так называемая Партия хозяйственников. В 1926—1957 гг. центр был представлен Правовым союзом, который получил в 1973, 1977 и 1979 гг. соответственно 5, 6 и 5 депутатских мест. В 1966 г. партия Либеральный центр получила 4 мандата. А с 1973 года в фолькетинге представлены партия Демократический Центр и Христианская народная партия. Последняя из

них не прошла в парламент на выборах 1994 г., а первая — в 2001 г. 5) На правом фланге в период 1935—1943 гг. размещались Свободная народная партия и нацисты с тремя депутатскими мандатами в 1939 и 1943 гг. Партия «Датское единство» получила 3 и 4 мандата соответственно в 1943 и 1945 гг., в то время как Партия независимых была представлена в фолькетинге в 1960 и 1964 гг. С 1973 по 1998 г. была представлена Партия прогресса; на выборах 1998 г. ее заметно обошла отколовшаяся от нее Датская народная партия, а в 2001 г. Партия прогресса вновь вошла в парламент.

Приложение 3

Министры датских правительств с 1848 г.

В первый раз А.В. Мольтке назначен на пост премьер-министра 22.3.1848. В кабинет министров вошли следующие министры: К.Э. Барденфлет, К.А. Блумэ, Д.Г. Монрад, А.Ф. Чернинг и Орла Леманн.

Во второй раз А.В. Мольтке назначен премьер-министром 16.11.1848. Одновременно назначены министрами К.Э. Барденфлет, П.Г. Банг и Й.Н. Мадвиг.

В третий раз А.В. Мольтке назначен премьер-министром 13.7.1851. Одновременно назначены министры К.Э. Барденфлет и Й.Н. Мадвиг.

В четвертый раз А.В. Мольтке назначен премьер-министром 18.10.1851. Одновременно назначены министры К.Э. Барденфлет, К.А. Блумэ, П.Г. Банг и Й.Н. Мадвиг.

К.А. Блуме был впервые назначен на пост премьер-министра 27.1.1852. Одновременно назначен министром П.Г. Банг.

А.С. Эрстед назначен премьер-министром 21.4.1853. Одновременно получил назначение министр К.А. Блумэ.

П.Г. Банг назначен премьер-министром 12.12.1854. Вместе с ним получили назначение министры К.К.Г. Андрэ и К.К. Халль.

К.К.Г. Андре назначен премьер-министром 18.10.1856. Одновременно получили назначение министры К.К. Халль, А.Ф. Кригер, и К.К. Лундбю.

К.К. Халль впервые назначен премьер-министром 13.5.1857. Вместе с ним получили назначение министры Д.Г. Монрад, К.К.Г. Андрэ, А.Ф. Кригер и К.К. Лундбю.

К.Э. Ротвитт назначен премьер-министром 2.12.1859. Министрами назначены КФАБ Бликсен-Финеге (выполнял функции премьер-министра в период 8.2. — 24.2.1860. после смерти Ротвитта).

К.К. Халль во второй раз был назначен премьер-министром 24.2.1860. Министрами были назначены Д.Г. Монрад, а позднее — Орла Леманн и К.К. Лундбю.

Д.Г. Монрад был назначен премьер-министром 31.12.1863. Министром назначен К.К. Лундбю.

К.А. Блуме был вторично назначен премьер-министром 11.7.1864. Министром назначен К.Г.Н. Давид.

К.Э. Фрийс (Краг-Юль-Винд-Фрийс) назначен премьер-министром 6.11.1865. Министрами назначены Й.Б.С. Эструп и К.А. Фоннесбег.

Людвиг Хольстейн (-Хольстейнсборг) назначен премьер-министром 6.11.1865. Министрами назначены К.К. Халль, А.Ф. Кригер, К.А. Фоннесбег и К.С. Клайн

К.А. Фоннесбек был назначен премьер-министром 14.7.1874. Министрами назначены К.С. Клайн и Н.Ф. Раун.

Я.Б.С. Эструп (Хейре) был назначен премьер-министром 11.6.1875. Министрами назначены Й.М.В. Неллеманн, Н.Ф. Раун, Х.П. Ингерслеу, АХ.Ф.К. Гоос, К.Т.Т.О. Риидтц-Тротт и Х.Э. Хёринг.

Таге Реедц-Тотт (Хейре) был назначен главой правительства 7.8.1894. Министрами были назначены Й.М.В. Неллеманн, Х.Э. Хёринг, Н.П. Ингерслеу и Н.Ф. Раун.

Х.Э. Хёрринг (Хейре) был назначен премьер-министром 23.5.1897. Министрами назначены Н.Ф. Раун и Л.Э. Брамсен.

Ханибал Сехестед (Хейре) назначен премьер-министром 27.4.1900. Министрами назначены А.Х.Ф. Гоос и Л.Э. Брамсен.

Ю.Х. Дейнцер («Венстре») назначен главой правительства 24.7.1901. Министрами назначены П.А. Альберти, Е.К. Кристенсен, Оле Хансен и Вигго Хёруп.

Е.К. Кристенсен («Венстре») был назначен премьер-министром 14.1.1905. Министрами были назначены П.А. Альберти, Оле Хансен, Сигурд Берг и (в 1908) Нильс Неергор.

Нильс Неергор («Венстре») впервые был назначен премьер-министром 12.10.1908. Министром назначен Клаус Бернтсен. Людвиг Хольссеин (-Ледреборг) («Венстре») получил назначение на пост премьер-министра 16.8.1909. Одновременно назначены министры Е.К. Кристенсен, Нильс Неергорд и Клаус Бернтсен.

К.Т. Цале (Радикальная партия «Венстре») впервые назначен премьер-министром 28.10.1909. Министрами были назначены Эрик Скавениус, Эдвард Брандес и П. Мунк.

Клаус Бернстен («Венстре») назначен премьер-министром 5.7.1910. Министром назначен Нильс Неергорд.

К.Т. Цале (Радикальная партия «Венстре») во второй раз назначен главой правительства 21.6.1913. Министрами назначены Эрик

Скавениус, Эдвард Брандес, П. Мунк, Ове Роде, ас 1916 — Е.К. Кристенсен («Венстре»), К.М. Роттбёлль (Консервативная партия) и Т. Стаунинг (Социал-демократическая партия). В 1919 был введен в состав кабинета Х.П. Хансен из южной Ютландии.

Отто Либе (беспартийный) назначен главой правительства 30.3.1920.

М.П. Фрийс (беспартийный) назначен премьер-министром 5.4.1920.

Нильс Неергор («Венстре») назначен вторично главой правительства 5.5.1920. Министрами назначены Й.К. Кристенсен, Клаус Бернтсен, Т. Мадсен-Мюгдаль и О.К. Краг.

Т. Стаунинг (Социал-демократическая партия) впервые назначен премьер-министром 23.4.1924. Министрами были назначены К.К. Стейнке, Нина Банг и Фр. Боргбьерг.

Т. Мадсен-Мюгдаль («Венстре») был назначен 14.12.1926. Министрами были назначены Нильс Неергорд и О.К. Краг.

Т. Стаунинг (коалиционное правительство Социал-демократическая партия / Радикальная партия «Венстре») был вторично назначен премьер-министром 30.4.1929. Министрами назначены: К.К. Стейнке (Социал-демократическая партия), Фр. Боргбьерг (Социал-демократическая партия), Вильгельм Буль (Социал-демократическая партия), Р. Мунк (Радикальная партия «Венстре»), К.Т. Цале (Радикальная партия «Венстре»), Б. Дальгор (Радикальная партия «Венстре»), а с 1935 — Йорген Йоргенсен (Радикальная партия «Венстре»). 10.4.1940. были введены два министра-консультанта от «Венстре» и два министра-консультанта от Консервативной народной партии.

Т. Стаунинг (коалиционное правительство) в третий раз был назначен главой правительства 8.7.1940. Министрами были назначены Эрик Скавениус (беспартийный), Вильгельм Буль (Социал-демократическая партия), Кнуд Кристенсен («Венстре»), Йорген Йоргенсен (Радикальная партия «Венстре») и Д. Кристмас Мёллер (Консервативная партия).

Вильгельм Буль (коалиционное правительство) впервые был назначен главой правительства 4.5.1942. Министрами были назначены Эрик Скавениус (беспартийный), Иоханнес Кьербёлль (социал-демократическая партия), Кнуд Кристенсен («Венстре»), Йорген Йоргенсен (Радикальная партия «Венстре») и Хальфдан Хендриксен

(Консервативная партия).

Эрик Скавениус (коалиционное правительство) был назначен главой правительства 9.11.1942, ушел в отставку 29.8.1943. Иоханнес Кьербёль (Социал-демократическая партия), Йорген Йоргенсен (Радикальная партия «Венстре»), Серен Бросен («Венстре») и Хальвдан Хендриксен (Консервативная партия) были назначены членами кабинета министров.

Вильгельм Буль (коалиционное правительство) повторно назначен главой правительства 5.5.1945. Министрами были назначены Кристмас Мёллер (консервативная партия), Оле Бьёрн Крафт (Консервативная партия), Ханс Хедтофт (социал-демократическая партия), Х.К. Хансен (Социал-демократическая партия), Кнуд Кристенсен («Венстре»), Эрик Эриксен («Венстре»), А.М. Хансен (Радикальная партия «Венстре»), Аксель Ларсен (КПД) и Арне Сёренсен (Датское единство).

Кнуд Кристенсен («Венстре») был назначен премьер-министром 7.11.1945. Министрами назначены Эрик Эриксен и Торкильд Кристенсен.

Ханс Хедтофт (Социал-демократическая партия) был впервые назначен на пост главы правительства 13.11.1947. Министрами были назначены Вильгельм Буль, Х.К. Хансен, И.О. Краг и Иоханнес Кьербёль.

Эрик Эриксен (коалиционное правительство «Венстре» / Консервативная партия) был назначен на пост главы правительства 30.10.1950. Министрами были назначены Торкильд Кристенсен («Венстре») и Оле Крафт (Консервативная партия).

Ханс Хедтофт (Социал-демократическая партия) вторично был назначен главой правительства 30.9.1953. Х.К. Хансен, Вигго Кампманн, И.О. Краг и Иоханнес Кьербёль были назначены министрами.

Х.К. Хансен (Социал-демократическая партия) впервые был назначен на пост премьер-министра 1.2.1955. Кабинет министров остался практически без изменений после смерти Х. Хедтофта 29.1.1955.

Х.К. Хансен (коалиционное правительство Социал-демократическая партия / Радикальная партия «Венстре» / Правовой союз) назначен премьер-министром 28.5.1957. Министрами стали Вигго Кампманн (Социал-демократическая партия), И.О. Краг (Социал-демократическая партия), Йорген Йоргенсен (Радикальная партия)

«Венстре»), Бертель Дальсгор (Радикальная партия «Венстре») и Вигго Старке (Правовой союз).

Вигго Кампманн (Социал-демократическая партия / Радикальная партия «Венстре» / Правовой союз) в первый раз был назначен главой правительства 21.2.1960. Состав правительства почти не изменился после смерти Х.К. Хансена 4.1.1960.

Вигго Кампманн (Социал-демократическая партия / Радикальная партия «Венстре») вторично получил пост премьер-министра 18.11.1960. Членами кабинета министров стали И.О. Краг (Социал-демократы), Йорген Йоргенсен (Радикальная партия «Венстре»), Бертель Дальсгор (Радикальная партия «Венстре»), а с 1961 г. в состав правительства также вошел Хильмар Баунсгор (Радикальная партия «Венстре»).

Йене Отто Краг (коалиционное правительство Социал-демократическая партия / Радикальная партия «Венстре») впервые был назначен главой правительства 3.9.1962. Министрами были назначены Пер Хеккеруп (Социал-демократическая партия), Хильмар Баунсгор (Радикальная партия «Венстре»), и Карл Скютте (Радикальная партия «Венстре»).

Йене Отто Краг (Социал-демократическая партия) вторично получил пост премьер-министра 26.9.1964. В состав его кабинета вошли Пер Хэккеруп и Хенри Грюнбаум.

Хилмар Баунсгор (коалиционное правительство Радикальная партия «Венстре» / Либеральная партия / Консервативная партия) был назначен на пост премьер-министра 2.2.1968. В состав его кабинета вошли Хельге Ларсен (Радикальная партия «Венстре»), Поуль Хартлинг («Венстре»), Поуль Ньюбое Андерсен («Венстре»), Поуль Мёллер (Консервативная партия) и Эрик Хансен (Консервативная партия).

Йене Отто Краг (Социал-демократическая партия) в третий раз был назначен премьер-министром 11.10.1971. Членами его кабинета назначены Пер Хэккеруп и Хенри Грюнбаум.

Анкер Йоргенсен (Социал-демократическая партия) первый раз был назначен премьер-министром 5.10.1972. В состав его кабинета вошли Пер Хэккеруп, Хенри Грюнбаум и Кнуд Хейнесен.

Поуль Хартлинг («Венстре») был назначен на пост премьер-министра 19.12.1973. Членами его кабинета министров стали Поуль Ньюбое Андерсен и Андерс Андерсен.

Анкер Йоргенсен (Социал-демократическая партия) был назначен премьер-министром вторично 13.2.1975. Министрами стали Пер Хэккеруп, Кнуд Хейнесен Свен Аукен и Ритт Бьеррегор.

Анкер Йоргенсен (коалиционное правительство Социал-демократическая партия / «Венстре») в третий раз стал премьер-министром 30.8.1978. В состав его кабинета вошли Пер Хэккеруп (Социал-демократическая партия), Кнуд Хейнесен (Социал-демократическая партия), Свен Аукен (СДП), Хеннинг Кристофферсен («Венстре») и Андерс Андерсен («Венстре»).

Анкер Йоргенсен (Социал-демократическая партия) в четвертый раз получил назначение на пост главы правительства 26.10.1979. В состав его кабинета вошли Кнуд Хейнесен, Свен Аукен и Ритт Бьеррегор.

Анкер Йоргенсен (Социал-демократическая партия) в пятый раз возглавил правительство 30.12.1981. В состав его кабинета министров вошли Кнуд Хейнесен, Свен Аукен и Могенс Люккетoft.

Поуль Шлютер (коалиционное правительство Консервативная партия / «Венстре» / Демократы центра / Христианская народная партия) впервые был назначен на пост премьер-министра 10.9.1982. Членами его кабинета были назначены Э.Нинн-Хансен (Консервативная партия), Ханс Энгелл (Консервативная партия), Хеннинг Кристофферсен («Венстре»), Уффе Эллеманн-Йенсен («Венстре»), Бертель Хордер («Венстре»), Мими Стилинг Якобсен (Демократы центра) и Кристиан Кристенсен (Христианская народная партия).

Поуль Шлютер (коалиционное правительство Консервативная партия / «Венстре» / Радикальная партия «Венстре») был назначен повторно на пост премьер-министра 3.6.1988. В состав его кабинета вошли Э. Нинн-Хансен (Консервативная партия), Ханс Энгелл (Консервативная партия), Хеннинг Кристофферсен («Венстре»), Уффе Эллеманн-Йенсен («Венстре»), Бертел Хордер («Венстре»), Андерс Фог Расмуссен («Венстре»), Нильс Хельвег Петерсен (Радикальная партия «Венстре») и Лоне Дюбкьер (Радикальная партия «Венстре»).

Поуль Шлютер (коалиционное правительство Консервативная партия / «Венстре») в третий раз получил пост главы правительства 18.12.1990. Членами его кабинета министров были назначены Ханс Энгелл (Консервативная партия), Пер Стиг Мёллер (Консервативная партия) Уффе Эллеманн-Йенсен («Венстре»), Бертел Хордер («Венстре») и Андерс Фог Расмуссен («Венстре»).

Поуль Нюруп Расмуссен (коалиционное правительство социал-демократическая партия / Радикальная партия «Венстре» / Демократы центра / Христианская народная партия) впервые был назначен премьер-министром 25.1.1993. В его кабинет министров вошли Свен Аукен (Социал-демократы), Могенс Люккеттофт (Социал-демократы), Н. Хельвег Петерсен (Радикальная партия «Венстре»), Марианна Йельвед (Радикальная партия «Венстре»), Мими Стиллинг Якобсен (Демократический Центр) и Ян Сьюрсен (Христианская народная партия).

Поуль Нюруп Расмуссен (коалиционное правительство Социал-демократическая партия / Радикальная партия «Венстре» / Демократы центра) повторно получил пост премьер-министра 27.9.1994. В состав его кабинета министров вошли Свен Аукен (Социал-демократы), Могенс Люккеттофт (Социал-демократы), Н. Хельвег Петерсен (Радикальная партия «Венстре») Марианна Йельвед (Радикальная партия «Венстре») и Мими Стиллинг Якобсен (Демократический Центр).

Поуль Нюруп Расмуссен (коалиционное правительство Социал-демократы / Радикалы «Венстре») пришел к власти 30.12.1996 после того, как представители Демократического Центра ушли в отставку 20.12.1996. В состав его кабинета вошли Свен Аукен (Социал-демократы), Могенс Люккеттофт (Социал-демократы), Н. Хельвег Петерсен (Радикалы «Венстре») и Марианна Йельвед (Радикалы «Венстре»).

Андерс Фог Расмуссен (коалиционное правительство «Венстре» / Консерваторы) получил назначение на пост главы правительства 27.11.2001. В его кабинет министров вошли Тор Петерсен («Венстре»), Бертель Хордер («Венстре»), Бент Бендтсен (Консерваторы) и Пер Стиг Мёллер (Консерваторы).

Приложение 4

Короли Дании

Горм Старый	? — 958
Харальд Синезубый	958 — не позднее 987
Свен Вилобородый	не позднее 987 — 1014
Харальд Свенсен	1014—1018
Кнуд Великий	1018 - 1035
Хардекнуд	1035 - 1042
Магнус Благочестивый	1042 — 1047
Свен Эстридсен	1047 — 1076
Харальд Хен	1076-1080
Кнуд Святой	1080 - 1086
Олаф Голод	1086 - 1095
Эрик Добрый	1095 - 1103
Нильс	1104-1134
Эрик Памятливый	1134 — 1137
Эрик Кроткий	1137 — 1146
Свен Грате	1146-1157
Кнуд Магнуссен	1146 — 1157
Вальдемар Великий	1157 — 1182
Кнуд VI	1182-1202
Вальдемар Победитель	1202 — 1241
Эрик Плужный Грош	1241 — 1250
Абель	1250-1252
Кристофер I	1252-1259
Эрик Глиппинг	1259-1286
Эрик Менвед	1286 - 1319
Кристофер II	1320 - 1326, 1330 - 1332
Вальдемар III	1326 - 1330
Вальдемар Аттердаг	1340 - 1375
Олаф	1376-1387
Маргрете I	1387-1412
Эрик Померанский	1396-1439

Кристофер Баварский	1440-1448
Кристиан I	1448 -1481
Ханс	1481-1513
Кристиан II	1513-1523
Фредерик I	1523-1533
Кристиан III	1534-1559
Фредерик II	1559-1588
Кристиан IV	1588-1648
Фредерик III	1648-1670
Кристиан V	1670-1699
Фредерик IV	1699-1730
Кристиан VI	1730-1746
Фредерик V	1746-1766
Кристиан VII	1766-1808
Фредерик VI	1808-1839
Кристиан VIII	1839-1848
Фредерик VII	1848-1863
Кристиан IX	1863-1906
Фредерик VIII	1906-1912
Кристиан X	1912-1947
Фредерик IX	1947-1972
Маргрете II	с 1972

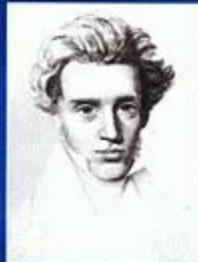
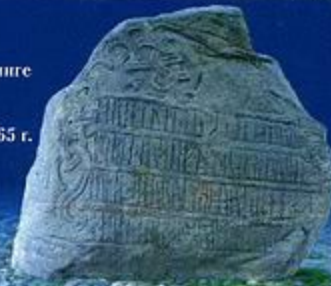
ИСТОРИЯ ДАНИИ

Дания

СТОЛИЦА	Копенгаген
ПЛОЩАДЬ	43 094 кв. км (собственно Дания), 2 175 600 кв. км (Гренландия), 1 399 кв. км (Фарерские о-ва)
НАСЕЛЕНИЕ	5,33 млн (собственно Дания), 56 тыс. (Гренландия), 45 тыс. (Фарерские о-ва)
ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ	датчане (96%), немцы, фареры (Фарерские о-ва), эскимосы (Гренландия)
ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ	79 лет (жик.), 74 года (муж.)
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК	датский; на Фарерских о-вах также фарерский; в Гренландии – гренландский
ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ	лютеранство (более 85%) и др.
ДЕНЕЖНАЯ ЕДИНИЦА	крона – 100 зре
ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ	35 457 долл. США

Большой рунический камень в Еллинге (высота 2,43 м, вес 10 тонн), установленный королем Харальдом Синезубым после 965 г.

Сёрен Кьеркегор (1813–1855), датский мыслитель, основоположник философии экзистенциализма

notes

Примечания

1

Ныне фьорд Die Schlei. — Примеч. пер.

От этого слова произошло современное название страны — Норвегия. — Примеч. пер.

Первоначальное значение этого слова — «свобода отдельного земледельца», противоположность «несвободе раба». — Примеч. ред.

Одель или одаль по общескандинавской терминологии того времени. — Примеч. пер.

Народные собрания у скандинавов в древности и в средние века. —
Примеч. пер.

В современном датском языке слово herremand обозначает помещика. — Примеч. пер.

Букв, «вол», «бык». — Примеч. пер.

Простая, или нуклеарная, семья состоит из родителей и детей, не состоящих в браке (kernefamilien). — Примеч. пер.

Букв, «проживающие при хозяйстве». — Примеч. пер.

В современном датском этого слова уже нет. — Примеч. пер.

Данехоф существовал с конца XII в. по 1413 г., когда он был заменен государственным советом. — Примеч. ред.

Здесь и далее хондфестнинг (handfaestning) представляет собой письменную хартию или манифест, в котором каждый вновь вступивший на престол монарх дает определенные обязательства, фактически ограничивающие его суверенитет. — Примеч. ред.

Граф Генрих Шверинский. — Примеч. ред.

Свое прозвище, переводимое как «плужный грош», Эрик заслужил после попытки ввести ненавистный народу налог с плута. — Примеч. пер.

Этот первый в истории Дании хондфестнинг сравнивают с английской Великой хартией вольностей. Король обязался править в соответствии с законами отдельных провинций и не ущемлять интересов дворян. Так аристократия защищала и укрепляла свои привилегии. — Примеч. пер.

То есть Ютландии, островов и Сконе. — Примеч. пер.

Главный управитель, второе лицо в государстве после короля; занимается правовыми вопросами. — Примеч. пер.

Марск, старший военачальник государства. — Примеч. пер.

Имеются в виду Вальдемар Аттердаг и шведский король Магнус Эрикссон (1319—1363), который издал первый общешведский свод законов. — Примеч. пер.

Королевские чиновники, представлявшие власть монарха на местах. — Примеч. ред.

Фризская крестьянская республика, располагавшаяся к югу от Шлезвига. — Примеч. пер.

Должностное лицо в лене, назначавшееся на принципах вассалитета из местных дворян. — Примеч. ред.

Называется также Зундской пошлиной. — Примеч. ред.

Так называемое соборное движение в среде духовенства и светских феодалов выдвигало идею верховенства церковных соборов над властью пап. — Примеч. пер.

Ригсрод в Дании, риксрод в Швеции. — Примеч. пер.

Жители горнорудной провинции Далекарлия, она же провинция Даларна. — Примеч. пер.

Иногда пишут «Сигбрит Виллумс». — Примеч. пер.

«Хорошими людьми» называли дворян. — Примеч. пер.

То есть к королевской казне. — Примеч. пер.

Крестьяне, жившие в деревне в собственном доме, но не владевшие земельным наделом. — Примеч. ред.

В 1536 г. обозначались как *hals-* од *handsret*, то есть как неограниченные права. — Примеч. пер.

Средневековый немецкий термин, означающий ведение процессов по уголовным преступлениям, каравшимся смертной казнью. — Примеч. пер.

То есть северогерманским. — Примеч. пер.

А wapn, vasbner — в датском языке соответственно старинный и современный варианты слова «оруженосец». — Примеч. пер.

Букв, «золотая звезда». Упомянутый приказ короля означал введение фамилий, которые с древних времен у скандинавов отсутствовали. Имена типа Нильсен, Эриксен означали, соответственно, «сын Нильса», «сын Эрика» и представляли собой отчества, которые лишь позднее утратили это качество и стали передаваться от отца к сыну в качестве фамилий. — Примеч. пер.

Собрание представителей дворянства и высшего духовенства. —
Примеч. ред.

Букв. «бочка» — старинная датская единица измерения площади. 1,81 тёнде харткорна (твёрдого зерна) земли равняется 1 га. Служила для определения величины поземельного налога. — Примеч. ред.

Полярные районы Норвегии, Швеции, Финляндии и России. —
Примеч. пер.

То есть императора Священной Римской империи германской нации. В качестве наследного правителя Австрии он имел резиденцию в Вене, а в качестве короля Чехии рассматривал чехов как подданных. — Примеч. ред.

Был составлен секретарем короля, сыном копенгагенского виноторговца Педером Шумахером. — Примеч. ред.

В различные периоды часть этой ютландской реки служила границей Дании и Шлезвига. — Примеч. ред.

Старая датская мера емкости. 1 пот = 0,966 л. — Примеч. пер.

Людвиг Хольберг (1684— 1754) — крупнейший писатель и родоначальник современного датского театра. Яркий представитель датского Просвещения. — Примеч. ред.

Н.Ф.С. Грундтвиг (1783—1872) — священник, видный просветитель, поэт и политик. — Примеч. пер.

О. Леман (1810— 1870) — адвокат, видный деятель национал-либерального движения. — Примеч. ред.

А.Ф. Чернинг (1795—1874) — один из лидеров национал-либералов, в 1830 г. участник движения скандинавизма, позже участник революционных событий 1848 года — Примеч. ред.

Перевод О. Рождественского.

Имена богов в скандинавской мифологии. — Примеч. пер.

Перевод О. Рождественского.

Яркий публицист, основатель газеты «Политикен», один из родоначальников социал-либеральной партии Радикальная «Венстре».
— Примеч. пер.

Общественные движения, возникшие в Скандинавских странах в период развития капиталистических отношений начиная с середины XIX в., такие как религиозное движение, движение трезвости, женское движение и т. д., принято называть в этих странах народными движениями. — Примеч. ред.

В Скандинавских странах под общественным сектором понимается совокупность государственных и коммунальных учреждений. — Примеч. ред.

Разложение (нем.). — Примеч. ред.

Special Operations Executive (SOE). — Примеч. ред.

БОПА (ВОРА) — «гражданские партизаны». — Примеч. пер.

В общественный сектор входит государственный и муниципальный сектора, ответственные за управление, здравоохранение, образование и предоставление социальных услуг. — Примеч. ред.

Название этой ставшей в 70-х годах массовой экологической организации складывается из начальных датских букв текста: «Открытые слушания по естественным наукам в среду вечером». Аббревиатура НОАН читается по-датски так же, как имя Ной. — Примеч. ред.